

А. М. Леановича
Анатолій Брянчаниновъ.

ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ

(1862—1863)

РОМАНЪ ВЪ 2-хъ ЧАСТЯХЪ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ВЪРЪ АЛЕКСАНДРОВНЪ БРЯНЧАНИНОВОЙ).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „МИРНЫЙ ТРУДЪ“, Дѣвичья ул., № 14.

1915.

сн 103990

„ВЪ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДАХЪ“.

(1862—1863).

РОМАНЪ ВЪ 2-хъ ЧАСТЯХЪ.

Анатолія Брянчанинова.

(Посвящается Вѣрѣ Александровнѣ Брянчаниновой).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Былъ сильно морозный, январскій вечеръ. Однообразно гудѣла метель, взрывая сухой, разсыпчатый снѣгъ и переноса его серебристой пылью къ кустамъ и огородамъ. Сквозь морозную мглу свѣтила полная луна.

По проселочной дорогѣ изъ уѣзднаго города „Залѣсова“ въ усадьбу „Петрилово“, помѣщика Ефимьева, скорѣе ползла, чѣмъ ѣхала почтовая кибитка. Ямщикъ, весь занесенный снѣгомъ, усердно „ухалъ“ и помахивалъ кнутомъ на свою тощую, разнокалиберную тройку, которая то погружалась въ глубокіе ухабы, то вязла въ рыхлыхъ сугробахъ.

Въ кибиткѣ сидѣло двое мужчинъ: баринъ и лакей. Оба были молоды и казались ровесниками. Закутавшись въ шубы и нахлобучивъ на глаза бѣлые бараньи шапки, они молчали и терпѣливо слушали завыванія вѣтра и шарканье сыпавшагося на кибитку снѣга.

— Далеко-ли еще? спросилъ наконецъ проѣзжіи у ямщика.

— А вотъ за полемъ тутъ и есть... Кабы не погода— видать бы давно... Ну, соколики! прикрикнулъ онъ на лошадей.

— Соколиковъ тоже выискалъ! Покойниковъ имъ на погостъ возить такъ въ самый разъ! пробормоталъ лакей.

— Эхъ, другъ любезный, обидѣлся ямичикъ,—самъ небось видишь дорога-то какая... что снѣгу навалило... А кони —важные: изъ какой ни на есть грязи выдернуть!

Скоро показались овины, сарай, замигали въ снѣговомъ туманѣ огоньки—путешественники вѣхали въ околицу и повернули къ небольшому двухэтажному дому, окруженному десятками двумя старинныхъ березъ и липъ. Онъ казался нежилымъ: ни одного огонька не видно было въ окнахъ, ни малѣйшаго звука не слышно было вокругъ. Только, между завываніями вьюги, доносился откуда-то хриплый лай сторожевой собаки да звяканье ея желѣзной цѣпи.

Кибитка остановилась у подъѣзда; лакей и ямичикъ вылѣзли и начали отгребать ногами снѣгъ, запорошившій крыльцо; потомъ принялись стучаться въ дверь. Минуть черезъ пять, показалась изъ-за угла человѣческая фигура, постояла и скрылась. Наконецъ въ одномъ изъ оконъ верхняго этажа мелькнулъ огонекъ, перебѣжалъ нѣсколько комнатъ и показался на лѣстницѣ. Послышались торопливые шаги и голосъ:

— Кто тутъ?

— Гости!

Задвижка щелкнула; дверь отворилась и глазамъ путешественниковъ предстала дебелая дѣвушка со свѣчей, очень удивленная. Поставивъ на ступень подсвѣчникъ, она быстро побѣжала на верхъ, оставя пріѣзжихъ распоряжаться, какъ имъ будетъ угодно.

— Ты, Андрей, втащи вещи на лѣстницу, стряхивая и околачивая съ себя снѣгъ, приказалъ молодой человѣкъ лакею,—и расплатись съ ямичикомъ. Во фляжкѣ стаканчикъ наберется—такъ дай ему...

— Это коньякомъ-то его поить, Валеріанъ Николаичъ?.. И водкой сытъ будетъ!

Пріѣзжіи вошли въ переднюю, снявъ шубу, валенки и передъ небольшимъ зеркаломъ занялся туалетомъ. Валеріану Николаевичу Вальховцеву было нѣсколько болѣе двадцати пяти лѣтъ; высокій, съ военной осанкой, темнорусый, съ большими темно-сѣрыми глазами, оттѣненными длинными, почти черными, рѣсницами, слегка смугловатый лицомъ и съ небольшими усами,—онъ былъ очень недуренъ

собой. Хорошо развитый лобъ, нѣсколько крутыя брови и не то горькая, не то насмѣшливая улыбка придавала его открытому и доброму лицу симпатичное и осмысленное выраженіе. Явилась та-же дѣва, почему-то усмѣхнулась и сказала:

— Пожалуйте.

Гость прошелъ нѣсколько неосвѣщенныхъ комнатъ, потомъ корридоръ и очутился въ маленькомъ, но уютномъ кабинетѣ, лицомъ къ лицу съ хозяиномъ дома, высокимъ старикомъ лѣтъ шестидесяти, въ халатѣ, съ трубкою въ рукѣ.

— Валя! Дорогой мой! вскричалъ Ефимьевъ, обнимая гостя.—А я думалъ, кто-бы это могъ пожаловать?—Палашка! Бѣги къ Марфѣ Матвѣевнѣ... да скажи ей, что Валерьянъ Николаичъ пріѣхалъ... А Гришка гдѣ? Пузо себѣ набиваетъ?.. Самоваръ грѣть, да живѣй!—Вотъ не ожидалъ я, что порадуешь, заѣдешь... да еще въ такую погоду!—Ахъ, голубчикъ ты мой, родной! и старикъ снова обнялъ гостя.

— Что вы дядя, Христосъ съ вами! Къ вамъ да не заѣхать! крѣпко поцѣловалъ родственника молодой человѣкъ. —Вѣдь я васъ всегда горячо любилъ!

— Спасибо, спасибо, другъ... Ну, садись-ка... Замерзъ чай? Вѣдь вьюга-то какая!

— Вонъ у меня и родные дяди есть—да не такъ лежить къ нимъ сердце!—продолжалъ Валеріанъ, усаживаясь.

— Полно, полно, замахалъ рукою Ефимьевъ:—какъ это можно... къ своему-то кровному? Ты смотри, Валя, не болтай такъ-то въ городѣ—заѣдятъ!

Вальховцевъ усмѣхнулся.

— А тетушка гдѣ-же? спросилъ онъ.

— Съ дочкой все наговориться не можетъ: вчера съ погостить пріѣхала

— Да развѣ Анна Васильевна все еще у Карелова живетъ?

— Какъ-же! Ужъ если они ее дѣвочкой призрѣли—такъ, согласись, нельзя мнѣ было брать ее потомъ назадъ... И съ домомъ она свыклась, все на ней лежитъ, да и самой лучше: какое ей у насъ житье? Доходишки небольшие, общества никакого, иной разъ по полугоду души человѣческой не увидишь! А у Карелова домъ богатый, знакомство... Особенно теперь, какъ онъ членомъ губернскаго по крестьян-

скимъ дѣламъ присутствія состоитъ: и губернаторъ бываетъ и другая знать.

— А жена его давно скончалась?

— Варвара-то Петровна? Да съ Рождества второй годъ пошелъ... Вотъ добрая-то была женщина—царство ей небесное! Богомольная, кроткая... Обласкать-ли кого, помочь-ли—единственная!.. Она ужъ это, голубушка, меня сбила Аннушку къ нимъ отдать, а то крѣпко мнѣ этого не хотѣлось! Ну, да какъ поразсудилъ—и вышло, что дочь въ глуши губить мнѣ не приходится, коли добрые люди нашлись... образованіе тоже надо дать, а тутъ Марфа Матвѣевна голосокъ свой повысила. Вѣдь она, Валя, командиръ мнѣ! Ты чего смѣешься? Вотъ погоди, женишься—тоже въ бабьи лапы попадешь!—Ахъ, дуракъ я старый, вдругъ всполошился Ефимьевъ:—сколько времени сидимъ, а я и рюмки водки тебѣ съ мороза не предложилъ! И куда это командирша моя запропастилась?

Онъ прислонилъ трубку къ креслу, торопливо подошелъ къ висячему шкапчику, около камина, и отворилъ его: звякнула рюмка о графинъ.

— Дядюшка милый, полно вамъ хлопотать... Неужели я минуты подождать не могу...

— Ты, другъ, не подумай, что я пьяница, оправдывался Ефимьевъ, подавая племяннику рюмку водки и крендель,—потому что кабачекъ у меня въ кабинетъ имѣется—обороны Господи! а по неволѣ, голубчикъ: уйдетъ командирша по хозяйству, ключи, какъ водится, унесетъ—не рассылать-же за ней гонцовъ, да и некого!—Ну, кушай на здоровье... Все терпѣливѣе ждать будешь ужинъ.

Вальховцевъ выпилъ и крѣпко обнялъ радушнаго хозяина.

— Пить много—и вредно и гадко; а въ назначенный часъ, да еще съ морозу, пропустить наперсточекъ—куда какъ хорошо! замѣтилъ старикъ, ставя рюмку въ шкафъ и усаживаясь.

— Простите меня, дядя, а я вѣдь не помню, какъ вамъ Кареловы родней приходятся?

— Гдѣ-жъ тебѣ помнить: все больше въ Питерѣ жилъ, сюда только по лѣтамъ, когда въ академіи былъ, наѣзжалъ и всѣ отпуски въ „Янкинъ“ проводилъ, съ ружьемъ да съ гончими; съ Кареловыми мы, дружокъ, по Варварѣ Петровнѣ

роднились: она моей Марфѣ Матвѣевнѣ двоюродной сестрой приходилась... Вмѣстѣ онѣ росли и всегда дружны были; Варвара Петровна просто ангелъ была... а не будь этого, развѣ я разстался-бы съ Аннушкой!

— Изъ этого слѣдуетъ, перебилъ старика Валеріанъ,— что дядюшка мой Кареловъ не изъ ангеловъ?

— Причемъ тутъ ангелъ? Я развѣ говорилъ что-нибудь про Михаила Павлыча?

— Да вѣдь изъ вашихъ словъ можно было понять, что не будь Варвара Петровна—добрая и родственница, вы-бы...

— Пустяки мелешь, Валя! махнулъ рукой Ефимьевъ. —И что у васъ, столичныхъ, за манера чужія мысли по-своему выворачивать!

Вальховцевъ разсмѣялся.

— Проговорились, дядя, что ужъ!

— А ты скажи, вдругъ разгорячился старикъ:—хорошо было-бы съ моей стороны, по дворянски, послѣ смерти Варвары Петровны, взять Аннушку домой, когда она для сиротъ нужна оказалась? Отблагодарить уходомъ за всѣ хлопоты и траты—хорошо, а?

— Не хорошо.

— То-то! Варвара Петровна скончалась въ 1860 году и оставила двухъ птенчиковъ: Ольгу семи лѣтъ, да Софью шести лѣтъ, а послѣ твоей тѣтки, Марьи Семеновны, первой жены Карелова, умершей въ 1853 году, осталась Татьяна, девяти лѣтъ. Ну, чтобы сталъ дѣлать Михаилъ Павлычъ съ такой мелюзгой, еслибъ не Аннушка? Вѣдь она всѣмъ домомъ вертитъ и дѣти ее любятъ... и Таня тоже, а Кареловъ и говорить нечего: души въ ней не чаешь!

— А какова моя кузина Таня? Я помню ее еще при покойной тѣткѣ... Дѣвочкой росла она доброй и очень недурненькой; она въ институтѣ воспитывалась?

— Въ Московскомъ Екатерининскомъ и кончила курсъ почти два года назадъ, съ шифромъ; прелестная дѣвушка по характеру и воспитанію... Красотка... на мать похожа... Последній разъ я видѣлъ ее полгода назадъ, когда гостилъ у Карелова... ласковая такая, съ Аннушкой моей въ большой дружбѣ... Аннушка говоритъ, что на вечерахъ она просто прелесть, но конечно уступаетъ Зинаидѣ, своей то-варкѣ по институту: у Тани нѣтъ той бойкости и смѣлости,

что у Зинаиды и красота ея не такъ бросается въ глаза... Таня—дѣвушка скромная, сдержанная, а та—разбитная и за словомъ въ карманъ не полѣзаетъ...

— Кто это Зинаида?

— Голубцова, Александра Павлыча дочь... Въ прошломъ году къ намъ исправникомъ выбранъ.

— Помѣщикъ... богатый человѣкъ?

— Состоятельный... Ты что не куришь?

— Я не курю... Въ училищѣ какъ то попробовалъ—не понравилось, я и не повторялъ.—А правда это, дядя, что у Карелова полумилліонное состояніе?

— Ну нѣтъ, врутъ вѣдь много... Тысячъ полтораста несомнѣнно у него есть, около восьмисотъ душъ оброчныхъ и барщинныхъ, усадьба, въ которой они живутъ, въ пяти верстахъ отъ города, небольшой домъ въ городѣ, да лѣсные дачи... Послѣднія впрочемъ, въ теперешнее время, не Богъ вѣсть какъ цѣнны. Вонъ болтаютъ, что Анна Алексѣевна Дьяконова за свою дачу, въ триста десятинъ, получила двѣ тысячи сто рублей, то-есть по семи рублей за десятину,—и рада-радѣшенька! Мнѣ, говорить, надоѣло платить поземельныя, да мошенниковъ-сторожей держать, которые изъ-за штофа водки бревенъ пять-шесть мужичью срубить дадутъ... А боръ у нея сосновый, красный, отъ пяти до семи вершковъ въ отрубѣ, на пескѣ выращенъ! И рѣка сплавная не вдаль... Худо, худо намъ, помѣщикамъ, Валя! Цѣны на землю, усадьбы, лѣса—самыя нищенскія!—Нѣтъ, ты это напрасно такъ Михаила Павлыча судишь, послѣ паузы продолжалъ Ефимьевъ:—человѣкъ онъ добрый, мягкій и честный! Что аккуратенъ, глядитъ не аристократомъ—такъ вѣдь воспитаніе было такое: отецъ Карелова былъ скопидомъ, человѣкъ суховатый... Тебѣ про Михаила Павлыча ужъ навѣрно напѣли въ уши?

— Я и раньше слышалъ, когда въ отпускъ прїѣзжалъ, что Кареловъ, будто-бы, человѣкъ черствый, жадный и къ дѣтямъ индифферентный!

— Экъ врутъ-то! перебилъ Валеріана старикъ.—Дѣтей онъ любитъ очень, а Таню такъ просто боготворить! Да спроси Аннушку: она дѣвица правдивая... Мнѣ отъ нея извѣстно, что Михаилъ Павлычъ деньги копить, себѣ зачастую отказываетъ во многомъ, а дѣтямъ почти никогда!

Небось Таню въ лучшій институтъ отдалъ, а теперь и одѣваетъ хорошо и въ развлеченіяхъ не отказывается, а маленькимъ и француженку и учительницу нанялъ...— Нѣтъ, Валя, пустое все это: изъ зависти клеветаютъ... вѣдь Кареловъ—умница... всѣмъ крестьянскимъ присутствіемъ вертитъ... Онъ тамъ членомъ отъ правительства... Сойдешься съ нимъ поближе—вспомнишь, что я правду говорилъ!

— А деньги? Неужели онъ всѣ сто пятьдесятъ тысячъ отъ отца получилъ?

— Получилъ онъ больше, но крестьянъ прикупалъ, пожни... И усадьба и домъ отцовскіе; Кареловъ-отецъ одно время откупщикомъ былъ... Потомъ Михаилъ Павлычъ за твоей тѣткой приданое взялъ и за Варварой Петровной тоже, а тебѣ поди наврали, что накралъ Кареловъ?

Вальховцевъ разсмѣялся.

— Говорили; да теперь я вижу что наврали: накрасть-то было негдѣ!

— То-то: не всякому слуху вѣрь! Зависть—великій грѣхъ: много зла приносить она людямъ!

II.

На порогъ показалась маленькая, толстая старушка въ чепцѣ съ большими оборками и съ чулкомъ въ рукахъ. За ней вертѣлась дѣвушка лѣтъ тридцати, не дурная собой и порядочно сохранившаяся, съ смѣлымъ взглядомъ и большимъ апломбомъ во всей фигурѣ.

— А вотъ и Марфа Матвѣевна! сказалъ старикъ.—Посмотри-ка какой изъ Питера красавчикъ пріѣхалъ!

Анна Васильевна, опередивъ мать, бойко подлетѣла къ Валеріану и, сильно трянувъ его за руку, проговорила:

— Вы конечно меня забыли, а я какъ теперь вижу васъ въ бархатной безрукавкѣ!

— Сомнѣваюсь, хотя и благодарю за память.

— Почему сомнѣваетесь?

— Да потому что взрослые барышни обыкновенно не обращаютъ вниманія на мальчишекъ!

— Здравствуй, Валерушка, сказала старушка, цѣлуясь съ молодымъ человѣкомъ,—спасибо, что не погнушался бѣдными родственниками, навѣстилъ... Нонче—вѣдь, голуб-

чикъ, до того все навыворотъ пошло, что не знаешь, кому и вѣрить! Спасибо, родной, что стариковъ не забылъ! Съ батюшкой, да съ матушкой твоими—друзья были, хлѣбъ-соль водили... И съ тобой, кажись...

— Ахъ маменька, перебила ее Анна Васильевна:— Валерьяну Николаичу съ дороги вѣрно кушать хочется—вы-бы распорядились...

— А что-же до сихъ поръ-то дѣлали: робрандами, да шиньонами занимались? возвысилъ голосъ Ефимьевъ.

Дѣвушка, презрительно, передернула плечами.

— Сейчасъ, сейчасъ, заторопилась старуха, роясь въ карманѣ;—да ключи-то гдѣ-же, Нюточка?

— Самп-же овесъ доставали,—куда дѣли?

— Ой, командирша! разсмѣялся старикъ.

— Памяти совѣмъ вотъ нѣтъ, Валерушка, обратилась Марфа Матвѣевна къ гостю:—старюсь!—Не знаю, Нюта, куда и сунула я ихъ.

— Вотъ всегда вы такъ! замѣтила Анна Васильевна, принимаясь шарить по столамъ и подоконникамъ.

— Не безпокойтесь пожалуйста, остановилъ Вальховцевъ дѣвушку:—не до такой-же степени я голоденъ!

— Въ моемъ хозяйствѣ этого не случается: будете у насъ—сами увидите, а здѣсь такой безпорядокъ!—Вонъ, маменька, куда запрятали, сказала Анна Васильевна, вытаскивая ключи изъ плетеной рабочей корзинки.

Старуха только головой покачала.

— Ужъ я распоряджусь: васъ не дожدهмся! продолжала дочь, торопливо выходя изъ комнаты.

— Ностой-же, Нюта, безъ меня ты ничего не найдешь, говорила Марфа Матвѣевна, бросая чулокъ и идя за ней слѣдомъ.

— Хозяйка! самодовольно замѣтилъ Ефимьевъ, указывая на дочь:—все у нея въ рукахъ такъ и кипитъ!—Ну скажи-ка мнѣ теперь, съ чего военную службу ты бросилъ? выковыривая изъ трубки пепель, спросилъ старикъ.—Шелъ хорошо, двадцати пяти лѣтъ гвардіи штабсъ-капитанъ уже былъ, академію кончилъ...

— Долговъ испугался... И то малою толикою обзавелся!

— Кутилъ? Банчишкой баловался?

— Не то чтобы очень, а бывало... Полкъ не по карману

былъ; товарищи—богатые, жалованье маленькое, расходы большіе...

— Я--вѣдь шучу, Валя, не обидься: кто молодъ не бывалъ!

— Да что вы, дядя, извиняетесь! разсмѣялся Вальховцевъ.

— Боюсь, дружокъ: съ нынѣшнюю молодежью объясняться не умѣю... говорить мудренная, а я дальше прихода никуда не ѣзжу!

— Со мной-то смѣло можете говорить... Браните, коли заслужу: такимъ людямъ какъ вы все разрѣшается! Онъ крѣпко пожалъ руку старика.

Ефимьевъ отвернулся, смахнувъ рукой намернувшуюся слезу, и прилежно принялся набивать трубку.

— Хозяйствомъ смерть хочется заняться, продолжалъ Валеріанъ:—я таки кой-чему въ Петербургѣ научился: читалъ, лекціи слушалъ, по фермамъ ѣздилъ...

— Плохо, братъ, нонче хозяйничать: денегъ надо много, а барышъ не великъ! Вотъ развѣ служба поддержитъ...

— Мѣсто, которое я получилъ, мнѣ по душѣ: членомъ отъ правительства въ мировыхъ сѣздахъ много можно добра сдѣлать... Служба благородная, а полторы тысячи—не бездѣлица!

— Да, ты можешь много добра сдѣлать: умный, образованный, съ добрымъ сердцемъ...

— Дядя! А вѣдь въ глаза не хвалятъ! пошутили молодой человѣкъ.

— Помѣшкай... не все хвалить буду: рано военную службу бросилъ... Лѣтъ черезъ шесть-семь въ полковники бы произвели!

— А до тѣхъ поръ все-бы спустилъ?

— А зачѣмъ въ богатый полкъ вышелъ?

— Больно ужъ полкъ-то хорошъ: командиръ, офицеры—все такіе порядочные, хорошихъ фамилій... жили дружно... Ну, молодъ былъ, пощеголять хотѣлось...

— Молодъ! усмѣхнулся старикъ.—А теперь старъ что-ли?... Когда-же на службу?

— Мнѣ еще двѣ недѣли гулять: побываю въ „Янкинѣ“, съ грамотами покончу, съ прислугой—и въ городъ... Визиты сдѣлаю, квартиру найму... Я слышалъ, что онѣ не дороги...

— За триста рублей въ годъ очень порядочную найдешь... Да вообще жизнь въ К. не дорога; дрова, напримѣръ, березовыя,—пять-шесть рублей кубикъ...

— Что это кубикъ?

— Три квадратныя сажни въ кубикъ, а полѣно—аршинъ длины.

— Валерушка! перебила вошедшая Марфа Матвѣевна. —ничего, что я твоему Андрею стаканчикъ поднесла... Не запьетъ онъ съ него?

— Нѣтъ, тетушка: онъ умно пьетъ, по петербургски!

— О племянникъ лучше-бы думала, а она о лакеѣ сокрушается! замѣтилъ Ефимьевъ.

— Сейчасъ, Василій Ивановичъ, да вонъ несутъ...

Внесли самоваръ. Анна Васильевна, предварительно назвавъ „вороной“ горничную, разставила стаканы и чашки и стала заваривать чай.

— Съ родными, другъ, сойдиcь, похлопывая Валеріана по колѣнкѣ, наставлялъ старикъ,—ихъ у тебя много. Конечно, всѣхъ одинаково любить нельзя, но почитителенъ будь ко всѣмъ—кровь-то вѣдь одна... Ты извини, голубчикъ, за совѣты: право любя!

— Родные-то меня и беспокоятъ: будь-ка ихъ поменьше—лучше-бы было; а то являйся на поклоненіе,—иначе пойдутъ претензіи...

— Иной разъ, милый, и поспустить можно: старики, вѣдь, свои слабости имѣютъ... Вамъ, петербургскимъ, оно конечно ново, да къ намъ пріѣхаль—такъ и живи по нашему. Да и то сказать: ну, и понахмурится который, а все скорѣе чужого и извинить и хорошаго побольше скажетъ, потому свой своему по неволѣ братъ!

— Каковы родные! замѣтила Марфа Матвѣевна.

— Ахъ, маменька,—не аспиды-же какіе! воскликнула Анна Васильевна, передавая стаканъ гостю.—Сладко-ли, cousin?

— Прекрасно, merci, попробовавъ чай, отвѣтилъ молодой человѣкъ;—а знаете, cousine, какъ родныхъ-то много—могутъ и аспиды найтись! смѣясь добавилъ онъ.

— Анята, а мнѣ чаю? спросилъ Ефимьевъ.—За что такая немилость?

— Сейчасъ...

— Да вѣдь ты пилъ, замѣтила старушка.

— А еще, развѣ не разрѣшается? Гришка, набей-ка трубочку...

— Самоваръ вычистить не можете, говорила между тѣмъ Анна Васильевна вошедшему лакею, — срамъ! Совсѣмъ зеленый подали!.. Фи, какой сальный! какъ резиновый мячикъ, отскочила она отъ Гришки, когда тотъ потянулся мимо нея за трубкой.

— Ну, матушка, извини, обидѣлась Марфа Матвѣевна, — камеръ-лакеевъ у насъ нѣтъ... По одежкѣ и ножку тянемъ, Валерушка не выщеть!

Вальховцевъ наклонился въ знакъ согласія, а Анна Васильевна фыркнула и нетерпѣливо подернула плечомъ.

„Экой бой-дѣвка! подумалъ молодой человѣкъ и спросилъ старика:

— А что Петя подѣлываетъ?

— Теперь, слава Богу, исправился: чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ состоитъ. Досадили онъ мнѣ, надо правду сказать, какъ изъ корпуса брать его пришлось, повертѣлась у меня подушка, ну да что ужъ! Спасибо хоть раскаялся, пользу свою понялъ... Вѣдь онъ у насъ добрый!

Компанія тогда его закружила, замѣтила старушка: — съ актершкками связался, а какого ужъ отъ нихъ добра ждать? Всѣ они — пропойцы, головы безшабашныя — долго-ли мальчишку съ пути сбить!

— Я слышалъ, онъ на благородныхъ спектакляхъ отличается; попалась мнѣ корреспонденція изъ К. — тамъ очень хвалятъ его игру и голосъ.

— Говорятъ, что талантъ у него есть; онъ вѣдь малый способный, надо правду сказать.

— Съ лѣнцой только, вставила Анна Васильевна.

— Вотъ-бы вамъ его на сцену пустить — быть можетъ знаменитый артистъ изъ него-бы вышелъ!

— Что ты, Валерушка, Господь съ тобой! воскликнула старушка. — Дворянское-ли это дѣло передъ публикой ломаться!

— Прежде чѣмъ знаменитостью-то сдѣлаться — съ кругу сопьется! замѣтилъ Василій Ивановичъ.

— Да теперь-то онъ развѣ не ломается?

— То—дѣло другое: онъ со своею братьею—дворянами играетъ и съ благотворительною цѣлію; это все равно, что на вечерѣ на фортепіано сыграть или романсъ спѣть, при порядочной публикѣ... А тамъ—служба, деньги платять и публика разношерстная.

— А комедіантомъ, изъ-за денегъ,—стыдно дворянину быть! добавила Марфа Матвѣевна.

— Старинный это взглядъ, тетушка! Теперь на трудъ, какой-бы онъ ни былъ, иначе смотреть. Да и напрасно вы ужъ такъ огуломъ объ актерахъ отзываетесь: между ними много прекрасныхъ и даровитыхъ людей... А дрянъ вездѣ есть и между чиновниками наберется не мало, пожалуй еще болѣе развращенныхъ!

— Ну ужъ...

— Навѣрно. Тамъ—водка, тутъ—взятки!

— Не всѣ-же взятки берутъ!

— Не всѣ-же актеры—пропойцы!

— Тамъ что хочешь говори, а не благословляю я его на такое дѣло; ну, глаза закрою—его воля!

— Да у Пети и охота къ театру почти что пропала, примирительно замѣтилъ Ефимьевъ:—службой, благодаря Бога, сталъ заниматься.

Презрительная улыбка скользнула по губамъ Анны Васильевны.

— У васъ чай простытъ, обратилась она къ Вальховцеву,—хотите я вамъ горячаго налью?

— Нѣтъ, merci. Вообще я эту китайскую прелесть не долюбиваю!

— Ну такъ водочки, да ужинать! скомандовалъ старикъ.

— Правда, паненька: Валерьянъ Николаичъ усталъ... мы-то въ теплѣ сидѣли...

— Командирша, ты чего-жъ сидишь?

— Ужъ я распорядилась, поспѣшила объявить дочь и выскочила изъ кабинета.

-- Ты рано, Валерушка, завтра думаешь выѣхать? спросила старушка, оставляя свое вязанье и вставая.

-- Хотѣлось-бы пораньше, тетушка, чтобы засвѣтло пріѣхать. дорогу-то перемело.

— Ну, мы задерживать не станемъ, сказалъ Василій Ивановичъ,—позавтракаешь—и съ Богомъ!

— Нельзя-ли безъ завтрака?

— Что ты, что ты, воскликнула Марфа Матвѣевна,—въ дорогу-то, да не покушавши! Вѣдь пятнадцать верстъ до Ивкина—по теперешней дорогѣ не шутка! Нѣтъ, Валерушка, ты этихъ порядковъ не заводил! И старушка ушла хлопотать по хозяйству.

Вскорѣ подали ужинъ, а часъ спустя, въ домѣ Ефимьевыхъ, всѣ уже спали крѣпкимъ сномъ.

III.

На другой день Валеріанъ, поднявшійся рано, пилъ чай съ Василиемъ Ивановичемъ въ его кабинетѣ. Марфа Матвѣевна была на скотномъ дворѣ, а дочка, по привычкѣ, бѣгала по чердакамъ и кладовымъ.

— Ну, какъ дѣла? спрашивалъ молодой человѣкъ.
— Двигаются-ли уставныя грамоты?

— Ничего... работаютъ... Свой-то я свалилъ, да только, скажу откровенно, не такъ, какъ мнѣ хотѣлось.

— Крестьяне вѣроятно не подписали?

— Да: и просто ума не приложу отчего! Перевелъ я ихъ на оброкъ по ихнему желанію, надѣлъ нарѣзалъ не только полный—по десятинѣ лишней накиннулъ на душу. Спрашиваю: „довольны?“—„Довольны“.—„Ну, подписывайте“.—Туда-сюда, ни за что! Такъ и ввели грамоту въ дѣйствіе. Это по одной деревнѣ, по Каратыгину, а въ другой—Назаровѣ, въ которой земля поплоше, мужики, сверхъ полной нормы, выклянчили еще двадцать десятинъ надбавки—далъ. Составили грамоту; казалось-бы по обоюдному соглашенію... Подписывать—не хотятъ... „Не надо намъ твоей надбавки“, а подай видишь ли двадцать десятинъ изъ моего полевого сѣнокоса! Конечно я отказалъ; цѣлый вечеръ я пробилъ съ ними, объясняя „положеніе“ и разумѣется ни до чего не добился! Чѣмъ-же кончилось? Отъ прирѣзки они отказались, грамоту составили по закону, ввели въ дѣйствіе, и теперь эти дураки будутъ арендовать тѣ десятины, которыя я отдавалъ имъ даромъ!

— И васъ это удивляетъ?

— А то какъ-же?

— А меня нѣтъ: при недовѣрчивости нашего мужика,

ему могла показаться странной уступка помѣщика, не обязаннаго къ тому „положеніемъ“. Въ уступкѣ этой онъ могъ предполагать ловушку. Припомните: какіе нелѣпые слухи ходили, да и теперь еще ходятъ, по деревнямъ: что опять крѣпостнымъ сдѣлается тотъ, кто къ грамотѣ руку приложитъ, что и въ Сибирь-то его сошлютъ, и выкупъ на такого положить больше—пу и сбили мужика съ толку!

— Нѣтъ, голубчикъ, не оттого; мужикъ не глупъ—мошенникъ онъ, вотъ что! Наровитъ, какъ-бы нашего брата надуть, да обойти... Слова по душѣ не скажетъ, а все съ лукавствомъ, да крючочкомъ!

Вальховцевъ пожалъ плечами.

— А лукавство откуда у него явилось? Не продуктъ-ли это крѣпостнаго права? Почему въ прежнія времена богатый мужикъ бѣднякомъ прикидывался? Потому, что покажи онъ только свою состоятельность—мигомъ ему оброкъ надбавятъ или лучшаго сына въ рекруты вышинутъ, чтобы откупился... Не бывало развѣ этого?

— Это отдѣльные случаи; за то не житіе развѣ было порядочному крестьянину у хорошаго помѣщика? Лошадь, корова-ли падеть—помѣщикъ покупаетъ новую; избу-ли строить—кто лѣсъ даетъ?.. А теперь мужикъ самъ все купи—вотъ и вспомнить барина!

Молодой человѣкъ усмѣхнулся.

— Да вѣдь это, по большей части, не съ благотворительною цѣлю дѣлалось, не изъ состраданія къ крестьянской бѣдѣ, а изъ простаго экономическаго разсчета. Помѣщикъ отлично понималъ что безъ лошади, коровы и проч. мужикъ не работникъ: и на село ходить не можетъ и хозяйство свое запуститъ. А за неисправнаго крестьянина кому придется подати платить? Помѣщику. Розгами мужика богатымъ не сдѣлаешь—ну, разсчетливые господа и помогали бѣднякамъ, для своихъ-же выгодъ!

— А какъ по твоему: лучше что-ли теперь, какъ ихъ въ правленіяхъ порютъ?

— Лучше. Мужикъ знаетъ, что судьи выбираютъ изъ ихъ-же среды и ими-же самими, что въ своихъ поступкахъ они отвѣтственны передъ міромъ, что въ постановленіяхъ суда не можетъ быть барскаго произвола.

— За то процвѣтаетъ взяточничество! Рѣдкій крестья-

нинъ, отправляясь въ правленіе, не возьметъ съ собой для ублагодворенія начальства штофчикъ сладкой или янчекъ.

— А кто приучилъ ихъ къ тому? Кто вложилъ въ нихъ то убѣжденіе, что всякая власть нуждается въ приношеніяхъ? Сами-же господа. Вѣдь принималп-же вы и холсты и ягоды, рыбку и янчки подѣ видомъ поклона?

— Ну какъ-же, Валя, ты это со взятками равняешь: то было совсѣмъ другое...

— Не доказательство-ли патріархальныхъ отношеній добродушныхъ крестьянъ къ благодѣтельному помѣщику, дѣтей къ отцу? усмѣхнулся Вальховцевъ.

— Любите вы, столичные, язычкомъ передъ нашимъ братомъ, деревенщиной, блеснуть! А ты все-таки скажи: хорошо развѣ, что въ правленіяхъ взятки берутъ?

— Разумѣется скверно. Да какъ-же вы хотите, чтобы такъ—вотъ, по шущему велѣнію, все вдругъ и обновилось? Не забудьте: вѣдь родилось все это чуть не вчера, маломальски окрѣпить еще не успѣло. Наконецъ реформа слишкомъ громадна, чтобы въ своемъ примѣненіи не пройти много фазисовъ. Ломки еще будетъ много и важность не въ ней, а въ томъ, чтобы Богъ помогъ фундаментъ заложить повѣрнѣе да покрѣпче!

— Что говорить: помоги Господи! А только трудно намъ, старикамъ, послѣдніе дни доживать... Да и не намъ однимъ: потрешься и ты около мужиковъ—поостынешь! Издали-то всякое дѣло лучше глядитъ, а ты вотъ къ носу его поднеси... Всѣ вы, петербургскіе, нонче на „меньшой братіи“ помѣшаны... Она вамъ прилизанной да приодѣтой представляется—нѣтъ, вы братію-то эту въ навозъ да въ кабакъ-бы поглядѣли, во время расправы съ бабой или въ общественной дѣятельности изучали! (старикъ разгорячился). Дай мужику свободу, да за что-же раззорять цѣлое сословіе? Имѣнія наши или за вѣрную службу предковъ даны или куплены на трудовые гроши!

— То есть, перебилъ Вальховцевъ,—дай волю безъ земли, создай цѣлый классъ пролетаріевъ, бездомниковъ? Мѣра хорошая! Да вѣдь вы, за отведенную въ надѣль землю, оброкъ получаете,—гдѣ-же раззореніе?

— Помилуй, другъ! Ужъ не разбогатѣли ли мы по твоему?

— Безъ пожертвованій ни одна реформа не обходится...

Правда, на первых порахъ, доходы помѣщиковъ уменьшались, но пройдетъ переходное время—и сельское хозяйство, развиваясь и совершенствуясь, доставитъ землевладѣльцамъ еще большія выгоды.

— Да чему развиваться-то коли все убито? Вонъ около меня до пяти усадебъ, правда небольшихъ, уже закрыто!

— Что-жъ тутъ удивительнаго? Прежнее помѣщичье хозяйство только при крѣпостномъ правѣ и могло существовать. Пользуясь даровымъ трудомъ, мы и понимать не хотѣли, что трехпольная система—чистѣйшій для насъ убытокъ; она была удобна потому, что не требовала ни знаній, ни особеннаго труда, ни капитальныхъ затратъ. Это было колесо, которое надо было только машинально вертѣть въ одну сторону, да и то руками крѣпостнаго старосты. Вольнонаемный трудъ перевернулъ вверхъ дномъ старое, рутинное хозяйство; при новыхъ условіяхъ трехпольная система держаться не можетъ: громадныя запашки останутся безъ рукъ; поля придется на половину запустить, потому что они не выручатъ денегъ, затраченныхъ на ихъ обработку. Придется или трудиться, или закрывать хозяйство.

— Эхъ, Валя! Хорошо тебѣ говорить, человѣку молодому, а я въ шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ, что стану дѣлать? Рабочихъ нанимать—денегъ нѣтъ, и то еле-еле концы съ концами свожу, да и смотрѣть за ними некому: я—человѣкъ больной, Марфа Матвѣевна, хоть и побойче, а все женщина,—и пришлось-бы на наемнаго старосту положиться, который за штофъ водки всякую побрякушку мужикамъ сдѣлаетъ. Ну и отдашь по неволѣ изъ-полу.

— Не хорошо это...

— Не спорю, зато спокойно... Ну а ты какъ въ Янкинѣ распорядиться думаешь?

— Да мнѣ, на первыхъ порахъ, немного нововведеній придется сдѣлать: пятипольный сѣвооборотъ введенъ еще покойнымъ отцомъ, сыровареніе идетъ своимъ порядкомъ,—вольнонаемный трудъ введу да нѣкоторыя улучшения орудія. Я—вѣдь, дядя, не буду горячиться, потому что и денегъ лишнихъ нѣтъ.

— Это ты умно придумалъ: „скоро—не спорю“ говорить пословица; отецъ тебѣ все въ порядкѣ оставилъ: чистенькое, безъ долговъ... Съ Янкина одного тысячи двѣ по-

лучишь... имѣніе хорошее. Потомъ оброки... Деньжонки—поди отецъ оставилъ?

— Да если съ долгами расплачусь—тысячъ десять останется... На то чтобъ двинуть хозяйство да кой-что по-исправить—хватитъ.

— А ты не очень-то роскошествуй, денежки къ поготку прижми, на черный денекъ... Изъ усадьбы выжимай, а не въ нее сади!

— Чобы выжимать, дядя, надо и ~~сачи~~ съ незастьянаго поля хлѣба не снимешь!

Вошла Марфа Матвѣевна.

— Здравствуй, Валерушка! ~~обняла она племянника.~~ Старикъ-то мой поди тебя совсѣмъ ~~заговори~~лъ? Любить, любить поболтать... И то сказать: рѣдко ему это и приходится!

— Напротивъ, тетушка: я надобѣлъ ему спорами!

— О мужикахъ вѣрно все толковали: у всѣхъ теперъ они на умѣ.

— Маменька! изъ корридора раздался голосъ Анны Васильевны: — Просите кушать!

Всѣ перешли въ столовую, гдѣ на кругломъ столѣ наставлены были настойки, наливки, холодная дичь, жареные грибы въ плошкѣ и проч. Анна Васильевна поздоровалась съ Вальховцевымъ, разспросила его, хорошо-ли онъ спалъ да не холодно-ли было, не прикажетъ-ли онъ тминой или ерофѣича, какую любить наливку... Она ужасно суетилась и безпрестанно накидывалась то на Палашку, то на Гришку, довольно безцеремонно обзывая ихъ ротозѣями, воронами, дармоѣдами... Впрочемъ Палашка и Гришка не обижались: они очень хорошо знали, что взбалмошная, но добрая Анна Васильевна, при отъѣздѣ, какъ и всегда, наградить ихъ полтинникомъ cadaго.

— Попробуй, Валя, грибовъ въ плошкѣ, предложила Марфа Матвѣевна:—точно свѣжіе, моего приготовленія...—А водяновку черносмородинную любишь?—Анюта, потомъ предложи кузену.

Валеріанъ благодарилъ и порывался завести разговоръ со старушкой, но Анна Васильевна снова заболтала; ее такъ и кидало изъ стороны въ сторону. Спросивъ Вальховцева о Петербургѣ и не дождавшись отвѣта, она переходила къ хозяйству, объявляла о своей страсти къ чистотѣ и порядку,

потомъ Богъ знаетъ съ чего перебирала усопшихъ, потихоньку подсмѣивалась надъ братомъ, называя его клоуномъ.

— Я-вѣдь всѣмъ даю какое-нибудь названіе, хвасталась она,—и такъ удачно: сейчасъ и прикипитъ! Вотъ Никольцева прозвала бубновымъ валетомъ, Голубцову шукой...

— И мнѣ тоже дадите кличку? разсмѣялся Валеріанъ.

— Непремѣнно; какъ телько узнаю васъ покороче.—А стыдно будетъ вамъ, если не завернете въ „Плоское“!

— Стыдно мнѣ не будетъ, усмѣхнулся Вальховцевъ,—потому что я пріѣду въ „Плоское“ и очень скоро, а стыдно вамъ, что заподозрили меня въ полной невѣжливости: да развѣ я ужъ такъ худо воспитанъ, что забуду дядю Михаила Павлыча и мою двоюродную сестру Таню и не пожелаю даже повидаться съ ними, по пріѣздѣ!

— Что, Аннушка, сказалъ Ефимьевъ,—отбрилъ тебя кузенъ?.. И по дѣломъ!

— Велика важность! фыркнула дѣвушка.—А вотъ я вамъ, кузенъ, сейчасъ и прилѣплю прозвище!

— Какое?

— „Панъ ясновельможный!“

— Почему такое громкое названіе?

— А потому что вы изъ себя „барина“ корчите!

— Ну, это кажется не совсѣмъ справедливо, мягко замѣтилъ Валеріанъ;—позвольте, за такой лестный титулъ, поцѣловать вашу ручку...

Онъ поцѣловалъ руку Анны Васильевны и добавилъ:

— Все лучше „шуки“ и „бубноваго валета“!

Всѣ расхохотались.

— Валерушка, скушай рябчика съ брусничнымъ вареньемъ, угощала Марфа Матвѣевна,—а потомъ—на пирожное, сейчасъ принесутъ „царскіе кудри“—любишь ихъ?

— Еще-бы! Жаль, что они и въ провинціи выходятъ изъ моды...

— А потому выходятъ, замѣтилъ Василій Ивановичъ,—что при теперешней, вынужденной, экономіи хозяйки не позволяютъ себѣ тратить столько сливочнаго масла на одно блюдо!

— А вы когда примѣрно къ намъ заѣдете? спросила дѣвушка.—Я вернусь домой дня черезъ три..

— Михаилъ Павлычъ въ какіе дни бываетъ въ городѣ на засѣданіяхъ, или каждый день ѣздитъ изъ усадьбы?

— Когда много серьезныхъ дѣлъ, дядя живетъ въ городѣ и два и три дня, а то ѣздитъ изъ „Плоскаго“: пять верстъ не Богъ вѣсть что, да и дорога прекрасная. Таня теперь въ усадьбѣ вмѣстѣ съ французской и русской учительницей, а то я-бы не позволила себѣ съѣздить сюда.

— А у васъ и французенка есть?

— Премилая... *Sécile*... Она у насъ уже года четыре живетъ... Общая наша любимица...

— А я къ тебѣ съ просьбой, Валерушка, входя со сверткомъ въ рукѣ, обратилась Марфа Матвѣевна къ молодому человѣку...

— Хочется это вамъ, маменька, затруднять кузена, презрительно передернула плечами дочь:—ужъ вѣрно опять какойнибудь вздоръ... Петру Васильевичу? Угадала?

— А хоть-бы ему?—Отдай, голубчикъ, Петѣ чулочки... я ему связала... Теплые, такихъ не продаютъ... Ѣздитъ онъ по вечерамъ да по театрамъ, а то и по службѣ,—долго ли простудиться... Ужъ извини, Валерушка!

— Съ величайшимъ удовольствіемъ исполню.

— А вы думаете, маменька, вмѣшалась Анна Васильевна,—что онъ ваши чулки такъ и надѣнетъ?.. Попусту только шерсть да время тратили!

— Правда, правда, поддержалъ дочь Ефимьевъ:—ну видано-ли, чтобы молодые люди въ теплыхъ чулкахъ ѣздили? Все равно не надѣнетъ.

— Его воля; а я все-таки отправлю.

— Такъ ужъ вы-бы, маменька, и валенки ему кстати послали... Такъ-бы во всемъ этомъ Петръ Васильевичъ въ театральнѣй залъ и вошелъ!

— Вальховцевъ улыбнулся, а Марфа Матвѣевна обидѣлась.

Гришка доложилъ, что лошади готовы. Валеріанъ простился съ хозяевами, сѣлъ въ кибитку и уже отъѣхалъ отъ крыльца, какъ вдругъ сзади послышался голосъ Палашки:

— Пойдите... забыли! и, съ корзинкой, она подбѣжала къ кибиткѣ.

— Это что? спросилъ Вальховцевъ.

— А „подорожники“... Барышня безпремѣнно приказала положить...

— Да помилуй, дѣвушка, когда-же мнѣ подорожники вѣсть, да еще на морозѣ?

— Безпремѣнно приказали...

Молодой человѣкъ усмѣхнулся, далъ Палашкѣ рубль и велѣлъ благодарить барышню.

„И въ повозкѣ-то отъ нея не отдѣлаешься!“ подумалъ онъ.

IV.

Путешественники ѣхали молча. Андрей, хорошо накормленный и напоенный, дремалъ откинувшись въ уголь, а Валеріанъ все болѣе и болѣе поддавался впечатлѣнію знакомыхъ родныхъ мѣстъ, ожиданію увидѣть близкихъ людей. Три года не былъ онъ въ К.; обстоятельства такъ сложились, что даже онъ не могъ пріѣхать на похороны отца, скоропостижно скончавшагося вскорѣ послѣ объявленія манифеста 19 февраля 1861 года. Всѣ хлопоты по явкѣ завѣщанія, вводу во владѣніе, Вальховцевъ предоставилъ дядямъ и ждалъ не дождался, когда выйдетъ желаемая отставка и онъ вырвется изъ чопорнаго Петербурга на вольный просторъ полей и лѣсовъ. Свиданіе съ Ефимьевыми порвало въ немъ послѣднюю связь съ столицей; на него пахнуло деревней, русской жизнью. Всплыли забытыя воспоминанія, сердце съ наслажденіемъ переживало ихъ, а освободившаяся отъ мундира грудь дышала легко и свободно.

День стоялъ морозный, ясный; еще съ ночи вьюга утихла. Солнце такъ и обливало своимъ сіяніемъ снѣговыя поляны и лучи его искрились по ихъ чешуйчатой поверхности, напоминавшей какъ-бы мгновенно застывшую морскую зыбь, сквозили синеватымъ цвѣтомъ черезъ нависшіе сугробы. Заиндѣвѣвшая, запряженная „гусемъ“, тройка легкою рысью подвигалась впередъ и полозья кибитки то шаркали, врѣзываясь въ плохо протертыя наносы, то скрипѣли скользя по откосамъ. Выѣхали въ лѣсъ. Тихо стоятъ высокія ели, опутивъ свои вѣтви подъ тяжестью снѣговыхъ шапокъ. Гулко раздается, между двухъ неподвижныхъ стѣнъ, звонъ колокольчика да иокрикиванья ямщика; лошади вяз-

нута въ рыхломъ снѣгу, усиленно натягивая постромки; бѣлый паръ отъ нихъ стынетъ въ морозномъ воздухѣ. Разнообразія мало: изрѣдка встрѣтятся въ дровнишкахъ мужикъ, молча свернетъ, по брюхо въ снѣгъ, свою кляченку и съ поклономъ сниметъ шапку. Какой-нибудь одинокій тетеревъ всецѣло поглощаетъ вниманіе соскучившагося путника: вытянулъ лѣсной красавецъ свою длинную шею, прислушиваясь и слабо охая; черная, блестящая грудь сверкаетъ при каждомъ ея поворотѣ. Но вотъ онъ встревожился, чуть замѣтно присѣлъ и полетѣлъ впередъ, качнувъ вершинку, съ которой спустилось нѣсколько бѣлыхъ, пушистыхъ клочьевъ. Наконецъ лѣсъ рѣдѣетъ; крупная ель начала мѣшаться съ березнякомъ и ольхой; дорога все болѣе и болѣе расширяется, выходя на поляну, поросшую приземистымъ можжевельникомъ,—влѣво показалась деревенька. Стѣны избъ, темными пятнами, выдѣляются изъ-за бѣлыхъ сугробовъ и изъ подъ нависшихъ снѣговыхъ покрововъ крышъ. Кой гдѣ сѣрый дымокъ, вьющимся столбикомъ, медленно поднимается къ небу.

— А вонъ и гуляевскій островъ! радостно указалъ Андрей на еловый лѣсокъ, зубчатой линіей вырѣзывавшійся на синеватомъ фонѣ неба.-- Помните, Валерьянъ Николаичъ, какъ въ послѣдній нашъ отпущекъ Михаилъ Ѳедорычъ, этой самой поляной, русака протравилъ? Еще папенька сердились...

— Еще-бы не помнить! Тогда мы съ тобой, на перемычкѣ, что зайцевъ переколотили!

И вотъ... отъ гуляевского острова, отъ протравленного русака, мысль Вальховцева мгновенно перенеслась за три года назадъ, въ пору его послѣдняго пріѣзда въ деревню. Словно изъ какой-то невѣдомой дали выступила передъ нимъ высокая, нѣсколько согнутая фигура его отца, отставного кавалерійскаго генерала, съ сѣдою, круглою бородою, съ ласковыми, близорукими глазами. Точно вотъ нѣсколько дней назадъ подѣхалъ онъ, запыленный, къ крыльцу Янкинского дома... Вышелъ отецъ, раскрылъ объятія... Радостный вопль... тихія слезы... Затѣмъ четыре мѣсяца покоя, ласки, разнообразныхъ удовольствій — увлекательною панорамой скользнули передъ Валеріаномъ. Личность покойнаго отца все рельефнѣе вставала передъ нимъ. Ему вспомнилось вдругъ какъ, произведенный въ офицеры, истративъ въ нѣ-

сколько дней порядочную сумму, подаренную ему отцомъ, и не смѣя беспокоить его просьбою о деньгахъ—онъ былъ радостно удивленъ, найдя на другой день подъ своей чернильницей сто рублей, и какъ эта деликатная черта родительской любви врѣзалась въ его память. Теперь онъ яснѣе сознавалъ эту черту: радужная бумажка была вовсе не пустяки для отцовскаго состоянія, какъ онъ тогда думалъ,—это было отступленіе отъ всегдашней расчетливости, ради родительской любви, уступка юношѣ, впервые надѣвшему эполеты.

Вспомнилась ему и ночь наканунѣ отъѣзда изъ усадьбы... Онъ спалъ въ одной комнатѣ съ отцомъ... На зарѣ словно что толкнуло его и онъ на мгновеніе открылъ глаза: передъ кѣтомъ, слабо освѣщеннымъ лампадкой, усердно молился старикъ... Много клалъ онъ поклоновъ... Потомъ, будто сквозь сонъ, чувствовалъ на себѣ Валеріанъ нѣжный взглядъ отца, крестное знаменіе, горячій, но робкій поцѣлуй...

Черезъ часъ онъ преклонилъ колѣна передъ дорогою могилой...—и новая, болѣе отдаленная смерть рисуется передъ Валерьяномъ...—ское военное училище... Утреннія лекціи кончились... Шумъ, говоръ, всѣ бѣгутъ въ столовую... Вальховцева вызываютъ... Въ пріемной его отецъ, блѣдный, растерянный... „Мамаша больна... холера...“ прерывающимся голосомъ говоритъ онъ,—„я просилъ тебя отпустить... командиръ роты разрѣшилъ... Одѣвайся...“ Затѣмъ все путается... Валеріану слышатся то слабые стоны матери въ минуты успокоенія, то раздирающіе душу вопли во время судорогъ. Потемнѣвшее и осунувшееся лицо словно стоитъ передъ нимъ, больная черезъ силу утѣшаетъ его, стираетъ его слезы, скрываетъ свои мученія... Мелькаютъ передъ Валеріаномъ доктора, сомнительно качающіе головой, убитый горемъ отецъ, печальныя лица прислуги, сѣдой священникъ въ эпитрахили, неслышно скользящій по полу, шопотомъ говорящій... Тайна какая-то совершается... Гнетущая, невыразимая скорбь сжимаетъ сердце, душитъ горло. Валеріанъ бросается передъ образомъ и, весь облитый слезами, молится горячо, до изступленія! Кругомъ точно стихаетъ... Стоны смолкли... надежда шевелитъ душу... Его зовутъ... Больная покойна, но покой этотъ страшенъ, страшнѣе моленій и криковъ—это вѣстникъ близкой кончины!.. Уже могильныя тѣни

ложатся на дорогое лицо, уже коснѣющія уста несвязно шепчутъ молитву... Вальховцевъ чувствуетъ, какъ рука, лежащая на его головѣ, холодѣтъ, а глаза все болѣе и болѣе устремляются куда-то въ невѣдомую высь... Онъ молчитъ, боится шевельнуться... кругомъ тишина, ужасная тишина!

„Сироты мы съ тобой!“ вдругъ страшнымъ воплемъ слышится ему слова отца—и сердце Валеріана на секунду перестаетъ биться... Нѣсколько часовъ вычеркиваются изъ воспоминаній. Ему хотѣлось бы вычеркнуть и все послѣдующее, оставивъ только въ памяти живой, милый образъ, но мягкія, дышашія жизнію черты сглаживаются и исчезаютъ; желтое-же какъ воскъ дорогое лицо, гробъ съ траурными подсвѣчниками, чтеніе псаломника—этого изъ памяти не выкинешь!

И все глубже и глубже вдумывается Вальховцевъ въ свое прошедшее, все больше и больше развертывается передъ нимъ свертокъ его жизни. Смутно пробѣгаетъ передъ нимъ его дѣтство, словно туманная картина съ нѣсколькими ярко вкрапленными пятнами: няня, жизнь въ Янкинѣ, холера 1848 г., сборы въ Петербургъ... Вспоминается нѣсколько эпизодовъ, поразившихъ его дѣтскій умъ: подпись старосты въ письмѣ къ отцу „всенижайшій рабъ“, толкованія няни, что „все мы ваши и господа вольны дѣлать со своими крѣпостными, что только на умъ взбредетъ“ и какъ съ того времени ему стали жалки эти крѣпостные. Припомнилъ онъ, что не удовлетворился одною этою жалостью, а просилъ у отца объясненій и какъ отвѣтъ его „что если выпустить крестьянъ на волю—жить намъ будетъ нечѣмъ“ не удовлетворилъ его. Мелькнулъ передъ нимъ симпатичный образъ горничной Даши, не имѣвшей денегъ, чтобы выкупиться и выйти замужъ, ея слезы и отчаяніе. Потомъ радость и веселье въ дѣвичьей, когда отецъ, по просьбѣ матери, отпустилъ Дашу на волю даромъ и какъ пріятно было ему слушать благословенія, которыми осыпала прислуга его родителей.

Гисовался ему отъѣздъ въ Петербургъ: съ ранняго утра два огромные omnibuses нагружались передъ крыльцомъ перинами, подушками, всевозможными ящиками и чемоданами; толпа дворовыхъ суежилась, бѣгала взадъ и впередъ

по лѣстницѣ, таская кладь; въ залѣ дворецкій Михайло Ѳедоровъ накрывалъ столъ къ молебну, а въ столовой готовили завтракъ; мать, съ батюшкой и матушкой и Марфой Матвѣевной, пили въ боскетной чай, Василій-же Ивановичъ все отпѣкивался и усиленно хлопоталъ, заступая мѣсто хозяина, бывшаго уже въ Петербургѣ. Отпѣли молебенъ, позавтракали, начались проводы. Долгій путь до столицы неясно представлялся Валеріану; два-три монастыря, ярмарка въ какомъ-то городѣ, только потому и памятная ему, что два встрѣчные мужика дивились омнибусамъ, приговаривая: „ишь хоромны какія понадѣлали!“, чучела большихъ птицъ на одной изъ станцій—вотъ и все, что вынесъ мальчикъ изъ своего путешествія. Петербургъ не понравился ему: все такое большое, шумное, незнакомое, а жизнь куда скучнѣе деревенской, припоминалъ Вальховцевъ свои тогдашнія впечатлѣнія.

Трехлѣтнее посѣщеніе гимназій приходившимъ ученикомъ также не вызывало въ немъ ничего пріятнаго: грубый тонъ учениковъ, стекавшихся изъ всевозможныхъ угловъ столицы, насмѣшки ихъ надъ тѣмъ, что Валеріанъ привыкъ уважать и во что слѣпо вѣрилъ, безцеремонное обращеніе учителей, безнаказанно дравшихъ мальчиковъ за уши и за волосы, дурное преподаваніе—все это слишкомъ шло въ разрѣзъ съ тѣмъ, что онъ видѣлъ и испытывалъ дома. Но вотъ онъ въ—омъ училищѣ... Мелкія непріятности, нѣкоторая военная жесткость и угловатая своеобразность училищныхъ правовъ ступеньваются передъ общимъ отраднымъ воспоминаніемъ. Тепло отзываются въ душѣ Валеріана заботы самихъ воспитанниковъ о нравственности и чести заведенія, о расширеніи своихъ познаній. Мелькаютъ передъ нимъ личности 17—18 лѣтнихъ юношей, своимъ трудомъ добившихся до различныхъ свѣдѣній, не полагавшихся въ курсѣ; въ особенности выступаетъ передъ нимъ серьезный образъ юнкера, выучившагося по учебникамъ англійскому и итальянскому языкамъ на столько, что онъ могъ переводить спеціальныя сочиненія. Соревнованіе, любовь къ труду и наукѣ царили въ училищѣ. Вспоминалось Вальховцеву, какъ жутко бывало ему во время полугодичныхъ экзаменовъ. Въ половинѣ шестого утра неумолимая дробь барабана прерываетъ крѣпкій молодой сонъ: за окнами не-

проглядная ночь, въ камерахъ горять лампы. Дрожь пробѣгаетъ по тѣлу и отъ разставанія съ теплой постелью и отъ нервнаго страха. Туалетъ совершается быстро; дорога каждая минута: можно кой что пересмотрѣть, кой о чемъ спросить. Пересохшее отъ волненія горло еле пропускаетъ горячій сбивень: булка, зачастую, остается или нетронутой или надломленной,—не до ѣды! Боязнь срѣзаться или спуститься охватываетъ все существо Валеріана. Неудовольствіе родителей, замѣчаніе профессора, улыбки товарищей—страшными призраками встаютъ передъ нимъ... Но вотъ онъ въ экзаменаціонномъ залѣ; лампы ярко освѣщаютъ эпoletы начальства и преподавателей, стеклянные шкафы съ блестящими топографическими инструментами и золотыя рамы портретовъ. Первая смѣна вызвана и онъ попадаетъ въ нее... Последняя страшная минута... билетъ взять и съ первой строчки волнение Валеріана стихаетъ: онъ не боится!

„Ну вотъ, теперь ты первый ученикъ, ефрейторъ—спасибо тебѣ!“ слышится юношѣ голосъ отца.—„Надо и до фельдфебеля дотянуть, да не занскиваньями, а головой и фронтомъ, чтобы себѣ быть обязаннымъ!“ И два года усидчиваго труда завершаются блестящимъ выпускнымъ экзаменомъ, одобрительнымъ отзывомъ начальства и товарищей.

Праздничная картина разворачивается передъ глазами Вальховцева: Царицынъ лугъ, толпа зрителей... Музыка, командныя слова, церемоніальный маршъ... Отбой... „Выпускные, ко Мнѣ!“ слышится голосъ Государя: выпускные мчатся и окружаютъ Его. Теплая, прочувственная рѣчь Добрышаго Царя... Громовое „ура!“ Потомъ появленіе корзины съ приказами... Одушевленіе и радость на всѣхъ лицахъ. Родные и знакомые смѣшиваются съ кадетами. Оживленный говоръ, поцѣлуи слышатся въ этой кучкѣ. Парами, по одиночкѣ, перегоняя другъ друга, забывъ недавнюю дисциплину, съ приказомъ въ рукѣ, словно съ талисманомъ, бѣгутъ „новоиспеченные“ офицеры, кто къ извозчикамъ, кто въ инженерный замокъ. Разсѣянно отвѣчаетъ по пути Валеріанъ на разныя привѣтствія: его мысль тамъ, въ круглой камерѣ училища, на Гагаринской, въ квартирѣ отца. Портной ждетъ его у койки: толпа воспитанниковъ, не безъ зависти, слѣдитъ за его переодѣваніемъ. Четверть часа—и Вальховцевъ готовъ, лихачъ-извозчикъ мигомъ переноситъ его въ роди-

тельскій домъ. Радость, поздравленія, шампанское—все пугается въ какомъ-то праздничномъ хаосѣ...

Потомъ академія, гвардейская жизнь съ ея фатовствомъ, кажденіемъ богатству и титуламъ, неудовлетворенная жажда разумной дѣятельности...

V.

— Валерьянъ Николаичъ, вы заснули? спрашиваетъ Андрей.—Къ Рождеству подъѣзжаемъ...

Пятиглавая приходская церковь высится изъ-за деревянной, рубленой ограды, съ башенками на углахъ; дома прицѣпа огибають двѣ ея стороны; нѣсколько старыхъ березъ хоть немного оживляютъ безлѣсное мѣсто.

Кибитка остановилась у рѣшетчатыхъ полуотворенныхъ воротъ; но переметенной дорожкѣ, между двухъ отвѣсныхъ снѣжныхъ стѣнъ, добрался Вальховцевъ до могилы отца.

— Съ прїѣздомъ, Валерьянъ Николаичъ! раздался за нимъ симпатичный, нѣсколько разбитый теноръ—и глазамъ молодого человѣка предстала сухошавая фигура съ крутымъ лысымъ лбомъ, добродушнымъ взглядомъ и рѣдкой, сѣдой бородкой. Фигурка эта была въ нагольномъ тулупѣ съ откинутымъ овчиннымъ воротникомъ и держала высокую котиковую шапку съ полнялой зеленой тульей.

— Отецъ Алексѣй! обнялъ Вальховцевъ священника —Ну, живете какъ? Матушка, дѣти? ;

— Благодареніе Господу! надѣвая шапку, отвѣтилъ старичокъ.—Коль пожелаете во-очію убѣдитесь... Стаканчикомъ чая смѣю просить?

Онъ мягко, въ обѣ руки, взялъ руку молодого человѣка.

— Съ большимъ удовольствіемъ!

— Намъ это честь немалая будетъ, потому какъ мы всегда привержены къ вашему семейству! пробормоталъ о. Алексѣй.

— Ну какая тамъ честь! беря его подъ руки, сказалъ Валерьянъ.—Птица я неважная да, признаться, важной и быть не желаю.

— Что такъ? Въ ваши-то года?

— Честолюбія нѣтъ...

— Явится! Это временное только состояніе духа... Вамъ, да на первой, такъ сказать, ступени остановиться!

— И остановлюсь.

— Вы надо-быть у Ефимьевых заночевали? перемѣнилъ разговоръ священникъ.

— Да.

— И хорошо сдѣлали: по нашимъ дорогамъ, да еще въ такую метель, долго-ли до грѣха! Да-съ, послѣ паузы, со вздохомъ продолжалъ о. Алексѣй, — вотъ и Николай Семенычъ житіе свое кончили... Очень, очень ужъ мы о нихъ сокрушались!

— Скажите, выходя изъ воротъ, спросилъ Вальховцевъ, -- какъ это такъ вдругъ случилось? Хотя дядя и описывалъ мнѣ все подробно, но, понимаете, мнѣ всякая мелочь дорога...

— Еще наканунѣ утромъ съ сыроваромъ разговоръ вели... какія-то улучшенія вознамѣривались дѣлать, а глядь къ ночи за мной ужъ гонца шлютъ! — Въ сердцѣ, говорилъ докторъ, у нихъ самая-то боль была.

— Въ памяти умиралъ отецъ?

— Въ совершенной. Какъ только я ихъ напутствовалъ, прибыли: докторъ, Александръ и Петръ Семенычи. Папенька вашъ сдѣлалъ разныя распоряженія на счетъ похоронъ, простились со всѣми, васъ вспомнили, перекрестили не одинъ разъ со слезами, а затѣмъ почивать охоту возымѣли; перевернулись на правый бочокъ и отходную читать велѣли; а около часу ночи перекрестились и отошли въ вѣчность! Да, пошли Богъ всякому такую мирную, непостыдную кончину! Пожалуйте, подойдя къ своему дому, пропустилъ старичокъ гостя.

— Милости просимъ! раздался съ верху лѣстницы растянутый голосокъ попадьи, худой, болѣзненной женщины, въ бѣломъ чепцѣ и гроденаплевой мантильѣ.

Валеріанъ поздоровался съ нею, раздѣлся и вошелъ въ довольно просторную комнату; хозяева исчезли. Молодой человѣкъ осмотрѣлся: большой кіотъ, съ теплящейся передъ нимъ лампадой, занималъ передній уголъ; кисейныя занавѣски, подхваченныя полинялыми розовыми лентами, скрывали почернѣвшіе наличники оконъ; мебель была старинная, красного дерева, обтянутая черной кожей. У окна стоялъ столъ, покрытый клеенкой, съ метрическими книгами, номеромъ журнала „Странникъ“ и необходимыми канцелярскими при-

надлежностями; нѣсколько видовъ монастырей, да портреты архіереевъ украшали выбѣленные по бумагѣ стѣны.

Отецъ Алексѣй, въ подрясникѣ и вышитомъ широкомъ поясѣ, внесъ на подносѣ водку и бутылку неизмѣннаго „кагора“, матушка, съ помощію работницы, накрыла переддвинутый столъ и поставила его разными закусками домашняго приготовления. Начались подчиванія.

— Въ Якинѣ васъ ждуть, не дождутся, заговорилъ священникъ:—домъ давно уже протапливается... Особенно дворовые въ сомнѣніи обрѣтаются... Матвѣй Скалозубъ вчера у меня былъ, такъ сказывалъ.

— Ужъ и мы на васъ, можно сказать, всю нашу надежду возлагаемъ, ужимаясь и причмокивая, встала попадья,—потому приходъ нашъ бѣдный и помѣщиковъ, живущихъ по усадьбамъ, сущая малость. Папенька вашъ во всякое время взыскивали насъ своими милостями.

— И я насколько могу...

Старпчокъ махнулъ женѣ рукой, но та продолжала:

— Хлѣбцомъ тоже пособляли, оводью... капуста у насъ вѣдь не родится вовсе: тоща больно земля да и воды близко нѣтъ.

— Винцомъ позвольте просить, взявъ бутылку, всталъ хозяинъ и укоризненно взглянулъ на жену.

Вальховцевъ отказался.

— А семьей насъ Богъ благословилъ, тараторила матушка:—двое въ семинаріи учатся, да трое еще на рукахъ, —что денегъ, да добраго на нихъ изведешь! Опять-же надежъ о прошлое лѣто посылтилъ—все недостача... особливо въ теперешнее время...

Оно точно, конфузясь, перебилъ жену хозяинъ:—съ волей этой всѣмъ туго пришлось... Крестьяне, которые поумнѣе, и тѣ старое время не въ примѣръ лучше нонѣшняго ставятъ.

— Странно это, началъ было Валеріанъ, но хозяйка не дала ему кончить:

— А всѣхъ хуже—нашей братинъ: въ старину помѣщиками мы больше жили: и работниками въ страдное время они намъ пособляли и денежками поддерживали... Старики —народъ былъ богомольный... А нынче господа сами обѣднѣли...

Внесли самоваръ

— Завтра я бы хотѣлъ заупокойную обѣдню отслужить, перемѣнилъ разговоръ Вальховцевъ.

— Что-жъ, дѣло хорошее, согласился священникъ;—въ которомъ часу прикажете?

— Да въ девять; а потомъ передъ обѣдомъ молебень въ домѣ.

— Водосвятный конечно, какъ такому случаю и приличествуетъ?

— Да.

— Вотъ 25-го будущаго мѣсяца полугодовая папенькѣ вашему будетъ и срокъ обѣднямъ кончится, передавая чай гостю, возвратилась попадья къ близкому для нея предмету, —такъ какъ, будетъ усердіе ваше еще на полгода службы продлить?

— И чего ты, Лизавета Андреевна, въ поповскія дѣла суешься? не выдержалъ наконецъ отецъ Алексѣй.

— Дая думала оно кстати будетъ Валерьяну Николаичу напомнить, потому о молебнѣ рѣчь зашла.

— Объ этомъ мы завтра переговоримъ, замѣтилъ гость.

— Такъ ужъ за одно-бы и объ ризахъ, надумалась хозяйка.

— А ну тебя! махнулъ рукою священникъ.

— О какихъ ризахъ? спросилъ Вальховцевъ.

— Да, что по папенькѣ вашему... По сю пору онѣ такъ не шитыми и лежать...

— Отчего?

— Дяденька вашъ тогда сказали, что шитье на церковной обязанности лежитъ,— ну, а какъ капиталовъ на этотъ предметъ у насъ не имѣется, да и не положено...

— А кто занимается этимъ?

— Шитьемъ-то? Когда я, а когда и просфорня.

Пообщавъ заплатить, Валеріанъ протерся съ хозяевами и сталъ одѣваться. Три растрепанныя дѣтскія головки выглянули въ дверь; молодой человекъ хотѣлъ было приласкать ихъ, но попадья мгновенно втокнула ихъ въ комнату, сердито прибавивъ вполголоса: „куда лѣзете? Чистые поросята! На капитанскихъ дѣтей и не похожи!“

— Андрей! Почему попадья своихъ ребятишекъ капитанскими дѣтьми величаетъ? поинтересовался Вальховцевъ, сѣзжая съ погоста.

— А вы не знали развѣ, что они попа съ капитаномъ равняютъ?.. Какже!

— Благородными тоже себя почитаютъ, черезъ плечо, презрительно замѣтилъ ямщикъ,—а на мужицкую подачку глаза пялятъ!.. Особливо попадая эта: нѣтъ ея хуже!

VI.

„Янкино“ болѣе двухсотъ лѣтъ находилось во владѣніи рода Вальховцевыхъ. Старинный, двухэтажный съ антресолями, каменный домъ, ровесникъ усадьбѣ, своими размѣрами вполнѣ свидѣтельствовалъ о прежней ея славѣ. И дѣйствительно, не такъ еще давно, при дѣдѣ Валеріана, подѣ „Янкинымъ“ числилось около двухъ тысячъ десятинъ въ одной окружной межѣ и до четырехсотъ душъ барщинныхъ крестьянъ; но потомъ все это частью продавалось, частью разошлось по наслѣдникамъ и, въ моментъ нашего разсказа, старинныя хоромы царили надъ семью стами десятинъ земли и ста двадцатью душъ крестьянъ.

Мѣстоположеніе усадьбы было красивое: широкая березовая аллея вела къ мосту черезъ глубокую и довольно широкую рѣку; налѣво, на островкѣ, стояла старинная липовая рощица. Изъ-за большого, столѣтняго сада, спускавшагося къ рѣкѣ, виднѣлась, покрытая толстымъ слоемъ снѣга, крутая крыша барскаго дома съ большимъ висячимъ балкономъ, на сѣро-зеленоватомъ фасадѣ. За мостомъ аллея шла въ гору, составляя лѣвый бокъ сада усадьбы; на верху подъема, каменные ворота открывали поворотъ къ дому. Широкое шоссе обходило со всѣхъ сторонъ квадратный „бѣлый“ дворъ, съ овальнымъ прудомъ посрединѣ и группами высокихъ липъ, дубовъ и кленовъ; сплошная изгородь изъ боярышника составляла бокъ двора, параллельный фасаду дома, а остальные три очерчивались рядомъ службъ, съ правильными промежутками изъ валовъ, съ посаженными на нихъ изгородями изъ стриженной акации. Изъ прямого угла шоссе, рѣшетчатые ворота вели въ обширный огородъ, примыкавшій къ саду, но отдѣленный отъ него, съ цѣлью защиты отъ холодныхъ вѣтровъ, сплошною стѣной различныхъ кустовъ и деревьевъ. Ягодными аллеями огородъ былъ разбитъ на четырехугольники и спускался къ большому

труду, на берегу котораго, на югъ, стояли оранжереи: персиковая, сливная, двѣточная и вишневый сарай. Вообще „Янкино“ имѣло видъ имѣнія вполне благоустроеннаго и хорошо содержимаго.

Первымъ дѣломъ Валеріана, послѣ молебна и ухода священника, было позаботиться о своемъ помѣщеніи. Домъ былъ слишкомъ великъ для него, а потому большую его половину, выходящую на сѣверъ и сѣверо-востокъ, онъ оставилъ въ томъ видѣ, какъ она была, велѣлъ запереть двери, но не заколачивать, такъ какъ, въ виду приближающейся весны, комнаты вскорѣ придется провѣтривать. Себѣ отмежевалъ онъ въ бѣль-этажѣ кабинетъ со спальней, залу, гостиную, выходящую на балконъ, столовую, буфетъ и комнату для прислуги; изъ передней чугунная винтовая лѣстница вела въ антресоли, четыре комнаты которыхъ предназначались для гостей. Кухня и кладовыя находились внизу. Послѣ размежеванія началась перестановка мебели, раскупорка ящиковъ съ вещами, присланными изъ Петербурга, приведеніе въ порядокъ кабинета и шкапа съ охотничьими принадлежностями. Такъ прошелъ весь вечеръ. На другой день съ утра, Вальховцевъ приступилъ къ устройству личнаго и хозяйственнаго персонала. Судьба дворовыхъ крайне заботила его: ему хотѣлось, чтобы всѣ крѣпостные остались въ Янкинѣ и онъ боялся, чтобы чрезмѣрныя требованія ихъ не вынудили его разстаться съ людьми, которыхъ онъ зналъ съ дѣтства.

— Ну, Михайло Ѳедорычъ, садясь за кофе, обратился Валеріанъ къ низенькому, коренастому, лѣтъ шестидесяти, старику, въ нанковой парѣ и съ бритою бородой, бывшему буфетчику и доѣзжаему отца:—надо мнѣ со всѣми вами на счетъ положенія потолковать...

Старикъ крикнулъ и заложилъ руки за спину.

— И начну я съ тебя, какъ старшаго...

— Какъ изволите, вторично крикнулъ Михайло и безпокойно замигалъ глазами.

— Выселять тебя изъ Янкина, гдѣ жилъ и твой отецъ, потому только, что ты состарѣлся—у меня духа не хватитъ, Михайло Ѳедорычъ, а и много назначить тебѣ—карманъ не дозволить... Ты что при папашѣ получалъ?

— Пятнадцать рублей въ годъ жалованья, одежду лѣт-

нюю на два и зимнюю на три года, мѣсячное довольствіе на жену и двухъ дѣтей, рубль въ мѣсяцъ на приварокъ, пять грядъ подъ овощи и корову на барскомъ корму.

— Ты послѣднее время былъ буфетчикомъ?

— Точно-съ... Доѣзжачимъ я съ прошлой Пасхи уже не состоялъ: папашенька вашъ, какъ вышла воля—такъ охоту и порѣшили... Изъ всѣхъ собакъ остался только одинъ: густопсовый, рыжій „Карай“—изволите помнить? Въ оди-ночку русака бралъ... И остался-то только потому, что я вы-просилъ его себѣ...

— А гончія?

— Часть раскупили въ Архангельскъ, Кострому... Часть, что похуже—повѣсили... Николай Семенычъ хотѣли и ран-жереи уничтожить, да васъ вспомнили: „Валеринька“, ска-зали:—„фрукты любить такъ пусть пока стоятъ и сарай и ранжереи!“

— А кто-же камердинеромъ у папаша былъ?

— Григорій Соловьевъ, изъ городскихъ... Славный ма-лый! Баринъ очень его любилъ... Послѣ двадцатаго дня только онъ ушелъ изъ Янкина.

— А твой сынъ, Алексѣй-поваръ, на особомъ отъ тебя положеніи состоитъ?

— На особомъ; мы до него не касаемся.

— А прачкой все по прежнему твоя жена Евгенія?

— Въѣстъ со старшей дочерью, Зинаидой... Вы изволите ее помнить?

— Какже! Ей теперь лѣтъ восемнадцать?

— Скоро и девятнадцать стукнетъ.

— Пора и замужъ...

— Жениховъ нѣтъ, Валерьянъ Николаичъ... за мужика отдать не хочется!

— Такъ какъ-же, Михайло Федорычъ, послѣ паузы спро-силъ Вальховцевъ, — хочешь ты у меня оставаться?

— Будетъ милость—такъ ужъ по старому, нетвердо пробормоталъ старикъ и повалился въ ноги.

— Разъ навсегда говорю тебѣ, Михайло Федорычъ, поднимая его, возвысилъ голосъ Валеріанъ, — не кланяйся мнѣ въ ноги: я этого терпѣть не могу!

— Виновать, покорно отвѣтилъ старикъ.

— Ты будешь у меня попрежнему буфетчикомъ, а жена

твоя прачкой; оба на прежнемъ положеніи; Зинаидѣ-же я прибавляю пятнадцать рублей въ годъ.

— Валерьянъ Николаичъ! Взыскали вы насъ своею милостію! У другихъ господъ, что старья-то повыгоняли! и обрадованный старикъ ухитрился таки поймать барскую руку и поцѣловать ее.

— Скажи пожалуста Андрею, чтобъ онъ принесъ мнѣ еще чашку кофею, да пошли мнѣ Никандра—садовника.

Михайло Федорычъ взялъ чашки и вышелъ изъ кабинета.

Черезъ нѣсколько минутъ Андрей принесъ кофе, поставилъ чашку на столъ и не уходилъ.

— Ты что? Рядиться что-ли тоже пришелъ? усмѣхнулся Валеріанъ.

— Моя ряда извѣстна: не прогоните—самъ не уйду! Нѣтъ, я хотѣлъ доложить вамъ: простоту-то вы свою оставьте, не очень-то имъ поблажайте... Я—вѣдь ужъ всѣ флигеля обѣгалъ, побольше вашего знаю!

— Ну что-же ты знаешь?

— А то что дрожмя-дрожать, чтобы вы ихъ значить не турнули! Тоже мѣстовъ-то нонче немного, особливо какъ наше, всѣ господа лишнихъ-то людей сбываютъ. Вонъ садовникъ пришелъ, заглянулъ въ переднюю Андрей, забралъ поднось и корзинку съ хлѣбомъ и вышелъ.

— Никандръ, обратился Вальховцевъ къ высокому, сутуловатому старику, съ просѣдью и маленькими, бѣгающими глазами,—я позвалъ тебя договориться на счетъ содержанія, если ты пожелаешь остаться у меня послѣ обязательнаго года.

— Родился въ Янкинѣ и помереть здѣсь желаю, Аверьянъ Николаичъ!

— Я предлагаю тебѣ, съ 1-го марта сего года, въ мѣсяцъ пять рублей жалованья, два полныхъ пайка, тебѣ и женѣ, рубль на приварокъ, овощи изъ огорода и содержаніе коровы на мой счетъ; это составитъ по меньшей мѣрѣ одиннадцать рублей, не считая овощей... Понялъ?

— Понялъ-съ.

— И контрактъ на три года.

— Контрактъ-то зачѣмъ, Аверьянъ Николаичъ: куда я, старикъ, уйду?

— Для порядка, Никандръ: и мнѣ и тебѣ вѣрнѣе будетъ. Ну такъ иди, обдумай и вечеромъ отвѣтъ принеси.

VII.

Отпустивъ садовника, Валеріанъ надѣлъ полушубокъ и пошелъ по селу; около амбара онъ встрѣтилъ старосту Адріана, атлета зрѣлыхъ лѣтъ, съ добродушнѣйшей физиономіей, переговорилъ съ нимъ о предстоявшей перемѣркѣ хлѣба и вмѣстѣ съ нимъ зашелъ въ конюшню. Осмотрѣвъ постройку, экипажи, сбрую и замѣтивъ, гдѣ и что нужно исправить, Вальховцевъ велѣлъ вывести лошадей, какъ упряжныхъ такъ и рабочихъ; оказалось четыре упряжныхъ, одна верховая и восемь рабочихъ.

— А придется тройку новую собрать, Прокофій, обратился Валеріанъ къ здоровому малому, лѣтъ тридцати пяти, съ большой рыжей окладистой бородой:—эта уже поизъѣздилась...

— Ногами только плохи, а то послужили-бы еще.

— Займись-ка этимъ Адріанъ: ты, говорятъ, знаешь толкъ въ лошадахъ...

— Слушаю-съ... А этихъ значить продавать?

— Пару—да, а Сороку оставь: она мнѣ тѣмъ дорога, что съ нее стрѣлять можно.

— А масти какой вамъ желательно?

— Караковой, вороной, въ крайнемъ случаѣ—рыжей.

— Былъ тутъ на Троицкомъ караковой конь, крѣпкій и съ ходомъ—только проданъ поди... Очинно около его мужичокъ тутъ одинъ ходилъ... навѣдаться надо будетъ... и сегодня-же.

— Ну а какъ, Прокофій, на счетъ водочки—по прежнему? улыбаясь, спросилъ Валеріанъ.

— Нѣтъ, Аверьянъ Николаичъ: вовсе оставилъ: я вѣдь чуть-было не померъ! и широкая улыбка расплылась по жирному, лоснящемуся лицу Прокофія.

— Какъ-такъ?

— А изволите видѣть, смѣясь вмѣшался Адріанъ:—настоялъ онъ на водкѣ нюхательнаго табаку да и выпилъ, что бы отъ неѣ значить отстать; ну рвать его зачало, да

съ кровью... Николай Семенычъ сейчасъ это его въ больницу опредѣлили—съ мѣсяцъ—вѣдь вылежалъ!

— Ну а какъ на счетъ жалованья Прокофій? спросилъ Валеріанъ.

— А какіе у меня счеты: человѣкъ я холостой, одинокой... Что полюбжите—благодаренъ буду...

— Восемь рублей, кормѣжка въ Янкинѣ и городъ—моя.

— На томъ благодаримъ! Буду жить, пока не прогоните!

Перешли на скотій дворъ.

— Мелокъ скоть, Адріанъ, пройдя по яслямъ замѣтилъ Вальховцевъ,—да и тощъ, указалъ онъ на лежавшую коровенку, которую скотникъ тщетно старался поднять:—эта вонъ до того ослабѣла, что и на ноги встать не можетъ!

— Ей-бы еще осенью въ бракъ надо быть, да какъ баринъ померли—животинъ и не браковали вовсе, пояснилъ староста.

— А всѣхъ сколько?

— Да сто десять пудовицъ, окромя быковъ и мелочи.

— А корму довольно? Хватить до мая?

— Въ среднюю дачу рѣзку самопрѣлую даемъ, съ мучною пѣсыпью и солью, а то корма-бы не хватило... Въ прошломъ лѣтѣ и травы не важны были и клеверъ отъ засухи много пострадалъ. Выбраковать безпримѣнно надо было десятковъ—другой коровѣнокъ похуже... Такъ не смѣлъ, Аверьянъ Николаичъ...

— А отберите съ Матвѣемъ тѣ, которыя похуже, да и продавайте помаленьку; теперь скоть все дороже и дороже будетъ...

— Какъ не дороже! Подождемъ да и съ Богомъ!

— А породу-то, Адріанъ, надо непременно улучшить, покрупнѣе и помолочнѣе; крупный, хорошо кормленный скоть и молока и навозу больше дастъ, чѣмъ эти телушки! Да навозъ-то надо еще и другимъ путемъ увеличить...

— Покупать въ городъ думаете?

— Нѣтъ, братъ: жирно это будетъ, когда у насъ подъ рукой не одинъ возъ удобренія пропадаетъ даромъ... Надо, Адріанъ, „компосты“ дѣлать.

— Это что-же такое? удивился староста.

— А вотъ что: осенью, пока еще не замерзло, надо со-

бирать всякую дрянь: грязь около скотных дворовъ, съ улицъ, гнилье около овиновъ, отбросы изъ огородовъ, опавшую листву въ саду, срѣзанныя въ поляхъ и разсыпавшіяся кочки, мохъ изъ болотныхъ лядинъ, негодный для построекъ, содержимое отхожихъ мѣстъ и помойныхъ ямъ и проч. Все это надо укладывать послойно, пересыпать известью и такъ, чтобы одинъ слой гноилъ другой. Компосты надо складывать такъ, чтобы выходила четырехугольная куча; по мѣрѣ возвышенія ея, надо проливать ее, часто и обильно, напатыремъ, распущеннымъ въ водѣ. Если компостъ будетъ оконченъ къ концу сентября и осень будетъ теплая—къ іюню удобреніе готово.—Ну, а какъ на счетъ жалованья, Адріанъ, помолчавъ спросилъ Валеріанъ.

— А какъ угодно будетъ! Изъ Янкина я не уйду—развѣ вашей милости не погожусь!

— Разъ ты, Адріанъ, служилъ панашѣ пятнадцать лѣтъ и онъ всегда былъ доволенъ тобою—за что-же я обижу тебя? Живи и служи по прежнему... я очень радъ буду!

Адріанъ снялъ шапку и поклонился.

— На томъ благодаримъ... Послужу, батюшка, и тебѣ, сколь силъ хватить!

— На какомъ положеніи ты у папаши былъ?

— А получалъ я, Аверьянъ Николаичъ, два пайка, на прибавокъ три рубля въ мѣсяцъ, корову на барскомъ корму, огородецъ за прудомъ и пятьдесятъ рублей въ годъ жалованья.

— Все это я оставлю тебѣ и прибавляю еще пятьдесятъ рублей въ годъ, такъ что ты будешь получать сто рублей жалованья.

Староста повалился барицу въ ноги.

— Что-ты, что ты... встань сейчасъ! взявъ его за руку, вскричалъ Валеріанъ.—И никогда этого не дѣлай: Богу кланяйся да Царю—и больше никому! Слышишь!

— Больно ужъ вы меня пожаловали! утеръ глаза Адріанъ.

— Очень радъ, что ты доволенъ; а теперь я пойду къ Матвѣю... Да вонъ онъ идетъ...

Къ нимъ подошелъ молодой, благообразный брюнетъ, въ расшитой шелками дубленкѣ, съ мерлушечной шапкою въ рукѣ.

— А я къ тебѣ, Матвѣй... Варилъ сегодня? Надѣвай шапку.

— Какъ-же-съ, подѣ прессомъ давно!

— Аннушка здорова?

— Благодаря Бога.

— Ну, съ визитомъ къ ней прежде.

Вальховцевъ вошелъ въ сѣни большого флигеля о двухъ половинахъ: въ лѣвой помѣщалась сыроварня, въ правой—Матвѣй съ семьей; подѣ всѣмъ зданіемъ были каменные подвалы и ледникъ съ боку сыроварни. Навѣстивъ Аннушку, Валеріанъ перешелъ въ другую половину: осмотрѣлъ очагъ, прессъ, комнату, гдѣ скисалось молоко, кладовыя съ кругами молодого сыра на полкахъ. Вездѣ чистота и порядокъ были образцовые. Спустившись въ подвалъ, Вальховцевъ запустилъ щупъ въ одинъ изъ готовыхъ круговъ и попробовалъ: сыръ ему не понравился; онъ замѣтилъ это Матвѣю.

— Недоучилъ меня Погорѣловскій сыроваръ: не весь секретъ передалъ, а теперь поздно учиться—кусокъ хлѣба надо добывать... семейство все увеличивается... Я, знаете, выходя на крыльцо, послѣ небольшой паузы, добавилъ Матвѣй,—хочу предложить вашей милости: не сдадите-ли вы мнѣ заводъ въ аренду?

— Отчего не сдать... зайди, поговоримъ.

Изъ-подъ горы слышался колокольчикъ... „Ужъ не ко мнѣ-ли кого несетъ?“ подумалъ Валеріанъ, крайне нелюбившій неожиданныхъ гостей, въ особенности, когда онъ занятъ былъ какимъ-нибудь дѣломъ.

Вся группа остановилась и стала вглядываться; колокольчикъ звонилъ рѣже—поднимались въ гору.

— Становой надо быть, рѣшилъ Адріанъ: вечеръ въ Марково прокатилъ, недоимку сбивать... Теперь оборачиваетъ...

Звонъ участился и изъ-за флигеля показалась кибитка, запряженная парой.

„Ну, не ко мнѣ“, успокоился Вальховцевъ, видя, что повозка миновала ворота.

— А что па счетъ бороны скажешь Адріанъ? спросилъ онъ, поворачивая къ дому.

— Это что изъ Питера-то, двойная?

— Да.

Староста почесалъ за ухомъ.

— Вотъ, съ Матвѣемъ Захарычемъ глядѣли... Ничего... Къ работѣ способна-ли только будеть? А борона ничего...

— Эта двойная борона—четырёхъ нашихъ стоитъ (Адріанъ кивнулъ головой): двухъ желѣзныхъ да двухъ деревянныхъ.

— Почему-же такъ?

— А потому что когда нужна глубокая бороньба—вага къ одной сторонѣ пристегивается, а когда мелкая—къ другой. Для этого одно ребро зубьевъ—прямое, а другое скошенное.

— Такъ-съ, склонивъ голову, протянулъ староста;—а вотъ, Аверьянъ Николаичъ, закладывая руки за спину, послѣ небольшой паузы, заговорилъ Адріанъ,—съ молотилкой согрѣшили: покойничекъ баринъ, замѣстъ деревяннаго, чугунный приводъ надумали сдѣлать... Оно точно: лошадамъ облечение да только съ прежнимъ-то приводомъ мы что времени молотили... сломается что—мельникъ, нето и плотникъ живымъ манеромъ поправятъ и опять работаетъ, а съ чугуннымъ-то на десяткѣ овиновъ сѣли и пришлось за цѣпъ вѣзаться!

Сломалось что-нибудь?

— Шестерня лопнула—машина и не пошла ни по чемъ; а чтобъ опять наладить—на заводъ посылай, а лёгкое развѣ это дѣло? Перво на перво—далеко да и время уйдетъ.

— Никакая машина не выдержитъ, коли вы будете съ ней помедвѣжьи обращаться! Вы въ барабанъ готовы хоть копну запихать, не разбирая: сухъ хлѣбъ или нѣтъ... Сломается: на то машина!“

— Что говорить, Аверьянъ Николаичъ, усмѣхнулся староста,—всяко бываетъ, за народомъ не углядишь... А только сами извольте разсудить, шестерня тоненькая, пальцы маховыя—какъ тутъ не сломаться!

— Да неужели ты не понимаешь, что и шестерня и пальцы—все это по чертежу, по размѣру сдѣлано?

— Въ препорцію значить, какъ не понять! А только намъ такъ показываетъ, будто что потолще да и побольше много прочнѣе было-бы: по нашему выходитъ, что хотя и по

размѣру, а такого манеру колёсико ничего не просвѣщаетъ, только задаромъ денежки берутъ!

VIII.

— Валерьянъ! какъ изъ рупора донеслось до Вальховцева: всѣ обернулись. На дорогѣ у скотьяго двора стояла загадочная кибитка; сошедшій съ козелъ, ямщикъ отворялъ ворота;—Это я... Ефимьевъ! гремѣль рупоръ.

Валеріанъ пошелъ навстрѣчу и черезъ минуту очутился въ объятіяхъ Пети, довольно полнаго сангвиника, съ широкимъ красивымъ лицомъ и черными усами и бакенбардами.

— Дружище! Наконецъ-то пожаловалъ!

— Да ты-то сюда какъ попалъ? спросилъ Вальховцевъ.

— Куда меня лѣшій не носить, лучше спроси!—Ну, ты чортова кукла, обратился онъ къ ямщику,—выкидывай чемоданъ, а самъ тово... исчезай!—Адріанъ, голубчикъ, стащи его въ домъ... Валя, я у тебя ночую... не прогонишь? стиснулъ онъ опять Валеріана.

— Чучело ты! Да развѣ я отпустилъ-бы тебя... три года—вѣдь не видались!

— А на чайкъ милости не будетъ? слышался жалобный голосъ ямщика.

— Пять верстъ цѣлыхъ недовезъ да еще на чайкъ! А въ ухо не желаешь-ли пополучить?

— Ямщикъ осклабился.

— За что-же?

— Такъ и проваливай пока цѣль! Гоняютъ какъ собаку да еще чай изъ своего кармана давай! пробормоталъ Петя.

— Ты что-то не въ духѣ! усмѣхнулся Вальховцевъ, подходя къ дому и шепнувъ Адріану, чтобы онъ далъ ямщику двугривенный.

— Будешь не въ духѣ, какъ на побѣгушкахъ держать! Зато чиновникомъ *особыхъ* порученій имѣю честь состоять!

—А, старый знакомый! скидывая шубу, облобызалъ Ефимьевъ Андрея;—Какъ поживать изволите? На подножный кормъ съ бариномъ пріѣхали?

— Чаю хочешь? спросилъ Валеріанъ.

— Брр! замоталъ головой Петя.

— Ну кофею?

— Что братецъ ты мой! Это только кишки полоскать! Вели-ка мнѣ подать, съ холода, графинчикъ да закусочки, какая есть—дѣло-то поскладнѣе будетъ!

— Россійской?

— Ну конечно; я за то её и люблю, эту жидкость, что въ ней поддѣлки нѣтъ—натура!—А водка-то конторская?

— Не кабацкая-же... Ты-бы еще о пѣнномъ винѣ упомянулъ! Скажи-ка лучше, куда ты ѣдешь? войдя въ кабинетъ и усаживаясь, спросилъ Вальховцевъ.

— Къ старушкѣ Симанской, что живетъ въ своей усадьбѣ, съ какимъ-то танственнымъ письмомъ, губернаторъ не рѣшился довѣрить его почтѣ.—Ахъ, Валеринька, какъ мнѣ не по душѣ эта холопская служба!

— Почему холопская? Чиновникамъ по особымъ порученіямъ, сплошь и рядомъ, поручаютъ ревизіи и очень серіозныя дознанія. Тутъ можно не только отличиться, но и доброе дѣло сдѣлать: на примѣръ, обѣлить какого-нибудь бѣдняка, оклеветаннаго мерзавцемъ-начальникомъ, помочь забитому писцу и т. п. Губернаторъ вашъ, какъ я и ранѣе слышалъ, добрый и порядочный человѣкъ.

— Вратъ не буду: Константинъ Александровичъ Бронекій дѣйствительно честный и порядочный человѣкъ, свиты генераль, лѣтъ пятидесяти съ чѣмъ-то, прекрасно воспитанный и замѣчательно сдержанный; бываетъ, что иной разъ и вспылить, но только на нѣсколько секундъ. Умный, добрый, съ большимъ тактомъ. На его слово положиться можно.

— Такъ какъ-же не служить при такомъ губернаторѣ?

— Служить конечно можно... Добавлю: что и комикъ онъ при томъ: иной разъ такую пулю отошьетъ, что прыгнешь со смѣху, а онъ только шамкаетъ, совершенно хладнокровно. Да не въ этомъ дѣло: служба мнѣ не нравится!

— Выдвинись! Тогда и мѣсто другое дадутъ.

— Легко сказать: выдвинись, когда у меня влеченіе не къ чернильной службѣ, а къ художественной... Когда меня тянетъ на сцену, когда я чувствую, что у меня есть талантъ, когда изъ меня можетъ выйти недюжинный артистъ!.. Не

пускаютъ меня, Валеринка. „Какъ это можно дворянину фигурировать „sur les planches!“¹⁾ А жрать-то вѣдь надо?

— Не горячись; самъ виноватъ. Почему ты нигдѣ курса не кончилъ? Хоть-бы въ армейцы выползъ... Къ театру тебя тянетъ, говоришь ты... сѣтуешь, что на сцену тебя не пускаютъ, а готовишься ты къ ней?

— Дай сотнягу—такъ только меня здѣсь и видѣли!

— Желающій пробить себѣ дорогу и съ четвертной-бы уѣхалъ! А тебѣ хочется безъ труда, безъ лишній—сразу въ знаменитости попасть!

— А ну тебя! вспылилъ Ефимьевъ;—засопѣлъ въ стариковскую дудку!—Вонъ закуски несутъ...

— Ну и приступай! разсмѣялся Валеріанъ;—А все-таки опять повторю, что безъ подготовки не только въ знаменитости, но и во второстепенные актеры не попадешь!

— И наплевать! разозлился Петя и подошелъ къ столу, на который Андрей поставилъ закуски.

Андрей! А это по петербургски? сдѣлавъ удивленное лицо, поднесъ рюмку Ефимьевъ.

— А что? спросилъ Вальховцевъ.

— А то, что если изъ рюмки я выпью—то непременно свихну себѣ горло!

— Это почему?

— А потому, что рюмка у тебя птичья... изъ тѣхъ, которыя ставятъ въ клѣтки канареекъ и чижиговъ, а глотка у меня объемистая!

Черезъ минуту явилась хересная рюмка.

— Ну, эта по мѣркѣ, одобрилъ Петя и тотчасъ-же, сдѣлавъ опытъ, похвалилъ:—теперь и повторить можно.

— Вамъ, Петръ Василичъ, посылочка отъ маменьки есть, усмѣхнулся Андрей.

— Тащи! толкнулъ его Петя въ спину.—Ты, Валя, заѣзжалъ развѣ въ Петрилово?

— Ночевалъ даже; сестру твою видѣлъ.

— Воображаю, какъ вертѣлась она передъ тобой... поди всѣ суставчики у ней заходили, да загуляли, какъ у любого полового!

— Это почему?

— Изъ Питера бывший гвардеецъ приѣхалъ, да не по-

¹⁾ Спена.

вертѣться! Смотри дескать и чувствуй: мы хотя и провинціалы, а выверты всѣ какъ есть въ наилучшемъ видѣ произошли, въ грязь тоже лицомъ не ударимъ! Вѣдь Анна Васильевна воображаетъ, что у Карелова живетъ—такъ ужъ и птица важная! Какая-то старая гнилушка, лѣтъ десять назадъ, ее съ Лавальеръ сравнила—вотъ она и до сихъ поръ себя Лавальеръ считаетъ!

— А ты сестру-то, какъ видно, не долюбливаешь? замѣтилъ Вальховцевъ.

— А за что любить то? Не за то-ли, что по всему городу меня такимъ и сѣкимъ славить? Матери да отцу наговариваетъ?

— А откуда у тебя эти свѣдѣнія?

— Добрые люди сообщили.

— Нѣтъ, это не добрые люди, а подлые сплетники! возвысилъ тонъ Валеріанъ.—Удивляюсь тебѣ, какъ тотчасъ-же ты не заткнулъ глотку этимъ мерзавцамъ: вѣдь она сестра тебѣ!

— Мнѣ братъ, сестра, дядя, тетка—не тѣ, кто имена эти носить, а кто добро мнѣ дѣлаетъ, кого я люблю! А Анютка мнѣ только пакостить вездѣ!

— Не допускаю... Она—дѣвушка умная, какъ кажется добрая, и ей нѣтъ цѣли пакостить тебѣ!

Ефимьевъ махнулъ рукой и обратился къ Андрею, принесшему посылку:

— Ну показывай! беря отъ него свертокъ.—Чулки! сорвавъ бумагу, комично развелъ руками Петя.—На кой они мнѣ лядь! Лучше-бы наливки—послала!

— А можетъ пригодятся?

— И то, приложивъ палецъ ко лбу, согласился Ефимьевъ.—Матрешка стаскаетъ!

— Кто?

— Матрешка... *Mia bella aqorata* ¹⁾.

— Произведеніе какой страны?

— Мѣстное, дружище... Уловленное мною въ сѣти на бульварѣ, при свѣтѣ луны и звукахъ подлѣйшаго оркестра. Существо мягкотѣлое, занимающееся стираниемъ льняныхъ покрововъ,—ремесломъ, приносящимъ ей, сирѣчь Матрешкѣ, превеликую пользу, ибо мыльный букетъ, коимъ сія кра-

¹⁾ Моя обожаемая красotka.

сота насыщена, радикально уничтожаетъ другіе, присушіе ея мужицкой натурѣ, запахи.

„Мнѣ жаль тебя! Ты искренно такъ любишь!“ мягкимъ, чистымъ баритономъ затянулъ Петя и пропѣлъ первый куплетъ“.

— Эхъ, чортъ возьми! въ горлѣ что-то задѣваетъ!

„Была пора когда и я любила“... Вотъ опять!

„Лю-би-ла“...

— А задѣваетъ потому, замѣтилъ Валеріанъ,—что ты не ту смазку употребляешь!

— Это ты примѣрно на счетъ водки? прищурился Ефимьевъ.

— Именно.

— Напротивъ, друже: смазка—самая настоящая, но въ слишкомъ ограниченномъ количествѣ въ организмъ введенная.

И онъ дополнилъ недостающее количество.

— Алексѣй пришелъ, доложилъ Андрей.

— Зови!—Можно убрать? указывая на закуски, спросилъ Петю Вальховцевъ.

— А ты-то?

— Я только что кофе пилъ.

Убравъ со стола закуску, Андрей вышелъ, а въ кабинетъ вошелъ молодой малый, смуглый, черноволосый, въ бѣлой канифаской курткѣ и фартукѣ.

— Алексисъ, другъ живота моего! съ поднятыми руками, подскочилъ къ нему Петя.—Здоровье ваше? Мамаши, сестрицъ?

Поваръ, улыбаясь, благодарилъ.

— Чѣмъ кормить будете?

— Деликатесовъ ужъ не жди, сказалъ Валеріанъ, которому очень не нравились фамильярность и балаганные приемы Ефимьева:—ничего еще не заведено...

— Борщъ съ пирожками, доложилъ Алексѣй,—потомъ рябчики въ сметанѣ.

— Magnifique! ¹⁾.

— Ты откуда рябчиковъ досталъ?

— Староста купилъ, десять паръ. Мужикъ тутъ одинъ въ городъ провозилъ...

¹⁾ Великолепно.

— Ко мнѣ-то зачѣмъ пришелъ?

Алексѣй потупился.

— Да сумлѣнье взяло, поднялъ онъ голову:—со всѣми вотъ вы, Валерьянъ Николаичъ, обговорить изволили, а меня къ себѣ не требовали... Можетъ неугоденъ я вамъ? снова потупился онъ.

— Почему ты это думаешь?

— Можетъ доложили вамъ, что я вино пью, переминался Алексѣй,—такъ оно точно, бываетъ... А только, воля ваша, до безобразія никогда не доходилъ и безъ кушанья васъ не оставляю.

— Мнѣ, Алексѣй, до твоего питья дѣла нѣтъ, лишь-бы ты велъ себя смирно, да голодомъ меня не морилъ, ска-залъ Вальховцевъ.—Семь рублей и чай—идеть?

— Покорнѣйше благодарю! отвѣтилъ Алексѣй, быстро кланаясь.—Я и условіе, если прикажете, сейчасъ подпишу!

— Тамъ увидимъ...—А это зачѣмъ Захаръ идетъ? за-глянулъ Валеріанъ въ окно.

— На счетъ грамоты надо полагать: они вотъ третій день навѣдываться ходятъ.

— Такъ скажи-ка ты ему... Что, староста сельскій онъ что-ли? (Алексѣй утвердительно кивнулъ головой). Скажи ему, чтобы сегодня вечеромъ пришли ко мнѣ мужики гра-моту читать и трехъ добросовѣстныхъ-бы привели.—Ты позволишь Петя?

— И спрашивать нечего, поколику я храповицкаго въ то время задавать буду.—А у тебя развѣ она не введена еще? спросилъ онъ по уходѣ повара.

— Нѣтъ, другимъ поручить не хотѣлось... Впрочемъ все написано и планъ готовъ; дѣло за крестьянами.—А не пройдемся-ли мы Петя? Я еще въ оранжереяхъ не былъ.

Молодые люди одѣлись и вышли. Подходя къ флигелю старосты, имъ встрѣтилась красивая и стройная дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, съ водоносомъ на плечѣ; поровнявшись съ господами, она молча, на ходу, поклонилась.

— Это кто? полюбопытствовалъ Петя.

— Не знаю; въ три года все это подросло... Впрочемъ: тебя Катей зовутъ? крикнулъ въ догонку Валеріанъ.

Дѣвушка остановилась.

— Катей! бойко отвѣтила она.

— Старосты дочь?

— Да-съ.

— Измѣнилась-же ты: совсѣмъ красавица стала!

Дѣвушка улыбнулась и пошла.

— А вѣдь ты ее съѣшь! помолчавъ, рѣшилъ Ефимьевъ;
— Бй Богу съѣшь!

— Не думаю...

— И думать не будешь... Однимъ глоткомъ!.. И какая-же дрянъ моя Матрешка передъ этой востроглазой! печально махнулъ онъ рукой.—А юла шельма: такъ-вотъ ноздрями и поводить!

— А ты ужъ и разглядѣть успѣлъ?

— А то нѣтъ?.. Какъ борзая, возрился!—Съѣшь, несомнѣнно съѣшь! пройдя нѣсколько шаговъ, подтвердилъ Петя.

— Не съѣмъ, Петръ Васильичъ, и вотъ почему: связываться, да съ лѣвой руки дѣтей приживать—не желаю, а потѣшаться съ тѣмъ, чтобы потомъ бросить—нахожу не честнымъ!

— Высоконравственно! остановившись, снялъ шапку Ефимьевъ.—Поживемъ—увидимъ!

IX.

Около шести часовъ вечера, Вальховцеву доложили, что Алферьевскіе мужики пришли: онъ велѣлъ освѣтить залъ, разложилъ на обѣденномъ столѣ грамоту, планъ, „положеніе“ и позвалъ крестьянъ. Тридцать два домохозяина, покашливая, поглаживая бороды, съ поклонами, гуськомъ вошли въ комнату и полукругомъ встали у стола. Адріанъ и Андрей помѣстились сбоку у двери въ переднюю, а Алексѣй выглядывалъ изъ корридора. Большая часть лицъ выражала любопытство и только на нѣкоторыхъ замѣтна была небольшая тревога.

— Добросовѣстные здѣсь? спросилъ Валеріанъ.

По рядамъ пронесся слабый гулъ и три мужика вышли впередъ.

— Если вы хоть сколько-нибудь читали „положеніе“, то въ самомъ вызовѣ добросовѣстныхъ должны были уви-

дѣтъ мое желаніе составить грамоту по взаимному соглашенію...

— Гдѣ намъ... мы люди темные!.. На что лучше „по согласію“... Ты насъ, батюшка, не обидь только, раздалися голоса крестьянъ.

— Захаръ! обратился Вальховцевъ къ сельскому старостѣ.—Ты грамотный?

— Точно такъ.

— Такъ прочти 36 статью „правилъ о приведеніи въ дѣйствіе положеній“.

Захаръ прочелъ.

— Этой статьей дается владѣльцу право: хочетъ онъ —призоветъ крестьянъ къ участию въ составленіи грамоты, нѣтъ—и безъ нихъ обойтись можетъ... Поняли?

— Какъ не понять! По этой, значить, статьѣ и насъ обходя можно! замѣтилъ сѣдой мужикъ.

— Можно. Но я этимъ правомъ пользоваться не хочу и намѣренъ переговорить съ вами „по душѣ“...

— На томъ благодаримъ!

— Теперь первый вопросъ: хотите-ли вы на оброкъ или на барщинѣ оставаться?

— На оброкъ, батюшка Аверьянъ Николаичъ! Яви Божескую милость!

— Вы согласны?

— Всѣ!

— Добросовѣстные! Ваше дѣло слушать и запоминать, чтобы подъ конецъ оглядокъ не было.

— Слушаемъ!

— Земли у васъ ребята, въ теперешнемъ пользованіи, заглянувъ въ грамоту, продолжалъ Вальховцевъ,—на шестьдесятъ двѣ десяти болѣе, чѣмъ вамъ по положенію на полный надѣлъ слѣдуетъ,—слѣдовательно земля эта должна была-бы идти въ отрѣзку... Захаръ, прочти 18-ю статью „Мѣстнаго положенія“...

— Кое-жъ мѣсто, Аверьянъ Николаичъ, ты въ отрѣзку пустить хочешь? спросилъ старикъ, когда староста кончилъ.

— А вотъ какое слѣдовало-бы пустить, показалъ на планѣ Валеріанъ придвинувшимся мужикамъ:—„Давыдовскій лѣсокъ“, „Черную заводъ“, да „Титово чищенье“, но я, ребята, дарю вамъ эту землю и отрѣзки никакой не сдѣлаю.

Закивали крестьянскія головы и въ толпѣ, на нѣсколько секундъ, пронесся гулъ благодарственныхъ словъ, сморканья и кашлянья.

— Ну, Захаръ, немного помолчавъ, приказалъ Вальховцевъ:—читай всю грамоту.

— Что имѣете сказать? по окончаніи чтенія, спросилъ Валеріанъ.

Крестьяне молчали, переминались съ ноги на ногу, а задніе ряды видимо тянуло въ буфетъ, на просторъ; Вальховцевъ замѣтилъ это:

— Вы, можетъ-быть, промежъ себя переговорить желаете—идите: я вамъ не помѣха!

— Оно-бы, правду молвить, и не пошто, Аверьянъ, Николаичъ, почесалъ за ухомъ высокій, пожилой мужикъ, —потому, по божески, ты съ нами положился, а все будто покалякать надоть... усмѣхнулся онъ во весь ротъ.

— Ну, идите, только не на долго.

Вся ватага, предводительствуемая Андреемъ, перешла въ буфетъ—и вскорѣ оттуда послышался гулъ оживленнаго говора, отъ времени до времени прерываемый отдѣльными возгласами.

— Вы больше, Аверьянъ Николаичъ, со Степаномъ рѣчь ведите, посовѣтовалъ Адріанъ,—вотъ что сею минутою съ вами говорилъ: мужикъ онъ толковый и зря болтать не охочъ. А то съ міромъ съ этимъ до свѣту не кончите! махнулъ онъ рукой.

— А Захаръ каковъ?

— Нешто... робокъ только... А вотъ что, Аверьянъ Николаичъ, мнѣ вашей милости доложить было охота, помянулъ онъ его въ кабинетъ:—вы-вотъ имъ что добра сулите, а о себѣ какъ есть запамятовали. Придетъ весна—гдѣ мы работниками раздобудемся? За годъ надо объ этомъ обговорить. Время упустимъ—цѣну несобразную заломятъ тѣ-же Алферьевскіе. Таперича чего лучше: и грамоту пушай подпишутъ и условіе...

— Сколько по твоему намъ работниковъ надо?

— А такъ я полагаю: есть у насъ восемь лошадей, восемь косуль; наймемъ восемь пѣшихъ рабочихъ, на нашей застойной, да шесть конныхъ, съ работницей и съ ихнимъ струментомъ... Можно и паекъ имъ дать...

— А дома-то кто за нихъ работу справить, коли они каждый день на село ходить будутъ?

— Объ этомъ не сумлѣвайтесь: они промежъ себя пай разберутъ... кто три, кто два дня въ недѣлю...

— И что-жъ дать имъ можно?

Адріанъ задумался и началъ загибать пальцы.

— А вотъ сколько: нанять надо ихъ съ Егора по Михайловъ день... Пѣшему тридцать, а то и съ рублемъ, по человѣку глядя, а конну изъ семидесяти выступать—моего согласія не будетъ.

— Такъ я сейчасъ и условія напишу: одно пѣшимъ, а другое коннымъ.

— И настоящее дѣло будетъ, а то ходи потомъ за ними! Мужикъ-вѣдь себѣ на умѣ... опять-же вы вновь...

Черезъ полчаса условія были готовы и крестьяне были позваны.

— Ну что, надумались? спросилъ Вальховцевъ.

Мужики помолчали немного, помялись... Изъ заднихъ рядовъ робко и глухо раздалось нѣсколько отрывистыхъ голосовъ, потомъ вдругъ всѣ загалдѣли...

— Говори одинъ кто-нибудь, крикнулъ Адріанъ,—нешто баринъ разберетъ что въ эдакомъ содомѣ!

— Степанъ, въ чемъ дѣло? обратился Валерьянъ къ рослому мужику.

— Да первое—на счетъ оброка сумлѣваются... Въ „положеніи“ строки на Петровъ день, да на Рождество обозначены... Значить: какъ Петровъ день придетъ—оброкъ и припасай... Не осилить, батюшка Аверьянъ Николаичъ!

— Гдѣ осилить! Хоша животы со двора веди! раздались голоса.

— Ничего вы не поняли: въ грамотѣ сказано: „оброкъ уплачивается за полгода назадъ“—слѣдовательно первую половину вы должны будете внести на Рождество, а нынѣшній Петровъ день въ счетъ нейдетъ, потому что къ тому времени только грамоту въ дѣйствіе введутъ.

— На томъ благодаримъ! Вонъ оно что... а мы за этотъ строкъ опасились! загалдѣли мужики.

— А еще что?

— Оброкъ великъ: поднять не въ моготу! хрипло замѣтилъ какой-то мужиченко и сейчасъ-же спрятался.

— Дуракъ! Дома-бы говорилъ, осадилъ его Степанъ,— а то не въ моготу! На то законъ положень... Тебѣ все не въ моготу! Ты и то бабу всюду гоняешь, а самъ за мѣсто пѣтуха съ ребятишками въ избѣ киснешь!

Толпа захохотала.

— Нѣтъ, это что ужъ, Аверьянъ Николаичъ, продолжалъ Степанъ,— а вотъ дозвольте милость вашу спросить: на какомъ, значить, положеніи „Климовскій починокъ“ остается?

— Это лѣсъ, что къ вашему выгону подошелъ?

— Онъ самый... Въ немъ значитъ десятинъ двадцать съ чѣмъ-то...

— Конечно за мной остается! А вы что: зубы на него точили?

— Лѣсокъ важный! замѣтилъ кто-то изъ толпы.

— А садъ мой и того важнѣе: липы-то какія! А дубы! усмѣхнулся Вальховцевъ.

— То садъ, а починокъ этотъ, съ поконъ вѣку, подь бокомъ у насъ былъ... Пуще глазу берегли!

— Берегли потому, что приказано было беречь, подь страхомъ отвѣтить за порубку! позѣвывая, вмѣшался подошедшій Ефимьевъ.

— Хорошо спалъ? спросилъ Валеріанъ.

— Первый сортъ... Кваску-бы теперь...

— Добудемъ... Съ застольной только. вызвался Адріанъ.

— Тащи, милый человѣкъ!

— Лѣсомъ вы этимъ не владѣли, продолжалъ Вальховцевъ,— да если-бы и было такъ—я, по положенію, имѣю право лѣсъ отрѣзать...—Захаръ, прочти 29 статью „Мѣстнаго положенія“ (тотъ прочелъ).—Слышали? Значить больше намъ не о чемъ толковать. Все, что я могъ сдѣлать—сдѣлалъ. Хотите—подписывайте грамоту, какъ она есть, а то я ее и безъ васъ введу въ дѣйствіе... Но только тогда и „Черную заводь“ и „Давыдовскій лѣсокъ“ и „Титово чищенье“ отрѣжу—такъ и знайте!

— Батюшка Аверьянъ Николаичъ! Кормилецъ нашъ! подлетая къ столу... плаксиво заговорилъ сухопарый мужиченко.—Будь отцомъ роднымъ: хоша половинку отмежуй къ намъ... Вѣкъ за тебя будемъ Бога молить!

— Вѣнецъ иной разъ подвести... Осъ вырубить... Слѣ-

гой попользоваться, поддержало мужиченку нѣсколько голосовъ.

— Адріанъ! позвалъ старосту Валеріанъ,—прочитай имъ условія, переговоры и приди мнѣ доложить.—Это, ребята, условія найма работниковъ. Дѣло обоюдное: мнѣ нужны рабочіе, вамъ заработокъ. Дорого не ломите, говорите настоящую цѣну, а то пути изъ нашихъ разговоровъ не будетъ. Мы съ вами сосѣди и другъ другу нужны... лучше въ миру жить... Я показалъ вамъ примѣръ: шестьдесятъ десятинокъ подарилъ, въ оброкъ саисхождение сдѣлалъ—теперь за вами очередь. Ступайте въ кухню, обдумайте хорошенько, да только поскорѣе...—Пойдемъ, Петя!

— Аверьяпъ Николаичъ! остановилъ Вальховцева плаксивый мужиченко.—Что-же мы два то дѣла заразъ вершить будемъ? Съ грамотой не покончили, а за условія примемся!

— Оба эти дѣла надо сегодня-же кончить: такъ я рѣшилъ... Завтра я ѣду въ городъ и жить здѣсь, изъ-за васъ, не намѣренъ!

Молодые люди отправились къ кабинетъ.

Х.

— Ахъ, Петя, расхаживая по комнатѣ, между тѣмъ какъ Ефимьевъ усѣлся въ вольтеровское кресло, говорилъ Валеріанъ,—если-бы ты зналъ, какъ хочется мнѣ ввести грамоту по обоюдному соглашенію и удержать у себя, хотя-бы и съ убыткомъ, прежнихъ дворовыхъ!

— Идиллія! возразилъ Петя, закуривая папиросу.

— Нѣтъ, не идиллія, горячо продолжалъ Вальховцевъ:—разъ я рѣшилъ жить въ деревнѣ—мнѣ нужна связь съ окружающими меня людьми и конечно не палочная, а нравственная! Я—вѣдь только такъ, для пушей важности, пугнулъ ихъ, что лишекъ отрѣжу: подпишутъ они, нѣтъ-ли—я все таки всю землю имъ отдамъ—совѣсть велить, да послѣ и сами спасибо скажутъ!

Ефимьевъ саркастически усмѣхнулся.

— Ну, а дворовыхъ то чего ради тебѣ такъ удержать желательно?

— А ты того не понимаешь, что мнѣ дороги фізіономіи старика Михаила Ѳедорова, Адріана, Алексѣя и про-

чпхъ! Да, дороги, подчеркнуй Валеріанъ, видя, что Петя пожалъ плечами:—я помню ихъ всѣхъ ребенкомъ, я привязался къ нимъ и думаю, что и они въ свою очередь любятъ меня...

— Любятъ на столько, чтобы отъ лишняго жалованья и земли не отказаться! Эхъ, Валеріанъ Николаичъ, пропитались вы тамъ въ Питерѣ букетомъ добраго мужичка, да пристрастіемъ къ меньшей братіи! лѣнливо повернулся на бокъ Ефимьевъ.

— Съ тобой я вижу и говорить объ этомъ предметѣ нечего! съ отгѣнкомъ неудовольствія, замѣтилъ Вальховцевъ.

— Нечего, дружище, тѣмъ болѣе, что, по моему, предметъ этотъ и забавнаго ничего не представляетъ! Мнѣ и то этой „эмансипаціей“ уши прожужжали: куда ни придешь—только и слышишь: надѣлъ, разверстаніе угодій, кустарныя заросли и проч.!

Въ передней слышались шаги, Валеріанъ пріотворилъ дверь.

— Ну что, Никандръ? спросилъ онъ.

— Да съ отвѣтомъ... Дѣлать нечего: видно положиться надо! опуская голову и пощипывая бороду, проговорилъ онъ.—Очень ужъ съ вами, Аверьянъ Николаичъ, разставаться не хочется!

— Ты пожалуста не думай, что этимъ ты мнѣ особенное одолженіе дѣлаешь: насильно я никого не держу!

— Очень я понимаю, Аверьянъ Николаичъ,—я къ слову только... Потому какъ я столько лѣтъ папашѣ вашему служилъ и обиды не видалъ... опять-же и вамъ безъ садовника...

— Садовникъ найдется, перебилъ его Вальховцевъ:—теперь не только оранжереи уничтожаютъ, но и огороды сокращаютъ.. А о цвѣточныхъ и говорить нечего!

— Оно точно... уныло согласился Никандръ.

— Ну, такъ завтра условіе подпишешь, а теперь—съ Богомъ!

— Что, каковъ букетецъ преподнесъ добрый мужичокъ—дворовый? по уходѣ Никандра, приподнялся Петя.—Самъ радъ-радешенекъ, что по шеямъ не прогнали, а туда-же сначала въ чувствія пустился, а потомъ пугнуть попробовалъ! Пастушки!

— Ну, бросимъ это: пойдемъ лучше въ винный подвалъ... Ты поможешь мнѣ повѣрить количество бутылокъ.

— И въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ проконтролировать! Я и забылъ, что папаша твой человѣкъ хозяйственный и что погребокъ у него существовалъ, хотя самъ онъ имъ и не пользовался.—Идемъ! Идемъ!.. торжественно пропѣлъ Петя, вскакивая съ кресла.

Вызвали Адриана, спросили ключъ отъ подвала, освѣтили его и занялись провѣркой; все оказалось въ порядкѣ. Ефимьевъ очень облюбовалъ подвалъ и въ особенности „стару-вудку“. Онъ немедленно послалъ Михаила Федорыча за рюмками, а догадливый Андрей живо накрылъ, имѣвшійся въ подвалѣ, столикъ, принесъ холодныхъ рябчиковъ и оставшійся отъ поѣздки кусокъ сыра.

— Сыръ-то зачѣмъ, умница? спросилъ Петя, пропустивъ рюмку и заѣдая рябчикомъ.

— На всякій случай, замѣтилъ Андрей.—Лафить здѣсь имѣется: можетъ угодно будетъ...

О столичная обработка!.. О соображеніе, съ которымъ ничто не сравнится!.. обнялъ лакея Ефимьевъ.—Дай я тебѣ морду скомкаю! Отъ полноты чувствъ, дуракъ! прибавилъ онъ, видя желаніе его уклониться.

— Возьми-ка, Михайло Федорычъ, вотъ это, передалъ Валеріанъ бутылку лафита,—согрѣй ее, а ты, Андрей, приведи здѣсь все въ порядокъ, подвалъ запри и ключъ принеси мнѣ: сидѣть здѣсь и холодно и неудобно... Мы поужинаемъ наверху.

— А „вудку“ я беру! подхватилъ ее подъ мышку Петя.—Давненько она, сердечная, должно быть здѣсь пребываетъ: настоящее масло!—А знаешь, что я надумалъ, поднимаясь по лѣстницѣ, добавилъ онъ:—ты-вѣдь отсюда завтра рано не выйдешь?

Нѣтъ; позавтракаю сперва.

— И отлично; съѣзжу я къ Симанской—тутъ всего пять верстъ, вернусь и буду тебѣ сопутствовать... Дорогой, для твоего развлеченія, вратъ буду, а прогоны у меня въ карманѣ останутся.

— Не глупо!

— Такъ ты ужъ мнѣ какое-нибудь бѣсово-каталище дай, до старухи-то доѣхать, и мужиченку неважнаго...

— Хорошо, все дадимъ: и каталище и мужиченку.

Въ залѣ встрѣтилъ ихъ Адріанъ.

— Ну что? спросилъ Вальховцевъ.

— Сдаются, кажись... Лѣсу только больно имъ охота...

Позвать ихъ лучше всего.

Кончился этотъ вечеръ тѣмъ, что грамота и условія были подписаны, Валеріанъ подарилъ крестьянамъ половину лѣса и ведро пѣннаго вина, а Петя Ефимьевъ до того вошелъ во вкусъ „старъ-вудки“, что даже забылъ объ ужинѣ и согрѣтой бутылкѣ лафита.

— Букетъ добраго мужичка! растянувшись въ вольтеровскомъ креслѣ, промышчалъ Петя, прослышавъ сквозь сонъ рѣзкую пѣсню проходившихъ мимо дома подвыпившихъ крестьянъ.

XI.

Совершивъ свою поѣздку къ г. Симанской, Ефимьевъ весьма аккуратно явился къ завтраку и еще того аккуратно же къ нему приложился. Выѣхалъ онъ въ наилучшемъ расположеніи духа и всю дорогу пѣлъ, рассказывалъ анекдоты, которыхъ зналъ множество,—вообще спутникомъ оказался веселымъ и Вальховцевъ не замѣтилъ, какъ проѣхали пять верстъ и изъ-за поворота показалась усадьба.

— Логово живоглота! мгновенно оборвавъ разухабистую пѣсню, возгласилъ Петя, указывая на старинный помѣщичій домъ, весьма казенной наружности, окруженный большимъ садомъ, доходившимъ до проѣзжей дороги и обнесеннымъ высокимъ валомъ съ канавой.—Сосудъ помѣщичьяго...

— Полно, остановилъ его, по французски, Валеріанъ:—зачѣмъ ронять во мнѣніи только что освобожденныхъ крѣпостныхъ своего брата-дворянина? И безъ тебя постараются!

— Крѣпостникъ, каналья! Шкуру съ мужиковъ дралъ!

— Français je vous prie ¹⁾!

— Хорошенькихъ дѣвокъ любителямъ продавалъ!

— И ты это хорошо знаешь?

— Такіе мнѣ люди говорили, которые не соврнутъ! И эдакого Змія-Горынича г.г. дворяне въ исправники выбрали!

— Теперь ужъ онъ Горыничемъ сталъ! усмѣхнулся

¹⁾ Прошу, по французски!

Вальховцевъ.—Ой только Петя: языкъ у тебя ядомъ смазанъ! Быть можетъ Горыничъ тебѣ чѣмъ-нибудь не угодилъ?

— Ты лучше спроси, кому онъ угодилъ! А что про меня онъ всякія пакости распространялъ — такъ я на это плюю! Собака лаесть—вѣтеръ носить!

— Не очень-то ты плюешь, какъ я вижу! замѣтилъ Валеріанъ.—Это чья усадьба? обратился онъ къ кучеру.

— Помѣщика Голубцова, Марфино... Ихъ годъ назадъ въ капитанъ-исправники выбрали.

— А прежній, Соколовъ?

— Они померли.

— Что же, визитъ Голубцову намѣренъ сдѣлать? послѣ паузы, не безъ раздраженія, спросилъ Ефимьевъ.

— Непремѣнно; исправникъ—человѣкъ нужный.

— Можетъ и ты окажешься ему нужнымъ: дѣвка у него хороша, забориста... Смотри: обженихаютъ—да потомъ за хвостъ и на солнышко!

— Не понимаю.

— Пообѣщаютъ золотыя горы да въ трубу и выпускаютъ!

— А счастье-то въ золотыхъ горахъ полагаешь?

— Ужъ конечно не въ шалашѣ да въ кринкѣ молока!

Да и что ты рассказываешь: небось на этой, какъ ее судомойку звать,—ну что вчера-то видѣли... еще поздрами бойко поводить...

— Катей.

— На Катѣ небось не женишься, хоть и красива, а потому, что въ карманѣ у нея сквозной вѣтеръ ходитъ!

— Вовсе не потому: общаго у меня съ нею ничего быть не можетъ!

— Толкуй!

Завязался споръ, впрочемъ непродолжительный, такъ какъ Петя вообще недолюбливалъ сухія матеріи, да и городъ былъ уже въ виду.

— Ты въ „Парижѣ“ остановись, принялся совѣтовать Ефимьевъ:—и чисто и кормятъ сносно, а то въ другихъ гостиницахъ, хоть есть и бронза и ковры, около кроватей на обояхъ красуются запятые отъ раздавленныхъ клоповъ, а въ шахъ, сплошь и рядомъ, плаваютъ тараканы.

— Да тихо-ли тамъ? допрашивалъ Вальховцевъ.—Признаюсь: не охотникъ я до скандаловъ.

— Ну, другъ любезный, если въ недѣлю разокъ кому-нибудь въ морду съѣздить—важность еще не велика, по крайней мѣрѣ постоянного притона нѣтъ, спать дадутъ спокойно. Къ тому же и Акимка мнѣ другъ и Ѳедька корридорный передо мной пикнуть не посмѣютъ.

Рекомендованный Петей „Парижъ“ дѣйствительно оказался еще туда-сюда: за полтора рубля, Валеріану отвели номеръ въ три окна, съ простѣлочными зеркалами, драпировками на окнахъ и сносною постелью за перегородкой. Пока Андрей съ половымъ вносили вещи и устраивались, Ефимьевъ, заручившись согласіемъ Валеріана, полетѣлъ къ Акимкѣ хлопотать о чаѣ съ легкой закуской и о петербургскомъ пивѣ.

— Ты смотри же, Акимъ Денисычъ, похлопываль онъ по плечу хозяина, стараго, косога плута,—не ударь лицомъ въ грязь: питерской вѣдь! Не вадумай подать селедку подъ деревяннымъ масломъ или укусу въмѣсто пива! Валеріанъ Николаичъ привыкъ хорошо жить... Угодишь—всегда оставаться будетъ.—Коньячку дай ка, да смотри „fine-champagne“; а керосинъ этотъ, указывая на выставленную бутылку—„чинодраламъ“ побереги.

Позаправившись какъ слѣдуетъ и пожевавъ сухого чая, чтобы заглушить запахъ водки, Петя отправился къ губернатору, а Вальховцевъ, пробѣжавъ газеты и переодѣвшись, поѣхалъ къ старшему дядѣ.

Собственный домъ Александра Семеновича, губернскаго предводителя дворянства, ех-губернатора и богатаго помѣщика,—онъ за женой взялъ хорошее приданое, содержался на барской ногѣ. Въ большой передней встрѣтили Вальховцева два лакея въ темно-синихъ, округленныхъ фракахъ, съ красными отложными воротниками и бронзовыми пуговицами, отворили настежь, въ пустую, освѣщенную залу, большую ясеневую дверь и хотѣли было идти доложить, но молодой человѣкъ отказался отъ ихъ услугъ и прямо пошелъ въ гостиную.

— Валерьянъ, голубчикъ... какъ я рада! выглянувъ изъ-за портьеры, встрѣтила его молодая, симпатичная брюнетка, съ выразительнымъ, нѣсколько блѣднымъ лицомъ.—Давно ужъ мы тебя ждемъ!

— Будто? цѣлуя руку кухни, усмѣхнулся Вальховцевъ.

— А вотъ тебѣ и доказательство! чмокнула его въ щеку дѣвушка.—Я—вѣдь по просту... помня старую дружбу!

— А въ моей развѣ ты сомнѣваешься?

— Немножко... послѣ твоего церемоннаго прикладыванья къ ручкѣ.

— Маня! Тому три года прошло, почему знать... Теперь ты невѣста...

— Не говори пошлостей, если хочешь быть хорошъ со мною!

— Какъ? удивился Валеріанъ.

— Такъ: пошлостей... Невѣста, на нашемъ языкѣ, развѣ не пошлое названіе? Не означаетъ-ли оно, что пришла пора выводить дѣвушку на показъ, подыскивать ей приличнаго жениха? Ты именно въ этомъ смыслѣ и употребилъ это слово! устремила она на него свои черные, блестящіе глаза.

— Да позволь... что за горячность у тебя неумѣстная... Я просто хотѣлъ дать понять, что тебѣ восемнадцать лѣтъ минуло!

— И что время пришло, перебила его Маня,—заполучить мнѣ, изъ рукъ родителей, подходящаго мужа, съ именемъ и состояніемъ, открыть у себя приемы—однимъ словомъ начать продѣлывать комедію бабушекъ и прабабушекъ?

Вальховцева крайне удивили и эти взгляды и эта нервность; онъ собрался было возражать, но изъ заднихъ комнатъ послышался поющій, нѣсколько раздражительный, женскій голосъ:

— *Mère, avec qui cause tu* ¹⁾?

Маня подошла къ двери и сказала:

— *Valérien, mon ami, enfin vous voilà arrivé* ²⁾! продолжалъ голосъ.—Дай на себя посмотрѣть...

Молодой человѣкъ, черезъ гостиную, прошелъ въ полуосвѣщенный будуаръ, весь обитый французскимъ ситцемъ; на кушеткѣ, обложенная подушками, полулежала тетка Валеріана, Софья Алексѣевна, полная и еще красивая женщина, и нюхала узелокъ носового платка, налитанный одеколономъ. Противъ хозяйки, на элегантной козеткѣ, помѣщался господинъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, съ лицомъ весьма похожимъ на печеное яблоко, лысый, съ небольшими бѣлесоватыми усами. Господинъ этотъ, по фамиліи Хлоповъ, былъ мѣстный

¹⁾ Маша, съ кѣмъ говоришь ты?

²⁾ Валеріанъ, другъ мой, наконецъ-то ты пріѣхалъ!

небѣдный помѣщикъ и кандидатъ на мирового посредника, но дѣломъ никакимъ не занимался, по вечерамъ, въ дворянскомъ клубѣ игралъ въ карты „по маленькой“, собиралъ новости и сплетни и развозилъ ихъ потомъ по знакомымъ домамъ, конечно съ прибавками. У Хлопова была единственная дочь, лѣтъ тридцати съ хвостикомъ, очень некрасивая, потерявшая всякую надежду выйти замужъ, а потому предавшаяся, весьма благоразумно, хозяйству, какъ домашнему, такъ и усадебному. Папашѣ выдавала она ежемѣсячно по сту рублей, кормила и поила его и завѣдывала его гардеробомъ.

— Ну вотъ, провинціаломъ сдѣлался, нашъ теперь, встрѣтила племянника Софья Алексѣевна такимъ тономъ, какъ будто болѣе счастья и быть не могло. — Ну, поцѣлуемся!.. *C'est mon Benjamin* ¹⁾! обратилась она къ Хлопову, знакомя съ нимъ молодого человѣка.

— Вы нездоровы, *ma tante*, спросилъ тотъ, садясь.

— Ахъ, *mon cher*, спроси лучше, когда я бываю здорова! Часъ на ногахъ, а мѣсяцъ въ постели—вотъ моя жизнь!

— Въ такомъ случаѣ надо лечиться, серьезно замѣтилъ Хлоповъ.

— Здѣсь это такъ трудно, жалобно возразила Софья Алексѣевна:—докторовъ почти нѣтъ... пачкуны какіе-то!

— Въ Петербургъ съѣздите, *ma tante*...

— Легко сказать: да я не доѣду!

Она налила одеколону на руку и потерла имъ виски.

— Я впрочемъ не ропщу: у всякаго свой крестъ! вздохнула она.

— Попробуйте-же моего доктора, сказалъ Хлоповъ,—чудеса дѣлаетъ, хотя и молодъ... Онъ недавно одну барыню отъ злѣйшей чахотки вылечилъ!

— Отъ чахотки, въ полномъ ея развитіи? усомнился Вальховцевъ.

— Да-съ... И средствомъ весьма простымъ: угаромъ!

— Какъ-же это? поинтересовалась хозяйка.

— Подробностей я не могу вамъ сообщить: секретъ... знаю только, что пациентку держали въ угарной комнатѣ сначала пять, потомъ десять минутъ и наконецъ дошли до получаса.

— Да вѣдь эдакъ умереть можно! замѣтилъ Валеріанъ.

— Однако она не умерла, а выздоровѣла! развелъ руками Хлоповъ.

¹⁾ Это мой Веніаминъ.

Молодой человекъ поднялся съ своего мѣста.

— Куда-же ты? протянула тетка.

— Я дядю не видалъ...

— Посиди немножко... онъ занятъ... Caisons ¹⁾... Ну скажи: въ „Янкинъ“ былъ?

— Только сутки; но зато много сдѣлалъ: грамоту составилъ, рабочихъ нанялъ...

— Д-да? Que c'est incipide tout cela ²⁾!

— По обоюдному соглашенію? поинтересовался Хлоповъ.

— Къ счастью да.

— Воображаю, какъ тебѣ грустно было, раскисшимъ тономъ продолжала хозяйка, поглаживая руку племянника, — встрѣчать на каждомъ шагѣ les souvenirs de notre cher Nicolas ³⁾! Да, теперь онъ уже не страдаетъ, послѣ небольшой паузы, вздохнула она, — il a fini cette triste existence ⁴⁾, которое мы pauvre niais, силимся продолжить à toutprix ⁵⁾.

Въ комнату вбѣжалъ десятилѣтній мальчикъ въ курточкѣ, англійскаго покроя, бойкій, мускулистый, съ капризнымъ выраженіемъ лица и прервалъ хныканье Софьи Алексѣевны.

— Маман, у меня зубы болятъ, а Викторъ Александрычъ учиться заставляетъ... Вели ему уйти!

— А cousin ты видѣлъ, Сеня? Поздоровайся-же съ нимъ.

Мальчикъ подошелъ и неохотно подставилъ Валериану щеку.

— Такъ можно мнѣ не учиться, можно? присталъ онъ къ матери.

— Ну хорошо... скажи, что я позволила. Pauvre garçon ⁶⁾! по уходѣ сына, вздохнула она. Съ этихъ поръ страдать зубами! А все это противный каломель!

— Да, эти ртутные препараты Богъ знаетъ, что съ нашимъ организмомъ дѣлаютъ! глубокомысленно замѣтилъ Хлоповъ.—Я зналъ одного барина,—такъ тотъ до того наглотался этой дрянью, что кольца обручальнаго надѣтъ не могъ: бѣдѣло; какъ серебро бѣдѣло!

¹⁾ Поговоримъ.

²⁾ Какъ все это скучно!

³⁾ Воспоминанія о нашемъ дорогомъ Николаѣ!

⁴⁾ Онъ покончилъ съ этимъ печальнымъ существованіемъ.

⁵⁾ Бѣдные глупцы силимся продолжать во что-бы то ни стало!

⁶⁾ Бѣдный мальчикъ!

— Неужели? улыбнулся Вальховцевъ.

— Вы не вѣрите? даже вытаращилъ глаза Хлоповъ.— Да я вамъ вотъ что скажу-съ: мнѣ вѣрный и ученый чело-вѣкъ говорилъ... не совреть-съ... Одинъ его знакомый (гость при этомъ всталъ) такъ много ртути принималъ, по нѣкото-рому случаю, что даже потомъ фокусы показывалъ: возьметъ кусокъ обыкновеннаго стекла, дохнетъ на него—зеркало!

Хлоповъ махнулъ кверху правой рукой, повернулся на каблукахъ и вышелъ.

— Господи! Да развѣ можно такъ лгать! искренно изу-мился Валеріанъ. И вы долго, *ma tante*, такъ съ нимъ про-сигиваете?

— *C'est ma seule distraction, mon cher* ¹⁾, приподнялась Софья Алексѣевна:—*Alexandre* вѣчно занятъ, Манѣ съ боль-ной матерью скучно, *mais je me résigne, que faire! Il me tient lieu, vois tu, de ces balaganes, de ces clowns* ²⁾, которые развлекаютъ, а въ настоящее время мнѣ это тѣмъ болѣе необхо-димо, что всѣ эти дѣла, *toutes ces affaires de mouziks me dérangent les nerfs* ³⁾, и безъ того слабые! Ну, что, видѣлъ ты нашего Анатоля? Теперь у нихъ строгости большія пошли въ университетахъ, съ этимъ *régime militaire* ⁴⁾! вздохнула хозяйка.

— Какія-жъ тамъ строгости особенныя: позакликнули немножко!

— Ну какъ-же ты говоришь: *et tous ces légions de co-saques, de gendarmes—Dieu sait ce qui se faisait* ⁵⁾! Ахъ, *ma chère*, обратилась Софья Алексѣевна къ внесшей чай Манѣ, —опять крѣпкій налила... И къ чему столько печенья, *quand un tout petit biscuit me suffirait* ⁶⁾! (однако корзиночку съ печеньемъ оставила).

¹⁾ Это мое единственное развлеченіе, мой милый!

²⁾ Но я подчиняюсь, что дѣлать! Онъ замѣняетъ мнѣ, видишь-ли, балаганы, клоуновъ, а мнѣ это необходимо.

³⁾ Всѣ эти мужицкія дѣла беспокоятъ мои нервы.

⁴⁾ Военный режимъ (управленіе).

⁵⁾ А всѣ эти легіоны казаковъ, жандармовъ—Богъ знаетъ что дѣлалось!

⁶⁾ Когда самый маленькій бисквитъ былъ-бы мнѣ достаточенъ!

XII.

Валеріанъ воспользовался перерывомъ разговора и вышелъ за куѣиной; въ залѣ за большимъ продолговатымъ столомъ, на которомъ кипѣлъ серебряный самоваръ, пилъ чай Сеня, съ учителемъ Кустодіевымъ, красивымъ молодымъ человѣкомъ, съ умнымъ, но, какъ показалось Вальховцеву, хищнымъ взглядомъ. Маня ихъ познакомила.

— Довольны вы ученикомъ? вѣжливо спросилъ Валеріанъ учителя.

— Нѣтъ; лѣнится, помѣшивая ложкой чай, неохотно отвѣтилъ тотъ:—балуютъ шибко... А вы-вѣдь это такъ спросили, чтобъ что-нибудь сказать! усмѣхнулся Кустодіевъ и взглянулъ на Маню.

Вальховцевъ слегка вспыхнулъ.

— Совершенно вѣрно; но вы-то, какъ кажется, пооригинальничать захотѣли!

— Что-жъ тутъ оригинальнаго высказывать то, что подмѣчаешь!

— И вы *всегда, вездѣ и вѣзмъ* это высказываете, г. Кустодіевъ? съ ноткой раздраженія подчеркнул Валеріанъ.

— Да.

— Сомнѣваюсь... и очень! повернулся онъ по направленію къ кабинету.

Въ большой комнатѣ съ дубовою мебелью, обитой зеленымъ репсомъ, съ массой охотничьихъ картинъ и портретовъ по стѣнамъ, за великолѣпнымъ письменнымъ столомъ сидѣлъ тайный совѣтникъ Александръ Семеновичъ Вальховцевъ, видный, еще не старый мужчина, съ военной осанкой и что-то читалъ вслухъ. У ярко горѣвшаго камина, повернувшись къ нему спиной, грѣлся господинъ Хлоповъ, а на диванѣ, попыхивая изъ трубки и прихлебывая чай, внимательно слушалъ сѣдоватый, добродушный предводитель Залѣсовскаго уѣзда, Дмитрій Андреевичъ, Абросимовъ.

— Ну, покажись, послѣ обмѣна поцѣлуевъ и первыхъ фразъ, повернулъ хозяинъ племянника къ лампѣ;—молодецъ! Ты въ эти три года много перемѣнился къ лучшему: возмужалъ!—А ты по гвардейски: прежде къ дамамъ забѣжалъ, а старика дядю...

— На закуску оставилъ! расхохотался Хлоповъ.

— Ну садись, познакомивъ съ Абросимовымъ, пригласилъ Валеріана Александръ Семеновичъ,—научи насъ уму-разуму... Изъ Питера пріѣхалъ, откуда свѣтъ въ наши норы идетъ; молодъ, не чета намъ старымъ крѣпостникамъ!

— Дядя! укоризненно замѣтилъ племянникъ.—Мнѣ гораздо пріятнѣе будетъ еще разъ поцѣловать васъ!

И онъ искренно обнялъ хозяина, который невольно измѣнилъ тонъ; Абросимовъ-же сочувственно взглянулъ на молодого человѣка.

— Юноша! Вѣдь я пошутилъ! ласково сказалъ Александръ Семеновичъ.—Неужели ты думаешь, что несходство взглядовъ и мнѣній нашихъ можетъ заставить меня позабыть, что ты сынъ моего старшаго брата?—Въ „Янкино“ заѣзжалъ?

— Валерьянъ Николаичъ даромъ времени не тратитъ, замѣтилъ Хлоповъ;—въ одни сутки мужики грамоту подписали!

— Вотъ какъ!... И многимъ подарилъ?

Молодой человѣкъ сказалъ.

— Напрасно! Въ особенности съ лѣсомъ поспѣшилъ: у тебя у самого его не Богъ вѣсть сколько!

— Хотѣлось грамоту по обоюдному соглашенію составить.

— Ребачество, mon cher: результатъ-то вѣдь одинъ, что по соглашенію, что безъ него. Ты можетъ-быть думаешь, что крестьяне спасибо за это тебѣ скажутъ—никогда!

— Имъ хотъ масло лей на голову—все мало! вставилъ Хлоповъ.

— Признаюсь: мнѣ не хотѣлось пользоваться правомъ *навязывать* грамоту...

— Ну, а мы, крѣпостники, не такъ щепетильны: воспользовались и не стыдимся этого. Право это освящено закономъ—слѣдовательно никто насъ за это упрекнуть не можетъ. Спасибо, что хотъ это-то намъ оставили!

— Да, я mon oncle, и не упрекаю никого, но думаю, что и мнѣ не воспрещено распоряжаться своимъ имуществомъ по своему усмотрѣнію!

— И распоряжайся, но безъ ущерба себѣ и другимъ!

— Въ ущербъ себѣ я понимаю, но другимъ-то какъ-же?

— А такъ что сосѣднія деревни на Янкинскихъ указы-

вать будутъ, пойдутъ неудовольствія, кляузы... Я голову даю на отсѣченіе, что и мѣсяца не пройдетъ, какъ мои завопятъ!

— Вы у своихъ отрѣзали?

— Конечно; и отрѣзалъ съ цѣлю въ рукахъ ихъ держать! Ты-то вотъ начинаешь только знакомиться съ ними, а мы ихъ вдоль и поперекъ знаемъ. Русскаго мужика распускать нельзя: онъ только и хорошъ, пока на немъ узда есть... Ну отдавай имъ въ иользование отрѣзки, прощай арендную плату, но пусть они всякій разъ кланяются, просятъ, пусть знаютъ, что въ твоей волѣ лишить ихъ этой земли, пусть цѣнятъ твою милость!

— Да, это правда, пробурчалъ Абросимовъ,—зависимость должна быть.

— Но всякая вынужденная зависимость порождаетъ неискренность въ отношеніяхъ, а мнѣ хотѣлось-бы добиться...

— Искренности? смѣясь, перебилъ племянника Александръ Семеновичъ.—Иллюзія, *mon très cher!* Захотѣлъ искренности у этихъ brutes! ¹⁾).

— Поживутъ въ деревнѣ—узнаютъ! вставилъ предводитель.—Дяденька правду говоритъ; хотя-бы на счетъ лѣса: у себя урвали, а спасибо большого отъ нихъ не увидите! Лѣсъ они сейчасъ-же вырубятъ, денежки пропьютъ, а потомъ, чтобы наверстать прогуленное—васъ-же прижимать станутъ... То-ли дѣло какъ если-бы вы ежегодно бревнами отпускали, сегодня одному, завтра—другому,—и цѣна вашему подарку другая-бы была, да и лѣсъ—отъ не такъ бы скоро перевелся.

— Я-вѣдь, Дмитрій Андреичъ, не даромъ отдалъ крестьянамъ землю, подлежащую отрѣзкѣ: я заключилъ съ ними условіе на три года объ обработкѣ Янкина; это условіе—вещь не маловажная: не заключи я его—я рисковалъ остаться безъ работниковъ или нанять совсѣмъ неизвѣстныхъ мнѣ и никуда негодныхъ людей!

— Это вы совершенную правду сказали и простите что, не зная о совершеніи вами условія съ крестьянами, я не совсѣмъ правильно отнесся къ вашимъ дѣйствіямъ! добродушно отвѣтилъ предводитель.

— Полноте, Дмитрій Андреичъ, виноватъ я, что поза-

¹⁾ „Brutes“ —дикари.

былъ своевременно сообщить о заключеніи условія съ рабочими и тѣмъ ввелъ въ заблужденіе и дядю и васъ.

Валеріанъ взялъ свой пустой стаканъ и вышелъ въ залъ; тамъ, съ книгой, сидѣла одна Маня; Сени и Кустодіева уже не было.

— Хочешь еще? спросила она, отодвигая книгу.

— Нѣтъ, мерси, подсѣлъ къ ней кузень.

— Послушай, торопливо и понижая голосъ, продолжала дѣвушка: — ну за что ты обидѣлъ Кустодіева?

— Чѣмъ?

— Ты его за лгуна счелъ: усомнился въ его словахъ...

— Имѣлъ полнѣйшее право, потому что онъ черезъ край хватилъ.

— Ты не вѣришь его прямогѣ?

— Не вѣрю, чтобы онъ *всегда* и *всѣмъ* говорилъ то, что онъ подмѣтилъ! Это — рисовка, какъ и то, чѣмъ онъ началъ разговоръ со мной.

— Самъ виноватъ: зачѣмъ обращался съ пошлымъ вопросомъ?

— При первомъ знакомствѣ всякій вопросъ можетъ показаться пошлымъ.

— Лучше промолчать, чѣмъ говорить салонныя фразы.

— Лучше ничего на нихъ не отвѣчать, чѣмъ рисоваться грубостію!

— По свѣтски можетъ быть это грубость, а по человѣчески — просто искренность.

— Однако если я „по человѣчески“ пойду сейчасъ въ кабинетъ да скажу Хлопову, что онъ дуракъ и враль — поглядятъ меня за это по головкѣ?

— Ты крайности берешь...

Принесли подносъ съ пустыми стаканами и Маня занялась разливаніемъ чая.

— Бросимъ-ка, Маничка, спорить, сказалъ молодой человѣкъ, по уходѣ лакея, — ну его къ Богу этого Кустодіева; скажи лучше, какъ ты живешь: чуется мнѣ, что не совсѣмъ-то хорошо!

Дѣвушка провела рукою по глазамъ.

— Скука одолѣла, Валерьянъ, скука непроходимая! Отецъ все о дворянскихъ прерогативахъ толкуетъ, о фамиліной гордости, бранить эмансипацію; маман или больна или

со странницами болтаеть; ѣздить только старухи, съ вѣчными сплетнями въ запасѣ,—одурь возьметъ!

— Выѣзжаешь-же ты куда-нибудь?

— Какъ же! Визиты съ маман развожу, дуру изъ себя представляю, а то на вечерахъ, съ рара,—маман не ѣздитъ, больной сказывается, съ нашими барышнями-аристократками, о связяхъ и состоянїи жениховъ толкую!—Ахъ, да перестань ты ради Бога!

Маня отвернулася и помодчала.

— Хоть-бы отпустили меня куда-нибудь, разгорячилась вдругъ она,—въ акушерки готовиться что-ли!.. Я-вѣдь ясно вижу, что мать меня не любитъ, а отецъ равнодушенъ... Ну и сидѣли-бы съ своимъ Семеномъ Александровичемъ.

— Къ маменькѣ пожалуйста, доложила горничная.

— Ну прощай... сегодня ужъ болѣе не увидимся, съ неудовольствїемъ поднялась Маня.

— Неужели ты такъ рано ложишься?

— О, мнѣ много еще работы предстоитъ, усмѣхнулася она:—тизанъ готовить, натирать, акафистъ вслухъ читать, докончила Маня по французски.

XIII.

Валеріанъ простился съ ней и отправился въ кабинетъ; тамъ шелъ разговоръ о хозяйствѣ: Хлоповъ спорилъ съ предводителемъ и горячо возставалъ противъ нововведеній.

— Всѣ эти пятипольныя системы, плуги, да молотилки —взоръ-съ! Ихъ иностранцы выдумали, чтобы съ насъ деньги драть,—сила не въ нихъ! У меня въ Покровскомъ, въ самый неурожайный годъ, рожь сама пятнадцатая приходила, а овесъ и не запомнятъ, чтобы меньше семи родился... Такъ-вотъ это—хозяйство! А было трехпольное, клевера не сѣяли и плугами не пахали... Коровы по девяносто ведеръ кругомъ давали!

— Позвольте, перебилъ его Абросимовъ, разставаясь съ трубкой,—какъ-же это такъ... Девяносто ведеръ... много что-то...

— Холмогорки вѣрно, замѣтилъ Вальховцевъ—и кормъ хорошій...

— Нѣтъ-съ: по просту русскія коровенки!

— Мудрено, посасывая трубку, покачалъ головой предводитель.

— Не вѣрите? накинулся на него Хлоповъ,—я вамъ книги представлю! Да еще вотъ что вамъ скажу: осокой больше кормили!

— И такой удой? не утерпѣлъ Валеріанъ.—Удивительно!

— А штука очень простая: вы, молодые хозяева (Хлоповъ даже съ пренебреженіемъ выговорилъ это слово), слишкомъ довѣряетесь людямъ, забывая, что всѣ они—мошенники!

— Такъ-таки всѣ? усмѣхнулся молодой человѣкъ.—Ужъ будто въ рабочемъ классѣ честныхъ людей и нѣтъ?

— Какъ не быть, да только ихъ днемъ съ огнемъ искать надо!

— Вѣдь вы ихъ, Алексѣй Ивановичъ, не увѣрите, отрываясь отъ писанія какой-то бумаги, вмѣшался хозяинъ:—они всѣ за эту угнетенную меньшую братію!

— Да помилуйте, *mon oncle*, развѣ это возможно, чтобы всѣ они были мошенники, а мы непременно честные люди!

— А вотъ поживешь—узнаешь... Вы-то въ Петербургѣ жили, а мы съ ними возились... Въ кабинетѣ-то хорошо реформы придумывать, да создавать себѣ типъ небывалаго русскаго мужика!

Валеріанъ промолчалъ, а Хлоповъ поспѣшилъ вернуться къ своему разсказу:

— Мы, старики, не по вашему дѣлали, провести насъ было трудно. Назначилъ я скотнику два пуда масла съ коровы,—ну, конечно, онъ туда-сюда... „невозможно“ говорить...—„Хоть тресни, а подай!“... Ну, и подалъ!

— И недокопа не было? спросилъ Вальховцевъ.

— Быть можетъ и былъ—да мнѣ-то что до этого: деньги внесъ... тогда не смѣли разговаривать!

— Да, теперь и пудъ-то не всякій дастъ, вздохнулъ Абросимовъ,—а недокопить—поди возись съ нимъ... взять съ него нечего!

— Анафемское время, что говорить, заключилъ Хлоповъ;—положеніе дворянства безвыходное!

— По моему, оставляя письменный столъ и принимаясь ходить по кабинету, началъ Александръ Семеновичъ,—дворянству, чтобы сохранить теперь свое значеніе, остается

одно: обратить все въ деньги и вліять на массу капиталомъ. Быть землевладѣльцемъ дворянину, въ настоящее время, немислимо: притѣсненія на каждомъ шагу; господа посредники, забывъ свое происхожденіе и увлекаясь модой, вездѣ мужиковъ оправдываютъ, а помѣщиковъ жмутъ, гдѣ только можно. Мало того: крестьянская власть и та вмѣшивается! Былъ у меня конторщикъ... славный малый, но вспыльчивый; работникъ нагрубилъ ему—тотъ и ударъ его. Конечно жалобы въ правленіе. Получаю я отъ старшины бумагу, въ которой, выставляя на видъ поступокъ конторщика, онъ проситъ меня обратить вниманіе на подобное самоуправство и проч.—Каково? Мужикъ пишетъ такія вещи мнѣ, генералу и бывшему губернатору! Да еще адресуетъ: „милостивому государю!“—Развѣ это не оскорбленіе?

— Скоты! Совсѣмъ распустили, замѣтилъ Хлоповъ.

— Теперъ порубки, потравы, увлекался все болѣе и болѣе хозяинъ,—кто ихъ свидѣтельствуетъ? Мужики!.. Я говорю: убытка мнѣ на столько-то; старшина съ мужиками ѣдетъ на мѣсто по-вѣ-рять мои слова!.. Да еще можетъ сказать что я солгалъ!

— Кого-же посылать, топ онслѣ? вмѣшался Вальховцевъ.

— А посредника? Что онъ дѣлаетъ? Полторы тысячи получаетъ—можетъ побезпокоиться!

— Да вы сами говорили, что посредники все на крестьянскую руку тянутъ!

— Все-же лучше, когда свидѣтельствовать будетъ дворянинъ, а не мужикъ...

— Признаюсь, заговорилъ Хлоповъ,—и въ усадьбу-то нынче ѣздить не хочется: всякій мужиченко наровить какъ-бы тебѣ непріятность сдѣлать... Въ шапкѣ-ли мимо барскаго дома пройти, съ дороги-ли не свернуть, а другой пожалуй и обругаетъ... Вотъ недавно Варвара Алексѣвна Мигунова одна съ человѣкомъ ѣхала; встрѣтился имъ обозъ... Кучеръ охрипъ, кричавши: „къ одной, къ одной!“—и ухомъ не ведутъ! Варвара Алексѣвна понятно разсердилась; бранить ихъ начала, а они ее по извозчицѣи обругали! Кучеръ и хлестни крайняго... Обозчики загудѣли, вырвали у кучера кнутъ, отдули мигуновскихъ людей и перерѣзали гужи и постромки, такъ что бѣдная Варвара Алексѣвна чуть не замерзла, пока ѣздили за веревками въ ближайшую деревню!

— Ну скажите на милость, возмутился Александръ Семеновичъ,—вѣдь это разбой! Эдакъ и по дорогамъ ужъ ѣздить нельзя!

— Поэтому-то я всегда форменную фуражку и надѣваю, пробурчалъ Абросимовъ,—а иногда и Анну на шею вѣшаю!

— Мигунова сама виновата, замѣтилъ Вальховцевъ:—бранилась, дозволила своимъ людямъ драться... Да и самое требованіе воротить съ дороги цѣлый обозъ въ аршинный снѣгъ—деспотизмъ. Посудите сами: кому легче объѣхать: кибиткѣ-ли съ тремя сѣдоками или цѣлому обозу, ужъ конечно не менѣе десяти воевъ, съ тридцатью пудами на каждомъ?

— Прежде-же они это дѣлали... Лучше, умнѣе что-ли они теперь стали?

— Не лучше и не умнѣе, дядя, а свободнѣе... Ихъ избавили отъ палки—не дураки-же они пошлые, чтобы ложиться подъ кнутъ какого-то кучера или лакея! Они поняли свои права, а вотъ г-жа Мигунова ихъ знать не хочетъ!

— Вотъ, господа, обратился хозяинъ къ гостямъ,—какъ поговариваетъ наша столичная молодежь! Всѣ они возстановлены противъ своего-же брата!

— Позвольте, дядя, вспыхнувъ, остановилъ его Валеріанъ:—изъ того, что я не восхваляю поступокъ г-жи Мигуновой—вовсе не слѣдуетъ, чтобы я былъ врагомъ дворянства; я высказываю свой взглядъ и болѣе ничего.

— По вашему, не слушая племянника, продолжалъ ех-губернаторъ,—мы впередъ идемъ, совершенствуемся... Скоро настанетъ для всѣхъ золотой вѣкъ?

— Не назадъ-же? неохотно возразилъ молодой человекъ.—Крестьянская реформа—благодѣяніе, которое оцѣнять какъ слѣдуетъ конечно еще не скоро!

— Хорошо благодѣяніе! Послѣ 19-го февраля, мужикъ спился съ кругу, обѣднѣлъ, сталъ воровать и грабить... Помѣщики раззоряются... Хлѣбная торговля падаетъ, потому что дворянскія усадьбы начинаютъ закрываться, а крестьянское хозяйство, не поддерживаемое помѣщиками, ухудшается.

Раздался звонокъ. Хлоповъ посмотрѣлъ на часы и прервалъ расходившагося хозяина.

— Князь вѣрно: больше некому... Извѣстный полуночникъ!

Дѣйствительно, черезъ минуту, шаркая, влетѣлъ въ кабинетъ князь Григорій Григорьевичъ Сердоба-Комельскій, человѣкъ среднихъ лѣтъ, невысокаго роста, темнорусый, полный, гладко выбритый, съ веселымъ, добродушнымъ лицомъ, Михалковскій предводитель дворянства.

— Mille pardons, многоуважаемый! крѣпко потрясъ онъ руку Александра Семеновича.—Знаю, что поздно, но во что-бы то ни стало хотѣлъ повидать васъ... У меня столько дѣла, а времени такъ мало осталось, торопливо говорилъ онъ, здороваясь съ Абросимовымъ и Хлоповымъ.

— Мой племянникъ... Валерьянъ Николаичъ, отрекомендовалъ хозяинъ молодого человѣка.

— Charmé! надѣвая prince-nez и протягивая руку, обратился къ нему князь.—Надѣюсь вы мнѣ сдѣлаете честь посѣтить мои „Голубки“? C'est mon bien ³⁾, всего три версты отъ города.—Et la santé de madame ²⁾? обратился онъ къ хозяйну.—Ахъ, у меня просто голова кругомъ идетъ! не дожидаясь отвѣта, болталъ князь;—театръ не готовъ, зимній садъ en plein désordre ¹⁾—ужасно боюсь, что все это къ Надиному рожденію не поспѣетъ!

— Да ко мнѣ-то вы, князь, зачѣмъ? улыбаясь, спросилъ Александръ Семеновичъ.

— Ахъ, Боже мой, забылъ совсѣмъ,—и, со словомъ „сейчасъ“, Комельскій выбѣжалъ изъ кабинета.

— Чудакъ! пожалъ плечами хозяинъ.

— А большая находка для общества, замѣтилъ Хлоповъ;—воображаю, какимъ онъ насъ обѣдомъ угоститъ!

— Да, жить умѣетъ, разставаясь съ трубкой, замѣтилъ Абросимовъ:—наслѣдству скоро глаза протретъ!

— Сорокъ-вѣдь тысячъ дохода, послѣ дяди, получилъ! объяснилъ Хлоповъ Валеріану.

— Эту новинку, залепеталъ вернувшійся князь, подавая хозяйну плетеную корзиночку со свѣжей земляникой,—je me permets d'offrir à vos dames ⁴⁾... Голубковскіе дары!.. А

¹⁾ Это мое имѣніе.

²⁾ А какъ здоровье супруги?

³⁾ Въ полномъ безпорядкѣ.

⁴⁾ Я позволю себѣ поднести вашимъ дамамъ.

propres: знаете, господа, чѣмъ я васъ угощу... Тюрбо! Tout ce qu'il y a de plus frais ¹⁾)... На почтовыхъ привезутъ! Вы представьте себѣ только: въ К.—Тюрбо!

Отъ „тюрбо“ разговоръ перешелъ на разныя „ястія“ и „питія“—Вальховцевъ простился и уѣхалъ.

XIV.

Другого дяди, Петра Семеновича, отставного генераль-маіора, бывшаго кавказца и начальника К—скаго ополченія въ 1855 году, не было дома, когда на завтра, послѣ полудня, Валеріанъ заѣхалъ къ нему; онъ засталъ только тетку, Ольгу Николаевну, представительную, лѣтъ подъ пятьдесятъ женщину, и двоюродную сестру Вальховцевыхъ, Наталью Платоновну Мокрицкую, любимую свою старушку, часто гостившую въ Янкинѣ. Обѣ дамы очень радушно встрѣтили молодого человѣка.

— А я только что изъ собора (было воскресенье), объявила хозяйка,—къ преосвященному заходила... Славный онъ у насъ: ничего въ немъ этого поповскаго нѣтъ... совершенно свѣтскій человѣкъ... и не благословляетъ, а просто руку жметъ. Цѣлое общество насъ тамъ составилось; много болтали и право, если-бы не портреты архіереевъ на стѣнахъ, да сутаны келейниковъ,—можно было-бы подумать, что мы въ свѣтской гостиной. Чай только прескверный подали: пареными вѣниками ужасно отзывался.

— Ахъ, Olga, какъ это ему не стыдно! оправляя чепчикъ и ониковую брошку, воскликнула Наталья Платоновна.

— Нѣтъ, ты скажи лучше какъ не стыдно этой Карнѣвой faire parade своей привязанностію къ архіерею! Je n'en reviens pas, я просто не понимаю où a-t-elle laissé sa pudeur de femme ²⁾, чтобы поступать такимъ образомъ? Ломается, говорить глупости,—c'est à faire monter le rouge au front! Признаюсь, я не выдержала и уѣхала!

— А ты, Валеринька, не былъ у него? спросила Мокрицкая.

— Да когда-же еще было? Я только вчера изъ Янкина пріѣхалъ и неужто ранѣ васъ, милая моя tante, меня-бы понесло къ архіерею, Богъ вѣсть зачѣмъ?

¹⁾ Самая свѣжая.

²⁾ Куда она дѣла свой женскій стыдъ.

— Merci, голубчикъ, а все-таки ты къ нему съѣзди, мягко сказала старушка:—понадобится можетъ-быть... Онъ—лицо видное, изъ первыхъ въ городѣ, а теперь ты служишь...

Вальховцевъ улыбнулся.

— Tu trouves qu'elle à tort de te conseiller cela? ¹⁾ спросила Ольга Николаевна.

— Тетушка можетъ-быть и права по своему, но я не сочувствую ея взгляду.

— Почему?

— Губернатору я обязанъ представиться, какъ служащій, предводителямъ, какъ дворянинъ, и сдѣлать визиты всѣмъ властямъ, съ которыми буду имѣть сношенія, но архіерею и прочимъ—только тогда, когда встрѣчусь съ ними въ домахъ родственниковъ или прежде мнѣ знакомыхъ.

— Слѣдовательно остальныхъ, выдающихся членовъ общества, ты не удостоишь визитомъ? спросила хозяйка.

— Двумъ старшимъ здѣшнимъ дворянкамъ сдѣлаю исключеніе, разсмѣялся Валеріанъ,—хотя онѣ и не сливки общества: вдовѣ Олимпіадѣ Ивановнѣ Шумиловой и дѣвицѣ Варварѣ Кириловнѣ Дружневской; буду любезенъ и краснорѣчивъ и все это въ обезпеченіе своей личности!

— Не понимаю, почему это исключеніе?

— А три года назадъ, когда я пріѣзжалъ сюда въ отпускъ, добрые люди предупредили меня, что Боже сохрани пренебречь этими двумя особами: такъ распишутъ, что сразу въ послѣдній разрядъ попадешь!

— Ахъ, Валеринька, дружокъ, нельзя тебѣ съ перваго же раза отшатнуться отъ общества, мягко уговаривала Мокрицкая:—ты—новый здѣсь человекъ, здѣшній помѣщикъ, видное мѣсто занимаешь, не чиновникъ какой-нибудь!

— Для мѣстнаго дворянина, а тѣмъ болѣе извѣстной фамилии, существуютъ нѣкоторыя обязанности, которыхъ не потребуютъ съ простого чиновника, встала Ольга Николаевна;—нелюдимымъ прослыть хочешь?

— Совсе не желаю; но развозите визиты, безъ разбора, подобно пріѣзжимъ актерамъ, я нахожу совершенно лишнимъ: я—вѣдь, ma tante, не гастролеръ, а мѣстный помѣщикъ и чиновникъ не изъ послѣднихъ...

¹⁾ Ты находишь, что напрасно она совѣтуетъ тебѣ это?

— Квартуру будешъ подыскывать? спросила, послѣ паузы, Наталія Платоновна.

— Надо будетъ... *Pied-à terre*¹⁾... комнаты четыре—пять...

— Что такъ мало? На такую квартиру болѣе десяти человѣкъ и пригласить нельзя! замѣтила хозяйка.

— У меня *ma tante*, вечеровъ и не будетъ... Двѣ недѣли я буду въ разъѣздахъ, а другія двѣ—дома, и эти свободные дни посвящу пребыванію въ Янкинѣ; вѣдь отъ города и всего двѣнадцать верстъ.

— И будешь хозяйничать?

— Это моя мечта; а между дѣлъ займусь охотой.

— Нынче вѣрный доходъ одна только служба: на имѣнія наши разсчитывать нельзя.

— Это почему?

— Потому, что они или мало или ничего не даютъ.

— То-есть усадьбы, хотите вы сказать?

— Объ усадьбахъ и говорить нечего: онѣ только затратъ требуютъ!

— Оброчныя слѣдовательно?

— Да.

— Онѣ-то какъ-же?

— Оброкъ худо платятъ, съ недоимками, да и гораздо меньше прежняго... Вообще помѣщикамъ нынче плохо: крестьянское царство началось!

— Революціи бы только не сдѣлали, взволновалась Наталія Платоновна:—всѣ они—такіе злые, хитрые мужики!

— Ну, на это не похоже, улыбнулся Валеріанъ:—крестьянская реформа нигдѣ такъ мирно не обошлась какъ у насъ.

— Потому, что однихъ обобрали, а другимъ все огдали! презрительно замѣтила Ольга Николаевна.

— Помилуйте, *ma tante*!

— Да вотъ погоди: и послѣднее отберутъ!

Молодой человѣкъ не счелъ нужнымъ оспаривать и промолчалъ. Вышла пауза.

— Вонъ Чулкова идетъ, взглянувъ въ окно, сказала старушка,—новая шапочка на ней... Куда это она?... Къ Кудрявцевымъ—рано...

¹⁾ Временная квартира.

— Ахъ, ma chère, хочется это тебѣ всякою дрянью интересоваться! фыркнула хозяйка; однако въ окно заглянула.

-- Alexandre'a видѣлъ? спросила Мокрицкая.

— Вчера вечеръ у нихъ провелъ.

— Ну что Sophie? полюбопытствовала Ольга Николаевна.

— Въ горизонтальномъ положеніи какъ водится?

— Больна, улыбнулся Валеріанъ.

— Не постигаю этого удовольствія, пожала она плечами:—цѣлые дни проводить то въ постели, то на кушеткѣ! Вѣдь она здоровѣе насъ всѣхъ! Сколько ихъ докторовъ ужъ она перемѣнила: все сердится, что болѣзни ея они не понимаютъ, а тѣ говорятъ, что нельзя-же ее лечить отъ здоровья!—Ну, Хлопова, конечно, тамъ засталъ? Не правда-ли пріятный собесѣдникъ?

— Пріятности я не ощутилъ, но за то лганью его подивился!

— Маня, по обыкновенію, одна и слушаетъ проповѣди семинариста?.. Славное общество для восемнадцатилѣтней барышни—нечего сказать! Un parvenu ¹⁾, un нигилистъ, Dieu sait d'ou! ²⁾.

— Жаль, ужасно жаль мнѣ этой дѣвочки, участливо замѣтила Мокрицкая:—то garde-malade ³⁾, то чтица... Постоянные выговоры, ласки никогда не видить... Все это должно страшно эгировать характеръ.

— Что-жъ, ma chère, съ Софьей Алексѣвной прикажешь дѣлать? Я сколько разъ говорила ей, чтобы она обратила вниманіе на Маню, а главное поповича этого выгнала-бы поскорѣй—молчить, точно не о ея дочери и рѣчь! А между тѣмъ мы въ такое время живемъ, когда молодежь растетъ быстро, увлекается всѣмъ безъ разбора, когда каждый день наталкиваешься на самыя печальныя неожиданности!

— Сохрани ее Богъ! вздохнула старушка.

— Мнѣ кажется, что вы преувеличиваете ваши опасенія, ma tante... Манѣ просто скучно и она рада хоть съ кѣмъ-нибудь обмѣняться живымъ словомъ.

— Ты молодъ еще, mon cher, да и мужчина... Crois

¹⁾ Выскочка.

²⁾ Богъ вѣсть откуда!

³⁾ Сидѣлка.

moi, nous autres femmes, nous sommes douées d'une seconde vue pour ces choses là! ¹⁾).

— Вы чего-же боитесь: чтобы она не вышла за него замужъ?

— Бездѣлица! Une Вальховцевъ—и быть женой какого-то оборванца-демократа!

— А я другое предполагалъ...

— Такъ тебѣ этого мало?

— Признаюсь: если онъ человѣкъ хорошій и полюбилъ-бы ее—несчастіе еще было-бы не такъ велико...

— Ахъ, Валеринька, что ты говоришь! всплеснула руками Наталья Платоновна:—Une telle mésalliance ²⁾!.. Да въ умѣ-ли ты?

— То-то и есть что любовь тутъ ни при чемъ! вставила Ольга Николаевна.—Учительшкѣ приданное нужно, а Sophie никогда Манѣ его не дастъ, если она такую партію сдѣлаетъ; еще рада будетъ: Анатолю и Сенѣ побольше оставить! Вѣдь состояніе почти все ея, свое-то Alexandre еще на губернаторствѣ разстроилъ.

— А, племянникъ дорогой,—добро пожаловать! раздался съ порога мягкій баритонъ и Валеріанъ очутился въ объятіяхъ дяди Петра Семеновича, крупнаго, съ просьдью блондина, военной осанки, съ лицомъ красивымъ, открытымъ и большими усами. Онъ былъ въ штатскомъ сюртукѣ, съ маленькой золотой сабелькой, съ привѣшенными къ ней миниатюрными орденами и медалями въ петлицѣ.—Давно-ли приѣхалъ?.. Много ли долговъ изъ Питера привезъ?.. Когда на службу? засыпалъ онъ Валеріана вопросами, усаживаясь въ кресло.

Молодой человѣкъ отвѣтилъ.

— Что мужиковъ наградилъ—дѣло хорошее... объ этомъ слухъ пустимъ... Лѣсъ лучше было-бы побережъ, въ особен-ности въ нашей сторонѣ, не что сдѣлано—не воротишь! Твой élan ³⁾—благороденъ во всякомъ случаѣ... Что же касается хозяйства—не тѣшь себя иллюзіями, милый другъ: не ко времени оно... Пора теперь горячая, другое на сцену

¹⁾ Повѣрь мнѣ: мы, женщины, одарены двойнымъ зрѣніемъ для подобныхъ вещей!

²⁾ Такой неравный бракъ.

³⁾ Порывъ.

выступает... Сложь руки сидѣть не приходится... Со вздохами да сѣтованіями о потерянныхъ правахъ, какъ многіе, а въ томъ числѣ и братъ, дѣлають,—далеко не уѣдешь! Безсильной злобой тоже никого не удивишь... На совершившійся переворотъ надо смотрѣть философomъ, да деньги наживать... Хозяйство гроша мѣднаго тебѣ не дастъ, а только послѣднее высосеть.

— Не то-же-ли самое я тебѣ говорила? вмѣшалась Ольга Николаевна.

— Теперь пора реформъ, продолжалъ Петръ Семеновичъ:—одна другую плодить будетъ—это по всему видно. Строятся желѣзныя дороги, всевозможныя компаніи растутъ какъ грибы. Съ будущаго года вводится новая акцизная система—что денегъ заработать можно! Мнѣ, хоть и за пятьдесятъ, а я не дремлю: заѣзжай въ Горшалоу, взгляни какой я винокуренный заводъ строю... На сорокъ тысячъ ведеръ! Четыре склада, да тридцать кабаковъ открою! Вѣдь у меня, какъ тебѣ извѣстно, два сына на Кавказѣ: Саша двадцати-пяти и Петя двадцати трехъ лѣтъ; хочется мнѣ въ гвардію перевести ихъ, дорогу дать... Вотъ и работаю!.. И тебѣ совѣтую не дремать: поставь въ Янкинѣ „Елочку“—мѣсто бойкое, на трактѣ...

— Этого я не сдѣлаю.

— Почему?.. Не-при-лично?.. Ну, не ты,—такъ другой, рядомъ съ твоей межей, кабачекъ откроетъ и изъ-подъ твоего носа денежки обирать будетъ... А мужики, Валеріанъ, одинаково будутъ пить: что у тебя, что у сосѣда!

— Можетъ-быть, да я-то ихъ спаивать не буду.

— Все это очень нравственно, но шести-семисотъ рублей, милый другъ, ты не дополнишь! А чтобы на подобную сумму увеличить Янкинскій доходъ—много трудовъ и денегъ понадобится!

— Онъ и хочетъ все свободное отъ службы время посвятить Янкину... „Хозяйство—моя мечта!“ сообщилъ онъ мнѣ и Наташѣ! пожаловалась хозяйка.

— Ужъ если такъ, то надо избобрѣтать что-нибудь новое: на хлѣбномъ хозяйствѣ далеко не уѣдешь! Не хочешь „мужиковъ спаивать“, какъ ты сказала,—возьмись за что-либо другое, но непременно живое... А намѣреніе твое—все свободное время посвящать Янкину—не одобряю: разъ ты

на службѣ и на службѣ хорошо поставленной, надо, не теряя времени, связи заводить, чтобы двигаться вперед и обезпечивать себя на старость. Безъ связей, будь ты хоть семи пядей во лбу, ничего не добьешься!

— Связи *заводить*, вы сказали, дядя... Слѣдовательно не надо ждать, чтобы онѣ сами создались—необходимо ихъ устраивать, разными махинаціями?

— Подъ лежацій камень и вода не течетъ!

— Гдѣ подслуживаніемъ, гдѣ заискиваніемъ, а гдѣ... и подлостью?

— Ну, послѣднее зачѣмъ-же? Нужно помнить только русскую пословицу, которая почти всѣ отличаются мудростію: „ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ!“

— Не по сердцу мнѣ такія связи...

— Ну, тамъ увидимъ!

— А зимой что будешь дѣлать въ усадьбѣ? послѣ паузы, спросила Ольга Николаевна.—Чтобы слѣдить за молочнымъ дѣломъ и порядкомъ—довольно разъ въ мѣсяцъ побывать въ Янкинѣ, проѣздомъ въ Залѣсовѣ, и все осмотрѣть; жить-же, ежемѣсячно, по двѣ недѣли въ усадьбѣ одному, въ темные вечера и ночи—одурь возьметъ!

— Литературой займусь...

— Вотъ еще занятіе нашель! Да укажи ты мнѣ хоть одного писателя, который-бы литературой себѣ состояніе составилъ... Наживались издатели, но не труженики... А сіи послѣдніе, Валеринька, сплошь и рядомъ, кончали свою жизнь на чердакѣ или въ больницѣ!

— А если это—призваніе, страсть? Если гонораръ даже на мысль не приходитъ, а просто мучить желаніе высказаться, оставить по себѣ какой-нибудь слѣдъ въ потомствѣ? вспыхнулъ Вальховцевъ.

— Да ты пишешь?

— Теперь только, послѣ приѣзда сюда, перервалъ свои занятія.

— И печатался?

— Первые рассказы въ петербургскихъ газетахъ, а повѣсть удостоился помѣстить въ крупномъ журналѣ „Русское Дѣло“...

— Это изданіе нашего лучшаго публициста М.?

— Да, въ Москвѣ.

— И сколько дали тебѣ за повѣсть?

— Пятьдесятъ рублей за печатный листъ; было четыре съ чѣмъ-то листа — выдали двѣсти двадцать рублей. Да дѣло не въ гонорарѣ, а въ томъ, что я попалъ въ „Русское Дѣло“...

— А какъ названіе повѣсти?

— „Въ цѣпяхъ“.

— Отчего ты въ петербургскихъ журналахъ не напечаталъ?

— Петербургъ — либеральный городъ; не лежитъ у меня сердце къ его журналамъ... „Русское Дѣло“ — патріотическій журналъ, а издатель его М. — патріотъ и монархистъ, не говоря уже о томъ, что онъ публицистъ первокласный.

— Ты познакомился съ нимъ?

— Два раза у него былъ; посѣщенія эти подняли во мнѣ желаніе заняться серьезно литературой и вотъ теперь я все свободное время буду посвящать ей: все-таки лучше, чѣмъ отдаться исключительно свѣтской жизни.

— Повѣсть твоя подъ твоимъ именемъ?

— Да: „Валеріанъ Вальховцевъ“.

— Непремѣнно достану „Русское Дѣло“; его многіе здѣсь получаютъ. А теперь, взглянулъ онъ на часы, — пора закусить; пойдѣмъ въ столовую.

— Мерси, дядя, отказался молодой человѣкъ: — мнѣ ѣхать надо...

— Съ визитами? добродушно усмѣхнулся Петръ Семеновичъ.

— Нѣтъ, визиты завтра, а сегодня о собакѣ справиться, которую я сюда съ Володей Соболевымъ отправилъ, да кстати и о грамотѣ переговорить.

— Le parent de Sophie? ¹⁾ Какой интересный визитъ! презрительно замѣтила хозяйка. — Ты его вѣроятно пьянымъ найдешь: après midi il n'est bon à rien! ²⁾.

— Сплетня это, ma tante! заступился Валеріанъ. — Въ Петербургѣ живаль онъ у меня по двѣ недѣли и ничего подобнаго я не замѣчалъ; пилъ какъ и всѣ.

— Хороши-же были эти всѣ! Еще посредникомъ эдакаго неуча выбрали!

¹⁾ Родственникъ Софьи?

²⁾ Послѣ полудня онъ никуда негодится.

— Конечно звѣздъ съ неба онъ не хватаетъ; съ небольшимъ раздраженіемъ возразилъ молодой человѣкъ, вообще не любившій дурныхъ отзывовъ о своихъ друзьяхъ,— на мѣдные гроши учился, однако отецъ мой, какъ ни скупъ былъ на похвалы, всегда о немъ какъ о честномъ и прямомъ маломъ отзывался!

— Ну, на отца-то ты не ссылайся, поддержаль жену Петръ Семеновичъ:—снисходителенъ былъ покойникъ!

— Je ne te dirai que cela, mon cher ¹⁾, разгорячилась Ольга Николаевна, —дружба съ подобнымъ господиномъ подорветъ въ самомъ началѣ твою репутацію!

— Не очень я ею и дорожу, ma tante, вспыхнулъ Вальховцевъ, не обращая вниманія на суетливыя покачиванія головой Натальи Платоновны;—пустить какой-нибудь негодяй, изъ личныхъ видовъ, гнуснѣйшую сплетню—десятокъ тунеядцевъ постарается ее распространить—вотъ вамъ и репутація готова!

— Однако ты—libre penseur! ²⁾ ядовито усмѣхнулась хозяйка;—и тетку не пощадилъ! Но я, mon cher...

— Полно вамъ изъ пустяковъ препираться, вмѣшался Петръ Семеновичъ:—ты лучше помни, что мы ровно въ четыре часа за столъ садимся... И положительнѣйшимъ образомъ, такъ какъ послѣ обѣденнаго сна полагается мнѣ только до шести часовъ.

— Обѣдать я не могу, дядя, (Мокрицкая усиленно качала головой и знаками приглашала Валеріана согласиться)...

— Оставь его, Пьеръ... Если обѣдать въ какомъ-нибудь „cabalet“ ³⁾ ему пріятнѣе, чѣмъ въ родственномъ домѣ—его воля! примирительно заключила Ольга Николаевна.

XV.

Вальховцевъ уѣхалъ изъ родственнаго дома въ очень дурномъ настроеніи: „просто, подъ видомъ участія, всѣ они меня замундштучить хотятъ! Нѣтъ, въ Янкино скорѣй, на вольный воздухъ“! чуть не вслухъ проговорилъ онъ, на-

¹⁾ Я скажу тебѣ только то, мой милый.

²⁾ Свободомыслящій!

³⁾ Кабачекъ.

правляясь къ петербургской гостиницѣ, обыкновенному „pied-à-terre“ ¹⁾ Владиміра Сергѣевича Соболева.

— Соболевъ здѣсь? обратился молодой человѣкъ къ несшемуся на всѣхъ парахъ съ миской въ рукѣ и салфеткой на плечѣ, корридорному.

— Здѣсь! пробасилъ гдѣ-то вблизи шутливый голосъ и въ дверяхъ одного изъ номеровъ показалась, въ халатѣ и туфляхъ, коренастая, лѣтъ тридцати, фигура съ мясистымъ, бородатымъ лицомъ, въ которомъ вкраплены были узенькіе, добродушные глазаки.

— Друже! возгласила фигура, растопыривая руки и заключая прибывшаго въ свои объятія.

— Ты пьянъ? спросилъ Вальховцевъ, вталкивая Соболева въ номеръ.

— Что? комично вытаращилъ тотъ свои свинные глазаки.

— Пьянъ ты, спрашиваю я тебя?

— Да когда-же было-то? Я только что проснулся; пріѣхалъ вчера поздно изъ деревни... Видишь: благодушествую, запахнулъ онъ халатъ.—Но что за воирось странный?

Валеріанъ расхохотался.

— Мнѣ объявили, что послѣ полудня ты всегда пьянъ, — ну я и желалъ убѣдиться: правду-ли говорятъ...

— Изъ бабъ которая нибудь? (Вальховцевъ кивнулъ головой). Ну, этимъ мельницамъ и заниматься болѣе нечѣмъ! равнодушно замѣтилъ Владиміръ Сергѣевичъ, усаживаясь на диванъ и подбирая подъ себя ноги.—Ты какъ узналъ, что я здѣсь?

— На авось заѣхалъ... Кто-то въ „Парижѣ“ сказалъ, что ты пріѣхалъ; зачѣмъ тебя принесло?

— По денежнымъ дѣламъ! махнулъ рукой Соболевъ.

— А я грамоту привезъ и такъ радъ, что по взаимному соглашенію!

— Пай—мальчикъ! И мнѣ работы меньше будетъ.

— Такъ возьми (Валеріанъ подалъ ему пакетъ)... Тутъ планы и все прочее...

Соболевъ взялъ бумаги и сунулъ ихъ въ боковой карманъ халата.

— Изомнешь, забудешь еще чего добраго, потеряешь! обезпокоился Вальховцевъ.

¹⁾ Временная квартира.

— Ну-ну... Тебѣ это святыней ужъ такой представляется, а мы будто ужъ и не видали грамотъ по взаимному соглашенію.

— А жена твоя какъ... здорова? послѣ паузы, спросилъ Валеріанъ.

— Ничего... Скучаетъ только въ усадьбѣ... „Бокса“ твоего довезъ благополучно... Обѣлъ меня, каналья... Жретъ непомѣрно... За прокормъ ужъ я съ тебя сдеру, какъ хочешь!

— Дери: ты вправѣ... А можешь ты, дня черезъ три, мнѣ его добыть: я его увезу?

— Куда?

— Въ Янкино; дня черезъ три-четыре я домой вернусь.

— Пустое говоришь.

— Ей Богу! Сегодня—второй день, что я здѣсь и такъ мнѣ всѣ эти родственныя нотаціи надоѣли, что еслибъ не желаніе повидаться кой съ кѣмъ—сейчасъ-бы я ноги подъ мышки и домой!

— А служба?.. Визиты?

— Завтра и послѣ завтра всѣ покончу, а что касается службы—то мнѣ еще десять дней можно гулять. Первое выступленіе мое будетъ въ К—скомъ сѣздѣ, 28-го.

— А квартира?

— Да, вотъ это меня затрудняетъ... Не узнаешь-ли ты у кого-нибудь?

— Постараюсь; а теперь не закусить-ли? Ты не завтракалъ?

— Нѣтъ, и съ удовольствіемъ заморю червячка, только не здѣсь...

— Отчего?

— Грязно здѣсь очень... дрянью накормятъ. Поѣдемъ ко мнѣ, au cabaret „Парижъ“, какъ выразилась тетушка моя Ольга Николаевна—тамъ все-таки должно быть лучше.

— Пожалуй... такъ я одѣваться стану. Юноша! крикнулъ Соболевъ, выглянувъ въ корридоръ.

Черезъ четверть часа, пріятели сидѣли уже въ санияхъ и направлялись къ „Парижу“.

— А оброчные твои у Галкина? послѣ паузы, спросилъ Соболевъ.

— Частію—да.

— Сколько ихъ?

— Семьдесятъ двѣ души; надѣлъ не только полный, но еще пятьдесятъ десятинъ лишка... Хлопотъ не будетъ, потому что я отрѣзывать не стану.

— А еще гдѣ оброчные?

— Въ Михалковскомъ уѣздѣ—сто двѣнадцать душъ, три деревни... Одна изъ нихъ, въ пятьдесятъ съ чѣмъ-то душъ,—богатая: все ремесленники-гребенщики, роговымъ и черепаховымъ дѣломъ занимаются, въ Петербургъ поставляютъ... Мужики дѣльные...

— И тоже полный надѣлъ?

— Съ избыткомъ! Да и другія деревни не бѣдныя: Заозерцы напримѣръ прекрасно рыбой торгуютъ.

Войдя въ свой номеръ, Вальховцевъ былъ крайне удивленъ, увидя на столѣ двѣ головы сахара, нѣсколько фунтовъ чаю, огромную нельму и кулекъ съ рябчиками—все прикрытое разшитыми крестьянскими полотенцами.

— Это откуда? обратился онъ къ Андрею.

— Заозерскіе мужики принесли, уже съ часъ какъ ожидаютъ.

— Умницы, люблю! похвалилъ Владиміръ Сергѣевичъ. —И рыбица-то какая: первый сортъ! ошупалъ онъ двумя пальцами хребетъ нельмы.

— Да какъ они узнали, что я здѣсь?

— Ждали вѣдь васъ со дня на день—ну и пріѣхали... По гостинницамъ справлялись... Что жъ позвать прикажете?

— Зови! —Чортъ знаетъ что такое... точно, блаженной памяти, квартальному на праздникъ принесли! нервно прохаживаясь по комнатѣ, вспыхнулъ Валеріанъ.

— А провизія хороша! апробовалъ, забравшись уже съ ногами на диванъ, Соболевъ.—Нельмочку попробуемъ!

— Нѣтъ, не попробуешь! По крайней мѣрѣ этой!

Владиміръ Сергѣевичъ удивленно вытаращилъ глаза.

— Такъ убрать вели, а то что-же она на соблазнъ тутъ букетъ распространяетъ!

Два благообразные мужика, одинъ съ просѣдью, другой—молодой, въ синихъ кафтанахъ и новенькихъ цвѣтныхъ кушакахъ, вошли въ комнату, перекрестились на икону и тотчасъ-же повалились въ ноги...

— Да что вы, одурѣли? бросился къ нимъ, крайне сконфуженный, Вальховцевъ.

— Батюшка Аверьянъ Николаичъ, дозвожь благодарность принести, стоя на колѣняхъ и скрестивъ на груди руки, говорилъ старикъ, таково ты насъ наградишь! Вѣкъ Бога...

— Встаньте, говорю вамъ! возвысилъ голосъ молодой человѣкъ.

Мужики поднялись и съ недоумѣніемъ, смѣшаннымъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, глядѣли на него.

— Чѣмъ я васъ наградишь?

— Какъ же, батюшка: легкое-ли дѣло сорокъ десятинь землицы за нами закрѣпить! Кабы не твоя милость—хоша по міру идтить!

— Да вы: Новожиловы? спросилъ Валеріанъ, припоминая.

— Мы самые и есть... За покойничкомъ родителемъ твоимъ допрежъ были, на его имя барское и пустошь при-торговали, а опосля откупились передъ самой значить во-лей... Кабы не бумага твоя къ „посредственнику“, что ты ему послалъ,—гуляла-бы наша земляца! Ужь такъ ты насъ, батюшка Аверьянъ Николаичъ, этимъ уважилъ—и Боже мой!

Мужики поклонились въ поясъ.

— Ничѣмъ я васъ не уважилъ: исполнилъ только должное... Изъ бумагъ отца моего я увидѣлъ, что земля эта куплена вами, а потому, въ письмѣ посреднику, я призналъ права на нее за вами. Особенно благодарить меня не за что, а тѣмъ болѣе таскать вотъ эти (онъ указалъ на столъ) припасы... Къ эдакимъ приношеніямъ я, милые мои, не привыкъ да и, Богъ милостивъ, не привыкну!

— Отецъ родной, не обезсудъ! повалились мужики въ ноги.—Поѣшь на здоровье! Рыбки такой въ здѣшнемъ мѣстѣ не найдешь, рябцовъ тоже: сами съ сынкомъ били!

— И не просите: не соглашусь... А чтобы васъ не обидѣть—полотенца на память оставляю.

Мужики бросились къ рукѣ Вальховцева, но тотъ обнялъ ихъ и поцѣловалъ.

— Ну, съ Богомъ... живите, богатѣйте... А будетъ вамъ путь мимо Янкина лежать—навѣстите...

— И нарочно, батюшка, прикатимъ... коней намъ не занимать стать... А то, Аверьянъ Николаичъ, остановился на порогѣ старикъ,—можетъ и надумаешь...

— Что?

— Да рыбку.

— Нѣтъ, старина!—Убери, приказалъ Валеріанъ Андрею, —да спроси намъ обѣденную карточку.

— Напрасно ты всю эту механику продѣлалъ, по уходѣ Новожиловыхъ, флегматично замѣтилъ Соболевъ:—ну, эка важность, что мужикъ, да еще бывшій крѣпостной, отъ полноты сердца, тебѣ кой-что на поклонъ принесть!

— Коробять меня подобныя вещи... Истраченные двадцать—двадцать пять рублей мужику годятся...

— Очень онъ о нихъ думаетъ! Онъ до безумія радъ, что земля осталась за нимъ и безъ всякихъ волокитъ. И это понятно, такъ какъ къ стыду нашѣму нашлись господа—въ семьѣ не безъ урода, которые оттягивали у крестьянъ земли, купленные въ прежнее время на ихъ имя. Въ участкѣ моемъ былъ такой случай, къ счастію единичный, и я ничего сдѣлать не могъ, хотя отлично зналъ, что крестьяне правы, но никакихъ доказательствъ представить не могли.

— Ну какой-же ты послѣ того посредникъ? Зналъ, что мужиковъ рѣжешь—и руки умылъ!

— Да откуда-же я доказательства-бы досталъ, смѣшной—ты человѣкъ?

— Родилъ-бы да по божески сдѣлалъ! вскипятился Вальховцевъ.

— Пустое говоришь... При такихъ родахъ, тяжелыхъ, усмѣхнулся Соболевъ,—даже акушеръ какъ ты не помогъ-бы!

— Лѣнь, скажи лучше, одолѣла! Ногъ съ дивана опустить не захотѣлось!

— Можетъ-быть! пуская кольцами дымъ, согласился Владиміръ Сергѣевичъ.—Потому что цѣли для этой операціи не предвидѣлось... Ты по себѣ судишь, кипятишься все... А какъ я мужика понимаю, Новожиловы ушли отъ тебя разобиженные, а можетъ-быть (Валеріанъ остановился въ своемъ хожденіи) раскаиваются, что мало предложили!

— Вотъ вздоръ!

— Не говори... Питерской—вѣдь ты: мужика мало знаешь!

Корридорный принесть карточку и закуску. Соболевъ приступилъ къ послѣдней, а Валеріанъ занялся переговорами объ обѣдѣ. Вошелъ Андрей и таинственно доложилъ

что старикъ Новожиловъ Христомъ Богомъ просить въ корридоръ.

— Зачѣмъ?

— Не сказываетъ, а только очень ужъ просить.

Вальховцевъ отпустилъ корридорнаго и вышелъ. Новожиловъ отвелъ Валеріана къ окну, гдѣ никого не было, и молча, съ поклонами, подалъ ему небольшой пакетъ.

— Просьба что-ли какая? развернулъ Вальховцевъ бумагу и, увидя пачку кредитокъ, вспыхнулъ.—Это опять что?

— Батюшка, ваше благородіе, не сердчай! снова началъ кланяться мужикъ,—съ глупа это я, старый: покажись мнѣ, что обидно тебѣ...

— Что обидно?

— Да что только сахаромъ да рыбкой мы кланялись...

Валеріанъ плюнулъ, возвратилъ пакетъ и вернулся въ номеръ.

— Ты правъ, рассказавъ случившееся, обратился онъ къ Соболеву:—мало я знаю мужика—учиться надо!

XVI.

Отобѣдавъ, пріятели раздѣлились: Соболевъ отправился по своимъ денежнымъ дѣламъ, а Вальховцевъ поѣхалъ на пріисканную для него квартиру, недалеко отъ дворянскаго бульвара, въ самомъ центрѣ города. Квартира оказалась подходящей и по удобствамъ и по цѣнѣ: пять комнатъ, кухня, конюшня на три лошади. Валеріанъ попросилъ исправить нѣкоторыя мелочи, отопить ее какъ слѣдуетъ, далъ задатокъ и возвратился въ свой номеръ. Въ немъ засталъ онъ Алексѣя Александровича Молчанова, своего двоюроднаго брата по матери, товарища предсѣдателя уголовной палаты, правовѣда, лѣтъ тридцати, высокаго блондина, бритаго, заисключеніемъ усовъ, съ умнымъ, очень спокойнымъ выраженіемъ лица.

— Алеша, давно ли ты тутъ? бросился къ нему Валеріанъ, съ неподдѣльною радостію и желаніемъ облобызать родственника, но Молчановъ, слегка отклонившись, пожалъ ему руку и, сядя на диванъ, проговорилъ:

— Спасибо, что увѣдомилъ о пріѣздѣ. Еще минуты двѣ-три и меня не застали-бы дома.

— А ты все такой-же непосѣдъ: все рыщешь?

— Нельзя-же все работать? До трехъ часовъ въ палатѣ, потомъ пообѣдаешь, а вечеромъ, зачастую, опять дѣла—надоѣсть!

— Чаю хочешь?.. Кофе съ коньячкомъ?

— Ни того ни другого. А я поджидалъ тебя еще вчера.

— Ночевалъ у Ефимьевыхъ... Метель была такая, что свѣту Божьяго не было видно! Потомъ цѣлые сутки возился съ крестьянами по поводу уставныхъ грамотъ и съ дворовыми о жалованьи... (Вальховцевъ вышелъ въ корридоръ).

— Многихъ выгналъ? закуривая папиросу, небрежно спросилъ Молчановъ, когда Валеріанъ вернулся.

— Кого? Дворовыхъ?.. Ни одного!.. Никто и не просился.

— Еще-бы, стануть они проситься, чтобы ихъ выгнали! Нѣтъ, Валеріанъ, здѣсь люди попрacticнѣе: многихъ, превратившихся въ хламъ, пустили по вѣтру!

— Ихъ дѣло! Но у меня языкъ не повернется выгнать на улицу старика, который болѣе сорока лѣтъ служилъ моему отцу, полудурку прачку, никому не нужную, людей которыхъ я привыкъ любить съ тѣхъ поръ, какъ себя помню! Хотятъ уйти отъ меня—съ Богомъ... хоть сейчасъ! Но бросить подъ заборъ людей пожилыхъ, уже надломленныхъ жизнію, людей преданныхъ, бросить только потому, что этого требуетъ экономія—безбожно!

— Конечно, у всякаго свой взглядъ, дѣловито замѣтилъ Алексѣй Александровичъ.—Ну что-жъ, когда пожалуютъ къ намъ судебная реформа и земство?

— Богъ вѣсть! О К. въ Петербургѣ немного заботятся, да и власти ваши апатично относятся ко всякой новизнѣ... А что?

— Да вѣдь это балаганъ какой-то—постепенное преобразование палаты уголовного суда въ судъ присяжныхъ, въ гласное судопроизводство, съ рѣчами прокуроровъ и адвокатовъ! Теперь, видите-ли, приучаютъ публику къ гласности: резолюцію суда читаютъ публично, а все предшествующее покрыто тайной. Я рѣшительно не понимаю къ чему эта постепенность... Развѣ что боятся недостатка ораторовъ, даже самыхъ незначительныхъ?

— Краснорѣчіе—тоже своего рода художество, требующее таланта, сказалъ Валеріанъ;—до сихъ поръ въ ораторахъ не нуждались и ихъ не приглашали; теперь, чтобы

подготовить настоящихъ адвокатовъ надо время, серьезное изученіе этой хитроумной науки и извѣстное отреченіе отъ совѣсти для того, чтобы защищать, разными софизмами, доказаннаго преступника.—Ну, а какъ здѣсь поживаютъ? Веселятся? Много дамъ и кавалеровъ?

— Если хочешь, пожалуй и веселятся, но какъ-то вяло, безпѣвно... Кромѣ мужскаго дворянскаго, чиновничьяго, есть и дамскій клубъ; собираются въ немъ по четвергамъ и иногда бываетъ людно; учрежденіе это дворянское и входъ по билетамъ. Учащіеся и разночинцы исключены, допускается только *la haute-volée* ¹⁾ города К.—Въ частныхъ домахъ, гдѣ кавалеры по выбору, еще скучнѣе: три-четыре дѣвицы танцуютъ, а остальные сидятъ съ печальными лицами; бываютъ конечно и большіе вечера, но они стали рѣдки: дворянство, послѣ эмансипаціи, сжалось и старается какъ-нибудь отдѣлаться отъ баловъ и обѣдовъ.

— А прежде, какъ я слышалъ, въ К. очень веселились, въ особенности во время январьской ярмарки, дворянскихъ выборовъ, ирѣздовъ высокопоставленныхъ особъ...

— Было и сплыло! Я здѣсь всего два года съ чѣмъ-то, а между тѣмъ вижу, что и въ это короткое время жизнь въ К. измѣнилась къ худшему.

— А театръ есть?

— Имѣется, но какой-же это театръ: грязный, холодный балаганъ, передѣланный на скорую руку изъ стараго барскаго дома. Труппа сносная; жаль только, что у примадонны шея сведена, что въ царскихъ роляхъ мѣшаетъ ей принимать на себя *une tenue imposante* ²⁾; первый комикъ совершенно такой-же мужикъ какъ, помнишь, подъ качелями, паклю ѣстъ и потомъ изо рта разноцвѣтныя ленты вытягиваетъ, но по нашей публикѣ ничего. Трагикъ... о, Валерьянъ,—это чистое исчадіе ада: какъ онъ рычитъ, какъ головой трясетъ, какъ руки ломаетъ—чудо! Треснетъ по столу кулакомъ—гулъ на весь театръ... Рывкнетъ: Алфредъ вмѣсто Альфредъ—ламповыя стекла закачаются и зрители притаятъ дыханіе... Нѣтъ, братъ, хорошо: душа содрогается!

Внесли шампанское.

¹⁾ Люди высшаго полета.

²⁾ Важную осанку.

— Промочи-ка горлышко, сказалъ Валеріанъ, наливая стаканы,—поди пересохло...

— Здоровье друга и молодого дѣтеля! поднявъ стаканы, возгласилъ Молчановъ.—А рггрос ¹⁾: мѣсто твое славное, поздравляю! Старикъ Бѣляевъ мѣтилъ на него и ужасно разсердился, когда узналъ о твоёмъ назначеніи: „синекура... и кому-же—молокососу!“

— Спасибо; желаю и тебѣ чѣго нибудь... украшенія что-ли! Мѣстомъ доволенъ? (они чокнулись).

— Да, только дѣла много... На меня, какъ товарища предсѣдателя, Окуневъ гору навалилъ: вы, говоритъ, правовѣдь—ну и обучайте насъ! Мѣсто это тѣмъ хорошо, что съ него сейчасъ-же въ товарищи прокурора попадешь, какъ только объявится реформа.

— Ну, Алеша, далѣе...

— Изволь (онъ прихлебнулъ шампанскаго)... Вотъ, милый мой, осѣнило нашу интеллигенцію стремленіе къ благотворительности; задумали спектакль благородный учинить. Оно конечно и пріятнѣе и выгоднѣе такимъ образомъ сырыхъ и убогихъ призрѣвать нежели свои денешки изъ кармана вынимать. Составилось общество любителей, начались приготовленія. Выбирать пьесу... одинъ говоритъ такую-то, другой не хочу, третій называетъ иную. Наконецъ рѣшаются—пьеса выбрана. Роли: М-те Х., положимъ, у которой бують хорошъ, требуетъ роли „декольте“, хотя на сценѣ и ступить не умѣетъ, М-ше У. проситъ роли *jeune première* ²⁾, чтобы показать будущимъ женихамъ, какъ она способна любить; М-г Z., человекъ любящій всякія выставки, хочетъ роли царя или по крайней мѣрѣ перваго царедворца, съ высокопарными рѣчами, величественными позами и блестящимъ костюмомъ—словомъ Содомъ и Гомморъ. Ссорятся, бранятся, мирятся—чортъ знаетъ что такое! Наконецъ начинаются репетиціи: выбираютъ режиссера, съ обязанностію повиноваться ему во всемъ; тутъ-то и начинается настоящая комедія...

— Да откуда ты все это знаешь? перебилъ рассказчика Валеріанъ.

— Я всюду вхожъ и люблю наблюдать. Не перебивай, если хочешь слушать... Итакъ начинается комедія: режис-

¹⁾ Кстати.

²⁾ Первая любовница.

серъ говорить какой-нибудь дамѣ: „вамъ здѣсь надо встать“. — „Вотъ еще“, отвѣчаетъ та:— „буду я слушаться!“ и становится на другое мѣсто.—Раздается звонокъ: никого на сценѣ нѣтъ, во всѣ концы летятъ курьеры: „пожалуста поторопитесь!“— „Уходите... это еще что? Будетъ и того, что я играю!“ слышится изъ уборныхъ. Наконецъ кое-какъ, послѣ всѣхъ интригъ, споровъ и воплей режиссера, настаетъ день спектакля. Тутъ являются на сцену неожиданности, которыя исправить уже нѣтъ возможности. Напримѣръ: простая мельничиха одѣвается маркизой, съ брюссельскими кружевами и безчисленными воланами, множествомъ браслетовъ и колець; простой приказчикъ—великолѣпнымъ денди и непременно во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, русскій замарашка-мужикъ—въ шелковой рубашкѣ, бархатной поддевкѣ и лаковыхъ сапогахъ. Публика неистовствуетъ, кричитъ „браво“ даже и М-ме X. съ красивымъ бюстомъ, у которой ни голоса, ни слуха нѣтъ, но на долю которой досталось, въ роли „декольте“, спѣть нѣсколько куплетовъ, и царю—господину вершковъ двухъ роста, у котораго царственного только и есть, что латунная корона, да и то плохо блестящая, потому что лакей псевдо-царя нашелъ болѣе полезнымъ вычистить самоваръ, чѣмъ „актерское“ украшеніе. Но публика довольна: вечеръ проведенъ все-таки веселѣе другихъ и дань благотворительности уплачена.

— Ну а Петя Ефимьевъ, этотъ талантъ-самородокъ? Развѣ и онъ въ компаніи всѣхъ этихъ г.г. X., У., Z?

— Ефимьевъ—особь статья. Онъ дѣйствительно талантъ и въ спектакляхъ великосвѣтскихъ бездарностей рѣдко участвуетъ, развѣ ужъ начальство понажметъ. У Пети своя труппа любителей и, надо сказать правду, очень недурная.

— А голосъ его?

— Сильный, звучный и довольно мягкій баритонъ... обработанъ только мало...

— А съ нравственной стороны каковъ Петя?

— Да какъ тебѣ сказать: малый онъ добрый и съ сердцемъ; вотъ воспитаніе его подгуляло: есть кой-какія дурныя замашки: неумѣстная фамилльярность, легковѣріе къ сплетнямъ...

— А на счетъ кутежа?

— Въ этомъ прошу извинить: иной разъ такъ засвѣтитъ, что унеси ты мое горе!

— Ты съ нимъ близко знакомъ?

— Да; и сказать правду, не смотря на его недостатки, мнѣ онъ жалокъ: къ сценѣ у него просто страсть; онъ спитъ и видитъ быть актеромъ... Талантъ у него крупный, въ глаза бросается, а тутъ его заставляютъ марать бумагу, въ вицъ-мундирѣ ходить!

— Говорилъ я со стариками... И, Боже мой, какой гвалтъ подняли!

— Дворянская струнка заныла! Жаль, пропадетъ парень, пропадетъ и его талантъ, ради родительской косности! — Ну, базары были, помолчавъ продолжалъ Молчановъ; — хорошенькія барышни и барыни продавали плоды, конфекты, вино, разныя бездѣлушки... Конечно, *rouge leurs beaux yeux* ¹⁾, платили дорого. — Устраивали лоттереи — и все это съ благотворительною цѣлью. Твоя родственница Ольга Петровна Никольцева конечно вездѣ примировала.

— Ну какая она мнѣ родственница! седьмая вода на киселѣ!

— Хоть и седьмая вода, а кузиной звать придется: таковъ обычай въ городѣ К. Впрочемъ съ такимъ розанчикомъ пріятно и поболтать по родственному, въ особенности теперь, когда она разъѣхалась съ мужемъ.

— Какой тамъ розанчикъ: бабѣ слишкомъ тридцать лѣтъ!.. Давно-ли они разъѣхались?

— Да ужъ больше года; Никольцевъ терпѣль-терпѣль, да и бросилъ ее наконецъ. Онъ прекрасное мѣсто въ Петербургѣ получилъ.

— А дѣвочка при ней?

— При ней и Никольцева разыгрываетъ роль образцовой мамыши...

— Какая-же причина ихъ разрыва?

— Пріѣзжалъ сюда на наборъ нѣкій князь и сильно ухаживалъ за Никольцевой... Говорятъ, будто это не понравилось супругу и онъ сталъ слѣдить... Вскорѣ князь и розанчикъ были накрыты и Никольцевъ, послѣ бурной сцены, махнулъ въ Петербургъ. Ольга Петровна очень этому обрадовалась и

¹⁾ Для ихъ прекрасныхъ глазъ.

въ настоящую минуту est en train de filer un parfait amour ¹⁾; подхватила денежнаго вьюношу, нѣкогого Мячикова, и нѣсится съ нимъ какъ съ нещечкомъ, а для отвода глазъ приказала ему ухаживать за твоей кузиной, Кареловой.

— Ну!

— Точно такъ.

— А все еще красива Никольцева?

— Да вѣдь сказалъ я тебѣ, что она—розанчикъ! Elle fait la pluie et le beau temps ²⁾ въ К.

— Ужъ навѣрно розанчикъ подкрашенъ!

— Будешь у нея—изслѣдуй! Я-же касаться такихъ тайнъ туалета—не намѣренъ.

— Какъ ей не обрадоваться свободѣ: деньги есть, поклонники не оставляютъ... А общество какой имѣетъ колоритъ?

— А вотъ какой: Богъ жить велѣлъ—оно живетъ, Богъ желудокъ далъ—оно ѣстъ и пьетъ, Богъ языкъ повѣсилъ—оно сплетничаетъ.

— А Богъ мозгъ далъ—оно мыслить?

— Н-нѣтъ!

— Какъ? Такъ-таки умныхъ людей и нѣтъ?

— Есть, какъ не быть... Да вѣдь городъ нашъ что зазеленѣвшее болото: кишатъ тамъ внизу разные инсекты и хорошо и покойно имъ на мягкомъ доньшкѣ; обжились въ теплой грязи да тинѣ—не хочется на свѣтъ Божій!.. Ну иной, попавшій въ эту трясику, изъ живчиковъ, и начнетъ пожалуй высвобождаться изъ облѣпившей его ржавчины да плѣсени, высунетъ даже голову, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, а тутъ вдругъ хлопъ его по башкѣ: „куда лѣзешь, пошелъ назадъ!.. Ахъ ты выскочка!“.

— А ты—бритва! смѣялся Вальховцевъ.—Никого-то ты въ покоѣ не оставишь... Ужъ вѣрно общество тебя недолюбливаетъ?

— Ошибся, милѣйшій,—напротивъ: острое слово у насъ въ модѣ; я, какъ спеціалистъ, въ дѣлѣ перемыванія чужихъ косточекъ, совершенно въ духѣ здѣшней среды. У насъ тотъ и панъ, кто позубастѣе!

¹⁾ Она занята серьезной любовью.

²⁾ Она всѣмъ распоряжается въ К.

— А сплетенъ много?

— Да вотъ ты вчера приѣхалъ, а съ мѣсяцъ назадъ о тебѣ и мнѣніе уже составлено!

— Какимъ-же это образомъ? Меня никто, кромѣ родныхъ, почти не знаетъ, а въ Петербургъ я не встрѣчался съ обитателями города К.

— Да вотъ такъ... порядокъ у насъ такой.

— Какое-же обо мнѣ мнѣніе? Ты-вѣдь долженъ знать...

— Говорить тебѣ неудобно: человѣкъ ты новый, съ провинціальными привычками незнакомъ, натура кипучая —разсердишься пожалуй...

— Значить есть на что?

— Какъ кому... Мнѣ, напримѣръ, рѣшительно все равно, что меня *pique-assiette* ¹⁾ величаютъ, а ты...

— Ну, говори...

— Мнѣніе такое что ты гордъ, кутила и выпить не прочь, матерьялистъ... Нигилистомъ тоже называютъ...

— Портретъ хоть куда! Интересно было-бы знать: кому я имъ обязанъ... Нигилистъ! Да знаютъ-ли они, что такое нигилистъ!

— Какъ незнать: народъ у насъ образованный, усмѣхнулся Молчановъ.—Вотъ, напримѣръ, осудишь ты деспотизмъ отца, начальника, богатаго—нигилистъ! Заикнешься какъ-нибудь не въ старыхъ понятіяхъ о духовенствѣ—нигилистъ! Не будешь поминутно ручки цѣловать у бабушки и тетюшки, а дядюшкамъ осмѣлишься противорѣчить—нигилистъ! Защи-тишь въ чемънибудь мужика—нигилистъ и т. д. Ну, видишь, какъ-же не понимаютъ!

Валеріанъ разсмѣялся.

— Алеша, отъужинай со мной...

— Не ужинаю.

— Отчего?

— Ужинать мнѣ вредно, да и карманъ отъ этого облегчается.

— Ну, одинъ разъ куда не шло!

— Не могу.

Молчановъ всталъ и взялся за шапку.

— А славная у тебя россомаха! похвалилъ Вальховцевъ.

¹⁾ Блюдолизмъ, приживалка.

— Модная... „Боярской“ именуется.

— Въ Петербургѣ уже отстають носить. Къ будущей зимѣ врядъ-ли она удержится.

— У насъ года два, а то и три продержится: мѣхъ красивый, холодновата нѣсколько.

— Ну посиди-же, рано еще...

— Кой-куда заѣхать надо... Прощай...

XVII.

На другой день, часовъ около одиннадцати, Валеріанъ, въ мундирѣ, подѣхалъ къ губернаторскому дому, каменному, двухэтажному, на берегу рѣки. Дежурный полицейскій отворилъ дверь, снялъ съ Вальховцева бекешъ и дернулъ звонокъ. На верху лѣстницы появился высокій брюнетъ, съ большими усами и бакенбардами, въ одеждѣ деньщика, и торопливо сбѣжалъ внизъ.

— Губернаторъ принимаетъ?

— Ихъ превосходительство завсегда принимаютъ: у насъ нѣтъ часовъ для пріема; свободенъ генераль—и вечеромъ примутъ.

По большой чугунной лѣстницѣ, Валеріанъ, предшествуемый деньщикомъ, поднялся во второй этажъ и черезъ пріемную вошелъ въ большой кабинетъ. Деньщикъ попросилъ посѣтителя обождать, а самъ пошелъ въ залъ съ докладомъ.

— Проси! слегка шамкая, приказалъ губернаторъ.

Залъ былъ большой, предназначенный для баловъ и танцевальныхъ вечеровъ, но такъ какъ Константинъ Александровичъ Бронекій жилъ въ огромномъ губернаторскомъ домѣ совершенно одинъ (онъ былъ вдовъ, а взрослые сыновья его служили въ гвардіи), и не намѣревался задавать балы, то залъ обращенъ былъ въ пріемную и комнату для засѣданій. Посреди стоялъ большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, и на немъ лежали газеты, кое-какія бумаги и стоялъ недопитый стаканъ крѣпкаго чая; въ концѣ стола, спивою къ окнамъ, въ покойномъ креслѣ, въ короткомъ, форменномъ пальто-тужуркѣ, сидѣлъ генераль, лѣтъ шестидесяти, высокій, съ вѣнчикомъ рыжевато-сѣдыхъ волосъ на головѣ, такими-же усами и двумя рѣденькими клоками вмѣсто бакенбардъ.

При входѣ Вальховцева, губернаторъ всталъ съ кресла и, съ длиннымъ чубукомъ въ лѣвой рукѣ, встрѣтилъ молодого человѣка.

Валеріанъ представился.

— Очень радъ съ вами познакомиться, прошамкалъ генералъ, звякнувъ шпорами, и, подавая ему руку, предложилъ садиться.—Съ вашими родными—я въ наилучшихъ отношеніяхъ и мы часто видимся... Я-вѣдь живу, какъ видите, совершеннымъ анахоретомъ. Утромъ занятъ, а вечеромъ, отдохнувъ немного, ѣзжу „на огонекъ“, усмѣхнулся онъ.—Вѣдь скучно мнѣ, старику, сидѣть одному!—Когда вы думаете вступить въ должность?

— Срокъ мнѣ черезъ девять дней, но я могу вступить и раньше...

— О нѣтъ! Я не для этого спросилъ... пожалуста не стѣсняйтесь... Я-вѣдь прекрасно понимаю, что вамъ надо и квартиру найти, и устроиться, и кой-кому визиты сдѣлать... Да, вотъ еще что... Я—губернаторъ не педантъ: у меня нѣтъ назначенныхъ часовъ для пріема, пріѣзжайте, когда хотите, даже и вечеромъ, если я дома. Вицъ-мундиръ оставьте: онъ только въ извѣстныхъ случаяхъ нуженъ.

— А на счетъ доклада вашему превосходительству, послѣ каждого съѣзда, какъ прикажете?

— Я прошу васъ сообщать мнѣ только о выдающихся дѣлахъ, по возможности сжато, но выдвигая рельефно суть дѣла.

— Слушаю-съ.

— Затѣмъ, если встрѣтятся надобность, повторяю: прошу васъ не церемониться... я всегда приму васъ запросто.

Валеріанъ всталъ. Бронецкій тоже поднялся и, посовавъ потухающую трубку, подаль ему руку, прибавивъ съ улыбкой:

— J'espère que nous serons bons amis... Au revoir ¹⁾.

Отъ губернатора, заѣхавъ домой переодѣться въ вицъ-мундиръ, Вальховцевъ отправился къ К-скому предводителю дворянства, Платону Александровичу Лиманскому, большому охотнику задавать обѣды и вечера и жить на широкую ногу, человѣку доброму, но тѣдеславному, безхарактерному и недалънему. Три трехлѣтія напрасно доби-

¹⁾ Надѣюсь, что мы будемъ добрыми друзьями... До свиданія!

вается онъ титула превосходительства, но продолжаетъ кормить и веселить общество, въ сладкой надеждѣ возсѣсть когда-нибудь на украшенное золотымъ губернскимъ гербомъ кресло. Въслѣдствіе этого, при всякомъ удобномъ случаѣ, Лиманскій старается заявить себя ревностнымъ поборникомъ дворянскихъ интересовъ, что правду сказать и не трудно при консерватизмѣ его понятій. „Мужику все даютъ, а отъ насъ и послѣднее отнимаютъ!“—вотъ фраза, которая во всякую минуту присуща Лиманскому и съ точки зрѣнія которой онъ приступаетъ къ разбору дѣла уже съ предвзятою мыслью защитить бѣднаго помѣщика и побить спѣси съ зазнавашагося счастливица-мужика. И добрый Платонъ Александровичъ, увлекаясь желаніемъ во всемъ поддерживать своего брата-дворянина, впадаетъ иногда въ такія натяжки, защищаетъ, самъ того не подозревая, такія дѣла, что трудно даже повѣрить!

Когда Вальховцевъ подъѣхалъ къ одному изъ лучшихъ домовъ дворянской улицы, онъ былъ встрѣченъ въ большихъ сѣняхъ, установленныхъ экзотическими растеніями, лакеемъ во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, который взялъ у Валеріана карточку и пошелъ доложить. Черезъ нѣсколько минутъ хозяинъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, очень обыкновенной наружности, принялъ Вальховцева въ залѣ и весьма любезно пригласилъ въ кабинетъ.

— А вы когда вступаете въ должность? спросилъ хозяинъ, когда они усѣлись.

— Черезъ девять дней.

— Какъ разъ начнете съ нашего уѣзда, 28-го числа... оно такъ и подобаетъ; попадете на важное дѣло, которое второй разъ къ намъ возвращается.

— Какого рода?

— Вопіющее дѣло! Какъ мы съ господиномъ Шахматовымъ прошлый разъ ни отстаивали,—предмѣстникъ вашъ и два члена составили большинство и рѣшили совершенно неправильно. Просто ограбили помѣщика! Увлеклись пристрастіемъ къ крестьянамъ, знаете, оно нынче въ модѣ поддерживать меньшую братію...

— Но надо, чтобы это было законно...

— То-то-же и есть; я увѣренъ, что, разсмотрѣвъ всѣ

доказательства, представленныя помѣщикомъ, вы согласитесь со мною.

— Очень буду радъ.

— Дѣло весьма просто: поддерживая фантазію посредника, господа члены сѣзда отняли у помѣщика земли на четыре повытка, утверждая, Богъ знаетъ почему, что она слѣдуетъ крестьянамъ въ надѣлъ, тогда какъ истецъ ясно доказалъ, что она кортомная ¹⁾.

— Какъ-же это такъ?

— Ну вотъ подите-же! Впрочемъ, я не буду утруждать васъ объясненіями—сами увидите.

Разговоръ перешелъ къ политикѣ, хозяйству. Лиманскій торопился, захлебывался; онъ видимо желалъ показаться человѣкомъ образованнымъ и свѣтскимъ. Черезъ четверть часа Валеріанъ раскланялся и велѣлъ везти себя къ Окуневу, предсѣдателю уголовной палаты; онъ жилъ въ своемъ небольшомъ домѣ, чуть не на выѣздѣ города. Вальховцевъ напрасно трудился дергать за колокольчикъ—онъ былъ только для вида; пришлось употребить кулаки. Наконецъ послышались шаги, стукнула задвижка и не то лакей, не то поваръ, въ засаленномъ фартукѣ, предварительно бросивъ на ступень сапогъ и щетку, предсталъ передъ Валеріаномъ.

— Вамъ чего? довольно глупо спросилъ онъ, но, увидя у крыльца экинажъ, почтительно прибавилъ „пожалуйте“.

Въ передней, вмѣстѣ съ засаленнымъ полушубкомъ, подушкой и тарелкой съ разведенной ваксой, валялась на коникѣ раскрытая книжка; на окнѣ стояла мѣдная лохань съ помоями и бѣлѣвшими въ нихъ серебряными ложками; сальный огарокъ оплылъ на пыльномъ подстольникѣ. Съ весьма гадливымъ чувствомъ, молодой человѣкъ снялъ и повѣсилъ бекешъ и прошелъ, предшествуемый лакеемъ, въ залъ. Разныхъ сортовъ птицы, въ разнокалиберныхъ клѣткахъ, встрѣтили его появленіе свистомъ, пискомъ и трещаньемъ. Черезъ комнату слышался ему старчески-хриплый голосъ:

— Кто... кто?

— Вальховцевъ, Аверьянъ Николаичъ...

— Проси обождать... скажи: одѣваются—молъ...

¹⁾ Кортома—аренда.

Лакей передалъ приказаніе. Валеріанъ занялся осматриваніемъ комнатъ. Довольно грязныя занавѣски прикрывали почернѣвшіе наличники оконъ. Въ простѣнкахъ висѣли зеркала съ полукруглыми фронтами, на синемъ фонѣ которыхъ налѣплены были золотомъ какія-то колесницы; на подстольникахъ стояли дешевенькія вазы съ искусственными цвѣтами. Передній уголъ предназначался для зелени, но вмѣсто нея красовался горшокъ герани, да какія-то розги въ муравленыхъ горшкахъ. По полу отъ передней до гостиной постланъ былъ коврикъ-дорожка, испещренный, разной величины, бѣлыми и желтыми пятнами, свидѣтельствовавшими о любви хозяина къ собакамъ и коникамъ.

Прошло нѣсколько минутъ. Вальховцевъ начиналъ уже терять терпѣніе; канарейка, которую онъ подсвистываньемъ хотѣлъ заставить пѣть, рѣшительно его не слушалась; онъ бросилъ ее и сталъ разглядывать повѣшенный на стѣнѣ портретъ Нахимова съ выпуклыми, позолоченными эполетами.

Дверь изъ заднихъ комнатъ скрипнула, послышалось шарканье обтасканныхъ сапогъ и въ залъ вползла болѣзненная фигура семидесятилѣтняго старика, съ черепомъ голымъ, какъ колѣно, съ крошками нюхательнаго табаку на желтосѣдыхъ усахъ, фигура въ вицъ-мундирѣ и съ Анной на шеѣ.

Валеріанъ отрекомендовался.

Окуневъ торопливо сунулъ ему руку, какъ-то сгорбился и, предложивъ ему стулъ, хрипло проговорилъ:

— Очень радъ, послужите въ нашемъ городѣ... Патріархально у насъ, тихо... 19 февраля прошло у насъ спокойно... Теперь вотъ, говорятъ, ссыльные что-то бунтуютъ—ну да Петръ Петровичъ живо ихъ усмирить!

— Кто это Петръ Петровичъ?

— Жандармскій полковникъ... Боевой онъ... Подъ Севастополемъ раненъ былъ, анненскій темлякъ имѣеть...—Чайку не угодно-ли?

— Нѣтъ; благодарю васъ, Иванъ Михайловичъ.

— А кофейку?

— И кофейку не хочу.

— Какъ угодно...—Вы что-же папиросочку не выкурите?

— Я не курю.

— А нашъ братъ вотъ этимъ пробавляется, пощелкивая по лукутинской табакеркѣ, продолжалъ Окуневъ.—Съ

вашего позволенія! обратился онъ къ гостю, доставая щепотку табаку и нюхая.

— Я васъ не задерживаю? Вы уже въ виць-мундирѣ, въ палату собираетесь?

— Да. Теперь, благодареніе Богу, я какъ у Христа за пазушкой: у меня товарищемъ Молчановъ Алексѣй Александровичъ... Золотой человекъ!

— Это мой двоюродной братъ.

— Вотъ-какъ! Отъ души поздравляю васъ! Такого не скоро найдешь: дѣлецъ, неутомимый работникъ... Теперь мнѣ полдѣла править палатой. Онъ, скажу вамъ по совѣсти: не надо было мнѣ баллотироваться... Какой я предсѣдатель? Немного лучше полуграмотнаго засѣдателя! Какую могу принести пользу? Господа дворяне изъ жалости меня выбрали... Самъ чувствую, что надо мной смѣются—да что станешь дѣлать! Времена нонче, сами знаете, какія: доходы уменьшились, расходы увеличились, а тутъ сыну въ полкъ послать надо, дочери въ институтъ—предсѣдательское жалованье-то и кстати!—А были вы у губернатора?

— Сегодня былъ. Онъ очень мнѣ понравился.

— Отмѣнный человекъ, доложу вамъ; съ такимъ губернаторомъ полдѣла служить: исторій всякихъ избѣгаетъ, старается всѣмъ угодить, неприятности замять... Ну да и уменьшь-же.

— Онъ давно въ К.?

— Одиннадцатый годъ идетъ; да поживетъ еще у насъ: его любятъ не только въ городѣ, но и въ уѣздахъ. И смѣшной-же онъ иногда бываетъ! помолчавъ, добавилъ Окуневъ: —Какъ-то утромъ, стоитъ онъ въ кабинетѣ передъ каминомъ и шевелить въ немъ дрова; слышитъ: изъ пріемной вошелъ кто-то и остановился.—„Кто тамъ?“ спрашиваетъ, не оборачиваясь.—„Приставъ второго стана Михалковского уѣзда, Воронежскій“.—„Что надо?“ (все не оборачиваясь и шевеля въ каминѣ).—„Въ К—скомъ уѣздѣ, ваше превосходительство, вакансія перваго стана свободна“...—„Н-ну!“—„Не соблаговолите-ли, ваше превосходительство, перевести меня на эту вакансію?“ Губернаторъ обернулся, поглядѣлъ на становаго, какъ всегда пожевалъ губами и вдругъ брякнулъ: „А не хочешь-ли, чтобъ я соблаговолилъ перевести тебя въ Кремлевскій уѣздъ: тамъ тоже есть вакансія?.. Въ К—скій уѣздъ просится... губа не дура!.. Ступай!“.

— За что-же такъ немилостиво? спросилъ Валеріанъ.

— Не любить, чтобы мелкіе чины просили!.. Впрочемъ вѣдь это только такъ, чтобы пошумѣть... Въ тотъ-же день вечеромъ, узнавъ, что Воронежскому надо старшихъ сыновей отдавать въ гимназію, Константинъ Александрычъ послалъ за становымъ и просьбу его исполнилъ: перевелъ.

— Ну, Иванъ Михайлычъ, вамъ пора въ палату, а мнѣ визиты кончать, поднялся молодой человѣкъ.

— Благодарю васъ покорно, вставъ съ дивана, Окуневъ взялъ въ обѣ руки руку Валеріана и потрясъ ее,—что почтили старика... Дай вамъ Богъ успѣха на новой службѣ... Отъ души желаю!

XVIII.

Простившись съ предсѣдателемъ, Вальховцевъ поѣхалъ къ Васькову, котораго не засталъ дома, и направился къ Галкину, посреднику Залѣсовскаго уѣзда,—тамъ его приняли.

— Очень пріятно познакомиться, встрѣтилъ его Галкинъ, отставной гарнизонный поручикъ, холостой, лѣтъ сорока, съ грязно-желтыми прямыми волосами и такой-же бородкой, небольшого роста, съ испытанымъ лицомъ и желчными глазами:—хоть однимъ порядочнымъ человѣкомъ больше будетъ; а то здѣсь почти все скотъ на скотъ—право!

Валеріана такой пріемъ немного озадачилъ, но послѣ небольшой паузы онъ все-таки возразилъ хозяину:

— Почему-же вы думаете, Сергѣй Дмитричъ, что я человѣкъ порядочный?

— По лицу вижу: нѣтъ на васъ этой проклятой печати, этого соннаго, тупоумнаго выраженія, которымъ украшена большая часть гражданъ города К.—Садитесь пожалуйста... Хотите чаю, водки?

— Ни того ни другого.

— Что такъ?

— Чай я пилъ, а водкѣ время еще настало.

— Привыкните во всякое время!

— Почему вы такъ думаете?

— Да потому, что въ провинціи двѣ вещи идутъ рука объ руку: скука и потребление спиртныхъ напитковъ; сивухой здѣсь даже воздухъ пропитанъ.

— Чтобы не поддаться второй, надо только уберечься отъ первой.

— А это-то и мудрено: вы сами не замѣтите, какъ она васъ прихлопнетъ!.. Впрочемъ: поживемъ—увидимъ.—Начали вы обзоръ нашего звѣринца?

Вальховцевъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Галкина; тотъ словно угадывая его мысль, поспѣшилъ прибавить:

— Не думайте, чтобы наименованіемъ этимъ я хотѣлъ исключить себя изъ сего достойнаго общества—ничуть! Я тоже звѣрь и поры чистѣйшей, такъ какъ возросъ въ родимомъ болотѣ, гдѣ мнѣ преподаны были уроки мудрости и общежитія, которыя я и воспріалъ съ любовію и благодарностію и потомъ во всю свою жизнь, не отъѣзжая отъ К. на разстояніе далѣе двухсотъ верстъ. Но я удалился... Видѣли вы предсѣдателя уголовной палаты, нашего стараго, разбитаго на всѣ ноги льва, Ивана Михайловича Окунева?

— Только что отъ него.

— Каковъ? подмигнулъ Галкинъ.

— Онъ показался мнѣ добрымъ и простымъ человѣкомъ.

— А сами думаете: старъ какъ нашъ соборъ и глупъ какъ пень?.. Вы пожалуста не церемоньтесь, мы теперь люди свои, сослуживцы. Валерьянъ... какъ по батюшкѣ, позвольте узнать?

— Николаичъ.

— Такъ скрываться намъ нечего, Валерьянъ Николаичъ: вы не смотрите на то, что я рѣзокъ въ выраженіяхъ: я—человѣкъ простой, почти безъ воспитанія, но не злой, не безчестный. Я прямо говорю, что чувствую, называю вещи ихъ настоящими именами.

— Не слишкомъ-ли строго вы ко всему относитесь, Сергѣй Дмитричъ?

— Не думаю: что я горячусь—это правда; но что-же мнѣ дѣлать, когда малѣйшая гадость возмущаетъ меня до глубины души? Не въ натурѣ моей говорить, что все обстоитъ благополучно, когда далеко до этого. Вотъ хотѣбы Окуневъ... Вы говорите: добрый человѣкъ... очень можетъ быть... Да чорта-ли въ его добротѣ? Намъ служба его нужна! А какой онъ предсѣдатель, да еще уголовной палаты, когда ему ноги переставлять надо, иначе двухъ шаговъ не пройдетъ!

— Онъ жалкой такой, болѣзненный...

— Служба не богадѣльня! Развѣ можно выбирать на такую должность подобный хламъ? Вѣдь вслѣдствіе старости и неспособности Окунева мало-ли грѣховъ можно надѣлать, людей погубить? Еще слава Богу, что имѣется такой помощникъ, какъ Молчановъ: свѣдущій, не лѣнивый, дѣльный...—А вѣчнаго вздыхателя по креслѣ губернскаго предводителя, г. Лиманскаго видѣли?

— Былъ у него.

— Первое что, послѣ общихъ фразъ, онъ выпалилъ— было вѣроятно дѣло Ржаницына?

— Фамиліи онъ не называлъ; говорилъ, что у какого-то помѣщика, К—скій съѣздъ отнялъ четыре повытка и что 28-го сего мѣсяца дѣло это будетъ разсматриваться вновь.

— Ну, это и есть; дай Богъ, чтобы съѣздъ и въ этотъ разъ вынесъ то-же рѣшеніе... Возмутительное дѣло! Этотъ Ржаницынъ—безстыдный грабитель! И находятся люди, которые держатъ его сторону!

— Вы постоянно живете здѣсь? спросилъ Валеріанъ.

— Нѣтъ; пріѣзжаю и останавливаюсь у брата; вотъ въ этой хижинѣ; а живу въ усадьбѣ „Мокѣево“, въ девяти верстахъ отъ К. и въ пятнадцати отъ Залѣсова. Я-вѣдь вдовый и бездѣтный... Скучно одному въ деревнѣ; хорошо еще, что близко отъ меня Соболевъ.

— А какъ онъ у васъ орудуетъ?

— Побольше-бы такихъ Соболевыхъ!.. Посредникъ—первый сортъ! Твердъ, справедливъ, держитъ себя безбоязненно... Мужика любить, защищаетъ, но строгъ къ нему: молодежь держитъ въ ежовыхъ!

— Этого не скажешь, взглянувъ на него: всегда спокойный, неторопливый, горячится рѣдко...

— А ругается еще рѣже, но что рѣшилъ—настоитъ всегда на исполненіи.

— А какъ, примѣняется въ вашемъ съѣздѣ тѣлесное наказаніе?

— Хотя рѣдко—но мѣтко. Да такъ впрочемъ и должно быть: нельзя шутить высшимъ наказаніемъ... Ужъ драть—такъ драть, а не давать три-четыре розги за серьезное дѣло. Играть закономъ и наказаніемъ—не слѣдуетъ!

— А волостные суды какъ дѣйствуютъ?

— Того-же правила держатся. Молодежь начинаетъ по-

немногу забирать волю и, если это допустить—въ деревнѣ жить будетъ нельзя, говорятъ умные мужики. Порютъ главнымъ образомъ за дерзости родителямъ, обиды дѣвкамъ, воровство, за неповиновеніе властямъ. И порютъ нешуточно: пропишутъ такъ, что доволенъ останется! — Посредники рѣдко прибѣгаютъ къ розгѣ... Хорошо, что парни побаиваются этого инструмента: говорятъ, что дѣвки смѣются надъ поротымъ и неохотно идутъ за такого замужъ.—Куда же вы? спросилъ Галкинъ, видя, что гость встаетъ.

— Надо ѣхать къ вице-губернатору, Сергѣй Дмитричъ, да и васъ задерживаю: мужики, я видѣлъ, тамъ дожидаются.

Владиміръ Федоровичъ Горскій, еще молодой человекъ, некрасивый, но умной и симпатичной наружности, съ пріемами столичнаго чиновника, встрѣтилъ Вальховцева французскими любезностями и, послѣ обыкновеннаго обмѣна обыкновенныхъ фразъ, повелъ его въ гостиную и предложилъ познакомить съ своею женой.

Валеріанъ поклонился и вошелъ въ хорошенькій будуаръ, весь обтянутый голубымъ репсомъ. На щегольской кушеткѣ, противъ камина, въ которомъ догорали уголья, полулежала, съ французской книжкой въ рукахъ, тридцатилѣтняя брюнетка, средняго роста, худенькая, съ весьма умнымъ и бойкимъ лицомъ и черными блестящими глазами. Она приподнялась при входѣ гостя.

— Мѣгу, Валерьянъ Николаичъ Вальховцевъ, членъ отъ правительства мировыхъ сѣздовъ, здѣшній помѣщикъ, представилъ его Горскій.

— *Charmée de faire votre connaissance* ¹⁾, подавая молодому человеку маленькую, длинную ручку, осыпанную изящными кольцами, предложила ему садиться Горская,—наше общество пріобрѣтаетъ новаго кавалера и... жениха... *C'est beaucoup...* ²⁾ Вы прямо изъ Петербурга?

— Да.

— У васъ здѣсь много родныхъ?

— Близкихъ не очень, зато дальнихъ порядочно.

— *Cela revient au même...* ³⁾

— *Pas tout à fait...* ⁴⁾

¹⁾ Очень рада съ вами познакомиться.

²⁾ Это много...

³⁾ Это одно и то-же...

⁴⁾ Несовсѣмъ...

Разговоръ зашелъ о родныхъ, о провинціальной жизни, объ обществѣ. Вице-губернаторша старалась представиться передовой женщиной: говорила о реформахъ, о литературѣ, о народномъ образованіи. Восхваляла воскресныя школы, читальни, лекціи. Коснулась сѣти желѣзныхъ дорогъ, польскаго вопроса, причемъ немного сдѣпилась съ супругомъ, нераздѣлявшимъ ея полонофильскія идеи, потолковала о книгѣ Ренана, о западномъ духовенствѣ, не упустивъ при этомъ случая задѣтъ подъ шумокъ православное. Перескочила потомъ въ исторію, замѣтила вскользь, что Маколей устарѣлъ и давно уже опереженъ наукой, а что Костомаровъ—прелесть; потомъ перешла къ женскому труду, упомянула объ Адамѣ Смитѣ и Миллѣ.—Вальховцевъ возражалъ мало; онъ недоумѣвалъ, къ чему эта торопливая болтовня, это закидываніе новаго человѣка обрывками безъ связи, это позированіе. „И вѣдь хоть-бы каплю дѣльнаго можно было выжать изъ этой словесной скачки!“ думалось ему. А хозяйка между тѣмъ такъ и спѣшила выложить передъ нимъ всѣ свои свѣдѣнія, мнѣнія, взгляды, такъ и захлебывалась, словно боясь, что вотъ-вотъ онъ уѣдетъ и высказать все она не успѣетъ.

— А у насъ по воскресеньямъ публичныя лекціи... На будущей недѣлѣ назначено „образованіе земной коры“, объявила она.

— Кто-же будетъ читать? спросилъ Валеріанъ.

— Жвиржинскій, учитель гимназіи; *je protège les polonais...* ¹⁾ Половина сбора въ пользу его, другая—бѣднымъ. Вѣдь у насъ благотворительное общество.

— И посѣщаютъ?

— То-то что мало; меня это ужасно сердить... Позовите на чашку чая или на карточный вечеръ—налетятъ со всѣхъ сторонъ, а чтобы поучиться—жалъ четвертака! *Voulez-vous me sçavoir,* ²⁾ М-г Вальховцевъ, горячилась Горская,—умомъ здѣсь положительно не живутъ... Вы рѣдко гдѣ услышите что-нибудь кромѣ картъ, сплетенъ, домашнихъ исторій... Журналовъ почти не читаютъ, ни за чѣмъ не слѣдятъ, споровъ и преній нѣтъ, никакихъ вопросовъ не разрабаты-

¹⁾ Я покровительствую полякамъ...

²⁾ Хотите вы мнѣ повѣрить...

ваютъ. А казалось-бы мы живемъ въ такое время, когда есть о чемъ поговорить!

— Ну, Мèгу, въ первый разъ пашель возможность вставить и свое слово Горскій,—ты черезчуръ уже строга къ нашему обществу..

— А развѣ это неправда? поспѣшила перебить мужа хозяйка.—Развѣ это не сонное царство?

— Какъ и вездѣ; отъ провинціи нельзя требовать той жизни, той бойкости, которая развита въ столицѣ; и рамка не та, и условія другія, и самые люди..

— Что-же? Serez-vous des nôtres?.. ¹⁾ Посѣтите наши лекціи? обратилась Горская къ Валеріану, встававшему, чтобы проститься.

— Непремѣнно.

— И вообще не забывайте насъ, радушно добавилъ хозяинъ,—vous serez toujours le bienvenu. ²⁾

Отъ Горскихъ, Вальховцевъ направился къ Вольскому предводителю дворянства. Иванъ Ивановичъ Ленинъ, состоятельный и аккуратный помѣщикъ, пятидесятилѣтній толстякъ и обладатель жены и двухъ сыновей—гимназистовъ, былъ человѣкъ дѣятельный и какъ служака и какъ хозяинъ. Характера ровнаго, спокойнаго—онъ былъ любимъ въ обществѣ за безпристрастіе и хладнокровіе. Но невозмутимость Ивана Ивановича не распространялась на заботы о здоровьи его самого и его семьи, мнительный до крайности, онъ дѣлался мученикомъ, когда до него доходили слухи о какой нибудь эпидеміи, а тѣмъ болѣе о холерѣ. Тогда онъ рѣшительно не зналъ покоя и хладнокровіе его исчезало; всѣ дни посвящались бесѣдамъ съ докторами, чтенію извѣстій о ходѣ болѣзни, приему разныхъ предохранительныхъ средствъ. Пальто Ивана Ивановича превращалось въ походную аптечку: во всѣхъ карманахъ наложены были капли Боткина, Иноземцева, Пруссакъ, порошки хины, Мандта и прочее. Ленинъ садился на чай и бульонъ и начиналъ усиленно пить красное вино. Съ утра и до ночи охалъ и вздыхалъ, неистово сосалъ трубку, а при всякой новой жертвѣ эпидеміи разстраивался, укладывался въ постель и облѣп-

¹⁾ Будете вы съ нами.

²⁾ Вы всегда будете желаннымъ гостемъ.

лялъ свое грѣшное тѣло горчичниками и припарками. Въ минуту нашего разсказа, Иванъ Ивановичъ былъ встревоженъ: онъ только что прочелъ въ газетахъ цѣлыхъ два извѣстія крайне неуспокоивающаго свойства: одно о холерѣ въ Одессѣ, другое объ оспѣ въ Петербургѣ. Ленинъ очень обрадовался пріѣзду Валеріана: „вотъ поразкажетъ“ думалось ему.

— Скажите ради Бога, присталъ онъ къ гостю, какъ только тотъ усѣлся,—отчего это появилась оспа въ Петербургѣ?

— А развѣ есть? спросилъ Вальховцевъ.

Ленинъ выпустилъ изъ рта трубку и устремилъ на него глаза.

— Помилуйте, въ газетахъ уже пропечатано. Вотъ-съ (онъ указалъ на развернутый нумеръ): заболѣло 76, умерло 22—вѣдь это ужасный процентъ!

— Что-жъ это за процентъ для семисотъ-тысячнаго населенія: капля въ морѣ!

— Однако... пойдетъ косить—и до насъ доберется... —Вы какъ думаете?

— Можетъ-быть.

— Господи! Ни одного-то годика покойно прожить нельзя: то холера, то оспа! Отчего-же прежде-то не имѣли понятія объ этихъ болѣзняхъ? До тридцатаго года холеры и въ духахъ не бывало, потомъ до 48-го года цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ покойны были, а теперь и пошло и пошло... И какъ это доктора не выучатся лечить ее... Скажите: какъ идетъ подкожное впрыскиваніе?

— Право незнаю... вѣдь это тоже опытъ.

— Да приносить-ли оно пользу?

— Не умѣю вамъ сказать. Доктора говорили мнѣ (Ленинъ наострилъ уши), что одному помогаетъ хина, другому—кровопусканіе: третьему—иноземцовскія капли; въ мокрыя холодныя простыни заворачиваютъ, чтобы вызвать испарину, горячія ванны прописываютъ... однимъ словомъ никакого толку не добьешься!

Иванъ Ивановичъ скорчилъ кислую мину.

— Такъ что хоть ложись да умирай? грустно спросилъ онъ.

— Пожалуй что такъ, отвѣтилъ Вальховцевъ, котораго Ленинъ начиналъ уже занимать.

— Какія же мѣры противъ оспы принимаются въ Петербургѣ?

— Нѣкоторые прививаютъ ее...

— И помогаетъ?

— А Богъ вѣсть, нарочно уже, чтобы встревожить хозяина, сказалъ Валеріанъ, — кажется, что мало.

— А легко переносится она изъ одной мѣстности въ другую?

— Весьма легко.

Иванъ Ивановичъ приунылъ.

— А все таки я привью ее и себѣ и всему дому: все какъ-то покойнѣе...

— Отчего не привить—вреда отъ этого не будетъ.

— Вотъ досада, продолжалъ Денинъ, — не пишутъ. какого вида холера въ Одессѣ, а это очень важно.

— Сухая, сошкотьничалъ Валеріанъ.

— Неужели... вы откуда знаете?

— Мнѣ говорили въ Петербургѣ.

— Это самый страшный видъ ея: здоровъ, здоровъ и вдругъ хлопъ! и пошло крютить!

— Да, вдругъ, поддакнулъ молодой человѣкъ, — и не только никакого спасенія нѣтъ—необходимыхъ распоряженій сдѣлать не успѣешь!

— Именно... вдругъ на улицѣ...

— Или въ дорогѣ...

Иванъ Ивановичъ впалъ въ уныніе, а гость, воспользовавшись паузой, поспѣшилъ проститься и уѣхать.

XIX.

Михаилъ Павловичъ Кареловъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, когда, около трехъ часовъ дня, вошелъ курьеръ съ докладомъ, что г. Вальховцевъ желаетъ видѣть его высоко-родіе. Сказавъ „проси“, Михаилъ Павловичъ всталъ съ кресла и пошелъ навстрѣчу молодому человѣку. Они встрѣтились въ дверяхъ и облобызались.

— Какъ я радъ видѣть тебя, Валеринька: вѣдь три года не видалъ!.. Ну покажись! повернулъ онъ его къ свѣту. — Молодецъ! И штатское тебѣ къ лицу, а все-таки мундира жаль: аксельбанты очень красили... Ну садись: гостемъ будешь!

— На наше жалованье, дядя, жить нельзя: доходовъ съ имѣнія тоже не хватитъ, чтобы до полковника дойти—незамѣтно раззорись!—Хочется и похозяйничать...

— Доброе дѣло; только не увлекайся новизной, не трать деньги зря. Десять разъ подумай, а на одиннадцатый рѣшись.

— Заѣзжалъ къ вамъ на домъ—мнѣ и сказали, что вы здѣсь; Таня тоже въ городѣ?

— Мы приѣхали съ ней вчера къ вечеру и сегодня уѣзжаемъ... Привозилъ ее къ портнихѣ: на-дняхъ громадный обѣдъ всѣхъ сословій у князя Комельскаго.

— Всѣхъ сословій?

— Да, батюшка, разсмѣялся Кареловъ,—не знаю только приглашены-ли извозчики; впрочемъ Десятниковъ, бывшій кузнецъ, а теперь экипажный мастеръ, хоть и худой, я знаю—приглашенъ.

— А гдѣ-же Таня теперь, мнѣ хотѣлось бы ее видѣть: когда-то мы большими друзьями были.

— Я завезъ ее къ теткѣ, Никольцевой, Ольгѣ Петровнѣ.. Помнишь ее? Она мнѣ двоюродной сестрой приходится.

— Какъ-же! Такая красивая, свѣтская барыня.

— Да—вотъ красивая: мужъ-то бросилъ ее!

— Неужто? Почему-же?

— Не охотникъ я рыться въ чужихъ дѣлахъ, особенно щекотливыхъ... Въ городѣ одни винятъ жену, другіе мужа, третьи просто лгутъ... Разобраться трудно!—Ну Христосъ съ ними—ихъ дѣло!—Когда-же ты на службу?

— 28-го, въ здѣшнемъ сѣздѣ...—Всѣ у васъ здоровы, дядя? Воображаю, какъ Таня разцвѣла! Всѣ говорятъ, что просто красавица!

— Ну, хоть и не красавица, а дѣвушка хоть куда!

— Въ которомъ часу вы думаете выѣхать домой?

— Часовъ въ семь отоѣздаемъ у Ольги, а въ восемь—въ „Плоское“.—А что?

— Хотѣлось-бы мнѣ проводить васъ.

— Пустое! Лучше въ „Плоское“ соберись, пока еще «свободенъ».

— Съ удовольствіемъ; на-дняхъ соберусь.

— Вотъ и прекрасно!

— Такъ до свиданія, дядя... Горячій поклонъ Танѣ, дѣтямъ—поцѣлуй, Аннѣ Васильевнѣ—привѣтъ!

— Визиты будешь кончать?

— Сегодня не кончить: много еще осталось.

„Батюшки мои“, садясь въ экипажъ, вспомнилъ Вальховцевъ,—вѣдь я у тетки Татьяны Семеновны еще не былъ! Разнесетъ она меня, если узнаетъ, что я третій день здѣсь и къ ней не явился!—Вези меня на Покровскую, велѣлъ онъ извозчику,—да поскорѣй!

Татьяна Семеновна Вальховцева, старая дѣва, не глупая, но зараженная предразсудками, отчасти дерзкая и скупая, хотя и добрая отъ природы, жила въ небольшомъ домѣ, въ одной изъ отдаленныхъ частей города. Валеріанъ позвонилъ и, вслѣдъ за звонкомъ, въ комнатахъ раздався визгливый лай двухъ собаченокъ, какое-то ворчаніе и наконецъ вопросъ:

— Кто тамъ?

— Валерьянъ Вальховцевъ.

Дверь отворилась и старушка, уже сѣдая, чистенько одѣтая, съ пошибомъ крѣпостной горничной, бросилась къ рукъ молодого человѣка и радостно вскричала: „Батюшка Валерьянъ Николаичъ! Голубчикъ ты мой! Дай поглядѣть-то на тебя... Нонче ты уже не въ военномъ“...

— Трифенушка, милая, какъ живешь? Что тетушка? обнялъ старушку Валеріанъ.

— Помаленьку, родной... А тетушка Богу только что отмолилась, къ вечернѣ вѣдь скоро заблиговѣстятъ...

Въ зальцѣ Вальховцевъ засталъ двухъ старухъ въ черныхъ, съ бѣлыми крапинками, ситцевыхъ капотахъ, черныхъ шерстяныхъ платкахъ и затасканныхъ чепцахъ. Одна изъ нихъ раскладывала карты на столѣ, а другая сидя у окна все охала и вздыхала. Обѣ онѣ поклонились гостю.

— Ну что вышло? послышался изъ смежной комнаты грубоватый голосъ Татьяны Семеновны.

— А вотъ, матушка моя, краткая дорога, маленькая болѣсть, да письмо, черезъ которое вы, матушка моя, получите антиресь... Вотъ тутъ только король трефей что-то замѣшался...

— Ну его! вмѣшалась вздыхая старуха.—Вретъ она,

матушка Татьяна Семеновна, право слово вретъ: ну можетъ-ли король помѣшать, когда десятка трефъ прямо вамъ въ глаза глядѣть?

— А ты, Захаровна, съ изнова разложи, крикнула Татьяна Семеновна,—а племянникъ мой гдѣ?

— Здравствуйте, тетушка!

— Не входи, я сейчасъ выйду.

Вскорѣ дверь отворилась и, какъ пава, вошла высокая-дородная женщина, лѣтъ пятидесяти, въ шерстяномъ коричневомъ платьѣ и черномъ кружевномъ шарфикѣ на головѣ, сопровождаемая собаченками, которыя опять принялись было лаять, но данными кусочками сахара успокоились и забрались подъ диванъ.

— Ну здравствуй, племянничекъ, нѣсколько рѣзко сказала тетка, троекратно лобызаясь,—здравствуй! Служить прѣхалъ?

— Да, тетушка.

— Служи хорошенько; взятокъ не бери, помни всегда, что ты Вальховцевъ, а не какой-нибудь крючокъ семинарскій, да родныхъ уважай и почитай.—Ну а ты, Маланья Захаровна, сядь на мягкое кресло, обратилась она къ гадалщицѣ,—совсѣмъ кажись завралась и гадать разучилась? Расскажи-ка лучше сонъ мнѣ.

— Извольте матушка... Что видѣть изволили?

— А видѣла я, что зубъ коренной у меня вывалился и много крови вышло.

Гадалыщица покачала головой.

— Не хорошо это, матушка вы моя: изъ родныхъ близкихъ безпримѣнно кто-нибудь да помретъ...

— Ой-ли? Не вретъ она, Натальюшка?

— Кажись такъ быть должно, матушка Татьяна Семеновна, отвѣтила та.

Валеріанъ улынулся.

— Ты чего ротъ—отъ кривишь? накинулась на него тетка.—Надъ сномъ что-ли смѣяться изволишь?

— Не надъ сномъ, а надъ его толкованіемъ.

— А что въ этомъ смѣшного?

— Да помилуйте, тетушка, какую-же связь имѣетъ выпавшій коренной зубъ со смертію родственника?

— Такъ по твоему сны и гаданья вздоръ?

— Вздоръ, тетушка.

— Ну такъ я вотъ что тебѣ скажу: не только тебя, такъ и дѣдушки твоего въ духахъ еще не было, а на картахъ гадали и сны толковали.

— Самъ праведный Іосифъ прекрасный, вмѣшалась вздыхающая старуха.

— Да Іосифъ прекрасный... заикнулся было Валеріанъ.

— Молчи, Наталья! перебила племянника Татьяна Семеновна.—Завралась!—Ты значить и въ связь видимаго съ невидимымъ міромъ не вѣришь? удивленно спросила она молодого человѣка.

— Вѣрю да плохо...

Сны, племянничекъ, отъ Бога идутъ... Мало-ли какія вещи открывались въ сновидѣніяхъ...

— Да, святымъ, а мы съ вами не святые.

Татьяна Семеновна позамялась немного.

— Не однимъ святымъ... Пути Божіи несповѣдимы, возразила она уклончиво,—ты эдакъ и въ симпатію пожалуй не вѣришь?

— Опять-таки плохо, тетушка.

— Вы нынче ужъ что-то умны очень стали: ничему не вѣрите... А какъ ты это объяснишь: былъ у меня знакомый дьяконъ отъ Благовѣщенія, пропойца страшный, не могла жена съ нимъ ладу дать... Вотъ и посовѣтовали ей сходить на кладбище и, отыскавъ могилу его тезки, взять съ нея земли, разболтать въ водкѣ и дать ему выпить. Сдѣлала; ну вѣришь-ли: какъ рукой сняло! Вотъ поди и объясняй! съ торжествующимъ видомъ добавила Татьяна Семеновна.

Валеріанъ усмѣхнулся и промолчалъ.

— Нѣтъ, да вѣдь вашей братіи хотъ Христа съ неба сведи—не повѣрите! Ты Богу-то молишься?

— Молюсь.

— То-то! Между вами нонче, говорятъ, много нехристей развелось: смотри, не поддавайся...—врагъ силенъ...—Ты что не куришь?

— Я не курю, тетушка.

— Кофею хочешь?

— Нѣтъ, благодарствуйте.

— А ты, Маланья Захаровна, хочешь того? обратилась хозяйка къ гадалщицѣ и прищелкнула языкомъ.

— Если милость будетъ, скромно отвѣтила старуха, оскабляясь.

— Поди къ Трифенѣ и спроси себѣ чарку.—Ты не пьешь? спросила она племянника.

— Пью, когда случится.

— Умница! Похваляю за это: въ винѣ-то бѣсъ и сидить... Молодъ еще ты водку тянуть: отецъ твой капли въ ротъ не бралъ.—А что, Натальюшка, правда что за Кубенской сто тысячъ чистоганомъ даютъ?

— Правда, матушка.

— Ишь бѣсъ, Сѣрковъ, какую кубышку подцѣпилъ!—Захочешь жениться, Валеріанъ,—деньги бери. Любовь выскочить скоро, деньги останутся,—слушай старуху. Все на свѣтѣ дѣлаютъ деньги; такъ, Натальюшка?

— Вѣрно изволили сказать, матушка! въ одинъ голосъ отвѣтили обѣ приживалки.

— Что деньги способствуютъ счастью—это такъ, но чтобы они составляли счастье—не согласенъ, тетушка.

— А по твоему любовь и кринка молока? Это что-ли счастье?

— А по вашему, поддразнилъ тетушку Вальховцевъ,—куча денегъ и чортъ жена?

— Держи въ рукахъ—чортомъ не будетъ; коли жена дурить—мужъ виноватъ!

— Это по старинному?

— Да, по старинному; а по вашему, по новому, лучше-ль, что эдакой болванъ Лопатинъ,—дворянчикъ такой есть, изъ мелкопомѣстныхъ, до того распустилъ жену, что она по рукамъ ходитъ?

— Виноватъ, кто говоритъ; ему давно надо было съ ней разѣхаться.

— Разѣхаться-ся?.. Да ты въ умѣ-ли, Валерьянъ Николаичъ?

— А что?

— Разъединить то, что Богъ сочеталъ?

Вальховцевъ слегка улынулся и уклончиво возразилъ:

— Что-жъ ему больше дѣлать?

— Какъ что дѣлать? Не хочетъ слушаться, въ усадьбу запри, въ одну комнату! Прадѣдушка твой поумнѣе Лопатинъ.

тина былъ, да и то бабушку въ Янкино запряталъ и за сущіе пустяки!

— Хорошо это развѣ? Деспотизмъ!

— А хорошо, что эта дрянь, Лопатина, имя мужа и дѣтей позорить?.. Ой, какъ посмотрю, надъ стариной-то вы смѣтаете, а сами съ бабой совладать не умѣете!—Ну, Валерушка, коли тебѣ надо куда—ступай, я не держу... Будетъ время—заверни, не забывай тетку, а киснуть тебѣ здѣсь нечего. Всѣ вы, молодежь, насъ, старухъ, не долюбливаете, да оно и естественно: что вамъ съ нами дѣлать!

— Помилуйте, тетушка, началъ было молодой человѣкъ..

— Ну-ну, не лясничай... комплименты-то оставь для другихъ... Прощай, голубчикъ.

Татьяна Семеновна поцѣловала племянника и Вальховцевъ, напутствуемый лаемъ собаченка, спустился съ лѣстницы и велѣлъ везти себя къ правителю губернаторской канцеляріи, Миролюбову.

Валеріанъ его не засталъ и отдалъ уже карточку, какъ вдругъ на половинѣ лѣстницы остановленъ былъ кухаркой: „барыня просить“. Дѣлать было нечего; ясно, что Анна Григорьевна Миролюбова не желаетъ упустить случай познакомиться съ молодымъ человѣкомъ и потомъ похвастать въ своемъ кружкѣ тѣмъ, что петербургскій чиновникъ, бывший гвардеецъ, да еще мѣстный помѣщикъ, былъ у нея съ визитомъ. Валеріанъ съ досадой снялъ бекешу и вошелъ въ гостиную. Хозяйка сидѣла на диванѣ; при входѣ гостя, она приподнялась, протянула ему руку, что-то пробормотала и снова опустила. Вальховцевъ отрекомендовался и сѣлъ.

— Супругъ вашъ все еще въ канцеляріи?

— Да-съ.

Пауза.

Анна Григорьевна пожевала губами, хотѣла что-то сказать, но не рѣшилась и, опустивъ глаза, начала вертѣть носовой платокъ. Женщина она была молодая, недурненькая, но недалняя и застѣнчивая.

— Вы, я думаю, скучаете по утрамъ безъ Платона Федосыча? заговорилъ Валеріанъ.

Миролюбова взглянула на него изподлобья:

— Да-съ.

— Чѣмъ-же занимаетесь? Читеніемъ, работаете?

— Нѣтъ-съ; Платонъ Ѳедосѣвичъ читать не позволяютъ.

— Отчего-же?

— Они говорятъ: умъ за разумъ зайдетъ... и послѣднее что знала забудешь... Вотъ иной разъ вѣдомости они изъ канцеляріи приносятъ—такъ, случается, заглянешь... Да нынче мудрено какъ-то пишутъ, въ толкъ не возьмешь скоро...

Вальховцевъ улынулся.

— А женскими работами: вышиваніемъ, плетеніемъ кружевъ...

— Вышиванію я не обучена: у отца моего приходъ былъ небольшой, вышивать никто не умѣлъ и учиться было не у кого... Вотъ кружева плести умѣю, а только платятъ дешево: на хлѣбъ себѣ не выплетешь!

— Такъ вы больше по хозяйству?

— Именно-съ, съ ужимкой отвѣтила хозяйка:—все больше около кухни... Пирогі неку, разомъ брякнула она.

— Ужъ конечно они должны быть вкусны! любезно замѣтилъ молодой человѣкъ... „Фу, какъ глупо!“ подумалъ онъ.

— Съ ягодами вкусны, а съ фаршемъ не удаются... Платонъ Ѳедосѣвичъ все бранятся...

— Съ какими ягодами?

— Да съ черносливомъ или кишнецомъ.

Они помолчали. Анна Григорьевна все вертѣла платокъ. Наконецъ она взглянула исподлобья на гостя, открыла было ротъ, но только икнула.

— Кто-то поминаетъ! улынулась она, опустивъ глаза.

— Платонъ Ѳедосѣвичъ вѣроятно! замѣтилъ Валеріанъ.

— Нѣтъ-съ... куда имъ!

— Отчего-же?

— Они таперича заняты.

Опять пауза; молодой человѣкъ молчалъ... „Пусть сама начнетъ!“ рѣшилъ онъ.

— Кофею угодно?

— Нѣтъ, благодарю.

— А водочкой можно просить?

— Не желаю.

— А вотъ Платонъ Ѳедосѣвичъ все больше полынную употребляютъ.

Валеріанъ ничего не отвѣтилъ.

— А вы знаете... Платонъ Ѳедосѣичъ крестъ нонче получили... Намъ это очень лестно, потому господинъ губернаторъ значить любить ихъ.

— Поздравляю.

— Очень благодарна. А у васъ есть крестикъ?

— Нѣтъ.

— Отчего-же?

— Не дали.

— Ахъ какъ это можно! Такое мѣсто занимаете и креста нѣтъ... Вѣрно скоро получите?

— Не думаю.

Миролюбова помялась на диванѣ и искоса взглянула на гостя.

— Правда это, что нонче въ Санктпетербургѣ дамы короткія таліи носятъ?

— Правда.

— И крыноленовъ нѣтъ?

— Почти нѣтъ.

— Какъ-же это такъ?

Валеріанъ промолчалъ.

— Намъ отецъ благочинный сказывалъ, что война будто у насъ будетъ... Съ кѣмъ-же?

— Не слыхалъ.

— Говорить, что въ газетѣ читалъ и страженіе будто бы было...

— Въ какомъ мѣстѣ?

— А не знаю; я на имена-то не очень горазда...

„Интересно знать, на что ты горазда!“ подумалъ Вальховцевъ.

— Отецъ благочинный очень умный, старалась поддерживать разговоръ Миролюбова. Вы его не знаете?

— Нѣтъ.

— Его преосвященный любятъ...

Валеріанъ всталъ, чтобы идти.

— Посидите, ужимаясь просила хозяйка.

— Виновать: не могу.

— Побесѣдуемте.

— Право некогда.

„Вотъ дурака нашла бесѣдовать съ эдакой куклой!“

— Ну, извините... и на томъ благодарны.

Она не подала, а какъ-то изогнула свою небольшую, красноватую руку:

— Не забывайте...

— Мой поклонъ Платонъ Федосѣичу.

— Они очень сожалѣть будутъ.

Вальховцевъ раскланялся, сѣлъ въ экипажъ и велѣлъ везти себя къ Голубцовымъ; ему очень хотѣлось познакомиться съ Зинаидой, о которой такъ много трубили въ высшихъ сферахъ города К.

XX.

Голубцовы жили въ городѣ только въ зимніе мѣсяцы, въ собственномъ домѣ, на одной изъ лучшихъ улицъ К. Домъ былъ немаленькій, обыкновенный помѣщичій, съ колоннами и неизбѣжнымъ мезониномъ. Строилъ его еще отецъ Александра Павловича, изъ десятивершковой красной сосны, прочно и аккуратно. Голубцовъ, не смотря на свою бережливость, незадолго до эмансипаціи, подновилъ его и старую обстановку комнатъ замѣнилъ новою. На этомъ настояла супруга его, Елизавета Петровна, подъ давленіемъ сестрицы, Ольги Петровны Никольцевой, которая убѣдила Александра Павловича рѣшиться на это въ виду того, что Зинаида, окончившая институтъ, должна выѣзжать въ свѣтъ, а родители принимать у себя и дѣлать отъ времени до времени танцевальные вечера. Хотя Петя Ефимьевъ отрекомендовалъ Голубцова Вальховцеву „живоглотомъ“ и „змѣемъ Горыничемъ“, но рекомендація эта была очень далека отъ истины. Александръ Павловичъ былъ хорошій семьянинъ, копилъ деньги для жены и для дѣтей (старшій сынъ его служилъ въ одномъ изъ лучшихъ гвардейскихъ полковъ), для чего пошелъ и въ исправники, и былъ строгъ и възыскателенъ не только къ другимъ, но и къ самому себѣ. Крестьяне его не побирались по деревнямъ, какъ у другихъ помѣщиковъ, не лѣнились и не распускали свою молодежь. Роскошь не допускалась; требовался порядокъ въ избахъ, сытый столъ, прочная одежда; все льняное ткалось дома, поддѣвки и полушубки шились деревенскими портными. Чай пили очень немногіе: богатѣи и власти; онъ замѣнялся

травой „звѣробоемъ“, а вмѣсто сахара употребляли солодковый корень. Голубцовъ зорко слѣдилъ за всѣмъ этимъ и преслѣдовалъ даже малѣйшую роскошь. Помѣщикъ онъ былъ требовательный, но справедливый и не „живоглотъ“, какъ величалъ его Ефимьевъ; онъ сплошь и рядомъ помогаль крестьянину, если съ нимъ случалось несчастье; на это Александръ Павловичъ не скупился. Конечно дѣлалось это не изъ одного состраданія, но главнымъ образомъ изъ хозяйственныхъ соображеній: не дать потерпѣвшему мужику опуститься, впасть въ раззореніе и пустить семью по міру. Пьяницъ и лѣнтяевъ Голубцовъ держалъ въ ежевыхъ и не-исправимыхъ сдавалъ подъ „красную шапку“. Александру Павловичу было подъ пятьдесятъ; когда-то онъ служилъ въ уланахъ и до сихъ поръ сохранилъ военную выправку. Рослый, плотный, съ просѣдью брюнетъ, съ большими, слегка подкрашенными, усами и выдающеюся грудью, Голубцовъ производилъ впечатлѣніе и, въ полувоенной формѣ исправника, внушительно дѣйствовалъ на крестьянъ.

Елизаветъ Петровнѣ сорокъ три года; она невелика ростомъ, довольно полна и потому кажется дурно сложенной. Отъ ея прежней привлекательности остались только черные глаза, да ямочки на щекахъ—остальное подверглось вліянію всеразрушающаго времени. Елизавета Петровна свѣтски мало образована; показываться въ обществѣ избѣгаетъ и на вечера, зачастую вмѣсто себя, сдаетъ дочь на руки Никольцевой, а если и выѣдетъ—больше молчитъ, корча недовольную мину, но все примѣчаетъ и изподтишка распускаетъ замѣченное потомъ по городу. Вообще она тяготитъ своимъ присутствіемъ, отъ нея постоянно вѣетъ холодомъ и скукой.

Когда Вальховцевъ пріѣхалъ, Елизавета Петровна, на переддиванномъ столѣ, что-то кроила, а Зинаида Александровна сидѣла у окна и читала. Ей только что минуло двадцать лѣтъ; блондинка съ темносиними глазами, небольшимъ прямымъ носомъ и маленькимъ ртомъ, съ весьма оживленнымъ личикомъ—она была очень хороша собой. Высокій, стройный ростъ, хорошо развитый станъ, небольшія руки, умѣнье владѣть французскимъ языкомъ, бойкій, игривый разговоръ, легкость въ танцахъ ослѣпляли всякаго, дѣлали изъ Зинаиды постоянную царицу баловъ и вече-

ровъ. Она не могла оставаться незамѣченной: она выдѣлялась изъ толпы; эффектная красота ея поражала съ перваго раза, но серьезно завлечь она могла только или чловѣка неопытнаго или слишкомъ самолюбиваго. Поэтому поклонниковъ у нея было много, но преданныхъ людей мало. Въ Зинаидѣ не было внутренняго содержанія; она въ полномъ смыслѣ была только свѣтская дѣвушка. Въ интимномъ кружкѣ, лишенная большой обстановки, она теряла и производила на нѣкоторыхъ даже не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Недостатки ея, незамѣтные на вечерахъ, затмеваемые ея свѣтской представительностью, довольно рѣзко бросались въ глаза въ обыденной жизни. Зинаида была не глупа, но взбалмошна; безъ самостоятельности въ мнѣніяхъ и убѣжденіяхъ, перемѣнчивая, она иногда вдругъ, Богъ вѣсть съ чего, дѣлалась упрямой и настойчивой. Мало впечатлительная, скорѣе холодная, Зинаида была не зла, хотя и равнодушна къ чужимъ страданіямъ.

На Вальховцева эффектная дѣвушка сразу произвела весьма выгодное впечатлѣніе. Онъ представился. Елизавета Петровна, не торопясь, оставила работу, кое какъ объяснила гостю, что помнитъ его ребенкомъ, познакомила съ дочерью, пересѣла на диванъ и, принявъ церемоніальную позу, смолкла.

— Александръ Павловичъ въ усадьбѣ? спросилъ ее Вальховцевъ.

— Въ уѣздѣ, протянула Голубцова,—онъ часто теперь ѣздитъ: все боятся, что мужики взбунтуются!

— Да съ чего имъ бунтовать? Я только что изъ деревни, составлялъ грамоты и могу сказать, что настроеніе крестьянъ самое мирное.

-- Это только такъ кажется... Они не удовольствуются тѣмъ, что имъ дано...—Они рады совершенно обобрать помѣщика. Вчера мнѣ сказывали, какъ въ Михайловскомъ уѣздѣ мужики поняли „надѣлъ“: они вообразили, что вся господская земля должна быть раздѣлена между крестьянами, а помѣщику слѣдуетъ выдѣлить: только домъ съ постройкими, да надѣлы по количеству мужчинъ его семьи!

— Это или чья-нибудь выдумка, чтобы посмѣяться, или злостное намѣреніе сбить съ толку мужиковъ... Народники-то бродятъ по деревнямъ...

— Можетъ-быть; но я увѣрена, что отъ этихъ хитрецовъ всего можно ожидать!

— Много вы выѣзжаете въ эту зиму? послѣ паузы, обратился молодой человѣкъ къ дѣвушкѣ.

— Нѣтъ; домашніе вечера стали очень рѣдки,—собираемся только по четвергамъ въ нашемъ клубѣ.

— Мнѣ кажется, что вы должны быть равнодушны къ выѣздамъ, Зинаида Александровна.

— Почему вы это думаете?

— Потому, что всякій выѣздъ, какъ я слышала,—торжество для васъ!

— Торжество непрочное, замѣтила Голубцова.

— Я вашу родственницу видѣла...

- Annette? спросила дѣвушка.

— Да.

— Вы гдѣ ее видѣли?

— У Ефимьевыхъ.

— Скажите: что-жъ она тамъ весь домъ вверхъ дномъ поставила, стариковъ совсѣмъ съума свела?

— Вотъ хлопотунья, не то чтобы усмѣхнулась, а какъ-то скривила ротъ Елизавета Петровна:—это болѣзнь какая-то.

— Она очень живая дѣвушка и кажется большая хозяйка, замѣтилъ Валеріанъ.

— Ну, живость тутъ ни къ чему... Я очень хладнокровна, не волнуюсь, какъ Анна Васильевна, а увѣрена, что лучше ея и дѣло знаю и больше пользы принесу!

Вальховцевъ счелъ за лучшее промолчать.

— А вы, Валерьянъ Николаичъ, веселитесь? послѣ паузы, спросила Зинаида.

— Некогда было: готовился къ отъѣзду, прощался съ полкомъ, знакомыми...

— Но вы любитель танцовъ?

— Танцую.

— C'est bien heureux!.. ¹⁾ Мы съ вами потанцуемъ!

— Очень буду радъ.

— Предупреждаю: здѣсь кавалеровъ такъ мало, что вамъ очень рѣдко придется отдыхать.

— Въ присутствіи вашемъ это было-бы преступленіемъ! смѣясь, замѣтилъ Вальховцевъ.

¹⁾ Это очень счастливо!

— C'est votre spécialité? ¹⁾ прищурясь, спросила дѣвушка

— De?

— De faire des compliments? ²⁾.

— Je suis dans le vrai... ³⁾.

— Bravo! Cela va bien! кокетничала Зинаида.

Елизавета Петровна вскинула на нее свои нѣсколько удивленные глаза: она рѣшительно не понимала, къ чему эта трескотня, это пустое фразерство.

— Что это Таня долго не ѣдетъ? процѣдила она.—Какая вялая!

— Да она, маман, всего два часа какъ отъ тети Оли прѣѣхала, посидѣла у насъ, потомъ закладывали...

— Куда она отправилась?

— Въ лавки.

— Съ кѣмъ?

— Съ Анной Ивановной, маман...

(Анна Ивановна была приживалка изъ чиновницъ).

— Въ чемъ онѣ поѣхали?

— Въ колотушкѣ.

— Валеріанъ удивился.

— Quel est cet équipage? ⁴⁾ вполголоса спросилъ онъ Зинаиду.

— Очень удобный...

— Не думаю: самое его названіе происходитъ отъ глагола „колотить“... Слѣдовательно: онѣ бока колотить?

— A peu près... ⁵⁾.

— Что-жъ это такое?

— Возокъ въ одну лошадь, пояснила Голубцова.

— Ящикъ, поставленный на полозья, добавила дѣвушка.

— Какъ, безъ рессоръ?

— Да.

— Ну, теперь я понимаю: по шерсткѣ и кличка!

— Наконецъ прѣѣхали! возвѣстила, глядѣвшая въ окно, Елизавета Петровна;—Зина позвони!

1) Это ваша специальность?

2) Говорить комплименты?

3) Я говорю правду...

4) Что это за экипажъ?

5) Почти...

Горничная отворила входную дверь и, черезъ нѣсколько секундъ, въ гостиную вошла молодая дѣвушка—это была Татьяна.

XXI.

Ей было девятнадцать лѣтъ. Средняго роста, стройная, съ довольно развитой грудью и округленными плечами, она глядѣла уже не ребенкомъ; но лицо ея, не совсѣмъ правильное, съ нѣжнымъ, смугловатымъ румянцемъ на щекахъ, еще не вполне утратило то простодушное, довѣрчивое выраженіе, которое свойственно первой молодости. Ея темно-каріе, съ длинными, загнутыми кверху рѣсницами, глаза глубоко и задумчиво глядѣли изъ-подъ почти черныхъ и немного сдвинутыхъ бровей; то загораясь, то угасая, ея долгій взглядъ или устремлялся внимательно—напряженно или, утомленный, кроткій, бродилъ въ какой-то невѣдомой дали. Улыбка Татьяны, нервная, разсѣянная, какъ нельзя болѣе подходила и къ ея маленькимъ губамъ, и къ небольшому, сжатому носу, а въ частомъ движеніи ноздрей сказывался ея страстный, сдержанный характеръ. Волосы ея густые и длинные, темно-каштановые, съ легкой желтизной на вискахъ, спускались плетенымъ шиньономъ на ея гибкую, смугловатую шею. Руки у нея были розоватыя и узкія, съ длинными пальцами и ногтями „en amande“ ¹⁾, ноги маленькія, походка ровная, безъ всякой торопливости.—Татьяна была не красавица, не бросалась въ глаза, но во всемъ существѣ ея, въ выраженіи лица, въ голосѣ мягкомъ и спокойномъ было такъ много тихаго, симпатичнаго, что невольно влекло къ ней.

— Merci, ma tante, подошла она къ Лизаветѣ Петровнѣ и поцѣловала ея руку,—вамъ экипажъ не нуженъ?

— Нѣтъ; Зина, вели отложить.

— Валерьянъ! съ просіявшимъ лицомъ, подошла Татьяна къ Вальховцеву.—Давно-ли ты пріѣхалъ? Не могъ утромъ-то заѣхать къ намъ?

— Я заѣзжалъ, цѣлуя ея руку, отвѣтилъ молодой чело-вѣкъ,—но никого не засталъ: дядя въ присутствіи, ты уѣхала къ madame Никольцевой; а пріѣхалъ я вчера.

— Ты очень перемѣнился: возмужалъ, усы отпустилъ...

¹⁾ „Въ видѣ миндалины“.

— Вошедшая Зинаида подошла къ нимъ.

— Старые друзья!.. Давно не видались?

— Три года! Я оставилъ ее дѣвочкой, а встрѣчаю невѣстой...

— Купила мнѣ кашемиру? обратилась Зинаида къ Татьянѣ.

— Да.

— А къ Розѣ заѣзжала?

— Нѣтъ, милая, боялась опоздать.

— Всегда ты такъ! Ну что я послѣзавтра надѣну?

— Я-вѣдь не забыла, но боялась экинажъ задержать...

Катерину можно послать...

— Вы собираетесь куда-нибудь? спросилъ Валеріанъ.

— Къ Мерчанскимъ.

— Вѣдь это еще не навѣрно, Зиночка: тетя Оля и приглашенія еще не получала.

— Получить! Развѣ это возможно, чтобы насъ не пригласили!

— Очень возможно, апатично сказала Голубцова:— Оленька часто ошибается...

— Я встрѣтила тету Олю въ лавкахъ, хотѣла сейчасъ заѣхать.

— Покупала что-нибудь? спросила Елизавета Петровна.

— Да.

— Что? поинтересовалась Зинаида.

— На платьѣ кажется.

— Шерстяное или шелковое?

— Право не знаю.

— Удивляюсь! пожала плечами Зинаида.— Ужъ вѣроятно она хвасталась передъ тобой?

— Нѣтъ; вѣдь тетя Оля знаетъ, что наряды меня мало интересуютъ...

— Ты тоже къ Мерчанскимъ ѣдешь, Таня? спросилъ Валеріанъ.

— Нѣтъ; мы сегодня вечеромъ въ „Плоское“ возвращаемся... Ты приѣдешь къ намъ?

— Непремѣнно; какъ только квартиру приведу въ порядокъ и визиты кончу.

— Смотри-же, поскорѣе приѣзжай!

Въ передней раздался звонокъ, послышался разговоръ

и шелестъ платья и въ залъ вошла красивая еще женщина въ коричневомъ капотѣ, отдѣланномъ турецкою шалью, въ бѣлой барашковой кофтѣ, такой-же шапочкѣ, съ муфтою въ рукахъ и остановилась передъ зеркаломъ. Ей сопутствовалъ молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, невысокаго роста, свѣтло-русый, весьма претенціозно одѣтый, съ усиками и бородкой à la Napoléon III. Поздоровавшись, какъ свой человѣкъ, съ дѣвщами, онъ прошелъ къ хозяйкѣ. Зинаида бросилась къ теткѣ на встрѣчу, а за нею, не торопясь, подошла и Татьяна.

— Bonjour, mes chères ¹⁾, какъ-то покровительственно процѣдила Никольцева и съ ужимкой протянула имъ губы; — какъ я растрепалась — ни на что не похоже! и она занялась иримазываньемъ височковъ, иодкрашенныхъ бровей, обдергиваньемъ и охаращиваньемъ. Настоявшись передъ зеркаломъ и сдѣлавъ въ послѣдній разъ небольшое движеніе головой сверху внизъ, Ольга Петровна эффектно подобрала подолъ своего платья и поминутно оглядываясь на свой шлейфъ, вошла въ гостиную.

— Bonjour Lise, ужимаясь и растягивая слова, поздоровалась она съ сестрой; — N'est ce pas m-r Вальховцевъ? прищурилась она на Валеріана и какъ-то особенно небрежно подала руку.

— Moi, en personne, madame, представился молодой человѣкъ.

— Почему-же не cousine? Мы съ вами, хотя и дальняя, но родня — что за церемоніи! Предупреждаю васъ que je suis ennemie acharnée de tout ce qui est officiel! ²⁾.

— Очень радъ.

— Прошу это помнить.

— Слушаю-съ.

— Петръ Александрычъ. обратилась она къ своему спутнику, — вы не потеряли мою горжетку?

— Какъ это можно, Ольга Петровна, воскликнулъ тотъ, прерывая свой, довольно оживленный, разговоръ съ Зинаидой, — она у меня въ шубѣ.

— То-то, лукаво улыбнувшись, замѣтила ему Никольцева — вы такъ торопились сюда, что мнѣ простительно

¹⁾ Здравствуйте, мои милыя.

²⁾ Я непримиримый врагъ всего официального!

освѣдомиться о ней! *Le jeune homme est dans les cieux!* ¹⁾ вполголоса сообщила она Валеріану; тотъ промолчалъ.

— А *propos* ²⁾, послѣ небольшой паузы, поинтересовалась Ольга Петровна, — ты не познакомила м-г Вальховцева съ м-г Васьковымъ?

— Не успѣла, прожевала Голубцова.

— Петръ Александрычъ! позвала Никольцева Васькова. — *Pardon*, что оторвала васъ, шепнула она улыбаясь, когда онъ подлетѣлъ къ ней, — позвольте васъ познакомить: м-г Вальховцевъ, м-г Васьковъ.

— Ахъ очень радъ, очень радъ, заторопился Петръ Александровичъ, протягивая руку Валеріану, — мы съ вами сослуживцы: я посредникомъ въ здѣшнемъ уѣздѣ...

— Очень сожалѣлъ, что не засталъ васъ дома.

— Вы однако перемѣнились, обратилась Ольга Петровна къ Валеріану: — въ Петербургѣ я помню васъ такимъ юнымъ.

— А глядя на васъ, *cousine*, и не замѣчаешь, что время идетъ впередъ, любезно возразилъ ей Вальховцевъ.

— Неужто? гримасничая и выгибая шею, кокетничала Никольцева: — Нравится вамъ, *mesdemoiselles*, мой капотъ? *N'est-ce pas que c'est très original?* ³⁾ обратилась она къ Валеріану и начала вертѣться и охорашиваться.

— Съ большимъ вкусомъ отдѣлано.

— *Je suis économe* ⁴⁾: старую шаль на отдѣлки употребила.

— А въ лавкахъ чего накупила? вмѣшалась Голубцова.

— Пустяки! Платье репсовое: да и то потому, что старое вчера продала. — Покажите, дѣвицы, оно въ передней.

Зинаида поднялась, но Васьковъ предупредилъ ее.

— Это моя обязанность! и быстро засмѣнилъ своими ножками по направленію къ передней.

— А ты никогда не послужишь! вполголоса замѣтила Татьянѣ тетка. — До чего ты лѣнива!

Дѣвушка промолчала.

— Къ Мерчанскимъ поѣдешь?

¹⁾ Молодой человекъ на небесахъ!

²⁾ Кстати.

³⁾ Неправда ли что очень оригинально?

⁴⁾ Я экономна.

— Не хотѣлось-бы: сидѣть такъ — скучно, а танцовать я не могу.

— Это почему?

— Я говорила уже вамъ, *ma tante*, — ноги болятъ...

— Вздоръ все, притворство!

— Однако почему-же это не можетъ быть и правда? изъ одного только желанія сказать что-нибудь противное сестрѣ, неожиданно заступилась за Таню Лизавета Петровна.

— Она и безъ того старается все по своему дѣлать, а ты еще за нее заступаешься! вполголоса фыркнула Никольцева.

— Прелесть какой цвѣтъ! сказала Зинаида, развертывая принесенный Васьковымъ кусокъ матеріи; — *N'est-ce pas, Пётръ Александрычъ? Ma tante a beaucoup de goût?* ¹⁾.

— *Cela doit faire une jolie robe* ²⁾, отвѣтилъ ей Васьковъ.

— Марко, замѣтила Голубцова; — а дорого? спросила она сестру.

— Право, не знаю, небрежно проговорила та: — я велѣла на счетъ поставить.

— А тамъ и припишутъ, рѣшила Лизавета Петровна.

— *Ma tante*, мы ѣдемъ къ Мерчанскимъ? перебила Зинаида. — Таня говоритъ, что приглашенія вы еще не получили.

— Это Татьяны Михайловны не касается: ей ѣхать не угодно! раздражительно отвѣтила Ольга Петровна (противорѣчій она не терпѣла).

— Отчего, Таня?

— Ты знаешь, что у меня нога болитъ.

— Въ танцахъ это пройдетъ! замѣтивъ, что Зинаида надулась, сказалъ Васьковъ.

— Я не такая до нихъ охотница, чтобы они могли меня излечивать! возразила Татьяна.

— Капризы, *ma chère*, обратилась Никольцева къ Зинаидѣ: — не стоить и вниманія обращать! Посмотри лучше, какъ отдѣлали мнѣ въ Петербургѣ мой прежній, заброшенный браслетъ, и разстегнувъ его, она передала его племянницѣ.

— Какъ просто и какъ мило!

¹⁾ Неправда-ли Н. А.: у тетки моей много вкуса?

²⁾ Изъ этого выйдетъ хорошенькое платье.

— Il paraît que cela vient de Boutz ¹⁾ замѣтилъ Вальховцевъ.

— Конечно!—Ты что, Татя, все молчишь? вдругъ придралась Ольга Петровна.—Qu'avez vous sur le coeur? ²⁾.

— Rien, ma tante.

— Она ужасно скрытна, cousin, обратилась она къ Валеріану;—n'est-ce pas que c'est un grand défaut? ³⁾.

— Смотря потому,--въ чемъ: съ нѣкоторыми скрытность не мѣшаетъ!

— Я не согласна съ вами и по праву тетки, хотя и двоюродной, говорю племянницѣ, что это—порокъ, въ особености съ родными!

Вальховцевъ всталъ и началъ раскланиваться.

„Красавица!“ думалъ онъ, сидя въ возкѣ и вспоминая Зинаиду: „Бойкая дѣвушка!.. А кажется, что тутъ мѣсто-то ужъ занято! Какъ пріѣхалъ этотъ „вьюнъ“ (Валеріанъ самъ того не замѣчалъ, что кличку эту онъ выговорилъ съ нѣкоторымъ озлобленіемъ),--такъ она, словно ножомъ отрѣзала: словечка не сказала! Да и тетушка тутъ маклерить!—Ну, да Господь съ ними!“ рѣшилъ онъ, откидываясь на уголъ возка и поправляя разошедшіяся полы бекеша, но несмотря на это рѣшеніе, во всю дорогу, вертѣлась передъ глазами у Валеріана эффектная фигура Зинаиды.

XXII.

Какъ ни хотѣлось Вальховцеву побывать, до открытія сѣзда, въ „Инкинѣ“, но непредвидѣнные обстоятельства задержали его: повѣренный Валеріана вернулся изъ Москвы только на-дняхъ: находившіяся у него деньги были въ процентныхъ бумагахъ, которыя надо было размѣнять для погашенія оставшихся въ Петербургѣ долговъ; отъ князя Комельскаго Валеріанъ получилъ весьма любезное приглашеніе на обѣдъ въ „Голубки“, 25-го числа; нѣкоторые визиты еще не были окончены.

Наканунѣ княжескаго обѣда, въ десять часовъ утра, когда Вальховцевъ, еще не совсѣмъ одѣтый, пилъ чай.

¹⁾ Это кажется работы Бутца?

²⁾ Что у тебя на сердцѣ?

³⁾ Не правда-ли, это большой недостатокъ?

Андрей доложилъ ему, что помѣщикъ Ржаницынъ желаетъ его видѣть. Валеріанъ наскоро одѣлся и вышелъ въ гостиную. Человѣкъ лѣтъ пятидесяти, небольшого роста, коренастый, съ подстриженной сѣдовой бородой и свинными глазками, съ росомаховой шапкой въ рукѣ, разсматривалъ висѣвшія на стѣнахъ гравюры. При появленіи хозяина, онъ тотчасъ-же отрекомендовался и сѣлъ.

— Извините, Валеріанъ Николаичъ, что рѣшился беспокоить васъ, началъ заискивающимъ тономъ Ржаницынъ,—но, услышавъ, что вы назначены членомъ отъ правительства и, нѣкоторымъ образомъ состоя прежде въ хорошихъ отношеніяхъ съ вашимъ покойнымъ батюшкой, я счелъ за пріятный долгъ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе...

— Очень благодаренъ, Василій Ѳеодорычъ, поклонился Вальховцевъ.

— Сердечно порадовался я за всѣхъ насъ, дворянъ молодой человѣкъ, думалось мнѣ, съ высшимъ образованіемъ, съ высокими стремленіями, дѣятельный... вдобавокъ еще помѣщикъ, не какой-нибудь чиновникъ, поддержитъ нашего брата-дворянина.

— Позвольте, перебилъ его Валеріанъ, весьма недовольный такою грубою лестью, вы надавали мнѣ столько качествъ, и притомъ незаслуженныхъ, что право я не знаю, какъ и понимать ваши слова...

— Помилуйте, съезжился Ржаницынъ,—все что я сказалъ—сущая правда, весь городъ говоритъ то-же...

— Что вамъ угодно? съ небольшимъ нетерпѣніемъ спросилъ его молодой человѣкъ.

Гость встрепенулся.

— У меня, изволите видѣть, въ К мѣ сѣздѣ, дѣло есть... 28-го числа слушаться будетъ...

Вальховцевъ кивнулъ головой.

— Оно было уже рѣшено въ здѣшнемъ сѣздѣ, не въ мою пользу, но вслѣдствіе поданной мною жалобы, за несоблюденіе нѣкоторыхъ формальностей, опредѣленіе сѣзда кассировано губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ съ тѣмъ, чтобы, не стѣсняясь прежнимъ, постановлено было новое рѣшеніе.

Не о немъ-ли говорилъ мнѣ Платонъ Александрычъ

Лиманскій? перебилъ его Валеріанъ.—Короткую землю въ надѣль отдали... кажется что-то въ этомъ родѣ?

— Именно-съ.

— Вы тогда проиграли дѣло?

— Еще-бы не проиграть! Доложу вамъ по секрету, Валерьянъ Николаичъ: тяжелое нынче время для нашего брата-помѣщика! Все наровятъ, какъ-бы мужику льготу дать, а помѣщика обвинить, послѣдняго достоянія лишить. Сами извольте разсудить: теперь я тридцать лѣтъ по грошамъ, крохами можно сказать сколачивалъ состояніе (онъ приложилъ руку къ груди), чтобы дѣтямъ что-нибудь оставить, а тутъ вдругъ отнимають—и кто же? свой-же братъ—вѣдь это обидно!—Господинъ Яблонскій, предшественникъ вашъ, отъ котораго все дѣло пошло, злобу на меня имѣлъ, сбиль съ толку Амосова и Васькова.

— Предводитель на вашей сторонѣ былъ?

— Да-съ. Платонъ Александръчъ—человѣкъ справедливый, благородный, да что онъ одинъ съ Шахматовымъ могъ сдѣлать? Г. Яблонскій на счетъ бумажной части дока былъ, ну опять-же большинство на его сторонѣ. Такъ Платонъ Александръчъ и отступились.—Я надѣюсь, что вы, Валеріанъ Николаичъ, (Ржаницынъ всталъ и протянулъ руку молодому человѣку), не дадите въ обиду помѣщика и рѣшите дѣло въ мою пользу?

— Но я не вполне ознакомленъ съ вашимъ дѣломъ... До засѣданія еще три дня осталось.

— Помилуйте: тутъ и знакомиться нечего... дѣло правое, честнымъ словомъ дворянина завѣряю васъ... Вотъ извольте взглянуть (гость полѣзъ въ боковой карманъ, досталъ оттуда толстый пакетъ и сталъ разбираться въ бумагахъ): это планъ геометрическаго спеціального межеванія, учиненнаго въ 1846 году... (онъ началъ читать картушъ)...

— Да вѣдь это мы все въ сѣздѣ разберемъ, замѣтилъ Вальховцевъ.

— Оно точно съ... Мнѣ хотѣлось только разсказать вамъ въ общихъ чертахъ сущность дѣла... Изволите видѣть: у меня и супруги моей Лизаветы Ивановны эти вотъ дачи (Ржаницынъ указалъ на планъ), Тимохино и Лисиха, смежныя; въ Тимохинѣ поселены мои крестьяне, въ количествѣ двадцати шести повытковъ; желая имѣть болѣе земли, они

кортомили у супруги моей изъ Лисихи еще на четыре по-
вытка,—вѣдь понятно съ?

Валеріанъ утвердительно кивнулъ головой.

— Какъ пришлось уставную грамоту писать, мужики и стали требовать этой-то кортомной земли въ надѣлъ; я это имъ и говорю: нельзя этого, мои милые, сдѣлать: земля Лизаветы Ивановны, дарить ее вамъ она не желаетъ, а по положенію вы на нее права не имѣете, потому она—кортомная. Ну, извѣстно во всякой деревнѣ есть эти, такъ называемые коноводы, опаснѣйшіе люди, доложу вамъ. И подбей они всю сходку говорить, что будто я изъ двадцати шести повытковъ сдѣлалъ тридцать, для чего и прирѣзалъ имъ изъ земли Лизаветы Ивановны четыре повытка! Какъ ни убѣждалъ я ихъ—ничего не вышло; стоятъ на своемъ, однихъ коноводовъ слушаютъ. Сходка—вѣдь что стадо барановъ: кто поголосистѣе—тотъ matka всему и есть. Дошло дѣло до посредника; не внялъ онъ моимъ доводамъ, рѣшилъ въ пользу крестьянъ: не кортомная, говоритъ, земля—и баста! Я въ мировой съѣздъ...

— Съѣздъ согласился съ мнѣніемъ посредника, подсказалъ Вальхоцевъ; ему сильно надоѣлъ Ржаницынъ, да и часовая стрѣлка показывала уже безъ четверти одиннадцать.

— Да съ какъ я вамъ докладывалъ. Вотъ и просьба моя въ мировой съѣздъ, въ которой я кажется весьма обстоятельно изложилъ незаконность притязаній крестьянъ и дѣйствія посредника. Сובлаговолите просмотрѣть.

Ржаницынъ подалъ Валеріану тетрадь, по крайней мѣрѣ въ пять листовъ.

— Теперь мнѣ некогда, ужъ съ нѣкоторою сухостью, сказалъ ему Вальховцевъ,—и наконецъ на съѣздѣ она должна-же будетъ читаться.

— А вотъ и копія съ прошлаго постановленія, разбилъ бумаги гость,—письмо крестьянъ деревни Толстякова,—это документъ важный, доложу вамъ,—будьте добры обратить на него вниманіе.

— Вы можете быть увѣрены, что ни одна, самая пустая, бумажка не минуетъ моихъ рукъ: я не привыкъ служить спустя рукава.

Валеріанъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ; Ржаницынъ не на шутку начиналъ бѣсить его.

— Вы вѣроятно ранѣе полудня изъ дома не выѣдете, такъ что я еще успѣю объяснить вамъ...

— Мнѣ очень жаль, перебилъ его, испуганный подобной перспективой, Вальховцевъ,—что я не могу подробнѣе познакомиться съ вашимъ дѣломъ, но мнѣ въ одиннадцать часовъ надо быть въ банкѣ для разясненія весьма важнаго для меня обстоятельства.

— Я не задержу васъ, Валерьянъ Николаичъ,—мнѣ хочется только доказать вамъ справедливость моего иска. Посмотрите: вотъ еще письмо крестьянъ деревни Ивановскаго, показанія стороннихъ людей, показаніе моего бывшаго старосты...

— Все это очень хорошо: въ сѣздѣ прочтутся эти документы...

— Такъ я могу надѣяться? не совсѣмъ охотно, поднимаясь съ кресла, спросилъ Ржаницынъ.

— Это моя обязанность прочитывать и принимать всевозможныя доказательства.

— Конечно съ... Но я собственно на счетъ вашего мнѣнія...

— Какого мнѣнія? удивился Вальховцевъ.

— Касательно моего дѣла... Поддержите-ли вы меня?

— Вопросъ вашъ весьма страненъ: вы стало-быть допускаете во мнѣ возможность отнестись къ дѣлу съ взятою мыслью поддержать ту или другую сторону?

— Помилуйте-съ! съежился Ржаницынъ,—я и въ мышленіи того не имѣлъ...

— Да какъ-же вы не имѣли, когда такъ таки прямехонько просите моей поддержки?

— Я надѣялся, что объясненія мои достаточно уже убѣдили васъ въ правотѣ моего дѣла...

Мнѣніе мое составитъ тогда, когда я узнаю его во всѣхъ подробностяхъ; теперь-же я ничего не могу сказать.

— Но вѣдь я доказывалъ вамъ, не отставалъ отъ молодого человѣка Ржаницынъ,—честнымъ словомъ дворянина завѣрялъ васъ въ справедливости моего иска?

— Вы можете ошибаться... Въ своемъ дѣлѣ трудно быть безпристрастнымъ судьей...

— Такъ имѣю честь засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, съ вытянутымъ лицомъ проговорилъ гость, напра-

вляясь къ передней.—Сдѣлайте милость не беспокойтесь, остановилъ онъ провожавшаго его хозяина.—Такъ ужъ я въ надеждѣ буду, пилилъ Валеріана Ржаницынъ, навязывая шарфъ и надѣвая шубу,—я—человѣкъ небогатый, поддержки не имѣю...

„Унесло наконецъ!“ полной грудью вздохнулъ Вальховцевъ, когда дверь затворилась за гостемъ.—Ради Бога, не принимай ты этого господина! обратился онъ къ Андрею и велѣлъ подавать завтракъ.

А Ржаницынъ, крайне недовольный, отправился по разнымъ центрамъ сплетни, рассказывать о новомъ членѣ отъ правительства и къ обѣду полгорода уже знало, что Вальховцевъ—величайшій гордецъ, эгоистъ и заклятый врагъ дворянскихъ интересовъ.

XXIII.

Окончивъ дѣла въ банкѣ, Валеріанъ, часа въ два, заѣхалъ къ Никольцевой; тамъ засталъ онъ Мячикова, о которомъ говорилъ ему Молчановъ, молодого, недурненькаго чиновника,—сироту съ капитальцемъ, Зинаиду и Таню Карелову. Хозяйка, въ бѣломъ *déshabillé* ¹⁾, отдѣланномъ розовыми бантами, въ весьма граціозной позѣ полулежала въ будуарѣ, на низенькомъ диванчикѣ. Около нея сидѣла Зинаида: Карелова помѣщалась немного поодаль на козеткѣ, а Мячиковъ ходилъ по комнатѣ.

— *Je suis souffrante comme vous voyez* ²⁾, томно протянула Ольга Петровна, когда Вальховцевъ поздоровался и сѣлъ;—впрочемъ сама виновата: до трехъ часовъ ночи читала.

— Что нибудь интересное?

— Напротивъ: очень сухую и серьезную вещь *mais quand on n'est plus jeune, quand on est mère* ³⁾... (Никольцева выгнула шею и, гримасничая, взяла со столика книгу и подала ее Валеріану). Вгляните.

— „*Maintenon... lettres sur l'éducation des filles*“ ⁴⁾, про-

¹⁾ Утреннее платье.

²⁾ Мнѣ нездоровится, какъ видите.

³⁾ Но когда уже не молода, когда сдѣлалась матерью.

⁴⁾ *Maintenon*—писма о воспитаніи дѣвицъ.

челъ онъ обертку и чуть не разсмѣялся, замѣтивъ насмѣшливое лицо Зинаиды.

— Это вещь довольно старая.

— Я положила себѣ правиломъ перечитать, по возможности, все написанное о воспитаніи.

— Задача не легкая.

— Но необходимая, по моему, для тѣхъ, у кого есть дочь..

(Ольга Петровна переглянулась съ Мячиковымъ, который тотчасъ-же подсѣлъ къ Кареловой; Валеріанъ этого не замѣтилъ).

— Вы были, ma tante, вчера у Машиныхъ? спросила Зинаида.—Говорятъ c'était une soirée brillante ¹⁾...

— Ужъ и brillante,—не думаю; у Машиныхъ ни малѣйшаго нѣтъ умѣнія анимировать общество. Я впрочемъ не была; ты знаешь, какъ я мало выѣзжаю... только для васъ... Теперь я вся въ моей дочери; въ мои года il faut être mère avant tout ²⁾. Я не могу рѣшиться отдать ее на руки какой нибудь гувернанткѣ, а тѣмъ болѣе боннѣ, какъ многія матери это дѣлаютъ. Вотъ теперь и учусь... Да и потомъ, что для меня свѣтъ! Онъ такъ черствъ, такъ пустъ... Où peut on être mieux qu'au sein de sa famille! ³⁾.

— А вы что-то не въ духѣ сегодня, Зинаида Александровна, замѣтилъ Вальховцевъ.

— Почему это вамъ такъ кажется?

— День на день не приходится! усмѣхнулась Никольцева.

— Ко мнѣ это не относится, ma tante: у меня всѣ дни равны.

— Такъ-ли, такъ-ли? погрозила ей пальцемъ тетка.— Nous en savons quelque chose! ⁴⁾.

— Vous ne savez rien, ma tante! ⁵⁾.

— Ну, ну...

— Жаль, что вы незнакомы съ Мерчанскими, обратилась къ Валеріану Зинаида,—мы-бы потанцовали съ вами третьяго дня.

¹⁾ Это былъ блестящій вечеръ.

²⁾ Надо быть матерью прежде всего.

³⁾ Гдѣ можетъ быть лучше какъ не въ своей семьѣ!

⁴⁾ Мы кой что знаемъ!

⁵⁾ Вы ничего, тетушка, не знаете!

— Что касается кавалеровъ, вы вѣроятно недостатка въ нихъ не имѣли...

— Напротивъ: танцующихъ было мало, а кто и былъ— танцоры незавидные; съ нѣкоторыми пускаться не всегда безопасно.

— Даже и м-г Васьковъ?

— Почему назвали вы именно его?

— Потому, что мнѣ казалось, что онъ-то и долженъ быть танцоръ превосходный.

— На основаніи какихъ данныхъ?

— На основаніи его свѣтскости, легкости и бойкости.— Сергѣй Николаичъ, обратился Валеріанъ къ Мячикову,—какъ вы думаете о хореграфическомъ талантѣ м-г Васькова?

— Ahъ laissez-le! ¹⁾ значительно улыбаясь и гримасничая, сказала Никольцева.—Какъ вы недогадливы! вполголоса добавила она и фамиллярно хлопнула молодого человѣка по рукъ кистью своего кушака.

Татьяна вспыхнула и пересѣла на диванъ.

— О чемъ вы меня спрашивали, Валерьянъ Николаичъ? отозвался Мячиковъ.

— Ни о чемъ... пустяки! не дала отвѣтить Ольга Петровна.—Ты что, Таня, разсердилась? прищурилась она на племянницу.

— На что, ma tante?

— Пе-ре-сѣла!

— Я хочу принять участіе въ общемъ разговорѣ

Никольцева ласково погрозила ей пальцемъ.

— Nous comprenons, nous comprenons ²⁾, говорила она, качая головой.—Взбудили голубковъ! снова шепнула она Вальховцеву.

Въ дверяхъ гостиной появился Молчановъ.

— Алексѣй Александрычъ, милости просимъ! завидя его, пригласила Никольцева.—Все свои!

Молчановъ пожалъ руку хозяйки и поздоровался съ присутствующими.

— Souffrante de nouveau ³⁾ обратился онъ къ ней.—Вотъ что значить читать такіа назидательныя книги, какъ

¹⁾ Оставьте его!

²⁾ Мы понимаемъ, мы понимаемъ.

³⁾ Снова больны.

письма „Maintenon“ и прочих; вѣроятно до глубокой ночи этимъ занимались?

— До трехъ часовъ! улыбнулась Ольга Петровна.

— И вы думаете, что чтеніе это полезно?

— А то какъ-же? Une rareille célébrité! ¹⁾.

— Célébrité, но отжившая и наставленія ея намъ не годятся... Не разсердитесь, Ольга Петровна, но вѣдь всѣ эти чтенія—мода и больше ничего!

— Ну, да вы извѣстный зоиль!—Были вы вчера у Машиныхъ?

— Нѣтъ; я предпочелъ партію пикета въ клубъ.

— А вы гдѣ провели вчерашній вечеръ, спросила Валеріана Голубцова.

— То-же въ клубъ; совершенно случайно поужинали тамъ, en petit comité ²⁾... Былъ тамъ и Сергій Николаичъ.

— А вы мнѣ и не сказали, укоризненно замѣтила Мячикову Никольцева:—вѣроятно кутили?

— Былъ грѣшокъ, но не грѣхъ, отвѣтилъ Мячиковъ.

— Пре-красно! И скрываться отъ своей petite mère! Васъ надо въ уголъ поставить!

— И непременно на колѣни! вставилъ, смѣясь, Молчановъ.

— Почему на колѣни? спросилъ Мячиковъ.

— Потому, что дѣтей всегда ставятъ на колѣни! отвѣтилъ Алексѣй Александровичъ.

Зинаида и Татьяна, съ улыбкой переглянулись.

— Сынокъ просить прощенія: ручку вашу! какъ ни въ чемъ не бывало, обратился Мячиковъ къ хозяйкѣ.

— Не стойте... но такъ и быть, въ послѣдній разъ! И Никольцева подала ему руку такъ, какъ это дѣлають театральныя королевы.

— Воображаю, что за разливанное море будетъ завтра въ „Голубкахъ“ и сколько полумертвыхъ тѣлъ, изъ сліянныхъ сословій, будетъ отвезено въ разные дома г. К.! замѣтилъ Молчановъ.—Вѣдь, какъ я слышалъ, разослано до ста приглашеній... Мой лакей Платошка очень оскорбленъ, что не приглашенъ: „помилуйте: мой двоюродный братъ Сенька, сапожникъ, приглашенъ и только потому, что теперь у него

¹⁾ Такая знаменитость!

²⁾ Дружеское собраніе.

лавка и онъ записанъ въ мѣщане, а вѣдь такой-же „сипакъ“ какъ и я!“.

— Ты будешь у князя? спросила Валеріана Карелова.

— Буду. Вы сегодня пріѣхали?

— Въ одиннадцать часовъ... Вечеромъ не заѣдешь къ намъ?

— Желалъ-бы; да когда вы дома будете?

— Папа пріѣдетъ къ семи часамъ: въ восемь у него засѣданіе у губернатора; ну и я съ нимъ пріѣду.

— Прекрасно; итакъ въ восемь часовъ я буду у тебя, Таня.

Валеріанъ всталъ и сталъ прощаться.

— Vous êtes bien heureux ¹⁾, вполголоса пробормотала ему Зинаида,—а мы на цѣлый день сюда присланы!

— Vous aurez m-g Мячиковъ, pour vous dévertir! ²⁾.

Зинаида скорчила презрительную гримаску, а въ это время Ольга Петровна уже рѣшила, что Сергѣй Николаевичъ останется обѣдать и пробудетъ у нея весь день, безъ всякихъ разсужденій.

„Странная исторія“, думалъ Вальховцевъ дорогой,—„въ городѣ говорятъ, что Никольцева для себя подцѣпила этого „вьюношу“, а между тѣмъ, сколько я могъ замѣтить, протежируетъ склонности Татьяны; неужели эта милая, добрая дѣвушка влюбилась, да еще въ такое кислое, розовое существо?“.

Въ четверть десятого, Вальховцевъ позвонилъ у дома Карелова, къ большому удовольствію Тани. Она была одна; Михаилъ Павловичъ отправился уже въ засѣданіе.

— А гдѣ-же твоя горничная Катя?

— Отправлена къ портнихѣ; самоваръ ставилъ дворникъ, такъ какъ кучера послалъ куда то папа. Пойдемъ въ столовую; тамъ самоваръ уже кипитъ и я, зная твою аккуратность, даже чай заварила. А это что за корзина?

— Я не только аккуратенъ, Таничка, но и памятливъ: я вспомнилъ прошлое и догадываясь, что сегодняшній вечеръ ограничится для тебя чаемъ съ булкой, привезъ тебѣ кое-что съѣдобное.

¹⁾ Вы очень счастливы.

²⁾ У васъ будетъ г. Мячиковъ для вашего развлечения!

— Merci, голубчикъ! Наливать тебѣ чай?

— Нѣтъ, подожди: разберемъ сперва корзину... Кажется, хотя и три года прошло, но вкусъ твой я не забылъ: вотъ жареные, хотя и холодные, рябчики, копченый сигъ, зернистая икра и... ну, отгадай! Онъ показалъ бутылку въ бумагѣ.

— Сними обертку и я отгадаю.

— Какая ты однако хитрая! Нѣтъ, ты такъ отгадай.

Таня подумала немного.

— Неужели ланинская вода? весело спросила она.

— Да, и даже грушевая.

— Какой ты милый, Валя! Не думала я, что ты такъ порадуешь меня!

— Ручку!

— Вотъ тебѣ двѣ и давай ужинать.

Валеріанъ поцѣловалъ ея обѣ руки и они усѣлись.

— Съ чего начнемъ? спросила дѣвушка.

— Это твое дѣло...

— Хочешь водки? У насъ есть.

— Не хочу... Начнемъ съ икры?

— Прекрасно: потомъ рябчики... жаль только, что салата никакого нѣтъ.

— А тебѣ хотѣлось-бы брусничнаго варенья?

— Мало-ли что, да его нѣтъ!

— А это что? вынувъ изъ корзинки фунтовый горшочекъ, Валеріанъ подалъ его.

— Ты фокусникъ, просто фокусникъ!

— Фокусы мои еще не кончены; и онъ пошелъ въ переднюю.

— Еще что-нибудь привезъ?

— Привезъ: и онъ поставилъ на столъ полбутылки шампанскаго.—Будетъ съ насъ...

— И балуешь-же ты меня!

— Столько-же,—сколько и себя... А ты забываешь, что я тебя три года не видалъ--надо-же встрѣчу, какъ всегда водится, вспрыснуть шампанскимъ!

И веселые кузены приступили къ ужину.

— Ну, какъ живешь, Таня? послѣ паузы, спросилъ Вальховцевъ.—Сердчишко твое свободно?

— Вполнѣ!

— А мнѣ показалось будто-бы нѣтъ!

— Это ты на Мячикова намекаешь? разсмѣялась дѣвушка.

— Да; онъ все около тебя вертится.

— Посылають—вотъ и вертится.

— Кто, тетка?

— Кому-же больше?.. Я—вѣдь не совсѣмъ глупа, понимаю, что изъ меня дѣлають ширмы! Вотъ почему мнѣ всегда противно посѣщеніе тетушкина дома: постоянныя насмѣшки, двусмысленныя слова, бросающія меня въ жаръ, то сладкія рѣчи, то издѣвательства! Ыздишь по неволѣ... Отцу хочется, чтобы я вертѣлась въ свѣтѣ такъ-же, какъ Зинаида—изъ самолюбія, а мнѣ гораздо пріятнѣе сидѣть въ „Плоскомъ“, читать, работать, заниматься съ дѣтьми... Нѣтъ. Валя, такія личности какъ Мячиковъ, Васьковъ и имъ подобныя не разшевелиятъ мое сердчишко! Меня можетъ привлечь человѣкъ, но не кукла, хотя-бы и блестящая!—Ну, будь здоровъ, Валя, и спасибо за дружбу! чокнулась съ нимъ дѣвушка.

— Дай тебѣ Богъ счастья, дорогая моя! поцѣловаль Вальховцевъ руку кузины.—А какъ относится къ тебѣ отецъ?

— Онъ любитъ меня и балуетъ безспорно, но любовь его не глубокая... По моему, онъ мало знаетъ женское сердце. Желая доставить мнѣ, какъ онъ думаетъ, удовольствіе—онъ часто дѣлаетъ противное; чтобы не оставлять меня одну въ домѣ, онъ отвозитъ меня къ теткамъ, у которыхъ мнѣ всегда скучно и даже тяжело. Самъ онъ конечно этого не замѣчаетъ; желая выдвинуть меня, онъ старается какъ можно чаще посылать меня на вечера и разныя увеселенія. Правда, тутъ больше хлопочетъ тетка, такъ какъ въ ея года нельзя уже разыгрывать молоденькую женщину—она и прикрывается тѣмъ, что вывозитъ меня и Зину; „je dois charaponner mes nièces¹⁾—имъ, бѣдненькимъ, не съ кѣмъ и выѣхать: у Тани—матери нѣтъ, а у Зины, хотя и есть,—никуда почти не ѣздитъ!—Я отдыхаю только лѣтомъ... Хотя и лѣтомъ посѣщаютъ насъ въ „Плоскомъ“, но довольно рѣдко и не всѣ...

— А дядя не скупъ?

— Нѣтъ; онъ аккуратенъ и на пустяки денегъ не дастъ.

¹⁾ Я должна провожать въ общество.

Ужъ какъ приступаютъ къ нему Аня Ефимьева и Ольга Петровна, чтобы онъ перемѣнилъ въ городскомъ домѣ и въ „Плоскомъ“ допотопную мебель—не сдается! На мой туалетъ даетъ теткѣ деньги безпрекословно и кажется, что тетушка при этомъ кой-что наживаетъ! размѣялась дѣвушка.

— Съ Ефимьевой ты хороша? *

— Очень; Аня взбалмошна, но добра, не фальшива и всѣхъ насъ любить... Хозяйка она прекрасная и отецъ ее высоко цѣнитъ. Сесиль, французенка, тоже хорошая дѣвушка и къ дѣтямъ привязана; учительница—нѣсколько чопорна.—Валя, послѣ паузы, спросила Карелова—ты на Михалковскій съѣздъ мимо насъ будешь ѣздить?

— Возвращаться буду изъ Михалкова.

— И будешь останавливаться у насъ?

— Если примите...

— Мы гостепріимны, начиная съ отца... Да онъ тебя и любить... Послѣ того, какъ ты былъ у него въ присутствіи, онъ очень хвалилъ тебя Аннѣ, а та въ свою очередь еще болѣе!

— А посѣщаетъ тебя Голубцова? Вѣдь вы кажется дружны?

— Посѣщаетъ. Лѣтомъ по нѣсколько дней живетъ... скучно ей дома. Мы дружны; кромѣ родства, насъ связалъ институтъ: семь лѣтъ вѣдь мы прожили вмѣстѣ.

— А Петя Ефимьевъ?

— Бываетъ, но не часто: не любитъ онъ и сестру свою и отца моего... Жалкій онъ, Петя! Изъ него могъ-бы выйти талантливый артистъ, а его чиновникомъ сдѣлали, вопреки его желанію. Отсюда озлобленность, дурная среда, безшабашная жизнь... А малый онъ, отъ природы, добрый.

— Да, среда, въ которой онъ вращается, должно быть неважная! Мнѣ говорили, что еслибы не родные—губернаторъ ни минуты не держалъ-бы его около себя.

— Сохрани Господи: тогда онъ окончательно пропадетъ!

— А я къ тебѣ съ просьбой, Таня, помолчавъ, сказалъ. Вальховцевъ:—можно мнѣ завтра, за обѣдомъ князя, быть твоимъ кавалеромъ?

— Еще-бы! съ радостію отвѣтила дѣвушка.—Я сама хотѣла предложить тебѣ, да...

— Ну что „да“? Думала, что я уже кѣмъ нибудь приглашенъ?

— Могло быть... да и неловко навязываться, застѣнчиво сказала Карелова.

— Если ты хочешь, Таня, чтобы мы были друзьями— брось эти китайщины: я человѣкъ прямой, безъ свѣтскихъ коклюшекъ.

Посидѣвъ еще съ часокъ, Валеріанъ простился съ кухней и отправился домой.

XXIV.

Огромный, двухэтажный, каменный домъ уже сіялъ огнями, когда, въ назначенный день, Вальховцевы: Александръ Семеновичъ съ дочерью и племянникомъ (Валеріанъ заранѣе просилъ дядю взять его съ собой и представить княгинѣ), подѣхали къ крыльцу, обтянутому полосатымъ тикомъ. Въ просторныхъ, ярко освѣщенныхъ сѣняхъ, лѣпной потолокъ которыхъ поддерживался двумя рядами четырехугольныхъ, съ каннелюрами, столбовъ, прѣзжихъ встрѣтилъ швейцаръ въ ливреѣ и лакеи въ штиблетахъ. Оправивъ свой туалетъ, въ нарочно отведенной для того комнатѣ, дядя съ дочерью и племянникомъ, по широкой, устланной ковромъ и уставленной растеніями, лѣстницѣ поднялись на большую площадку, съ чучелами медвѣдей въ нишахъ, державшими въ лапахъ изящныя карсели, и группами поморанцевыхъ и лавровыхъ деревьевъ въ углахъ; теплая, насыщенная куреніями, атмосфера тотчасъ-же охватила ихъ; людской говоръ, шумъ шаговъ и шелестъ дамскихъ шлейфовъ сливались въ неясный гулъ; за дверями обѣденнаго зала звенѣли серебро и хрусталь, слышалась торопливость, хлопали откупориваемыя пробки, Александръ Семеновичъ пріотворилъ дверь и глазамъ Валеріана представился огромный, залитый огнемъ залъ съ роскошно сервированнымъ столомъ, изящною эстрадой для оркестра и массой снующихъ лакеевъ.

— Недурно, оглядѣвшись, снисходительно замѣтилъ ех-губернаторъ:—напоминаетъ минувшее время!

— Даже чересчуръ хорошо, возразилъ молодой человѣкъ.

— По моему, буржуазно... Впрочемъ: сліяніе сословія! вставила подошедшая Ольга Николаевна.

— А Пьеръ гдѣ? спросилъ Александръ Семеновичъ, здороваясь.

— Съ княземъ въ библіотеку пошли... Мы уже полчаса какъ пріѣхали. А Софи что?

— Опять мигрень! махнулъ рукой предводитель.

— Очень мнѣ твое платье нравится, Маня... съ большимъ вкусомъ.—Ну а вы, мой племянникъ, скоро и на службу?

— Послѣ завтра, *ma tante*.

— Визиты кончилъ?

— Почти всѣ.

— Нравится тебѣ губернаторъ?

— Очень. Если я не ошибаюсь, это человѣкъ, съ которымъ пріятно будетъ служить.

— Радуюсь... Когда-же ты къ намъ?

— Постараюсь выбрать время, но эти двѣ недѣли я буду въ разъѣздахъ.

— Во всякомъ случаѣ твой приборъ всегда будетъ готовъ; помни: въ четыре часа.

— Ты зачѣмъ здѣсь въ аванзалѣ? спросилъ Александръ Семеновичъ.

— Вызывала выѣздного кой-что приказать.

Они вошли въ „боскетную“, гдѣ толпилась разнокалиберная толпа: дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, людей разныхъ профессій, явно томившихся скукой и ожиданіемъ закуски. Большая часть этого общества не переступала порога гостиной и только съ любопытствомъ разглядывала собравшійся тамъ цвѣтъ К—ской аристократіи. Рѣзкая черта раздѣляла эти два мірка: по сю сторону порога—мужской элементъ, русская рѣчь, мѣщанская непринужденность; за нимъ—царство женщинъ, французскій языкъ, слащавая холушьность. На одномъ только сходились эти два разобщенные лагерь: одинаково завидовали они богатству хозяина, одинаково злословили и его и его зятѣ!

Князь Григорій Григорьевичъ, съ выраженіемъ полного самодовольства на лицѣ, встрѣтилъ Вальховцевыхъ и затѣмъ, дружески взявъ Валеріана подъ руку, повелъ его въ прилегавшій къ гостиной зимній садъ, представить хозяйкѣ. Княгиня сидѣла подъ великолѣпной латаніей, окруженная нѣсколькими дамами и дѣвицами; это была красивая, лѣтъ

тридцати съ чѣмъ-то, брюнетка, очень симпатичная, но и только.

Продѣлавъ все, что въ данномъ случаѣ требовалъ этикетъ, князь пригласилъ молодого Вальховцева „jetter un petit coup d'oeil“ ¹⁾ на обѣденный залъ.—„Вы конечно знаете Л., ce fameux violoniste“ ²⁾, выслушавъ докладъ maître d'hôtel'я, сказалъ Комельскій:—ну, такъ онъ сегодня даетъ у меня une soirée musicale ³⁾... Я нарочно вызвалъ его, pour faire plaisir à Nadine... Il faut vous dire qu'elle raffole de la musique ⁴⁾... Конечно cela me coute, comme vous le pensez, но Л. въ К.—c'est chik morbleux!“ ⁵⁾.

Валеріанъ промолчалъ.

— Онъ обновить мою театральную залу, лепеталъ князь;—les bourgeois d'ici feront de grands yeux ⁶⁾, увидя, что я сдѣлалъ изъ этой bicoque, que jadis ils se permettaient d'appeler le palais ⁷⁾ de „Голубки“!... А propos: j'ai une idée ⁸⁾... мнѣ надоѣло ce nom trivial de „Голубки“... Я хочу назвать „Григоріополь“... Есть-же Константинополь, Адрианонополь—pourquoi ne pas avoir au district de К. un Григоріополь? ⁹⁾.

Къ князю кто-то подошелъ и Валеріанъ поспѣшилъ воспользоваться этимъ, чтобы пойти отыскать кой-кого изъ знакомыхъ, какъ вдругъ на поворотѣ въ гостиную снова встрѣтился съ теткой Ольгой Николаевной, конвоируемой губернаторомъ.

— Bonjour! щелкнувъ шпорами и протянувъ руку молодому человѣку, любезно отвѣтилъ Бронецкій на его поклонъ;—Quelle magnificence, n'est—ce pas? ¹⁰⁾.

— Un petit palais, excellence! ¹¹⁾.

¹⁾ Бросить взглядъ.

²⁾ Этого знаменитаго скрипача.

³⁾ Музыкальный вечеръ.

⁴⁾ Чтобы доставить удовольствіе Надѣ... Надо вамъ сказать, что она до безумія любить музыку...

⁵⁾ Конечно это мнѣ стоитъ, какъ вы поймете, но Л. въ К.—это шикъ чортъ возьми!

⁶⁾ Здѣшніе жители вытаращатъ глаза.

⁷⁾ Домишко, который они называли дворцомъ.

⁸⁾ Кстати у меня есть мысль.

⁹⁾ Почему нельзя имѣть въ К.—скомъ уѣздѣ Григоріополь?

¹⁰⁾ Какая роскошь, неправда-ли?

¹¹⁾ Маленькій дворецъ, ваше превосходительство!

— И сколько вкуса у князя, прибавила Вальховцева.— Ты видѣлъ княгиню? спросила она племянника.

— Меня представилъ князь... Весьма симпатичная женщина...

— Не правда-ли? сказалъ губернаторъ.—Ничего напыщеннаго, дѣланнаго...

— А вамъ извѣстно, Константинъ Александровичъ, что послѣ обѣда мы будемъ восхищаться віолончелистомъ Л.? спросила Вальховцева.

— Слышалъ, но незнакомъ съ программой концерта.

— Будетъ исполненъ знаменитый „carnaval de Venise“ Паганини, „Венгерскія народныя пѣсни съ варіаціями“—да много что-то, сообщилъ Валеріанъ.

— Ну что вашъ винокуренный заводъ? обратился Бронекій къ подошедшему Петру Семеновичу.—Двигается впередъ?

— Не только движается, но и кипитъ! Я два раза въ недѣлю ѣзжу въ Горшало-во...—Валерьянъ, ты гдѣ же прятался, я тебя и не видалъ еще... Во вторникъ на службу?

— Да, дядя, поздоровался молодой человѣкъ.

— И затѣмъ въ „Залѣсовъ“?

— Второго числа.

— Я попрошу тебя свезти моему управляющему денежное письмо: самъ ѣхать не могу, а довѣрить кому-нибудь изъ людей—боюсь.

— И заѣду къ вамъ на-капунѣ.

— Буду ждать.—А, madame Никольцева съ племянницей...

Валеріанъ направился къ нимъ.

— Votre sante, cousine? ¹⁾ спросилъ онъ, поздоровавшись.

— Merci... un petit malaise et rien de plus ²⁾.

— А вашъ папа, Зинаида Александровна, все въ уѣздѣ?

— Да, врядъ-ли скоро воротится...—Васъ можно пригласить, когда тетка вступила въ разговоръ съ губернаторомъ и Вальховцевой, спросила дѣвушка,—кавалеромъ за обѣдомъ?

Молодой человѣкъ удивился.

¹⁾ Ваше здоровье, кузина?

²⁾ Благодарю... небольшая нервность, стѣсненіе и больше ничего

— Простите... долженъ отказаться!

— Приглашены... кѣмъ? Не секретъ? слегка вспыхнула Зинаида.

— О нѣтъ! Таней...

— Очень сожалѣю! отрывисто сказала Голубцова и отвернулась.

„Что сей сонъ значить?“ подумалъ Валеріанъ, отходя въ разнокалиберную толпу боскетной.— „Почему не Васьковъ?“

— Ты какъ сюда попалъ? остановилъ его Ефимьевъ.— Любопытство одолѣло?

— Попалъ по приглашенію... Я не любопытенъ... да не видалъ я что-ли парадныхъ обѣдовъ...

— Пойдемъ-ка закусить: дѣло будетъ лучше! рѣшилъ Петя.— Обѣдъ еще не скоро, я справки наводилъ... Грѣшный человѣкъ, я ужъ запасаю, но для друга можно повторить.

— Приглашали развѣ?

— Анфанъ! ¹⁾. Да развѣ у насъ Питеръ? Другіе, кто по-смѣлѣе, уже по третьей прошли, безъ всякихъ этикетовъ, потому животики подвело! Здѣсь такъ и знаютъ: вторую, официальную закуску, въ резервѣ держать.—Ну, идемъ что-ли, а то обѣдки только останутся!

— Не пойду.

— Да вѣдь безъ закуски останешься: на официальную не надѣйся—барыни облѣпять!

— Ну и не надо!

— Стыдно что-ли?

— Именно стыдно: развѣ можно изъ семейнаго дома трактиръ дѣлать?

— Не подобаетъ, что и говорить... но дѣло въ томъ, милый другъ, что здѣсь трактиръ съ тѣхъ поръ открытъ, какъ изъ чванства, да ради дурацкаго снисхожденія къ бѣднымъ труженикамъ стали съ борка да сосенки гостей сзывать. А сегодня не то еще будетъ: народу втрое... Посиди до конца и узришь, какъ у князя Сердоба-Комельскаго жрутъ и пьютъ, дорогія сигары десятками таскаютъ, да еще въ амбицію вламываются, что красное кло де вужо, напри-мѣръ, не подается à discrétion! Свиныя народъ!—А, вотъ и самъ Михаилъ Павлычъ съ дочкой жалуется... Что-же это онъ ее съ Никольцевой не отпустилъ?—Однако я испарюсь:

¹⁾ Изуродованное: „enfant“—дѣтя.

вонъ губернаторъ сюда ладить.. Смерть не люблю съ начальствомъ встрѣчаться! и Петя нырнулъ въ толпу.

— Здравствуй, Валеринька! ласково привѣтствовалъ племянника Кареловъ.—Спасибо, что вчера развлекъ мою дочурку: ужъ она такъ довольна!

— Мы съ ней уговорились и сегодня за обѣдомъ сидѣть рядомъ, здороваясь съ обоими, объявилъ Вальховцевъ.— А вы, дядя, не подсядете къ намъ?

— Нѣтъ, голубчикъ, надо поближе къ губернатору—онъ это любить... Замотай это себѣ на усъ...—Однако пойдемъ, Таня,—въ гостиную надо пробираться къ хозяевамъ.

— Ты въ гостиной будешь сидѣть, Таня? спросилъ Валеріанъ.

— Да, а что?

— Чтобы мнѣ не проглядѣть тебя.

Къ Вальховцеву подошли два купца: одинъ помоложе, во фракъ, съ усиками, другой сѣдоватый, съ круглой, стриженной бородой, въ длинномъ сюртукѣ и съ серебряной медалью на шеѣ. Оба отрекомендовались давнишними знакомыми Николая Семеновича.

— Долго я къ вамъ приглядывался, все обознаться боялся, протягивая руку, заговорилъ первый:—мундиръ-то скинули—видъ у васъ сейчасъ ужъ и не тотъ сталъ. Съ прїѣздомъ имѣемъ честь проздравить! Насъ-то вы, надо быть, помнить не изволите!

— Ошибаетесь, пожавъ обоемъ руки, возразилъ Валеріанъ:—г. Власовъ? обратился онъ къ фрачнику; г. Коноплевъ? спросилъ онъ старика.

— Точно-съ, отвѣтилъ первый:—меня Кирилломъ Митричемъ зовутъ, а ихъ-вотъ Федоромъ Никифоровичемъ... Я папенькѣ вашему на счетъ сбруи да экипажей старался, а они хлѣбецъ у нихъ закупали.

— И завсегда копѣйку, а то и двѣ лишка покойнику накидывалъ, вставилъ Коноплевъ,—потому, какъ передъ Богомъ, надо сказать товаръ у нихъ—первый сортъ ставился, особенно овесъ... Хозяинъ рачительный папенька вашъ были, царство имъ небесное!—Ну, извѣстно и за нами остановки не было: денежки завсегда въ строкъ, полностью платили; не случится если—у кого ни на есть перехватишь, а чтобы задержка какая—оборони Богъ!—Я такъ полагаю, погладилъ

бороду Коноплевъ,—что и вамъ резону нѣтъ насъ обходить, потому что въ копѣйкѣ—другой лишка, супротивъ прочихъ торговцевъ, мы всегда вамъ уваженіе сдѣлаемъ и за зада-точкомъ, коль желаніе ваше на то будетъ, не постоимъ.

— Я не прочь, согласился Вальховцевъ:—мнѣ пріятнѣе съ знакомымъ дѣло имѣть.

— Стало быть, взявъ въ свои обѣ руки руки молодого человѣка, порѣшилъ старикъ:—вы продавцы, а мы покупатели... Въ часъ добрый!

— Въ имѣньицѣ какъ изволили все найти, поинтересовался Власовъ,—въ примѣрномъ порядкѣ, надо полагать? Николай Семенычъ аккуратность любили... Вотъ только сбруйка надо быть поизлежалась и наборецъ порастерялся. Опять-же маленькій тарантасъ давно свой вѣкъ выслужилъ. Докладывалъ я тогда папенькѣ вашему, что пора-бы новенькимъ обзавестись—они и не прочь были, да время-то къ зимѣ подошло, потомъ занемогли...

— Скажите пожалуйста, спросилъ Валеріанъ,—часто князь такіе пиры задаетъ?

— Дворяна-то у нихъ почитай и днюютъ и ночуютъ—князь на это простъ и деньгамъ счета не ведетъ, благо они ему съ неба свалились, сказалъ Коноплевъ.—ну, а такой-то праздникъ, какъ нонче, съ купцами да съ чиновниками,—въ первый разъ.

— Сліяніе сословіи пробуютъ! хихикнулъ Власовъ.—Князю желательно, чтобы и дворянство, и купечество, и чиновниковъ—всѣхъ въ одинъ букетъ связать,—что-жъ дѣло хорошее, коли капиталы имѣются на такую затѣю тратить!

— *Qu'avez-vous à démêler avec ces messieurs* ¹⁾? прервалъ разговоръ Молчановъ.—О тебѣ многіе спрашиваютъ...

Купцы откланялись.

— Некому спрашивать... Тѣхъ, съ кѣмъ я знакомъ, я уже видѣлъ.

— Да не всѣхъ... Первую—*madame Горскую*... Есть наконецъ желающіе познакомиться съ тобой...

— *Cela viendra avec le temps* ²⁾.

— Ну полно буку изъ себя корчить!

Они вошли въ малую гостиную. Тамъ сидѣли группами:

¹⁾ О чемъ ты рассуждаешь съ этими господами?

²⁾ Это придетъ въ свое время!

молодежь и нѣкоторыя дамы. Разговоръ былъ оживленный и со стороны женскаго пола даже крикливый. Сдѣлавъ общій поклонъ, Вальховцевъ съ Молчановымъ подошли къ группѣ Горской, какъ самой близкой къ выходу. Марья Павловна познакомила Валеріана со своею племянницей, Лачиновой, молоденькой и симпатичной дѣвушкой, недавно кончившей институтъ, и посадила молодого человѣка около себя; съ другой ея стороны сидѣли Карелова, которую очень любила Горская, и Лачинова. Остальные: Голубцова, Маня Вальховцева, Молчановъ, Васьковъ и Мячиковъ расположились въ разбродъ. Вальховцевъ замѣтилъ, что Васьковъ вѣроятно въ немилости, потому что мѣсто его занялъ Молчановъ.

— Ну что вы скажете, петербуржецъ, о сегодняшнемъ „пирѣ“... Это еще въ первый разъ у предводителя дворянства угощаются россіяне, отъ столбовыхъ до сапожника!

— Россіяне, когда коснется либерализма, всегда хватаютъ черезъ край! замѣтилъ Валеріанъ.

— А многіе уже хватили! разсмѣялся Молчановъ.

— Какимъ образомъ?

— Обѣдъ еще не начинался, а одну закуску уже съѣли!

— Какъ-такъ?

— А очень просто: пошли тайкомъ въ буфетъ и съѣли!

— Да что вы говорите!

— Суущю правду.

— Откуда вы это знаете?

— Зашелъ я въ залъ, посмотрѣть сервировку... Вижу: то одинъ, то два, изъ приглашенныхъ, пробираются куда-то черезъ залъ и все больше и больше числомъ... Что за притча? Спрашиваю лакея: куда это они все ходятъ?— „А въ буфетъ“, разсмѣялся онъ:— „закусывать!“—Какъ закусывать?— „Да оголодали и сунулись въ буфетъ: сначала одинъ-два, а потомъ ужъ артелью пошли!“

Общій хохотъ.

— Сліяніе сословія! притворно вздохнула Горская.

— Дурные примѣры заразительны! рѣшилъ Васьковъ.

— Какъ для кого! возразилъ Вальховцевъ.

Явился maitre—d'hôtel¹⁾, съ приглашеніемъ къ столу. Валеріанъ подошелъ къ Кареловой и, предложивъ ей

¹⁾ Дворецкій.

руку, приостановился, пропуская пары; Зинаида шла съ Молчановымъ.

Обѣдъ былъ въ полномъ разгарѣ. Радужный хозяинъ обходилъ огромный столъ и слѣдилъ за расторопностью прислуги; оркестръ богача Лавинскаго, пока еще не распущенный, игралъ очень порядочно и весьма кстати заглушалъ говоръ развеселившихся гостей. Вальховцеву съ Кареловой пришлось сидѣть возлѣ Голубцовой; имъ были оставлены мѣста, вѣроятно по желанію Зинаиды, такъ какъ завидя подходившую пару, Молчановъ объявилъ Валеріану, что незанятые мѣста предназначены ему и его дамѣ. Разговоръ завязался оживленный; Алексѣй Александровичъ, по обыкновенію, острилъ, смѣшилъ и былъ любезенъ. Madame Никольцева, сидѣвшая на искось отъ нихъ, не разъ бросала на Зинаиду и ея кавалера недовольные взгляды и отъ времени до времени прислушивалась къ ихъ веселой болтовнѣ, но безуспѣшно: гулъ оркестра и громкій говоръ гостей покрывали ее.

— Вы не уѣдете отъ концерта? спросила Валеріана Голубцова.

— Нѣтъ.

— Любите музыку?

— Очень; Л. я слышалъ два раза въ Петербургѣ. За-мѣчательный скрипачъ! И сколько души въ его игрѣ... Ну да сами услышите...

— Онъ молодой еще? спросила Карелова.

— Ему уже за сорокъ.

— А вы, Валерьянъ Николаичъ, часто бывали въ Павловскѣ? поинтересовалась Зинаида.

— Очень часто: я просто обожалъ Штрауса!.. Знаете: подъ музыку его вальсовъ какъ-то веселѣе танцуется... Онъ настоящій король вальсовъ!

— Вотъ-бы послушала его! сказала Таня.—Онъ не ѣздитъ по гастроямъ?

— О нѣтъ!.. Онъ только въ Павловскѣ играетъ... Кончится сезонъ—Штраусъ сейчасъ-же за границу, вмѣстѣ съ оркестромъ.

— Л. вѣроятно обѣдаетъ съ нами?

— Да вонъ онъ сидитъ возлѣ Горскаго, указалъ Мол-

чановъ:—небольшого роста. плотный, съ сѣдинкой въ склоченныхъ темно-русыхъ волосахъ и бритой бородой. Онъ нѣмецъ; его потому и посадили около вице-губернатора, что и онъ и его жена свободно говорятъ по нѣмецки.

— Все-то вы знаете! размѣялась Голубцова.

— Я очень любопытенъ и наблюдателенъ, Зинаида Александровна, усмѣхнулся и Молчановъ.

— Къ нимъ подошелъ князь:

— Спрашивать васъ, mesdemoiselles, не скучно-ли вамъ—совершенно напрасно: ваше веселое настроеніе и непрерывающійся разговоръ радуютъ хозяина!—Валеріанъ Николаичъ: сейчасъ подадутъ осетра, а я не вижу около васъ бѣлаго вина... Вы любите рейнвейнъ?

— Кто-же его не любить, князь?

— Я сейчасъ пошлю вамъ старенькаго.

— Merci, mon prince! ¹⁾

— А вы, Алексѣй Александрычъ?

— Обо мнѣ не беспокойтесь: любимый мой „Эль“ передо мною.

Князь отошелъ и вскорѣ передъ Вальховцевымъ появился прекрасный Іоганнисбергъ.

Послѣ обѣда гости разошлись по комнатамъ: дамы заняли обѣ гостинныя и зимній садъ, мужчины—боскетную, курильню и кабинетъ хозяина. Поданы были чай и кофе, фрукты и ликёры. Образовались группы. Валеріанъ довель Таню до гостиной и, возвращаясь въ боскетную, встрѣтился съ Голубцовой.

— А гдѣ-же вашъ кавалеръ?

— Мы разстались. Тетка позвала меня къ себѣ для реприманды: „что я будто-бы держала себя за обѣдомъ не comme il faut! ²⁾“ размѣялась дѣвушка.

— Гдѣ-же madame Никольцева?

— La voilà!.. ³⁾ идетъ съ губернаторомъ.

— Куда прикажете васъ проводить?

— Въ гостиную, но прежде я хочу спросить васъ...

— Къ вашимъ услугамъ.

— Вы опять не свободны?

¹⁾ Благодарю васъ, князь!

²⁾ Неприлично.

³⁾ Вотъ она!

— Въ какомъ смыслѣ?

— Въ смыслѣ спутника въ концертъ.

— Свободенъ какъ вѣтеръ!

— Такого спутника, какъ вѣтеръ, мнѣ не нужно... Вы посадите меня на кресло и улетите!

— Вѣтеръ направляется всегда въ пустоту... наполните ее и вѣтеръ стихнетъ!

— Мудрено что-то... Такъ вы мой кавалеръ?

— Самый послушный!

Они разошлись.

XXV.

28 января, около полудня, Вальховцевъ подъѣхалъ къ большому каменному дому дворянскаго собранія. Поднявшись по широкой, покрытой ковромъ, лѣстницѣ, Валеріанъ, пройдя аванзалъ, вошелъ въ огромный, въ два свѣта, залъ съ хорами и эстрадой для оркестра; противъ хоръ, на постаментѣ, обитомъ краснымъ сукномъ, окруженный бронзовой рѣшеткой, высился, во весь ростъ, портретъ Императора Александра II въ изящной золотой рамѣ; по стѣнамъ, отдѣланнымъ подъ мраморъ, тянулись бѣлыя съ золотомъ мягкія скамьи, обитыя темно-малиновымъ трипомъ, а надъ ними, старой французской бронзы бра и лампы. Съ потолка спустились три старинныя люстры. Смежная съ заломъ гостиная, въ шесть оконъ, украшена была портретами, во весь ростъ, Государей, начиная съ Императрицы Екатерины II и огромными зеркалами между оконъ. Въ угловой комнатѣ, предназначенной для засѣданій депутатскаго собранія, по срединѣ стоялъ большой столъ, окруженный старинными креслами, съ золотыми гербами на спинкѣ, губерніи и уѣздовъ, а на стѣнахъ висѣли портреты бывшихъ губернскихъ предводителей. Въ этой-же комнатѣ собирался и съѣздъ. Канцелярія съѣзда была рядомъ съ канцеляріей депутатскаго собранія.

Не найдя никого изъ членовъ съѣзда, Вальховцевъ вошелъ въ канцелярію: за столомъ у окна, обложенный книгами и бумагами, сидѣлъ секретарь, молодой еще человѣкъ, съ большими усами и бритой бородой, съ умнымъ, сильно воспаленнымъ лицомъ: онъ всталъ и отрекомендовался Александромъ Ивановичемъ Комаровымъ. Возлѣ него, съ киною

бумагъ подъ мышкой, вертѣлся Ржаницынъ и, какъ казалось, порядочно надоѣдалъ ему. Увидя Валеріана, Ржаницынъ поспѣшилъ къ нему и съ первыхъ-же словъ заговорилъ о своемъ дѣлѣ. Вальховцевъ, мысленно уже пославшій его къ чорту, изъ приличія долженъ былъ выслушивать его и можетъ-быть довольно долго, еслибы изъ комнаты присутствія не послышался сильный кашель и черезъ нѣсколько секундъ не вошелъ, размахивая руками, человѣкъ лѣтъ сорока, въ очкахъ, остриженный подъ гребенку, съ рыжеватой бородкой и бойкостью во всей фигурѣ. Это былъ Амосовъ. Онъ на ходу поклонился немного мужиковато и отрекомендовался Вальховцеву.

— Очень сожалѣю, что и вы меня и я васъ не застали дома... ну, да познакомимся и очень скоро... Помучаетъ насъ сегодня господинъ Ржаницынъ, безцеремонно глядя на него, началъ протирать очки Амосовъ.—Ну что, Василиій Федорычъ, еще какую-нибудь новую загвоздку намъ поднесете?

Появился Лиманскій и, съ своей обычной слащавостью, перездоровался со всѣми, стараясь сказать каждому какую-нибудь любезность.

— Петръ Александровичъ Васьковъ не будетъ: я получилъ письмо отъ него... боленъ... Вѣроятно послѣдствія княжескаго обѣда! улыбнулся предводитель.

— Причемъ тутъ обѣдъ—дипломатія! шепнулъ Вальховцеву Амосовъ:—Хочется и предводителю угодить и невинность соблюсти!—А Шахматовъ? спросилъ онъ Лиманскаго.

— Иванъ Сергичъ вѣроятно пріѣдетъ, надо подождать его...

— Вино все курить! усмѣхнулся Амосовъ. Вотъ пріѣдетъ и сейчасъ-же заторопится домой!

— Ну, нынче ему придется пожалуй переночевать: дѣло серьезное.—А, вотъ онъ нашъ дорогой посредникъ! воскликнулъ Лиманскій, идя на встрѣчу входившему въ дверь пожилому, приземистому человѣку, въ сюртукъ съ гербовыми пуговицами.—Теперь и начинать можно.

— Ивану Сергѣичу мое нижайшее! подѣхалъ къ Шахматову Ржаницынъ;—все-ли въ добромъ здоровьѣ... супруга, дѣтки?

Шахматовъ поздоровался съ Амосовымъ, Ржаницынымъ, секретеремъ и познакомился съ Валеріаномъ.

— Несчастіе вотъ у меня, пискливымъ, словно охрипшимъ голосомъ отвѣтилъ онъ:—потолокъ въ складѣ провалился!

— Оттого, что все экономическое устраиваете, замѣтилъ Амосовъ.

— Полноте, Владиміръ Николаичъ,—не дворцы-же строить! И безъ этого доходовъ-то немного, недовольнымъ тономъ, возразилъ Иванъ Сергѣевичъ.—Платонъ Александръчъ, батюшка, обратился онъ къ предводителю,—отпустите меня, Христа ради, сегодня домой!

— Ну, кажется и завтра здѣсь пробудете, усмѣхнулся Лиманскій:—дѣло г. Ржаницына на очереди.

— Охъ ты Господи! всплеснулъ руками Шахматовъ.— Да какъ оно опять къ намъ попало?

Лиманскій объяснилъ ему и попросилъ членовъ занять мѣста.

— Александръ Ивановичъ, позвалъ онъ секретаря,—подайте дѣла, да потрудитесь позвать крестьянъ.

Дѣла были поданы и крестьяне, крестясь и отвѣсивая поклоны присутствующимъ, поодиночкѣ стали входить въ комнату. Засѣданіе открылось чтеніемъ жалобы истца на постановленія посредника и мирового съѣзда. Ржаницынъ, обремененный бумажками, письмами и справками, на цыпочкахъ ходилъ по комнатѣ, прислушивался ко всему и вообще былъ въ возбужденномъ состояніи. Чтеніе продолжалось довольно долго. Вальховцевъ слушалъ внимательно и старался не пропустить ни одной подробности; сначала вся эта масса дознаній, свѣдѣній и мнѣній показалась ему совершенной путаницѣй, но мало-по-малу, вникая въ ходъ дѣла, сущность его все болѣе и болѣе становилась ему очевидною и, къ концу чтенія, Валеріанъ успѣлъ уже составить себѣ довольно вѣрное понятіе и о самомъ дѣлѣ и о личностяхъ, въ немъ заинтересованныхъ. Поведеніе Лиманскаго, несмотря на всю его тонкость, показалось Вальховцеву крайне пристрастнымъ; въ особенности убѣдился онъ въ этомъ во время допроса свидѣтелей: Платонъ Александровичъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы запутанными вопросами сбить крестьянъ съ толку, выставить показанія ихъ подкрѣпляющими доводы Ржаницына, а когда отвѣты противорѣчили имъ—старался дать свой смыслъ, извращая и

толкую ихъ по своему. Валеріанъ вслушивался, слѣдилъ за каждымъ словомъ Лиманскаго и крестьянъ и когда наконецъ предводитель, записывая показанія послѣднихъ, явно ихъ переиначилъ, остановилъ его:

— Крестьяне отвѣтили не совсѣмъ такъ, деликатно замѣтилъ онъ Лиманскому, съ краскою въ лицѣ,—вы вѣроятно ошиблись, Платонъ Александрычъ; показанія ихъ, по закону, должны быть внесены въ журналъ слово въ слово.

Лиманскій скрылъ свое недовольствіе и любезно отвѣтилъ Вальховцеву:

— Если вамъ такъ кажется—я переспрошу ихъ.

— Будьте добры.

Предводитель повторилъ вопросъ, но въ такой формѣ, что онъ отзывался ловушкой.

— Извините, но вопросъ поставленъ нѣсколько иначе, —соблаговолите повторить его въ первоначальномъ видѣ.

Вертѣвшійся около Лиманскаго, Ржаницынъ, пошептавшись съ Шахматовымъ, довольно безцеремонно началъ высказывать свое неудовольствіе; Валеріанъ попросилъ предводителя призвать истца къ порядку. Платонъ Александровичъ, скрѣпя сердце, исполнилъ требованіе, конечно въ наимягчайшей формѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно сухо предложилъ Вальховцеву самому заняться опросомъ свидѣтелей. Валеріанъ отъ этого отказался, ссылаясь на „положеніе“, предоставляющее веденіе дѣла предводителю, и Лиманскій волей-неволей долженъ былъ уступить. Шахматовъ видимо поддерживалъ и предводителя и истца; Амосовъ вторилъ Вальховцеву и иногда довольно рѣзко осаживалъ увлекавшагося предсѣдателя. Нѣсколько разъ уже разборъ дѣла приходилъ къ концу: всѣ обстоятельства его были совершенно уяснены—оставалось только постановить рѣшеніе, но Ржаницынъ немедленно придумывалъ какой нибудь крючокъ,ставлялъ свидѣтеля или заставлялъ читать ни къ чему не ведущія письма своихъ сторонниковъ, чтобы только какъ-нибудь оттянуть роковой моментъ. Наконецъ Амосовъ, которому давно уже хотѣлось и ѣсть и спать, заявилъ, что пробило шесть часовъ и что пора подумать о прекращеніи засѣданія.

— Это невозможно, замѣтилъ Ржаницынъ, которому ужасно хотѣлось хоть голодомъ да заставить членовъ рѣ-

шить дѣло въ его пользу:—по закону, засѣданіе не можетъ быть закрыто, пока рѣшеніе не будетъ внесено въ книгу и не объявится обѣимъ сторонамъ.

Валеріанъ тотчасъ-же взялся за „положеніе“ и сталъ отыскивать подходящую статью, а Амосовъ воскликнулъ:

— Такъ, по вашему, если пренія продолжатся двое сутокъ—мы все и сиди, не спавши и не ѣвши?

— Что-же дѣлать! мягко возразилъ предводитель, довольный случаемъ хоть чѣмъ нибудь отомстить Амосову и Вальховцеву.—Законъ велитъ—надо повиноваться!

— И сѣздъ скорѣе кончится, пискнулъ Шахматовъ, воображенію котораго постоянно представлялся обвалившійся потолокъ склада и могущіе произойти, отъ замедленія въ поправкѣ, убытки.

— Вы ошибаетесь, господа, обратился Валеріанъ къ предсѣдателю и истцу, развертывая книгу: въ статьѣ 111 „Положенія объ учрежденіяхъ“ говорится, что „дѣла, поступившія ко времени и во время засѣданій сѣзда, разбираются и рѣшаются имъ въ теченіе сихъ засѣданій“. Это значитъ, что мы не имѣемъ права закрыть сѣздъ, не постановивъ рѣшенія по дѣлу г. Ржаницына, а не то, чтобы мы были обязаны закономъ исполнить это, не выходя изъ комнаты. Кажется статья говорить ясно?

— Совершенно ясно! отвѣтилъ одинъ Амосовъ.

Засѣданіе было отложено до полудня завтрашняго дня.

XXVI.

На другой день начались пренія. Ржаницынъ лебезилъ передъ всѣми и въ особенности надѣдалъ Вальховцеву объясненіями своей правоты и повтореніемъ такихъ обстоятельствъ дѣла, которыя ему уже были извѣстны. Переставъ слушать его нескладную болтовню, Валеріанъ счелъ за лучшее подойти къ предсѣдателю и предложить приступить къ рѣшенію:

— Вы уже составили себѣ мнѣніе объ этомъ дѣлѣ? спросилъ Лиманскій.

— Еще вчера.

— Такъ не будете-ли вы добры изложить его; съ васъ мы и начнемъ собирать голоса.—Господа, милости просимъ! обратился предсѣдатель къ остальнымъ членамъ.

Когда всё устылись, Вальховцевъ началъ говорить; въ сжатой, но ясной формѣ онъ изложилъ сущность дѣла, показанія обѣихъ сторонъ, представленные документы и затѣмъ высказалъ свой взглядъ. Въ его рѣчи не было и тѣни фразерства; Валеріанъ налегалъ исключительно на факты и изъ нихъ выводилъ свое заключеніе. Доказавъ весьма логично невозможность существованія кортомы, онъ очень просто и наглядно объяснилъ, какимъ образомъ попала земля Лизаветы Ивановны Ржаницыной во владѣніе крестьянъ ея мужа, привелъ подходящія статьи „положенія“ и кончилъ тѣмъ, что, по его мнѣнію, просьба истца, объ отрѣзкѣ изъ надѣла земли его супруги, должна быть оставлена безъ послѣдствій.

Рѣчь Валеріана, умная и дѣльная, хотя и произвела впечатлѣніе на присутствующихъ, не заставила, однако, Лиманскаго съ нимъ согласиться. Вопреки ожиданіямъ Амосова, Платонъ Александровичъ, подзадоренный словами Вальховцева, сталъ доказывать въ свою очередь законность иска Ржаницына, неправильность распоряженій посредника и необходимость ограждать права собственности. Все шло довольно сносно, пока Лиманскому не пришлось убѣждать членовъ съѣзда въ существованіи кортомы: тутъ приведенные имъ аргументы оказались совершенно слабыми. Горячо, одинъ за другимъ, Валеріанъ сталъ ихъ опровергать; Амосовъ также заговорилъ. Платонъ Александровичъ, атакуемый съ двухъ сторонъ, началъ путаться и сбиваться. Вмѣшался было въ пренія и Ржаницынъ, но Вальховцевъ осадилъ его, объяснивъ, что въ разсужденія членовъ съѣзда никто изъ постороннихъ вмѣшиваться не имѣетъ права. Шахматовъ молчалъ, чѣмъ вывелъ и Лиманскаго изъ терпѣнія.

— Иванъ Сергѣичъ, что-же вы-то ничего не скажете? Какое ваше мнѣніе?

— При прежнемъ остаюсь, пискнулъ Шахматовъ.

— Слѣдовательно, вы находите, что искъ г. Ржаницына законенъ? спросилъ Валеріанъ.

— Совершенно законенъ.

— Чѣмъ же докажете вы его законность? Не погудите-ли вы убѣдить насъ въ существованіи кортомы? продолжалъ Вальховцевъ, желавшій вызвать Шахматова на разговоръ; но тотъ на эту удочку не пошелъ.

— Въ пренія вступать мнѣ не зачѣмъ, отвѣтилъ онъ, — законъ требуетъ моего мнѣнія, — я его высказалъ и нахожу это достаточнымъ.

— Я, господа, объявилъ предводитель, — съ своей стороны признаю искъ г. Ржаницына подлежащимъ удовлетворенію; вы, Владиміръ Николаичъ, какъ? обратился онъ къ Амосову.

— Я не нахожу причины мѣнять свой прежній взглядъ; по моему: отказать.

— Итакъ, господа, провозгласилъ Лиманскій, — два голоса за г. Ржаницына и два противъ него, но по статьѣ 112 „положенія объ учрежденіяхъ“ голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ, — слѣдовательно большинство на сторонѣ истца. И, торжествующій, съ улыбкой на лицѣ, Платонъ Александровичъ опустился въ кресло и велѣлъ позвать секретаря.

— Считаю долгомъ заявить съѣзду, что мною, по дѣлу г. Ржаницына, будетъ подано особое мнѣніе, сказалъ Валеріанъ.

— И мной также, добавилъ Амосовъ.

— Въ такомъ случаѣ позвольте напомнить вамъ, господа, о срокѣ, любезно замѣтилъ Лиманскій: — три дня.

— Мнѣ это извѣстно, отвѣтилъ Вальховцевъ, — и завтра же мнѣніе мое будетъ представлено. И, придвинувъ къ себѣ дѣло, онъ занялся выпиской тѣхъ обстоятельствъ, которыя по его мнѣнію прямо противорѣчили доводамъ предсѣдателя о существованіи кортомы.

Между тѣмъ Лиманскій, вмѣстѣ съ секретаремъ и Шахматовымъ, обдумывали постановленіе: Амосовъ покуривалъ сигару и молча наблюдалъ за ними. Отъ него не укрылись вялость и нерѣшительность работы и какое-то безпокойство, сквозившее сквозь довольный видъ Платона Александровича. Зная хорошо характеръ послѣдняго, понабравшись служебной опытности, Амосовъ весьма легко разгадалъ мысль, тревожившую предводителя. То незначительное большинство, которое образовалось только вслѣдствіе перевѣса предсѣдательскаго голоса, не могло не броситься въ глаза губернскому присутствію и не возбудить въ немъ сомнѣнія въ правильности рѣшенія съѣзда. Мнѣніе Вальховцева, какъ-бы оно ни было написано, основанное на фактахъ, сильно подрывало доводы противной стороны, шат-

кость которыхъ не могъ не сознать Тиманскій. Да и самое постановленіе, написанное безъ участія Амосова, дѣльца и писаки, опирающееся на доказательства слабыя, неопредѣленныя, не могло выйти яснымъ, строго рѣшительнымъ. Допустивъ даже, что губернское присутствіе не приметъ жалобы крестьянъ, кто поручится, что они не пойдутъ выше и что министерство, уваживъ ихъ ходатайство, не потребуетъ къ себѣ все дѣло?

Убѣдившись въ правильности своего взгляда, Амосовъ отвелъ Платона Александровича въ сторону и сообщилъ ему свои опасенія. Тиманскій, внутренне-сознававшій справедливость его словъ и сильно желавшій, какимъ-бы то ни было образомъ, перетянуть Амосова на свою сторону (на Валеріана онъ окончателно махнулъ рукой), хотя-бы и съ уступками, сначала однако поломался, съ добрыхъ полчаса попереливалъ съ нимъ изъ пустаго въ порожнее, наконецъ согласился. Положили предложить сторонамъ мировую сдѣлку: два повытка отдать помѣщику и два крестьянамъ. Тиманскій съ Шахматовымъ пошли уговаривать Ржаницына, а Амосовъ—крестьянъ: Вальховцевъ, видѣвшій всѣ эти перешептыванія, остановилъ Владиміра Николаевича:

— Скажите, что вы тамъ затѣяли?

Амосовъ рассказалъ,

— Да за что-же хотите вы подарить Ржаницыну два повытка, когда сами сознаете, что онъ и на вершокъ земли не имѣетъ права? пожалъ плечами Валеріанъ.

— А лучше развѣ будетъ, если ему отдадутъ всѣ четыре повытка?

— Ну и пусть отдадутъ, коли у нихъ душа подымается на такое безчестное дѣло... за то вы чисты останетесь!

И смотрю на это съ практической точки зрѣнія, возразилъ Амосовъ; если соглашеніе не состоится—крестьянамъ земли этой не видать, какъ своихъ ушей: такъ ужъ лучше пусть хоть два повытка получать!

Ну, дѣлайте, какъ хотите, а я останусь при своемъ: мнѣніе подамъ.

Валеріанъ снова принялся за выписки, а Амосовъ пошелъ уговаривать крестьянъ.

Два часа продолжались переговоры, споры и упрасиванія; наконецъ рѣшеніе состоялось, согласно прозекту Амо-

сова, внесено въ книгу и подписано обѣими сторонами. Вальховцевъ на другой день подалъ мнѣніе весьма дѣльно написанное и, хотя не лишенное нѣкоторой рѣзкости, но правдивое и безъ всякихъ натяжекъ. Лиманскій взбѣсился, но поспѣшилъ скрыть свое неудовольствіе подъ сладчайшей улыбкой и изысканной вѣжливостію. Шахматовъ нашелъ, что было совершенно излишне тратить время попусту, такъ какъ мировая сдѣлка состоялась и мнѣніе члена отъ правительства положится подъ сукно, а Амосовъ замѣтилъ, „что горячиться очень, право, было не изъ чего“.—Одинъ только секретарь, больной поклонникъ краснорѣчія и втайнѣ стихотворецъ, съ нѣкоторымъ любонитствомъ повертѣлъ мнѣніе Вальховцева и кивнулъ головой своему писцу, прибавивъ: „литература!“.

XXVII.

Занятія К-скаго съѣзда' окончились тридцатаго числа вечеромъ и такъ какъ до отъѣзда въ „Залѣсовъ“ оставалось три дня, то Валеріанъ, снявъ коню своего мнѣнія, на другой-же день утромъ поѣхалъ къ губернатору.

— Ну что, ласково встрѣтилъ, въ кабинетѣ, Бронецкій молодого человѣка,—съѣздъ кончился?—*Passons au salon* ¹⁾), пригласилъ Вальховцева, улыбаясь:—тамъ у меня мои аксесуары: трубка и стаканъ съ чаемъ... *Prenez place* ²⁾)... Все благополучно?

— Не совѣмъ; были маленькія столкновенія.

— Н-ну!.. Съ Лиманскимъ вѣроятно?

— Да, ваше превосходительство... и такъ какъ до отъѣзда моего на Залѣсовскій съѣздъ осталось два дня, то я и поспѣшилъ доложить вамъ тотчасъ-же.

— Прекрасно; и я вамъ очень благодаренъ.

— Тѣмъ болѣе, что можетъ-быть сейчасъ, вашему превосходительству, представить дѣло въ совершенно иномъ видѣ.

Весьма возможно.

II, подавъ Бронецкому копію своего мнѣнія, Валеріанъ разсказалъ подробно все случившееся по дѣлу Ржаницына.

¹⁾ Перейдемте въ залу.

²⁾ Садитесь...

— Я вотъ чего не понимаю, прошамкаль, обдумывая каждое слово, губернаторъ,—какъ человѣкъ богатый хлопочетъ изъ-за какой-то дрянной полосы земли!

— Если Ржаницынъ выиграетъ дѣло и спорную землю отъ крестьянъ отрѣжутъ—они будутъ у него въ тискахъ: чтобы попасть въ выгонъ, крестьянамъ придется вести каждую скотину на веревкѣ, иначе г. Ржаницынъ будетъ ихъ штрафовать, взыскивая за потраву. Очевидно, что крестьянамъ надо будетъ съ нимъ положиться; и наложить тогда на нихъ Ржаницынъ, за право пользованія отрѣзкой, приличное количество рабочихъ дней, въ сѣнокосъ и жнитво, а для усадьбы такое подспорье необходимо, такъ какъ рабочіе идутъ къ Ржаницыну весьма неохотно.

-- Да-да... une combinaison ¹⁾ comme une autre! разсмѣялся Бронецкій. Ну, а Лиманскій съ Шахматовымъ почему держать его руку? Неужели они не видятъ, что крестьяне правы?

— Вы позволите мнѣ откровенно доложить вамъ? спросилъ Вальховцевъ.

— Прошу; и можете быть покойны, что все сказанное вами—здѣсь останется.

— Хорошо знакомые съ Лиманскимъ люди говорятъ, что во всѣхъ случаяхъ онъ держитъ руку дворянъ, правы они или неправы; Платонъ Александрычъ и спитъ и видитъ столкнуть съ кресла [губернскаго предводителя, дядю Александра Семеныча, и сѣсть на его мѣсто, а Шахматовъ—изъ угодливости предводителю.

Они помолчали. Губернаторъ пососалъ трубку, глотнулъ чаю и неторопливо сказалъ:

— Entre nous ²⁾, я думаю, что крестьяне подадутъ въ министерство жалобу на то, что ихъ *вынудили* подписать мировую сдѣлку... Некрасиво это будетъ!

— Врядъ-ли, ваше превосходительство, развѣ-что на-учать...

— А другія дѣла какъ? Много ихъ было?

— Порядочно, но все пустяки.

— Такъ вы о нихъ и не сообщайте.

— Слушаю-съ.

¹⁾ Соображеніе.

²⁾ Между нами.

— А затѣмъ до свиданія, вставъ съ кресла, протянулъ руку Валеріану Бронекій:—у меня въ полдень засѣданіе. Очень благодаренъ за сообщеніе... Радуюсь, что у меня такой помощникъ, да еще по такому важному дѣлу, какъ крестьянское!

Выходя отъ губернатора, Вальховцевъ взглянулъ на часы и, въ виду ранняго времени и прекрасной погоды, отпустилъ свою лошадь и пошелъ пѣшкомъ; намѣреніе его было навѣстить Наталью Платоновну Мокрицкую, позавтракать въ ресторанѣ „Пассажъ“ и затѣмъ сдѣлать нѣсколько визитовъ. Обѣдать онъ рѣшилъ у Петра Семеновича. Переходя улицу, онъ встрѣтилъ, выходящую отъ модистки Розье, Зинаиду; короткая бархатная шубка, отороченная соболями, съ головками ихъ, такія-же муфта и шапочка шли къ ней какъ нельзя болѣе. За дѣвушкой, со сверткомъ въ рукѣ, въ ливреѣ и шляпѣ съ большой черной кокардой на боку, шелъ рослый выѣздой. Завидя Валеріана, Голубцова нѣсколько ускорила шагъ и веселая улыбка скользнула по ея раскраснѣвшемуся отъ мороза лицу.

— Рано-же вы выходите изъ дома! подавая руку молодому человѣку, сказала дѣвушка.

— А вы, Зинаида Александровна, посидѣли у madame Розье вѣроятно достаточно!

— Я—дѣло другое: мнѣ нужно было, *coûte que coûte* ¹⁾, поторопиться модистку—завтра мы званы къ Смирницкимъ.

— Балъ?

— Нѣтъ, *une petite soirée d'attente* ²⁾... Вы куда идете?

— Въ ту сторону, куда и вы; позвольте вамъ сопутствовать?

— *Avec plaisir* ³⁾; вы были у губернатора?

— Да; почему вы это предполагаете?

Потому, что такъ рано только губернаторъ принимаетъ.

— Александръ Павлычъ здѣсь или въ усадьбѣ?

— Здѣсь; а что?

— Онъ былъ вчера у меня и къ сожалѣнію не засталъ

¹⁾ Во что-бы то ни стало.

²⁾ Небольшой вечеръ съ танцами.

³⁾ Съ удовольствіемъ.

дома; я намѣревался сегодня навѣстить его... мы до сихъ поръ знакомые незнакомцы!

— Если хотите его застать—пріѣзжайте около трехъ часовъ... А пророс ¹⁾: папа былъ въ Янкинѣ; вашъ староста былъ такъ любезенъ, что напоилъ его чаемъ, съ только что испеченными кренделями.

— А вы не знаете, Зинаида Александровна, зачѣмъ Александръ Павлычъ заѣзжалъ въ Янкино?

— Бумагу какую-то передалъ, не особенно важную. Ваше Янкино, говорить, чудная усадьба?

— Недурна.

— И оранжереи есть?

— Да; персиковая, сливная, цвѣточная и вишневый сарай; все это старинное... есть деревья лѣтъ пятидесяти и болѣе... Нынче такую роскошь не заведутъ! Покойный отецъ мой хотѣлъ даже уничтожить это все, но вспомнивъ, что я люблю фрукты—смиловался.

— И вы конечно рады?

— Еще-бы! Такую прелесть не заведешь скоро... Подержу, пока можно, а нельзя будетъ—порѣшу и навѣрно со слезами!

— Я вѣрю: тяжело уничтожать то, что существовало десятки лѣтъ!

Они помолчали.

— Вы не разсердитесь, Зинаида Александровна, если я спрошу васъ о нѣкоторой, можетъ-быть, интимной вещи? спроситъ Вальховцевъ по французски.

— Не стѣсняйтесь: интимныхъ вещей у меня нѣтъ.

— Почему въ бытность вашу у князя, въ воскресенье, вы измѣнили вашей обычной привычкѣ и не пригласили кавалеромъ г. Васькова? И вообще были такъ нелюбезны съ нимъ?

— C'est un mal-élevé ²⁾!—Однако вы не только любопытны, но и наблюдательны!

— Иногда любопытство бываетъ извинительно!

— До свиданія, подала ему руку дѣвушка;—итакъ мы васъ ждемъ.

¹⁾ Кстати.

²⁾ Онъ дурно воспитанъ!

Валеріанъ поклонился и пошелъ впередъ, а Голубцова повернула въ боковую улицу.

Наталю Павловну Мокрицкую Вальховцевъ нашель уже вполне одѣтой, изъ маленькой гостиной она выползла въ зальце, немножко согбенная, въ темнокоричневомъ платьѣ съ пелеринкой, схваченной на груди старинной брошкой „камѣ“, съ бѣлымъ воротничкомъ и черной кружевной наколкой на головѣ; серебристые, свѣтлорусые волосы, нѣсколько взбитые, спускались до половины ушей, поддерживаемые фальшивыми изъ волосъ „мышками“.

— А, вотъ это кто! Спасибо, дружокъ, что вспомнилъ! обрадовалась старушка.

— Тетушка дорогая! И раньше-бы навѣстилъ, да три дня съѣздъ шелъ; и теперь я къ вамъ отъ губернатора, снявъ бекашу, бросился онъ обнимать Мокрицкую.—Куда это вы спѣшите во всемъ парадѣ?

— Пока никуда, а объѣхать къ Пьеру. А ты зачѣмъ къ губернатору ѣздишь? садясь на диванъ, спросила она.

— Отдавалъ отчетъ о съѣздѣ.

— Что-же онъ?

— Былъ очень любезенъ, благодарилъ.

— Ну слава Богу... Человѣкъ онъ хорошій... Кофею хочешь? Я сейчасъ только отпила, кипятокъ есть..—Авдотья!

— Не зовите: я пить не буду.

— Такъ чѣмъ-же мнѣ тебя подчивать?

— Пріятными разговорами!.. Милая, дорогая моя тетушка! Помните какъ я васъ въ Янкинѣ называлъ, когда вы гостили,—„*mia tante*“? и Валеріанъ бросился цѣловать руки Натали Платоновны.

— Добрый ты мальчикъ! всхлипнула разстроенная Мокрицкая.—Дай тебѣ Богъ счастья за то, что приласкалъ старуху!.. Ну вотъ что, Валя, побалуй меня: выпей хоть маленькую чашку... Прежде ты любилъ черный кофе.

— Слушаю-сь! Только не беспокойтесь и потомъ позвольте мнѣ еще васъ облобызать!

— Хорошо, хорошо! и Натали Платоновна ушла въ кухню.

Валеріанъ осмотрѣлъ гостиную, зальце; комнаты небольшие, чисто содержанныя. Въ гостиной, на маленькихъ окнахъ, кисейныя занавѣски, между оконъ на улицу—ста-

ринное зеркало съ подзеркальникомъ, напротивъ—диванъ, два кресла, овальный столъ и подъ ними дешевый коверъ, на столѣ лампа съ абажуромъ. Надъ диваномъ портреты масляными красками отца и матери Натальи Платоновны, по бокамъ—небольшіе портреты акварельные, рисованные карандашемъ, силуэты, дагеротипы, фотографіи; у маленькой стѣны—письменный столикъ съ принадлежностями и букетъ искусственныхъ цвѣтовъ въ фарфоровой вазочкѣ; вся мебель красного дерева. Въ залѣ ступля по стѣнамъ, ломберный столъ въ простѣнкѣ между оконъ на улицу,—все корельской березы и старинные часы на стѣнѣ, противоположной столу; передняя—въ одно окно.

Вошла Наталья Платоновна и за ней плотная, небольшого роста, старуха въ платкѣ на головѣ и съ чашкой кофе на подносѣ.

— Ну что Дуня, поцѣловавъ ее, спросилъ Валеріанъ, принимая чашку,—очень я перемѣнился?

— Не то чтобы очень, голубчикъ ты мой, а все не то, что прежде... Вѣдь я тебя годы не видала... Пріѣзжалъ-то ты все въ Янкино, а въ городъ и не заглядывалъ... А помнишь, Валерьянъ Николаичъ, какъ мы съ тобой съ мостковъ снѣгъ сгребали—тогда, когда у барышни свой домъ былъ? А Никифора помнишь? Добрый былъ человѣкъ!.. И барышня его любила... А ты какъ; Валерьянъ Николаичъ, сюда совсѣмъ переѣхалъ?

— А какъ Богъ велить, Дуня.

— Вѣрное слово!.. Ну, значить повидаемся.

И она ушла въ кухню.

— Про какого Никифора поминала она?

— Нужно тебѣ сказать, что больше всѣхъ любилъ Коля, отецъ твой, меня... Онъ мнѣ всегда и помогалъ... Осталась я круглой сиротой лѣтъ восьми и дѣдушка твой, Семенъ Николаичъ, и бабушка Лизавета Алексѣевна, моя родная тетка, взяла меня на свое попеченіе, а брата моего отдали въ корпусъ, гдѣ вскорѣ онъ и умеръ. Вотъ такъ-то я и жила въ ихъ домѣ и училась вмѣстѣ съ кузенами. Пока жилъ твой отецъ—мнѣ жилось хорошо: подарилъ онъ мнѣ вотъ эту Авдотью, которую я любила не какъ дѣвку крѣпостную, а какъ друга, и Никифора—во всѣхъ отношеніяхъ прекраснаго человѣка. Кормилъ меня—покойный Коля, да и

теперь кормить: оставилъ мнѣ деньжонокъ да и братьевъ своихъ обязалъ! Охъ, Валерушка, тяжело и вспомнить эту добрую душу, которой теперь нѣтъ! и старушка заплакала. — Ну, да Богъ милостивъ: свидимся скоро!

Растроганный Валеріанъ обнялъ тетку.

— Не даромъ я васъ люблю, дорогая моя, цѣловаль онъ ея руки—вонъ вы какъ отца-то моего поминаете!

— Береги себя, дружокъ, утирая глаза, продолжая Мокрицкая,—друзей заводи, настоящихъ только, а не собутыльниковъ... Будь покротче, обдуманнѣе, милый... Не иди рѣзко противъ теченія, конечно въ предѣлахъ совѣсти, будь сдержаннѣе... Отъ души говорю тебѣ, дорогой! Помягче съ дядями, тетками... Они—добрые... Дядей эмансипація сбила: у одного—фанаберія, а другой все хочетъ разбогатѣть!

— Вы обѣдать-то ѣдете къ которому: который хочетъ разбогатѣть? разсмѣялся Валеріанъ.

— Да, къ Пьеру.

— И я можетъ быть прикачу.

— Очень рада и прекрасно сдѣлаешь: старые люди любить вниманіе и почетъ... Ольгу-то Николаевну не раздражай, не перечь ей... Она вообще добрая, но горда и властна... Не забудь: въ четыре часа. Тамъ все по часамъ; Ольга до педантизма дошла: если на пять минутъ опоздають подать обѣдъ—серьезное замѣчаніе, а то и выговоръ... Петръ Семенычъ и тотъ подчиняется Ольгиному этикету.

— Рассказывали вамъ, тетушка, о княжескомъ обѣдѣ?

— Пустая затѣя! махнула рукой старушка.—Денегъ убухалъ поди кучу, а благодарности заслужилъ немного! Вотъ насмѣшекъ, всевозможной критики—хоть отбавляй!—Со многими познакомился?

— Со властями, почти со всѣми „съ нѣкоторыми дамами“...

— А съ дѣвками?

— Только съ двумя: съ племянницей вице-губернаторши—Лачиновой и съ Голубцовой.

— Зинаидой.

— Да.

— Говорять: красотка и бойкая?

— Что красива—это правда, а о бойкости ничего сказать не могу: мало знаю. Такъ до свиданія, тетушка, у дяди

Петра Семеныча, простился съ Натальей Платоновной Валеріанъ.

— Не обманг-же! крикнула она ему.—Къ четыремъ часамъ!

Вальховцевъ пошелъ завтракать въ „Пассаажъ“.

XXVIII.

Около трехъ часовъ, Валеріанъ подъѣхалъ къ дому Голубцовыхъ; въ залѣ его встрѣтилъ Александръ Павловичъ, высокій, плотный, съ большими, слегка нафабранными, усами и бритой бородой, брюнетъ лѣтъ пятидесяти, съ военной осанкой и внушительнымъ видомъ.

— Очень сожалѣлъ я, что не засталъ васъ вчера дома, крѣпко сжимая руку Вальховцева, началъ исправникъ,—мнѣ сказали, что съѣздъ закроется въ два часа, а между тѣмъ я послѣ узналъ, что вы только къ пяти освободились.—Милости просимъ! проведъ онъ молодого человѣка въ гостиную.

— Совершенно неожиданно изъ пустяка выросло дѣло! Завязались споры, ненужныя пренія, опускаясь въ кресло, объявилъ Валеріанъ.

— Электричество стояло въ воздухѣ! грубовато замѣтилъ Голубцовъ и разсмѣялся.—Мнѣ рассказывали, что всему причиной г. Ржаницынъ, сдѣлавшій изъ мухи слона!

— Слава Богу, распря эта кончилась! уклончиво сказалъ Вальховцевъ, догадавшійся, что хозяину очень желательно узнать подробности столкновенія.—А вы заѣзжали въ „Янкино“—очень жалѣю, что вы были тамъ безъ меня.

— Это вамъ Зина сообщила, а того не прибавила, что староста вашъ былъ до нельзя предупредителенъ: поилъ меня чаемъ съ кренделями, водку даже предлагалъ! разсмѣялся исправникъ.

— Говорила Зинаида Александровна; какую бумажку привозили вы, Александръ Павлычъ?

— Пустяшную: небольшія недомки... Я взялъ ее съ собой, чтобы не посылать нарочнаго.—Ну, какъ по вашему сошелъ княжескій пиръ, съ собранными „на распутіяхъ“, злыми и добрыми?

— А вы къ которымъ себя причисляете? улыбнулся молодой человѣкъ.

— Да я вѣдь не былъ...

— А если-бы были?

— Конечно къ злымъ! расхохотался исправникъ.

— Почему?

— Да помилуйте: вдругъ-бы я очутился между своими портнымъ и сапожникомъ!

— Хорошо, что я не „народникъ“, а то пожалуй между нами произошла-бы распря!

— Овчинка выдѣлки не стоитъ! Пока у насъ все идетъ благополучно и я думаю, что такъ и впредь будетъ. Вотъ на Волгѣ что-то шалать... Запускать не слѣдуетъ: сразу надо огоронить воспрянувшихъ „мужиковъ“, да тайно, безъ всякой огласки, выплатить должное количество лозы господамъ „сознательнымъ и непрощеннымъ „народолюбцамъ“! Знаете, Валеріанъ Николаичъ, послѣ небольшой паузы, продолжалъ Голубцовъ,—чего я опасаюсь: безпорядковъ, даже полной неурядицы... Ужъ и теперь проскакиваютъ небольшие пробы дарованную свободу обратить въ анархію. Вы возьмите только это въ соображеніе: спокойствіе и порядокъ въ государствѣ держались не полиціей, которая была малочисленна и слаба, а силою и вліяніемъ помѣщика. Не даромъ Великая Екатерина сказала: „Мнѣ нечего бояться: въ лицѣ помѣщиковъ у меня триста тысячъ надежныхъ полицмейстеровъ!“—Папиросу прикажете? подаль Голубцовъ гостю открытый портсигаръ.

— Благодарю васъ: я не курю.

— Молодецъ у насъ жандармскій полковникъ Зарѣцкій... Севастополецъ, раненъ подѣ Альмой... Анненскій темлякъ имѣетъ „за храбрость“... Былъ я съ нимъ, прошлой осенью, въ затолчномъ углу нашемъ, въ Троицкой волости... „Сознательный“, изъ дворовыхъ, сбиль съ толку цѣлую деревню: „Положеніе“ бара подмѣнили, оно не то, что Царь далъ!“ завопили мужики и отказались платить срочный оброкъ помѣщику. Пріѣзжалъ становой уговаривать ихъ—его выгнали. Явились мы: Зарѣцкій, я, становой, посредникъ, шестъ жандармовъ и немного полиціи. Мужиковъ собрали, привезли два воза розогъ. Сталъ уговаривать посредникъ—полное молчаніе. Выскочилъ изъ толпы „сознательный“ и только что открылъ ротъ, чтобы говорить—жандармы подхватили раба Божія и уволокли. Мужики заволновались;

стали говорить смѣло. Зарѣцкіи вышлелъ впередъ, выпятилъ грудь, да какъ рывкнетъ: „Смирно!“—Фигура матерая, глотка здоровая...—„Сотскіе! Бери изъ-подъ розогъ заступа и копай могилу... пошире, да живо! Я васъ, Царскіе послушники, до смерти запорю и здѣсь-же и схороню!.. Противъ Царя вздумали идти!“—Мужики стихли.—„Деньги несите!—Староста! Отбирай домохозяевъ справа... кто не хочетъ платить—ставь къ могилѣ... Розги сюда!—И черезъ полчаса оброкъ былъ собранъ, безъ всякихъ экзекуцій! „Сознательнаго“ одного выпороли... и основательно.

Помолчали.

— А Лизавета Петровна здорова? перемѣнилъ разговоръ Вальховцевъ.

— Готовятся къ вечеру... У Смирницкихъ сегодня прыганье, сирѣчь танцы, разсмѣялся исправникъ.

Валеріанъ всталъ и началъ прощаться:

— Будьте добры передать мой почтительный поклонъ супругѣ вашей и Зинаидѣ Александровнѣ.

— Слушаю-съ. Очень радъ, что познакомился съ вами.

— Будете въ „Янкинъ“—не церемоньтесь; завтра я ѣду въ Залѣсовъ и на перепутыи загляну въ Янкино: старостѣ будетъ приказано быть въ вашемъ распоряженіи.

Петръ Семеновичъ любилъ покушать и плотно и вкусно. Его поваръ, пятидесятилѣтній Степанъ, учившійся на кухнѣ московскаго богача Р., извѣстенъ былъ всему К.; его папшеты съ бекасами и дупелями, всевозможныя „пюре“ и жаркія были превосходны. Не говоря уже объ обѣдахъ парадныхъ—простые, домашніе всегда были вкусно и изящно приготовлены. Петръ Семеновичъ и самъ понималъ многое въ кулинарномъ искусствѣ; въ свободное время, и въ особенности наканунѣ званаго обѣда, онъ перечитывалъ старинныя французскія поваренныя книги и всегда совѣтовался съ Степаномъ относительно меню и закусокъ.

— Еслибы я зналъ, что ты сегодня будешь обѣдать у насъ, встрѣтилъ племянника Петръ Семеновичъ,—я попросилъ-бы Степана отличиться какимъ-нибудь особеннымъ блюдомъ; впрочемъ и сегодняшнее меню недурно: *bisque*

aux écrivisses ¹⁾), пирожки слоеные, нельма по-русски, mâtchéal изъ рябчиковъ и мороженое plombière ²⁾)

— Да чего ужъ лучше, дядя! здороваясь съ тетками, отвѣтилъ Валеріанъ.

— Ты теперь откуда? спросила Ольга Николаевна.

— Отъ Голубцова.

— И красотку видѣлъ? улыбнулась хозяйка.

— Нѣтъ, ma tante: не показались ни она, ни мать.

— Вѣроятно на какую-нибудь вечеринку собираются: онѣ не разборчивы! замѣтила Ольга Николаевна.

— Къ Смирницкимъ: кто эти Смирницкіе?

— Un parvenu ³⁾)... Въ какомъ-то учрежденіи начальствуетъ; живутъ довольно открыто, но по мѣщански... Comme il faut ⁴⁾—вѣдь не продается!—А тебѣ нравится Зинаида? прищурила глаза хозяйка.

— Я мало ее знаю.

— Однако произвела-же она на тебя какое-нибудь впечатлѣніе при встрѣчѣ?

— И не одно, размѣялся Валеріанъ.

— Ну и что-же?

— Ничего особеннаго... Очень недурна, воспитана, parlant très-bien français ⁵⁾)...

— Впрочемъ и говорить о ней нечего: она почти невѣста.

— Чья? спросила Мокрицкая.

— Да, Боже мой, не новость какая: Васькова... se petit polichinelle, attaché à la personne de madame Никольцевъ ⁶⁾!

Часы пробили четыре—и аккуратный буфетчикъ возвѣстилъ, что кушать подано.

— Валеринька, закусить! пригласилъ Петръ Семеновичъ.—Рекомендую осетровый балыкъ.—Оля, отрѣзать тебѣ?

— Пожалуй; а тебѣ, Наташа?

— Мнѣ-бы икры...

¹⁾ Раковый супъ.

²⁾ Мороженое съ цукатами.

³⁾ Выскочка.

⁴⁾ Порядочность.

⁵⁾ Говорить прекрасно по-французски.

⁶⁾ Этого маленькаго паяца, прикомандированнаго къ госпожѣ Никольцевой.

— Бутербротъ сдѣлать, тетушка? спросилъ Валеріанъ

— Да, голубчикъ... только потоньше.

— А ты что-же, Валеринька, шнапса?.. Пьешь?

— Изрѣдка; но сейчасъ—вынью.

— Хочешь ерофѣича?

— Пожалуй.

Сѣли за столъ.

— Ты завтра ѣдешь въ Янкино? спросилъ генераль.

— Да; сейчасъ-же послѣ завтрака.

— На своихъ поѣдешь?

— Да; что-же лошадямъ двѣ недѣли даромъ на конюшнѣ стоять, а мнѣ каждый мѣсяцъ почтовымъ деньгами платить? Обѣздъ съ большими промежутками... не устанутъ лошади, а ѣзда на своихъ или на почтовыхъ—разница!

— Еще-бы! Такъ вотъ, голубчикъ, свежи по пути управляющему моему денежный пакетъ, который я тебѣ дамъ, и получи отъ него росписку; самъ я на этой недѣлѣ ѣхать не могу.

— Съ удовольствіемъ, дядя.

— Да посмотри, пожалуйста, чѣмъ они занимаются? Паровая мельница совсѣмъ готова—дѣло только за постановкой машины, а вотъ въ главномъ корпусѣ что они дѣлаютъ?

— А чѣмъ кончилось дѣло Ржаницына? спросила Ольга Николаевна.

— Два повытка присудили крестьянамъ и два помѣщику.

— Отличились! развелъ руками генераль.

— Неужели и ты, Валеріанъ, въ числѣ Лиманскаго и компаніи? спросила Ольга Николаевна.

— Худо-же вы, ma tante, меня знаете—обидно даже слушать! пожалъ плечами молодой человѣкъ.—Я подаль мнѣніе о неправильности постановленія, холодно сказалъ онъ.

— Ну прости: увлеклась! извинилась тетка.—Какимъ-же образомъ могло это случиться?

— Насъ было четверо... Васьковъ сказался больнымъ...

— Ну конечно... вильнуль хвостомъ! крикнулъ Петръ Семеновичъ.

— Polichinelle и больше ничего! добавилъ Ольга Николаевна.

— Не полишинель, а дрянцо! поправиль генераль.— Можно только удивляться, какъ пролѣзла въ посредники такая личность!—Продолжай, Валеринька.

— Амосовъ, который былъ на моей сторонѣ, сообщилъ, что если онъ и будетъ противъ Лиманскаго и Шахматова— все равно Ржаницынъ дѣло выиграетъ, такъ какъ голосъ предсѣдателя перетянетъ, и потому рѣшился вырвать въ пользу крестьянъ хотя два повытка, путемъ мировой сдѣлки; но я не согласился и подалъ мнѣніе.

— Губернатору докладывалъ?

— Сегодня утромъ; очень былъ доволенъ моими дѣйствіями и отнесся ко мнѣ весьма любезно.

— И слава Богу: теперь Константинъ Александрычъ полюбитъ тебя—помяни мое слово!

По окончаніи обѣда, выкуривъ трубку, Петръ Семеновичъ ушелъ отдохнуть, а тетка съ Валеріаномъ перешла въ гостиную.

XXIX.

Исполнивъ порученіе Петра Семеновича и передавъ Горшалковскому управляющему пакетъ съ деньгами, Валеріанъ, около двухъ часовъ, былъ уже въ Янкинѣ. Обойдя усадьбу и осмотрѣвъ все до мелочей, онъ провѣриллъ черную приходо-расходную книгу, которую велъ Матвѣй—сыроваръ, напился у него чаю, закусилъ чѣмъ Богъ послалъ и въ шесть часовъ вечера выѣхалъ въ „Петрилово“. Ефимьевы до нельзя обрадовались; Анна Васильевна уѣхала обратно въ „Плоское“, у стариковъ не было ни занятій, ни газетъ и только изрѣдка навѣщала Ефимьевыхъ ихъ приходскій священникъ, да и то когда треба вызывала его въ окрестности Петрилова. Скука одолевала ихъ и они съ жадностью разспрашивали Валеріана о сынѣ, городскихъ новостяхъ, о томъ, что печатается въ газетахъ. Вальховцевъ по возможности удовлетворилъ стариковъ, переночевалъ у нихъ и на другой день вечеромъ прибылъ въ Залѣсовъ.

Гостиница, въ которой остановился Валеріанъ, была единственною въ городѣ. Отведенный Вальховцеву номеръ отличался отъ прочихъ номеровъ только тѣмъ, что былъ почище и количество непріятныхъ инсектовъ въ немъ было поменьше. Обстановка вездѣ была одинакова: жесткій кожа-

ный диванъ съ высокою спинкой, передъ нимъ круглый столъ подъ цвѣтной скатерткой, два-три кресла, зеркало въ простѣнкѣ между оконъ, за ширмами кровать весьма сомнительной чистоты и старинный мѣдный рукомоиникъ. Первымъ дѣломъ Валеріана было приказать корридорному открыть трубу и форточку, такъ какъ угаръ давалъ себя чувствовать довольно сильно, затѣмъ отвести лошадямъ приличное помѣщеніе. Просмотрѣвъ карточку имѣющихся кушаньевъ, Вальховцевъ остановился на рябчикахъ и на ухѣ изъ налима, которые и велѣлъ приготовить призванному повару, съ нѣкоторыми наставленіями и обѣщаніемъ дать ему на чай, при отѣздѣ. Такое-же обѣщаніе дано было и корридорному и возымѣло большую силу, такъ какъ немедленно и кровать и матрацъ были вынесены изъ номера для приведенія ихъ въ улучшенный видъ.

Во время послѣдней операціи, по корридору раздались шаги и въ дверь номера осторожно постучали. Валеріанъ крикнулъ: „войдите!“ и съ особенными предосторожностями, какъ-бы крадучись, вошла молодая еще фигура высокаго гвардейскаго офицера.

— Николай Петровичъ, здравствуй! всакивая съ дивана, вскричалъ Вальховцевъ.

— Не обезпокоилъ-ли я *васъ*, сладкопѣвно проговорила фигура, нагибаясь всѣмъ корпусомъ впередъ и медленно протягивая руку.

— Вы! Церемоніи! Какъ тебѣ не стыдно: пять лѣтъ въ одной дивизіи служили, два года только прошло какъ разошлись въ разныя стороны, а ты ужъ и на „вы!“ обнялъ офицера Валеріанъ.—Садись... Какъ ты сюда попалъ?

— Здѣсь у меня, *mon cher*¹⁾, усадьба въ трехъ верстахъ отъ Залѣсова. Состою кандидатомъ, мировыхъ посредниковъ. Сюда пріѣхалъ вчера и остановился въ этомъ-же корридорѣ... Дѣльцо есть...

— Ты отпускъ что-ли получилъ?

— Да.

— Не женился?

— Нѣтъ; не легкое это дѣло, *mon cher*, женитьба: надо до тонкости узнать дѣвушку прежде чѣмъ сдѣлать предложеніе.

¹⁾ Мой милый.

— Такъ ты все въ усадьбѣ и живешь?

— Ъзжу и въ городъ, конечно зимою, — тамъ вѣдь у меня сестра: Никольцева — знаете?

— Опять?.. Знаю.

— Вы позволите мнѣ перенести свой чай сюда?

— Пожалуйста. (Ну, чортъ съ тобой, коли не хочешь быть на „ты“, подумалъ Валеріанъ).

Офицеръ вышелъ, а мы воспользуемся этимъ, чтобы сказать о немъ нѣсколько словъ. Николай Петровичъ Башиловъ принадлежалъ къ сорту людей, весьма часто встрѣчающихся во всѣхъ родахъ службы. Недалекій, по неспособности еле выпущенный въ гвардію, но за то искательный, исполнительный и уступчивый — онъ качествами этими умѣлъ снискивать расположеніе начальства, которое, кстати сказать, и въ эпоху нашего разсказа и въ добрыя старыя времена всегда неравнодушно къ подобнымъ достоинствамъ подчиненныхъ. Гибкій, смотря по обстоятельствамъ, и липкій ко всему, что могло принести ему пользу, Николай Петровичъ рано понялъ настоящую *суть* жизни: умѣнье прокладывать себѣ дорожку. Неладившій съ товарищами и напрасно хлопотавшій о мѣстѣ адъютанта у какой-нибудь „особы“, онъ, подъ видомъ составленія уставныхъ грамотъ въ своемъ имѣніи, взялъ отпускъ, выпросилъ себѣ, чтобы не быть затертымъ, должность кандидата мировыхъ посредниковъ и сталъ подѣлываться къ властямъ и обществу, имѣя тайное желаніе добиться мѣста полицмейстера въ г. К. — Башиловъ штабсъ-капитанъ гвардіи, т. е. майоръ арміи, въ обществѣ укоренился, имѣлъ небольшое состояніе, женихъ не изъ послѣднихъ. Одѣтъ всегда съ иголочки, чисто выбритъ, остриженъ гладко, пропитанъ духами. Наружность его прилична и, еслибы не кисло-сладкая улыбка, могла-быть даже привлекательна.

Вошелъ Николай Петровичъ и за нимъ корридорный, съ самоваромъ и чайнымъ приборомъ.

— А мнѣ скоро будетъ обѣдъ? спросилъ Вальховцевъ.

— Черезъ полчаса. Вина прикажете?

— Николай Петровичъ! Надо шинючки потребовать, ради свиданія...

Ой нѣтъ! вынувъ носовой платокъ и аккуратно смахнувъ съ кресла пыль, сѣлъ Башиловъ.

— Ну, красного...

— И этого не буду.

— Какъ тебя зовутъ? обратился Валеріанъ къ корри-
дорному.

— Павломъ.

— Такъ, Павелъ, дай мнѣ красного...

— Какого прикажете: „Нюі“, „Эмильонъ“, „Медокъ“?

— Давай „Эмильонъ“.

— Вы что-же совсѣмъ вина не пьете? спросилъ Валь-
ховцевъ Башилова, по уходѣ лакея.

— Пью, но съ разборомъ; здѣсь надо быть очень осто-
рожнымъ: какъ разъ пьяницей прославятъ, а мнѣніемъ обще-
ства пренебрегать не слѣдуетъ!

Валеріанъ расхохотался.

— Не смѣйтесь: поживете перемѣнитесь!

— Врядъ-ли! Чтобы я изъ-за какихъ нибудь сплетницъ
и вралихъ, хотя-бы и высшего свѣта, сталъ разсчитывать
каждый свой шагъ или мѣнять свои привычки—да ни за
что! Меня еще здѣсь не было, а ужъ репутацію мою сдѣлали.

— Вотъ видите!

— Вижу... и изъ этого заключаю, что если меня уже
заранѣе отрекомендовали кутилой, когда я пью мало, то
пей или не пей—sobriquet ¹⁾ мое останется.—Вы почему не
хотите выпить со мной красного?

— Потому, что мнѣ надо еще кой-какіе визиты сдѣлать
и неловко, если отъ меня виномъ будетъ пахнуть.

Вальховцевъ только рукой махнулъ.

— Въ восьмомъ часу визиты дѣлать!

А вы развѣ къ предводителю не зайдете?

— Завтра, передъ засѣданіемъ.

А къ посредникамъ?

— Послѣ засѣданія; они не обидятся... Соболевъ—мой
пріятель, а Галкинъ не считается визитами.—Вы гдѣ-же въ
К. останавливаетесь: у сестры?

Зачѣмъ? Безпокоить ее?.. Въ „Парижѣ“ я остано-
вливаюсь.

— А почему на обѣдѣ у князя не были... вѣдь вы полу-
чили приглашеніе?

¹⁾ Насмѣшливое прозвище.

— Получилъ, но не могъ прѣхать: въ участкѣ былъ, по поводу уставныхъ грамотъ. Говорятъ около ста человѣкъ было. Однако до свиданія... Засѣданіе ровно въ полдень.

По уходѣ Башилова, Валеріанъ отобѣдалъ, спросилъ газету и занялся ею, прихлебывая „St-Emilion“, какъ вдругъ дверь въ номеръ отворилась и низенькая, полная барыня, съ чепцомъ на затылкѣ и полысѣвшимъ проборомъ, не вошла, а влетѣла въ комнату.

— Имѣю честь рекомендоваться: помѣщица здѣшняя, Марфа Ивановна Пташкина, бойко отрѣзала она.

Вальховцевъ поклонился и пригласилъ ее сѣсть.

— Хотя мнѣ по полу моему и не совсѣмъ прилично по молодымъ людямъ развѣзжать, да еще по трактирамъ, повела свою рѣчь гостя, но дѣлать нечего: такія времена настали, что и не хочется, да ѣдешь...

„Ну, это совершенно безопасно!“ подумалъ Валеріанъ.

— Чѣмъ могу служить? спросилъ онъ помѣщицу.

— А вотъ чѣмъ: жалобу вамъ на г. посредника хочу принести, отвѣтила она дрожащимъ голосомъ; видно было, что предметъ разговора уже заранѣе раздражалъ ее.

— Но жалобы на посредниковъ приносятъ по однимъ дѣламъ мировому сѣзду, по другимъ—губернскому присутствію, а не мнѣ. Я не имѣю права...

— Нѣтъ ужъ позвольте, перебила его Пташкина:—мнѣ сказали знающіе люди, что вы отъ правительства надъ посредниками поставлены,—значить, вы ихъ начальникъ, а кому-же, какъ не начальству, приносить жалобы на подчиненныхъ?

— Увѣряю васъ, что вы ошибаетесь: я такой-же членъ мирового сѣзда, какъ и посредники и никакой власти надъ ними не имѣю.

— То-есть по просту вы не хотите выслушать моей просьбы? Такъ, что-ли? спросила она, озлясь.—Ну конечно: кто нынче выслушиваетъ своего брата-дворянина, а тѣмъ болѣе кто заступится за беззащитную вдову, у которой кромѣ ея дворянской чести ничего нѣтъ! иронически проговорила помѣщица, въ волненіи обдергивая завязки чепца и ёрзая на креслѣ.

— Въ доказательство, что я не тягочусь вашей прось-

бой, спокойно возразилъ Вальховцевъ,—я попрошу васъ изложить содержаніе ея.

— Извольте-съ... Дѣло въ томъ, что всѣ мужиченки мои просто отъ рукъ отбились, съ волей съ этой; дерзости даже мнѣ стали дѣлать, такъ что житья отъ нихъ въ селѣ нѣтъ. Жаловалась я старшинѣ и посреднику: во всемъ они этихъ мошенниковъ оправдали и довели, своими побрякушками, народъ чуть не до разбоя. Это, видите-ли, по модѣ значить! Ну, избаловались эти аспиды до того, что никакого сладу съ ними дать нельзя. Вотъ только нонче, около Рождества, иду я по селу... встрѣчается мнѣ мой работникъ, Васька Гусакъ, носомъ къ носу и шапки не ломаетъ! Какъ вамъ это покажется? Щенокъ, молоко на губахъ не обсохло, барынѣ поклониться не хочетъ! Голова, видите ли, отвалится! Да что-жъ это наконецъ: раззорили насъ, всѣ права отняли, даже еще холопамъ куражиться надъ нами позволяютъ! (Пташкина остановилась, какъ-бы ожидая отвѣта, но Валеріанъ попросилъ ее продолжать).—Ну, я посдержала себя, только слегка ругнула его и, со свойственной намъ женщинамъ незлопамятностію, на другой-же день и забыла про это; а онъ, каналья, не забылъ; извѣстно всѣ они злобу на господъ питають, рады ножъ въ бокъ всадить. Вотъ только дня черезъ два везетъ онъ сѣно изъ поля; смотрю: возикъ крохотный, что твоя волочущка, десяти пудовъ не будетъ. —„Стой“, говорю,—„что мало везешь?“—А онъ, эдакъ съ усмѣшкой, аспидъ и отвѣчаетъ: „лошадь ваша болѣе не подымаетъ, и то еле ноги тащить“, да дерзко такъ. Ну, разозлилъ меня... кажись, будь прежнее время—такъ-бы и разразила его, ей Богу! И передъ Творцомъ милосерднымъ покаюсь, потому терпѣнья моего не стало! Какъ-же, помилуйте: лошадь—первый сортъ, сто ассигнаціями заплачена, а Васька—подлецъ—говорить, что она еле ноги таскаетъ! Извѣстно: все ихняя лѣнь проклятая да злость анафемская на помѣщиковъ... Я и поругала его, штрафъ въ двадцать пять копѣекъ на него наложила, а онъ представьте: вѣдьмой меня обозвалъ! А! Вѣдьмой!.. Дерзость-то, дерзость какая! Столбовую дворянку холопъ, сипакъ, вѣдьмой называетъ!.. Вотъ-съ, съ новыми порядками да съ новымъ начальствомъ, до чего дожили! захлебывающимся отъ злости голосомъ и тряся головой, прокричала Пташкина.

Вальховцевъ молчалъ и еле сдерживалъ себя: смѣхъ такъ и разбиралъ его.

— Конечно, примѣтивъ равнодушіе Валеріана и кидая на него значительные взгляды, продолжала помѣщица, — тѣмъ, у кого наслѣдственного много—и горюшка мало до насъ бѣдныхъ, которымъ приходится жить въ усадьбахъ, да самимъ до всего доходить, а намъ-то каково? Сегодня нашъ бывшій рабъ насъ обругаетъ, а завтра и прибьетъ пожалуй! И до этого дойдетъ! Непремѣнно дойдетъ!

— Вы посреднику жаловались?

— Да-съ; господина Соболева утруждала, но они не соблаговолили войти въ мое положеніе: извѣстно: денегъ у меня нѣтъ, протекціи тоже—такъ стоитъ-ли за такую дрянъ вступаться! ядовито сказала она.

Вамъ надо было объ этомъ полиціи заявить, а не посреднику: это чисто полицейское дѣло.

Ничего я этого не знаю: мнѣ извѣстно только, что по положенію посредникъ долженъ разбирать наши дѣла съ крестьянами. Полторы-то тысячи они небось изъ нашихъ денегъ въ карманъ себѣ кладутъ!

— Въ положеніи перечислены всѣ случаи, когда посредникъ обязанъ принимать дѣла къ своему разбирательству; ваше-же дѣло не подходитъ ни подъ одинъ изъ этихъ случаевъ.

— Такъ вы что-же возьмете мою просьбу? грубо перебила его Пташкина.—Вамъ-то бы ужъ стыдно было не защитить меня: человекъ вы молодой, столбовой дворянинъ, не какая нибудь чиновничья мразь!

— Я уже сказалъ вамъ, что права не имѣю принимать подобныя просьбы: я указалъ вамъ законный путь.

— Такъ вы не хотите? вскочила помѣщица, вся красная, причѣмъ чепецъ ея окончательно съѣхалъ на затылокъ. —И вы, значить, такой-же!

— Не кричите, пожалуйста, остановилъ ее Вальховцевъ, тоже поднявшись:—здѣсь гостиница, вѣдь это неприлично.

— Да вы никакъ учить меня вздумали? Меня?! Да я не только что здѣсь—по всему городу кричать про васъ буду, губернатору пожалуюсь!

И жалуйтесь сколько угодно, меня-то только оставьте въ покоѣ.

— И будемъ-съ! Будемъ! Никому не позволимъ надъ собой командовать!.. Будьте увѣрены!.. Мое почтеніе! раскланиваясь и разводя руками, кричала она, разсвирѣпѣвъ. — Дрянной мальчишка! прошипѣла она въ дверяхъ и мгновенно исчезла, когда Валеріанъ двинулся къ ней.

XXX.

Сельцо „Плоское“ примыкало къ большой дорогѣ изъ уѣднаго города Михалкова въ губернской. Старинный двухэтажный, весьма простого вида, домъ отстоялъ отъ дороги саженьяхъ въ пятидесяти; аллея большихъ, кронныхъ липъ вела отъ отвода на дорогѣ къ широкому двору, окруженному хозяйственными постройками; отъ аллеи, параллельно фасаду дома, развѣтывался большой садъ, покрытый снѣжнымъ покровомъ, бѣлыми шанками на прадѣдушкиныхъ деревьяхъ и такими-же комьями на кустарникахъ. Былъ полдень; стоялъ тихій, слегка морозный день; солнце свѣтило ярко и лучи его сверкали по снѣгу мириадами блестящихъ точекъ.

Михаилъ Павловичъ третій день жилъ въ городѣ; бельэтажъ дома былъ пустъ, за исключеніемъ углового кабинета Татьяны, въ которомъ она занималась шитьемъ; Анна Васильевна бѣгала по хозяйству, а Сесиль и учительница, съ Олей и Соней, сидѣли въ классной.

— Таня! послышалось снизу.

— Что, Аня?

— Спустись.

Дѣвушка спустилась.

— Знаешь что пришло мнѣ въ голову: мнѣ кажется, что панъ сегодня пріѣдетъ.

— Какой панъ?

— Ахъ, матушка, какая ты недогадливая: извѣстно кто—Вальховцевъ! Я прозвала его такъ еще при встрѣчѣ съ нимъ въ „Петриловѣ“. Барина корчитъ! передернула плечами Ефимьева.

— Это неправда; никого онъ изъ себя не корчитъ. Держитъ себя совершенно просто.

— Ничего ты не понимаешь! фыркнула Анна Васильевна и, отвернувшись, сказала:—Я думаю, на всякій случай, еще блюдо прибавить...

— Такъ что-жъ—прибавь: конечно лучше чѣмъ на трехъ блюдахъ сидѣть... Не прїѣдетъ—на завтра пригодится... Ты что хочешь прибавить?

— Рябчиковъ; у насъ борщъ, пирожки съ творогомъ, баранина съ гречневой кашей и шоколадная яичница въ чашкахъ.

— А салатъ какой?

— Брусничное варенье и бѣлая смородина въ укусѣ.

— Колокольчикъ!.. Кибитка въ аллею завернула! вскричала вбѣжавшая дѣвочка.

— Пань! Пань! бросилась къ окну Ефимьева.—Отворите парадный подъѣздъ!

Пожилой лакей торопливо поднялся на верхъ, а за нимъ Анна Васильевна и Таня, которыя ушли въ кабинетъ послѣдней.

Вальховцевъ снялъ шубу, привелъ себя въ порядокъ и прошелъ въ залу; окольнымъ путемъ, черезъ гостиную, встрѣтила его Ефимьева, а за ней Татьяна.

— Здравствуйте... Замерзли? подскочила къ гостю Анна Васильевна, протягивая руку.—Сейчасъ позавтракаете... Таня, веди Валерьяна Николаевича въ свой кабинетъ, а я пойду, распоряжусь...

— Надѣлалъ я вамъ хлопотъ! —Ну какъ твое здоровье? цѣлуя руки Тани, спросилъ молодой человѣкъ.

— Ты то какъ совершилъ путешествіе? весело взглянула на него дѣвушка, направляясь въ кабинетъ.—Не хочешь-ли закусить, пока завтракъ готовить?

— Нѣтъ, Таничка: подожду. Путешествіе мое оказалось лучше, чѣмъ я ожидалъ; потомъ я все расскажу тебѣ, если это тебя интересуешь.

И очень! она сѣла на диванъ, а Валеріанъ, противъ нея, въ кресло.—Отчего не хочешь ты говорить теперь? Поймай немножко... Я сейчасъ приду, и дѣвушка торопливо пошла внизъ.

Вальховцевъ осмотрѣлъ кабинетъ: диванъ краснаго дерева, съ круглымъ столомъ передъ нимъ, кресла, большое овальное зеркало надъ диваномъ; письменный столъ въ углу, между двухъ оконъ, шифоньерка въ простѣнкѣ, портреты и карточки на другой стѣнѣ. Комната уютная, мебель незатѣйливая.

Таня вернулась, за ней старикъ-лакей съ закуской на подносѣ.

— Ставь, Григорій Платонычъ, на столъ,—лампу я уберу;—Валя, замори червячка!

— Заморю, а только ты напрасно хлопотала: подождалъ-бы!

— Я такъ рада, что ты пріѣхалъ! откровенно и просто сказала дѣвушка.—Закусывай и рассказывай! сѣла она на диванъ.

Сообщивъ о дѣлѣ Ржаницына, объ инцидентѣ съ Пташкиной, о Вольскомъ сѣздѣ, Валеріанъ перешелъ къ Михалковскому и князю Комельскому.

— Напрасно выставляютъ князя и бездарнымъ и глупымъ, чуть не идіотомъ; теперь, познакомившись съ нимъ на дѣлѣ, я долженъ сказать, что главный порокъ Комельскаго—доброта и нестяжаніе; тѣ, которые его объѣдаютъ и опиваютъ, которые берутъ у него взаймы деньги безъ отдачи—тѣ-то и бранятъ его и позорятъ. А я скажу, что человѣкъ онъ вовсе неглупый, прямой и честный: онъ не прижметъ мужика въ угоду какому-нибудь Ржаницыну, не станетъ на сторону людей заинтересованныхъ, а прямо выскажетъ свое мнѣніе. Я, признаться, не ожидалъ отъ него такой прыти! Разбиралось дѣло о нѣкоемъ г. Шкуринскомъ, владѣльцѣ сельца „Вешнякова“, не такъ давно испеченномъ дворянинъ изъ чиновниковъ; потребовалъ онъ перенесенія крестьянской усадьбы ввиду того, что отъ „Вешнякова“, гдѣ онъ живетъ, крестьянскія строенія находятся ближе пятидесяти сажень отъ помѣщичьихъ, возведенныхъ до обнародованія „Положенія“. Сѣздъ поручилъ мировому посреднику Меркурову, въ подробности, осмотрѣть мѣсто, назначенное Шкуринскимъ, подъ новую усадьбу крестьянъ и оказалось, что мѣсто это совершенно неудобно для поселенія: не приурочено къ пахатной крестьянской землѣ, выгона не имѣетъ, водой не снабжено, почва су-песокъ. Крестьяне молятъ не переселять ихъ на предположенную пустошь, на которой растетъ только „бѣлоусъ“, а ужъ если нужно—то дать землю хорошую. Шкуринскій стоитъ на своемъ. Сѣздъ, съ княземъ во главѣ, единогласно отказалъ Шкуринскому.

— Молодецъ Меркуровъ, но за то хорошъ и г. Шкуринскій!

— Меркуровъ, Таля, пропитанъ чувствами настоящаго дворянина, а Шкуринскій—рагвені¹⁾, воспитанный только на стяжаніи.

Влетѣла Анна Васильевна и усѣлась подлѣ Вальховцева.

— Ну что мои старики? Вы конечно развеселили ихъ... Ужасная у нихъ труппа! смѣясь, и вмѣстѣ съ тѣмъ соболѣзнуя ихъ одинокой жизни, спросила Ефимьева.

— Развлекъ, сколько могъ; вѣдь жизнь ихъ — жизнь затворниковъ: ни посѣтителей, ни свѣдѣній — точно заживо погребенные!

— Да, кузень, завертѣлась Анна Васильевна, страшно жаль мнѣ моихъ добрыхъ стариковъ (у нея дрогнулъ даже голосъ), а чѣмъ поможешь: молитвой только да и то грѣшной! Я существую благодаря дядѣ, братъ помочь не можетъ...

Она обернулась, скрадывая наворачнувшіяся слезы, и быстро вышла изъ кабинета.

— Знаешь что, Таня, когда шаги Ефимьевой по лѣстницѣ смолкли, Анна Васильевна, какъ она иногда ни смѣшна,—добрая дѣвушка, съ сердцемъ, готовая помочь всякому! Мнѣ она очень нравится: оригинальная дѣвица!

Потому-то я съ ней и дружна!.. На эту честную натуру, на это сердце можно положиться: кромѣ того Аня прямо и если что передашь ей—могила! Много-ли теперь встрѣтишь такихъ—скажи-ка!

— Конечно не много.

То-то, Валя! Потому я и вѣрю ей и защищаю ее отъ нападковъ глупыхъ людей и перваго — брата ея, Петра; не знаю, за что клянеть онъ ее вездѣ? А человекъ—не злой... Хоть-бы ты его примирилъ съ сестрой...

Говорилъ ужъ я не одинъ разъ... да заряженъ онъ противъ нея крѣпко!

Худо будетъ тѣмъ людямъ, которые занимаются такими гнусными дѣлами! простодушно сказала дѣвушка. — Ну, пойдемъ въ классную я познакомлю тебя съ Сесиль, учительницей и дѣтьми.

Къ обѣду пріѣхалъ Кареловъ; онъ очень обрадовался, увидя Вальховцева, за столомъ посадилъ возлѣ себя и былъ

¹⁾ Выскочка.

крайне къ нему внимателенъ. Разспросивъ его о рѣшенныхъ сѣздами дѣлахъ, онъ былъ возмущенъ результатомъ иска Ржаницына и поступкомъ Шкуринскаго.

— Впрочемъ, добавилъ Михаилъ Павловичъ:—что-же ты хочешь: чиновникъ, выскочившій въ дворяне! Чтобы быть настоящимъ дворяниномъ, надо родиться!—Губернаторъ весьма доволенъ твоимъ поведеніемъ въ К-скомъ сѣздѣ и поданнымъ тобою мнѣніемъ; онъ давалъ мнѣ читать его.

— А какъ думаете вы, дядя: если крестьяне подадутъ жалобу министру на то, что сѣздъ сбилъ ихъ съ толку и они подписали мировую, не обдумавъ ее хорошенько—возьметъ министръ ихъ сторону?

— Очень можетъ быть, что и возьметъ.—Мнѣніе твое дѣльно написано: ясно, сжато, внушительно. На меня подействовало оно такъ: ложь относительно кортомы и желаніе сѣзда, во чтобы то ни стало, угодить Ржаницыну. Я увѣренъ, что если будетъ изъ министерства запросъ—Бронницкій распишетъ всю правду-матужку!—Валеринька, выей краснаго... „Медокъ“ у меня Раулевскій.

— Благодарю, дядя: выпью.—А какъ ваше хозяйство? Запашка велика?

— Хочу убавить и перейти къ шестипольному сѣвообороту.

— Отчего не къ пятипольному? Англичане считаютъ его самымъ лучшимъ.

А потому, что съ пятипольнымъ возиться надо долго, а сдѣлать изъ трехпольнаго шестипольный—весьма легко: разрѣзалъ каждое поле на двое—и баста!

— Это правда... А сколько будетъ у васъ десятинъ въ клину?

— Двадцать; больше не пущу. У меня сто шестьдесятъ животинъ, кромѣ быковъ и телятъ—выйдетъ слишкомъ восемь на десятину. Удобренія будетъ достаточно.

— А сѣвооборотъ какой?

— Паръ, рождь, 1-й клеверъ, 2-й клеверъ, выгонъ, овесъ.

— Что-же вы, дядя, съ эдакимъ большимъ стадомъ дѣлать будете? Неужто русское масло пахтать намѣрены?

— Я самъ не знаю... У тебя-то какъ?

— У меня—сыровареніе; сыроваръ проситъ сдать ему молоко въ аренду... еще не рѣшилъ...

— Рѣшай, Валеринька: покойнѣе будетъ! Арендаторъ, для своей-же пользы, станетъ слѣдить за скотомъ и за правильностію доенія.

— Думаю, что и аренда превыситъ русское масло! усмѣхнулся Вальховцевъ.

Обѣдъ кончился и Михайлъ Павловичъ, съ Валеріаномъ и Таней, перешелъ къ себѣ въ кабинетъ; Анна Васильевна пошла хлопотать о кофе.

— Валеринька! садясь въ кресло и раскуривая трубку, сказалъ Кареловъ:—Хочу я дать тебѣ совѣтъ—примешь?

— Конечно... съ благодарностью...

— Ты былъ у моего коллеги, непремѣннаго члена Жихарева?

— Собираюсь.

— Съѣзди къ нему; онъ—человѣкъ прекрасный, умный и можетъ тебѣ быть полезенъ.

— Непремѣнно съѣзжу... Какъ пріѣду въ городъ—такъ и сдѣлаю визитъ.—На будущей недѣлѣ масляница... Татьяну Михайловну вы привезете?

— Конечно! Надо-же ей показываться...

— Еще-бы: такихъ дѣвицъ, дядя, подъ спудомъ держать грѣшно! разсмѣялся Вальховцевъ.

— Нельзя-ли, Валеріанъ Николаичъ, безъ комплиментовъ! смѣясь, но краснѣя, остановила его дѣвушка.

— Да я—вѣдь правду говорю!—Дядя, такъ—вѣдь?

— Конечно! А вотъ что, моя дѣвочка, принеси-ка намъ къ кофею какого-нибудь ликерцу.

— Какого, папа? Шартрезъ или крамбамбули? подошла Таня къ отцу.

— Во первыхъ поцѣлуй меня, а во-вторыхъ принеси оба.—Я-вѣдь не совсѣмъ доволенъ, скажу тебѣ по секрету, вполголоса продолжалъ Кареловъ, когда Татьяна спустилась внизъ,—что Ольга Петровна вывозитъ Таню въ свѣтъ: она выдвигаетъ Зинаиду Голубцову, а мою дѣвочку затушевываетъ... Не любить она ее, потому что Таня скромна, не вертушка... Ну, да что станешь дѣлать! Конечно была-бы мать жива—не то бы и было! Говорю тебѣ это по душѣ, потому что ты, какъ я замѣтилъ, человѣкъ прямой, честный, солидный,—не изъ нынѣшнихъ!

— А въ Залѣсовѣ видѣлъ Башилова?

— Видѣлъ; заходилъ ко мнѣ въ номеръ.

— Церемонный всегда, какой-то дѣланный, а не живой человѣкъ!

Валеріанъ разсказалъ, какъ Башиловъ обратился къ нему на „вы“ и до чего онъ остороженъ и искателенъ.

Лакей внесъ кофе и ликеры; за нимъ вошла Таня.

— Ну-съ, господинъ гвардеецъ, ласково обратился Михаилъ Павловичъ къ племяннику, показывая на ликеры,— распоряжайтесь... Въ кофей или отдѣльно?

— Отдѣльно.

— Таничка, налей!

— А вы, дядя?

— Первое: что я не гвардеецъ, а второе—что мнѣ эги питія вредны.

— Да и я ихъ избѣгаю, но въ такомъ радушномъ домѣ развѣ можно отказаться?

— Таня, а вѣдь кузень-то твой научился въ Питерѣ сладкія слова говорить! разсмѣялся Кареловъ.

— Онъ, папа, не только сладкія слова говорить, но вспомнилъ черезъ три года, когда меня ужиномъ кормилъ, что я грушевую воду люблю! Гвардейцевъ въ Петербургѣ, вѣрно этому обучаютъ! улыбнулась дѣвушка.

— Обучаютъ, точно, но и въ провинціи растутъ дѣвицы, которыя своимъ милымъ обращеніемъ вынуждаютъ насъ, гвардейцевъ, вспомнить и приложить къ дѣлу усвоенныя ими обученія!

— Ну, Таничка, нашъ гость за словомъ въ карманъ не полѣзетъ!

Въ семь часовъ вечера, напившись чаю, Вальховцевъ собрался въ отъѣздъ, но былъ удержанъ Михаиломъ Павловичемъ, Таней и Анной Васильевной.

— Безъ ужина не отпущу! рѣшилъ Кареловъ.—Выспаться успѣешь: завтра не надо на службу идти!

— Темно будетъ да надо еще докладъ губернатору окончить.

— Въ десять часовъ мѣсяцъ взойдетъ—вотъ тогда и уѣзжайте! возразила Ефимьева.

— Напрасно его уговариваешь, замѣтилъ Кареловъ:—пѣшкомъ онъ не пойдетъ, а лошадей ему не запрягутъ.

— Дядя, это насиліе!

— Ну да тамъ что-бы не было, а въ „Плоскомъ“ ты сегодня отъужинаешь! разсмѣялся Михаилъ Павловичъ.

Валеріанъ дѣйствительно отъужиналъ и, провожаемый любезными хозяевами, въ одиннадцатомъ часу, выѣхалъ изъ усадьбы.

XXXI.

На другой день, выходя отъ губернатора, которому онъ представилъ записку о засѣданіяхъ съѣздовъ, Валеріанъ въ приемной встрѣтился съ Петей Ефимьевымъ.

— А я къ тебѣ хотѣлъ заѣхать, просить тебя: сегодня у меня новоселье, будутъ кой-кто изъ молодежи... Выпьемъ, въ картишки перекинемся—пріѣзжай, Валя, сдѣлай милость.

— Да надо мнѣ вечеромъ непременно въ двухъ мѣстахъ побывать—не знаю, Петя, успѣю-ли...

— Ну хоть къ десяти часамъ пріѣзжай... Горько мнѣ будетъ, если тебя, моего истиннаго друга, не будетъ у меня на новосельи!

— Постараюсь, Петя, но если опоздаю—прости.

— Ничего, ничего... только заѣзжай! и Ефимьевъ пошелъ къ губернатору.

Позавтракавъ у дяди Александра Семеновича и просидѣвъ у него около двухъ часовъ, Вальховцевъ отправился къ Голубцовымъ. Александра Павловича не было дома, приняла молодого человѣка Лизавета Петровна. По обыкновенію, она сидѣла за какой-то работой и еле говорила, за то Зинаида, веселая и бойкая, болтала безъ умолку. Валеріанъ заговорилъ о клубномъ вечерѣ, въ четвергъ:

— Итакъ: первая кадрили и мазурка—мои?

— Да; если хотите, то и четвертую кадрили могу вамъ дать, улыбулась дѣвушка.

— Конечно хочу и благодарю! А въ пятницу, гдѣ будете?

— Еще не знаю. Въ воскресенье—*folle-journée*: въ два часа блины въ дворянскомъ собраніи, потомъ катаніе за городомъ, танцы и въ девять часовъ ужинъ. Это ванъ дя-душка Александръ Семенычъ угощаетъ... Пріѣздъ по билетамъ, такъ что будетъ только *la haute volée* города К.

— Съ кѣмъ-же вы ѣдете?

— Матап, вѣроятно тетя Оля...

— И, спросилъ Вальховцевъ,—m-гs Васьковъ и Мячиковъ?

— Не знаю, улыбнулась Зинаида.

— Тройка—Оли, такъ что неизвѣстно, кого она пригласить, вяло отвѣтила Лизавета Петровна.

— Первая кадрили свободна?

— Да; и мазурка, если желаете..., взглянула на Валеріана дѣвушка.

— Еще-бы! Итакъ, это безповоротно?

— Конечно!

— Зина, а гдѣ книжка съ узорами?... Въ синемъ переплетѣ...

— На вашемъ туалетѣ; хотите я принесу?

— Сама схожу: мнѣ надо еще распорядиться, и вышла изъ комнаты.

— Сожалѣю, что не могу пригласить васъ прокатиться на моей тройкѣ, вздохнулъ Вальховцевъ.

— Все равно я не могла-бы манкировать теткѣ: она распорядительница.

— Вирочемъ, вы такъ ужъ привыкли къ этимъ кавалерамъ...

— Привычка ничего не значить: можно и къ худому привыкнуть... Вы, надѣюсь, послѣ мазурки будете моимъ кавалеромъ за ужиномъ?

— И въ четвергъ также?

— Разумѣется!

Вернулась Лизавета Петровна и жалобно сообщила дочери, что книжки не нашла; Валеріанъ простился и уѣхалъ.

XXXII.

У Ефимьева новоселье было уже въ полномъ разгарѣ. Въ небольшой залѣ, на двухъ столахъ, играли въ карты; остальное общество бродило изъ угла въ уголокъ, заходило въ смежную комнату, прикладывалось къ водкѣ и къ закускамъ, сидѣло въ различныхъ позахъ на диванѣ и креслахъ. Дымъ отъ дешевыхъ сигаръ и папиросъ стоялъ удушливый; тускло горѣли лампы, распространяя кругомъ

невыносимый запах керосина; всё было жарко и тяжело. Многие сняли галстуки и сюртуки, у некоторых глаза посоловели. Бутылки холодного пива приносились и опоражнивались почти мгновенно. Хозяин, немного на весел, с балалайкой в рук, встрѣтил Вальховцева и познакомил его с некоторыми. Тутъ былъ Петровскій—чиновникъ и „юсъ“, къ которому обращался за помощью Ефимьевъ, въ денежныхъ и судебныхъ дѣлахъ, и Гриша Ефремовъ, окончившій образованіе вторымъ классомъ гимназіи, страстный любитель и специалистъ по части собакъ и лошадей, и отставной кавалеристъ Вагановъ, трактирный герой и попивоха, и морякъ въ отставкѣ Дрефинъ, хвастунъ и враль. Тутъ былъ и безхарактерный, смирный вьюноша Мячиковъ, предметъ корыстолюбивыхъ исканій madame Никольцевой и ярый служака Фаворскій, всегда розовенькій и чистенькій, мѣтящій по крайней мѣрѣ въ предсѣдатели какой-нибудь палаты и бѣлобрысый Митька Стреминъ, жидкій гарнизонный офицерикъ, съ вытянутыми въ струнку усиками, великій поклонникъ прекраснаго пола и неутомимый, хотя и плохой танцоръ, и нигилистъ Петинъ, воображающій, что вся суть новаго человѣка заключается въ нечесаной гривѣ, потяхъ „въ траурѣ“, да въ повальномъ глумленіи надъ религіей, любовью, бракомъ и непризнаваніи сословій и властей. Знакомый намъ Молчановъ разговаривалъ въ углу съ какимъ-то плотнымъ молодымъ человѣкомъ, съ весьма умнымъ и симпатичнымъ лицомъ и насмѣшливо улыбался, вслушиваясь время отъ времени въ болтовню развеселой компаніи.

У Вальховцева, съ самаго начала, чуть голова не пошла кругомъ отъ гама и чада. Всякій изъ гостей старался перекричать другого, рассказать что-нибудь поинтереснѣе. Кстати: замѣчали-ли вы, читатель, провинціальную страсть къ рассказамъ? Если нѣтъ—приглядитесь: это стоитъ вниманія. Сообщаете-ли вы, напримѣръ, какую-нибудь новость—будьте увѣрены, что слушатель вашъ, во время вашего разсказа, уже готовитъ въ своей головѣ новость въ свою очередь. Онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ окончанія вашей рѣчи, боится не успѣть высказать придуманное имъ, и часто, недослушавши васъ, начинаетъ свой разсказъ. Въ обществѣ это замѣчается еще рѣзче: выжидаютъ перерыва рѣчи, пере-

бываютъ другъ друга, говорятъ по нѣсколько вдругъ; увлекась желаніемъ сообщить что-нибудь поинтереснѣе, прибѣгаютъ къ выдумкѣ—выходить безтолковщина, часто совершенное вранье.—Къ приходу Валеріана К-ская молодежь порядочно уже повыволталась; многимъ хотѣлось спать, нѣкоторые захмѣлѣли, всѣ видимо скучали. Одинъ Дрефинъ, съ апломбомъ не совсѣмъ пьянаго человѣка и истиннаго вралы, рассказывалъ о своемъ кругосвѣтномъ плаваніи:

— Были мы въ Бѣломъ морѣ, во льдахъ... Я, знаете, охотникъ купаться и холоду не боюсь, вотъ до чего: на свадьбѣ сестры выпилъ я пять бутылокъ портеру, ну и опьянѣлъ...

— Какъ васъ не разорвало — удивляюсь! замѣтилъ Молчановъ.

— Да вотъ такъ; легъ спать—не спится... хмѣль-то, знаете, и развозился; не помню какъ вышелъ я изъ дома,—только поймали меня за полверсты, въ одной рубашкѣ! А морозъ былъ въ 25 градусовъ! Другой-бы тифъ схватилъ или какое-нибудь дурацкое воспаленіе, а съ меня какъ съ гуся вода: только послѣ того стаканчикъ водки съ перцемъ выпилъ!.. Ну-съ, такъ видите холоду я не боюсь... Купался я въ Бѣломъ морѣ... Вдругъ вижу: плыветъ ко мнѣ на льдинѣ большущій бѣлый медвѣдь... Что дѣлать? Жутко таки мнѣ стало, корабль далеко... рѣшилъ выжидать медвѣдя; подпустилъ его сажень на пять, да и трахъ его изъ пистолета!

— Позвольте, остановилъ рассказчика Молчановъ,—откуда-же у васъ явился пистолетъ?

— Въ опасныхъ мѣстахъ я купаюсь всегда съ пистолетомъ, не поморщившись, отвѣтилъ Дрефинъ.

— Не въ зубахъ-ли держали?

— Всяко бывало!

— Канальская служба во флотѣ, замѣтилъ Вагановъ;—легкое ли дѣло провести три года на кораблѣ! Неужто и въ баню васъ не водили?

— Конечно нѣтъ; выкупаешься—и слава Богу!

— Какая однако неопрятность! воскликнулъ чистенькій Оаворскій.

— Прибавьте къ этому, сказалъ Дрефинъ,—что въ каж-

домъ морѣ есть свои насѣкомыя, отъ которыхъ на кораблѣ житья нѣтъ!

— Какъ такъ? спросили многіе.

— А вотъ какъ: вступаєте вы въ Балтійское море... Только что прошли Аландскіе острова—васъ одолѣваютъ блохи, да такъ, что хоть горстями ихъ бери! Перешли въ Нѣмецкое—блохи вдругъ исчезаютъ и замѣняются крошечными тараканами, отъ которыхъ спасенія нѣтъ: заползаютъ всюду и кусаютъ очень больно. Только что миновали Ламаншъ—тараканы пропадаютъ, а являются клопы, да въ такомъ количествѣ, что и вообразить трудно; въ Средиземномъ морѣ—вши.

— Отчего-же происходитъ такое внезапное исчезновеніе однихъ насѣкомыхъ и появленіе другихъ? спросилъ неугомонный Молчановъ.

— Вопросъ этотъ до сихъ поръ не рѣшенъ; говорятъ что насѣкомыя появляются вмѣстѣ съ туманомъ или дождемъ и пропадаютъ отъ тѣхъ-же причинъ. Надо замѣтить, что чистота на нашемъ кораблѣ соблюдалась до педантизма: два раза въ день скатывали палубу.

— Врешь ты все, говорилъ въ это время завзятый собачникъ Ефремовъ вьюношѣ Мячикову,—ну можетъ-ли Гаринская „Милка“ перескочить мою „Нельку“? Эта въ одиночку материщу-русака беретъ! Знаю я, какова „Милка“: изъ-подъ угонки не хитрость поймать, коли звѣрь прямо на щипецъ лѣзетъ... А моего „Карьку“ видѣлъ? Важнецъ будетъ пристяжка!

— Его превосходительство Дмитрій Александровичъ, говорилъ Ѡаворскій Митькѣ Стремину,—большія ошибки нашелъ въ бухгалтерскихъ книгахъ, да и самого казначея распекъ за что-то, а меня благодарилъ... Можетъ, Богъ дастъ, и повыситъ...

— У васъ все только Богъ да Богъ! съ просонковъ крикнулъ, совсѣмъ уже охмѣлѣвшій, Петинъ.

Петровскій рассказывалъ, какъ въ чиновничьемъ клубѣ Михневъ, будто-бы, оторвалъ лакею полъ-уха, какъ въ дворянскомъ клубѣ Рысевъ обругалъ Калугина и какъ Калугинъ, вмѣсто дуэли, пожаловался губернатору, ввернулъ свое мнѣніе о томъ, что молъ дворянство деморализуется, пули боится и добивается безчестья; объявилъ, что чета

Быковыхъ послѣ ужаснаго скандала, разѣхалась, на что Петинъ изрекъ, что нынѣшняя форма брака давно уже устарѣла и что надо радоваться такимъ результатамъ, доказывающимъ несостоятельность подобной, по его мнѣнію, кабалы. Петровскій объявилъ, что на прошломъ обѣдѣ у губернатора была прекрасная бѣлуга, что это большая рѣдкость, такъ какъ его превосходительство, въ торжественные даже дни, кормить гостей телятиной. Дрефинъ не утерпѣлъ, примазался къ разговору и сталъ рассказывать о рыбной ловлѣ въ Астрахани: какъ самецъ-осетръ не оплодотворяетъ икру самки, а только въ продолженіи двухъ недѣль водить ее за усъ вокругъ песчанаго холма, гдѣ выпущена икра, какъ вытащили при немъ бѣлугу въ сто двадцать пудовъ вѣсомъ, какъ ударомъ хвоста она сшибла болѣе десятка рыбаковъ, а во внутренности ея нашли полкалыка съ головой и какъ, вслѣдствіе этого случая, вышло будто-бы предписаніе находится при вскрытіи пойманныхъ крупныхъ бѣлугъ временному отдѣленію. Молчановъ на это замѣтилъ, что это еще ничего, что онъ слышалъ будто-бы въ Астрахани-же вскрыли громадную бѣлугу и въ одной половинѣ ея нашли цѣликомъ мужика съ топоромъ, а въ другой солдата съ ружьемъ! Всѣ присутствующіе расхохотались, Дрефинъ обидѣлся.

Пригласили къ ужину. Выпили, закусили и усѣлись за столъ. Пока ѣли первое блюдо, разговоры на время прекратились; потомъ пошли повторенія, выпивки на „ты“, цѣлованія. Снова поднялся гамъ и крикъ. Потолковали о томъ, что въ К. жить нельзя, что это—подлѣйшее болото; потомъ перешли къ разсужденіямъ объ игрѣ, о томъ, какъ Кустовъ передернулъ на вечерѣ у Лупандина, какъ на прошлой недѣлѣ старый жуликъ Трифоновъ, подъ шумокъ, стеръ у себя ремизы; посыпалась послѣ мелочь: на дняхъ сломала ногу извѣстная борзая „Зюльма“, графа Позѣмова, Бетти Скородумова надула Лоло Сергунова, за что и была имъ прогнана, какъ губернаторъ чуть не провалился въ щели Симскаго озера. Ефимьевъ объявилъ, что онъ „камедь“ сломаетъ; выскочилъ изъ-за стола, передразнилъ нѣсколько личностей, немного побалаганилъ, а потомъ рассказалъ извѣстную сцену, какъ мужики въ театръ ходили, и рассказъ удачно. Стреминъ затянулъ какой-то романсъ, но

скоро былъ прерванъ общимъ крикомъ „что поетъ онъ скверно и никто слушать его не хочетъ!“ Ефимьевъ схватилъ у него балалайку, пропѣлъ, при громкихъ аплодисментахъ, нѣсколько солдатскихъ пѣсень и пустился въ присядку.

XXXIII.

У Вальховцева голова трещала отъ этого шума и крика, отъ вранья и бѣшенства сплетни: точно копоты напустили ему въ голову. Гадко было ему въ обществѣ этой разнузданной молодежи, невыносима была ему эта кабацкая обстановка. Пробовалъ было Валеріанъ заговаривать о вещахъ серьезныхъ, затрогивать самые животрепещущіе вопросы—ему или отвѣчали нехотя или тотчасъ-же сводили рѣчь на собакъ, на какуюнибудь сплетню, пошлый, грязный анекдотъ. Одинъ только плотный молодой человѣкъ, говорившій все время съ Молчановымъ, какъ будто сочувственно взглядывалъ на Вальховцева изъ своего уголка всякій разъ, когда онъ пробовалъ заводить рѣчь о чемъ-нибудь болѣе интересномъ чѣмъ то, что забавляло остальную компанію. Валеріанъ замѣтилъ, что въ теченіе цѣлаго вечера господинъ этотъ не вмѣшивался въ общій разговоръ и держался поодаль; лицо его казалось Вальховцеву знакомымъ, въ особенности его дружелюбный, нѣсколько смущенный взглядъ, но онъ рѣшительно не помнилъ, гдѣ и когда встрѣчалъ этого молодого человѣка. Валеріанъ не зналъ даже его фамиліи, такъ какъ Ефимьевъ, въ чаду веселья, забылъ его съ нимъ познакомить. Онъ подозвалъ къ себѣ Молчанова и спросилъ его о плотномъ молодомъ человѣкѣ.

— Фамилія его Рудневичъ, Владиміръ Григорьевичъ, отвѣтилъ Алексѣй Александровичъ;—человѣкъ хорошій, страненъ только немного.

„Рудневичъ... Рудневичъ“, припоминалъ Вальховцевъ, —„фамилія знакомая... Неужели это тотъ Рудневичъ, съ которымъ я былъ въ корпусѣ?“

— Какъ онъ попалъ въ К.? И въ чемъ его странности?

— Въ томъ, что онъ захотѣлъ быть рыцаремъ въ девятнадцатомъ столѣтіи. Посуди самъ: отецъ его генералъ, человѣкъ богатый, со связями и гордецъ, какихъ свѣтъ не

видалъ. Была у него воспитанница, круглая сирота, *une pauvre jeune personne*¹⁾, дочь полковника, одного изъ сослуживцевъ его; генераль воспитывалъ ее какъ свое собственное дитя. Дѣвочка была хорошенькая, уменькая, образованная—сынокъ и влюбись въ нее. Генераль замѣтилъ; ну можешь себѣ представить его горе! Разругалъ обоихъ; сыну, чтобъ удалить его, выхлопоталъ мѣсто адъютанта у какого-то генераль-губернатора, а—воспитанницѣ объявилъ, что ежели она дуришь не перестанетъ—выгонитъ ее въ одномъ платьѣ на улицу. Конечно благоразумный человѣкъ, безъ этихъ дурацкихъ романическихъ идей, *il aurait payé les pots cassés*—и баста! *Mais notre homme avait la tête montée*²⁾ всѣмъ высокимъ, честнымъ, благороднымъ; вѣроятно онъ до того оглушѣлъ, что ему пригрезилась счастливая Аркадія, нѣжная пастушка, кусокъ хлѣба и кринка молока, а надъ всѣмъ этимъ два пылающія сердца, пронзенныя стрѣлой амура. Онъ возьми да и подай въ отставку. Отецъ взбѣсился, грозилъ лишить наслѣдства, потомъ началъ упрасивать. Сынъ стоитъ на своемъ, что такъ-какъ она „увѣнчала его пламя“ и „носить подъ сердцемъ залогъ его любви“—то и т. д.—разверни любой чувствительный романъ тридцатыхъ годовъ и будешь имѣть понятіе, что за околесицу понесъ сей пылкій любовникъ. Генераль успокоивалъ его, обѣщалъ дать этой „жертвѣ неопытности“ приличное приданое, выдать замужъ—однимъ словомъ поступилъ, какъ самый порядочный отецъ. Но сынъ всѣ родительскія слова впустилъ въ одно ухо и выпустилъ въ другое. Подумаешь: какъ крѣпко засѣдаютъ эти дурацкія идеи въ иной головѣ! Онъ что-же ты думаешь сдѣлалъ? Обвѣнчался тайно съ этой дѣвченкой да на другой день и явился къ папенькѣ съ повинной. Генерала чуть ударъ не хватилъ (съ его-то амбиціей!); прогналъ сына, лишилъ наслѣдства и, благодаря связямъ, упрасилъ сослать его въ К., въ небольшую усадьбу, оставшуюся ему послѣ матери. Хозяйничаютъ теперь: онъ—чуть самъ не пашетъ, а „жертва неопытности“ снимаетъ сметану и сбиваетъ масло. Ну скажите, пожалуйста, не странный онъ послѣ этого человѣкъ!

Но Валеріану Рудневичъ не показался страннымъ че-

1) Бѣдная молодая дѣвушка.

2) Но у нашего молодца голова была набита.

ловѣкомъ. При всей снисходительности къ Молчанову, его насмѣшливый тонъ не понравился Вальховцеву.

— Тутъ не надѣ чѣмъ издѣваться, отрѣзаль онъ:— такого человѣка уважать надо, а не прохаживаться на его счетъ! Познакомь меня съ нимъ, скороговоркой добавилъ Валеріанъ.

— Изволь, батюшка! Такъ и ты тоже иже отъ романтиковъ? усмѣхнулся Молчановъ.

— Если это, по твоему, романтизмъ—то я романтикъ, и во мнѣ крѣпко засѣли эти, какъ ты выражаешься, дурацкія идеи!

Молчановъ пожалъ плечами, подвелъ его къ Рудневичу, а самъ направился въ залу, къ играющимъ.

— Вы, вѣроятно, меня не узнали? добродушно спросилъ тотъ Вальховцева, послѣ обычныхъ фразъ,—семь лѣтъ прошло. А я такъ сразу припомнилъ и ваше лицо и вашъ голосъ... Вы мало измѣнились.

— Признаюсь, возразилъ ему Валеріанъ,—лицо ваше мнѣ знакомо, фамилія и того болѣе, но я боюсь ошибиться... Не воспитывались-ли вы въ —скомъ корпусѣ?

— Да.

— Неужели вы тотъ Рудневичъ, съ которымъ мы вмѣстѣ готовились къ экзаменамъ, который былъ любимцемъ знаменитаго Ос—го и его проконсуломъ?

— Да, улыбнулся Рудневичъ,—и который приводилъ въ отчаяніе учителя фронта своею неповоротливостью!

Ну, извините, крѣпко сжавъ ему руку, сказалъ Вальховцевъ,—борода и статское платье такъ измѣнили васъ, что немудрено, что сразу я васъ не узналъ.

И потолстѣлъ немного, усмѣхнулся Рудневичъ.

— Да, и это есть... Потомъ я никакъ не ожидалъ встрѣтить васъ въ К.

— Я живу въ усадьбѣ покойной матушки, верстахъ въ семи отъ города; я—сосѣдъ вашъ.

— Неужели?

— И весьма близкій: „Кузнецово“ отъ вашего „Янкина“ въ восьми верстахъ.

— Какъ я радъ! Вотъ свела-то насъ судьба! Вы часто посѣщаете городъ?

— Да разъ въ недѣлю непремѣнно, а то и два: провизія нужна, другое что... Послать некого...

— А здѣсь есть у васъ притонъ какой-нибудь?

— Старосты моего сынъ, портной; у него я и лошадь оставляю и чайку иной разъ напьюсь.

— А сегодня-то какъ-же? Неужели вы сейчасъ и въ Кузнецово?

— Конечно: иначе Вѣрочка обезпокоится да и гдѣ-же мнѣ ночевать: у портного домикъ небольшой, не совсѣмъ опрятный... Не хотѣлось мнѣ ѣхать на новоселье, да Петръ Васильевичъ очень ужъ упрашивалъ.

— Когда же вы теперь въ городъ?

— Теперь ужъ до второй недѣли не приѣду, развѣ что нужное понадобится.

Разговоръ зашелъ о деревенской жизни, о корпусѣ, товарищахъ; Рудневичъ только слегка намекнулъ о причинѣ переселенія своего въ К., рассказалъ вкратцѣ свою жизнь и просилъ навѣстить его.

— Съ большимъ удовольствіемъ, но если, Владиміръ Григорьевичъ, вы хотите возобновить со мной старыя отношенія, то тутъ есть маленькая помѣха...

— Какая?

— Въ корпусѣ мы были на „ты“ —я не вижу причины почему-бы и теперь...

— О, конечно! воскликнулъ Рудневичъ и глаза его засвѣтились ласкою;—я искренно радъ, что вы не совсѣмъ меня забыли! онъ крѣпко, какъ всѣ добрыя, открытыя натуры, сжалъ руку Валеріана.

— Ну а какъ тебѣ нашъ шабашъ нравится? спросилъ Вальховцева подошедшій Молчановъ.

— А такъ, что, несмотря на ваше милое общество, я тотчасъ-же отправляюсь, отвѣтилъ Валеріанъ и, простившись съ Рудневичемъ и Молчановымъ, незамѣтно вышелъ въ переднюю, воспользовавшись усиленнымъ взрывомъ всеобщаго крика: пьяный Дрефинъ расхвастался своей силой и предложилъ необычайное пари: что онъ вырветъ съ корнемъ стоящую передъ окномъ березу.

Чистый морозный воздухъ обдалъ своею немного рѣзкою волною воспаленное лицо Вальховцева, освѣжилъ его отяжелѣвшую голову. Онъ отослалъ кучера домой и пошелъ

пѣшкомъ. Полная, яркая луна отчетливо вырѣзывалась на темно-синемъ небѣ. усыпанномъ безчисленными звѣздами. Ея холодные, блѣдные лучи искрились по снѣгу и лежали длинными полосами по переулку, играя на оледенѣвшихъ стеклахъ оконъ, разнообразными узорами. Слабо освѣщенные дома бросали длинные, черныя тѣни: мѣрадами алмазныхъ точекъ блестяли бѣлыя крыши; деревья, отяжелѣвшія отъ инеи, стояли неподвижно, изрѣдка роняя кругомъ едва замѣтныя, снѣжныя блестки. Тихо и спокойно дремалъ городъ, прозрачной сѣткой висѣла темно синяя, холодѣвшая съ каждымъ часомъ ночь.

Прійдя домой, Валеріанъ нашелъ на письменномъ столѣ приглашенія женскаго дворянскаго клуба и губернскаго предводителя дворянства.

XXXIV.

Городъ К. былъ городъ старинный; обыватели его крѣпко придерживались старыхъ традицій. Широкая масляница хотя и началась по календарю съ воскресенья мясопустной недѣли, но ознаменовалась только поглощеніемъ блиновъ, съ малой дозой спиртныхъ напитковъ, и открытіемъ на площадяхъ разнообразныхъ народныхъ увеселеній: балагановъ, каруселей, качелей и пр.—самый-же развалъ ея установленъ былъ прадѣдами съ пятницы. Въ этотъ день съ двухъ часовъ и до вечерни, по городу тянулась „веревочка“ троичныхъ, парныхъ и одиночныхъ саней, съ разряженными купчихами, женами разночинныхъ богатѣевъ, чиновницами (катаніе дворянъ происходило въ воскресенье) и разными выскочками; хвастались другъ передъ другомъ лошадыми, коврами на саяхъ, нарядами женъ и дочерей, сѣзжались на завтраки, обѣды, танцевальныя вечера...

Дворянскія увеселенія открылись въ четвергъ, съ девяти часовъ вечера, въ женскомъ дворянскомъ клубѣ. Домъ дворянства былъ великолѣпно освѣщенъ; на хорахъ зала расположился оркестръ, эстрада была унесена. Собралось сто слишкомъ человекъ; впускали по билетамъ, ранѣе разосланнымъ.

Когда пріѣхалъ губернаторъ, онъ былъ встрѣченъ председательницей клуба, Ольгой Николаевной Вальховцевой,

съ членами совѣта. Поздоровавшись съ находившимися въ залѣ, Бронецкій прошелъ въ гостиную.

Раздался призывъ къ полонезу; распорядителемъ вечера былъ Васьковъ. Валеріанъ быстро подошелъ къ Голубцовой. Пары начали составляться. Въ первой парѣ конечно сталъ губернаторъ съ предсѣдательницей клуба. Васьковъ подбѣжалъ къ Зинаидѣ и, увидя рядомъ съ ней Вальховцева, вспыхнулъ и остановился.

— Васъ можно просить? обратился онъ къ дѣвушкѣ.

— Опоздали! мягко отвѣтила она:—Валерьянъ Николаичъ—мой кавалеръ.

Васьковъ молча поклонился и отошелъ.

Грянулъ оркестръ и пары двинулись. Обойдя комнаты, кавалеры довели дамъ до гостиной и раскланялись. Дѣвицы и большинство дамъ перешло въ залъ, въ ожиданіи вальса, и разсѣлись по скамейкамъ, вдоль стѣнъ; картежницы остались въ гостиной. Заиграли вальсъ. Открылъ балъ Васьковъ съ Таней Кареловой; за нимъ Вальховцевъ съ Зинаидой. Танцующихъ было много и опытный наблюдатель рѣшилъ бы, что вечеръ будетъ вполне удачный. Валеріанъ былъ въ духѣ и танцевалъ много; онъ видѣлъ, что на него, какъ на новинку, устремлено много глазъ и ему хотѣлось во что-бы то ни стало перещеголять Васькова, да это было и не трудно: Валеріанъ танцевалъ по петербургски, изящно, неторопливо, безъ всякихъ усилій, тогда какъ провинціальная манера очень похожа была на работу; да и малый ростъ Васькова уступалъ стройному, высокому росту Вальховцева. Провальсировавъ съ Голубцовой, Кареловой, Маней и Лачиновой, Валеріанъ, какъ ловкій кавалеръ, началъ обращаться къ дѣвицамъ малотанцующимъ, заброшеннымъ, за что и снискалъ тайную благодарность повеселѣвшихъ мамашъ и тетусекъ.

Въ антрактѣ, къ Вальховцеву подошелъ губернаторъ.

— А я къ вамъ, Валерьянъ Николаичъ: завтра, въ пять часовъ, у меня небольшой обѣдъ неофициальный, и я желалъ-бы видѣть васъ въ числѣ моихъ гостей...

— Я на столько обласканъ вашимъ превосходительствомъ, что мнѣ остается вновь благодарить васъ за ваше расположеніе и явиться, поклонился молодой человѣкъ.

— Итакъ: до завтра, подаль ему руку Бронецкій и повернулъ назадъ.

— Что онъ тебѣ говорилъ? Обо мнѣ? подскочилъ Ефимьевъ.

— Да; сказалъ: удержите вашего родственника—онъ слишкомъ любопытенъ!

— Ну что вздоръ... Скажи!

— Да вѣдь ты не баба, чтобы любопытствовать, а я не болтунъ, въ которомъ ничего не держится!

Проиграли ритурнель къ первой кадрили; Вальховцевъ отыскалъ Зинаиду и провелъ ее къ заранѣ приготовленному мѣсту.

— Кто нашъ визави? спросила она.

— Мячиковъ и m-lle Лачинова.

— Отчего не Таня?

— Таню пригласилъ Молчановъ и визави у нихъ Васьковъ съ неизвѣстной мнѣ дѣвицей.

— Вы, кажется, очень любите Таню?

— Прекрасная дѣвушка: какъ же её не любить!

— Въ институтъ всѣ её любили... Вы знаете, что мы товарки?

— Знаю: и, какъ слышала, друзья...

— Да; мы еще ни разу не ссорились, даже въ институтѣ.

— И вѣроятно не поссоритесь.

— Почему знать... у меня характеръ хуже, чѣмъ у неё: я вспыльчива.

— А кто вспыльчивъ—всегда отходчивъ... И вообще вспыльчивые—люди добрые.

Разговоръ у нихъ не прерывался даже и во время дѣланія фигуръ.

— Мы однако скоро не только сами спутаемся, но спутаемъ и нашихъ визави! размѣялась Голубцова.

— Прикажете замолчать и обратить все свое вниманіе на дѣланіе „па“?

— Евгенія Владиміровна, обратилась Зинаида къ Лачиновой,—вы не были въ театрѣ?

— Была вчера утромъ: и только потому, что Константинъ Александровичъ предложилъ намъ свою ложу, и больше не поѣду.

— А что?

— Труппа—это нѣчто ужасное! Право здѣшній театръ

недалеко ушелъ отъ балагановъ!—Сергѣй Николаичъ, а вы были въ балаганѣ... говорили, что пойдете!

— И ходилъ, но когда увидѣлъ, что на балконѣ такой-же мужикъ какъ и прежде, питающійся паклей и потомъ вытягивающій изъ рта разноцвѣтныя ленты, то во внутрь балагана я не пошелъ—ничего новаго!

— Кто-же съ вами, въ воскресенье, во время катанія, сидѣть будетъ? послѣ паузы, спросилъ Валеріанъ.

— Васьковъ.

— И...

— И больше никто.

— Слѣдовательно вы будете сидѣть рядомъ съ m-г Васьковымъ?

— Вѣроятно; такъ хозяйка саней распорядилась.

Удлиненная пауза; молча сдѣлали цѣлую фигуру.

— Отчего вы къ намъ вечеромъ никогда не заѣдете? по французски спросила Зинаида.

— Оттого, что меня не звали и даже не намекали.

— А если позовутъ?

— Приѣду.

„Grand-rond!“ крикнулъ Васьковъ и пары образовали кругъ.

По окончаніи кадрили, Вальховцевъ отвелъ Голубцову къ Елизаветѣ Петровнѣ и направился къ Кареловой, сидѣвшей на скамейкѣ рядомъ съ Маней. Пригласивъ Таню на третью кадрили—вторую она танцевала съ Башиловымъ, а Маню на пятую, онъ пошелъ въ буфетъ, освѣжиться сельтерской водой. Тамъ было уже много закусывавшихъ и въ средѣ ихъ конечно Ефимьевъ. Онъ поспѣшилъ сообщить Валеріану меню ужина: „нельма подъ маіонезомъ и соусомъ провансаль, соте изъ рябчиковъ, съ гребешками и шампиньонами, и земляничное мороженое“. Къ Вальховцеву подошелъ жандармскій полковникъ Зарѣцкій, крупный, еще не старый брюнетъ, съ небольшой просѣдью, осанистый, съ симпатичнымъ, смѣлымъ лицомъ и большими усами.

— Зарѣцкій, брякнувъ шпорами, поклонился полковникъ и пожалъ руку Валеріану;—весьма сожалѣю, что не застали меня дома. Ну какъ совершили вы свой объѣздъ, не слыхали-чего о Троицкой волости? густымъ, но мягкимъ басомъ спросилъ онъ.

— Съѣздилиъ прекрасно, а о Троицкой волости нарочно справлялся: тамъ все тихо и даже, какъ мнѣ говорили, мужики недавно прогнали какого-то народника, пригрозивъ, что если онъ не уйдетъ добровольно—то будетъ ему худо! Нагнали-же вы на нихъ страху, Петръ Петровичъ!

— Съ ними надо дѣйствовать смѣло и быстро; не давать имъ времени опомниться! Я радъ главное тому, что все это обошлось безъ экзекуцій... Ну, что „запѣвалу“ погрѣли такъ и слѣдовало и сдѣлано это было не на глазахъ мужиковъ, а келейно, разсмѣялся Зарѣцкій и, щелкнувъ снова шпорами, вышелъ изъ буфета.

— Валя, рюмочку и закусимъ: скоро десять часовъ, пригласилъ Петя.

— Да развѣ можно пить водку и танцовать? Всякая порядочная женщина или дѣвушка отвернется отъ такого кавалера!

— У насъ въ К. дѣвицы обстрѣлены; бѣольшая часть танцоровъ, на второй кадрили, кабакомъ отдастъ! усмѣхнулся Ефимьевъ.

— Заиграли польку-мазурку и Валеріанъ поспѣшилъ въ залъ.

— Ну что, Таня, когда передъ третьей кадрилью они усѣлись, смѣясь спросилъ Вальховцевъ,—какъ съ дяденькой время провела?

— Какой онъ мнѣ дяденька! Довольно того, что Ольга Петровна меня племянницей называетъ и, вслѣдствіе этого, мною командуетъ!.. И натерпѣлась-же я скуки отъ этого дяденьки! Жеманный, говоритъ какъ то изысканно, слова точно выжимаетъ да еще пускается въ наставленія!—А кто у насъ визави?

— А вонъ они идутъ: Маня и Молчановъ.

— Ты однако неутомимъ: сказалъ Валеріану Алексѣй Александровичъ.—Какъ онъ польку-мазурку танцуетъ—восхищеніе! Не правда-ли, Татьяна Михайловна? Чуть не вся зала на него глядѣла!

— Было на что и поглядѣть! отвѣтила Карелова.

— Такихъ танцоровъ, какъ Валя, вмѣшалась Маня,—немного въ К.!

— Да будетъ вамъ! Забываете, что обѣ вы—кузины мнѣ, слѣдовательно пристрастны.

— Интересно, какъ у нѣкоторыхъ мазурка сойdetъ: мазуристовъ у насъ немного! замѣтила Маня.—Есть и такіе, что въ тактъ попасть не могутъ! Сохрани Господи съ эдакими танцовать: еще осмѣютъ всенародно!

— Ты съ кѣмъ поѣдешь кататься въ воскресенье? спросилъ Таню Вальховцевъ, послѣ второй фигуры.

— А ни съ кѣмъ кажется! разсмѣялась она.

— А ты Маня?

— И я тоже ни съ кѣмъ!

— Ну такъ соблаговолите передать папашамъ, что я предлагаю свою тройку и сидѣть насъ будетъ пятеро: дядя Михаилъ Павлычъ—Александру Семенычу нельзя, Таня, Маня, Алексѣй Александрычъ и я.—Ты поѣдешь Алексѣй?

— Конечно!

— Вотъ что, mesdemoiselles, послѣ паузы, спросилъ Валеріанъ:—по окончаніи кадрили, не прикажете-ли прохладительнаго?

— Съ удовольствіемъ выпьемъ!

— Чего?

— Мнѣ—грушевой воды! разсмѣялась Таня.

— А мнѣ лимонаду, сказала Маня.

— Ты что-то въ необычномъ настроеніи, Маня, дѣлая chaîne, вполголоса замѣтилъ ей Вальховцевъ.

— А что?

— Весела... И я радуюсь, что твой всегдашній сплинъ проходить.

— Скоро и совсѣмъ пройдетъ!

— Дай Богъ! А что этому причиной?

— Секретъ! Когда-нибудь узнаешь...

— Таня, обратился Валеріанъ къ Кареловой,—вонъ дядя сюда идетъ... поговори съ нимъ на счетъ катанья.

Михаилъ Павлычъ не только согласился, но благодарилъ Вальховцева за вниманіе; Александръ Семенычъ съ удовольствіемъ отпускалъ Маню, самъ-же участвовать отказался, въ виду предстоящихъ хлопотъ и распоряженій.

Мазурка кончилась въ три часа и тотчасъ-же поданъ былъ ужинъ. Около пяти часовъ утра гости разъѣхались, благодаря предсѣдательницу клуба, довольные и веселые, что не всегда бываетъ, въ особенности въ провинціи.

XXXV.

Вернувшись въ половинѣ Марта, съ засѣданій съѣздовъ Вальховцевъ узналъ, что въ отсутствіи его былъ Рудневичъ, очень сожалѣлъ, что не засталъ его и просилъ не вдолгъ навѣстить Кузнецово. Валеріанъ сдалъ губернатору свою записку о занятіяхъ съѣздовъ и на другой-же день, послѣ ранняго обѣда, поѣхалъ къ Рудневичамъ.

Усадьба Владиміра Григорьевича стояла на небольшомъ пригоркѣ, недалеко отъ неширокой, но быстрой рѣчки и дороги въ городъ. Въ Кузнецовѣ числилось сто шестьдесятъ десятинъ. Большой тѣнистый садъ, потемнѣвшія и покривившіяся постройки указывали на старинное происхождение усадьбы. Лѣтъ двадцать Кузнецово было въ забросѣ, находясь на попеченіи старосты, который, не боясь барскаго контроля, хозяйничалъ спустя рукава, портилъ поля, деньги на поддержаніе строеній клалъ себѣ въ карманъ, а исправлялъ поврежденія ихъ домашними средствами: углы подпиралъ колышками, а дыры заколачивалъ плашками или затыкалъ соломой. Повятно, что при такомъ ремонтѣ, въ усадьбѣ все опускалось и опускалось; одинъ только домъ, благодаря своему каменному фундаменту, сохранялъ правильный видъ, но за то крыша покрыта была мхомъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пропускала воду какъ рѣшето. Много было хлопотъ и расходовъ Рудневичу, чтобы привести въ мало-мальски сносное положеніе постройки, а хозяйство направить на какой-бы то ни было путь; другой давно-бы упалъ духомъ, но Рудневичъ былъ дѣятеленъ и энергиченъ. Прогнавъ старосту, онъ принялъ на себя его обязанности, какъ маятникъ, работалъ съ утра до вечера, слѣдилъ за всѣмъ, поспѣвалъ всюду. Поднималъ онъ свое хозяйство не торопясь, обдумывая каждую мѣру, каждый незначительный расходъ. Къ сосѣдямъ-крестьянамъ онъ относился просто, человѣчно, помогалъ имъ и словомъ и дѣломъ. За то и работники шли къ нему на перебой и въ то время, когда у другихъ помѣщиковъ они постоянно мѣнялись,—у Рудневича каждый годъ нанимались все одни и тѣ же. Весь околodoкъ уважалъ его трудовую жизнь, любилъ молодого хозяина за справедливость и ласковость. „Душа—баринъ“ говорили крестьяне про Рудневича.

Когда Вальховцевъ подъѣхалъ, въ домѣ раздался лай и самъ хозяинъ въ полушубкѣ и валенкахъ, сопровождаемый бѣло-рыжимъ сеттеромъ, отворилъ входную дверь.

— Ну, братъ, не взыщи швейцара у меня нѣтъ, смѣясь сказалъ Владимиръ Григорьевичъ, помогая гостю раздѣться и здороваясь;—люди мы маленькіе!

— Что не мѣшаетъ однако этимъ маленькимъ людямъ заводиться подобнымъ сокровищемъ, перебилъ его Валеріанъ, указывая на обнюхивавшую его собаку;—акая прелесть!

— Остатки прежняго величія!.. А ты—охотникъ?

— Завзятый, милый другъ: изъ-за одного дупеля готовъ верстъ десять выходить! Какъ зовутъ твоего пса?

— Ральфъ.!

— Ральфинька, Ральфинька, приласкалъ Вальховцевъ собаку;—адакой красавецъ! съ восторгомъ, добавилъ онъ, разглядывая морду Ральфа:—Рожа-то какая умная!

Они вошли въ небольшую залу и потомъ перешли въ угловую. Въ домикѣ, не смотря на его наружный, старческій видъ, было тепло и уютно; комнаты чистенькія, свѣтленькія; мебель не затѣйливая, но удобная,—лишняго ничего. Все было свѣжо и опрятно, а блестящая зелень растений, стоявшихъ на окнахъ, давала чувствовать присутствіе въ домѣ заботливой хозяйки.

— Ты гдѣ-нибудь былъ? спросилъ Валеріанъ, усаживаясь и показывая хозяину на его теплый костюмъ.

— Смотрѣлъ, какъ кормъ задавали.

— А жена твоя?

— Жена въ молочной, вечерній удой принимаетъ.

— Ты пожалуста не стѣсняйся со мной: понадобится—иди куда нужно.

— Не безіакойся: церемониться съ тобой не стану; а теперь пока я свободенъ.

— Много тебѣ, я думаю, возни съ этой усадьбой: какъ вѣдь ее и запустили!

— Что теперь ты видишь—еще ничего, а какъ только пріѣхалъ я сюда да осмотрѣлся—вѣришь-ли: руки просто опустились! То развалилось, то того и гляди рухнетъ, поля перепорчены, скотъ на рукахъ поднимаютъ—бѣда! Побились таки мы, нечего сказать! Но, съ помощію Божіею, теперь поисправились немного: хоть жить можно. Вотъ и жена ка-

жется явилась, сказалъ Рудневичъ, слышавъ шаги и негромкій разговоръ,—Вѣра! Вѣрочка!

— Сейчасъ! отвѣтилъ, изъ другой комнаты, свѣжій молодой голосъ и черезъ минуту вошла въ угловую хозяйка. На видъ ей было лѣтъ двадцать съ небольшимъ; большіе черные глаза ея казались еще темнѣй отъ нѣжной бѣлизны ея лица, веселаго и открытаго. Свѣжія, полныя губки улыбались ласково, а сизый отливъ блестящихъ черныхъ волосъ напоминалъ крылья ласточки. Вальховцевъ заглядѣлся по неволѣ.

Здравствуйте! прямо отнеслась она къ нему, съ привѣтливой улыбкой подавая руку,—я уже почти знакома съ вами по рассказамъ Володи.

— Встрѣча моя съ вашимъ мужемъ была для меня совершенно пріятной неожиданностію; я сразу даже не узналъ его.

— Вы вѣроятно представить себѣ не могли какимъ образомъ онъ могъ попасть сюда?

— Это—первое, а второе—его ужасно измѣнили статское платье, борода...

— И толщина, смѣясь подсказалъ Рудневичъ.

Да; вы таки раскормили его, Вѣра Александровна... Какъ это только онъ поспѣваетъ всюду! Вѣдь тяжеленько подчасъ бываетъ, Владимиръ Григорьевичъ?

— Вы бы посмотрѣли, какъ еще онъ бѣгаетъ... Мнѣ не выходить столько! замѣтила Вѣра.

— И на охотѣ отъ тебя не отстану, сказалъ Рудневичъ;—однако неужели-же я въ самомъ дѣлѣ ужъ такъ толстъ? добродушно прибавилъ онъ, глядясь въ зеркало.—Нѣтъ, это отъ полнущубка.

— А ты-бы раздѣлся, Володя: вѣдь жарко... Согреѣшься, а потомъ на холодъ выйдешь... Долго-ли простудиться...

— Слушаю-съ! вставая и цѣлуя руку жены, сказалъ Рудневичъ:—а Гришутка явился?

— Самоваръ ставить.

— Дѣло; я сейчасъ преобразжусь—и Владимиръ Григорьевичъ, своей развалистой походкой, отправился въ кабинетъ.

— Ну какъ привыкаете вы, Валерьянъ Николаевичъ, къ нашей провинціальной жизни? спросила хозяйка;—съ кѣмъ познакомились, много-ли выѣзжали?

— Знакомятся здѣсь легко: я и оглядѣться-то порядкомъ не успѣлъ, какъ уже у меня очутилось съ полгорода знакомыхъ! А выѣзды свои я намѣренъ посократить, благо постъ теперь: за дѣло взяться надо... По вашимъ стопамъ хочется пойти.

— Хозяйничать?

— Непремѣнно; вотъ жду—не дождусь весны... Какъ водополь—такъ сейчасъ и въ деревню, тѣмъ болѣе, что апрѣльскаго сѣзда, изъ-за разлитія рѣкъ и плохихъ дорогъ у насъ не полагается.

— Васъ не пугаетъ одиночество?

— Ничуть; я постараюсь такъ распредѣлить свое время, чтобы не скучать. Двѣ недѣли въ мѣсяцъ возьметъ служба, остальные—хозяйство, чтеніе, охота... Я съ восторгомъ думаю о жизни въ деревнѣ! Подальше отъ этой болтовни, безцѣльной суеты, разнороднаго гаерства... Природа и дѣло—вотъ чему я буду служить и въ чемъ найду отдыхъ!

— Невыгодное-же впечатлѣніе произвелъ на васъ городъ.

— Бранить провинцію, какъ это вообще принято, я не стану уже по одному тому, что и она имѣетъ свои хорошія стороны... да и наконецъ вездѣ почти одно и то-же, но конечно отраднаго впечатлѣнія, на человѣка свѣжаго, провинціальное общество произвести не можетъ.

— Что-же рѣзче всего бросилось вамъ въ глаза? Меня это интересуетъ потому, что о здѣшней жизни, здѣшнихъ нравахъ и привычкахъ я—вѣдь имѣю весьма слабое понятіе.

— Что бросилось?.. Первое—разладъ, бьющій въ глаза, на каждомъ шагу: въ семействахъ, въ обществѣ, въ служебной сферѣ... Разладъ между словомъ и дѣломъ, между мертвою буквою и жизнію, между убѣжденіемъ и исполненіемъ; второе—страшный хаосъ вездѣ и во всемъ; какая-то толкотня въ потемкахъ, безъ цѣли и направленія, стремленіе неизвѣстно куда и зачѣмъ, рѣчи до захлебыванія, бѣготня высунувъ языкъ... Это-бы еще ничего: подобное состояніе общества даже натурально послѣ того, какъ его такъ невѣжливо разбудили отъ продолжительнаго сладкаго сна толчкомъ въ бокъ, но пора-бы оправиться, встать на ноги... А то мы побѣгали, пометались изъ угла въ уголъ, да ужъ и готовы опять хотъ сейчасъ на боковую!

— Неужели-же та энергія, которая еще такъ недавно одушевляла всякаго, совсѣмъ пропала?

— Положимъ, она еще не пропала, но какъ кажется начинаетъ ослабѣвать... Помилуйте: что было крику при введеніи мировыхъ посредниковъ, какъ интересовалось ими общество—и что-же? Общество смолкло, прекрасная идея служенія правдѣ, долгу и чести ослабѣла и высокое стремленіе возродить цѣлый народъ свелось къ простому полученію жалованья!

— А вотъ и я! воскликнулъ Рудневичъ, входя въ городской костюмъ;—о чемъ рѣчь вели?

— О К. отвѣтила Вѣра Александровна.

— И что-же, не нравится онъ тебѣ? спросилъ Валеріана Рудневичъ, опускаясь въ покойное кресло.

— Ну что городъ... мнѣ не совсѣмъ нравятся нѣкоторые мировые: служатъ не такъ, какъ-бы слѣдовало.

— Слышалъ я, какъ ты воевалъ на прошломъ съѣздѣ! усмѣхнулся Владиміръ Григорьевичъ.

— Ужъ прозвонили!

— Еще-бы не прозвонить! Ты—особа настоящей минуты, тобою только и занимаются!

— А коли слышалъ—такъ скажи пожалуйста: могъ-ли я не возмутиться хотя-бы дѣломъ Ржаницына?

— Возмущаться ты—могъ, но зачѣмъ было такъ рѣзко нападать на этихъ людей?

— Что-же молчать мнѣ было что-ли?

— Высказывать свои мнѣнія можно различно; способъ-же, избранный тобой, не изъ лучшихъ!

— Согласенъ: надо было сдѣлать это помягче; но вотъ бѣда моя: сдержаться не могу, когда меня взорветъ что-нибудь.

— Эхъ, братъ! Мало тебя судьба калѣчила, не обтерпѣлся.

— Можетъ быть; но согласись: гдѣ-же сознаніе долга у этихъ людей, гдѣ самолюбіе?

— Переучить ихъ ты, любезный другъ, не переучишь, а враговъ наживешь несомнѣнно: безнаказанно нельзя людямъ рѣзать правду въ глаза!

— Молчать въ подобныхъ случаяхъ я считаю безчестнымъ: это, нѣкоторымъ образомъ значитъ показывать свою солидарность съ ними!

— Самъ будь честенъ, исполняй свои обязанности добросовѣстно—и будетъ съ тебя.

Вѣра Александровна встала.

— Куда? спросилъ Рудневичъ.

— Ты вѣрно забылъ, что Валерьянъ Николаевичъ чаю еще не пилъ? Надо-же распорядиться...

— Логично; а дѣтище наше спать?

— Спать... и уже давно.

— Проснется—такъ представь его дядѣ.

— Миленькая такая... храпить тоже...

— Скажи пожалуйста! серьезно проговорилъ Рудневичъ; —вотъ феноменъ-то! Каково, Валерьянъ?

Вѣра покраснѣла!

— Что-жъ тутъ глупаго? спросила она.

— Ничего, ничего... Дай ручку!

Она подала ему руку, поцѣловала его въ лобъ и торопливо вышла изъ комнаты.

XXXVI.

— Счастливецъ ты! сказалъ, по уходѣ хозяйки, Валеріанъ;—у тебя золото, а не жена!

— Да, наградилъ меня Господь! Какъ честный человѣкъ, говорю я, лучше жизни не желаю... Не нужно мнѣ ни богатства, ни почестей, ни даже переменны мѣста. Съ Вѣрой и крошкой Олей, мнѣ вездѣ будетъ хорошо, сохрани ихъ только Богъ! Вокругъ меня столько тишины и счастья, что право иной разъ становится даже страшно. Ахъ, если бы привелось весь-то вѣкъ прожить такъ, прибавилъ Рудневичъ.

— Дай тебѣ Богъ! Рѣдко встрѣтишь человѣка довольнаго судьбой, тѣмъ болѣе при такихъ ограниченныхъ требованіяхъ. Приятно увидѣться съ другомъ и найти его счастливымъ!

— Спасибо за эти слова, Валеріанъ, и знаешь почему? По моему, дружба лучше узнается въ радости, чѣмъ въ печали. Горю сочувствуетъ почти всякій; даже эгоистъ и тотъ пожалуй расхнычется—нервы замѣшаются, а радость—другое дѣло: тутъ надо откинуть въ сторону и свои горести и свои интересы, побороть въ себѣ можетъ-быть даже неболь-

шую зависть, забыть себя наконецъ... а это не всякій сдѣлаетъ!—Вотъ, послѣ небольшой паузы, продолжалъ Рудневичъ,—многіе вѣроятно говорятъ: „дуракъ онъ, промѣнялъ богатство, карьеру на ссылку, бѣдность и постоянныя заботы!“. Да знаютъ ли они, что я, бѣднякъ, перебивающійся грошами, никогда не только не сожалѣлъ объ утраченномъ, но даже представить себѣ прежде не могъ того счастья, что теперь испытываю!

— Знаешь что, сказалъ Вальховцевъ,—я и въ корпусѣ любилъ тебя, но послѣ того, какъ Молчановъ передалъ мнѣ твою исторію—я почувствовалъ къ тебѣ не только уваженіе, но и неотразимое влеченіе, право!

— Добрая ты душа, съ чувствомъ проговорилъ Рудневичъ,—и не тронутая! Вонъ ты даже покраснѣлъ, какъ будто устыдился вырвавшихся у тебя словъ, боишься вѣрно, чтобы я не заподозрилъ тебя въ фразерствѣ—угадалъ?

— Отчасти „да“, смущенно отвѣтилъ Валеріанъ.

— Нѣтъ, Боже меня сохрани отъ подобной мысли... Вѣдь я таки понимаю людей... Мудрено, будь хотя семи пядей во лбу, поддѣлаться подъ голосъ сердца: фальшь прорвется, какъ ни вилай! А что до того, что ты чувствуешь ко мнѣ какое-то особенное уваженіе—такъ это, голубчикъ, вздоръ: если у человѣка есть честь и совѣсть, если убѣжденія его правильны—онъ не можетъ поступить иначе.

— Однако многіе, въ твоемъ положеніи, послушавшись отца и разсудка, сдѣлали-бы другое.

— Это доказывало-бы только то, что эти *многіе* не любили, а забавлялись.

Товарищи помолчали.

— Одно мнѣ крайне больно, заговорилъ Рудневичъ,—ссора съ отцомъ; не простить онъ меня: я знаю его характеръ!

— Что-же дѣлать? Середины для тебя не существовало; надо было выбирать или невѣсту или отца.

— Такъ-то такъ... да вѣдь важное дѣло—родительское благословеніе, вздохнулъ Владиміръ Григорьевичъ.

— Да, когда оно не соединено съ деспотизмомъ... Что руководило твоимъ отцомъ въ разрывѣ съ тобой, въ лишеніи наслѣдства? Оскорбленный твоимъ сопротивленіемъ деспотизмъ, уязвленное генеральство, сословное тщеславіе...

По моему, грѣхъ не на томъ, кто за честный поступокъ, за вынужденное непослушаніе родительской власти лишается ея благословенія, а на томъ, кто, въ силу отжившихъ преданій, злоупотребляя ею, лишаетъ его!

— Ну, Господь разсудитъ насъ... Поступить иначе я не могъ, да и не долженъ былъ, сказалъ Рудневичъ и задумался.

Вошла Вѣра Александровна, съ ребенкомъ на рукахъ.

Она гордилась маленькой, хорошенькой Олей, которая, крѣпко обхвативъ своей пухлой рученкой шею матери, пристально глядѣла на гостя. Съ счастливой улыбкой, поднесла она дочь къ Вальховцеву. Валеріанъ взялъ ручку Оли и поцѣловалъ ее. Ребенокъ тотчасъ-же отвернулся и спрятался за голову матери.

— Оля, Оля... поцѣлуй дядю... Не хорошо упрямитесь!..

Малютка не совсѣмъ охотно послушалась и, насупившись, поцѣловала молодого человѣка.

— Ну иди къ папочкѣ, сказала мать, спуская на полъ ребенка.—Займись ею, Вододя: меня тамъ ждутъ.

Рудневичъ придвинулъ къ себѣ Олю и подмигнулъ Вальховцеву:

—хлопотать идетъ!

— Ну вотъ и не угадалъ: у меня все готово, а пришли за ключемъ отъ амбара.

— А! Умница ты, что говорить!—Оличка! иди ко мнѣ, обратился къ дѣвчкѣ Владиміръ Григорьевичъ:—что, мама ушла... Придетъ!—А хороша у меня дочь? спросилъ онъ Валеріана, сажая ребенка къ себѣ на колѣни;—не правда-ли живой портретъ жены?

— Хороша-то она хороша да только сходства ни съ которыми изъ васъ не замѣчаю.

— Что-жъ, значить сама но себѣ?

— Видно что такъ... А сколько ей лѣтъ?

— Скоро три будетъ, а говорить еще мало.

Хозяйка вернулась съ зажженной лампой въ рукахъ.

— А, парадъ! разсмѣялся Рудневичъ;—замѣть, Валеріанъ: и свѣчи и лампа—просто роскошь!

— Ошибаешься, возразила Вѣра Александровна, ставя лампу на столъ и снимая свѣчи,—это въ столовую.

— Позвольте я снесу, вызвался Вальховцевъ.

— Merci.

— А гдѣ-же Дуня? спросилъ Рудневичъ.

— Кончается мытье Олиного бѣлья.

Въ столовой столъ былъ уже накрытъ. Не дорогой, но хорошенекій чайный приборъ, небольшой томпаковый самоваръ, хлѣбъ и тартинки—все было на своихъ мѣстахъ, производило пріятное впечатлѣніе своею чистотой и порядочностью. Хозяйка стала заваривать чай, а Валеріанъ подвигалъ стулья.

— Что-же вы меня съ ребенкомъ оставили? раздался изъ угловой голосъ Владиміра Григорьевича.

— Няня, милая, возьмите Олю, обратилась Вѣра къ входившей въ это время старушкѣ,—баринъ-то, видите-ли, ужъ навозился!

— Берите, берите, цѣлуя и передавая дѣвочку, сказалъ Рудневичъ,—да дайте ей чаю... Оля, хочешь чаю?

Малютка утвердительно кивнула головой;—мама... тятя! пролепетала она.

— Гришутка, обратился Владиміръ Григорьевичъ къ вошедшему мальчику лѣтъ шестнадцати, въ безрукавкѣ и красной рубашкѣ,—работники ужинали?

— Ужинають... Да тамъ Пашка Тарабановъ пришелъ, добавилъ онъ, переминаясь.

— Зачѣмъ?

— Съ пожни пріѣхали, такъ перезябли. Коли милость будетъ, говорятъ...

— Хорошо, хорошо, перебила его Вѣра,—знаю... Скажи, чтобы подождалъ... Няня, дайте имъ по чашкѣ вина,—тамъ направо, какъ войдете въ кладовую, бутылъ стоитъ.

— Слушаю, матушка, прошамкала старушка и вышла вмѣстѣ съ Гришуткой;—вы извольте только, обернулась она, —побезпокоиться на счетъ барышни.

— Я побезпокоюсь, сказалъ Рудневичъ, придвигая къ себѣ Олино креслицо и наливая ей на блюдечко чай;—вотъ матушку нянчила! показалъ онъ на дверь, въ которую вышла старушка.

— Мало ужъ ихъ осталось, старцевъ этихъ, замѣтилъ Вальховцевъ,—а я ужасно ихъ люблю; въ нихъ есть что-то особенно почтенное.

— Удивительная преданность, часто доходящая до заб-

венія даже своего „я“, сказала Вѣра Александровна,—и честность.

— Единственный хорошій продуктъ крѣпостного права! проговорилъ Рудневичъ.

— Почему-же непременно крѣпостного права? спросилъ Валеріанъ;—развѣ въ наше время не могутъ выработаться подобныя натуры?

— Гораздо труднѣе.

— Почему?

— Обстановка не та: теперь нѣтъ этой тѣсной, многолѣтней связи между баринѣмъ и слугой, привычкой къ мѣсту... наконецъ воспитаніе не то.

— Господа, вамъ угодно еще чаю? спросила хозяйка.”

— Мужчины отказались. Вѣра Александровна взяла Олю на руки, поднесла къ отцу для поцѣлуя и унесла изъ столовой.

— Пойдемъ-ка въ угловую, пригласилъ Рудневичъ,—тамъ мебель помягче да и жена лампу зажгла, а мы ею не пользуемся.

Они перешли въ гостинную.

— Я считаю себя совершенно счастливымъ, началъ, усаживаясь, Валеріанъ,—что вся прислуга моя—бывшая крѣпостная: все какъ-будто свои люди. А наемный когда-то еще привыкнетъ, да и то глядитъ больше въ сторону... А у васъ какъ?

— Да и у насъ почти такъ-же: Гришутку, котораго ты видѣлъ, я взялъ изъ своей бывшей деревни и попріучилъ немного; мой петербургскій камердинеръ былъ великій франтъ и не его особѣ приличествовало деревенское заточеніе; потомъ старушку-няню я обрѣлъ здѣсь въ усадьбѣ—она была на пенсіи, поваръ изъ бывшихъ нашихъ дворовыхъ,—одну горничную наняли въ городѣ.

— А кучеръ?

— Кучера мы не держимъ, выѣзда у насъ нѣтъ. Имѣется у насъ возница, который возитъ и воду и воеводу, а въ свободное время и на сѣнокосъ ходитъ.

Въ дверяхъ показалась Вѣра Александровна.

— Володя! вызвала она мужа въ залу.—Pardon, Валерьянъ Николаичъ.

— Пожалуста безъ церемоній!

— Черезъ минуту, Рудневичъ вернулся и смѣясь обратился къ Вальховцеву:

— Знаешь, зачѣмъ она меня вызывала?

— Зачѣмъ?

— Попроси, говорить, его остаться ужинать... Сама не рѣшилась!

— Съ величайшимъ удовольствіемъ... только вотъ дѣло въ чемъ: не стѣсню-ли я васъ своимъ позднимъ сидѣніемъ? Вы вѣдь рано ложитесь...

— Не съ курицами-же, однако!

— А въ которомъ часу встаете?

— Зимой въ шесть, а лѣтомъ въ пять.

— Ого! Неужели и жена твоя такъ-же?

— Она еще меня будить; рановставка ужасная!—Я передалъ твое приглашеніе, Вѣра, обратился онъ къ входившей женѣ,—но...

— Никакого нѣтъ „но“, перебила его хозяйка:—Валерьянъ Николаичъ очень хорошо знаетъ, какого ужина можетъ ждать отъ насъ; мы не станемъ хлопотать для него какъ посторонняго.

— Иначе я-бы сейчасъ уѣхалъ, сказалъ Вальховцевъ.

— Слышишь: беспокоиться значить нечего.

— А ты угости товарища по праздничному и на бутылочку раскутись!

— Не слушайте его, Вѣра Александровна,—дѣлайте по своему; гдѣ-же безцеремонность, когда на сцену являются хлопоты?

— Правда, Валерьянъ Николаичъ; а мнѣ хочется поставить васъ сразу на ногу стараго друга!

— И вы совершенно уже въ этомъ успѣли.

— Очень рада.

— Очень рада! передразнилъ жену Владиміръ Григорьевичъ;—ой, милая! обнялъ онъ ее.

— Вотъ—вѣдь, разсмѣялся Вальховцевъ,—дома и лицо у него другое и живость явилась, а то у Ефимьева забился въ уголь, сидитъ скучный такой, еле слово проронить...

— Ну да и ты немного веселился!

— За то ужъ болѣе и не сунусь; одинъ разъ куда не дошло, а вотъ ты-то съ чего шелъ на добровольную муку? Вѣдь ужъ конечно дома было-бы тебѣ веселѣе?

— И собирався-то онъ точно на службу! встала Вѣра Александровна.

— Нельзя дѣлать только то, что намъ пріятно; иной разъ надо себя и приневолить.

— Да съ чего-же я стану стѣснять себя, ѣздить туда, гдѣ мнѣ скучно, слушать бредни недоучекъ, пошлыя сплетни, глупые анекдоты?

А хоть-бы съ того, что этимъ ты оказываешь вниманіе хозяину; Петя Ефимьевъ всегда хорошъ къ намъ, мы видѣли на дѣлѣ его расположеніе—за что-же обижать его?

— Володя пуще всего боится огорчить кого-нибудь, вмѣшалась хозяйка;—онъ ужасно цѣнить не только расположеніе, но и простую вѣжливость.

— А ты ужасно пользуешься всякимъ удобнымъ случаемъ вернуть похвалу своему супругу! разсмѣялся Рудневичъ:—глупо это, Вѣруша!

— Не нахожу: я говорю только правду.

— И я не нахожу, поддакнулъ Валеріанъ.

— Къ тому-же, продолжала Вѣра Александровна прерванный разговоръ,—Петръ Васильичъ—добрый человѣкъ; его положительно губить то общество, въ которомъ онъ вращается. Вотъ-бы вы повліяли на него, Валерьянъ Николаичъ; вы вмѣстѣ росли, были всегда дружны. Вѣдь жаль смотрѣть, какъ гибнетъ такой талантъ!

— Душою былъ-бы радъ, тѣмъ болѣе, что я совершенно раздѣляю ваше сожалѣніе, но послушаетъ-ли онъ меня? Чтобы не сталъ удаляться?

— Попробуйте.

— И я надѣюсь, что польза будетъ, замѣтилъ Рудневичъ,—Петя не глупъ и очень хорошо понимаетъ, съ какими личностями онъ имѣетъ дѣло.

— Тогда для чего-же онъ сходится съ ними? возразилъ Вальховцевъ.

— А такъ вотъ... распушенность, базхарактерность...

— И праздность, добавила Вѣра,

— Я отцу удивляюсь, сказалъ Рудневичъ,—видитъ талантъ и страсть въ сынѣ и упорствуетъ въ желаніи сдѣлать его чиновникомъ! Добро-бы еще средства были!

— Сословная гордость сгубила; потомъ, что скажутъ разныя Василисы Терентьевны, Акулины Савишны, Перепе-

туи Михѣевны: „Ефимьева сынокъ въ комедіанты пошелъ!“ Эка страсть подумашь!

— Характерный старикъ онъ что-ли? спросилъ Рудневичъ.

— Какое! Мягкій, добрыйшій человекъ и души въ сынъ не чаетъ; а такъ вотъ втемяшилось ему въ голову и стоитъ на своемъ... Ну, да со старыми взглядами и разстаться трудненько!

На эту тему разговоръ продолжался довольно долго... Владиміръ Григорьевичъ и жена его потомъ соообщили Вальховцеву подробности ихъ хозяйства и житья-бытья, рассказали нѣсколько происшествій и анекдотовъ изъ К—ской жизни, поинтересовались Петербургомъ. Выступили на сцену: текущая литература, народничество, вопросы стоявшіе на очереди. Завязались довольно оживленные пренія, даже споръ. Валеріанъ и не замѣтилъ, какъ пробило одиннадцать часовъ. Подали ужинъ и, вскорѣ послѣ него, Вальховцевъ отправился домой въ самомъ лучшемъ настроеніи: душѣ его было какъ-то особенно свѣтло и тихо. Скромное, безмятежное счастье Рудневича вытѣснило изъ его памяти тяжелые, уродливые образы, какъ-будто пригрѣло его своими благодатными лучами.

XXXVII.

На четвертой недѣлѣ поста, взявъ съ собою повара Алексѣя и оставивъ въ городѣ Андрея, присматривать за квартирой, Валеріанъ поѣхалъ въ Янкино. Тамъ предполагалъ онъ прожить пятую и шестую недѣли, заняться хозяйственными книгами, осмотрѣть скотъ и рѣшить отдачу его въ аренду Матвѣю-сыровару и къ седьмой недѣлѣ вернуться въ К. для говѣнья. Въ Янкинскомъ домѣ должно было быть тепло; отдѣленные Валеріаномъ, для пріѣзда, четыре комнаты въ бѣль-этажѣ и кухня внизу топились всю зиму; антресоли, для гостей, нагревались тепломъ бѣль-этажа.

Вальховцевъ подѣхалъ къ флигелю старосты; Алексѣй выскочилъ изъ кибитки, чтобы объявить о пріѣздѣ барина, но Адріанъ, увидя лошадей, былъ уже на крыльцѣ. Вышелъ и Михайло Федорычъ и побѣжалъ къ дому. Черезъ четверть часа, вещи были изъ кибитки вынесены, проворный Алек-

сѣй взялъ провизію и занялся приготовленіемъ завтрака, а Михайло Ѳедорычъ, раздѣвъ Валеріана, бросился ставить самоваръ. Въ комнатахъ было тепло и не пахло угаромъ; въ кабинетѣ и спальнѣ все было чисто и на письменномъ столѣ вещи были аккуратно вытерты. Валеріанъ, поблагодаривъ старика Михайла Ѳедорыча, занялся разборомъ привезенныхъ вещей.

Постучался староста.

— Что скажешь? обратился къ нему Вальховцевъ;— все благополучно?

— Все, Богъ милостивъ... А вы извольте сейчасъ-же отпустить меня и дайте мнѣ сто рублей, а то и полтораста.

— Куда тебя отпустить? взволновался и удивился Валеріанъ;—на что тебѣ деньги?

— Ковать желѣзо надо пока горячо! Я хотѣлъ ужъ въ городъ сегодня ѣхать да ладно, что вы сами приспѣли... Вы недовольны скотомъ... и оно точно: коровенки неважны, больше корму ѣдятъ, чѣмъ молока даютъ; надо стадо обновить, породу завести крупнѣе и молочнѣе. Такого случая, какой теперь подвернулся, скоро не дождешься... въ Покровскомъ, старый баринъ вчера утромъ померъ; староста поѣхалъ въ городъ для закупокъ и завернулъ вечеромъ въ Янкино—пріятель мнѣ будетъ. Ну вотъ, за чайкомъ, онъ и рассказалъ мнѣ, что дорогой скоть, котораго немного, продадутъ какъ только барина похоронятъ. Скоть крупный, хорошій; три холмогорки: пяти, четырехъ и трехъ телятъ, да двѣ телки отъ нихъ, годовыя. Покойничекъ все хотѣлъ смѣшать нашу породу съ холмогорской... Аверьянъ Николаичъ купить надо: право-слово такого случая не дождешься!

— А быка холмогорскаго нѣтъ?

— Съ полгода какъ палъ... да намъ онъ и ни къ чему: для помѣси надо будетъ приглядѣть быка здѣшняго, только побольше нашихъ...

— Такъ поѣзжай Адріанъ съ Богомъ,—полагаюсь на тебя... А хорошо-бы было Матвѣя съ собою взять: онъ знаетъ толкъ въ скоть.

— Да мы ужъ сговорились: вашего приказанія ждемъ. Матвѣй Дмитричъ говоритъ, что холмогорки для сыроваренія очень пригодны.

— Вѣрно, у холмогорокъ молоко не такъ жирно—за то

удой великъ... Да вотъ что. Адріанъ: сто-то рублей я могу тебѣ сейчасъ дать, а вѣдь этого мало; ограничиться задаткомъ я-бы не желалъ. Съѣздить развѣ мнѣ въ городъ: къ часу привезу деньги.

— Запоздаемъ въ Покровское, а тѣмъ временемъ кто-нибудь и купить!.. Пойдите-ка, я у Матвѣя спрошу... можетъ у него и найдется...

— Спроси, да кстати и сюда его приведи.

— А сколько головъ будемъ покупать?

— Всѣхъ, о которыхъ ты говорилъ: три коровы и двѣ телки; конечно если онѣ того стоятъ. Да скажи Матвѣю, что если деньги ему нужны будутъ по возвращеніи—я съѣзжу въ городъ и привезу.

Староста ушелъ. Явился Алексѣй.

— Валерьянъ Николаичъ! Я готовлю вамъ двухъ сърыхъ куропатокъ къ завтраку—ничего?

— Какъ ничего: да это прелесть! Откуда онѣ?

— А развѣ староста вамъ не говорилъ? Семь штукъ схватили на гумнѣ; Адріанъ Михалычъ ихъ зарѣзалъ и заморозилъ. Вотъ у насъ и дичь будетъ.

— Спасибо ему!

— А еще что прикажете?

— Потомъ поговоримъ; пока за глаза довольноно.

Черезъ четверть часа вернулся староста съ Матвѣемъ; онъ ссудилъ сто рублей; Валеріанъ далъ тоже сто—и черезъ часъ староста и сыроваръ выѣхали въ Покровское.

Пока Адріанъ былъ въ отсутствіи, Вальховцевъ привелъ въ порядокъ всѣ конторскія книги, составилъ, вмѣстѣ съ Никандромъ, списокъ нужныхъ для огорода сѣмянъ, перевѣялъ при себѣ назначенный для посѣва овесъ и осмотрѣлъ хозяйственныя орудія. Пришлось кой-что исправить и Валеріанъ тотчасъ-же послалъ за кузнецомъ Филиппомъ, бывшимъ крѣпостнымъ, и поручилъ ему немедленно привести въ порядокъ кузницу и приступить къ работѣ. Филиппъ—мужикъ пожилой, добродушный и трезвый, славившійся во всемъ околоткѣ какъ отличный кузнецъ, постоянно работалъ въ Янкинѣ и не замедлилъ исполнить приказаніе молодого барина. На другой-же день, сдавъ свою кузницу

двадцати пяти лѣтнему сыну, тоже кузнецу, онъ принялся за дѣло. Приведя все въ порядокъ въ барской кузницѣ, онъ поѣхалъ въ городъ за покупкой желѣза и другихъ мелочей и принялся за работу.

Староста и Матвѣй-сыроваръ вернулись изъ Покровскаго на четвертый день утромъ; купленные коровы и телки привели Вальховцева въ восхищеніе; тщательно осмотрѣвъ ихъ, онъ поспѣшилъ въ домъ, отыскалъ альбомъ коровъ и быковъ всевозможныхъ породъ и вернулся съ нимъ на скотій дворъ. Матвѣй и Адріанъ единогласно признали, что приведенный скотъ точь-въ-точь такой, какъ нарисовано въ „книжкѣ“: „бѣлый, съ большими черными пятнами, съ прямымъ хребтомъ и проч.“

— Какъ вы справились съ пятью животными? спросилъ Валеріанъ.

— Мы съ Матвѣемъ Дмитричемъ вели двухъ старшихъ коровъ, а парень, нанятой нами съ санями, велъ молодую съ телками. Правда, битвы съ ними было не мало! Ну да, слава Богу, доставили!

— А денегъ сколько растрясли? разсмѣялся Валеріанъ.

— И торговались-же мы! махнулъ рукою Матвѣй;—Племьяница покойнаго—у-у какая!.. На обухъ должно быть рожь молотить... Сошлись наконецъ, а главное потому, что всѣхъ купили: за старшую шестьдесятъ, за вторую пятьдесятъ, за третью сорокъ рублей; телки по двадцати рублей за штуку; всего значить, сто девяносто рублей. Ну, надо парню рубликовъ пять дать, а намъ сказать спасибо, разсмѣялся сыроваръ.

— И большое! На насхъ сосчитаемся! Теперь, староста, надо коровъ пока пристроить куда-нибудь, а потомъ мы имъ, какъ плотники на работу пойдутъ, устроимъ дворикъ-особнякъ... Очень, очень вы меня обрадовали, спасибо еще разъ! —А стельны коровы, всѣ?

— Всѣ, у меня и записочка есть, когда обошлись: изъ конторской книги выписалъ, отвѣтилъ Матвѣй.

Къ Вальховцеву подошелъ мальчикъ, лѣтъ пятнадцать, съ письмомъ.

— Откуда?

— Изъ Горшалова... Баринъ послалъ, только что приѣхали... Просятъ отвѣта.

Валеріанъ прочиталъ письмо.

— Кланяйся барину и скажи, что жду, а писать некогда.—На вотъ тебѣ за ходьбу. Онъ далъ ему двугривенный.

— Спасибо, баринъ! Только и будетъ?

Да; скажи, что жду, писать некогда.

Петръ Семеновичъ писалъ, что къ пяти часамъ будетъ въ „Янкинѣ“ и просить его покормить.

Вальховцевъ пошелъ въ кухню и, вмѣстѣ съ Алексѣемъ, составилъ „мену“; конечно сѣрыя куропатки играли въ немъ главную роль.

— Ну, Валеринька, я къ тебѣ съ невеселыми вѣстями, по французски обратился Петръ Семеновичъ къ племяннику, послѣ того какъ раздѣлся и вошелъ въ кабинетъ:—братъ въ отчаяніи... Маня сбѣжала! бросаясь въ кресло взволнованно сказалъ онъ.

— Маня!.. Сбѣжала!.. О Господи!.. Съ кѣмъ? Неужели съ этимъ мерзавцемъ Кустодіевымъ?

— Да!

Валеріанъ, пораженный, присѣлъ къ письменному столу и въ головѣ его мелькнули слова дѣвушки, сказанныя ему въ дворянскомъ собраніи: „скоро совѣмъ пройдетъ мой сплинъ“; вотъ и прошелъ!—Маня... кроткая Маня!“ прошепталъ онъ;—„погибла бѣдняжка!“ и онъ заплакалъ.

Долгая пауза.

— Дядя, голубчикъ! Да неужели нельзя ее спасти? вскричалъ онъ.

— Нѣтъ, Валя! утирая глаза, слабо отвѣтилъ Петръ Семеновичъ:—на, прочти...

Онъ вынулъ изъ бокового кармана конвертъ и подаль его племяннику; Валеріанъ взялъ письмо и прочелъ:

„Дорогіе родители“,

„Простите что, не предваривъ васъ, я сама распорядилась своей судьбой; не предварила потому, что надѣяться на согласіе ваше я не могла! Убѣжденія и взгляды ваши діаметрально противоположны моимъ: среда, въ которой вы вращаетесь, чужда мнѣ; я хочу работать на пользу меньшей братіи, а не сидѣть барышней, сложа руки. Я живу жизнью новою, кипучею, вы—пережитками старой,

гаснущей? Вы допускаете бракъ только съ равными себѣ по положенію и богатству, я—ищу человѣка съ сердцемъ, крѣпкаго духомъ! Такого я нашла... Послѣ Пасхи я буду женой Виктора Александровича Кустодіева!

„Простите меня, дорогіе мои, не кляните и не ищите меня, а если что случится со мной—помолитесь за вашу дочь

„Марію“.

Валеріанъ опустилъ голову и, въ раздумьи, передалъ письмо дядѣ:

— Да... „Сознательно“... Тутъ не уговоришь! --Не нравится мнѣ этотъ проходимецъ!

— Какъ уговаривала Софью Алексѣевну моя жена обратить вниманіе на Маню, а главное поскорѣе прогнать этого Кустодіева—мимо ушей проходили ея слова... Ну вотъ и плоды!

— А какъ все это случилось, дядя?

— Когда ты ѣздишь по сѣздамъ, Кустодіевъ вдругъ отказался отъ уроковъ Сенѣ, сообщивъ, что переезжаетъ въ Москву, и дѣйствительно, какъ говорили, уѣхалъ. Это случилось въ началѣ этого мѣсяца. Въ субботу, третьяго дня, Маня пошла ко всенощной въ Знаменскую церковь; провожала ее Сенина няня. Какъ проскользнула изъ церкви Маня —понять не могутъ; вышли всѣ изъ церкви, а барышни нѣтъ! Обомлѣла старуха! Пришла домой, а тамъ уже получено письмо Мани по городской почтѣ... Ну, что ужъ и было! Подумай, Валеринька, скандалъ-то какой: вѣдь дочь губернскаго предводителя!

— Какъ-же рѣшили?

— Братъ рѣшилъ не преслѣдовать Маню и не искать, все равно не найдешь... только огласка будетъ больше... Распустили слухъ, что Маню вызвала крестная ея мать, наша сестра, игуменья —скаго монастыря, Анатолія; конечно этому не повѣрятъ, но что же больше дѣлать?... Братъ ужасно потрясенъ, Софи гораздо меньше; впрочемъ она не любила ее...—Вотъ, другъ мой, какая бѣда стряслась!

— Да, дядя, бѣда не маленькая! Я страшно боюсь, что Кустодіевъ обманетъ и не женится на ней; по моему—онъ народникъ и нигилистъ; потѣшится надъ дѣвушкой да и

выбросить ее за бортъ! У этихъ „новыхъ людей“ ни честнѣ
ни состраданія нѣтъ!

— Сохрани ее Господь!

— Влюблена она въ него до безумія: это сейчасъ
видно... Она пойдетъ за нимъ всюду, куда только онъ ее
поведетъ... Если онъ не броситъ ее—онъ передѣлаетъ ее по
своему... Ой, дядя, мурашки по спинѣ бѣгаютъ, когда пред-
ставишь себѣ, что ожидаетъ эту кроткую, добрую Маничку!

— Я все еще надѣюсь, что Пречистая спасетъ ее:
Маня очень религіозна...

— Да; но, въ этой любовной горячкѣ, она и религію
забудетъ!

— Временно; а фундаментъ-то останется.

Вошелъ Михайло Ѳедорычъ и доложилъ, что супъ
подавъ.

— А что у насъ за обѣдомъ, Валеринька?

—PURE изъ рыбчиковъ, гренокъ, нѣлма по-русски, сѣ-
рья куропатки и пломбиръ съ цукатами.

— И это въ усадьбѣ, въ которой не живутъ! удивился
Петръ Семеновичъ, садясь за столъ.

— Для вашего превосходительства приготовлено; ка-
кого вина прикажете?

— А что на столѣ?

— Хересъ, красный портвейнъ, „Graves“ и „St Emilion“.

— Чего ужъ лучше: выбирай, что хочешь!

— Дядя, послѣ pure, наливая ему хересъ, по-фран-
цузски спросилъ Валеріанъ,—какъ вы думаете: можно мнѣ
на-дняхъ съѣздить въ Барское?

-- То-есть сдѣлать визитъ de-condoléance? ¹⁾. Думаю,
что неудобно: утѣшить его ты не утѣшишь, а только на-
помнишь ему о случившемся горѣ...

— А если онъ или тетка Софья Алексѣевна это за
холодность или пренебреженіе примутъ?

— Никогда!—Впрочемъ, чтобы успокоить тебя, я скажу
брату, что хотя ты и хотѣлъ тотчасъ ѣхать къ нимъ, но я
тебя отговорилъ.

Послѣ обѣда, къ кофey, принесены были коньякъ и
ликеры; Петръ Семеновичъ посмотрѣлъ на племянника и
разсмѣялся, видимо довольный.

¹⁾ Соболезнованіе.

— Спасибо, гвардеецъ, за угощеніе... къ намъ милости просимъ!

— А вы сегодня въ городъ?

— Нѣтъ; ночью въ Горшаловъ, утро посвящу дѣламъ и къ четыремъ часамъ домой.

— Искренно радъ; я васъ безъ ужина не отпущу!—А трубочку прикажете?

— А есть?

— Штукъ десять есть... Я принесу вамъ папашину, съ чуднымъ янтарнымъ набалдашникомъ и бисернымъ украшеніемъ... И „жуковецъ“ ¹⁾, дядя, есть...

— Н-ну! Откуда досталъ?

— Въ папашиномъ шкапу нашель...

Валеріанъ досталъ табакъ и чубукъ, позвонилъ и поручилъ Михайлѣ Федорычу набить трубку.

— Дядя, а знаете, что я вамъ скажу: трубочку выкурите, а потомъ часикъ-другой и отдохните... Постель ужъ вамъ готова.

— А вѣдь ты дѣло говоришь: я такъ и сдѣлаю... Только черезъ часокъ, много черезъ полтора, разбуди: мнѣ вредно спать долго.

XXXVIII.

Около половины апрѣля, встрѣтивъ Пасху и покончивъ съ неизбѣжными визитами, имѣя свободное время до 27-го числа, Вальховцевъ, гонимый изъ города чудною, теплою погодой въ совершенно открывшіяся уже поля, на свѣжій воздухъ, собрался переѣхать на лѣтнее житѣе въ Янкино. Поручивъ „домовничество“ ²⁾ давно извѣстной ему дворовой четѣ, отпущенной Николаемъ Семеновичемъ, за примѣрную службу, на волю, Валеріанъ отправилъ въ усадьбу, подъ надзоромъ Андрея, „Бокса“, нужныя ему и прислугѣ вещи, всякихъ сортовъ провизію и все необходимое для стола и домашняго обихода и часовъ въ шесть вечера выѣхалъ изъ К. Подѣзжая къ Марфину, онъ увидѣлъ у воротъ, вышедшую изъ сада, Зинаиду. Завидя тарантасъ и сидѣвшаго въ немъ Вальховцева, она отворила калитку.

¹⁾ „Жуковъ“—извѣстный фабрикантъ табаку для трубокъ.

²⁾ Охраненіе дома, квартиры.

— Здравствуйте! А вы развѣ не заѣдете къ намъ? спросила дѣвушка по-французски.

— Удобно-ли это будетъ, выйдя изъ экипажа и цѣлуя ея руку, отвѣтилъ Валеріанъ.

— Да вѣдь васъ просилъ папа заѣзжать въ Марфино, а не проѣзжать его?

— Мало-ли что говорится, Зинаида Александровна, но не все можно исполнять.

— Такъ вы не хотите заѣхать? вспылила дѣвушка.

— А папа дома?

— Въ уѣздѣ.

— Можетъ-быть Елизаветъ Петровнѣ непріятно будетъ мое посѣщеніе...

— Начались разныя предположенія! Скажите лучше, что не хотите—ну и уѣзжайте въ Янкино!—До свиданія! снова вспылила она и повернулась къ дому.

— Да ручку-то дайте! разсмѣялся Вальховцевъ.

— Совершенно лишнее: такого упорства я еще не встрѣчала!

— Это не упорство, а простое „Savoir vivre“ ¹⁾, пригласить меня ваша мама—я останусь, нѣтъ—уѣду въ Янкино.

— Сейчасъ я это устрою... подождите! и. скорыми шагами, Зинаида пошла къ дому.

Черезъ нѣсколько минутъ, появилась на крыльцѣ горничная: „Подавай!“ крикнула она Вальховцевскому ку-черу и тройка подкатила къ подъѣзду.

— Какъ вамъ не стыдно, противъ обыкновенія, любезно замѣтила Голубцова, здороваясь съ Валеріаномъ:—хотѣли проѣхать Марфино; вѣдь мы просили васъ непременно, всякій разъ, заѣзжать къ намъ.

— Я въ дорожномъ костюмѣ, Елизавета Петровна, и считъ неудобнымъ явиться въ немъ. отвѣчалъ молодой человѣкъ, цѣлуя руку хозяйки.

— Пока подадутъ самоваръ, ты-бы показала Валерьяну Николанчу садъ нашъ, Зина...—Старинный! обратилась къ гостю Голубцова.

— Васъ будутъ конечно посѣщать въ Янкинѣ? сходя съ террасы, послѣ паузы, спросила Зинаида.

¹⁾ Знаніе свѣта.

— Смѣю надѣяться! Въ маѣ или іюнѣ приглашу Залѣсовскій съѣздъ; потомъ, когда поспѣютъ персики, сливы и шианскія вишни,—губернатора и другихъ.

— А насъ не пригласите?

— Очень-бы мнѣ хотѣлось пригласить и васъ, прекрасный полъ,—а какъ вы мнѣ откажете? улыбнулся Вальховцевъ.

— Это отъ васъ зависитъ: пригласите вашу тетку Ольгу Николаевну—Софья Алексѣевна вѣроятно не поѣдетъ, быть хозяйкой—и веѣ явятся въ Янкино!

— Переговорю съ ней...—Какой чудесный кедръ!.. Да и эта лиственница... Пожалуй лѣтъ около ста!

— Говорятъ, что ихъ еще прадѣдушка садилъ... Въ саду не мало старыхъ деревьевъ: есть и липы и дубы...

Они молча прошли нѣсколько шаговъ.

— А какъ у васъ съ тетушкой Ольгой Петровной: „совѣтно“, какъ говорятъ мужики?

— Что значить „совѣтно“? Мирно, да?

— Совершенно вѣрно.

— Не совсѣмъ... Тетушка мнѣ выговоръ сдѣлала изъ-за Васькова: почему я дуюсь на него, почему удаляюсь... Да неужели и мои чувства и мои взгляды и мои слова наконецъ подлежатъ критикѣ тетки? И какъ глупо говорить это! Теперь мнѣ ясно, что г. Васьковъ насплетничалъ ей на меня, а тетушка открыла мнѣ это своими репримандами!

— Конечно это не умно, но отчего вы, Зинаида Александровна, которая были такъ любезны съ г. Васьковымъ, въ то время, когда я имѣлъ честь познакомиться съ вами, теперь такъ рѣзко вдругъ лишили его вашего расположенія?.. Впрочемъ простите, можетъ-быть, спрашивая васъ, я зашелъ за предѣлы возможнаго?

— Нисколько... Она опустила немного голову, сорвала подсыѣжники и стала его трепать.—Я не люблю интригановъ... не люблю и сплетниковъ, а тѣмъ болѣе лгуновъ, шельмующихъ людей, не зная ихъ хорошенъко, шельмующихъ только изъ своихъ видовъ!

— А онъ провинился въ этомъ?

— Да; онъ позволилъ себѣ порочить человѣка, котораго онъ почти не зналъ, съ цѣлію унижить его въ моихъ глазахъ!

— Человѣка недавно сюда прибывшаго? пристально взглянулъ на дѣвушку Валеріанъ.

Она вспыхнула.

— Не знаю... Пойдемте... насъ можетъ-быть ждутъ...

— И вы это ему высказали?

— Да! поднявъ голову и вдругъ ободрившись, твердо сказала Зинаида.—Такіе люди мнѣ противны: жалкая сплетня, полное неуваженіе къ той, которой эта сплетня сообщена!

Они вернулись въ домъ и сѣли за чай; Зинаида задумалась; оттънокъ неудовольствія пробѣждалъ по ея лицу, разговоръ сталъ натянутымъ. Вальховцевъ вскорѣ простился и уѣхалъ.

— — — —

На другой день утромъ, подавая Валеріану кофе, Михайло Ѳеодорычъ сказалъ:

— А вѣдь тетерева, въ нашемъ выгонѣ, токують всю... Прокофій ужъ съ недѣлю какъ поставилъ два шалаша, на томъ-же мѣстѣ, на которомъ стояли шалаши покойнаго барина. Дичи, говорятъ, достаточно. Все больше изъ Петрушинскаго лѣса летятъ.

— А много папаша ихъ билъ?

— Не такъ чтобы много, а двѣ-три штуки принашивали... Ихъ любимая охота была осенью и зимою, на чучела: ставятъ шалашъ, а кругомъ, на деревья привязываютъ чучела тетеревей; стая летитъ на нихъ и садится на деревья; коли въ мѣру—ихъ и бьютъ. А бываетъ и такъ что, хоть ты тресни, птица не садится около шалаша, а цѣлой стаей, штукъ въ двадцать-тридцать пролетаетъ мимо—ну тутъ ужъ зло беретъ... Прокофій на что мастеръ загонять—и тотъ часто ничего подѣлать не могъ: направить стаю на шалашъ—они и летятъ вѣрно, а какъ къ шалашу—такъ черезъ него пошуршатъ крыльями да и мимо!

— А долго папаша высиживалъ въ шалашѣ?

— Часа три, а то и болѣе... Въ двадцать градусовъ мороза сиживали—вотъ какъ любили! Растелютъ внутри шалаша медвѣжіи коверъ, сядутъ на тубаретку и ждутъ; на нихъ заячья шубка, а сверху енотовая шуба въ накидку; какъ затянеть загонщикъ „береги“—такъ сейчасъ шубу долой и ружье черезъ окошко въ ту сторону, откуда голосъ. Помню я, папенька вашъ рассказывали: „долго сидѣлъ я—

все мимо да мимо летѣла стая; вдругъ какъ захлопали крыльями, заохали... да чуть не въ двадцати шагахъ... сердце даже забилося... Смотрю: противъ окошка, на елушкѣ штукъ десять прилипло: хлопъ-хлопъ изъ обоихъ стволовъ—думаю штукъ пять-шесть свалю, а вышло, что одного почти что разнесъ, а другого только ранилъ: близко слишкомъ было, дробь не разсыпалась, а пулей летѣла.—Такъ когда же, Валерьянъ Николаичъ, на токъ-то соберемся?

— Да хоть завтра... Солнце встаетъ въ четыре часа двадцать минутъ: въ два надо выѣхать: полчаса пройдемъ до выгона... Ружьишко-то твое въ порядкѣ?

— Вымыто и вычищено; припасовъ ¹⁾ вотъ нѣтъ.

— Ну этого добра я привезъ довольно. А въ лѣсу есть еще снѣжокъ?

— Малость; такъ я скажу Прокофію, чтобъ на готовѣ былъ... Долгушку запречь?

— Да; да вотъ что ты мнѣ скажи: видѣлъ холмогорокъ.

— Ну и коровки: заглядѣніе! Куда нашимъ до нихъ! Папашенькѣ вашему смерть хотѣлось завести ихъ, да выписывать далеко и дорого—такъ все и откладывали... Счастье, что вамъ такой случай подвернулся!

— А съ дворомъ-то, для нихъ, что-нибудь дѣлаютъ?

— Ямы вырыты, теперь столбы кладутъ.

— Прежній каменщикъ, Николай Мартыновъ?

Онъ самый.

--- Побѣлѣлъ поди?

— Пора: за полсотню перевалило.

— Ой батюшки: восемь часовъ скоро! взглянулъ Вальховцевъ на часы. Пора въ обходъ...—Михайло Федорычъ, Андрею скажи, чтобы шубку и охотничьи сапоги принесъ.

Прежде всего Валеріанъ направился къ холмогоркамъ; полюбовался ими и пошелъ къ Мартынову, который, съ сыномъ, клалъ въ ямахъ столбы подъ первый вѣнецъ дворика. Поздоровавшись какъ со старыми знакомыми, Вальховцевъ поручилъ Николаю, по окончаніи этой работы, осмотрѣть всѣ печи въ усадьбѣ, фундаменты флигелей и овинновъ и борова въ домѣ и оранжереяхъ. Заглянувъ по-

¹⁾ Пороха, дробн и пистоновъ.

томъ въ скотьи дворы и конюшни, онъ повернулъ на дорогу въ кузницу. Работа тамъ шла спѣшная: стучалъ молотъ, сверкали брызги отъ свариваемыхъ желѣзныхъ полосъ, храпѣли мѣха. Завидя барина, Филиппъ остановился; Валеріанъ привѣтствовалъ его и молотобоя обычнымъ: „Богъ на помощь!“.

— Благодаримъ покорно! былъ отвѣтъ.

— Неисправностей много? спросилъ Вальховцевъ.

— Не такъ чтобы много, а есть: у косуль больше, да у желѣзныхъ боронъ, съ лапками которыхъ...

— А новую, парную, что я изъ Питера прислалъ,— видѣлъ?

— И видѣлъ и разсмотрѣлъ: умно придумано: бороны-то, знать, вотъ такъ по полосѣ идутъ (онъ показалъ ладонями, какъ движутся онѣ попеременно), а главное то хорошо, что у каждаго зуба--своя дорожка, не такъ какъ у теперешнихъ боронъ съ деревянными и съ желѣзными зубьями: иную дорожку, вмѣсто одного, проводятъ четыре-пять зубовъ—выходить, что совсѣмъ напрасно бороздить три-четыре зуба!

— А ты можешь, Филиппъ, по присланному образцу, сдѣлать мнѣ еще двѣ такія бороны?

— Отчего не сдѣлать: мудрости никакой тутъ нѣтъ... Нужна точность да чтобы все въ акурать было, какъ у питерской бороны... Отчего не сдѣлать!

— Ну такъ какъ только кончишь мелочи за нихъ и берись!

— Надо будетъ желѣза купить для рѣшетокъ и зубьевъ; я потомъ рассчитаю, сколько понадобится...

— А большая сѣялка въ порядкѣ?

— Исправна; и клеверная тоже.

— А что ты сварилъ, когда я подходилъ?

— Лапки къ зубьямъ приварилъ да другое кое-что.

Подошелъ староста и съ нимъ высокій, плотный мужикъ, лѣтъ сорока; они поклонились.

— Старый знакомый! обратился Вальховцевъ къ мужику:—сколькихъ привелъ?

— Четырехъ: будетъ Аверьянъ Николаичъ.

— Шапки надѣньте.—Адріанъ, чертежъ ты ему показывалъ?

— Какъ-же!

— Ну что, Капитонъ, ничего не имѣеть сказать?

Какъ-вотъ на счетъ лѣса?

— Лѣсъ есть... сколько Адріанъ?

— Бревенъ восемьдесятъ наберемъ... шести вершковыхъ.

— А въ маѣ погонять изъ Широгорья—тогда и прикупимъ сколько потребуется...

— А своего лѣску не тронете?

— Нѣтъ, Капитонъ, не хочется: вѣдь у меня и всего-то строевого лѣса сто шестьдесятъ десятинъ да дровяного сорокъ—беречь надо.

Вальховцевъ поднялся съ лавки и вышелъ изъ кузницы.

— Ну, Капитонъ, отдыхай съ дороги, а ты, староста, милости просимъ ко мнѣ.

— Я позвалъ тебя, Адріанъ, послѣ паузы, продолжалъ Валеріанъ, когда они вошли въ кабинетъ,—чтобы отдать тебѣ праздничные подарки для раздачи дворовымъ; на каждомъ ярлыкъ съ именемъ. Тебѣ и Матвѣю, какъ я обѣщалъ, подарки подороже.

Староста уже нагнулся, чтобы сдѣлать земной поклонъ, но былъ удержанъ Вальховцевымъ.

— Андрею, Алексѣю и Прокофію я отдалъ подарки еще въ городѣ. Иди-же съ Богомъ и раздай; желаю, чтобы всѣ были довольны... Пожалуста, Адріанъ, смотри по аккуратнѣе за холмогорками, да и Матвѣя попроси; скажи ему, что я согласенъ на его предложеніе: двѣнадцать рублей съ коровы и выпонить мнѣ двадцать телятъ на племя и двухъ борововъ, вѣсомъ не менѣе девяти пудовъ штука: сыворотки-то у него будетъ много. Скотники и доильшицы конечно мои. Холмогорокъ я оставляю покамѣстъ въ моемъ распоряженіи. Контрактъ напишемъ на дняхъ.—Ты какъ находишь?

— А на сколько лѣтъ контрактъ будете писать?

— На годъ.

— И нельзя больше; мало-ли что можетъ случиться...

А деньги какъ?

— Платить по полугодно, впередъ.

— Ну, такъ я къ Матвѣю пойду...

— Съ Богомъ!

Хотя Валеріанъ и легъ спать въ девять часовъ вечера, но все таки вставать въ два часа ночи было не легко: онъ наскоро умылся, съ небольшимъ холодкомъ въ спинѣ, одѣлся и, проглотивъ чашку кофе, вышелъ на крыльцо. Ночной, сыроватый воздухъ охватилъ его и мурашки пробѣжали по тѣлу. Впрочемъ почъ была не холодная, и тихая. Черезъ полчаса, они были уже у отвода въ выгонъ. Валеріанъ и Михайло Федорычъ сошли съ долгуши и направились къ шалахамъ; Прокопію вѣрно было пріѣхать къ пяти часамъ.

Вальховцевъ вошелъ въ свой шалашъ, развернулъ медвѣжью шкуру, поставилъ въ уголъ два заряженные ружья и сѣлъ на табуретку къ окну, противъ площадки, на которой ежегодно токовали тетерева; Михайло Федорычъ забрался въ свой шалашъ.

Все было тихо; ни малѣйшаго вѣтра. Въ полушубкѣ, окутанный енотовой шубой, Валеріанъ задремалъ.

„Чу—ффы!“ раздалось гдѣ-то недалеко рѣзкое шипѣніе—и Вальховцевъ мгновенно встрепенулся; „чу—ффы!“ отвѣтили на лѣвой сторонѣ. Прошло нѣсколько секундъ; опять тихо; чуфыканье смолкло. Послышалось гдѣ-то ворчанье, потомъ сплошное воркованье... Снова раздалось чуфыканье, но уже неодионочное, и все ближе и ближе... Стало брежжить. У Валеріана, отъ напряженія глазъ въ темноту, показались слезы. Воркованье стало громче, чуфыканье чаще и чаще. Можно было уже разсмотрѣть нѣсколько небольшихъ елокъ, площадку, мѣстами покрытую еще снѣгомъ, и на ней что-то маленькое, черное, вертящееся... Одно, два, три... „Чу-ффы!“ слышится близко отъ шалаша... Обрисовываются предметы... Валеріанъ вздрогнулъ и схватился за ружье: впереди два тетерева, другъ противъ друга, съ вытянутыми шеями и головами, съ растопыренными внизъ крыльями и вздернутыми вѣромъ хвостами, то двигаются впередъ, то кружатся на мѣстѣ. Стрѣлять можно, но Валеріану хочется убить обоихъ и потому онъ ждетъ того момента, когда птицы, въ азартѣ, сойдутся ближе. Сердце бьется у молодого охотника; его бросаетъ то въ жаръ то въ холодъ: онъ страшно боится, что старикъ Михайло предупредитъ его, и добыча минуетъ его рукъ...

А токовикъ воркуетъ все громче и громче; чуфыканье

въ полномъ разгарѣ; уже видны схватки тетеревиныхъ паръ. Намѣченная Валеріаномъ пара сходится и готовится къ бою... Выстрѣлъ, другой—полное молчаніе. И токовикъ и тетерева смолкли, но не разлетѣлись; дымъ разсѣялся. На мѣстѣ бойцовъ, въ которыхъ стрѣлялъ Вальховцевъ,—одинъ убитъ, другой съ переломаннымъ крыломъ. Снова заворковалъ токовикъ, снова зачужфыкали тетерева, новые турниры... А брезгъ переходитъ въ свѣтъ, легкій вѣтерокъ пролетаетъ надъ шалашами и яркое солнце поднимается изъ-за ближайшихъ полей: токъ кончился.

Вышелъ изъ шалаша Вальховцевъ и поднялъ своихъ тетеревей: одинъ наповалъ, другой еще слабо шевелить крыломъ... Ударъ головой о прикладъ ружья—и птица замерла.

XXXIX.

Село „Барское“, Александра Семеновича Вальховцева, отстояло отъ города К. въ семнадцать и отъ Янкина въ десяти верстахъ; оно немного было моложе послѣдняго. Каменный, одноэтажный съ мезониномъ, домъ стоялъ на горѣ: по бокамъ его, нѣсколько впереди, соединены были съ нимъ, крытыми дугообразными галлереями, каменные: домикъ для гостей и кухня; передъ домомъ овальный газонъ, обнесенный цѣпью на столбикахъ, впереди, противъ березовой аллеи—валъ, въ родѣ батареи, съ четырьмя чугунными пушками, посреди газона мачта съ трехцвѣтнымъ флагомъ, взвивавшимся только во время присутствія хозяина въ усадьбѣ. Слева отъ дома—хозяйственные постройки, справа—небольшая, но красивая церковь, окруженная каменной оградой и за ней большими кронными липами. Березовая аллея, прерванная у газона, продолжалась отъ церковной ограды подъ гору, параллельно саду и кончалась у моста черезъ неширокую, но быструю рѣчку „Чернавку“. Садъ былъ большой и старинный; посреди его шла широкая липовая аллея, доходившая до рѣчки; на берегу, слева отъ аллеи стояла баня, справа—купальня. Сосновый боръ покрывалъ противоположный берегъ. Въ концѣ сада, на югъ, расположены были оранжереи,—правѣ ихъ, порядочной величины прудъ и огородъ.

День былъ прекрасный, настоящій майскій: на голу-

бомъ небѣ ни облачка, тепло, но не жарко, легкій вѣтерокъ еле колеблетъ листья деревь. Александръ Семеновичъ только что позавтракалъ и направился въ поля, гдѣ занимались возкой удобренія. Софья Алексѣевна и, гостившая въ Барскомъ, Наталія Платоновна Мокрицкая сидѣли на террасѣ, выходившей въ садъ, и читали газеты.

— А вотъ ты увидишь, Natalie, кладя на столикъ газету, продолжала Вальховцева,—что Валеріана окрутятъ Голубцовы и не столько самъ исправникъ, сколько размазня Лизавета: тиха—тиха, а гдѣ нужно промаха не дать!

— Да что-жъ тутъ худого, Софи: дѣвушка, говорятъ, красотка, приданое дадутъ приличное...

— Ахъ, та chère, ты всегда въ розовомъ свѣтѣ все видишь! Ну что такое Голубцовъ? Дворянинъ—да, но и только: ни point d'honneur, ни traditions! ¹⁾ Жалкій дворянинъ!.. Et puis: скупецъ! Онъ пообѣщаетъ дать приданое и не даетъ! Умреть конечно безъ завѣщанія, потому что даже слово „смерть“ не выносить,—ну и получай Зиночка четырнадцатую часть изъ недвижимаго и восьмую изъ движимаго,—остальное братецъ прикарманить!

— Да отчего ты думаешь, Софи, что Валериньку женятъ,—ты слышала развѣ что-нибудь?

— Ахъ, Natalie, да чуть не съ перваго знакомства Валерьянъ увлекся ею... На вечерахъ,—постоянныя кадрили и мазурки, встрѣчи въ домахъ и на улицахъ, разрывъ съ Васьковымъ—это чего-нибудь да стоитъ, наконецъ недавно вечерній визитъ въ Марфинѣ, въ дорожномъ костюмѣ... Это ужъ совершенно по родственному! разсмѣялась Вальховцева.

— Откуда ты все это знаешь? Могли ошибиться, солгать...

— Ошибиться было нельзя: Хлоповъ ѣхалъ изъ города въ Залѣсовъ и какъ разъ, когда тарантасъ Валерьяна началъ поворачивать во дворъ Марфинскаго дома, Алексѣй Ивановичъ выѣхалъ изъ лѣска и увидалъ Валерьяна лицомъ къ лицу. Ошибки быть не можетъ, потому что Валерьянъ даже раскланялся съ нимъ.

— А почему съ Васьковымъ-то разошлась Зинаида?

- А потому что, по справкамъ, у него почти ничего,

¹⁾ Ни достоинства, ни традицій!

кромя жалованья, не оказалось: пресловутая усадьба, которую такъ восхваляла Никольцева, даетъ Васькову только триста рублей аренды, изъ которыхъ надо исключить сто рублей на сторожа и повинности! Зиночка, ма сёге, тоже не безъ расчета, по папенькѣ пошла! Ну, если-бы титулованный былъ... а то—Васьковъ!

— По моему, такъ и слава Богу, коли Валеринькѣ она нравится, сказала Мокрицкая, вынимая изъ ридикюля начатой вязаньемъ чулокъ.

— Конечно лучше, чѣмъ бѣгать за семинаристами, какъ это сдѣлала наша дочь, себѣ на горе и намъ на позоръ! желчно выговорила Вальховцева.

— Полно Соня... умиротворись... Надо пожалѣть Маню: молода, увлеклась... съ кѣмъ грѣхъ не случается! Вспомни: время-то теперь какое смутное... [Вотъ выйдетъ замужъ и все будетъ хорошо!

— Еще-бы: madame Кустодіева! И фамилія какая-то, военная! разсмѣялась Софья Алексѣевна.

— Почему военная? удивилась Мокрицкая.

— Потому что „Кустодія“ по русски—военная стража: типичная фамилія для семинара!

Онѣ помолчали. Наталья Платоновна занялась вязаньемъ чулка, а Вальховцева снова взялась за газету.

— Отцу скандалъ сдѣлала! видимо продолжая мысль, сверлившую ея мозгъ, сокрушалась Софья Алексѣевна;— братьямъ—срамъ, себѣ *mésalliance*! ¹⁾ А впереди что?.. Ты не повѣришь, ма сёге, какъ Alexandre до сихъ поръ разстроенъ! Да и легко-ли перенести губернскому предводителю и бывшему губернатору такой *affront*!.. ²⁾ Вѣдь у насъ, Natalie, тоже самолюбіе есть!

— Да кто-же сомнѣвается въ этомъ? возразила Мокрицкая;—кто, человекъ съ сердцемъ, не войдетъ въ ваше положеніе? Но вѣдь на все воля Божія! Не надо отчаиваться... Въ евангеліи гдѣ-то сказано, что „должно всегда молиться и не унывать!“

— А вѣдь это колокольчикъ, прислушалась Софья

¹⁾ Неравный бракъ.

²⁾ Обида, поношеніе.

Алексѣевна,—да... и замолкъ... Къ намъ кто-то, и она ударила въ timbre. ¹⁾

Явился лакей.

— Приѣхалъ кто-нибудь? спросила Вальховцева.

— Валеріанъ Николаичъ, ваше превосходительство; раздѣваются.

— Вотъ видишь, Natalie, я не ошиблась... Пойдемъ къ нему на встрѣчу: c'est mon Benjamin! ²⁾

Они встрѣтились въ гостиной.

— Очень мило, что приѣхалъ! Изъ поѣздки по сѣздамъ? спросила Софья Алексѣевна.

— Да, ma tante, цѣлуя руки тетокъ, отвѣтилъ племянникъ,—и прямо изъ города: хотѣлось повидать васъ. Ну что дядя, какъ его здоровье?

— Здоровье-то ничего, а вотъ нравственно онъ потрясенъ... Онъ въ полѣ теперь.—Valérien, mon ami, до обѣда еще долго—ты-бы закусилъ: семнадцать-вѣдь верстъ проѣхалъ, и она потянулась къ timbre'у.

— Не беспокойтесь, тетушка: я самъ схожу къ буфетчику и въ столовой что-нибудь сѣмъ.

— Ну иди, распорядись и приходи къ намъ на террасу; дядя еще долго не вернется.

Минуть черезъ двадцать, позавтракавшій Валеріанъ возвратился; поблагодаривъ тетку, онъ прямо спросилъ ее:

— Chère tante, простите, что можетъ быть вопросъ мой покажется вамъ не совсѣмъ умѣстнымъ, но я такъ люблю васъ, дядю и Маню, что не могу утерпѣть: имѣются-ли какія-нибудь свѣдѣнія о Манѣ?

— Никакихъ! Да и откуда имъ быть?.. Alexandre отказался отъ всякихъ разслѣдованій; вотъ если Маня выйдетъ замужъ—думаю, что извѣститъ насъ... Она писала тогда, что послѣ Пасхи будетъ обвѣнчана съ этимъ семинаромъ, однако прошло уже почти пять недѣль и ни слуху ни духу!.. Очень боюсь я, что семинаръ этотъ дочку мою сманить-то сманилъ, а жениться не женится: теперь у этихъ „новыхъ людей“ гражданскій бракъ въ ходу! презрительно замѣтила Вальховцева.

¹⁾ Ударный звонокъ.

²⁾ Это мое любимое дитя!

— Ну зачѣмъ, Софи, все въ черномъ себѣ представ-
лять? покачала головой Мокрицкая.

— Я тоже этого не думаю, обратился къ хозяйкѣ Ва-
леріанъ:—Кустодіевъ, какъ и всѣ они, прежде всего любитъ
деньги и, вмѣстѣ съ обладаніемъ красивой дѣвушкой, же-
лаетъ обладать и ея приданнымъ!

— Найдетъ еще и другихъ дурь! жельчно сказала
Софья Алексѣевна:—молодь, очень не дурень собой... По-
играютъ въ любовь и разойдутся!.. Non, cher ami, ¹⁾ я не
падѣюсь на его честность! Мужу говорю конечно противное,
чтобы успокоить его, но сама ни на волосъ не вѣрю.

— Не дай Богъ, чтобы было такъ: погибнетъ тогда Маня!

— Немаленькая, знала, что дѣлала!

Помолчали.

— Я къ дядѣ схожу, погуляю съ нимъ, вставая съ
кресла, сказалъ Валеріанъ;—онъ въ этомъ полѣ? показалъ
онъ направо.

— Да; какъ пройдешь оранжерею и огородъ, тутъ и есть.

XL.

Валеріанъ обошелъ оранжерею и прудъ, перелѣзъ черезъ
изгородь и пошелъ полемъ, на которомъ съ лѣвой стороны
стояли кучки удобренія; бабы шли полосой, раскидывая ихъ
желѣзными вилами, а за ними слѣдовали пахари, завали-
вавшие косулями растрепанный навозъ. Александръ Семено-
вичъ, со старостой, ходилъ по загонамъ и какъ-то инди-
ферентно глядѣлъ на работу.

— А вонъ Валеріанъ Николаичъ только что перелѣзъ
изгородь, доложилъ староста,—сюда идутъ.

Александръ Семеновичъ, взглянувъ, приказалъ ста-
ростѣ, къ вечеру, десятину запахать и пошелъ на встрѣчу
племяннику; они сошлись въ прогонѣ, обнесенномъ кустами.

— Спасибо тебѣ большое! крѣпко обнялъ Вальховцевъ
Валеріана.—Вижу, что ты любишь меня и семью мою; братъ
передалъ мнѣ, какъ близко къ сердцу принялъ ты посѣтив-
шее насъ горе... Спасибо тебѣ, милый другъ!—Да, послѣ
паузы, продолжалъ Александръ Семеновичъ,—Господь про-
гнѣвался на насъ,—да будетъ Его святая воля, но Маня,
Маничка моя милая, гибнетъ Валеринька, можетъ-быть уже

¹⁾ Нѣтъ, милый другъ.

и погибла! положивъ руки на плечи племянника и склонивъ голову, гордый предводитель всплакнулъ.—Богъ съ ней, помолчавъ сказалъ онъ,—что она опозорила насъ, связавшись съ этимъ поповичемъ, измѣнила нашимъ традиціямъ, нравственно насъ убила! Но что будетъ съ нею, если она сдѣлается игрушкой этого мерзавца?.. Вотъ, другъ мой, что мучить меня! Я перенесу и позоръ общественный и радостныя восклицанія моихъ недруговъ, но врядъ-ли переживу паденіе моей дочери! Спасибо, что пришелъ: мнѣ легче теперь... я сдалъ тебѣ съ души то, что камнемъ лежало на ней... Спасибо, достойный сынъ моего брата! и губернский предводитель дворянства, бывшій губернаторъ, какъ простой, сраженный горемъ человекъ, повисъ рыдая на шеѣ племянника, горячее участіе котораго онъ сразу ощутилъ и которое утѣшительно на него подѣйствовало.

— Пойдемъ въ оранжерею, нѣсколько успокоившись и еще разъ обнявъ Валеріана, сказалъ Александръ Семеновичъ, направляясь къ огороду.

— Дядя! Можно мнѣ какъ-нибудь узнать, гдѣ Маня?

— А какъ ты узнаешь?

— Можетъ быть и найду возможность... Вѣдь и мнѣ, дядя, Маня близка: я любилъ ее, какъ сестру!.. Узнавать я буду осторожно и черезъ преданныхъ мнѣ людей и будьте покойны: никого изъ насъ не вмѣшаю.

— Съ Богомъ тогда, разрѣшаю... Но, Валеринька, ни женѣ моей, никому-никому объ этомъ ни слова!

— Да развѣ это можно?

— О Боже мой! Можетъ-быть ужъ и теперь она страдаетъ!

— Полноте, дядя: зачѣмъ прежде времени мучиться? Я все-таки увѣренъ, что Кустодіевъ женится на Манѣ... Богъ съ нимъ и съ неравнымъ бракомъ!

— Не въ бракѣ дѣло—пусть будетъ такъ, какъ Богъ велить... Я опасаюсь паденія ея! нервнымъ шопотомъ сказалъ Вальховцевъ.

— Успокойтесь, дядя: Маня умна, осторожна, съ характеромъ... Принципы, привитые ей, не могутъ быть такъ скоро забыты!

— Ну, что Богъ дастъ!

Они подошли къ оранжереѣ.

— Павла нѣтъ, глядя на висячій, запертой замокъ, сказалъ Александръ Семеновичъ:—обѣдать вѣрно ушелъ.

— Такъ мы и не попадемъ?

— Попадемъ; ключъ онъ кладетъ секретно, но я-то знаю... Вотъ онъ, вынулъ его изъ-подъ двери Вальховцевъ.

Вошли въ оранжерею: порядокъ, чистота—примѣрные; верхъ открытъ и на него накинута рыболовная сѣтка; въ первомъ отдѣленіи персики трехъ сортовъ, во второмъ сливы, въ третьемъ цвѣты и тропическія растенія.

— Тихо спѣютъ фрукты, замѣтилъ Александръ Семеновичъ,—врядъ-ли къ началу іюня будутъ готовы... А у тебя какъ?

— Да я ужъ двѣ недѣли какъ изъ Янкина... И у меня вѣроятно то-же самое.—Ахъ, Боже мой, простите, дядя и я забылъ: губернаторъ поручилъ мнѣ очень и очень вамъ кланяться, собирается въ „Барское“ въ іюнь.

— Хорошо, что не въ маѣ: по крайней мѣрѣ фрукты поспѣютъ, будетъ чѣмъ угостить... Это кто-же на террасѣ сидитъ... мужчина?

— Абросимовъ, взглянулъ Валеріанъ;—какъ-же это мы не слышали колокольчика...

— Не до того намъ было!—А тебѣ нравится Дмитрій Андреичъ?

— Да: онъ добрый и честный должно быть человекъ; въ минувшій съѣздъ мы всѣ обѣдали у него... Апатичень нѣсколько.

— Да, не боекъ... За то Галкинъ, я думаю, горячился? Бранилъ всѣхъ и вся?

— Былъ тотъ грѣхъ! улыбнулся Валеріанъ.

— Грубоватый, желчный субъектъ, но дѣльный, прямой и, говорятъ, съ добрымъ сердцемъ. Что онъ бранится—это ничего: во-первыхъ онъ почти всегда правъ, а во-вторыхъ никогда, даже заклтому врагу, не мститъ. Интригановъ терпѣть не можетъ.

Они подошли къ террасѣ и поздоровались съ Абросимовымъ.

— Изъ усадьбы, Дмитрій Андреичъ? спросилъ Вальховцевъ, садясь.

— Нѣтъ, изъ города; крюкъ сдѣлалъ—за то васъ по-

видалъ... Погода чудесная, свѣтило во всю ночь! онъ, не торопясь, набилъ свою трубочку и закурилъ.

— А въ городъ зачѣмъ ѣздили?

— Жена дала кой-какія порученія, дѣтокъ хотѣлось повидать: теперь у нихъ экзамены.

— Всѣ у васъ здоровы? спросила хозяйка.

— Благодареніе Господу! Абросимовъ раза два затянулся и помолчалъ.—Наконецъ-то съ Савкинскимъ дѣломъ покончили... Помните, Александръ Семенычъ?

— Какъ не помнить!

— А что это за дѣло? полюбопытствовалъ Валеріанъ.

— У Боровкова, подъ усадьбой, были на барщинѣ двѣ деревни: Назарово и Савкино... Абросимовъ раза два пыхнулъ изъ трубочки и обратился къ Софьѣ Алексѣевнѣ:— да вамъ скучно слушать наши дѣловыя рѣчи—такъ я и потомъ расскажу...

— Нѣтъ-нѣтъ, продолжайте, а мы послушаемъ.

— Такъ вотъ-съ: у Назаровскихъ былъ полный надѣлъ, съ лишкомъ; Боровковъ отвелъ имъ конечно полный надѣлъ, какъ по „положенію“ требуется, и лишекъ не отрѣзалъ, десятинъ двадцать; а у Савкинцевъ надѣлъ всегда былъ неполный: десятинъ пятнадцать не хватало, почему имъ оброкъ и былъ опредѣленъ съ соотвѣтствующимъ пониженіемъ, но Савкинцы потребовали прирѣзки и непременно сѣнокоса, да еще гдѣ: въ поляхъ помѣщика, въ верстѣ отъ ихъ деревни! И нахалы-же мужиченки!

Абросимовъ закурилъ потухшую трубочку.

— Что-же сдѣлалъ Боровковъ? спросилъ Александръ Семеновичъ.

— Конечно отказалъ, но тѣмъ не менѣе, желая ихъ обласкать подобно Назаровцамъ, предложилъ прирѣзать имъ, до иолнаго надѣла, часть барскаго выгона, прилегающаго къ деревнѣ.—„Не хотимъ,—подавай сѣнокосъ!“ Ну, тогда добродушный помѣщикъ бросилъ всѣ переговоры и грамота была утверждена. Савкинцы подали жалобы въ мировой сѣздъ и въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе—вездѣ отказали. Сунулись наконецъ въ министерство, съ новой кляузой: что мы дескать „лишены выгона; до „воли“ пользовались барскимъ выгономъ, а теперь намъ некуда и коровку выгнать!“ и требовали прирѣзки сорока десятинъ.

Спросили Боровкова: „да помилуйте: я съ перваго начала предлагалъ имъ эту прирѣзку: пятнадцать десятинъ до полнаго надѣла и двадцать лишнихъ, какъ и Назаровскимъ, но тогда они отказались и требовали лучшій сѣнокосъ въ поляхъ усадьбы! А теперь я отказываюсь и ни одной десятины не прирѣжу! Что они пользовались барскимъ выгономъ—это они врутъ: давнымъ давно имъ было отрѣзано для выгона тридцать десятинъ, но когда отецъ мой переѣхалъ въ Петербургъ—савкинцы обратили свой выгонъ, частію въ пашню, частію въ сѣнокосъ, а скотъ свой самовольно стали гонять въ барскій выгонъ. Когда отецъ мой, больной, вернулся въ усадьбу, онъ почти ни во что не входилъ, а довѣрился старостѣ, великому плуту и взяточнику; я-же служилъ тогда въ Петербургѣ.—Мировой посредникъ Соболевъ все это провѣрилъ и свое дознаніе внесъ въ сѣздъ. Соболевъ и я конечно отказали крестьянамъ; предшественникъ вашъ, Валерьянъ Николаичъ, призналъ, что помѣщикъ не правъ; къ нему присоединился Башиловъ, кандидатъ (Галкинъ, къ сожалѣнію, былъ въ отпуску); вышло двое противъ двухъ и только моимъ перевѣсомъ Боровковъ выигралъ дѣло. Губернское присутствіе рѣшеніе наше утвердило, но мужики не уgomонились: снова сунулись въ министерство... Ну, вотъ теперь слава Богу канитель эта кончилась: министерство савкинцамъ отказало.

— Хорошо однако Башиловъ: идетъ въ хвостъ члена отъ правительства, котораго такой добрый человѣкъ, какъ Константинъ Александръчъ, и тотъ не вытерѣлъ и выжилъ отсюда!

— Да, человѣкъ былъ тяжелый и вертлявый! серьезно замѣтилъ Абросимовъ.

— Глупы-же мужики: давали даромъ прирѣзку —не взяли, а теперь покупать придется! замѣтила Софья Алексѣевна.

— Продадутъ-ли еще! Врядъ-ли Боровковъ согласится: очень ужъ они его разсердили, сказалъ Дмитрій Андреичъ.

— Ну какъ у васъ всходы? спросилъ его послѣ паузы, Вальховцевъ.

— Да ничего: поднимаются довольно ровно.

— У васъ какой овесъ... американскій?

— Да: по моему, это лучшій сортъ.

— А у тебя? спросилъ Валеріана Александръ Семеновичъ.

— Тоже американскій, да думаю на будущій годъ освѣжить... А вы, дядя, съете пшеницу?

— Съялъ да бросилъ: не стоитъ. Куда нашей пшеницѣ до южной! Гораздо выгоднѣе купить, сколько нужно, чѣмъ самому возиться съ ней; намъ не по климату она. Вонъ, доморощенный агрономъ, Бѣлецкій выдумалъ пшено сѣять—ну что-же вышло: стравили скотомъ—вотъ и все!

— Говорятъ Бѣлецкій какой-то новый плугъ изобрѣлъ. сказалъ Абросимовъ;—модель его въ Петербургъ отослалъ.

— Не въ первый разъ ему проваливаться съ его изобрѣтеніями! разсмѣялся Вальховцевъ.

— Турнепсъ посѣялъ, продолжалъ Дмитрій Андреевичъ;—говорили мнѣ, что хорошо идетъ... Если правда—это большая подмога для корма скота.

— Круглый или длинный какъ рѣдька? спросилъ Валеріанъ.

— Вотъ этого не знаю; точно будто-бы круглый...

— Длинный врядъ-ли намъ пригодится, замѣтилъ молодой человѣкъ:—пашню надо глубокую, а у насъ сплошь и рядомъ бываетъ, что на пятомъ вершкѣ бѣлякъ уже видѣнь!

— А я, помолчавъ, сказалъ Абросимовъ,—въ началѣ юня хочу собрать уѣздное собраніе, по поводу прибавки третьяго посредника: въ нашемъ большомъ уѣздѣ невозможно справиться двумъ мировымъ... Ваша сторона, Александръ Семенычъ, самая населенная...

— Необходимо прибавить: сторона наша не только самая населенная, но въ ней живетъ большая часть помѣщиковъ, добавилъ Вальховцевъ.

— Да и раздѣлить-то легко, замѣтилъ Валеріанъ.

— Такъ вы поддержите меня? спросилъ Дмитрій Андреевичъ.

— Конечно.

— И братецъ вашъ?

— Тоже.

— Такъ я тогда поговорю съ губернаторомъ и повѣстки разошлю...

— Въ добрый часъ!

— Кушать подано! доложилъ буфетчикъ.

— Дмитрій Андреичъ, милости просимъ! пригласила Софья Алексѣевна—и всѣ двинулись въ столовую.

XLI.

Повозившись нѣсколько дней съ плотникомъ и кузнецомъ, съ писаніемъ и утвержденіемъ контракта съ сыроваромъ, Валеріанъ приступилъ къ приведенію въ порядокъ всего дома; началось мытье оконныхъ рамъ и половъ, чистка паркетовъ и стѣнъ, выколачиваніе мебели и проч. Приглашены были свободныя дѣвушки и дворовые. Чтобы не мѣшать ихъ занятіямъ, Валеріанъ въ первый-же день приступа къ нимъ, обойдя усадьбу и полевые работы, позавтракалъ пораньше и послѣ полудня поѣхалъ въ „Горшало“¹. Дядю и тетку онъ засталъ въ радостномъ настроеніи: они только что получили письмо отъ сыновей, сообщавшихъ, что мѣсяцъ тому назадъ они ходили на рубку лѣса, что дѣло было жаркое, но они остались невредимы и командиръ полка обѣщалъ отпустить ихъ, въ концѣ іюля, въ двухмѣсячный отпускъ.

— Смерть хочется намъ повидать ихъ и за эти два мѣсяца устроить переводъ ихъ въ гвардію, хотя-бы на первое время причислить только... Поработали они на Кавказѣ довольно! сказалъ Петръ Семеновичъ.

— А въ какихъ они чинахъ?

— Саша—поручикъ, а Петя подпоручикъ... Я надѣюсь, что мои петербургскіе старые друзья помогутъ мнѣ, да и братъ Александръ не откажетъ: въ Питерѣ у него до сихъ поръ связи есть.

— Ты не повѣришь, Валерьянъ, какъ мнѣ хочется ихъ видѣть! воскликнула Ольга Николаевна.—Вѣдь четыре слишкомъ года не видала ихъ! Только-бы сюда они попали, а ужъ снова на Кавказъ я ихъ не отпущу!

— Радуюсь за васъ отъ всей души, тетушка, и надѣюсь, что сегодня, находясь въ отличномъ настроеніи, вы не откажете мнѣ въ просьбѣ...

— Говори-говори, Валеринька, перебилъ его Петръ Семеновичъ:—лови моментъ! А то пожалуй, пораздумавшись, Ольга Николаевна еще загруститъ: до конца іюля—

цѣлыхъ два мѣсяца, сыновей могутъ убить—у женщинъ вѣдь это скоро!

— Вздоръ говоришь! усмѣхнулась Вальховцева.—Ну, въ чемъ твоя просьба? обратилась она къ племяннику.

— Хочется мнѣ, въ половинѣ іюня, когда поспѣютъ фрукты, пригласить въ „Янкино“, къ обѣду, губернатора и еще человѣкъ пятнадцать съ дамами, но такъ-какъ я холостякъ, то и припадаю къ стопамъ вашимъ: будьте у меня хозяйкой!

— Прекрасно, что ты это надумалъ и я съ удовольствіемъ исполню твою просьбу.

— Безъ васъ, *ma tante*, цѣлуя ея руку, сказалъ молодой человѣкъ,—ни дамы, ни дѣвицы ко мнѣ не поѣдутъ, а какъ узнаютъ, что хозяйкой вы—мигомъ налетятъ!

— Пожалуй! скромно согласилась генеральша.—Ну конечно, улыбнулась она, и красotka будетъ приглашена?

— Непремѣнно!

— А пргос: не слыхалъ ли ты, почему *m-lle* Голубцова вдругъ охладѣла къ Васькову?

— Не знаю, *ma tante*... Впрочемъ это не удивительно: мудрецы увѣряютъ, что женщины вообще, а дѣвицы въ особенности, перемѣнчивы.—Итакъ, тетушка, это рѣшено и подписано?

— Да.

— А „меню“ какое? полюбопытствовалъ, смѣясь, Петръ Семеновичъ.

— Оно будетъ представлено вашему превосходительству, на утвержденіе, за три дня до пиршества.

— Одобряю... А теперь пойдемъ бродить. Оля, ты что будешь дѣлать?

— И сама не знаю: хотѣла въ огородъ сходить, да лѣнь... Ужъ послѣ обѣда загляну.

— Тетушка, вы все знаете, спросилъ Валеріанъ:—чи это двѣ кормилицы съ дѣтьми встрѣтились мнѣ недавно около соборной горки? Одна—въ красномъ сарафанѣ и кокошникѣ, съ золотыми позументами, а другая во всемъ голубомъ, съ серебряными позументами; обѣ молодыя и красивые? Мнѣ, петербуржцу, странно было увидѣть этотъ національный костюмъ!

— У богатыхъ помѣщиковъ всегда такъ одѣвали кормилицъ; дѣти эти—Борискова, Вольскаго помѣщика.

— Служить онъ?

— Кирасиръ въ отставку, съ состояніемъ... Лѣто живетъ въ усадьбѣ, а зиму проводить въ К.

— Да будетъ вамъ о кормилицахъ болтать...—Идемъ, племянникъ!—Ты любишь сморчки? спросилъ генералъ, когда они вышли изъ дома.

— Еще-бы; да это и новинка...

— Пирожки будутъ со сморчками, колбовые... а вообще обѣдъ неважный... Время теперь постное: грибовъ еще нѣтъ, зелени никакой, дичь или тощая или еще не родилась!

— Вы куда-же меня, прежде всего, поведете?

— Конечно на заводъ и на мельницу, а потомъ покажу тебѣ англійскихъ поросятъ.

Дядя съ племянникомъ бродили долго: винокуренный заводъ, со всѣми принадлежностями, былъ образцовый; зданія совершенно окончены, за исключеніемъ установки нѣкоторыхъ машинъ и металлическихъ частей. Впереди завода—прудъ для добыванія льда. Вся мѣстность, занятая постройками, была обнесена канавой и валомъ, съ ивовыми кустами на немъ, и соединялась съ усадьбой небольшою березовою аллеей. Между заводомъ и барскимъ домомъ раскинутъ былъ садъ, съ двумя прудами, и около него расположены жилые флигеля, скотьи дворы, конюшни и проч. Старинная липовая аллея шла отъ дома на большую волостную дорогу.

Осмотрѣвъ все, дядя и племянникъ зашли въ садъ и присѣли на скамейку; Петръ Семеновичъ закурилъ папиросу.

— Ну какъ нашель ты брата?

— Очень разстроеннымъ. Кстати: благодарю васъ, дядя за добрыя обо мнѣ слова...

— Я передамъ только правду.

— Дядя Александръ Семенычъ былъ тронутъ очень и встрѣча наша, благодаря вамъ, была задушевная.

— Приѣзжалъ кто-нибудь при тебѣ?

— Абросимовъ обѣдалъ: своими сообщеніями, онъ нѣсколько развлекъ дядю.

— Главное, что его мучить—общественное мнѣніе: губернскій предводитель—и вдругъ такой скандалъ! Ну да все это пройдетъ скоро: поговорять-поговорять да и забудутъ. Что до меня—то я мало обращаю вниманія на то, что скажутъ: слушать всякую болтовню, да еще сокрушаться о томъ, что какой-нибудь Сидоръ Карпычъ тебя оплюетъ—слуга покорный!

— Да и мнѣ показалось, что это его тревожить.

— Не можемъ-же мы отвѣчать за взрослыхъ дѣтей... Въ уголъ ихъ не поставишь! Что-же брать—окончательно махнулъ рукой на Маню?

— Кажется что „да“; да и что можетъ онъ слѣлать?

— Ровно ничего.

— Дядя, послѣ паузы, спросилъ Валеріанъ,—вы имѣете какое-нибудь понятіе о нѣкомъ Рудневичѣ?

— Чье Кузнецово?

— Да.

— Не только имѣю, но знаю, что онъ прекрасный человекъ... И мнѣ онъ нравится... А что?

— Былъ я у него въ усадьбѣ... Что за прелестное существо—его жена! Какъ хорошо живутъ они другъ съ другомъ—просто зависть беретъ!

— И ты, вслѣдствіе этой зависти, за Зиной Голубцовой ухаживаешь? размѣялся генераль.

— И вы, дядя, туда-же! Меня и то уже осаждаютъ нѣкоторыя барыни, что я влюбленъ въ Голубцову... О, провинція!

— Что-жъ тутъ худаго? Дѣвица красивая, дворянка, приданое порядочное—честнымъ пиркомъ да и за свадебку!

— Ну-съ, такъ вотъ я и хотѣлъ просить васъ нельзя-ли помочь Рудневичу: они перебиваются съ гроша на грошъ... Есть у нихъ дочка...

— Отчего не помочь... Да какъ?

— Въ бытность мою въ „Барскомъ“, Абросимовъ говорилъ дядѣ Александру Семенычу, что въ началѣ іюня, онъ хочетъ созвать уѣздное дворянское собраніе, по поводу прибавки третьяго посредника въ уѣздѣ... Дядя опробовалъ это и обнадежилъ Дмитрія Андреича, что и онъ и вы поддержите его.

— Конечно поддержу!—Такъ въ чемъ дѣло?

— Дѣло въ томъ, что нельзя-ли похлопотать о назначеніи третьимъ посредникомъ Рудневича и дать ему такимъ образомъ кусокъ хлѣба?

— Съ удовольствіемъ; это—доброе дѣло. Да если Рудневича не провести—Башиловъ пожалуй попадетъ, а это сохрани Господи! Братъ, я увѣренъ, не откажется попросить и Абросимова и губернатора, я—тоже...

— Такъ вы скажете дядѣ?

— При первомъ свиданіи.

— А я завтра съѣзжу къ Рудневичу и спрошу его думаю, что радъ будетъ.

— А когда получишь отвѣтъ—сейчасъ же ко мнѣ, слышишь?

Позвонили къ обѣду.

— Ну, двинемся, вставая со скамейки, сказалъ Петръ, Семеновичъ,—какъ разъ къ закускѣ явимся.

XLII.

На другой день, около одиннадцати часовъ утра, Вальховцевъ стучался въ двери кузнецовскаго дома; вышелъ Рудневичъ, въ сѣренькой рубашкѣ, шароварахъ и высокихъ сапогахъ.

— Что нибудь важное, что ты пріѣхалъ спозаранку? спросилъ онъ здороваясь.

— Да, очень важное, входя въ переднюю, отвѣтилъ Валеріанъ;—а Вѣра Александрова дома?

— Дома; я недавно пришелъ съ поля и собираюсь завтракать, пока рабочіе обѣдаютъ.—Вѣрочка! Иди скорѣй: Валеріанъ Николаичъ что-то важное привезъ!

— Сейчасъ! и, черезъ минуту, хозяйка вошла въ залу, въ которой уже накрытъ былъ столъ для завтрака.—Здравствуйте! Что-нибудь случилось? тревожно спросила она.

— Можетъ случиться, улыбнулся Вальховцевъ,—и, по моему, очень хорошее!

— Не мучьте-же, говорите!

— Присядемте, продолжалъ улыбаться гость.

Сѣли.

— Желаете вы, г. Рудневичъ, быть мировымъ посредникомъ въ здѣшнемъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ Кузнецова?

— Какимъ-же это образомъ?

— Очень простымъ: въ началѣ будущаго мѣсяца, предводитель Абросимовъ созываетъ дворянское собраніе для дѣленія уѣзда на три участка, вмѣсто существующихъ двухъ, въ виду невозможности двумъ посредникамъ справиться съ такимъ большимъ уѣздомъ, какъ Залѣсовскій. Угодно вамъ занять мѣсто третьяго мирового?

— Занять весьма угодно—это не подлежитъ сомнѣнію, но вѣдь меня почти не знаютъ, найдутся другіе кандидаты—трудно мнѣ попасть!

— Что вы притаились, сударыня? смѣясь, обратился молодой человѣкъ къ Вѣрѣ Александровнѣ;—не по вкусу вамъ мое предложеніе?

— Это будетъ великая милость Божія, если предложеніе ваше осуществится, но я пессимистка и не надѣюсь на это: мы—люди заѣзжіе, почти ни съ кѣмъ незнакомы, протекціи не имѣемъ.

— Ну-съ, садитесь кушать—вонъ самоваръ несутъ... Ободритесь и тогда поговоримъ... Главное уже сдѣлано...

— Какое главное? садясь за столъ и наливая двѣ рюмки водки, спросилъ Рудневичъ?

— Главное, что меня смущало,—была боязнь, что ты не примешь мое предложеніе...

— Вѣрочка, вѣдь онъ меня оскорбляетъ, весело перебилъ Валеріана Владиміръ Григорьевичъ: —дуракомъ считаетъ!

— Значитъ ты—умный, если обидѣлся? Прекрасно. Ну, такъ извольте слушать—и Вальховцевъ передалъ супругамъ разговоръ свой съ Петромъ Семеновичемъ.

— Коли такъ, то можно надѣяться! съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ, протянула руку Валеріану Вѣра Александровна;—спасибо вамъ!.. Да, вы настоящий другъ!

— Сердечно радъ, что должность эта вамъ обоимъ по душѣ!—Ты-вѣдь знакомъ съ дядей Петромъ?

— Знакомъ, но конечно не близко, а что?

— А то что онъ называетъ тебя „прекраснымъ человѣкомъ“!

— Пріятно слышать! За его здоровье! чокаясь рюмкой водки, провозгласилъ Рудневичъ;—горячаго пирожка со сморчками... Не пренебрегаешь сей новинкой?

— Для меня это не новинка: вчера у дяди ѣлъ. Я по-

сиду у васъ, если можно, часокъ и отправлюсь въ „Горшало“: дядя строго-на-строго приказалъ мнѣ сейчасъ-же явиться къ нему съ твоимъ отвѣтомъ.—Да вотъ еще что: записанъ ты въ списокъ помѣщиковъ нашего уѣзда, имѣющихъ право быть избранными въ мировые посредники?

— Записанъ по второму пункту ст. 6 „Положенія объ учрежденіяхъ“.

— Молодецъ, экъ-вѣдъ вызубрилъ!

— Одного я боюсь: конкуренціи Башилова... У него вѣроятно много знакомыхъ, Никольцева поддержитъ...

— Вотъ кто настоящій-то пессимистъ! Да ты забываешь, недовѣрчивый человѣкъ, кто будетъ на твоей сторонѣ: губернский предводитель, Петръ Семенычъ, губернаторъ, Абрисимовъ и я! Главное я! разсмѣялся Вальховцевъ.

— Что ты за меня—я и забылъ: вѣдъ всю эту кашу дѣйствительно ты заварилъ!

— А на счетъ Башилова ты ошибаешься: его не любятъ и не считаютъ способнымъ; Никольцева тоже ничего не значить! Да вотъ еще что: въ половинѣ іюня у меня будетъ обѣдъ съ губернаторомъ и другими и я тебя приглашу. Вѣра Александровна вы его отпустите?

— Еще-бы! У васъ онъ познакомится съ нужными людьми.

— Ужъ эти мнѣ знакомства! пробормоталъ Рудневичъ.

— Да онъ у васъ одичалъ въ деревнѣ! обратился Валеріанъ къ хозяйкѣ;—ты подумай только, дикій человѣкъ, какъ-же хочешь ты служить, никого изъ нужныхъ людей не зная?

— Оставьте его, какъ-нибудь ошлифуемъ!

— Надо, необходимо надо... А еще въ высшемъ обществѣ вертѣлся!

— Ну что? встрѣтилъ племянника въ аллеѣ, ведущей отъ большой дороги къ дому, Петръ Семеновичъ,—былъ у Рудневича?

Валеріанъ вышелъ изъ тарантаса и поздоровался.

— Рудневичъ въ восторгѣ, а жена еще болѣе; молитвы за васъ читаютъ!

— Ты, надѣюсь, обѣдаешь у насъ?

— Да развѣ я смѣю не исполнить ваше приказаніе!—
Прокопій! Отправляйся домой, а къ шести часамъ будь здѣсь,
въ шарабанѣ.

— Слушаю.

— Отчего такъ рано? спросилъ генераль.

— Въ семь у меня всенощная.

— По какому случаю?

— Завтра воскресенье; хочется мнѣ наканунѣ воскрес-
ныхъ и праздничныхъ дней, когда я бываю въ „Янкинѣ“,
служить всенощную: и для меня полезно и для дворовыхъ.

Я разрѣшилъ всѣмъ, кто хочетъ помолиться, прихо-
дить и стоять въ передней. Въ залѣ я пускаю только при-
слугу и усадебное начальство, а то очень запачкаютъ сапо-
гами паркетъ.

— Умно придумалъ; продолжай, худа не будетъ! Лѣ-
нивы мы вообще къ молитвѣ... Мнѣ-вотъ пятьдесятъ пять
лѣтъ стукнуло... надо-бы молиться поприлежнѣе, а все
какъ-то выходить то некогда, то усталъ! И знаешь, что не-
хорошо поступаешь, а все откладываешь да откладываешь
хорошія намѣренія... А тутъ еще сатана нашептываетъ:
„Богъ проститъ!“

Они подошли къ крыльцу дома.

— Въ домъ пойдемъ или на воздухѣ посидимъ? День
чудный, до обѣда еще цѣлый часъ.

— Я хотѣлъ тетю повидать...

— Ее въ домѣ нѣтъ: по флигелямъ бѣгаетъ или въ
огородѣ сидитъ. Въ садъ пойдемъ.

— А много у васъ комаровъ?

— Около прудовъ, по вечерамъ, просто сидѣть нельзя...
только хлопаешь себя то по щекѣ, то по лбу! Впрочемъ ко-
маровъ я все таки уважаю: благородны... предвѣщаютъ пѣ-
ніемъ, что намѣрены укусить, не то что мухи-кусаки: тѣ, съ
налета, ткнуть жаломъ и улетятъ! И поймать ихъ трудно.

— А вы, дядя, давно вышли въ отставку? послѣ паузы,
спросилъ Валеріанъ.

— Въ 1852 году; командовалъ уже бригадой... Около
Москвы стояли мои полки и такъ близко, что я могъ жить
въ самой столицѣ.

Они вошли въ темную, прохладную липовую аллею и
сѣли на скамейкѣ.

— Что-же вы, дядя, далѣе не послужили: были-бы теперь генераль-лейтенантомъ, дивизіей-бы командовали...

— Усталъ я, Валеринька, закурилъ папиросу Петръ Семеновичъ,—много силъ утратилъ въ молодости, когда на Кавказѣ служилъ... Тяжелое было время!

— Отчего вы на Кавказъ пошли—вѣдь вы въ гвардіи служили?

— Въ измайловскомъ полку; былъ уже штабсъ-капитаномъ, долженъ былъ вскорѣ роту получить, да захотѣлось маіоромъ въ армію перейти, густые эполеты падѣтъ и боевыя отличія получить... Молодъ, горячъ былъ! Попалъ я въ очень боевой полкъ и во многихъ дѣлахъ участвовалъ... За пять лѣтъ службы на Кавказѣ, получилъ красный темлякъ на шашку, Анну въ петлицу, чинъ подполковника и Станислава на шею! Перевели меня потомъ въ гренадерскій корпусъ, а тамъ ужъ и пошло: командовалъ —скимъ полкомъ и вскорѣ получилъ бригаду.

— Ранены не были?

— Богъ миловалъ; даже контузіи не захватилъ... А десятки разъ бывалъ близко къ смерти... Вѣдь черкесы—подловатый народъ: имъ ни почемъ сзади пулю влѣпить, подползти къ спящему и кинжалъ ему всадить... Это частенько у насъ на бивакахъ бывало, когда, утомленные боемъ, мы какъ убитые спали: подползеть „каналья“—и духъ вонь!—Но природа какая, Валеринька, что за овраги, лѣса, горы! По какимъ карнизамъ мы, какъ серны, пробирались гуськомъ: морозъ по синиѣ бѣгалъ; того и гляди подвернется нога, ступишь неловко—аминь! Въ пропасть, головой внизъ! Теперь я блаженствую: свободенъ, покоенъ, здоровъ. Прежде честолубіе, погоня за чинами, боевыми отличіями одолѣвали, а теперь все это тлѣнь! Деньги, по нынѣшнимъ временамъ, нужнѣе всего!

— А дядя Александръ Семенычъ отчего въ отставку вышелъ?.. Простите мое любопытство...

— Нечего прощать: братъ бросилъ службу какъ благородному дворянину и подобало! Вышелъ онъ семь лѣтъ назадъ пятидесятилѣтнимъ и вскорѣ былъ избранъ губернскимъ предводителемъ; теперь онъ третье трехлѣтіе служить. А вышелъ онъ вотъ почему: одно высокопоставленное лицо сдѣлало ему замѣчаніе при подчиненныхъ; братъ смолчалъ

и тотчасъ-же подалъ въ отставку. Просили его остаться, но онъ не согласился: вѣдь девять лѣтъ губернаторомъ былъ и на прекрасномъ счету! Впрочемъ ему дали хорошую пенсію и чинъ тайнаго совѣтника.—А вотъ и тетушка идетъ! замѣтилъ Петръ Семеновичъ, выходявшую изъ-за угла аллеи, Ольгу Николаевну;—ты откуда?

— Изъ огорода и съ жалобой (Валеріанъ подошелъ къ теткѣ и поцѣловалъ ея руку).—Ты давно-ли здѣсь?

— Да ужъ давненько.. Все здѣсь съ дядей сидимъ.

— Да, Пьеръ, съ жалобой, продолжала Вальховцева: —я сдѣлала замѣчаніе Павлу-садовнику, что не поставлены колышки на грядкахъ гороха и фасоли, а онъ мнѣ отвѣчаетъ, что еще недѣлю назадъ онъ просилъ объ этомъ старосту, но и до сихъ поръ колышки не доставлены, а время уходитъ. Старые негодятся: которые поломаны, которые подгнили. Прикажите, чтобы сегодня-же колышки были доставлены.—Ну иди, голубчикъ, ne faites pas le paresseux: ¹⁾ староста въ амбарѣ.—Терпѣть не можетъ бранить или замѣчанія дѣлать! добавила Ольга Николаевна, когда Петръ Семеновичъ скрылся за поворотомъ;—не понимаю, какъ могъ онъ командовать двумя полками!

— Теперь по-старше сталъ, да дисциплину забылъ!

— Пойдемъ-ка домой.. Ты ничего и не ѣлъ, бѣдненькій! Придемъ и закусишь... У Рудневича былъ?

— Отъ него и къ вамъ.

— Ну что-жъ: радъ, бѣдняга?

— Очень; въ особенности жена.

— Еще-бы! Не сладка ихъ жизньъ, то есть матеріальная конечно: живутъ они, какъ я слышала, душа въ душу.

— Хорошіе люди... Дай Богъ такихъ побольше!

— Утвердятъ его посредникомъ—тысяча изъ жалованья все-таки останется.

Вошли въ домъ.

— Григорій! обратилась Ольга Николаевна къ встрѣтившему ихъ буфетчику; подай закусить Валерьяну Николаичу; а я схожу въ дѣвичью покамѣсть: тамъ баба что-то принесла.. Хорошо если бы грибы, да врядъ-ли!

¹⁾ Не лѣнись:

XIII.

Отстоявъ обѣдню и отказавшись отъ завтрака о. Алексѣя, Вальховцевъ отправился домой. Подъѣхавъ къ конюшнямъ и выйдя изъ шарабана, онъ пѣшкомъ пошелъ къ дому, но услышавъ колокольчикъ, бренчавшій въ аллеѣ, остановился. Не прошло и двухъ минутъ какъ въ воротахъ появился ямской тарантасъ, запряженный парой лошадей, и лихо, со звономъ, подкатилъ къ подъѣзду. Замѣтивъ вдали Валеріана, изъ экипажа раздалось могучее „ура“ и выскочилъ Петя Ефимьевъ, а за нимъ вышелъ, не торопясь, Молчановъ. Вальховцевъ поспѣшилъ къ нимъ на встрѣчу и, поздоровавшись, пошелъ на кухню, а гости подъялись наверхъ.

— Двое пріѣхали изъ города, Алексѣй,—надо ихъ покормить: завтракъ сейчасъ, а обѣдъ—когда поспѣешь; что къ завтраку-то сдѣлать?

Алексѣй задумался.

— Кто да кто пріѣхалъ? спросилъ онъ.

— Петя и Молчановъ.

— Ну, Петръ Васильичъ—баринъ покладливый,—не взыщеть, а вотъ второй... Тонкій онъ столъ любить, Валеріанъ Николаичъ?

— Какая тамъ тонкость, а все-таки нельзя плохо накормить.

— И не накормишь... Я-бы полагалъ къ завтраку ветчину съ горошкомъ—она у насъ есть, и кофейную или шоколадную яичницу; закуска сама по себѣ...

— Хорошо; а къ обѣду?

— Борщъ или супъ—надо спросить, пирожки съ говядиной, жареные, бикштексъ—вырѣзка у насъ есть, со шпинатомъ и сморчками, караси въ сметанѣ.

— Откуда караси?

— Шесть штукъ большихъ и пять среднихъ попало нынче въ вершу.

— Кстати!.. А на пирожное?

— Вафли съ битыми сливками.

— А гдѣ ихъ возьмешь?

— У Матвѣя Дмитрича.

— Прекрасно... Молодецъ! Валяй-же Алексѣй!

— Черезъ часъ, а можетъ и раньше завтракъ будетъ готовъ, а теперь сколько?

— Двадцать минутъ двѣнадцатаго, посмотрѣлъ на часы Валеріанъ,—повѣрь свои.

— Спасибо, милые друзья, что навѣстили меня! входя въ кабинетъ, гдѣ они разсѣлись, обнялъ ихъ Вальховцевъ; —А завтракъ надо еще подождать; будетъ ветчина съ горошкомъ и кофейная яичница; закуска сама собой... Къ обѣду—онъ перечислилъ блюда,—годятся?

— Отлично! сказалъ Молчановъ.

— А ничего что борщъ?

— Прекрасно.

— Такъ я скажу сейчасъ повару, а до завтрака не закусите-ли?

— Можно! одобрилъ Молчановъ.

— Должно! поправилъ Ефимьевъ.

Валеріанъ ушелъ, а Алексѣй Александровичъ обратился къ Петѣ:

— Петръ Васильевичъ, вы здѣсь какъ дома, проведите меня по всѣмъ апартаментамъ.

— Пойдемте.

И они отправились.

Когда гости вернулись, въ столовой уже былъ накрытъ столъ и бойкій Андрей вмѣстѣ съ Михайлой Федорычемъ, ставили закуски, а Вальховцевъ несъ изъ подвала вино: красное и бѣлое.

— Оба отъ Рауля! объявилъ онъ,—пожалуйте!

— Сѣли.

— Пока ты ходилъ, обратился Молчановъ къ Валеріану,—мы обошли твои хоромы; небольшой дворецъ: залъ въ два свѣта, паркетъ, мебель краснаго дерева, корельской березы, моренаго дуба! А люстры—временъ Екатерины, канделябры—Louis XV! Да это, милый другъ, на любителя, не малыхъ денегъ стотѣ!

— Да моды-то на это нѣтъ.

— Повѣрь: явится скоро... У насъ сплошь и рядомъ мода возвращается на старину... Я очень люблю ее: изящно, прочно, изъ хорошаго матерьяла; а теперь, послѣ эмансипации, будетъ безъ вкуса, непрочно и изъ неважнаго матеріала. Руководящей руки для новыхъ мастеровъ не будетъ!

—А мы тебя въ семь часовъ покинемъ, Валерьянъ! добавилъ Молчановъ.

Это почему?

— А потому, что нельзя-же два раза въ одинъ день миновать усадьбу Петра Семеныча! Мы посидимъ у него два-три часа и домой. Генераль—человѣкъ хорошій и нужный, да и Ольга Николаевна всегда любезна и радушна.

— Можетъ-быть и я тогда поѣду съ вами.

— Отлично.

— Валя, а я тебѣ новость сообщу, сказалъ Ефимьевъ.

— Говори.

— Губернаторъ сегодня разрѣшилъ созывъ Залѣсовскаго дворянскаго собранія, на третье юня.

— И прекрасно: въ первый день сѣзда засѣданіе продлится не долго—лишь-бы двѣнадцать дворянъ собрались.

— А какъ ты думаешь, спросилъ Молчановъ,—поддержатъ дворяне проэктъ Абросимова о прибавкѣ третьяго посредника?

— По моему, несомнѣнно поддержатъ; эта прибавка необходима: уѣздъ большой, густо населенный, помѣщиковъ много.

— Башиловъ уже началъ подъѣзжать, возвѣстилъ Петя:—нюхаетъ вездѣ, собираетъ друзей...

— Которыхъ очень мало, прихлебывая красное вино, хладнокровно замѣтилъ Молчановъ;—признаюсь, господа: такой противной персоны я не встрѣчалъ... а еще гвардеецъ.

— Мало-ли неважныхъ гвардейцевъ, но и я такой фигуры не видалъ!

— Вотъ развѣ Никольцева упросить губернатора...

— Ну нѣтъ, Алексѣй Александровичъ: Бронцакаго не проведешь: онъ такъ ловко отдѣляется отъ Никольцевой, что та только ротъ разинетъ! возразилъ Ефимьевъ.

— Пойдемте въ кабинетъ—тамъ уютнѣе; завтракъ еще не скоро, предложилъ Молчановъ.

— Я на воздухъ, ноги разминать, сказалъ Петя.

— А тебѣ извѣстно Валеріанъ, усаживаясь въ кресло и закуривая папиросу, спросилъ Алексѣй Александровичъ, —что Васьковъ готовъ разорвать тебя со злости?

— Ну-ну! За что такая немилость?

— За-то, что ты отбилъ у него m-lle Голубцову!

— Изъ чего-же это видно? И какъ могъ я, прїѣзжій, отбить у Васькова дѣвицу, если она дѣйствительно его любила? Я съ Зинаидой Александровной въ такихъ-же отношеніяхъ, какъ и со всѣми дѣвицами, съ которыми мнѣ приходилось танцовать.

— Положимъ, что это не совсѣмъ такъ: по двѣ и три кадрили, съ мазуркой, въ одинъ вечеръ, ты ни съ кѣмъ не танцоваль...

— Прїятно танцовать съ тѣми, кто хорошо танцуетъ, а Зинаида Александровна, по моему, лучше всѣхъ: вальсъ и мазурка ея спеціальность.

— Кузина твоя, Карелова, не хуже ея танцуетъ.

— Я танцоваль съ нею такъ-же часто, какъ съ Голубцовой.

— А зачѣмъ, спрашиваетъ союзъ сплетницъ г. К., усмѣхнулся Молчановъ,—ты бываешь у Голубцовыхъ въ отсутствіе папаши, зачѣмъ, ѣхавши въ Янкино, ты заѣзжалъ въ Марфино и гулялъ въ саду съ m-lle Зиной? Все это, голубчикъ, союзу извѣстно!

— Ну и пусть его тѣшится! Почему только не тараторятъ о моихъ посѣщеніяхъ „Плоскаго“?

— Потому что Татьяна Михайловна тебѣ двоюродная сестра и ты ею не интересуешься такъ, какъ m-lle Зиной!—Да впрочемъ говорить-то о всемъ этомъ не стоитъ: что-же тутъ предосудительнаго? Всѣ ухаживаютъ, женятся... Было такъ прежде—будетъ и впредь... Я сообщилъ тебѣ только о томъ, что Васьковъ на стѣну лѣзетъ!

— Ну и пусть лѣзетъ... когданибудь и оборвется! Я не понимаю только, Алеша, для чего ты мнѣ все это передаешь?

— А ради болтовни: надо-же о чемъ-нибудь говорить? Вотъ я, провинціальныи вѣстникъ, и сообщаю тебѣ новости союза сплетницъ.

— Бросимъ это; я хочу жить самостоятельно; сплетенъ никогда не любилъ и ими никогда не интересовался... Скажи лучше: нѣтъ-ли чего-нибудь новенькаго въ газетахъ?

— Ровно ничего; обычныя разныя извѣстія о прїѣздѣ и выѣздѣ изъ Петербурга высокопоставленныхъ лицъ, происшествія: самоубійства, убійства, кражи, путаница о политическихъ сообщеніяхъ и жалкіе фельетоны.

— Не слыхалъ ничего о дѣлѣ Ржаницына?

— Злится Лиманскій на тебя и Амосова; крестьяне подали министру внутреннихъ дѣлъ жалобу, что мириться они не хотѣли, а ихъ заставили и сослалъ на поданное тобою мнѣніе.

— А я-то въ чемъ вповать? Что не пѣлъ въ одну дудку съ Ржаницынымъ и Ламанскимъ? Да наконецъ позвольте мнѣ свое сужденіе имѣть!

— И люди опытные, дѣловые говорятъ, что ради твоего мнѣнія, рѣшеніе будетъ вѣроятно кассировано, сдѣлка уничтожена и дѣло Ржаницына опять всплыветъ на поверхность.

— Очень буду радъ.

— Но всѣ сторонники Ржаницына будутъ противъ тебя.

— Такъ и должно быть; но всѣ дѣльные и честные люди—за меня: первый—губернаторъ!

— Да; говорятъ, что Бронекій послалъ докладъ въ духъ твоего мнѣнія.

Послѣ завтрака, Вальховцевъ и гости отправились обозрѣвать усадьбу; такое, въ то время, было обыкновеніе хозяинъ шеголялъ порядкомъ, нововведеніями, гости приглядывались къ послѣднимъ и старались позанимствовать хорошее и полезное. Конечно Молчановъ и Ефимьевъ не съ этою цѣлью ходили по Янкину: оба они не были помѣщиками и оба не имѣли наклонности къ сельскому хозяйству, но просто изъ любопытства и желанія, въ такой чудный день, гигиенически погулять на деревенскомъ просторѣ. Скажу по секрету: а Петѣ очень хотѣлось побывать въ оранжереяхъ и лично убѣдиться, дѣйствительно-ли фрукты не поспѣли и не могутъ появиться за обѣдомъ на столѣ, въ хрустальной вазѣ... Къ сожалѣнію Пети, какъ персики такъ и сливы оказались еще жесткими, а шпанскія вишни, по объясненію садовника Никандра, только черезъ двѣ-три недѣли могутъ быть готовы для кушанья. Пришлось разочароваться. Петя предложилъ съѣздить въ рошу „по грибы“: можетъ статься, что они уже и показались, а если нѣтъ—то прогулка въ „долгушѣ“, въ такую дивную погоду—и развлеченіе и польза для здоровья. Согласились; пошли на конюшню, запрягли долгушу; достали пестерки ¹⁾ и отправились въ рошу.

¹⁾ Ручные корзинки.

Роща была большая, старая березовая; небольшіе отпрыски березняка, заросли ивы, кустики голубицы и брусники окаймляли рощу; внутри-же нея, кой гдѣ, у старыхъ деревьевъ, торчали низенькій можжевельникъ и олешнякъ. Молодые люди разошлись; шли сначала молча, шевеля сломаной палкой полусгнившій листь и оглядывая встрѣчавшіеся кустики.—„Грибъ! Великолѣпный, черный!“ возвѣстилъ Ефимьевъ.—„Шевелите старательно листь: я подъ листомъ нашелъ... А вотъ и еще!“.

— Эдакой счастливецъ! крикнулъ Вальховцевъ.

— И я нашелъ! объявилъ Молчановъ.—Одинъ, два... Грибы, значить, начинаютъ расти...

— Хоть-бы десяточекъ набрать! вспомнилъ Петя о жареныхъ въ сметанѣ грибахъ.—Сейчасъ-бы Алексѣю на плонку!

Прогулка кончилась тѣмъ, что желаніе Ефимьева исполнилось: набрали слишкомъ двадцать грибовъ, свѣженькихъ, крѣпкихъ; искатели ихъ были обрадованы: оказалось, что всѣ трое любили грибки. Пріѣхали домой и составили совѣтъ; въ какомъ видѣ использовать ихъ: въ пирогъ или въ плошкѣ? Большинствомъ рѣшили „въ плошкѣ“ и Алексѣй сейчасъ-же принялся за чистку ихъ, такъ какъ обѣдъ былъ уже почти готовъ.

Пообѣдавъ плотно, выпивъ чернаго кофе съ ликерами, гости въ половинѣ седьмаго направились въ Горшалово; Валеріанъ не поѣхалъ: ему захотѣлось довести конторскія книги до сегодняшнаго числа.

XLIV.

К-скій съѣздъ кончился скоро: на третій день къ вечеру Вальховцевъ былъ уже въ „Янкинѣ“. Къ губернатору онъ не являлся—его въ городѣ не было: онъ уѣхалъ въ Вольскъ на ревизію и долженъ былъ вернуться дня черезъ три, какъ сообщилъ Ефимьевъ. Въ „Марфинѣ“ Валеріанъ не останавливался: сидѣвшая у воротъ горничная сказала, что господа въ городѣ, что сегодня день рожденія Ольги Петровны и возвратятся только къ ночи.—По пріѣздѣ домой, Вальховцевъ послалъ верховаго съ запиской въ Кузнецово, въ которой предлагалъ взять Рудневича съ собой въ Залѣсовъ, наканунѣ третьяго числа. Владиміръ Гри-

горьевичъ явился въ Янкино вечеромъ, какъ было приказано, переночевалъ и на другой день, въ десять часовъ утра, вмѣстѣ съ Валеріаномъ, были въ Залѣсовѣ. Остановились въ гостиницѣ, позавтракали и затѣмъ пошли съ визитами къ предводителю, посредникамъ и исправнику. Засѣданіе открылось въ часъ дня; собралось семнадцать помѣщиковъ. Вальховцевъ попросилъ дядей познакомить его съ тѣми, которыхъ онъ не зналъ и, въ свою очередь, представилъ имъ Рудневича. Башиловъ переходилъ отъ одного къ другому и велъ съ ними сладкопѣвные разговоры. Къ двумъ часамъ все было кончено. Предложеніе Абросимова было принято громаднымъ большинствомъ: пятнадцатью шарами противъ двухъ. Петръ Семеновичъ отозвалъ Валеріана въ сторону и сообщилъ, что Абросимовъ послѣ завтра ѣдетъ къ губернатору и будетъ просить за Рудневича, тоже сдѣлають и дяди Вальховцева; нѣтъ сомнѣнія, что Бронекій представитъ Рудневича. Валеріанъ слова Петра Семеновича конечно передалъ Владиміру Григорьевичу и тотъ, обрадованный, немедленно нанялъ лошадей и укатилъ въ Кузнецово.

XLV.

— Аня, Аня! Валя ѣдетъ, отводъ отворяеть! крикнула, сидѣвшая у окна, Татьяна.

— Что-жъ ты кричишь, выскочила изъ гостиной Анна Васильевна, — помилуй матушка! и торопливо подошла къ окну.

Вальховцевъ снялъ фуражку, дѣвушки весело поклонились и побѣждали, на черный ходъ, его встрѣчать.

— Какъ разъ къ обѣду угодилъ! Хорошо, что тетерева жарятся, говорила Ефимьева, спускаясь съ лѣстницы, — точно знала, что пріѣдетъ!

Они поздоровались; выбѣжали и дѣти и гувернантки.

— А дяди развѣ нѣтъ? спросилъ Валеріанъ.

— Только послѣ завтра вернется домой: какія-то у него серьезныя дѣла, отвѣтила Анна Васильевна. — Ну, панъ, прикажете подать закусить?

— До чего вы добры, кузина, — просто конфузите меня, поцѣловалъ ея руку молодой человѣкъ.

— Конфузьтеся сколько угодно, а идите на верхъ—я сейчасъ пошлю вамъ закуску: до обѣда еще цѣлый часъ.

Вальховцевъ и Татьяна поднялись въ бѣль-этажъ.

— Здорова ты, Таничка?

— Вполнѣ! входя въ свой кабинетъ и сядя на диванъ, весело отвѣтила дѣвушка. — А у тебя все хорошо по службѣ?

— Слава Богу!—Надѣюсь, Таня, что въ двадцатыхъ числахъ ты приѣдешь ко мнѣ въ Янкино?

— Какимъ образомъ? удивленно взглянула она.

— Очень обыкновеннымъ: на лошадахъ! разсмѣялся Валеріанъ.

— Ну что пустяки говоришь... папа развѣ къ тебѣ ѣдетъ?

— Не одинъ папа, а и губернаторъ и другіе.

— Обѣдъ что-ли у тебя будетъ?

— Да, и обѣдъ хорошій. Хочу пригласить двадцать человѣкъ.

— Кого да кого?

— Губернатора, дядей Александра и Петра съ женами, — Ольга Николаевна хозяйкой у меня будетъ, Горскихъ и Лачинову, дядю Карелова съ Таней, Голубцовыхъ, Никольцеву, Молчанова, Петю Ефимьева, князя Комельскаго съ женой, Абросимова и Рудневича.

— Кто это Рудневичъ?

Вальховцевъ рассказалъ ей всю его исторію.

— Какой-же это отецъ! возмутилась Татьяна. — Прекрасная дѣвушка, образованная, даже дворянка; вся бѣда въ томъ, что сирота и безприданница!.. И третировать ее, какъ горничную за то, что она осмѣлилась влюбиться въ его сына, а сына выгонять изъ дома и лишать наслѣдства за то, что тотъ влюбился въ нее!.. Уважаю твоего Рудневича! Не часто встрѣчаются такіе честные люди!

Вошелъ Григорій Платонычъ.

— Пожалуйста, Валеріанъ Николаичъ, въ столовую: все подано.

— Благодарю васъ, милый старичокъ,—какъ поживаете?

— Богъ по грѣхамъ еще терпитъ, батюшка; живемъ помаленьку!

Они вошли въ столовую.

— Ну расскажи, Валя, какое „menu“ ¹⁾ обѣда?

— Супъ printanière—пирожки двухъ сортовъ, нельма подъ маіонезомъ—соусъ правансаль, фасоль и горошекъ по англійски, цыплята—салатъ роменъ и огурцы, пломбьеръ изъ свѣжей земляники, фрукты: персики, сливы и шпанскія вишни.

— Вкусно! улыбнулась Татьяна.

— Вино четырехъ сортовъ; послѣ обѣда чай, кофе, ликеры.

— Однако, Валя, вскочить тебѣ этотъ обѣдъ порядочно!

— Необходимо это сдѣлать, Таничка, и для себя и для Рудневича: надо его ввести въ общество.

— Конечно. Ну что они, бѣдные, въ усадьбѣ какъ въ заперти!—Краснаго вина хочешь?

— Нѣтъ, Таня, мерсі... за обѣдомъ—пожалуй.

Вошла Анна Васильевна.

— Вы что-же, панъ, сардинокъ мало кушали? Хороши-ли онѣ?

— Прекрасныя; двѣ я съѣлъ и будетъ.

— Таня, а ты?

— Съѣмъ пожалуй рыбку.

Вальховцевъ подалъ ей коробку.

— А вы-то что-же? обратился онъ къ Ефимьевой.

— Не хочется да и обѣдъ испорчу...—А вотъ что, Танюша: сходи-ка на кухню да посмотри, все-ли тамъ исправно; чтобы Дмитрій не пережарилъ цыплятъ и если бабы принесутъ грибы или сморчки,—чтобы сейчасъ сказали мнѣ.

— Хорошо, Аня, а Платоныча послать? Ты, Валя, покушай?

— Да, Таничка, пусть убираютъ... Мерсі, Анна Васильевна!

Татьяна ушла.

— Пойдемте въ кабинетъ; я нарочно удалила Таню, чтобы не говорить при пей: молода еще... мало-ли что взбредетъ въ голову!—Была я недавно въ „Петриловъ“, на три дня; пріѣзжалъ при мнѣ къ отцу человѣкъ, котораго я давно знаю; заговорили объ этой несчастной, но и глу-

¹⁾ Списокъ кушаньевъ.

пой, Манѣ... Оказывается, что она не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ!

— А откуда человѣкъ это знаетъ?

— Кустодіевъ—его товарищъ по семинаріи и пріятель... Переписываются...

— Значить онъ и адресъ этого поповича знаетъ? Нельзя-ли, голубушка Анна Васильевна, его достать?

— Врядъ-ли! Онъ и проговорился-то о нихъ только потому, что выпилъ лишнее.

— А нельзя-ли его какъ-нибудь напоить фундаментомъ, да и вывѣдать?

— Да что вамъ узнать-то хочется?

— Вмѣстѣ-ли они живутъ, повѣнчались-ли?

— Увѣрена, что сочетались только какимъ-то бессмысленнымъ гражданскимъ бракомъ! передернувъ плечи, презрительно сказала Ефимьева.—Глупая! Мнѣ ужасно жаль ее, панъ, ужасно! Такая кроткая, милая!.. Вотъ кротость-то эта ее и сгубила! И нашла-же въ кого влюбиться: въ безгрошоваго кацапа!—А очень огорчены родители?

— Очень; особенно Александръ Семенычъ... Ну, да оно и понятно: и дочери жаль, да и скандалъ великъ! Вѣроятно добрые люди ликують, что такой тузъ и такую дрянью оплеванъ!

— Не говорите: многіе, очень многіе жалѣютъ родителей, особенно отца... Про Софью Алексѣвну идетъ молва, что она не долюбивала дочь и что Манѣ тяжеленько было жить въ родительскомъ домѣ.

Внизу послышался голосъ Татьяны.

... Если я смогу,—то непременно постараюсь разузнать о Манѣ и вамъ сообщу: жаль мнѣ ее! съ чувствомъ, вздохнула Анна Васильевна.—Погибла бѣдная!—Ну что, Танюша?

— Все исправно. А ничего, Аня, что я приказала сдѣлать „царскія кудри?“.

— Умница! Мнѣ въ голову не пришло.

— Вотъ такъ прелесть! Я давно мечталъ о пирожномъ старыхъ помѣщиковъ; мой поваръ обученъ больше новой кухнѣ и о „царскихъ кудряхъ“ понятія не имѣетъ... Вашу ручку, Татьяна Михайловна!

— Только ты, Валя, ужъ потерпи: получасомъ обѣдъ опоздаетъ...

— Хотя-бы и цѣлымъ часомъ!

— А вы-бы прогулялись пока... Пошла бы и я съ вами — да у меня дѣло есть. Поищите грибовъ: можетъ-быть на счастье пана вы и найдете.

— А что, пойдемъ Валя, сказала Татьяна и они вышли въ садъ;—хочешь майской рѣдьки къ обѣду?

— Прогрессъ! Три года назадъ, огородъ въ „Плоскомъ“ былъ въ плачевномъ состояніи, а теперь и майская рѣдька завелась! усмѣхнулся молодой человѣкъ.

— Надо благодарить Аню; она дѣйствительно хорошая хозяйка и наши интересы соблюдаетъ до нельзя. Не будь ея — не было-бы такого порядка. Отецъ постоянно занятъ: то въ городѣ, то въ усадьбѣ—заняться мелочами времени нехватитъ. Немудрено, что онъ дорожитъ Аней и имѣетъ къ ней полное довѣріе.

— Ты очень ее любишь, Таня?

— Очень; да какъ ее и не любить? Послѣ смерти Варвары Петровны, хороши-бы мы были, если бы не Аня: я—въ институтѣ, дѣвочки семи и шести лѣтъ, отецъ постоянно занятъ... Что было ему дѣлать? Аня ихъ подняла, слѣдила за ихъ воспитаніемъ и первоначальнымъ образованіемъ, управляла домомъ... Нѣтъ, Аня—чудная дѣвушка! Много она на своихъ плечахъ вынесла!

— А я, смотрю на тебя и тоже восхищаюсь: сколько въ тебѣ доброты и какъ ты цѣнишь въ людяхъ все доброе!

— Полно! Восхищаться нечѣмъ!.. Вонъ, подними: грибокъ... Ничего не видишь! разсмѣялась дѣвушка.

— Гдѣ ужъ тамъ видѣть, коли въ поэзію ударились!

— Ударился ты, а я, Валя, поэзіей не увлекаюсь: поэты восхваляютъ многое, что недостижимо... Жить подобными химерами только одна пытка!

Вальховцевъ взглянулъ на дѣвушку и ему показалось страннымъ пробѣжавшее по ея лицу нѣчто страдальческое. Они прошли молча нѣсколько шаговъ.

— Тридцатаго ты была въ городѣ? спросилъ Валеріанъ?

— Нѣтъ; а что?

— Да вѣдь тридцатаго—рожденіе Ольги Петровны.

— Славу Богу, папа не требовалъ чтобы я ѣхала поздравлять тетку; опять замелькали-бы передо мной эти Мя-

чиковы, Васьковы, Молчановы и въ довершеніе— великая кукла Башиловъ, съ его сладкими рѣчами!

— Ты не любишь Молчанова?

— А что въ немъ хорошаго? Что умень, образованъ, въ салонѣ не потеряется? Этого еще мало!.. Мнѣ кажется, что онъ—холодный... Впрочемъ, можетъ-быть я и ошибаюсь

— Ты права: сердцемъ не горячь!

— Кромѣ того: переносить изъ дома въ домъ сплетни — не мужское дѣло; и въ женщинѣ эта привычка противна!

— А вотъ и я! изъ-за кустовъ вышла Анна Васильевна; — Ну, что нашли?

— Таня нашла одинъ грибокъ, а я ничего! отвѣтилъ Вальховцевъ.

— А я цѣлую корзину нашла... Къ ужину будутъ изжарены въ сметанѣ.

— То есть не нашла, а купила, разсмѣялась Татьяна.

— Ахъ, матушка моя, не могла-же я, сидя въ кладовой, искать грибы на корнѣ!

— А обѣдать скоро?

— Скоро; а ты сходи-ка къ Сécile—плачетъ о чемъ-то...

— Майской рѣдки выдерни; панъ желаетъ! улыбнулась дѣвушка и торопливо пошла къ дому.

XLVI.

На другой день Валеріанъ представилъ губернатору отчетъ объ іюньскихъ сѣздахъ и просилъ Константина Александровича отобѣдать у него въ „Янкинѣ“ двадцатаго числа. Губернаторъ весьма любезно принялъ приглашеніе, полюбопытствовалъ, кто еще будетъ, и очень обрадовался когда узналъ, что роль хозяйки взяла на себя Ольга Николаевна. О Рудневичѣ онъ сообщилъ, что представленіе о немъ отправлено имъ вчера въ правительствующій сенатъ.

Отъ губернатора Вальховцевъ отправился къ Ефимьеву, Молчанову, къ дядѣ Карелову, Горскимъ, Никольцевой и всѣхъ засталъ дома; къ князю Комельскому онъ рѣшилъ ѣхать въ усадьбу, а къ Голубцовымъ—по пути въ Янкино.

Покончивъ съ визитами, Вальховцевъ закупилъ все нужное для обѣда, обѣщалъ завтра-же прислать за провизіей подводу и около четырехъ часовъ отправился въ „Го-

лубки“. Князь встрѣтилъ молодого человѣка весьма радужно и повелъ къ княгинѣ. Она сидѣла въ своемъ будуарѣ и что-то вышивала. Просто и любезно приняла она Валеріана и тотчасъ же вступила съ нимъ въ разговоръ; держала она себя совершенно свободно, некичась своимъ титуломъ и богатствомъ,—какъ обыкновенная, хорошо воспитанная дворянка прежнихъ лѣтъ и заботливая хозяйка.

— Непремѣнно буду у васъ: я такъ наслышана о вашей старинной усадьбѣ, о царствующемъ въ ней порядкѣ, о томъ, что вся бывшая крѣпостная дворня осталась у васъ, какъ будто эмансипаціи и не было, наконецъ имѣя въ перспективѣ быть двадцатаго числа въ близкомъ мнѣ кружкѣ—было бы, съ моей стороны, просто непростительно пропустить этотъ день.

— Благодарю васъ, княгиня, вставая и кланяясь, сказалъ молодой человѣкъ:—ваше присутствіе будетъ весьма пріятно для моихъ гостей, а мнѣ окажетъ, незаслуженную еще мной, честь.

Княгиня подала ему руку.

— Позвольте, спросила она,—да вы домой, кажется, собираетесь?

— Прошу извинить, княгиня, но у меня много еще дѣла, а времени осталось мало.

— Нѣтъ, Валерьянъ Николаичъ, не могу я это допустить, да и не по-русски поступаете вы, она ударила въ *timbre*,—попроси сюда князя, сказала она явившемуся лакею.

— Гриша! пожаловалась она вошедшему мужу;—Валерьянъ Николаичъ домой собирается!

— Ей Богу, у меня дѣла много—я не справлюсь... Простите меня, князь!

— Обѣдъ сейчасъ будетъ поданъ; послѣ обѣда мы выпьемъ кофею, ликеровъ и черезъ часокъ васъ и отпустимъ! разсмѣялся Комельскій.

— Ваша воля! подчинился Вальховцевъ, видя, что отнѣкиваться было-бы неловко.

— А мы съ вами, Валерьянъ Николаичъ, добродушно похлопалъ его по колѣну князь:—въ опалу нѣкоторымъ попали! Вы—по ржаницынскому дѣлу, а я—по шкуринскому!—*quel nom ignoble après tout!* ¹⁾ усмѣхнулся Комельскій.

¹⁾ Какая однако неблагородная фамилія.

— Потому-то и дѣло вышло ignoble!

— C'est ça; vous êtes dans le vrai! ¹⁾ Но какой милый Меркуровъ...

— Честный дворянинъ.

— Къ сожалѣнію, ихъ становится все меньше и меньше! Изящный maître d'hôtel доложилъ, что кушать подано.

Къ обѣду вышли два князька, семи и восьми лѣтъ; французъ—гувернеръ и русскій учитель среднихъ лѣтъ; мальчики держали себя прекрасно, а такъ-же и учащіе: видно было, что послѣдніе дорожатъ мѣстомъ.

Обѣдъ конечно былъ хорошъ и сервированъ до тонкости; хозяева—радушны. Не говоря уже о князѣ,—княгиня слѣдила за дѣйствіями прислуги и старалась угостить молодого человѣка, какъ слѣдуетъ. Послѣ обѣда, хозяева, вмѣстѣ съ Вальховцевымъ, перешли въ кабинетъ, гдѣ княгиня созналась, что выкуриваетъ въ день пять пахитосъ и удивляется, какъ бывшій гвардеецъ не соблазнился куреніемъ.

— Я, княгиня, какъ-то разъ, лѣтъ двѣнадцати, попробовалъ закурить папиросу изъ крѣпкаго табака; приказали мнѣ „затянуться“... Я до того постарался, что голова у меня пошла кругомъ и я раскашлялся... Съ тѣхъ поръ новыхъ опытовъ я уже не дѣлалъ!

— Ну да: вы затягиваетесь, а мы только дымъ пускаемъ! разсмѣялась Камельская.

— Такъ какое-же это куреніе, княгиня: сожиганіе табака и только.

— Конечно; pour passer le temps! A vrai dire, c'est une mauvaise habitude et rien de plus! ²⁾.

— А что, Валерьянъ Николаичъ, какъ фрукты у васъ, зрѣютъ? спросилъ князь!

— Когда вы почтите меня вашимъ посѣщеніемъ—вы убѣдитесь, что фрукты у меня совсѣмъ поспѣли! улыбнулся Вальховцевъ.

— Vois-tu, chère amie: notre jardinier est en retard ³⁾; вѣдь говорилъ я ему, что поздно приставилъ!

¹⁾ Это такъ; вы правы.

²⁾ Чтобы провести время! Правду сказать: это дурная привычка и больше ничего!

³⁾ Вотъ видишь, милый другъ: садовникъ нашъ запоздалъ.

— Не стоит того, чтобы говорить об этомъ: что нѣсколько дней запоздалъ—право не важно! замѣтила княгиня.

Вальховцевъ выѣхалъ изъ „Голубковъ“ въ прекрасномъ настроеніи; онъ очень былъ радъ заручиться пріѣздомъ Комельской—женщины, какъ онъ ее понималъ, простой, не тщеславной и очень любезной. Вернувшись въ К., онъ немедленно, взявъ съ собою кой-какія мелкія закупки, отправился въ „Янкино“; у Марфина онъ повернулъ въ ворота и подъѣхалъ къ парадному крыльцу; прилично одѣтый лакей доложилъ что господа дома.

Въ передней встрѣтилъ Валеріана Александръ Павловичъ и ввелъ его въ гостиную, гдѣ сидѣли у окна въ садъ. мать и дочь. Приемъ былъ очень любезный: даже хозяйка вышла изъ своей обычной флегмы и сказала нѣсколько пріятныхъ словъ. Молодой человѣкъ объявилъ Голубцовымъ сущность своего пріѣзда. Узнавъ, что въ Янкинѣ будетъ губернаторъ и другія власти, что быть хозяйкой взялась Ольга Николаевна, Александръ Павловичъ сейчасъ-же отвѣтилъ Вальховцеву, что явится непременно съ дочерью, такъ какъ Лизавета Петровна пьетъ воды и выѣхать изъ Марфина не можетъ. Веселый видъ исправника показывалъ, что приглашенные были въ его вкусъ. Зинаида, посидѣвъ нѣсколько минутъ въ гостиной, предложила Валеріану, послѣ ѣзды въ „Голубки“ и къ нимъ, пройти немного и увела его въ садъ. Тамъ они бродили, болтали, но изъ этой болтовни вышло только то, что молодой человѣкъ заподозрилъ прогулку не экспромтомъ, а задуманнымъ ранѣе родительскимъ маневромъ. Дѣвушку онъ въ этомъ не винилъ, но веселое настроеніе, съ которымъ онъ пріѣхалъ въ Марфино, исчезло и Вальховцевъ вдругъ вспомнилъ слова Пети Ефимьева, когда они зимой проѣзжали мимо этой усадьбы: „обжени-хаютъ, да потомъ за хвостъ и на солнце!“—Валеріанъ попросилъ вернуться въ домъ и, отказавшись отъ чая, разстроенный, поѣхалъ въ „Янкино“.

Подъѣзжая къ Горшалову, Вальховцевъ, взглянувъ на часы и увидя, что еще только половина девятого, велѣлъ Прокопію повернуть въ аллею и остановиться у барскаго дома. Войдя въ переднюю онъ, съ удовольствіемъ, услышалъ голосъ Абросимова; присутствіе его здѣсь избавляло

Валеріана отъ посылки нарочнаго съ приглашеніемъ на двадцатое число; но Валеріанъ былъ крайне удивленъ, увидя, въ гостиной, за карточнымъ столомъ, Рудневича. Играли въ преферансъ всѣ четверо. Дядя и тетка любезно встрѣтили племянника; извѣстіе объ отправленіи губернаторомъ въ Сенатъ представленія Рудневича—обрадовало всѣхъ. Владиміръ Григорьевичъ тотчасъ-же горячо поблагодарилъ Петра Семеновича и Абросимова, за ихъ старанія, а Петръ Семеновичъ объявилъ, что за ужиномъ Рудневича поздравятъ всѣ, съ бокалами въ рукахъ. Затѣмъ Валеріанъ пригласилъ, на двадцатое число, Дмитрія Андреевича и Владиміра Григорьевича въ „Янкино“. Сообщивъ теткѣ, что губернаторъ, принявъ приглашеніе, очень обрадовался, узнавъ, что Ольга Николаевна приняла на себя роль хозяйки с. Янкина, вслѣдствіе чего всѣ званныя дамы и дѣвицы, за исключеніемъ больной Елизаветы Петровны Голубцовой, обѣщали непременно пріѣхать въ „Янкино“.

Черезъ полчаса, преферансъ былъ оконченъ и Валеріанъ увелъ дядю въ кабинетъ. Поданное Петру Семеновичу „шени“ было имъ вполне одобрено, за исключеніемъ списка вина: къ четыремъ сортамъ его онъ нашелъ нужнымъ прибавить еще два: „шато-икемъ“ для дамъ и „эмильонъ“. Петръ Семеновичъ, съ удовольствіемъ, согласился отпустить въ Янкино повара и буфетчика, а на счетъ горничной рекомендовалъ лично обратиться къ теткѣ.

— Ты однако поглядывай за моимъ буфетчикомъ, совѣтовалъ генералъ:—малый-то онъ хорошій и аккуратный, но всѣ они любятъ мажордомовъ изъ себя корчить и сплошь и рядомъ прорухи дѣлаютъ! Главное на счетъ вина: послѣ какого блюда какое вино надо подать... А твой-то каковъ?

— Парень онъ ловкій, понатерся въ Питерѣ, но мало упражнялся за большимъ столомъ.

Помолчали. Петръ Семеновичъ закурилъ папиросу.

— Такъ губернаторъ доволенъ? спросилъ онъ.

— Очень; особенно доволенъ тѣмъ, что тетушка будетъ хозяйкой; безъ лести скажу, дядя, что если-бы не присутствіе ея, во главѣ,—дамы, а тѣмъ болѣе дѣвицы, не поѣхали-бы въ Янкино! Поэтому я всѣмъ, предварительно, объявляю, что хозяйкой у меня согласилась быть Ольга Николаевна.

— Ну, что Голубцовой не будетъ—не велика потеря! усмѣхнулся Вальховцевъ.—Кукла какая-то!

Они вернулись въ гостиную. Поболтавъ немного, Валеріанъ подхватилъ Рудневича и повелъ его въ переднюю.

— Вы куда это *messieurs*? спросила Вальховцева.

— Не надолго въ садъ.

— Скоро ужинать...

— Колоколь-то зазвонить, *ma tante*? улыбнулся племянникъ.

— Конечно.

— Такъ мы моментально и порхнемъ въ столовую!

— Какъ это ты сюда попалъ? обратился Валеріанъ къ Рудневичу, когда они сошли съ крыльца.

— Я пріѣхалъ благодарить Петра Семеныча, думая, что черезъ часокъ вернусь домой, а меня оставили не только обѣдать, но и ужинать! Я боюсь, что Вѣрочка беспокоится...

— Полно вздоры придумывать! Скажи-ка лучше: радъ ты, что представленіе ушло?

— Еще-бы! Тебѣ-вѣдь я обязанъ...

— Обязанъ ты дядямъ, а не мнѣ... Я мысль только далъ.

— А въ мысли-то главное и есть! Не будь тебя, я не рѣшился-бы хлопотать: дядей твоихъ я почти не зналъ, Абросимова тоже... А вотъ что скажи мнѣ, въ чемъ къ обѣду являться и когда?

— Являться въ лѣтнемъ костюмѣ, а когда—твое дѣло... Обѣдъ въ пять часовъ.

— А можно въ сюртукѣ?

— Зачѣмъ? Въ сюртукѣ жарко.

— Я—вѣдь къ статскому платью еще не совсѣмъ привыкъ: боюсь, что пріѣхать въ визиткѣ—слишкомъ будетъ запросто.

— Ничего не запросто: лѣто-вѣдь теперь.

— А славный у тебя дядя Пьеръ...

— Да, добрый человѣкъ... да и Александръ Семенычъ недурной... горденекъ немножко.

Ударили въ колоколь.

— А... призывъ! Ну, Володя, надо въ припрыжку: тетка не любитъ опозданій!

И они ускорили шагъ.

XLVII.

Александръ Семеновичъ сидѣлъ на террасѣ и читалъ газету, когда Валеріанъ пріѣхалъ; онъ только что вернулся съ поля, гдѣ кончали запахиваніе удобренія. Онъ конечно принялъ приглашеніе на двадцатое число, но сообщилъ, что тетка врядъ-ли будетъ, въ виду ожидаемой ею мигрени, регулярно посѣщающей ее въ послѣднихъ числахъ мѣсяца. Александръ Семеновичъ любезно разрѣшилъ младшему лакею ѣхать въ „Янкино“, наканунѣ двадцатаго числа, но просилъ послать за нимъ подводу; съ удовольствіемъ узналъ объ отосланіи въ Сенатъ представленія Рудневича и намекнулъ на тревожившее его незнаніе объ участи дочери.

— Я всячески старался найти возможность узнать что-нибудь, но безуспѣшно; обращаться къ людямъ ненадежнымъ, хотя можетъ-быть и свѣдущимъ, боясь огласки, я не смѣлъ; спрашивать прямо, открыто—опасно. Надо было поставить дѣло такъ, чтобы мнѣ сообщили, какъ-нибудь въ разговорѣ, невзначай или случайно передали свѣдѣнія третьему лицу.

И я ждалъ этого. Наконецъ на дняхъ я узналъ, что Маня не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ и конечно съ Кустодіевымъ; мнѣ обѣщали доставить адресъ. Если я получу его—сейчасъ-же вамъ привезу.

— Спасибо, милый другъ! Если достанешь—мы вдвоемъ обсудимъ, что дѣлать... А ты брату ничего не говорилъ?

— Сохрани Господи; никому не говорилъ! Даже и тому, кто сообщилъ мнѣ это, я повода не далъ думать, что это меня интересуетъ.

— А просьба о доставленіи адреса?

— Съ цѣлію послать Манѣ, помимо васъ, денегъ, въ виду того, что всегда мы были дружны и что, вѣроятно, она очень въ нихъ нуждается.

— Умно!.. Еще разъ спасибо!

— Однако, дядя, простите: надо въ Янкино возвращаться.

— Подожди... поспѣешь... Сейчасъ тетки явятся, позавтракаемъ и тогда ступай съ Богомъ... Частъ какой-нибудь ужъ ничего не значить...—Что въ уѣздахъ: ничего серьезнаго не было?

— Нѣтъ, ни одного крупнаго дѣла: все обыкновенныя просьбы да жалобы.

— У меня тутъ дрянцо завелось: хромою портной и бобыль Капитошка... Онъ и прежде былъ изъ дерзкихъ, а теперь и подавно; на половину грамотный, онъ будоражить мужиковъ поглупѣе и молодежь: толкуетъ имъ „Положеніе“ шиворотъ на выворотъ и науськиваетъ на помѣщиковъ. Я жаловался жандармскому—обѣщалъ принять мѣры... не знаю, что изъ этого выйдетъ!

— Дядя, послѣ паузы, сказалъ Валерьянъ,—ѣхавши къ вамъ, я былъ крайне удивленъ: священникъ и діаконъ Никольской церкви, въ бѣлыхъ рубашкахъ и панталонахъ босые, съ заплатенными косичками и въ грубыхъ соломенныхъ шляпахъ, запахивали сами навозъ! Впереди шла баба съ вилѣшкой и разбрасывала изъ кучекъ удобреніе, а они запахивали... Неужели это вездѣ такъ?

— Почти вездѣ, въ малыхъ приходахъ! Если-бы не помогали имъ прежде, то тѣмъ, то другимъ, помѣщики—трудно имъ было-бы жить, а теперь еще будетъ труднѣе... Доходишки крошечные, жалованье ничтожное, дѣтей всегда много. А если еще неурожай или падежь—то совершенная бѣда! Да ты посмотри, что за одежда у пономаря и дьячка: подвязанный цвѣтнымъ кушакомъ зипунъ, отличающійся отъ мужицкаго только тѣмъ, что рукава застегиваются двумя пуговицами, а воротникъ—стоячій, тоже на пуговицахъ; шапка мужицкая: лѣтомъ соломенная или войлочная, а зимой и совсѣмъ не отличишь клирика отъ крестьянина!

— Да почему-же, если такъ худо живетъ причту, не уменьшать его? Отобратъ дьякона, изъ двухъ причетниковъ оставить одного...

— Говорятъ, что хотятъ это сдѣлать, да все откладываютъ.

— Ну, если приходъ большой, доходный—оставь и діакона и второго причетника, но для маленькихъ приходовъ довольно и священника съ дьячкомъ.

Вошли тетки, подали завтракъ и черезъ полчаса Валеріанъ уѣхалъ домой.

XLVIII.

Погода на двадцатое число выпала великолѣпная: лазоревое небо, ни одного облачка, ни малѣйшаго вѣянiя вѣтра. Уже въ три часа пріѣхали въ „Якинѣ“ Ольга Ни-

колаевна съ мужемъ; по прибытіи, она немедленно отправилась въ большую столовую, отдѣленную отъ танцевальнаго зала двумя гостинными: боскетной, съ обоями миеологическаго стиля, установленной цвѣтами на окнахъ и въ углу высокой пирамидой изъ гортензій, и большой—съ зелеными насыпными обоями и горками, въ промежуткахъ большихъ зеркалъ, съ форфоровыми куколками и другими мелочами, съ канделябрами и бра французской бронзы и большой люстрой Екатерининскаго времени. Въ столовой, съ двумя люстрами и кенкетами, стояли въ углахъ лавровыя и померанцевыя деревья,—послѣднія съ зелеными на нихъ фруктами. При входѣ въ столовую, налѣво у оконъ—большой мраморный столъ уставленъ былъ закусками; обѣденный столъ былъ уже накрытъ и даже Ольга Николаевна нашла все въ большомъ порядкѣ; для формы она сдѣлала нѣсколько замѣчаній своему буфетчику, поставленному старшимъ, въ сущности пустыхъ, и удалилась. Петръ Семеновичъ осмотрѣлъ кабинетъ и прилегающую къ нему бібліотеку, съ чубуками и принадлежностями куренія, а Валеріанъ бѣгалъ то въ кухню, то въ буфетъ и вообще слѣдилъ за всѣмъ боясь, что первый обѣдъ, по пріѣздѣ его въ К., можетъ не удался.

Ранѣе всѣхъ пріѣхалъ губернаторъ съ чиновникомъ особыхъ порученій, Петей Ефимьевымъ; Валерьянъ встрѣтилъ его на подъѣздѣ, а Ольга Николаевна, какъ хозяйка, на верху лѣстницы. Константинъ Александровичъ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и попросилъ Петра Семеновича показать ему всѣ комнаты дома. Бронецкій, какъ оказалось, былъ любитель старины и пришелъ чуть не въ восторгъ при видѣ насыпныхъ и въ миеологическомъ стилѣ обоевъ, люстръ, кенкетъ и чашекъ, куколъ и игрушекъ изъ стараго фарфора. Въ большой гостиной обратили его вниманіе портреты прадѣдовъ, въ золоченыхъ, но очень потускнѣвшихъ рамахъ, напудренныхъ, въ зеленыхъ и красныхъ камзолахъ, съ дорогими пуговицами, въ мундирахъ милиціонеровъ седьмого года, съ напудренными хохлами на головѣ, малиновымъ воротникомъ и небольшой эполеткой на лѣвомъ плечѣ, въ сѣрыхъ кафтанахъ съ крестомъ на фуражкѣ, ополченія 1812 года, и прабабушекъ въ роброндахъ

и утреннихъ капотахъ, бальныхъ костюмахъ съ фероньерками на лбу и съ взбитыми, напудренными волосами.

— Я какъ будто въ гостяхъ у археолога, улыбнулся Бронекій;—что за прелесть эта старина, которой болѣе ста лѣтъ, эти историческіе обои... Я просто въ восторгѣ!

Вошли въ залъ: князь Комельскій съ супругой, Александръ Семеновичъ, Голубцовы съ Никольцевой, Кареловъ съ Таней, Горскіе съ Лачиновой и вскорѣ прибыли Абросимовъ, Молчановъ и Рудневичъ. Всѣ они, оправившись въ специально отведенной для этого комнатѣ, перешли въ большую гостиную. Завязались разговоры, разсматриваніе портретовъ и мелкихъ вещей; дѣвицы вышли на балконъ, за ними молодые люди; зацвѣтавшія клумбы пестрыми пятнами выступали на овальномъ газонѣ, широкая липовая аллея, съ группами кустовъ и деревьевъ по бокамъ, спускалась отъ цвѣтника къ рѣкѣ, сверкавшей вдали.

Ольга Николаевна держала себя настоящей хозяйкой: хладнокровная, привыкшая быть распорядительницей, она не торопясь дѣлала свое дѣло и не одинъ разъ останавливала племянника въ его торопливыхъ хлопотахъ.

Ровно въ пять часовъ—Ольга Николаевна и въ Янкинѣ. не забыла о своей аккуратности, буфетчикъ Вальховцевыхъ, тщательно выбритый, во фракѣ, бѣломъ жилетѣ и галстухѣ, возвѣстилъ, что кушанье подано... Бронекій предложилъ руку Ольгѣ Николаевнѣ, Александръ Семеновичъ княгинѣ Комельской и т. д.; всѣ подошли къ закускамъ и затѣмъ разсѣлись. Сервировка стола была безупречная; вся посуда.—старинная. Вина были въ изобиліи. На трехъ большихъ хрустальныхъ вазахъ положены были персики двухъ сортовъ: „венусы“ и „красавица“, крупныя, желтыя сливы и черныя „шпанскія“ вишни.—Послѣ перваго блюда, разговоръ оживился, maitre d'hotel обнесъ хересъ и мадеру. Валеріанъ въ свободную минуту, подошелъ къ Рудневичу, чтобы развлечь его, но сосѣдка Владиміра Григорьевича Таня уже предупредила кузена. Ольга Николаевна тоже не забывала Рудневича. Разговоръ вела она, ей помогала Комельская. Никольцева сидѣла какъ будто недовольная и говорила мало: ей было скучно безъ поклонниковъ; Молчановъ ухаживалъ за Голубцовой, князь Комельскій развлекалъ Лачинову. Горская хотѣла было завести рѣчь о прогрессивныхъ предме-

тахъ, но сюжетъ этотъ не нашель слушателей. Абросимовъ говорилъ больше съ вице-губернаторомъ о дѣлахъ и ожидаемыхъ реформахъ. Послѣ третьяго блюда, когда вина были обнесены уже два раза, Ефимьевъ, сдѣлавшись храбрѣе, развеселилъ дѣвицъ: стали слышаться сдержанные взрывы смѣха, общій разговоръ молодежи сдѣлался бойче. Къ концу обѣда оживленіе было полное. Фрукты, въ изобиліи обнесенные два раза, какъ новинка, способствовали этому оживленію.

Выйдя изъ-за стола, гости раздѣлились: мужчины пошли въ кабинетъ, пить кофе и ликеры и курить, дамы перешли въ боскетную заняться тѣмъ-же. Въ большой гостиной поставлены были карточные столы.

Валеріанъ, поручивъ Михайлу Федорычу и Андрею приведеніе въ порядокъ посуды, винъ и проч., испросилъ позволеніе у тетки Ольги Николаевны и отправился съ дѣвицами въ садъ, знакомить ихъ съ оранжереями и вообще съ усадьбой. Съ нимъ пошелъ и Рудневичъ, чувствовавшій себя нѣсколько неловко въ почти незнакомомъ обществѣ. Модчановъ и Ефимьевъ вышли раньше.

Путешествіе началось съ огорода и оранжерей; вскорѣ къ молодежи примкнули Вальховцева, Горская, Комельская и Никольцева. Валеріанъ досталъ ключъ и отворилъ дверь въ цвѣточную; вошли всѣ кромѣ Зинаиды.

— Отчего вы тогда такъ скоро уѣхали отъ насъ, чаю даже не напились? торопливо спросила она.

— Спѣшилъ домой: приготовленій было много.

— Вечеромъ? усмѣхнулась дѣвушка.

— Да, вечеромъ. Надо было письма приготовить; нарочнаго рано утромъ въ городъ посылать.

— Полноте! Вы были совсѣмъ не такой, какъ обыкновенно... Васъ разстроили чѣмъ-нибудь? участливо сказала она.

— А если и такъ—не все ли вамъ равно?

— Можетъ быть и не все равно, отвѣтила Голубцова и отошла на дорожку.

Первой вышла изъ дверей оранжереи Карелова и спросила Валеріана:

— Ты что-же не вошелъ съ нами?

— Искалъ ключъ отъ вишневаго сарая.

Татьяна взглянула на него.

— Нашелъ?

— Нѣтъ еще... Вѣроятно гдѣ нибудь не на прежнемъ мѣстѣ; и онъ пошелъ къ сараю.

— Валерьянъ Николаичъ, остановила его Комельская: — какъ называется сортъ персиковъ, которые у васъ не на рѣшеткѣ, а на деревѣ?

— „Красавица“.

— Прекрасный сортъ; онъ слаже „венуса“?

— За то не такъ плодovitъ.—А князь успокоился... персики ваши поспѣли?

— Поспѣли! улыбнулась Комельская;—Мы уже пробовали...

Они подошли къ сараю и Валеріанъ сталъ шарить въ щеляхъ, въ которыя садовникъ имѣлъ обыкновеніе прятать ключъ.

— Нашелъ! черезъ минуту объявилъ онъ и отворилъ дверь.

Всѣ вошли.

— Какія деревья! восхитилась Комельская;—Имъ навѣрно лѣтъ пятьдесятъ, если не больше... и какая масса плодовъ! Ну, Валерьянъ Николаичъ, поздравляю васъ!

— Представьте себѣ, княгиня, передавалъ мнѣ отецъ, что въ урожайные годы, кушая вишни и другіе фрукты, варя варенье и настаивая наливки,—онъ все таки продавалъ ихъ въ городъ на 120—150 рублей, а вмѣстѣ съ овощами почти окупалъ цвѣточную, содержаніе садовника и другіе расходы по огороду.

— А прудъ у васъ съ карасями?

— И очень крупными: недавно попали въ вершу очень порядочные... Прудъ—прадѣдушкинъ...

— Валерьянъ Николаичъ, крикнула Лачинова,—можно намъ спуститься на рѣку?

— Почему-же нѣтъ? А гдѣ Ольга Николаевна?

— Она только что пошла въ домъ.

— Евгенія Владиміровна, а вы пробовали вишни, имеюмыя „морожечными“?

— Нѣтъ: а развѣ хороши?

— Какъ кому! По моему превкусны... Сейчасъ я вамъ принесу.

— Что вы принесете? спросила Горская.

— Обращикъ особеннаго сорта вишень, которыя вы не пробовали.

— Я другихъ, кромѣ тѣхъ которыя были на столѣ, не пробовала.

— Mesdames, такъ воротимся назадъ, пригласилъ Валеріанъ:—вы, оказываетесь, и не пробовали другіе сорта вишень, кромѣ тѣхъ, что кушали за обѣдомъ... Пожалуйста!

Всѣ снова вошли въ сарай.

— Вотъ: „мороженныя“, „майскія“—эти для варенья, „бѣлыя“.

Гости разошлись по сараю и занялись пробой; къ Валеріану снова подошла Зинаида.

— Вы поѣдете на Іюльскій съѣздъ?

— Конечно.

— 14 Іюля—рожденіе Тани; вы будете въ „Плоскомъ“?

— Вѣроятно; а вы?

— Я наканунѣ приѣду... Вы не можете приѣхать наканунѣ?

— Врядъ-ли... Это зависитъ отъ того, когда закроется съѣздъ.

— Постарайтесь! улыбнулась дѣвушка.

Подскочилъ Ефимьевъ и спросилъ: „не проведешь-ли ты всю компанію по усадьбѣ?“

— Съ удовольствіемъ! и всѣ направились къ флигелямъ.

Въ домѣ карточная игра была въ полномъ разгарѣ; на одномъ столѣ играли въ фалашъ, на другомъ въ преферансъ. Мужчинамъ разрѣшено было курить, даже трубки; конечно сдѣлано это было для Бронцакаго. Послѣ того, что Валеріанъ повелъ дамъ и дѣвицъ по усадьбѣ, онъ вскорѣ указалъ Петѣ Ефимьеву маршрутъ и извинился, что долженъ вернуться не надолго въ домъ. Войдя въ гостиную, гдѣ играли въ карты, и замѣтивъ, что у губерчатора трубка потухла, онъ сказалъ:

— У васъ трубка потухла, ваше превосходительство.

Бронцакій потянулъ ее раза два.

— Дѣйствительно потухла, но съ меня будетъ.

— Вы прежде жуковскій табакъ курили?

— Всегда; но теперь его нѣтъ въ продажѣ... Славный былъ табакъ!

-- Позвольте мнѣ вашу трубку.

— Et pour quoi? ¹⁾.

— Я принесу вамъ новую.

— Зачѣмъ же беспокоиться?.. Merci!

Валеріанъ взялъ трубку и ушелъ.

— Константинъ Александръчъ, вамъ говорить, напомнилъ Александръ Семеновичъ.

— Купилъ.

— Я—пасъ, отказался Кареловъ.

— Трефы! перебилъ Вальховцевъ.

— Бубны осмѣлюсь, сказалъ князь.

— Черви! упорствовалъ Бронецкій.

Къ нему подошелъ лакей и подалъ вновь набитую трубку; сзади шелъ Валеріанъ. Губернаторъ раскурилъ ее и удивился:

— Откуда это? спросилъ онъ.

— Табакъ?

— Да; онъ напоминаетъ мнѣ Жукова; смакуя дымъ, отвѣтилъ Бронецкій.

Молодой человѣкъ показалъ ему синій пакетъ—четвертушку, съ надписью „Василій Жуковъ“.

— Откуда это у васъ? Рѣдкость—вѣдь это теперь!

— Въ отцовскомъ шкапу нашелъ два фунта; позвольте предложить вамъ четвертушку—больше у меня нѣтъ...

— Ну зачѣмъ?

— Я не курю, а для васъ это память прошлаго!

— Merci! Принимаю и очень благодарю. Да, это мнѣ молодость напомнить!

Около девяти часовъ, гостей пригласили снова въ столовую: сервированъ былъ чай и поданы дыни: „cantaloup“ и „ананасныя“.—Въ десять часовъ всѣ приготовились къ отъѣзду.

— Ваше превосходительство, я къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой, обратился къ губернатору Валеріанъ, когда тотъ сталъ прощаться съ нимъ.

— Quelque chose du sérieux? ²⁾ прошамкалъ старикъ.

— C'est selon, excellence... ³⁾ Я позволяю себѣ про-

¹⁾ А зачѣмъ.

²⁾ Что нибудь серьезное?

³⁾ Смотря по тому какъ, ваше превосходительство...

ситъ васъ оставить Ефимьева у меня на недѣлю; онъ посѣтитъ родителей, а 27-го я привезу его въ городъ.

— Н-ну! улыбнулся Бронецкій;—Это не серьезно!.. Avec plaisir!¹⁾ щелкнулъ онъ шпорами и поблагодарилъ Вальховцева за пріятно проведенный день.

Черезъ полчаса янкинскій домъ опустѣлъ.

XLIX.

Михаилъ Павловичъ съ Таней только что пріѣхали изъ церкви, гдѣ простояли литургію и молебень, какъ въ столовую вошелъ Андрей и, поздравивъ дѣвушку со днемъ ея рожденія, а Карелова, Анну Васильевну и дѣвочекъ съ неворожденной, поставилъ на ближайшій стулъ объемистый ящикъ, доложивъ, что Валеріанъ Николаевичъ, уѣзжая на сѣзды, приказалъ свезти его Татьянѣ Михайловнѣ, четырнадцатаго числа, не позже одиннадцати часовъ утра. Поблагодаривъ посланца, Таня отправила его въ дѣвичью завтракать и просила старика Григорія Платоныча, накрывавшаго столъ для завтрака, откупорить присланный ящикъ. Сняли крышку и оказались тщательно завернутые въ тонкую бумагу, персики. Во избѣжаніе порчи, отъ сотрясенія во время ѣзды, они были положены на рамки, обтянутыя тонкимъ полотномъ, въ три полки; на верхнихъ двухъ—„вѣнусы“ и „красавица“, на третьей—желтыя французскія сливы. Аккуратная Анна Васильева, вынимая фрукты, насчитала персиковъ тридцать и сливъ двадцать штукъ. Татьяна была очень обрадована подаркомъ.

— Андрей говоритъ, сказалъ Платонычъ,—что садовникъ проситъ ящикъ возвратить: у нихъ въ этихъ ящикахъ возятъ фрукты для продажи.

— Такъ бери, старина, разрѣшилъ Кареловъ и, обратясь къ дочери, нашелъ, что Валеріанъ весьма галантный кавалеръ и человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный, а ужъ какъ онъ себя держитъ—то и говоритъ нечего: сейчасъ видно, что вертѣлся въ высшемъ обществѣ.

На эти слова, вошла въ столовую Зинаида, очень просто причесанная—она знала, что простота идетъ къ ней; въ легкомъ барежевомъ платьѣ, недорогомъ, но со вкусомъ

¹⁾ Съ удовольствіемъ!

сшитомъ. Она еще вчера привезена была вечеромъ Анной Ивановной, приживалкой Голубцовыхъ. Поздравивъ Таню и поцѣловавъ ее, Зинаида поздоровалась со всѣми находившимися въ столовой и взглянула на фрукты, съ которыхъ снимала бумажки Ефимьева... Что-то въ родѣ зависти пробѣжало по лицу дѣвушки.

— Очень мило со стороны Валерьяна Николаича, что онъ прислалъ тебѣ эти фрукты, тѣмъ болѣе, что уже цѣлая двѣ недѣли онъ занятъ службой! обратилась она къ Татьянѣ.

— А вы что-же, сударыня, проспали обѣдню? разсмѣялся Михаилъ Павловичъ.

— Виновата!

— А вонъ и „панъ“ ѣдетъ! возвѣстила Анна Васильевна, слышавшая звонъ колокольчика и глядя въ окно.

— Кто это „панъ“? удивилась Голубцова.

— Валерьяна она зоветъ паномъ! объяснилъ Кареловъ.—Да еще „ясновельможный“ иногда!

— Почему?

— А потому, что въ немъ много настоящаго барства! отвѣтила Ефимьева.

Михаилъ Павловичъ пошелъ на встрѣчу племяннику; за нимъ и Татьяна.

— Съ новорожденной, дядя! Поздравляю, Таничка! крикнулъ Валеріанъ съ лѣстницы.

Дядя съ племянникомъ обнялись; послѣдній поцѣловалъ руку кузины.

— За фрукты благодарю!

— Зинаида Александровна, давно-ли пожаловали? пожавъ ей руку, спросилъ молодой человѣкъ.

— Вчера вечеромъ.

Вальховцевъ перездоровался со всѣми.

— Ну, племянничекъ, весело сказалъ Кареловъ,—и обѣдъ-же сдѣлалъ намъ по барски!

— Да, Валерьянъ Николаичъ,—вполнѣ аристократическій! добавила Голубцова.

— Очень радъ, что угодилъ, а еще болѣе радъ, что почти всѣ пожаловали.

— Пойдемте въ кабинетъ Тани или въ гостиную, а здѣсь сейчасъ завтракъ подадутъ, скомандовала Анна Васильевна.

Послѣ завтрака, Михаилъ Павловичъ пошелъ въ поле, гдѣ кончали сѣнокосъ, а Валерьянъ и дѣвицы перешли въ кабинетъ; Ефимьева хлопотала по хозяйству.

— Отчего Ольги Петровны я здѣсь не вижу? спросилъ Вальховцевъ.

— Она, вскорѣ послѣ вашего обѣда, уѣхала въ подмо-сковную, къ теткѣ, отвѣтила Зинаида.

— Надолго?

— На мѣсяцъ кажется.

— Вамъ очень жаль, что ее здѣсь нѣтъ? улыбнулся молодой человѣкъ.

— Если-бы я была любительницей репримандъ—то конечно-бы сожалѣла!

— А такъ какъ вы реприманды не любите—слѣдовательно вы рады ея отсутствію?

— Выходить что такъ!—А что подарилъ тебѣ, Таня, отецъ?

— Четвертную, какъ говорятъ мужики.

— Счастливица! А мнѣ только три или пять рублей даютъ!—наивно пожаловалась Голубцова.—И берегу-же ихъ!

— Папа мой не скупъ, похвасталась Таня:—ни на что отказа нѣтъ!

— Неужели? А у насъ зачастую это бываетъ! И вѣдь не отецъ скупится, а татап, съ сожалѣніемъ высказалась Зинаида.

— Зина, Валя, пойдемте „по грибы“ въ „Олешняки“—тамъ всегда есть боровики.

— Съ удовольствіемъ! согласились оба.

— Такъ я корзинки изъ кладовой достану, а вы ждите меня на крыльцѣ, сказала Таня, уходя.

— Вы ночуете здѣсь? спросилъ, помолчавъ, Валеріанъ.

— Да; завтра только утромъ пріѣдутъ за мной... А вы сегодня и въ Янкино?

— Сегодня въ городъ, а завтра, послѣ доклада губернатору, домой.

— Къ намъ не заѣдете?

— Да что-же мнѣ дѣлать въ Марфинѣ, когда васъ тамъ не будетъ?

Зинаида слегка зардѣлась.

— Пріѣзжайте къ семи часамъ—я дома буду, склонивъ

голову, вполголоса сказала она.—Приѣдете? послѣ паузы, спросила дѣвушка.

— А папа дома?

— Въ уѣздѣ... вернется только двадцатаго.

— Что-же вы нейдете: корзинки готовы, крикнула снизу Татьяна.

— Летимъ! отвѣтилъ Валеріанъ.—Приѣду! шепнулъ онъ Зинаидѣ, спускавшейся съ лѣстницы.

Послѣ обѣда, Михаилъ Павловичъ увелъ племянника къ себѣ въ кабинетъ, пить кофе...

— Ты прости, что я отвлекъ тебя отъ барышень, но посиди хоть немножко со мной, поболтаемъ... Скажу тебѣ откровенно, что мнѣ всегда пріятно говорить съ тобой... У насъ въ К. на счетъ дѣльныхъ разговоровъ куда какъ бѣдно!.. Скажи пожалуйста, какъ смотришь ты на будущихъ мировыхъ судей?

— Мысль, по моему, хорошая и желательная, но при условіи, чтобы судьями были люди безусловно честные, съ любовію относящіеся къ дѣлу, съ чистой совѣстью... А много-ли ихъ, дядя? Да еще вопросъ: кого выберутъ? Пойдутъ интриги, „ну какъ не порадѣтъ родному человѣку“ и проч. Вотъ въ чемъ бѣда!

— Ты правъ; это палка о двухъ концахъ! И не лежитъ у меня сердце къ этой реформѣ!

— Потомъ вотъ еще что: положимъ выберутъ хорошаго, во всѣхъ отношеніяхъ, судью: дѣльнаго, справедливаго, безпристрастнаго... Не будетъ онъ уступчивъ для лицъ вліятельныхъ, станетъ оправдывать неправильно обвиненнаго мужика и карать популярнаго мерзавца—его на первыхъ-же выборахъ забаллотируютъ и на его мѣсто выберутъ человѣка *обязаннаго* тѣмъ, кто его выбралъ. И чѣмъ дальше—тѣмъ хуже будетъ!—Я, дядя, можетъ-быть и неопытенъ и взгляды мои—молодые,—но не поклонникъ я выборной системы: при ней случайность чаще, чѣмъ при назначеніи.

— А ты пошелъ бы въ судьи?

— Нѣтъ; я доволенъ своею должностію, въ особенности при такомъ губернаторѣ какъ Бронецкій: это—личность и умная и добрая!

— Правда. А ты знаешь: онъ очень расположенъ къ тебѣ... Мнѣ и то нѣсколько разъ хвалилъ тебя!

— Спасибо ему!.. При такомъ губернаторѣ и служить полдѣла!

— Онъ говорилъ, продолжалъ Кареловъ,—что „удивляется, какъ гвардеецъ, хотя и академистъ, такъ скоро усвоилъ административное дѣло и такъ хорошо схватываетъ суть разбираемыхъ на сѣздахъ дѣлъ! Я всегда прочитываю, отъ доски до доски, его мѣсячные доклады и искренно радъ, что мнѣ прислали такого дѣятеля!“.

— Дай только Господи, чтобы Константинъ Александрычъ подольше пробылъ у насъ!

— Пока старики еще живутъ, пока нить связывавшая помѣщика съ крестьяниномъ еще не совсѣмъ порвалась—мировой судъ будетъ работать честно; но я боюсь за будущее: вотрутся интеллигенты, понятія не имѣющіе о деревенской жизни и ея обычаяхъ, выскочки, которые будутъ работать только для себя и т. п., чуждые народу личности—и хорошо задуманная мысль будетъ исковеркана!

— Тогда, надо надѣяться, что неудавшуюся реформу—и по шапкѣ!

— Да нельзя-же, Валерьянъ, постоянно мѣнять реформы: кромѣ того, что это денегъ стоитъ—оно дурно вліяетъ на населеніе!

— Что-же дѣлать, дядя: всѣ люди человѣки! разсмѣялся Вальховцевъ.

Въ то время когда, послѣ ужина, Валеріанъ подѣвжалъ уже къ городу,—вотъ что происходило въ спальнѣ Татьяны: Зинаида, въ юбкѣ и кофтѣ, съ распущенной золотистой косой, сидѣла на кровати, а Татьяна, тоже раздѣтая, на колѣняхъ молилась передъ кіотомъ, часто крестилась и клала земные поклоны. Въ комнатѣ было тихо; передъ кіотомъ горѣла лампада и, отъ вздрагиванія ея нагорѣвшей свѣтильни, колебались по стѣнамъ прозрачныя тѣни.

— Ну, будетъ Таня, нетерпѣливо стуча объ полъ носкомъ ботинка, сказала Голубцова:—замолилась! Поболтаемъ лучше...

Карелова перекрестилась и подошла къ ней.

— Прощай Зина: мнѣ спать хочется.

- Да ты здорова-ли: блѣдная такая...
- Голова болить:
- Ну ложись... Въ постели поговоримъ...
- Дѣвицы улеглись.
- Таня! начала Зинаида.
- Что?

— А вѣдь Вальховцевъ—хорошенькій!

Карелова промолчала.

— И какъ себя держитъ мило... сейчасъ видно, что столичный, не чета нашимъ кавалерамъ... Таня, душечка! вскочила вдругъ Зинаида и подбѣжала къ ней.—Ты мнѣ другъ?

— Ну!

— Скажи мнѣ, милочка... Только смотри, чистую правду скажи... Какъ ты думаешь: нравлюсь я ему?

— Я-то почему знаю?... Да и на что тебѣ это?

— Какая ты глупая: на что... Ужъ если я спрашиваю, —значить мнѣ нужно знать!

— Ты любишь его что-ли?

— Какъ тебѣ сказать... (дѣвушка задумалась). Да, люблю... Онъ такой умный, воспитанный...

— А Васьковъ? съ легкой ироніей, проговорила Карелова.

— Ну что... пустяки! размѣялась Голубцова.

— Однако онъ тебѣ нравился... ты даже не прочь была выйти за него замужъ...

— Нравился! Это очень условная вещь... А что касается замужества—чѣмъ-же я виновата, что нашелся человѣкъ лучше его!

Татьяна слегка пожала плечами, но ничего не сказала.

— Знаешь что, милочка, продолжала Зинаида.—я чувствую, что мнѣ теперь сдѣлалось такъ весело, такъ хорошо —точно вся жизнь моя перевернулась! Всѣ мнѣ такими добрыми кажутся... Ну скажи, приласкалась она къ подругѣ, —нравлюсь я ему?

— Мнѣ онъ ничего не говорилъ.

А какъ тебѣ со стороны кажется?

— Можетъ-быть и нравишься...

— Неужто? И ты не обманываешь меня, нѣтъ? (Зинаида обхватила шею Тани и принялась цѣловать ее)—

Душка! Милочка!.. Ахъ, какъ мнѣ весело! Я готова всю ночь не спать отъ радости!—Послушай Таня: если я выйду за него замужъ—ты у меня должна жить...

— Нѣтъ, сухо отвѣтила Карелова.

— Это почему?

— Потому что не хочу.

— Вздоръ! Я хочу—и будешь жить! Мы тебя заставимъ!

— Да и папа не пуститъ!

— Пустить: онъ тебя любить!

— Да я его и просить не буду; вѣдь я сказала тебѣ что жить у васъ не желаю: дома мнѣ хорошо и лучшаго мнѣ не надо!

Пауза.

— Таня, ты не спишь?

— Что тебѣ?

— Я все думаю, какъ мнѣ весело будетъ: молодой, красивый мужъ... умный, на хорошей дорогѣ, состоятельный... Вотъ завидовать-то стануть всѣ эти К—ія дѣвицы! Madame Вальховцева!.. Чепчикъ здѣсь ужъ я заказывать не буду: тетю Олю попрошу выписать... Лѣтомъ—въ усадьбѣ да еще какой: это дворецъ Янкинской домъ! А садъ, оранжереи... Зимой принимать будемъ, jours—fixes назначимъ—чудо! и дѣвушка захлопала въ ладоши.—Ты что-же молчишь?

— Спать хочу!

— Ну, прощай, коли такъ.

— Прощай.

Зинаида повернулась къ стѣнѣ и вскорѣ заснула, убаюкиваемая мечтами о приданномъ, толпѣ народа при вѣнчаніи и о веселой жизни замужемъ. Таня-же долго еще ворочалась въ постели: лицо ея было блѣдно и грустно, въ глазахъ стояли слезы, губы едва замѣтно шевелились—она молилась...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Князь Анатолій Александровичъ Ветлужскій, уже съ самаго начала осени, поселился въ К. Поселился онъ не добровольно, а былъ высланъ изъ Петербурга за сдѣланный имъ въ театрѣ крупный скандалъ. Князь нигдѣ не служилъ; окончивъ благополучно курсъ въ привилегированномъ заведеніи, съ чиномъ девятого класса, не тщеславный отъ природы, а главное обезпеченный большимъ годовымъ доходомъ, Ветлужскій жилъ въ свое удовольствіе и какъ молодой человѣкъ—женихъ, красивый, свѣтски образованный, онъ былъ вхожъ въ лучшіе дома столицы. Ему было двадцать семь лѣтъ: родители его умерли, родственники разсѣялись по всей Россіи; за то прихлебателей, всевозможныхъ сортовъ, у князя было не мало. И скандаломъ своимъ Ветлужскій былъ обязанъ именно имъ. Добрый, характера мягкаго и слабаго, онъ легко поддавался чужимъ вліяніямъ и этимъ пользовались. Не склонный къ кутежамъ, онъ однако участвовалъ въ нихъ, чтобы не оскорбить отказомъ тѣхъ, кто приглашалъ его на общую пирушку, хотя пирушка эта, въ концѣ концовъ, и ложилась на карманъ Ветлужскаго! Слабый на вино, онъ хмелѣлъ очень скоро и, охмелѣвъ, бывалъ смѣлъ до дерзости. Конечно этому много помогало и убѣжденіе, что такому богатому человѣку, да еще князю, многое позволено и что бояться очень—нечего! Однако убѣжденіе это, въ моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, не оправдалось: отобѣдавъ, съ веселой компаніей, въ одномъ изъ первоклассныхъ ресторановъ, Ветлужскій, на-веселѣ, съ пріятелями отправился въ театръ. Осмотрѣвъ, въ бинокль, ложи бѣль-этажа, онъ въ одной изъ

нихъ замѣтилъ, извѣстную въ столицѣ, молодую красавицу, жену банкира, сидѣвшую одну въ ложѣ. Ветлужскій былъ знакомъ съ нею, хотя и мало. Полупьяные пріятели князя предложили ему пари: „что онъ, князь Ветлужскій, не осмѣлится поцѣловать жену банкира Б. въ ея ложѣ!“—Князь пари принялъ и въ первомъ-же антрактѣ вошелъ въ ложу красавицы, сказалъ нѣсколько словъ, и, обнявъ молодую женщину, поцѣловалъ ее. Скандалъ вышелъ крупный; банкирша упала въ обморокъ, изъ смежныхъ ложъ раздались крики негодованія—и князь немедленно былъ арестованъ; а на утро, съ фельдъегеремъ, отправленъ въ К., подъ надзоръ полиціи. Банкиръ покричалъ, посовался туда и сюда, пригрозилъ, уже уѣхавшему въ ссылку, Ветлужскому дуэлью, но тѣмъ дѣло и кончилось.

Князь, пріѣхавъ въ К. осенью, сдѣлался конечно для общества интереснымъ предметомъ; нанялъ одинъ изъ лучшихъ въ городѣ домовъ, отдѣлалъ его на свой счетъ и зажилъ бариномъ. Часть прислуги привезъ изъ Петербурга, остальныхъ нанялъ въ К. на очень дорогихъ, но строгихъ условіяхъ. Провинціальная жизнь ему понравилась: ухаживаніе за нимъ разныхъ „*pique-assiette*“¹⁾, карточныхъ игроковъ и красивыхъ дамъ—льстило его маленькому тщеславію и въ какіе-нибудь три мѣсяца Ветлужскій до того обжился въ К., что даже серьезно говорилъ о намѣреніи своемъ, если его и простятъ, остаться въ К., приписаться къ мѣстному дворянству, купить домъ и усадьбу, жениться и зажить настоящимъ помѣщикомъ. Изъ всѣхъ этихъ знаменательныхъ словъ—рѣчь о „женитьбѣ“ произвела впечатлѣніе: поднялась цѣлая буря въ домахъ, гдѣ имѣлись барышники-невѣсты, и погоня за завиднымъ женихомъ, не только богатымъ, но и титулованнымъ, установилась.

Около полудня. Хотя князь въ половину и одѣтъ, но лежитъ еще, въ элегантномъ халатѣ, на кушеткѣ въ уборной, курить и вспоминаетъ вчерашній вечеръ у Голубцовыхъ.—„Какая однако красotka эта Зина! Сколько въ ней жизни!.. А глаза такъ и горятъ! Только вчера я разобралъ ее какъ слѣдуетъ... Держитъ она себя совсѣмъ не провинціально... Не мудрено, что ее считаютъ здѣсь первой барышней: такую красоточку и въ Петербургѣ замѣтятъ! (онъ бросилъ папиросу).—Но мамаша: это что-то такое невозможно-

¹⁾ Приживалка, блюдолизъ.

«скучное! А папаша, хотя и помѣщикъ и родовитый дворянинъ,—совершенный квартальный и должно-быть скупердай; это я отъ Ефимьева узнаю... Какъ онъ вчера радъ былъ, что выигралъ съ меня двадцать рублей!.. Эка благодать, подумаешь!.. А скучная эта игра—пикетъ... Если-бы не Зиночка, не сталъ-бы я сидѣть два часа за картами... (Пауза).—А мнѣ кажется, что дѣвочка не совсѣмъ-то равнодушна ко мнѣ, улыбнулся Ветлужскій:—у нея вчера очень подозрительныя искорки мелькали въ глазахъ, когда она вскидывала ихъ на меня!.. Ну что-жъ: я не прочь... съ такой красоточкой пофлиртовать куда какъ пріятно!.. Вотъ только тутъ Вальховцевъ замѣшался!—Ты что, Матвѣй?» обратился князь къ вошедшему камердинеру.

— Что изволите надѣть, ваше сіятельство?

— Темно-сѣрый костюмъ... Скажи кучеру, что я выѣду въ два часа.—Есть тамъ кто-нибудь?

— Никого еще нѣтъ.

— Какъ только пріѣдетъ Ефимьевъ—проведи его въ кабинетъ... Завтракъ подавать ровно въ полдень, никого не ждать... Скажи дворецкому...—Какое сегодня число?

— Девятое января, ваше сіятельство.

— Да вотъ что, Матвѣй: ты навелъ справки о той горбатой старушкѣ, что на-дняхъ ко мнѣ приходила?

— Это, ваше сіятельство, на счетъ богадѣльни?

— Да, маленькая такая, все плакала.

— Она самая и есть; навелъ, ваше сіятельство: бѣдность страшная, старуха совсѣмъ больная, кормить ее некому... Одинъ внукъ—да и то въ канавахъ валяется!.. Далъ ей за даромъ уголь—мѣщанинъ тутъ есть, углы сдаетъ, а ужъ насчетъ пропитанія—что подадутъ, то и ѣшь; а ужъ извѣстно что: хлѣбъ завалившійся да вода! Какъ еще старуха ноги волочить! Вы, ваше сіятельство, полицмейстру-бы сказать изволили: онъ можетъ устроить.

— Да что онъ не ѣдетъ до сихъ поръ... Губернаторъ вѣрно задержалъ...—Вотъ не онъ-ли... звонять...

Матвѣй пошелъ въ кабинетъ и въ дверяхъ столкнулся съ Ефимьевымъ.

— А, Петръ Васильевичъ, милости просимъ! спускаясь съ кушетки, весело встрѣтилъ его Ветлужскій.

— Вы развѣ не выйдете къ завтраку? спросилъ Петя, здороваясь.

— А кто тамъ есть?

— Васьковъ, Мячиковъ.

— А полицмейстера нѣтъ?

— Нѣтъ еще.

— Вотъ что, Петръ Васильичъ: садитесь завтракать, а про меня скажите, что у меня мигрень и я извиняюсь; а когда они уѣдутъ—зайдите ко мнѣ и, если будетъ полицмейстеръ—тащите его съ собой.

— Такъ я иду...

— Идите и постарайтесь, чтобы завтракъ пораньше кончился: мнѣ надо переговорить съ вами... Да! А когда Вальховцевъ вернется изъ Петербурга?

— Въ двадцатыхъ числахъ; къ съѣзду, думаю, непременно пріѣдетъ... Впрочемъ, если и опоздаетъ, губернаторъ даже замѣчанія ему не сдѣластъ!

— Что-же, онъ съ губернаторомъ хорошъ?

— Очень! Бронецкій не только его любить, но и уважаетъ и безусловно ему вѣрить! Валеріанъ одинъ изъ самыхъ близкихъ ему лицъ!

— Благодаря протекціи дядюшекъ!

— Нисколько! Валерьянъ самъ, своей персоной, пріобрѣлъ довѣріе губернатора.

— Ну, идите завтракать и потомъ возвращайтесь ко мнѣ.

— Вотъ о чемъ я хотѣлъ интимно поговорить съ вами, началъ Ветлужскій, когда Ефимьевъ вернулся изъ столовой:—вы, какъ здѣшній уроженецъ и членъ общества, должны хорошо его знать, въ особенности молодыхъ дѣвушекъ. Прошу васъ, если это возможно, сообщить мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія...

— О дѣвушкахъ? улыбнулся Петя.

— Хотя-бы и о нихъ!

Ходившій по комнатѣ Ефимьевъ остановился передъ нимъ:

— И специально о Зинаидѣ Александровнѣ Голубцовой, не такъ-ли? покачиваясь и заложивъ руки за спину, весело спросилъ молодой человѣкъ.

— Почему вы это думаете?

— О, Господи помилуй! Да неужели вы полагаете, князь, что ухаживанія ваши никто не замѣчаетъ? Провинціалы—тонкіе наблюдатели, въ особенности женскій полъ!—Ну-съ, что прикажете, ваше сіятельство? Отвѣчать я буду на всѣ ваши вопросы, и на первыхъ-же порахъ, смѣю увѣрить, что все говоренное здѣсь—здѣсь и останется!

— Въ этомъ я не сомнѣвался...—Что такое m-lle Голубцова? послѣ небольшой паузы, спросилъ Ветлужскій.

Ефимьевъ сѣлъ на кресло и разсмѣялся.

— Дѣвушка двадцати лѣтъ, красивая, прекрасно сложена, умна, добра, хотя иногда вспыльчива, съ твердымъ характеромъ. Кого полюбитъ серьезно—тому ужъ не измѣнить!

— Бѣдный я! Значить, мнѣ нечего и надѣяться на ея благосклонность?

— Это почему?

— А Вальховцевъ?

— Флиртъ и больше ничего!

— Хорошо если-бы такъ...

— Неужели, князь, вы до сихъ поръ не знаете привычку дѣвушекъ: прежде всего флиртовать, а потомъ уже дѣйствовать серьезно?

— Почему-же вы думаете, Петръ Васильичъ, что флиртъ m-lle Голубцовой съ Вальховцевымъ не перейдетъ въ серьезное?

„Холодныя наблюденія“ привели меня къ увѣренности, что тутъ не можетъ выйти ничего серьезнаго: Вальховцевъ жениться не собирается, а Зинаида Александровна видитъ въ немъ пріятнаго собесѣдника—и только.

— Хорошо-бы вашими устами медъ пить!

— Пейте смѣло! разсмѣялся Петя.

— А какъ вамъ кажется, началъ было послѣ паузы и остановился князь.

— Что?

— А она—не холодная дѣвушка? нерѣшительно добавилъ Ветлужскій.

— Возбудить страсть—дѣло мужчины... Оживить какую-нибудь куклу—конечно трудно, но и страстную дѣвушку можно обратить въ куклу своимъ поведеніемъ!

— У Зинаиды Александровны глаза чудные!

- Д-да: говорятъ! улыбнулся Ефимьевъ.
- Господинъ полицмейстеръ! доложилъ камердинеръ.
- Проси!

II.

— Алексѣй Александровичъ, не обезпкою я васъ? спросилъ Ефимьевъ, входя въ кабинетъ Молчанова;—я утромъ былъ у Ветлужскаго и, послѣ этого визита, у меня зародилась мысль, которую я спѣшу сообщить вамъ... Вы очень любите Валерьяна?

— Очень; и какъ двоюроднаго брата и какъ хорошаго знакомаго. Въ чемъ дѣло?

Молчановъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ; лампа освѣщала развернутое толстое дѣло. Петя, поздоровавшись, сѣлъ сбоку письменнаго стола.

— Я вижу вы заняты и потому задержу васъ максимум на четверть часа... Вы замѣтили, что Валерьянъ врѣзался въ Голубцова?

— Ужъ и врѣзался! Немножко преувеличили, хладнокровно замѣтилъ Молчановъ, стряхивая пепель съ папиросы: —я даже думаю, что Валерьянъ и не увлеченъ ею, а только флиртуетъ: и потому, что, какъ кажется, у него до сихъ поръ не было серьезнаго романа и потому, что ему хочется обзавестись женой для того, чтобы открыть приличный дворянскій домъ. Согласитесь: Валерьянъ—не карьеристъ, не будетъ гоняться за орденами; онъ—радушный хозяинъ и любить угостить милыхъ ему людей, по старинному. Обращикъ этого—обѣдъ въ Янкинѣ... А для такой жизни Голубцова—дѣвушка подходящая.

— А характеръ ея вамъ нравится? Не находите ли вы, что натура ея—холодная, что Голубцова неспособна отдаться любимому человѣку полностью, что у этой дѣвушки не любовь первенствуетъ, а обстановка намѣченнаго ею человѣка, его общественное положеніе, обезпеченность, а ужъ потомъ его нравственные качества.

Молчановъ потушилъ папиросу и, съ удивленіемъ, вслушивался въ слова Ефимьева.

— Петръ Васильичъ! Вы очень должно-быть любите Валерьяна?

— А вы не ожидали этого? улыбнулся молодой человекъ.

— Не ожидалъ! То, что вы теперь говорите—какая-то подспудная сила, скрытая любовь къ Валерьяну, только теперь вырвавшаяся на волю!.. Вы—добрый человекъ! протянулъ ему руку Алексѣй Александровичъ.

— Спасибо!.. Такъ вотъ въ чемъ дѣло: я считаю бракъ Валерьяна съ Голубцовой—неподходящимъ для перваго... Вспомните, какъ быстро порвала она отношенія къ Васькову, а отношенія были такія, что въ городѣ вездѣ говорили, что Голубцова уже невѣста Васькова, но еще не объявленная! А почему Зинаида Александровна сразу оборвала эту связь? Потому что Васьковъ оказался бѣднякомъ, ничего кромѣ жалованья не имѣющимъ! Сватая его, Никольцева изъ жалкаго приселка сдѣлала чуть не богатую усадьбу, изъ тысячи рублей, лежащихъ въ ссудо-сберегательной кассѣ, придумала капиталъ въ десять тысячъ, будто-бы хранящійся въ московскомъ банкѣ. Такъ будетъ и съ Валерьяномъ: явится человекъ побогаче его, да можетъ-быть еще и титулованный, —и m-lle Голубцова перекинется къ этому господину, а Валерьяна выброситъ за бортъ! Зинаида Александровна раскинула уже сѣти, съ приманкой, князю Ветлужскому и онъ все болѣе и болѣе ползетъ къ нимъ!.. Не найдете-ли вы, Алексѣй Александровичъ, нужнымъ, для спасенія нашего общаго друга, способствовать князю въ его зародившемся желаніи и обженить его съ дѣвицей Голубцовой?

Молчановъ расхохотался.

— Знаете что, Петръ Васильевичъ, сегодня вы совсѣмъ не тотъ Ефимьевъ, котораго я знаю: любовь ваша къ Валерьяну, вылившаяся въ только что сказанныхъ вами словахъ, ярко освѣтила вашу духовную сторону и мнѣ остается только крѣпко обнять васъ и поздравить съ присущей вамъ добротой!

Молчановъ всталъ съ кресла и обнялъ Ефимьева.

— Благодарю васъ... Вы кажетесь вообще человекомъ холоднымъ, строгимъ, но душа ваша лучше моей!

Небольшая пауза.

— Ну хорошо... какая-же у васъ мысль? спросилъ Алексѣй Александровичъ.

— А вотъ какая: князя обольщать m-lle Зинаидой, ри-

суя ее чуть не богиней, а Валерьяна, всѣми средствами, отводить от нея. Согласны вы?

— Согласенъ.

— Значить, вы сознаете, что бракъ нашего друга съ Голубцовой—гибель для него?

— Сознаю; иначе не согласился-бы съ вами!

— Валерьянъ—человѣкъ не дюжинный... и теперешняя его поѣздка въ Петербургъ подтверждаетъ это.

— Кстати: зачѣмъ онъ поѣхалъ?

— Великій секретъ... и если вы Алексѣй Александрычъ, проговоритесь кому-нибудь—вы разсорите насъ съ Валерьяномъ... Помните, что кромѣ меня никто ничего не знаетъ... Да и я узналъ случайно.

— Въ городѣ одни говорятъ, что Валерьянъ получаетъ повышение по службѣ, другіе, позлѣе, что будто-бы прежняя его „мамошка“ затѣваетъ противъ него дѣло и т. п. А на счетъ секрета—будьте покойны: я—могила!—Какимъ-же образомъ вы узнали?

— Лакей Валерьяна, Андрей сообщилъ мнѣ, что „баринъ“ получилъ изъ Петербурга заказное письмо, женскаго почерка, прочиталъ и горько такъ сказалъ: „О, бѣдная!“; я тутъ за нимъ стоялъ... Андрей! приказалъ баринъ,—завтра я ѣду въ Петербургъ; приготовь все нужное на три недѣли... Спрашивать стануть—всѣмъ говори, что меня вызвали по спѣшному дѣлу и что къ двадцать пятому января я вернусь“.

— И что же вы изъ этого заключили?

— Вызываетъ его Маня, съ которой онъ всегда былъ друженъ; на это наводятъ меня слова: „о, бѣдная!“ и случайный разговоръ въ ресторанѣ съ полупьянымъ полякомъ Зелинскимъ, проговорившимся, что друзья его, Кржитскій и Кустодіевъ, предчувствуя арестъ, немедленно удрали въ Америку.

— Ваши предположенія, можетъ-быть, и справедливы; а если это такъ—поступокъ Валерьяна прекрасный!

— Такъ будемъ дѣйствовать?

— Съ удовольствіемъ!

— Ну, и прощайте... Я уже подпустилъ князю нѣсколько брандеровъ...

— Пушу и я! разсмѣялся Молчановъ.

И они разстались.

III.

Одиннадцать часовъ утра. Елизавета Петровна Голубцова, въ утреннемъ костюмѣ, пьетъ чай въ столовой; входитъ, вполне причесанная и одѣтая Зинаида и здоровается съ матерью.

— Ну что, растягивая слова, спрашиваетъ она,—довольна баломъ?

— Для меня—очень былъ хорошъ, но вообще я ожидала лучшаго, принимая чашку чая, отвѣтила дѣвушка:—кавалеровъ было мало и какъ-то неоживленно...

— Кто дирижироваль?

— Конечно Васьковъ! небрежно отвѣтила Зинаида;—пора-бы уступить мѣсто кому-нибудь другому!

— А какъ съ тобой князь?

— Очень милъ и любезенъ. Я танцевала съ нимъ три кадрили изъ шести, мазурку и всѣ маленькіе танцы. Онъ очень хорошо танцуетъ, по моему даже лучше Вальховцева...

— Напрасно ты такъ открыто позволяешь ему ухаживать...

— Что-жъ такое? Пусть глядятъ и злятся! разсмѣялась дѣвушка.

— А какъ все это флиртомъ однимъ кончится?

— Не думаю: его сіятельство слишкомъ серьезно ухаживаетъ! Да я, маман, вѣдь не дѣвочка, чтобы выпустить изъ рукъ такого сокола! Князей немного и быть княгиней мнѣ очень хочется!

— Дай Богъ! протянула Голубцова;—а вотъ какъ съ Вальховцевымъ ты раздѣлаешься?

— А такъ-же какъ съ Васьковымъ! разсмѣялась Зинаида;—съ Валерьяномъ еще легче: онъ самолюбивъ, порядоченъ и не будетъ, какъ Васьковъ, благовѣстить, что я—дѣвушка невоспитанная, жадная и прочее... Да мнѣ, маман, рѣшительно все равно, что про меня скажутъ! Мнѣ надо выйти замужъ за Ветлужскато—и я выйду!

— Дай Богъ! повторила свою фразу Голубцова;—ты отчего рано одѣлась, князя ожидаешь?

— Да; онъ хотѣлъ заѣхать въ часъ... Вы его, маман, оставьте завтракать...

— Такъ закажи что-нибудь получше... А вино какое онъ пьетъ?

— Вчера онъ пилъ хересъ и шампанское „oeil de perdrix“, красноватое... Ужинали мы „en partie carrée“: ¹⁾ я, князь, Молчановъ и Горская... Ужинъ былъ тонкій... Ветлужскій—разскащикъ и все время насъ смѣшилъ.

— А тетка Ольга Петровна съ кѣмъ ужинала?

— Втерлась въ губернаторскій столъ; около нея справа сидѣлъ вице-губернаторъ, съ лѣвой Вальховцева; возлѣ Ольги Николаевны—Бронецкій.

— Я знаешь, Зина, понять не могу: во все лѣто, до прїѣзда князя, ты восхищалась Валерьяномъ, рассказывала мнѣ чудеса про его усадьбу, гостепрїимство, аристократизмъ—и вдругъ все это исчезло какъ дымъ?... Я говорю „исчезло“ потому, что предпочтеніе князю ты уже дала до отъѣзда Вальховцева въ Петербургъ и въ недалекомъ будущемъ Валерьянъ получитъ абшидь!

Зинанда разсмѣялась.

— Что же тутъ такое непонятное? Выходить, что увлеченіе мое было недостаточно прочное, если я могла промѣнять Валерьяна на князя, а кромѣ того положеніе Ветлужскаго перевѣсило положеніе Вальховцева. Согласитесь, маман, что быть княгиней куда лучше, чѣмъ простой дворянкой, хотя-бы и шестой книги, и что милліонное состояніе гораздо привлекательнѣе стотысячнаго!

— Ужъ и барышни нынѣшнія! вздохнула Голубцова; —въ двадцать лѣтъ разсуждаютъ такъ, какъ въ наше время говорили развѣ сорокалѣтнія мамы!

— А въ шестнадцатомъ столѣтіи, маман, положеніе невѣстъ было еще хуже: жениховъ выбирали папаша и мамы и свою суженую женихъ узнавалъ только послѣ свадьбы, снимая фату съ ея лица! расхохоталась Зинанда; —не особенно прїятно было и жениху!

— Я не про это говорю: у нынѣшнихъ барышень уже въ двадцать лѣтъ развивается не любовь къ понравившемуся человѣку, а расчетъ, и надо отдать справедливость, весьма тонкій!

— Но вы не думайте, маман, послѣ небольшой паузы, продолжала дѣвушка, что я буду броскировать Валерьяна

¹⁾ Въ четверомъ.

—нѣтъ... я исподволь ослаблю наши отношенія; иной разъ буду даже давать предпочтеніе Вальховцеву передъ княземъ, чтобы раздражить послѣдняго! Очень кстати зоветъ меня въ Петербургъ тетка, повеселиться! Во-первыхъ это неожиданность для князя, а во-вторыхъ—„рѣже выдаешься—милѣе становишься!“—разсмѣялась Зинаида.

— Откуда у тебя эти тривьяльности? пожала плечами Елизавета Петровна;— Я совсѣмъ не узнаю тебя... Въ какой дѣвичьей наслушалась ты подобныхъ мерзостей?

— Дѣло не въ томъ, татап, гдѣ я это слышала, а въ томъ, что пословица эта—чистая правда. Три недѣли, которыя я проведу вдали отъ князя, и въ самое веселое время, —вѣроятно взбудоражатъ Ветлужскаго, можетъ быть и помучать его немножко, и свиданіе наше, по моемъ пріѣздѣ, еще болѣе подвинетъ впередъ ухаживаніе князя!

— Все обдуманно, рассчитано... Да, Зинаида, далеко ушли нынѣшнія дѣвицы!—Налить тебѣ чаю? вяло спросила Голубцова.

— Позвольте.

— А съ Васьковымъ какъ ты?

— На холодкѣ конечно; но это не мѣшаетъ намъ говорить другъ съ другомъ, танцовать вмѣстѣ и даже любезничать! Мнѣ говорили, что Васьковъ до того озлобился, что хотѣлъ вызвать Валерьяна на дуэль, изъ-за меня!

— Однако не вызвалъ! усмѣхнулась Голубцова;—Какой онъ воитель: онъ, я думаю, побоится взять пистолетъ въ руки!

Прошло нѣсколько минутъ; мать и дочь занялись чаепитіемъ.

— А знаете, татап, разсмѣялась вдругъ Зинаида,—кто соперничаетъ со мной въ отношеніяхъ съ княземъ?

— Кто?

— Да вы не повѣрите! Ваша сестрица, а моя тетушка, Ольга Петровна!

— Не говори глупостей.

— Это не глупость, а результатъ наблюденій.

— Наблюденія твои—вздоръ! Ты вѣроятно повторяешь чужія измышленія, забывая, что она тебѣ тетка.

— А если тетка—то и держись какъ тетка: не вступай, въ ея года, въ состязаніе съ молодой племянницей!

И, поцѣловавъ руку матери, дѣвушка вышла изъ столовой.

— Отдохнули, Зинаида Александровна, послѣ вчерашняго вечера? спросилъ Ветлужскій, цѣлуя ея руку и усаживаясь въ кресло, возлѣ дивана, на которомъ сидѣла дѣвушка.

— Вчерашній вечеръ былъ настолько оживленъ, а ужинъ веселъ, благодаря вашему умѣнію разнообразить разговоръ, что не можетъ быть и рѣчи объ утомленіи! У васъ, князь, просто талантъ... вы — замѣчательный рассказчикъ!

— Ужъ и замѣчательный! скромно отвѣтилъ польщенный гость;— Не поставите-ли вы меня на одну доску съ извѣстнымъ О.?

— Этого я не сдѣлаю: рассказчикъ на сценѣ и рассказчикъ en petit—comite ¹⁾ таланты разные, потому что требованія не одинаковы: свѣтскій рассказъ долженъ быть болѣе мягокъ, юморъ его—болѣе порядоченъ, чѣмъ театральный...

— А папа ваша здорова? послѣ паузы спросилъ Ветлужскій.

— Mercі; она сейчасъ явится: изъ усадьбы пріѣхалъ староста и папа провѣряетъ съ нимъ счета и обсуживаетъ нѣкоторыя хозяйственныя мелочи, улыбнулась Зинаида;—папа некогда... онъ постоянно въ разъѣздахъ.

— Очень хочется мнѣ купить хорошую усадьбу и сдѣлаться здѣшнимъ помѣщикомъ... Не знаете-ли вы, Зинаида Александровна, какой-нибудь продающейся усадьбы? Теперь, говорятъ, послѣ эмансипаціи, много продается усадьбъ и не дорого.

— На сколько я слышала, продавцы есть, но только плохихъ усадьбъ; хорошія-же не продаются. Папа говорилъ, что мелкія усадьбы продаются потому, что у владѣльцевъ нѣтъ денегъ для веденія новаго хозяйства, помѣщики-же съ капиталомъ усадьбы не продаютъ, а улучшаютъ свое хозяйство.

-- А вы любите деревенскую жизнь?

— Очень!.. Лѣтомъ конечно... Зиму проводить въ усадьбѣ я-бы не желала, хотя наше „Марфино“ всего въ семи верстахъ отъ города.

¹⁾ Въ дружескомъ кружкѣ.

— Въ вашемъ районѣ, я слышалъ много усадьбъ, и старинныхъ... А какая считается лучшей?

— C'est selon... ¹⁾ въ какомъ отношеніи. По доходности?

— Для меня доходность стоитъ на второмъ планѣ... Нѣтъ, относительно дома, построекъ, сада... Ну, конечно и мѣстоположенія.

— Такихъ у насъ нѣсколько, но по моему лучше всѣхъ „Янкино“—Валерьяна Николаича Вальховцева.

— Вы были тамъ?

— Въ іюнѣ; насъ, приглашенныхъ, было двадцать человѣкъ. Обѣдъ былъ прекрасный, масса фруктовъ, хозяинъ гостепріимный... Къ тому же и день былъ чудный!

— Какъ вы это запомнили! улыбнулся Ветлужскій.

— Нельзя не запомнить: такіе обѣды рѣдки по своей простотѣ и прекрасному подбору гостей... Это не я одна замѣтила, а всѣ вѣдившіе въ „Янкино“.

Помолчали; съ позволенія дѣвушки князь закурилъ папиросу.

— Говорятъ, что съ будущей недѣли начнутся танцевальные вечера у многихъ, а на масляницѣ женскій дворянскій клубъ даетъ настоящій балъ.

— Увѣрена, что балъ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный: предсѣдательница клуба, Ольга Николаевна Вальховцева, сдумѣетъ оживить его: жалѣю, что лишена буду удовольствія быть на немъ.

— Почему? удивился князь.

— Сегодня я получила, отъ своей крестной матери, приглашеніе пріѣхать къ ней въ Петербургъ погостить и повеселиться.

— Такъ вы все это веселое время проведете въ Петербургъ?

— Да; теткѣ отказать нельзя: она всегда была ко мнѣ ласкова.

— Однако это очень печальная новость для вашихъ поклонниковъ!

— Не думаю; у насъ въ К. и безъ меня много дѣвицъ, и лучше меня танцующихъ и болѣе свѣтскихъ.

— А вамъ очень хочется совершить эту поѣздку?

— Еще-бы! Тетка свозитъ меня въ театры, на нѣкото-

¹⁾ Смотря по обстоятельствамъ.

рые вечера... Она—богатая, нестарая, бездѣтная вдова и очень любить веселиться; а мнѣ это и на руку! разсмѣялась Зинаида.

— Когда-же думаете вы покинуть насъ?

— Въ концѣ мѣсяца, не позже.

Вошла Елизавета Петровна, поздоровалась съ Ветлужскимъ и пригласила его въ столовую, завтракать.

IV.

Представившись губернатору, тотчасъ по приѣздѣ изъ Петербурга, за три дня до открытія сѣзда въ К., Валеріанъ, переодѣвшись, отправился къ дядѣ Александру Семеновичу. Не заходя въ гостиную, Валеріанъ прямо прошелъ въ кабинетъ. Александръ Семеновичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и что-то писалъ; увидя племянника онъ всталъ и пошелъ ему навстрѣчу:

— Когда приѣхалъ? обнявъ его, спросилъ онъ.

— Три часа назадъ... Дядя, позвольте мнѣ просить васъ не отворять дверь въ кабинетъ, хотя на полчаса: мнѣ нужно сообщить, и только вамъ, серіозныя свѣдѣнія.

Александръ Семеновичъ позвонилъ: явился лакей.

— Въ продолженіе часа, никого не принимать ко мнѣ и не говорить, что Валерьянъ Николаичъ въ кабинетѣ... Понялъ?

— Точно такъ.

— Запри, Валеринька, дверь на задвижку и говори! немного встревоженный, закурилъ папиросу предводитель.

— Вы повѣрили, дядя, тому, что здѣсь болтали, будто я поѣхалъ въ Петербургъ ввиду предложенія мнѣ повышенія по службѣ?

— Ни на одну секунду! И даже нѣсколько удивился твоей скрытности.

— Скрытность была необходима такъ-же, какъ и выѣздъ мой ранѣе сутокъ; вамъ, дядя, провинціальное любопытство извѣстно, а также и говоръ сплетницъ, всегда фальшивый и злой!

Вальховцевъ утвердительно кивнулъ головой.

— Наканунѣ отъѣзда, я получилъ отчаянное письмо Мани... Вы знаете, въ какихъ дружескихъ отношеніяхъ мы

были всегда; она писала, что Кустодіевъ, вмѣстѣ съ товарищами-революціонерами, удралъ отъ ареста въ Америку, а Маню бросилъ на произволъ судьбы, безъ гроша денегъ, обремененную долгами! Хорошо еще, что хозяйка квартиры — изъ добрыхъ и не выгнала Маню, за неплатежъ, на холодъ и голодъ.

— Постой... *entre nous: rien de sérieux... tu comprends?*¹⁾.

— Rien, mon oncle, Dieu merci!²⁾.

Старикъ перекрестился.

— Маня была въ такомъ положеніи, что только религія спасла ее: квартира убогая, неопрятная, гдѣ-то тамъ на Петербургской сторонѣ,—я въ этой мѣстности и не бывалъ, недалеко отъ каменно-островскихъ дачъ. Скука смертная, недостатки во всемъ... Посѣтители, „новые люди“, челядь какая-то, грубая, всегда полупьяная... На счетъ женитьбы Кустодіевъ весьма скоро объявилъ Манѣ, что брака онъ не признаетъ, а если она хочетъ—живи съ нимъ въ гражданскомъ бракѣ!.. Каковъ! Далъ клятву, здѣсь, жениться на Манѣ тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ—и вотъ результатъ! Впрочемъ бросимъ это, дядя; такихъ подлыхъ людей всегда было довольно и еще больше будетъ!

— Ты привезъ ей денегъ? спросилъ Александръ Семеновичъ.

— Да; но это не интересно... Не могъ же я двоюродную сестру, да еще любимую за ея кротость, бросить на произволъ судьбы? Долги мы заплатили; нѣсколько успокоились... „Что-же ты намѣрена дѣлать?“ спросилъ я Маню. „Свези меня къ теткѣ-игуменьѣ: я рѣшила идти въ монастырь—другого исхода мнѣ нѣтъ! Когда узнала я, что брошена, когда оглянулась и увидѣла безысходность своего положенія—я хотѣла идти на спускъ около Троицкаго моста и броситься въ полынью,—но тутъ я вспомнила, что есть на свѣтѣ Валерьянъ и написала тебѣ“.

— И вы поѣхали въ Т. губернію?

— Мать Анатолія приняла насъ чудно, по-евангельски! Маня рассказывала мнѣ, что такой доброты, такой кротости она и не ожидала! Я конечно не былъ при первомъ свиданіи, но потомъ бывалъ у тетки каждый день. Прежде я

¹⁾ Между нами: ничего серьезнаго... ты понимаешь?

²⁾ Ничего, дядя, благодаря Бога.

зналъ ее поверхностно, но доброй ее всегда считалъ. Маня принята послушницей и мать-игуменья взяла ее къ себѣ. Къ вамъ она напишетъ надняхъ.

Предводитель опустилъ голову и видно было, что слезы стояли у него въ глазахъ. Тяжело было старику-отцу разставаться съ дочерью!

— Валеринька! Не скрывай... скажи мнѣ всю правду (онъ выговорилъ это задыхаясь: видно было, что какое-то новое предчувствіе охватило его)... Обращалась она къ брату?

Валеріанъ помолчалъ немного.

— Обращалась, вяло отвѣтилъ онъ.

— И? тревожно спросилъ Александръ Семеновичъ.

— Не отвѣтилъ. Выждавъ нѣсколько дней, Маня сама пошла къ нему на квартиру; онъ былъ дома. Лакей, доложивъ о ней, вынесъ отвѣтъ „что такой сестры у него нѣтъ, а самозванныхъ онъ обыкновенно велитъ выгонять!“

Старикъ Вальховцевъ сдвинулъ брови, нервно сжалъ руки и отчаянно прошепталъ:

— О Боже мой!

— Дядя, голубчикъ, успокойтесь! подошелъ къ нему Валеріанъ,—Богъ милостивъ!

— Тяжело, мой милый! Дочь я потерялъ, но она не пропадетъ: Господь ее приметъ; а эдакая безсердечность къ родной сестрѣ, только благодаря тебѣ не сдѣлавшейся самоубійцей—ужасна. Итакъ: я и безъ дочери и безъ сына!

И, склонивъ голову, Вальховцевъ заплакалъ.

Прошло нѣсколько минутъ.

— Валерьянъ, благодарю тебя отъ души: обнялъ онъ племянника;—Господь вознаградить тебя! Сколько я тебѣ долженъ?

— Дядя, не время говорить объ этомъ... успокойтесь прежде... Да какъ прикажете: молчать мнѣ?

— Прошу. Я самъ устрою и поговорю съ тобой... Распускай слухъ что ѣздилъ по своимъ дѣламъ.

— А губернатору вы скажете?

— Скажу: это—человѣкъ добрый, честный и никогда не выдастъ... Скажу и брату.

— А если онъ меня спроситъ?

— Я поговорю съ нимъ сегодня-же, а ты къ нему до завтра не ѣзди.—Ахъ, Валеринька, тяжело мнѣ, голубчикъ!

Онъ обнялъ его и склонилъ голову на плечо племянника. Валерьянъ простился и, разстроенный, не заходя къ Софьѣ Алексѣевнѣ, уѣхалъ.

V.

Не спавши всю ночь,—да и какой ужъ сонъ въ кибиткѣ, Валеріанъ, вернувшись отъ дяди, Александра Семеновича, закусилъ, напился чаю и легъ отдохнуть. Около пяти часовъ онъ проснулся и только что сѣлъ обѣдать, какъ раздался звонокъ и Вальховцевъ очутился въ объятіяхъ Пети Ефимьева.

— Хочешь обѣдать? спросилъ Валеріанъ.

— Обѣдать не желаю, а стаканъ красенькаго выпью.

— Ну, садись и рассказывай, что безъ меня было.

Онъ налилъ ему стаканъ „медока“ и приступилъ къ обѣду.

— Что было?... Развозили визиты, пили-ѣли, плясали, въ любовь играли...

— И хорошо играли?

— Надо-быть, что хорошо, коли плясали до упаду, а глазки плясуновъ такъ и сверкали!—А есть у тебя сыръ?

— Андрей, подай сыръ! крикнулъ Вальховцевъ.—А „новаго“ князя часто посѣщаешь?

— И вчера посѣтилъ... Завтраки у него хороши... Отзвоню свое дѣло у губернатора—и къ Ветлужскому... Заморю червячка—до обѣда и сытѣхонекъ!

— А ты знаешь, какъ такихъ посѣтителей именуютъ?

— Знаю: *rique-assiette*!

— Ты не сердись, Петя: я—вѣдь это такъ... сболтнулось... спохватился Валеріанъ.

— Ничего, ваяй! Я—вѣдь не обидчивъ, тѣмъ болѣе если ты это говоришь!

— Надо, милый другъ, жить и пузо удовлетворять, а на шестьсотъ рублей жалованья да 'триста отцовскихъ далеко не уѣдешь!

— А много на завтраки собирается?

— Немного: пять—шесть человекъ—больше пожалуй и не пустать—надоѣдаетъ вѣдь это; князь зачастую къ завтраку и не выходитъ.

— Ну, новости сообщай!

— Да какія новости — все то-же... М-ле Зина прилипаетъ къ „новому“ князю постепенно и, надо отдать ей справедливость, тактично; въ княгини попастьъ хочетъ! Господинъ Вальховцевъ, видите-ли, малъ кажется ей: титула не имѣетъ!

Валеріанъ разсмѣялся, но какъ будто дѣланнымъ смѣхомъ.

— Танцовали вмѣстѣ?

— Недавно балъ въ дворянскомъ собраніи былъ: и плясали и ужинали вмѣстѣ... Совсѣмъ какъ полагается! — Поѣдешь къ Голубцовымъ?

— Завтра-же.

— То-то, торопись: Зинаида Александровна въ Питеръ ѣдетъ... Если ужъ не уѣхала...

— Это зачѣмъ? удивился Вальховцевъ.

— А я почему знаю! Ёдетъ, говорятъ, до поста — веселиться... Тетка будто-бы зоветъ.

— Ты можешь быть жертвуешь истиной для украшенія разсказа?

— Съ чего я врать-то стану?

Валеріанъ призадумался.

— Не хочешь-ли рябчика? разсѣянно спросилъ онъ Ефимьева.

— Кушай самъ, а мнѣ красенькаго плесни.

— А часто Ветлужскій бываетъ у Голубцовыхъ? наливая вино, поинтересовался Вальховцевъ.

— Я-то почему знаю? возвысилъ тонъ Петя. — Право семья эта мало мнѣ симпатична... Обратись къ Молчанову, онъ все знаетъ: на аршинъ въ землю глядитъ! Да и что тебя такъ ужъ м-ле Зина занимаетъ?

— Ничего особенно не занимаетъ; я только хотѣлъ узнать, что безъ меня дѣлалось... Началъ ты разговоръ о Голубцовой — я и продолжаю — вотъ и все! Говори, что еще было; хотя-бы въ служебномъ мірѣ... Были перемѣщенія?

— Самыя незначительныя... Теперь все вниманіе обращено на дешовку... Кипитъ работа въ помѣщичьихъ винокурняхъ и водочныхъ заводахъ. Кабаки ликуютъ, народъ опивается. Да какъ и не опиваться коли, вмѣсто дряннаго откупщичьяго пѣнника, появилась чистая, крѣпкая и де-

шевая водка?— Ахъ, потѣха! вспомнилъ, смѣясь, Ефимьевъ; —Слыхалъ ты о нѣкоей женѣ Воляскаго помѣщика Ляминой? Изрѣдка она бываетъ у Ольги Николаевны, твоей тетки... Та принимаетъ ее какъ шутиху... Вралаха первый сортъ!

— Слыхатъ-слыхалъ, но познакомиться съ ней не пришлось.

— Былъ я на третій день послѣ „Новаго года“, у Петра Семеныча и засталъ у нихъ Лямину; болтовня о разныхъ разностяхъ дошла и до дешовки.—„Ахъ, Боже мой, что эта дешовка, ничего еще не видя, надѣлала: выѣхала я вчера, часа въ два, съ визитами; подъѣзжаю къ Новому мосту — посреди улицы лежитъ пьяный мужикъ и ворчитъ; шапка отброшена, весь заиндевелъ—того и гляди замерзнетъ. Указала полицейскому. Ёду дальше—два лежитъ, а на „толкучкѣ“ уже четыре! Вѣрите-ли вы: сдѣлавъ визиты и возвращаясь домой, я около гимназін, на площади, замѣтила уже цѣлую группу пьяницъ, обнявшихся и грѣющихся, при двѣнадцати градусахъ мороза! Вотъ вамъ и плоды дешовки!—А знакомая моя Анна Максимовна Лодыгина (вралаха высшаго сорта), которую я вчера встрѣтила, сообщила мнѣ что-то невѣроятное: ѣхала она мимо церкви Николая чудотворца—мѣсто тамъ глухое; видитъ: лежитъ на дорогѣ мужикъ, мертвецки пьяный; около него полицейскій: нагнулся надъ нимъ и что-то дѣлаетъ... Мы остановились; смотрю: возлѣ мужика, справа и слѣва лежатъ его руки: отмерзли онѣ и отвалились... Каково? Спрашиваю полицейскаго: что онъ дѣлаетъ?—„А уши ему тру, чтобы проснулся!“ отвѣчаетъ.—Тѣрь—тѣрь—вдругъ мужикъ крикнулъ отъ боли, вскочилъ и, схвативъ свои отмороженные и отброшенные руки, давай колотить полицейскаго,—тотъ, конечно, удивленный, убѣжалъ.

— Ну, Петя, если ты это не самъ выдумалъ, хороши же существуютъ субъекты въ городѣ К.! разсмѣялся Валеріанъ.

— А, каково? Это лучше Хлопова!.. Самъ, Валеринька, самъ слышалъ я это враньё, а то-бы не повѣрилъ! Прелестнѣе всего, что мужикъ схватилъ свои отмороженные и отвалившіяся руки и ими побилъ полицейскаго!

— Изъ „Плоскаго“ никого здѣсь нѣтъ, послѣ паузы, спросилъ Вальховцевъ.

— Дня три назадъ, послѣ вечера женскаго кружка, Кареловъ увезъ Татьяну Михайловну въ усадьбу; она была здѣсь съ недѣлю. Былъ еще базаръ въ дворянскомъ клубѣ; кузина твоя продавала фрукты и шампанское. Ея кіоскъ просто осаждали... Да и дѣйствительно такой продащицы, мягкой въ обращеніи, умѣющей держать себя—поискать между здѣшними барышнями! Конечно, и наружность много значить... Я вѣдь бродилъ вездѣ и многое слышалъ... Очень хвалили Карелову и удивлялись, что она до сихъ поръ не замужемъ...

— Да ей и двадцать-то лѣтъ только недавно минуло.

— Знаю; на этомъ базарѣ, надо правду сказать, кузина твоя одержала верхъ надъ Голубцовой: хотя та такъ же разпродала, какъ и Карелова, весь товаръ, но вѣдь всѣ знаютъ, что три четверти его купилъ Ветлужскій.

— Послѣ базара танцовали?

— Да, до трехъ часовъ.

— И Таня танцовала?

— Голубцовой завладѣлъ князь и потому Татьяну Михайловну осаждали танцоры,—какъ ужъ она до дому добралась! разсмѣялся Ефимьевъ.

— И Башиловъ конечно приставалъ?

— Еще-бы!—Ахъ какой это слизнякъ, этотъ Башиловъ!

— Почему слизнякъ?

— Да знаешь, слизкой такой, все хочеть безъ мыла въ душу влѣзть!

Валеріанъ расхохотался.

— Мѣтко, дѣланный человѣкъ. Ну, да вѣдь Таня—не малолѣтняя... отъ нея зависить ея судьба... Да и откуда ты взялъ, что Башиловъ имѣетъ на Татьяну виды?

— Кажется мнѣ: ужъ очень ухаживаетъ... Да и кусочекъ лакомый: красотка... и съ деньгами!

— Ухаживай, коли охота есть!.. Но не для Башиловыхъ такая дѣвушка!

— Это вѣрно.

— И я увѣренъ, что будь Башиловъ даже миллионеръ—Таня за него не пойдетъ! Не алчная она, не расчетливая.

— Такъ-то такъ, а какъ начать пилить тетюшки да дядюшки—долго-ли сбить съ толку двадцатилѣтнюю дѣвушку, кроткую и послушную!

— У Тани характеръ стойкій, даромъ, что она и кротка и молода.

— Можетъ-быть; да вѣдь когда начнутъ пилить и стойкій характеръ сдастся: надоѣсть!

— Пилить-то некому... Развѣ одна Никольцева. Помолчали.

— Что-же ты мнѣ не скажешь, зачѣмъ въ Питеръ ѣздила?

— Говорилъ вѣдь я тебѣ, что по своимъ дѣламъ... мало-ли какія могутъ быть у меня дѣла!

— Секретъ значить?

— Можетъ быть и секретъ...

— Стыдно, Валерьянъ Николаичъ, скрывать отъ меня: я не болтунъ, не переносчикъ! Наконецъ я настолько люблю тебя, что не по дружески недоувѣрять мнѣ!

— Жалкія пѣсни запѣли! разсмѣялся Валеріанъ.—Экъ вѣдь любопытство-то тебя заѣло!

— Не любопытство, а обида!

— О Боже мой, ужъ и обида! Было-бы изъ-за чего обижаться: дѣло пустое, не интересное, но которое до времени разглашать нельзя.

— Тьфу! вскочивъ со стула, плюнулъ Петя.

— Плюй... сколько захочешь, а все таки ничего не узнаешь! хладнокровно сказалъ Вальховцевъ.

— Прощай! протянулъ ему руку Ефимьевъ.

— До свиданія! усмѣхнулся Валеріанъ и пошелъ его провожать.

„Неужели это правда, что Зина промѣняла меня на Ветлужскаго?.. Не вѣрится.. А можетъ быть: въ послѣднее время я замѣчалъ охлажденіе ко мнѣ... совсѣмъ не тѣ отношенія, что были до пріѣзда князя. Если это такъ, если дѣйствительно ей хочется быть княгиней—то Богъ съ ней, это не жена! Какъ можно сравнить Зину съ кроткой, милой Таней! Та, если полюбитъ—ужъ не измѣнитъ! Слава Богу, что ухаживаніе мое за Зинаидой—не страсть... я чувствую конечно досаду, страдаетъ мое самолюбіе, но это еще не горь-сердце мое молчитъ. Она правилась мнѣ, но поверхностно страсть не охватила меня... Зина не любила меня, а хотѣла „сдѣлать партію“... Явился человѣкъ повыгоднѣе—и я вы-

летѣлъ за борты!.. Прощайте Зинаида Александровна! благодарю васъ за то, что по крайней мѣрѣ вы во время сняли маску!“...

VI.

На другой день, около двухъ часовъ, Вальховцевъ отправился къ Голубцовымъ; ему очень хотѣлось провѣрить все сказанное Ефимьевымъ. Зинаида приняла Валеріана любезно, но онъ сейчасъ-же замѣтилъ что-то особенное въ ея приѣмѣ: не то неловкость, не то нѣкоторое смущеніе.

— Веселились въ Петербургѣ? садясь на диванъ и приглашая гостя занять ближайшее кресло, спросила дѣвушка; — посѣщали театры?

— Я не для веселья ѣздилъ, Зинаида Александровна, а по дѣлу... Вотъ вы, говорятъ, веселились за это время!

— Да, святки прошли весело: вечеръ женскаго кружка, „базаръ“ въ дворянскомъ клубѣ, кой-гдѣ въ домахъ вечеринки... Въ концѣ этого мѣсяца и на масляницѣ предстоитъ много увеселеній и я очень сожалею, что не буду въ нихъ участвовать...

— Вы ѣдете въ Петербургъ, я слышалъ?

— Да; меня зоветъ тетка... Очень жалѣю, Валерьянъ Николаичъ, что на святкахъ мнѣ не пришлось потанцевать съ вами...

— Жалѣю и я, Зинаида Александровна, но рассчитывать на будущее нельзя... Вотъ и теперь: вы уѣзжаете совершенно неожиданно, въ самый разгаръ здѣшняго веселья!

— И не хочется да ѣдешь!

— Да, на нашей планетѣ такъ много переворотовъ подводныхъ камней...

— Вы въ мореходство пускаетесь? разсмѣялась Голубцова.

— Пожалуй! Если принять наши желанія за корабль, попавшій въ полосу волны—сильная волна можетъ очень легко посадить его на камень, который прежде и виденъ не былъ...

— А съ вами бывало это? задорно спросила Зинаида.

— До сихъ поръ нѣтъ; мои желанія—не корабль, а лодочка... Она не разбивается о подводный камень, а, благодаря волнѣ, перелетаетъ черезъ него!

Небольшая пауза.

— Конечно вамъ очень хочется повидать Петербургъ, продолжалъ Вальховцевъ,—который вы видѣли только изъ оконъ институтской кареты, во время объѣздовъ балагановъ, на адмиралтейской площади...

— Представьте: нѣтъ. Я до того привыкла къ провинціи, особенно въ послѣднее время, подчеркнула она,—что меня вовсе не тянетъ въ Петербургъ, но отказать теткѣ и крестной матери—нельзя.—Здѣсь говорятъ, что васъ *вызывали* въ Петербургъ, въ виду предлагаемаго вамъ повышенія...

— Мало-ли что говорятъ, Зинаида Александровна! Когда я пріѣхалъ,—а это было вчера, мнѣ сейчасъ же сообщили, что вы—невѣста, ѣдете въ Петербургъ заказывать приданое! Конечно я этому не повѣрилъ, зная, на сколько провинція легкомысленна и далека отъ истины.

— А вамъ называли фамилію моего жениха? спросила краснѣя, дѣвушка.

— Конечно нѣтъ: это всегдашняя уловка вѣстниковъ. чтобы не попасть въ непріятность! Однако я заговорился, всталъ съ кресла Вальховцевъ;—позвольте пожелать вамъ здоровья и полнаго веселья!

Зинаида подала ему руку, которую молодой человѣкъ только пожалъ.

— Будьте добры передать вашимъ родителямъ мой глубокій поклонъ, добавилъ Валеріанъ, уходя изъ гостиной.

„Флиртъ мой окончательно кончился!“ возвращаясь домой, подумалъ Вальховцевъ;—„и какъ это вышло просто, по салонному; а я-то, глупый человѣкъ, въ поэзію ударился, мечталъ о страстной любви и проч... Думалъ-ли я, что выйдетъ изъ моего ухаживанія простой флиртъ, мечты любви на паутинной нити!—Да, флиртъ; теперь я чувствую... Я не мучусь, не злюсь, мнѣ не жаль, что мечты мои разсѣялись... Какъ просто, какъ сухо разстались мы, не ожидалъ я такой развязки!—Благодарю Бога, что я не женился на Зинѣ: кромѣ ея легкомысленнаго характера, теперь я понялъ, что не любилъ ее такъ, какъ надо любить будущую жену, а просто увлекся ея красотой, блестящей фигурой, ея свѣтскостью... Я даже удивленъ, какъ легко перенесъ я ея сегодняшній разговоръ, ея холодное обращеніе.. Итакъ: старое—отошло

на всегда... Что ожидаетъ меня впереди?.. Только бы не флиртъ!“

VII.

— Да и я удивляюсь, ходя по кабинету Татьяны, въ „Плоскомъ“, сказала Анна Васильевна;—сегодня четырнадцатое число и уже полдень, а пана нѣтъ; онъ всегда пріѣзжалъ тринадцатаго...

— Можетъ быть заболѣлъ, замѣтила Таня, глядя на аллею и прислушиваясь:—въ уѣздномъ городѣ какіе ужъ доктора!

— Глупости говоришь! передернула плечами Ефимьева;—знаешь-ли ты, что если нѣкоторыя слова не ко времени скажешь—сбываются? Зачѣмъ же накликать болѣзнь на пана?

— Господь съ тобой, Аня, что ты на меня напала? Съ чего буду я накликать болѣзнь Валерьяну?

— По глупости; отрѣзала Ефимьева:—иное, сказанное, слово бываетъ гибельно... Да, да, гибельно!

— Да я, вѣдь, такъ сказала, не со зла... Съ чего ты ко мнѣ привязалась?

— Ты словами своими бѣду ему нашлешь! продолжала Анна Васильевна;—это значить, что тебѣ до него дѣла нѣтъ, что тебѣ все равно: живъ онъ или умеръ!

— Аня! улыбнулась Таня;—да съ чего ты это взяла?

— Нечего, нечего отвиливать! Тебѣ онъ вниманіе и дружбу оказываетъ, а ты на-ко что выдумала: боленъ! и, фыркнувъ, Ефимьева пошла къ лѣстницѣ внизъ.—Я все-таки подожду подавать завтракъ...

— Конечно подожди; а что у тебя на завтракъ?

— А что-бы ни было! Если Вальховцевъ сегодня не пріѣдетъ—значить ты напала на него что-нибудь своими глупыми словами! и Анна Васильевна спустилась внизъ.

„Да что ужъ, Аня не влюбилась-ли въ Валю! расхохоталась Татьяна, прохаживаясь по столовой и поглядывая въ окна;—о, Боже мой,—остановивши съ передъ окномъ, выходившемъ на аллею,—какъ люблю я этого человѣка! Вѣдь цѣлый годъ прошелъ!—Она сѣла на стулъ и закрыла руками лицо;—и думать, что никогда онъ не будетъ моимъ! Ужасно! А какъ я вырву изъ сердца эту страстную, первую и послѣднюю, любовь! Буду молчать, втихомолку' страдать... Воля

Божія!—Ахъ! заслышавъ колокольчикъ и взглянувъ въ окно, вскричала дѣвушка;—Валя! и, радостная, побѣжала внизъ.

Дверь съ чернаго входа отворилась и Валеріанъ, занесенный снѣгомъ, вошелъ въ корридоръ; встрѣтила его Анна Васильевна, а за ней Татьяна. Платонычъ снялъ съ Вальховцева шубу, Ефимьева, поздоровавшись, пошла хлопотать о завтракѣ, Таня, веселая, глядѣла на Валеріана какъ на воскресшаго!

— А меня только что Анна разбранила за то, что я накликаю на тебя болѣзнь! и дѣвушка, смѣясь, передала разговоръ свой съ Анной Васильевной.

— Вчера я не могъ выѣхать: вечернее засѣданіе длилось до одиннадцати часовъ.

Вальховцевъ зашелъ въ дѣтскую, поздоровался съ дѣвочками, учительницей и Сесиле и вмѣстѣ съ Таней поднялся на верхъ.

— Ну какъ ты съѣздилъ въ Петербургъ, Валя? Очень я жалѣла, что не потанцевала съ тобой на святкахъ!

— На масляницѣ попляшемъ!.. Какъ здоровье-то твое? цѣлуя ея руку, спросилъ Валеріанъ.

— Хорошо... А правда это, что тебя вызывали, чтобы дать тебѣ повышение?

— Пустяки! Я ѣздилъ по своему личному дѣлу.

— И все благополучно кончилъ?

— Все, слава Богу!

Вошелъ Платонычъ съ коробками, завернутыми въ теплый платокъ, подалъ Вальховцеву и ушелъ.

— Что это? спросила Татьяна.

— Это конфеты петербургской знаменитости: коробка тебѣ, а коробка Аннѣ Васильевнѣ,—кушайте на здоровье.

— Мегсі, милый! Не за конфеты, а за твою, всегдашнюю память! она пожала ему руку, которую молодой человѣкъ поцѣловаль.

— Прости, что не тотчасъ, послѣ прибытія изъ Петербурга, привезъ: урваться къ вамъ въ „Плоское“ не было возможности.

Вошла Ефимьева.

— Позвольте мнѣ поцѣловать вашу ручку, вставая съ кресла, сказалъ Вальховцевъ,—за ваше расположеніе ко мнѣ и за ваши хлопоты и поднести вамъ сію коробку...

Анна Васильевна сконфуженно завертѣлась и угловато подала Валеріану руку, которую тотъ поцѣловаль.

— Я всегда рада, принимая конфекты, отвѣтила она, — когда вы пріѣзжаете въ „Плоское“: точно какую-то жизнь и веселье привозите съ собой!

— А я къ вамъ еще съ просьбой, тихо и съ улыбкой, добавилъ молодой человѣкъ:—можно мнѣ ночевать въ „Плоскомъ“ и завтра, только послѣ обѣда, уѣхать въ городъ?

Таня, а за ней и Ефимьева захлопали въ ладоши:— Милости просимъ!

— А не разсердится дядя?

— Никогда! крикнула Анна Васильевна;—онъ такъ васъ любитъ!

— А ты видѣлся съ нимъ по пріѣздѣ изъ Петербурга? спросила Татьяна.

— Заѣзжалъ къ нему въ тотъ-же день и не засталъ: онъ былъ въ „Плоскомъ“; подѣ конецъ сѣзда, я поймалъ его въ присутствіи, но не надолго: у нихъ, въ этотъ день, назначено было засѣданіе у губернатора.

— Ну, пойдемте завтракать, пригласила Ефимьева:—сегодня и обѣдать будемъ внизу; вамъ все равно, панъ?

— Конечно! А вы, Анна Васильевна, дадите намъ сегодня кофейную яичницу?

— Съ удовольствіемъ: и вкусно и дешево!

Послѣ завтрака Татьяна и Вальховцевъ ушли на верхъ, а Ефимьева осталась внизу: ее аттаковали „по хозяйству“.

— Я-то хороша, садясь на диванъ, въ своемъ кабинетѣ, спохватилась дѣвушка:—самаго главнаго тебѣ и не сказала! хорошъ и ты, Валя: годъ цѣлый живешь въ К. и до сихъ поръ не сообщилъ мнѣ о своихъ литературныхъ занятіяхъ, о томъ что печатаешься! Да еще въ такомъ журналѣ какъ „Русское дѣло“!

— Не посмѣлъ я, Таня, навязывать тебѣ чтеніе моей повѣсти и сообщать о своей литературной дѣятельности: это имѣло-бы видъ самопрославленія! Отъ кого узнала ты о моей повѣсти?

— Отъ Жени Лачиновой; Горскіе получаютъ „Русское дѣло“. Марьѣ Павловнѣ твое „Въ цѣняхъ“ очень понравилось. Я прочла повѣсть и безъ лести скажу, что она талант-

лива. Впрочемъ, не будь въ ней достоинствъ—„Русское дѣло“ не напечатало-бы ее. Мнѣ поправились и мысль и главные типы, но зачѣмъ ты сдѣлалъ самоубійцей Рахманова? и Карелова, до мельчайшихъ подробностей, занялась разборомъ повѣсти.

— Ты однако весьма добросовѣстный критикъ, Таничка! разсмѣялся Валеріанъ.

— А тебѣ это не нравится?

— Напротивъ, я очень радъ... Твой разборъ доказываетъ, что ты серьезно прочла мое произведеніе и мнѣ пріятно выслушать изъ твоихъ устъ одобреніе его!

— И за это я прошу подарить мнѣ оттискъ повѣсти; вѣроятно онъ у тебя есть?

— Имѣется; представлю еще оттискъ двухъ прежнихъ рассказовъ.

— Помѣщенныхъ въ „Русскомъ дѣлѣ“?

— Да.

— Прошу съ надлежащей надписью.

— Слушаю-съ.

— Дай тебѣ Богъ успѣха на новомъ поприщѣ, немного помолчавъ, съ чувствомъ пожелала дѣвушка:—у тебя дѣйствительно есть талантъ... надо развивать его... Почему ты знаешь: можетъ-быть изъ тебя другой Тургеневъ выйдетъ!

— Не высоко-ли, Танюша?

— Мнѣ очень понравились описанія деревни и природы; много теплоты въ сужденіяхъ и разговорахъ. Нѣкоторыя скорби и страданія переданы такъ, что хватаютъ за сердце!

— Благодарю васъ, мой милый критикъ, всталъ съ кресла Вальховцевъ и поцѣловалъ руку Кареловой;—о, еслибы настоящій критикъ привѣтствовалъ, какъ ты, мою повѣстущку!

— А развѣ никто не отозвался?

— За журналами я не слѣдилъ; случайно попалась мнѣ въ руки „Звѣзда“—тамъ меня похвалили, но сдержанно и кратко, а въ толстомъ, либеральномъ журналѣ „Временникъ“ даже и не упомянули! Впрочемъ, журналъ этотъ ненавидитъ „Русское дѣло“ и его издателя, извѣстнаго публициста М., за его честное направленіе, и слѣдовательно сотрудники его не могутъ ожидать похвалы отъ „Временника“.

— Ты долго-ли пробылъ въ К., по приѣздѣ?

-- Три дня до съѣзда да три дня тянулся съѣздъ; на другой день уѣхалъ въ „Янкино“, провель тамъ сутки съ Рудневичемъ и вмѣстѣ съ нимъ отправились въ Залѣсовъ.. А что?

— Видѣлся съ кѣмъ нибудь?

— Видѣлся со многими.

— И у дядей былъ?

— Ранѣе всѣхъ.

— Говорятъ, что Маня въ монастырь ушла... правда это?

— Правда; а тебѣ кто сообщилъ?

— Папа. Жаль мнѣ ее, бѣдную: добрая, кроткая дѣвушка! съ чувствомъ сказала Карелова;—а тебѣ жаль ее?

— Очень. Мы всегда были дружны.

— Знаю; она не разъ хвалила мнѣ тебя. А сыновей дяди Пьера видѣлъ?

— Даже обѣдали вмѣстѣ у Бореля... Хорошіе, милые ребята... Сашу переведутъ въ полкъ на пасху, подпоручикомъ, а Петю послѣ лагерей—прапорщикомъ..

— Въ какомъ они полку?

— Въ —омъ. Я не ожидалъ увидѣть кавказцевъ такими свѣтскими... Сообщилъ о своемъ впечатлѣніи дядѣ генералъ разсвѣлъ, а тетка покраснѣла отъ удовольствія!

— Видѣлъ Ефимьева, Молчанова?

— Петя приѣзжалъ ко мнѣ еще въ день пріѣзда, а Молчанова я посѣтилъ позже.

-- Много сообщилъ новостей? О Зинаидѣ, конечно въ первую голову?

— Говорили и о томъ, какъ Башиловъ на вечерахъ не отходилъ отъ тебя!

— Ужасно! Я не знала, куда мнѣ дѣваться! Выжималъ изъ себя комплименты, точно за уши его тянули!

— Петя очень удачно называетъ его слизнякомъ: „слизкой такой“—извините за выраженіе,—„безъ мыла въ душу влѣзеть!“

Татьяна разсмѣялась.

— А вѣдь правда это; молодецъ Петя! А о Голубцовой ничего тебѣ не говорили?

— О мамашѣ? улыбнулся Валеріанъ.

— Съ чего о мамашѣ?.. Что въ ней интереснаго?.. О Зинаидѣ!

— А что такое?

— Слухи ходятъ, что замужъ она выходитъ, за Ветлужскаго... Все время, что ты пробылъ въ Петербургѣ, князь за ней ухаживалъ не стѣсняясь...

— Ну и Христосъ съ ней—пусть выходитъ! хладно кровно замѣтилъ Вальховцевъ.

Карелова пристально взглянула на него.

— Ты былъ у нихъ?

— Былъ; приняла меня Зинаида,—мамаша со старостой счеты сводила; посидѣлъ съ четверть часа и раскланялся. Зинаида хотѣла ѣхать въ Петербургъ, къ теткѣ.

— И уѣхала. Послѣ ея отъѣзда, Ветлужскаго на вечерахъ и не видали, больнымъ сказывался...

— Валеріанъ промолчалъ.

— А съ тобой, послѣ небольшой паузы, не утерпѣла дѣвушка,—Зина любезна была?

— Очень вѣжлива... Впрочемъ, ты вѣдь знаешь ея свѣтскость.

„Вѣжлива“, мелькнуло въ головѣ Кареловой,—„значить не по прежнему... Почему Валя скрывается?“

— Сожалѣла, что не могла потанцевать съ тобой на святкахъ?

— Конечно, усмѣхнулся Вальховцевъ,—но на сожалѣніе я не обратилъ вниманія—свѣтская болтовня!

— Говорятъ, что по возвращеніи Зинаиды князь сдѣлаетъ ей предложеніе... Ты пойдешь въ шафера, если тебя пригласятъ?

— Почему-же не пойти? Конечно пойду. Я не имѣю поводовъ для отказа: Зинаида всегда любезно относилась ко мнѣ.—Ты посидишь тутъ?

— А что?

— Я схожу за платкомъ, и Валеріанъ отправился внизъ.

„Ясно!“ съ веселой улыбкой, рѣшила Татьяна:—„Визитъ былъ не такой, какъ прежде: Зинаида промѣняла Валеріана на князя; но что удивительно: Валеріанъ и не думаетъ грустить! Неужели всѣ мои предположенія о любви его къ Зинаидѣ—вздоръ?.. О, дай-то Господи!.. Но если это такъ—я настоящая неврастеничка!.. Ничего... лучше оказаться ею, чѣмъ мучиться такъ, какъ я му-

чилась все это время, особенно въ „Янкинѣ“ и въ день моего рожденія!“

VIII.

Масляница прошла довольно скучно; далеко не такъ весело какъ въ прошедшемъ году: частныхъ вечеровъ было меньше, „folle journée“ въ дворянскомъ собраніи не состоялось, за болѣзью Александра Семеновича,—были только два небольшіе бала: въ женскомъ дворянскомъ кружкѣ и чиновничьемъ клубѣ, да потанцовали запросто у Комельскихъ и Горскихъ. Валеріанъ, въ началѣ первой недѣли великаго поста, уѣхалъ въ „Янкино“ и пробылъ тамъ до сѣзда въ К., работая надъ новой повѣстью и занимаясь хозяйствомъ.

Винокуренное дѣло было въ полномъ разгарѣ. Богатые помѣщики почти забросили сельское хозяйство и обратили все свое вниманіе на количество питейныхъ домовъ, складовъ и водочныхъ заводовъ. За богачами тянулись мелкіе помѣщики, закладывали свои усадьбы и пожни и на полученные деньги тоже строили заводы. Солидные люди съ сожалѣніемъ посматривали на охватившую помѣщиковъ жажду быстрого обогащенія, а опытные купцы и бывшіе откупщики, съ улыбкой, потирали руки, суля богатымъ предпринимателямъ крупныя убытки, а мелкопомѣстнымъ строителямъ заводовъ—близкое разореніе.

Петръ Семеновичъ Вальховцевъ, какъ большой оптимистъ, былъ до нельзя веселъ; черезъ нѣсколько дней по приѣздѣ Валеріана въ „Янкино“, генералъ, по обыкновенію, рано утромъ предупредилъ племянника, что будетъ у него обѣдать и часамъ къ четыремъ прибылъ въ усадьбу.

— Не могъ удержаться, чтобы не повидать тебя! раздѣваясь и лобызая Валеріана, говорилъ Петръ Семеновичъ; —какъ: быть въ трехъ верстахъ и не навѣстить хозяина!— Ну, давай закусимъ, а обѣдать подождемъ немного.

Они закусили и перешли въ кабинетъ; гость закурилъ трубку и коснулся сыновей:

— А нравится имъ полкъ? Прежде онъ отличался солидностію, товариществомъ, офицеры держали себя скромно, кутежей не жаловали, фанфаронства не было...

— И теперь кажется тоже... по крайней мѣрѣ Саша и Петя очень довольны.

— Ребята они хорошіе... Вотъ фронтовики должно быть неважные: на Кавказѣ за выправкой не очень гонятся—храбрость да выносливость начальство требуетъ; ну а въ гвардіи молодцоватость нужна, щегольство! Впрочемъ, пожить—привыкнуть. И выправка явится какъ на площадкѣ ¹⁾ передъ Зимнимъ дворцомъ, на разводѣ, подъ звуки австрійскаго марша, впередъ выйдутъ! Публика кругомъ тысячная, начальство, офицерство другихъ полковъ—не захочется въ грязь лицомъ ударить! размѣялся Петръ Семеновичъ.

— Дядя... А водочный заводъ хорошо у васъ идетъ?

— Отлично. И знаешь, какой сортъ горькой водки болѣе другихъ требуется—„ерофѣичъ“! Я велѣлъ его дѣлать по моему рецепту: полынь, трефоль, заря и немного померанцевой корки.—Въ Вольскомъ уѣздѣ на дняхъ складъ открылъ, помолчавъ добавилъ генераль;—дѣло идетъ хорошо... Напрасно ты въ „Янкинѣ“ не захотѣлъ открыть кабака: какой-то неважный лавочникъ, въ трехъ верстахъ отъ тебя, по дорогѣ въ Залѣсовъ, завелъ и кабакъ и лавочку и, говоря, торгуешь бойко!

— Не по душѣ мнѣ эта торговля да и имѣть въ усадьбѣ питейный домъ не особенно пріятно: постоянно пьяные, драки, беспорядки...

Они помолчали.

— Какъ дядя Александръ Семенычъ себя чувствуетъ? Я не могъ къ нему заѣхать въ этотъ разъ: спѣшилъ въ Янкино...

— Поуспокоился немножко... Сынъ-вотъ его беспокоитъ, да и есть отчего: что за жестокость, что за безсердечность и въ такомъ молодомъ человѣкѣ! Прогнать родную сестру, зная въ какомъ ужасномъ положеніи она находится!

— Да, нехорошо, очень нехорошо! вздохнулъ Валеріанъ.

— Какое тамъ „нехорошо“... это звѣрство! вспылить Петръ Семеновичъ;—не пріѣзжай ты—Маня покончила бы съ собой!

— Дядя не собирается ее навѣстить?

¹⁾ Теперь эта площадка обращена въ садъ, обнесенный великолѣпной оградой.

— Думаетъ, но погода. Пусть все это поуляжется...—
А Башиловъ-то не на шутку пріудариваетъ за Таней! помолчавъ, улыбнулся генераль.

— Слышалъ... да только она за него не пойдетъ.

— И умно сдѣлаетъ: противная личность! Тутъ Никольцева орудуешь...

Вошелъ Михайло Ѳедоровъ и доложилъ, что кушать подано.

Около пяти часовъ, когда дядя и племянникъ, откушавъ, сидѣли въ кабинетѣ, у параднаго крыльца прозвенѣлъ колокольчикъ, затѣмъ звонокъ въ передней. Михайло Ѳедорычъ спустился по лѣстницѣ и черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ появился Рудневичъ. Поздоровавшись съ хозяиномъ и генераломъ, онъ объявилъ, что завтра ѣдетъ въ Петербургъ.

— Вчера утромъ мнѣ привезли письмо, въ которомъ камердинеръ моего отца, подъ диктовку его, извѣщаетъ, что баринъ сильно заболѣлъ тифомъ и не надѣется выздоровѣть, а потому проситъ меня пріѣхать тотчасъ же въ Петербургъ, съ женой и дочкой. Письмо подписано отцомъ, но крайне неразборчиво. Я немедленно представился губернатору и этотъ добрый человекъ моментально разрѣшилъ мнѣ отпускъ и общалъ увѣдомить о томъ Абросимова. Поѣду я до Б. въ омнибусъ „Общей пользы“, а затѣмъ по Николаевской желѣзной дорогѣ.

— Возьмешь жену и дочь? спросилъ Валеріанъ.

— Непремѣнно. Кромѣ того, что мы оба желаемъ получить отцовское благословеніе—я не рѣшусь оставить жену и дочь однихъ въ усадьбѣ.—Да я забылъ еще сказать: подъ подписью отца, камердинеръ добавилъ отъ себя, что, по мнѣнію доктора, отецъ врядъ-ли оправится: и ввиду его преклонныхъ лѣтъ и разстроеннаго организма.

— И такъ, мой дорогой, положивъ обѣ руки на плечи Владиміра Григорьевича, печально сказалъ Валеріанъ,—выздоровѣетъ твой отецъ, скончается-ли—намъ придется разстаться... Грустно это!

— Это почему? удивился Рудневичъ.

— Да потому, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ вы усадьбу забросите, переѣдете въ Петербургъ—и прощай

К-ская губернія, прощай Валеріанъ и всѣ, которыхъ ты полюбилъ!

— Никогда этого не будетъ! Я терпѣть не могу Петербургъ, ненавижу холодность и безсердечіе его обитателей, его зловредное вліяніе на всю Россію! И мнѣ и женѣ живется здѣсь хорошо, особенно теперь; для чего будемъ мы искать другое мѣсто? Нѣтъ, Валеріанъ, ты этого и не думай! Напротивъ: получивъ отъ отца деньги, мы съ Вѣрой поправимъ усадьбу, купимъ въ городѣ домъ и не отстанемъ отъ тѣхъ добрыхъ людей, которые такъ тепло отнеслись ко мнѣ! и у Владиміра Григорьевича сверкнули слезы.

— Полноте, голубчикъ мягко обратился къ нему Петръ Семеновичъ:—Богъ милостивъ: отецъ вашъ выздоровѣтъ, вы помиритесь—доказательство, что онъ желаетъ видѣть вашу жену и внучку, и будете жить спокойно въ К., станете посѣщать отца, а можетъ быть онъ выйдетъ въ отставку и поселится здѣсь.

-- Не хочешь ли перекусить, выпить чаю или кофе?

— Пожалуй... перекушу чего-нибудь, вытирая слезы и нервно вздыхая, отвѣтилъ Рудневичъ.—А Вѣрочка—ѣдакая вѣдь добрая, сердечная: все забыла... сквозь слезы радуется, что и она и дочь получаютъ отцовское благословеніе!

— Такъ я пойду и распоряжусь... Выпей вина... „Гравъ“... Ты его любишь, сказалъ Валеріанъ.

Хорошо... мерсі.

— Вы не повѣрите, дорогой Петръ Семенычъ, что за сумбуръ у меня въ головѣ: съ одной стороны—радость примиренія съ отцомъ, съ другой—страхъ за его жизнь... О, Боже мой, хоть-бы выздоровѣлъ! Почему мы знаемъ: можетъ-быть и тифъ схватилъ онъ, подготовленный душевнымъ разстройствомъ о разлукѣ съ непокорнымъ сыномъ!

И снова заплакалъ Рудневичъ.

— Какъ вы малютку-то повезете? Надо не простудить, помолчавъ, замѣтилъ генералъ.

— Укутаемъ; да и омнибусъ прекрасный, просторный.

— Кромѣ няньки, необходимо взять съ собой мужчину: мало-ли что можетъ случиться въ дорогѣ.

— Все сдѣлаемъ, Петръ Семенычъ, только-бы отца живымъ застать!

— Застанете: тифъ не такая скорая болѣзнь... Да я

думаю, что папа вашъ, какъ военный, легче перенесетъ ее, чѣмъ люди воспитанные въ теплѣ и не привыкшіе къ лишениямъ. Сколько ему лѣтъ?

— Шестъдесять второй пошелъ.

— Не Богъ вѣсть что за годы... И семидесятилѣтніе выздоравливаютъ! утѣшалъ генераль.

— Петръ Семенычъ, вамъ ничего, если дѣло ваше пролежитъ безъ движенія до возвращенія моего изъ Петербурга? Мнѣ не хочется передавать его замѣстителю моему: необходимо, чтобы, на первыхъ порахъ, не относились снисходительно къ лѣсной порубкѣ.

— Весьма благодаренъ. Напротивъ! Тутъ не срубленные три дерева важны, а принципъ: не касаться чужой собственности; необходимо въ самомъ началѣ вбить это въ крестьянскія головы!

— Милости просимъ въ столовую—тамъ поговоримъ, пригласилъ вошедшій Валеріанъ;—дядя, берите съ собой вашу трубку.

Когда усѣлись около стола и Рудневичъ принялся за холодного рябчика, Петръ Семеновичъ, чтобы отвлечь гостя отъ тяжелаго петербургскаго извѣстія, спросилъ Валеріана:

— Ну что, племянникъ, какъ будемъ мы нынче охотничать? Твой „Боксъ“—прекрасная, вѣжливая собака; стойка—мертвая... Тогда, помнишь, въ Каратыгинскомъ лугу съ какой выдержкой онъ поднималъ молодыхъ тетеревей: ни одного не упустилъ, даромъ что мы двухъ съ тобой пропускали! Кстати: живы будемъ—пожалуста оставь для меня Назаровское болотце: вокругъ меня дупелиныхъ мѣстъ вовсе нѣтъ.

— Будьте покойны: къ болотцу я не прикаснусь; хотя... (Валеріанъ усмѣхнулся) въ болотцѣ дупелей и бекасовъ бываетъ довольно!

— А тебѣ ужъ и жалко! разсмѣялся генераль.

— Будетъ жалко, если, ваше превосходительство, убьете одного, а остальныхъ разгоните!

— Владиміръ Григорьичъ! племянникъ дерзости мнѣ говорить! обратился Петръ Семеновичъ къ Рудневу.—Начинающій охотникъ глумится надъ старымъ, да еще кавказцемъ!

— А хорошо стрѣляетъ этотъ начинающій охотникъ? улынулся Рудневичъ.

— Недурно... горячится только... Ну, да это пройдетъ.

— Научился я стрѣлять во время отпусковъ... Михайло Федорычъ—первый учитель, а потомъ дядя Петръ Семенычъ. Въ Петербургѣ мы хотя и ѣздили на охоту, да вѣдь это былъ срамъ одинъ: казусъ съ барономъ Вальдъ чего стоитъ!

— Ну расскажи! попросилъ Рудневичъ.

— Собрались мы въ Шлисельбургъ на бѣлыхъ куропатокъ и на другую дичь, если наткнемся... Это было въ концѣ августа. Насъ было три офицера и мѣстный охотникъ. Повелъ онъ насъ версты за три отъ города. Ходимъ-ходимъ—хоть-бы перо! Наконецъ набрали на большой выводокъ куропатокъ: двухъ убили, остальныхъ пропуделяли. Зайца стрѣляли всѣ четверо—ушелъ невредимъ. Пошли назадъ, чтобы поспѣть къ пароходу; впереди всѣхъ Вальдъ. Для сокращенія пути, пришлось идти крупнымъ лѣсомъ. Вдругъ Вальдъ остановился, махнулъ намъ, чтобы молчали и осторожно, съ ружьемъ „на изготовку“, полѣзъ въ чащу. Мы замерли... Выстрѣлъ, другой... крики, потомъ ругань... Мы бросились на крикъ... Два мужика кричатъ на барона—тотъ стоитъ какъ ошпаренный и все держитъ ружье на изготковкѣ. Что такое? Оказалось, что, идя лѣсомъ, по тропинкѣ, Вальдъ вдругъ увидѣлъ въ кустахъ голову отдохавшаго медвѣдя; долго не думая, баронъ отошелъ назадъ, разрядилъ ружье, вмѣсто дроби спустилъ въ стволы пули и всадилъ ихъ въ Мишку! Крикъ, ругательства! Изъ кустовъ поднялись два сильные мужика и стали грозить нашему злополучному охотнику! Въ результатъ: Вальдъ убилъ ученаго медвѣдя, котораго мужики вели въ Шлисельбургъ, и помирился съ ними уплативъ пятьдесятъ рублей, которые онъ еле-еле собралъ съ насъ и знакомаго мѣстнаго исправника.

Петръ Семеновичъ всталъ и началъ прощаться.

— Дядя, куда же вы? спросилъ Валеріанъ.—Посидите, поужинаемъ... Вѣдь не сегодня ѣдете въ городъ...

— Надо, милый другъ, счета провѣрить, кой-какія распоряженія сдѣлать... Спасибо за радушіе... къ намъ милости просимъ!

Онъ обнялъ племянника и пожелалъ добраго пути Рудневичу.

— Да и мнѣ пора, сказалъ онъ, когда проводили генерала,—завтра въ полдень мы непременно должны выѣхать.

— Теперь еще только семь часовъ и я провожу тебя: мнѣ хочется проститься съ Вѣрой Александровной.—Володя, а деньги у тебя есть?

— Не беспокойся, милый... сто рублей имѣю—и достаточно; для обратной поѣздки отецъ дастъ.

Черезъ полчаса Рудневичъ и Вальховцевъ отправились въ Кузнецово.

IX.

Валеріанъ только что пріѣхалъ въ К., на мартовскій сѣздъ, и даже не успѣлъ переодѣться, какъ раздался сильный звонокъ и въ залѣ появился Петя Ефимьевъ. Было три часа дня.

— Какъ это ты узналъ о моемъ пріѣздѣ? спросилъ Вальховцевъ, здороваясь.

— Сегодня третій разъ, что я справляюсь о тебѣ: вчера заѣзжалъ два раза, утромъ и вечеромъ.—Поздравляю васъ, Валерьянъ Николаичъ: Зиночка невѣстой объявлена! поклонился Петя, смѣясь.

— Въ добрый часъ! хладнокровно отвѣтилъ Вальховцевъ.—Когда было объявлено?

— На дняхъ: Зинаида Александровна съ мамашей впереди, его сіятельство позади, дѣлали визиты губернатору, Никольцевой, Карелову, дядямъ твоимъ, Горскимъ и прочимъ. Свадьба предположена вскорѣ послѣ „Красной горки“.—Поѣдешь ты къ Голубцовымъ?

— Станный вопросъ! Почему-же не поѣхать?

— Говорятъ, что шаферами ея намѣчены братъ ея и ты.

— Ну что-жъ: подержимъ надъ Зинаидой Александровной вѣнецъ и поздравимъ... Да откуда взялъ ты, что меня пригласятъ въ шафера?

— Вѣроятно сама невѣста распространила это...

— Очень мило съ ея стороны! улыбнулся Валеріанъ.

Ефимьевъ удивленно взглянулъ на него.

— Что-жъ тутъ милого? Флиртовала, потомъ повернулась спиной; а теперъ издѣвается надъ тобой!

— Вздоръ! По твоему мнѣ надо дуться, какъ Васьковъ, афишировать передъ всѣми свое, будто-бы, горе-злосчастье?.. Чѣмъ больше буду я предупредителенъ и вѣжливъ съ Зинаидой—тѣмъ скорѣе смолкнетъ сплетня о моемъ неудачномъ ухаживаніи!—Хочешь ты ѣхать со мной въ „Парижъ“ обѣдать?

— Хотя я и обѣдалъ, но насыщеніе мое было такъ слабо, что я съ большимъ удовольствіемъ сугубо готовъ пообѣдать! разсмѣялся Петя.

— Такъ лети въ „Парижъ“ и заказывай обѣдъ по своему вкусу, а я переодѣнусь и къ четыремъ часамъ явлюсь. —А у Ветлужскаго кто шафера?

— Васьковъ и Мячиковъ.

— Гдѣ будетъ вѣнчанье?

— Въ храмъ Казанской Божіей Матери и конечно съ великой помпой!

— А ты почему знаешь?

— Мячиковъ говорилъ... Князь такъ радъ, что Зинаида, на его предложеніе, не сказала ему „дурака“, что намѣренъ удивить городъ пышностію!

— А посаженные кто?

— Губернаторъ и Ольга Николаевна Вальховцева.

— А у Зинаиды?

— Кареловъ и Никольцева.

— Такъ ступай, заказывай обѣдъ... черезъ часокъ я приѣду.

Заперевъ за Ефимьевымъ дверь, Андрей подаль Валеріану только что полученное отъ Рудневича письмо. Отецъ его скончался. Какъ Владиміръ Григорьевичъ такъ и Вѣра Александровна, которыхъ старикъ, въ послѣдніе дни своей жизни, трогательно ласкалъ, благословлялъ и у которыхъ со слезами просилъ прощенія—были сильно потрясены. Письмо Рудневича дышало тоской и раскаяніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и успокоеніемъ, въ томъ отношеніи, что на немъ и на женѣ его не тяготѣетъ гнѣвъ отца. Просилъ Владиміръ Григорьевичъ Валеріана выхлопотать ему отсрочку до сороковаго дня.

Вальховцевъ, надо сказать правду, радъ былъ, что

другъ его и семья его развязаны наконецъ, что свѣтъ и покой проникнуть въ ихъ темную жизнь и труженица Вѣра Александровна вздохнетъ свободно. Тотчасъ-же Валеріанъ отвѣтилъ Рудневичу и успокоилъ его, что завтра-же увидитъ Бронецаго и нѣтъ сомнѣнія, что онъ отсрочить отъ-пускъ до сороковаго дня.

Въ седьмомъ часу вечера, когда Вальховцевъ только что вернулся изъ „Парижа“, позвонили и въ кабинетъ вошелъ высокій, статный гвардейскій офицеръ, блондинъ съ темноголубыми глазами, очень похожій на Зинаиду Голубцову, и какъ знакомый поздоровался съ Валеріаномъ.

— Давно-ли вы здѣсь? ласково спросилъ гостя Вальховцевъ.

— Четвертый день... Былъ вызванъ сестрицей по поводу ея помолвки... Хотѣлъ захватить къ вамъ вчера, но мнѣ сказали, что ранѣе вечера 28-го вы не пріѣдете изъ усадьбы: простите, что явился не въ указанное время, но утромъ вы въ сѣздѣ и сидите тамъ, говорятъ, довольно долго.

— Во первыхъ—присядьте и закурите, во вторыхъ—оставьте эти церемоніи и вспомните, что мы съ вами служили въ одной дивизіи и не чужды другъ другу... Итакъ вспомнимъ „Красное село“, когда вы бывали въ нашей офицерской „артели“, и разопьемъ бутылочку „*oeil de perdrix*“, во здравіе Зинаиды Александровны, которую я явлюсь поздравлять, какъ невѣсту, послѣ завтра. Послѣ завтра потому, что по утрамъ я свободенъ только въ праздничные дни.

— Очень будемъ рады, Валерьянъ Николаичъ, а теперь позвольте передать вамъ просьбу сестры: она надѣется (Голубцевъ всталъ съ кресла), что вы не откажетесь быть ея шаферомъ...

— Передайте, Павелъ Александровичъ, сестрѣ вашей (поднялся и Вальховцевъ), что считаю за честь дѣлаемое мнѣ приглашеніе и съ полнымъ удовольствіемъ принимаю его!

Валеріанъ позвонилъ и, вошедшему Андрею, приказалъ привести бутылку шампанскаго.

— Когда предположена свадьба?

— Въ концѣ апрѣля... день еще не назначенъ. А вы откуда узнали о помолвкѣ сестры?

— Часа въ три, тотчасъ по прїѣздѣ моемъ изъ усадьбы, былъ у меня Петя Ефимьевъ—онъ и сообщилъ мнѣ.

— Добрый малый, но совершенно не на своемъ мѣстѣ: съ его талантомъ, ему надо быть актеромъ-пѣвцомъ, а не чиновникомъ при губернаторѣ!

— Что станешь дѣлать: обстоятельства неудачно сложились!—Ну расскажите что-нибудь про нашу дивизію и вообще про гвардію... Когда вы изъ поручиковъ выйдете—пора-бы!

— Вакансіи нѣтъ.

— Да, служба—кому мать, кому мачиха! Вонъ у насъ въ полку, въ мое время, баронъ Шнейдеръ изъ прапорщиковъ въ поручики махнулъ въ три года, а другіе три года сидятъ прапорщиками!

— Я шесть лѣтъ на службѣ и только тридцатаго августа прошлаго года произведенъ въ поручики!

Андрей внесъ шампанское; Вальховцевъ нашель два стакана, чокнулся съ Голубцовымъ и продолжалъ разговоръ:

— А какъ поживаетъ Семчевскій, вашъ квартирмейстеръ?.. Не женился?

Нѣтъ, да кажется и не женится; онъ что то часто въ александринку ¹⁾ бѣгаетъ! усмѣхнулся гость.

— Любве?

— Да; и даже похоже на серьезное... И знаете: не удивительно... дѣвушка хорошенькая, держитъ себя весьма скромно, талантъ ея замѣченъ былъ еще въ школѣ и вѣроятно развернется очень скоро. Оба они серьезно влюблены другъ въ друга, но увѣнчаться эта любовь можетъ только свадьбою; на гражданскій бракъ эта дѣвушка не пойдетъ

— И умно сдѣлаетъ! Такъ что-же думаетъ Семчевскій? Женись, коли любишь!

— Легко сказать: придется изъ полка уйти, а Семчевскій стоитъ на хорошей дорогѣ и переходитъ въ статскую службу ему не хочется...

— Ну, Павелъ Александрычъ, значитъ онъ не любитъ! Кто горячо любитъ -тотъ разсуждать долго не станетъ: все бросить, чтобы только овладѣть любимой дѣвушкой!—А какъ, въ прошломъ году, маневры у васъ сошли? Были иностранцы?

¹⁾ Александринскій театръ.

— Были и французы и нѣмцы и еще кой-кто изъ мелкоты... Убийственные были маневры: вышли мы десятого августа, часовъ въ шесть утра; погода была сѣрая, дождь висѣлъ надъ нами... Отошли отъ лагеря верстъ десять и вдругъ хватилъ насъ настоящій ливень и, съ промежутками, мочилъ весь день. На бивакъ пришли мы промокшіе до костей и какая-же благодать была, когда, подъ Ропшей, мы увидѣли нашъ раскинутый освѣщенный шатеръ—артель, метръ-д'отеля Королькова и накрытый обѣденный столъ! Мгновенно развеселились и забыли о своихъ невзгодахъ!

— А вообще въ лагерѣ не скучали?

— Даже весело было: александринка и балетъ, по пятницамъ, утѣшали насъ, на Дудергоффъ жженкой забавлялись, ѣздили въ деревни къ кавалеристамъ и артиллеристамъ. Да, забылъ: было два солдатскихъ спектакля и очень хорошо сошли они... даже женщины-солдаты были недурны. Мужской голосъ только выдавалъ иллюзію. Его Высочество главнокомандующій, великіе князья посѣтили спектакли; наѣхали также генералитетъ и великосвѣтскія дамы.

— А какъ на счетъ стрѣльбы: потяжелѣе стало?

— И очень: первая смѣна выходила на полигонъ въ три часа утра; стрѣляли на 600—800 шаговъ, а стрѣлковые роты до 1200.

— А офицерская, призовая?

— Ой не говорите: это мое больное мѣсто! Надо вамъ сказать, что на предварительной стрѣльбѣ, на дистанцію 200 шаговъ, въ двѣнадцати вершковую круглую мишень, я изъ пятнадцати выстрѣловъ попалъ четырнадцать и командиръ нашъ уговорилъ меня идти на первый, а не на второй призъ, какъ я хотѣлъ. На первый, Царскій призъ, требовалось попасть въ мишень всѣ пять пуль, а на второй—четыре; мнѣ показали первый призъ: чудное охотничье двухствольное ружье, тонкаго цвѣтнаго дамаска, извѣстнаго „Мортимера“, въ палисандровомъ, обитомъ внутри зеленымъ бархатомъ, футлярѣ, цѣнностью до пятисотъ рублей; второй-же призъ—тоже ружье, но рублей въ сто.—На состязаніи меня поставили вторымъ номеромъ; первымъ, какъ и всегда, былъ М.—скаго полка. Государь и начальство стояли около насъ. Дали сигналъ—и я выпустилъ первую пулю: щелкнула, вторая—тоже... А сзади насъ ходитъ свитскій и

торопить: „Государю ѣхать надо, не задерживайте!“ Спѣшимъ, нервничаемъ... Мои третья и четвертая пули щелкнули. У М. третья попала, четвертая просвистала... Пятую выпускаетъ М., за нимъ я: обѣ уныло пропѣли! М. взглянулъ на меня, оба мы другъ-друга поняли!—Принесли мишеньки; Государь посмотрѣлъ на мою: „жаль, Голубцовъ: четыре пули въ черномъ кругу—пятая все испортила!.. Впрочемъ у М. еще хуже: три въ черномъ, четвертая и пятая—въ пространствѣ!.. Не унывайте: въ будущемъ году который нибудь изъ васъ возьметъ этотъ призъ“. Ужасно было обидно! Останься я претендентомъ на второй призъ—получилъ-бы его! Только тѣмъ и утѣшился, что призъ никому не достался! Однако пора и домой, вставая съ кресла, сказалъ гость,—до свиданія, Валерьянъ Николаичъ!

— Потрудитесь передать Зинаидѣ Александровнѣ мою глубокую благодарность за приглашеніе; въ воскресенье я явлюсь поздравить ее. Надѣюсь, Павелъ Александрычъ, что вы будете навѣщать меня запросто, а лѣтомъ посѣтите мое „Янкино“. Поговоримъ о „военномъ“, улыбнулся Вальховцевъ;—воспоминанія объ офицерской жизни очень свѣжи во мнѣ. Я даже не могу равнодушно слышать барабанный бой: такъ-вотъ ноги и стремятся впередъ!

— Барабанный бой, а тѣмъ болѣе хорошо исполненный маршъ подбодряютъ и возбуждаютъ: чувствуешь себя смѣлымъ, разгорѣвшимся... точно чѣмъ-то наэлектризованнымъ!

Молодые люди поболтали еще въ передней и расстались, довольные другъ другомъ.

Х.

Когда въ воскресенье, около двухъ часовъ, Валеріанъ вошелъ въ гостиную Голубцовыхъ, кромѣ Ветлужскаго, тамъ находились Никольцева, Ольга Николаевна Вальховцева и Молчановъ. Родители были на лицо. Александръ Павловичъ, замѣтивъ Валеріана, поспѣшилъ пойти къ нему на встрѣчу и съ ликующимъ лицомъ принять его поздравленіе. Съ невѣстой обоюдныя благодаренія выразились не только въ утонченной свѣтской формѣ, но даже дружески; женихъ добродушно и весело поздоровался съ Вальховце-

вымъ. Елизавета Петровна, по обыкновенію, что то пробормотала и предложила гостю сѣсть; за то Никольцева жадно вглядывалась въ Зинаиду и Валеріана, во время ихъ разговора, а Ольга Николаевна улыбалась какъ то загадочно.

— А я и не знала, cousin, что вы писатель и печтаетесь въ такомъ серьезномъ журналѣ, какъ „Русское Дѣло“, снисходительно обратилась съ Валеріану Никольцева.—Таня мнѣ сообщила и я конечно посидѣла достать вашу повѣсть и, вѣрите-ли, такъ заинтересовалась ею, что прочитала ее въ одинъ присѣсть!.. Прелестная вещица! Какъ хороши описанія природы, типы... Вы вѣроятно съ живыхъ людей ихъ списывали?

— Еслибы дѣлать такъ—вышла-бы фотографія, а не искусство!

— А какъ-же иначе?

— Типы создаются, а не списываются... Въ каждомъ отдѣльномъ, художественно обработанномъ, типѣ вы можете узнать особенности нѣсколькихъ лицъ...

— Ай да племянникъ! вставила Ольга Николаевна.— Я въ первый разъ узнаю, что ты занимаешься писательствомъ, да еще печатаешься!

— Писатель я скромный, ma tante, начинающій; а потому рисоваться тѣмъ, что меня принимаютъ въ журналѣ, да еще въ такомъ, какъ „Русское Дѣло“,—по моему преждевременно.

— А я позволю себѣ замѣтить, вмѣшалась Зинаида— что быть напечатаннымъ въ „Русскомъ Дѣлѣ“—весьма пріятно и скрывать это—черезчуръ ужъ скромно!

— Скромностью я еще въ корпусѣ отличался, Зинаида Александровна;—отличался ею и въ разговорахъ съ прекраснымъ поломъ—и все оттого, что застѣнчивъ! улыбнулся молодой человѣкъ.

— Это ты-то застѣнчивъ? возвысила тонъ Ольга Николаевна и на столько громко, что Голубцова даже оживилась, а всѣ, кромѣ Зинаиды, расхохотались.

— У васъ, cousin, и выраженіе лица вовсе не застѣнчивое, а о глазахъ и говорить нечего, замѣтила Никольцева.—А ты что скажешь, Зина?

— Я не на столько знаю Валерьяна Николаича, чтобы

судить о его характерѣ и темпераментѣ: что онъ всегда благовоспитанъ и деликатенъ—это вѣрно.

Валеріанъ всталъ и поклонился.

— Я отдаю вамъ только должное! добавила дѣвушка.

— А меня ты прости, обратился къ Вальховцеву Молчановъ,—что я не принималъ участія въ разговорѣ: это оттого, что повѣсти твоей я не читалъ и о существованіи ея узналъ только теперь!

— Не одобряю: тебѣ, какъ моему кузену, слѣдовало первому прочесть мое произведеніе и я очень обиженъ твоимъ равнодушіемъ! разсмѣялся Валеріанъ, садясь въ кресло.

— Ну, виновать, извинился Молчановъ:—больше не буду! Пожалуста, въ слѣдующей повѣсти, не выведи меня какимъ нибудь уродомъ!

— Такъ и быть: чтобы высказать свое незлобіе—выставляю тебя героемъ!

— Только не нашего времени! испуганно вскричалъ Молчановъ.—Теперешнее время—прескверное и быть героемъ его обидно!

— А чѣмъ оно скверно? спросилъ Ветлужскій.

— А тѣмъ, что воцарился сумбуръ какой-то! отвѣтилъ Молчановъ.

— Какъ и всегда во время реформъ...

— Да реформы-то слишкомъ часто слѣдуютъ одна за другой; не успѣла народиться эмансипація,—а ужъ почти готовы: реформа суда, городское самоуправленіе, созданіе земствъ и проч. Голова кружится отъ этого хаоса! И все поскорѣе, какъ можно скорѣе!

— А гдѣ-же вашъ братъ, Зинаида Александровна? воспользовавшись паузой, спросилъ Вальховцевъ.—Третьяго дня мы весьма пріятно провели вечеръ: вспоминали товарищей, офицерское житье...

— И были такъ любезны, перебила его дѣвушка:—что пили мое здоровье!

Совершенно нечаянно взглянулъ Валеріанъ на Никольцеву: она глазъ не спускала съ Зинаиды.

Вальховцевъ всталъ и простился: Ветлужскій проводилъ его до передней и пригласилъ, по просьбѣ Голубцовыхъ, пріѣхать въ пять часовъ къ обѣду, но молодой чело-

вѣкъ отклонилъ это приглашеніе, сославшись на заранѣе данное имъ слово дядѣ Александру Семеновичу.

XI.

Прошли послѣднія недѣли великаго поста, миновала и Святая недѣля; успокоились тревоженія членовъ высшаго общества, разгулъ рабочаго и празднаго класса. Трудъ вошелъ въ свою колею. „Красная горка“ положила начало свадьбамъ, конецъ апрѣля посадилъ за дѣло учениковъ и ученицъ: экзамены близко. Дни чудные: безоблачное небо, яркое солнце, полная тишина въ природѣ. Не только стряхнула она съ себя погрязнѣвшій покровъ, но и возродилась: вспухли почки на деревьяхъ, стали развертываться листь, кой-гдѣ пробилась травка; безостановочно бѣгутъ ручьи, полна до береговъ рѣчка, быстро несетъ она неприглядные остатки зимы. Слетѣвшіеся съ разныхъ сторонъ птицы оглашаютъ воздухъ своимъ веселымъ крикомъ. охотники приводятъ въ порядокъ ружья и все чаще и чаще отправляются на „тока“. Жизнь оживилась. И снова, какъ и прежде, все молодое, здоровое ликуетъ, все старое и дряхлое оживаетъ на время, страшится весеннихъ болѣзней, угрожающихъ неизбѣжнымъ концомъ!

Зинаида и Ветлужскій на порогъ счастья: завтра, 23 апрѣля, ихъ свадьба.

Когда наканунѣ Валеріанъ, приглашенный на мальчишникъ, около десяти часовъ, вошелъ въ переднюю княжескаго дома и сталъ раздѣваться—изъ гостиной послышался взрывъ смѣха и аплодисменты. Петя Ефимьевъ, какъ оказалось, увеселялъ гостей разсказами извѣстнаго артиста Горбунова... Гости было немного: Васьковъ, Мячиковъ, Молчановъ, Ефимьевъ, Голубцовъ и Казаковъ—полицмейстеръ изъ военныхъ, весьма порядочный молодой человѣкъ. Поздоровавшись со всѣми, Вальховцевъ усѣлся вмѣстѣ съ Голубцовымъ около князя и приготовился слушать Петю: но тотъ отказался отъ дальнѣйшихъ юмористическихъ разсказовъ и безцеремонно спросилъ Ветлужскаго, скоро-ли подадутъ ужинъ?

— Сейчасъ, разсмѣялся князь,—подождите минуту—другую!

— Что, вставилъ Молчановъ,—кушать захотѣли?

— А вы какъ думаете: я-вѣдь вамъ семь или восемь рассказовъ „изобразилъ“, жестикулировалъ, вложилъ душу свою въ рассказъ—понятно, что надо подкрѣпиться и отдохнуть!

— Это зачѣмъ-же вы душу въ такіе юмористическіе рассказы вкладываете? насмѣшливо спросилъ Васьковъ.— Душа дана намъ не для этого, а для другого, посеріознѣе!

У Ефимьева сверкнули глаза.

— Вы не понимаете выраженіе: „вложилъ душу“... А вы вотъ что мнѣ скажите, уже сердясь, спросилъ онъ:—для чего мозгъ вамъ вложенъ... для глупостей?

Всѣ смолкли; Васьковъ растерялся.

— Это дерзость!.. Я... задыхаясь, проговорилъ онъ.

— Полноте господа... у меня въ домѣ... и наканунѣ моей свадьбы!.. Пожалуста перестаньте! уговаривалъ Ветлужскій.—Оставьте, Петръ Васильичъ, обратился онъ къ Ефимьеву.

— Да ну его! махнулъ рукою Петя.—Я и говорить то съ нимъ не хочу! отвернулся и пошелъ къ Вальховцеву.— Валя, а когда Рудневичъ вернется?

— На дняхъ вѣроятно; сороковой день уже прошелъ. Подошелъ Голубцовъ.

— Валерьянъ Николаичъ, свадьба въ восемь часовъ; можно мнѣ завтра заѣхать къ вамъ переговорить?

— Еще-бы! Но съ условіемъ, Павелъ Александрычъ... Вы когда заѣдете?

— Когда прикажете...

— А вотъ когда: въ половинѣ третьяго будьте въ „Парижъ“... Тамъ мы отобѣдаемъ... Идетъ?

— Конечно идетъ! А на счетъ мѣню потрудитесь ужъ вы...

— Слушаю-съ.

— Послѣ вѣнчанія молодыхъ поздравятъ въ домѣ князя и послѣ того они сейчасъ-же уѣзжаютъ въ „Марфино“.

— По петербургскому значить—вполнѣ одобряю! А то эти хлопоты съ ужиномъ, возгласы „горько“! и прочее—ужасно все это тривьяльно!

— Кто вѣнчать будетъ?

— Духовникъ сестры, отъ Николая чудотворца, о. Ве-

ніаминъ, а молебень отслужить о. Іоаннъ, отъ Казанской Божіей Матери.

— Господа, милости просимъ! пригласилъ хозяинъ.— Кушать подано... Какъ мнѣ жаль, обратился онъ къ Вальховцеву,—что произошелъ такой неожиданный инцидентъ между Васьковымъ и Ефимьевымъ...

— Не беспокойтесь, князь: это за ужиномъ уладится: усмѣхнулся Валеріанъ.

— Можно мнѣ около васъ пріютиться? шепнулъ Голубцовъ.

— Очень буду радъ.

И они направились къ закускѣ, гдѣ уже работали остальные гости...

— Да это что-жъ такое? черезъ нѣсколько минутъ, шопотомъ спросилъ Вальховцева Павелъ Александровичъ.

— А что?

— Васьковъ только что чокнулся съ Ефимьевымъ!

— Да вѣдь я говорилъ, что этимъ кончится!.. Ну и слава Богу!.. А васъ это удивляетъ?

— Однако какъ-же это такъ?

— А очень просто: оба—люди не злобные!—Ваше здорье, Павелъ Александровичъ!

Они чокнулись и пошли къ столу.

ХІІ.

На другой день, въ домѣ Ветлужскаго, съ десяти часовъ утра уже началась суeta. Васьковъ и Мячиковъ, весьма довольные обязанностію шаферовъ, рыскали то туда, то сюда, спрашивали князя о всякой мелочи и порядочно надоѣли ему. Церемонія вѣнчанія ожидалась парадная: великолѣпный старинный храмъ Казанской Божіей Матери долженъ былъ быть освѣщенъ какъ въ пасхальную заутреню, приглашены были два лучшіе хора пѣвчихъ и соборный протодіаконъ. Этого желали не только Ветлужскій, но и родня неvěсты.

Пока шафера ѣздили и хлопотали, а въ домѣ шли приготовленія, князь, лежа на кушеткѣ у себя въ кабинетѣ, въ ожиданіи завтрака философствовалъ: „какой это глупый обычай не видать, въ день свадьбы, своей неvěсты! А и

будущая теща и madame Никольцева усиленно требовали, чтобы я исполнилъ этотъ обычай. Онѣ, ради его, еще заморятъ Зину голодомъ! Легко-ли съ утра и до десяти часовъ вечера ничего не ѣсть! Меня тоже моя нареченная мать, Ольга Николаевна, уговаривала поститься до вѣнчанія и я общалъ ей, но, *pas si bête* ¹⁾, конечно обману!.. Вонъ позвонили... шафера вѣрно... Закусимъ, н... вплотную! Обѣдать нельзя: неприлично... „*devant les gens!*..“ ²⁾ такъ завтракомъ подкрѣпимся!“

Вошелъ камердинеръ.

— Что Матвѣй: шафера пріѣхали?

— Никакъ нѣтъ... Чиновникъ отъ губернатора... Спрашиваетъ его превосходительство, когда будутъ благословлять къ вѣнцу?

— А я и самъ не знаю! привсталъ Ветлужскій.—Скажи, что шафера извѣстятъ.

— Слушаю.

По уходѣ лакея, женихъ повернулся на другой бокъ и продолжалъ свои размышленія: „ну вотъ, нѣсколько часовъ —и я человѣкъ женатый... Полная перемѣна жизни! А между тѣмъ я спокоенъ, никакой „*émotion*“ ³⁾ не чувствую—странно! Или это отъ того, что я сильно люблю Зину или... — А конфузно будетъ войти въ церковь: масса народа, всѣхъ сортовъ,—все это паялить глаза на насъ будетъ, какъ на диковину, потомъ эти скучныя поздравленія... (Ветлужскій закурилъ папиросу)—Какъ Зину попрочнѣе пріучить къ себѣ? Какъ сдѣлать это поделикатнѣе? Вѣдь тутъ мелочью какою-нибудь, неладно сказаннымъ словомъ можно испортить себѣ будущее—вотъ что страшно!.. Заронишь чтонибудь въ эту юную, впечатлительную душу и кайся потомъ!—Отчего это у меня къ тестю душа не лежитъ? Положимъ: у него видъ совершенно квартальнаго, а не помѣщика, но вѣдь есть и квартальные симпатичные... И ласковъ онъ ко мнѣ и предупредителенъ, а все казалось-бы лучше отъ него подальше!.. Я думаю, что это все слѣдствіе разныхъ наговоровъ, что смотрю я на него съ предубѣжденіемъ... (Ветлужскій затынулся и бросилъ окурокъ въ пе-

¹⁾ Но я не настолько глупъ.

²⁾ Передъ прислугой.

³⁾ Душевное волненіе.

пельницу).—Однако неужели съ нами поѣдутъ въ „Марфино“ Никольцева, Кареловъ, папаша и мамаша?.. Отъ нихъ станетъ! Можетъ-быть и это обычай? А вдругъ вздумаютъ погостить дня два-три? Страшно даже и подумать!

Явились шафера.

— Были у васъ съ обыскомъ? спросилъ Васьковъ.

— Нѣтъ.

— Ну такъ сейчасъ будутъ... уже два часа, взглянулъ онъ на часы.

Подали завтракъ; пріѣхалъ діаконъ съ обыскомъ и внесли въ книгу, что было нужно; князь вложилъ въ нее красненькую и діаконъ уѣхалъ.

— Теперь пора, господа, везти „corbeille de nocе“¹⁾, вставая изъ-за стола, сказалъ Ветлужскій.— Матвѣй, подай корзинку.

Изящная corbeille de nocе была выписана изъ Петербурга; въ нее положены были брилліантовые: колье, серьги, брошь, небольшіе часы, нѣсколько браслетовъ и традиціонные духи и прочее. Съ нескрываемымъ удовольствіемъ взглянулъ князь на удивленные лица шаферовъ, да и было чему дивиться: въ корзинкѣ положено было тысячъ на десять драгоценныхъ вещей!

— Да вотъ еще что, вспомнилъ Ветлужцевъ:—пріѣзжалъ чиновникъ отъ губернатора, просилъ увѣдомить, когда будутъ благословлять?

— Вѣнчаніе назначено въ восемь часовъ—значить въ семь надо быть у Ольги Николаевны, сказалъ Васьковъ.

— Такъ увѣдомьте, господа, губернатора; сvezите корзинку и затѣмъ къ Бронецкому.

Въ семь часовъ ровно, женихъ съ шаферами пріѣхалъ въ домъ Петра Семеновича Вальховцева. Тамъ, въ гостиной, губернаторъ, Ольга Николаевна, Александръ и Петръ Семеновичъ Вальховцевы, Софья Алексѣевна и другіе ждали князя; приплелась и любительница церемоній—старушка Мокрицкая.

— Итакъ, князь, здороваясь, обратилась къ нему Ольга Николаевна,—vous voilà á la veille d'une grande époque de la vie²⁾—да пошлетъ вамъ Господь всего хорошаго! Votre Zina est adorable³⁾.

¹⁾ Свадебная корзинка.

²⁾ Вотъ вы накануне большой эпохи жизни.

³⁾ Ваша Зина—совершенная прелесть.

Прошамкалъ что-то теплое и Константинъ Александровичъ. Мокрицкая не утерпѣла, чтобы не отозвать въ сторону Вальховцеву и шепнуть ей:

— Спроси жениха: надѣлъ онъ поясокъ?

— Какой поясокъ? небрежно спросила Ольга Николаевна.

— Что это, ма сѣге, даже обидѣлась старушка,—точно не знаешь: поясокъ освященный... Старинными порядками пренебрегать не слѣдуетъ! Да скажи ты князю, чтобы онъ первымъ ступилъ на подножіе, и непременно правой ногой, это вѣрная примѣта, кто изъ двухъ будетъ господиномъ!

— Этого я не сдѣлаю; напротивъ, устрою такъ, чтобы Зинаида ступила первая.

— Напрасно... противъ правилъ! съ неудовольствіемъ, отошла отъ Вальховцевой Мокрицкая, но черезъ минуту вернулась:—смотри, Оля, чтобы молодые послѣ вѣнчанія не ѣхали отъ церкви вмѣстѣ, да еще со свѣчами въ рукахъ—*c'est commun* ¹⁾, а чтобы женихъ ѣхалъ съ губернаторомъ, а невѣста съ Никольцевой... Войти въ залу вмѣстѣ—другое дѣло.

Ольга Николаевна махнула рукой и, ничего не отвѣтивъ, пригласила всѣхъ въ залу, гдѣ въ красномъ углу, на ломберномъ столѣ, покрытомъ скатертью, стояли иконы и хлѣбъ-соль.

Благословеніе состоялось въ полномъ порядкѣ и свадебный поѣздъ вскорѣ двинулся къ церкви.

XIII.

На площади передъ церковью, правильно, по четыре въ рядъ, разставлены были кареты, съ гербами на дверцахъ и съ ливрейными „выѣздными“ около нихъ; за каретами слѣдовали коляски, полуколяски, брички, дрожки, и подобіе деревенскихъ долгушъ, „гитары“. Усиленный нарядъ полиціи и конные жандармы держали, какъ тогда говорили, въ „решпехтѣ“ кучеровъ и извозчиковъ и главнымъ образомъ наблюдали за толпой, скучившейся на паперти храма и на ближайшей къ ней части площади, постоянно перебѣгавшей корридоръ, охраняемый высшими чинами полиціи.

Подѣхала карета съ губернаторомъ и женихомъ; дверцы отворились, плащи начальника губерніи и Ветлуж-

¹⁾ Это помѣщански.

скаго упали на руки городовыхъ, массивная дверь распахнулась и женихъ, съ посаженнымъ отцомъ, переступили порогъ церкви. Храмъ былъ полонъ народа; широкая дорожка отъ входа до рѣшетки, охраняемая полиціей, разсѣкала на двѣ половины толпу; зрителей было такъ много, что клироса придѣловъ, подоконники и даже „солеи“ были заняты. Освѣщеніе было полное, какъ въ пасхальную утреню. Пѣвчіе, на два хора, удивляли сбѣжавшихся изъ подгородныхъ деревень бабъ и парней своими синими и малиновыми кафтанами, обшитыми золотыми и серебряными позументами.

Вошелъ женихъ, за нимъ губернаторъ и шафера. Толпа, тѣсняясь, устала глаза на нихъ и на открытую дверь; кой-гдѣ блеснули бинокли въ рукахъ любопытныхъ, преимущественно женщинъ, но любопытство продолжалось недолго: ждали невѣсту, будущую княгиню, красавицу, о которой такъ много говорили...

Васьковъ и Мячиковъ поѣхали доложить невѣстѣ о томъ, что женихъ въ церкви; Ветлужскій всталъ около входной двери; къ нему подошли знакомые, поболтали. Толпа смолкла и продолжала упорно смотрѣть на открытыя двери: любопытство было напряжено; если кой-гдѣ заговорятъ или ребенокъ задастъ вопросъ—тотчасъ-же легкій „ш—шъ!“ остановить нарушителя тишины.

Прошло минутъ двадцать.

Продребезжали колеса каретъ, полицейскіе зашевелились, махнулъ рукою стоявшій у входа городской... Еще минута—и два хора грянули: „Гряди!“

Перешелъ порогъ хорошенькій мальчикъ, съ небольшою иконой въ рукахъ, и направился къ аналою, за нимъ невѣста съ Никольцевой и шаферами; женихъ подаль лѣвую руку невѣстѣ и, подъ громкое, стройное пѣніе, подъ разнообразный шопоть окружающихъ, шуршаніе женскихъ шлейфовъ и слабый звонъ шпоръ и сабель, князь и будущая княгиня подошла къ аналою. Духовникъ Зинаиды зажегъ, поданныя ему діаконъ, свѣчи и подошелъ къ обручающимся. Хоры прекратили пѣніе и говоръ толпы мгновенно смолкъ. Священникъ благословилъ жениха и подаль ему свѣчу, то-же повторилъ и съ невѣстой. Діаконъ, взявъ въ правую руку конецъ ораля, поклонился священнику и, обратившись къ аналою, положилъ на себя крестное знаме-

ніе и медленно, отдѣляя слова, звучно пробасилъ: „Благослови владыко!“

— „Благословенъ Богъ нашъ“, благоговѣйно возгласилъ священникъ и обрядъ обрученія начался.

Внутри рѣшетки установились въ полномъ порядкѣ родные и знакомые: съ лѣвой стороны—дамы и дѣвицы, съ правой мужчины. Много было прелестныхъ костюмовъ женщинъ, выдѣлялись изъ толпы военные и придворные мундиры, изящные фраки, блестѣли звѣзды и ордена. Подъ звуки пѣнія и возгласовъ, послѣ недолгой тишины, снова загудѣлъ тихій говоръ мужчинъ и торопливыя сужденія женщинъ.

Зинаида, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, отдѣланномъ небольшими, но настоящими бруссельскими кружевами (это уже разсмотрѣли женщины), съ легкой фатой, схваченной на лбу крупной брилліантовой фероньеркой, съ такими-же серьгами и брошкой, красивая, стройная, производила впечатлѣніе: публика средняго сорта просто восхищалась дѣвушкой, но „la haute-volée“ ¹⁾, въ особенности мамыши и тетунки невыданныхъ замужъ дѣвицъ относились къ невѣстѣ пренебрежительно, и стараясь отыскать въ ней недостатки съ цѣлю умалить эффектъ, произведенный Зинаидой на публику.

— Экая душечка! восклицала за рѣшеткой добродушная мѣщанка, радостно глядя на невѣсту;—красива-то какъ!.. И какъ она, сердечная, Богу молится, счастья просить... Вонъ свѣчка у нея такъ и прыгаетъ въ рукѣ! А личико-то какое...—Анна, да что ты, не слышишь что-ли, а-ль тебѣ эта барышня не по мысли?

— Чего не по мысли?.. Я може лучше тебя въ нее возрилась! Смотри, какъ она святого брака у Бога просить: головой не вертитъ, платью не осматриваетъ, какъ другія дѣлають, а все что священникъ говоритъ—сердцемъ запоминаетъ! Нѣтъ, Апрося, мнѣ напрімѣръ не то въ голову лѣзло, какъ меня вѣнчали: я, прости Господи, злилась подъ вѣнцомъ! Тятка задумалъ отдать меня пьяницѣ—ну что тутъ подѣлаешь? Передъ самымъ рукобитіемъ, женишокъ

¹⁾ Высшее общество.

Мой какъ сапожникъ нализался! Чего ужъ тутъ! Молила я отца порвать бракъ—„пустяки“ говоритъ,—„стерпится—слюбится.. да я и денегъ не мало просадила!“—И выдали меня, шестнадцатилѣтнюю дѣвчонку, за пропойцу! Хорошо еще что Господь вскорѣ прибравъ къ себѣ этого бѣлаго змія!

— Знаешь, Анна, просто оторвать глазъ не могу я отъ этой диковинной красотки... Надо быть добрая она!

— А вотъ, говорить, что не добрая она, капризная вмѣшалась, вслушивавшаяся въ ихъ разговоръ, сосѣдка:—отъ горничныхъ слышала... Ругаться люта да и...

— Ну что „да и“? раздраженно перебила ее Апрося;—вранье какое-нибудь... Можетъ горничныя-то твои не ругани, а „по затылку“ стоять! Всякія бываютъ... Да если и отъ барышень они наслышаны—тоже пустое: барышнямъ завидно, что она княгиней будетъ, и съ деньгами... а также за красоту не любятъ... Вонъ, смотри: третья отъ конца стоитъ... рыжеватенькая... Ну гдѣ ей тягаться съ Голубцовой: харя, какъ есть харя... Ну кому эдакая нужна? Вотъ и злобится!

— Интересно: долго-ли медовый мѣсяцъ у нихъ продлится! шипѣла одна изъ мамашъ потихоньку другой мамашѣ;—скажу тебѣ по секрету, что навѣрно Голубцова, не сегодня—завтра, настоящій романъ разыграетъ! Титуль получила, князя въ руки заберетъ, вмѣстѣ съ денежками, а это не трудно, и дружка приголубить!

— Да кого, Софи?

— Что это, ma chère, да откуда ты пріѣхала? Вальховцева конечно!

— Да вѣдь его она забракowała, разошлась съ нимъ!

— Ты точно институтка, Маня! презрительно сказала Софи;—отводъ это былъ одинъ; какъ мужъ Вальховцевъ ей не годится: титула нѣтъ и денегъ мало,—князь-же все это имѣетъ, но въ дружки не годится. Зинаида по прежнему любить Валерушку; на первыхъ порахъ она конечно будетъ aux petits soins ¹⁾, ласкова и предупредительна съ княземъ, а потомъ и сдѣлаетъ volte-face! ²⁾

— Не вѣрю; сплетня и больше ничего!

— Смотри! торопливо указала Софи на Вальховцева, который нагнулся къ невѣстѣ и что-то шепталъ ей черезъ

¹⁾ Всевозможно подслуживаться.

²⁾ Обернется въ другую сторону.

плечо;—видишь? Подъ вѣнцомъ—и все-таки переговоры... улыбается... а тотъ-то такъ и напѣваетъ! Гадко даже смотрѣть, точно мѣсто здѣсь для подобныхъ объясненій!

Дѣйствительно: они перекинулись нѣсколькими словами, совершенно невинными: Зинаида просила шафера не касаться вѣнцомъ ея шевелюры, чтобы не затронуть ея фероньерки!

Въ большой гостиной квартиры Ветлужскаго, бывшаго дома богатаго помѣщика, перешедшаго съ торговъ въ цѣпкія руки какого-то аффериста, приготовились уже къ встрѣчѣ новобрачныхъ; родные и знакомые заполнили не только гостиную, но и часть зала. Впереди, возлѣ стола съ иконами и караваемъ хлѣбъ-соль, стояли родители Голубцовы и посаженные, за исключеніемъ Бронцакаго и Никольцевой. Любопытные заглядывали въ окна, въ передней ожидали молодыхъ. Въ буфетной *maitre d'hotel*, во фракѣ, бѣломъ жилетѣ и галстухѣ, тщательно выбритый, готовился разливать шампанское; на серебряныхъ подносахъ лежали фрукты разныхъ сортовъ и конфекты. Освѣщеніе было полное.

Подѣхала карета съ шаферами невѣсты, за ней князь съ губернаторомъ и Зинаида съ Никольцевой. Въ боскетной новобрачные были встрѣчены Голубцовыми и посаженными. Послѣ благословенія, внесены были шампанское и фрукты и начались поздравленія.

Черезъ полчаса гости разъѣхались, а черезъ часъ послѣ того молодые отправились ужинать въ „Марфино“. Къ великому удовольствію князя, да пожалуй и новобрачной, ни родители, ни посаженные, ни шафера имъ не сопутствовали.

XIV.

На другой день, часовъ около одиннадцати утра, Вальховцевъ счелъ нужнымъ посѣтить Кареловыхъ. Михайлъ Павловичъ конечно былъ уже въ присутствіи, Таня была одна. Она очень обрадовалась Валеріану, хотя что-то тревожное замѣчалось на ея лицѣ. Узнавъ, что Вальховцевъ прямо изъ дома, Таня сейчасъ-же послала въ „Парижъ“ за завтракомъ, а пока—кузены, усѣлись пить кофе.

— Ты, надѣюсь, не на одну минуту явился? ласково спросила Карелова.

— Пока не прогонишь! весело отвѣтилъ Валеріанъ;— я собирался сегодня въ „Янкино“, но разъ ты еще здѣсь —развѣ могу я, Таничка, это сдѣлать?

Сказано было такъ искренно, такъ дружески,—что дѣвушка невольно разгладила лобъ и, съ улыбкой, сказала:

— Спасибо, милый... А я думала, что улетишь повѣсть свою кончать, не повидавши меня!

— Повѣсть—повѣстью, Таня, а дружба—дружбой! и онъ крѣпко поцѣловалъ ей руку.

— Ну что, какое вынесъ ты впечатлѣніе о вчерашнемъ?

— Все прошло прилично... Зинаида была красива и прекрасно себя держала...

— Не правда-ли? перебила его Таня;—и, какъ замѣтила тетка Мокрицына, въ большомъ „авантажѣ“!

— Да развѣ тетка была въ церкви?

— Конечно! Развѣ можетъ она пропустить такую церемонію? Спряталась за рѣшеткой, недалеко отъ меня... Ужасно шипѣли, изподтишка, перезрѣвшія барышни и мамыши: всячески Зину критиковали!

— Зависть, Таничка: обыкновенный человѣческій грѣхъ! Какъ тамъ не верти, а Зинаида Голубцова теперь—княгиня Ветлужская и денегъ у нея будетъ куча: какъ не позавидывать!—хороша она была съ тобой на дѣвичникѣ?

— Какъ родная сестра! Я даже и не ожидала такой привязанности! Правда, здѣсь въ К. ближе меня у нея ни кого нѣтъ... Тѣмъ не менѣе это очень мило съ ея стороны! —А съ тобой любезна была?

— Очень; говорили мы только мало: некогда было...— Какъ понравилась тебѣ *corbeille de pose*?

— Вещи выбраны съ большимъ вкусомъ; часы—прекрасны; *rien de criant*... ¹⁾ Брошка не понравилась мнѣ: брилліанты крупные,—сейчасъ видно, что вещь дорогая, но вкуса по моему мало: буржуазно... Впрочемъ, можетъ быть я и ошибаюсь...

— Неужели невѣста весь день голодала? разсмѣялся Вальховцевъ.

— Нѣтъ! Какъ ни сторожила Ольга Николаевна—Зину покормили: камеристка ея сговорила съ поваромъ и не-

¹⁾ Ничего бросающагося въ глаза.

вѣстѣ, тайкомъ, и то и другое подали... Конечно дѣлалось это „съ опаской“, какъ говорила горничная.

Принесли холодную осетрину и рябчика; кузены усѣлись кушать.

— Таничка, послѣ паузы, спросилъ улыбаясь молодой человѣкъ,—а вчерашняя церемонія не возбудила въ тебѣ желаніе тоже выйти замужъ?

— Какъ это ты, умный человѣкъ, и задаешь такіе вопросы? опустивъ ножикъ и вилку, серьезно возразила дѣвушка;—да развѣ вся эта обстановка, мишура могутъ дѣйствовать духовно?.. Валерьянъ Николаичъ, простите: вы глупый вопросъ мнѣ задали! улыбнулась Таня.

— Ну прости: я—вѣдь это шутя...

— Нѣтъ, не шутя, Валя: этотъ вопросъ свидѣтельствуешь, что ты считаешь меня легкомысленной, вѣтренной... Что мнѣ вчерашняя церемонія? Развѣ она можетъ зародить во мнѣ любовь?.. А развѣ безъ любви можетъ состояться честный бракъ?

— Полно тебѣ нападать на меня: я уже два раза сказалъ, что пошутилъ!

— Валя, милый, ты черезчуръ поверхностно смотришь на насъ, дѣвушекъ... Всякія есть... По моему, надо сперва полюбить человѣка, да и крѣпко полюбить, до самопожертвованія, а потомъ уже о бракѣ думать!.. А это что за бракъ? Захотѣлось быть княгиней, да еще богатой, князь влюбился—ну и лови счастье! разсмѣялась Карелова.

— А ты, Таничка, ой-ой-ой какая крѣпкая! замѣтилъ Вальховцевъ.

— А, по твоему, развѣ лучше слабой быть, идти туда, куда вѣтеръ гонить? Нѣтъ, Валя, стойкость вообще необходима, а для брака и того необходимѣе! Настоящій бракъ—контрактъ на всю жизнь, безъ расторженія: этого требуютъ и религія и честь!

Вальховцевъ взглянулъ на Карелову нѣсколько удивленно: никогда еще дѣвушка не показывалась такой твердой и честной! „Да, это не Зинаида! мелькнуло у него въ головѣ и, совершенно произвольно, взялъ онъ и поцѣловалъ ея руку.

— Ты что это? спросила Таня.

— Преклоняюсь передъ тобой!

— Насмѣшка? встревожилась она.

— Боже сохрани! Ты—чудная дѣвушка! вторично поцѣловаль онъ ея руку.

Вошла горничная.

— Изъ присутствія сторожъ пришелъ, доложила она: —папаша проситъ прислать зеленый портфель, что на столѣ у нихъ лежитъ... Забыли...

— Хорошо, и Таня вышла изъ комнаты.

XV.

Вернувшись отъ Кареловыхъ домой, Валеріанъ былъ пріятно удивленъ, встрѣтивъ у себя Рудневича.

— Когда пріѣхалъ? Твой здоровы? обнимая его, спросилъ Вальховцевъ.

— Вчера, прямо въ Кузнецово; жена и дочь здоровы... спасибо... Я—вѣдь къ тебѣ второй разъ заѣзжаю... И куда ты, въ такую рань изъ дома выѣхалъ?

— Былъ у Кареловыхъ; думалъ, что рано въ „Плоское“ уѣдутъ... А ты сегодня утромъ явился сюда?

— Да, представлялся губернатору, благодарилъ за отсрочку отпуска... Милый старикъ!—Ты что-же: въ „Янкино“ отправляешься... сегодня?

— Часа черезъ два; надо купить кой-что... А ты?

— Ъду сейчасъ: вѣдь Вѣрочка на одномъ чаѣ сидитъ, надо ей сѣстного привезти... Ты на своихъ здѣсь лошадяхъ?

— Да; а что?

— А то что сдѣлай ты маленькій крюкъ и пріѣзжай въ Кузнецово поужинать: Вѣрочкѣ очень хочется повидать тебя...

— Объ этомъ я уже думалъ, да не сказалъ: устроиться не успѣли—какіе ужъ тутъ гости—обуза одна! разсмѣялся Валеріанъ.

— Другихъ гостей я-бы и не пригласилъ, но ты, милый другъ,—*vous êtes de la famille...*“ ¹⁾ Разница!—Ну такъ будешь? Голоднымъ не отпущу!

— Да, ужъ пожалуста чѣмъ нибудь покорми! жалобно отвѣтилъ Вальховцевъ.

¹⁾ Вы — семейный нашъ!

Вечеромъ къ семи часамъ, Валеріанъ явился въ Кузнецово; Рудневича не было дома: онъ поѣхалъ, за три версты, просить священника отслужить завтра благодарственный молебенъ; приняла Вальховцева Вѣра Александровна.

Поговоривъ о пребываніи своемъ въ Петербургѣ, о завѣщаніи покойнаго генерала, хозяйка полюбопытствовала узнать о свадьбѣ Зины Голубцовой. Валеріанъ передалъ ей все, что ее интересовало: обстановку свадьбы и отношенія новобрачныхъ другъ къ другу.

— Вы-то когда послѣдуете ихъ примѣру? улыбнулась Вѣра Александровна.

— Когда Богъ велитъ! Вѣдь женитьба не шутка: одному — счастье, другому — гибель! отвѣтилъ Вальховцевъ. — Не вездѣ — вѣдь найдешь такую семейную тишь да гладь, какъ у васъ!

— Мнѣ кажется, что и тишь и гладь зависятъ отъ насъ самихъ...

— Такъ-то такъ, а вмѣшается бѣсъ — и раздоръ готовъ!

— А вы бѣса побѣдите — и миръ водворится!

— Ой, Вѣра Алексардровна, бѣсы-то умнѣ насъ, ловче и хитрѣ: гдѣ намъ съ ними бороться!

— Крестъ на то есть... Вѣра поможетъ...

— Вѣра безъ дѣлъ — мертва!

— Вспомните Авраама, положившаго на жертвенникъ Исаака, и оправдывайтесь дѣлами!

— Гдѣ намъ! Напоказъ только мы — христіане, да и то не всѣ! Теперь въ ходу такіа пошлости: „а чѣмъ я виновать, что Богъ родилъ меня на свѣтъ, когда я не просилъ Его!“ или: „Богъ безконечно милостивъ — значитъ, во всякомъ случаѣ, простить намъ грѣхи!“

— Молиться надо и не унывать! вотъ что сказалъ Спаситель въ своей притчѣ „о несправедномъ судѣ“.

Молодой человѣкъ удивленно взглянулъ на хозяйку.

— Вы что это: удивились? улыбнулась она.

— Немножко!

Они помолчали.

— Вы спрашивали, когда женюсь, продолжалъ Валеріанъ, — а знаете-ли, Вѣра Александровна, что не смотря на мои двадцать семь лѣтъ я до сихъ поръ влюбленъ не былъ!

— Что-жъ тутъ удивительнаго: не пришлось—вотъ и все!—А флиртомъ занимались?

— Случалось... но вѣдь это пустякъ: сердце въ немъ не участвовало...

— И вы, пофлиртовавъ, ухаживаніе бросали?

— Конечно; какъ мимолетный дымъ казавшейся любви!

— Вы слѣдовательно думаете, что любовь сразу охватываетъ человѣка?

— Право незнаю! улыбнулся молодой человѣкъ;—Васъ—вотъ надо спросить: прочтите-ка мнѣ лекцію, Вѣра Александровна!

— Смѣяться будете...

— Боже сохрани! Я преклоняюсь передъ любовью вашей къ Володѣ: такой бракъ не скоро встрѣтишь!

— Любовь зарождается не сразу, Валерьянъ Николаичъ: у нея есть періоды... Первый—восхищеніе предметомъ, на которомъ остановился взглядъ; имъ любятъ, желаютъ видѣть чаще; второй—надежда на сочувствіе, стремленіе достигъ его... рождается вопросъ: любить-ли меня она или онъ? Сомнѣнія, безпокойства, нервность... Наконецъ: счастливая развязка и безумная радость!

— Да вы—поэтесса, Вѣра Александровна!.. И все это вы переиспытали?

— А не переживъ все это, развѣ можно передать такія чувства?.. Мой вамъ совѣтъ, если позволите: не увлекайтесь флиртомъ! Настоящее, прочное чувство вы сейчасъ узнаете: оно затронетъ всѣ фибры ваши, сейчасъ-же умягчитъ ваше сердце... Вы какъ будто скинете съ себя тяжелую свѣтскую оболочку и сразу почувствуете, что духовная часть вашего „я“ побѣдила въ васъ часть житейскую, обыденную.—Простите, я увлекаюсь...

Разгорѣвшаяся, съ блескомъ въ глазахъ, молодая женщина была неузнаваема.

— Какъ вы однако любите вашего мужа: воспоминаніе о томъ, что уже прошло—до сихъ поръ волнуетъ и живить васъ!

Вошелъ Рудневичъ и Вѣра Александровна пошла изъ комнаты.

— Ты куда? спросилъ онъ,—посиди съ нами...

— Надо Олю уложить, да объ ужинѣ позаботиться...

— Ну какъ сошла княжеская свадьба? поинтересовался Владиміръ Григорьевичъ, послѣ паузы.

Вальховцевъ повторилъ то-же, что рассказывалъ Вѣрѣ Александровнѣ и спросилъ:

— Ты-то сообщи о своемъ пребываніи въ столицѣ.

— О послѣднихъ дняхъ отца я уже писалъ тебѣ; похоронили его въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ моею матерью: отецъ тогда еще купилъ себѣ мѣсто. Дорожку къ Карамзинской церковкѣ знаешь? (Валеріанъ утвердительно кивнулъ головой) Ну, такъ налѣво, на второй дорожкѣ отъ воротъ. Похороны были грандіозныя: два баталіона —скаго полка, артиллерія... Провожали: товарищъ министра, члены совѣта, друзья и знакомые. Отца любили... Офицеры несли подушки съ орденами. Два хора, попеременно, играли похоронные марши, пѣли пѣвчіе отъ двухъ церквей.

— А гдѣ отпѣвали?

— У Симеона, на углу Моховой и переулка; отецъ вѣдь около пятнадцати лѣтъ прожилъ на Моховой. На панихидахъ встрѣтился я съ другомъ моего дѣтства, Петей Астафьевымъ, гродненскимъ гусаромъ, котораго я не видалъ четыре года. Онъ стоитъ съ полкомъ въ Новгородѣ и съ нимъ живетъ его старушка—мать, Варвара Павловна. Въ 1847 году мы переѣхали въ Петербургъ и наняли квартиру на Моховой, черезъ три дома отъ Астафьевыхъ. Они были орловскіе, богатые помѣщики; семья Астафьевыхъ состояла изъ отца, Александра Петровича, нигдѣ не служившаго, его жены Варвары Павловны и дѣтей: Лизы—пятнадцати, Саши десяти и Пети—девяти лѣтъ. Мать моя была дружна съ Астафьевой еще съ низшаго класса Екатерининскаго института и вмѣстѣ съ ней окончила курсъ, обѣ шифренницами. Семья Астафьевыхъ была патриархальная, религіозная и замѣчательно добрая; мы видѣлись часто...

— И старушка была на похоронахъ?

— Приплелась... Всплакнула даже...

— А Саша и Лиза?

— Лиза недавно ушла въ монастырь, а Саша скончался уже камеръ-пажемъ, отъ тифа. Славный былъ мальчикъ!

— А какъ отнеслись къ тебѣ старики-генералы?

— А по петербургски: весьма вѣжливо, но конечно

холодно; одинъ только товарищъ министра обратился ко мнѣ сердечно: самъ навелъ на мысль просить объ опредѣленіи Оли въ Екатерининскій институтъ пансіонеркой... Конечно, я согласился и подаль уже прошеніе.

Они помолчали

— А Молчанова видѣлъ? спросилъ Вальховцевъ.

— Заѣзжалъ къ нему въ палату... Онъ что то не въ духѣ...

— Въ чемъ ты это замѣтилъ?

— Молодую княгиню продергиваль...

— Какимъ образомъ?

— Находить, что Зинаида Александровна черезъ-чуръ разбитна... Сейчасъ-же и изреченіе привелъ, какого-то француза: „une femme sans pudeur—est une rose sans parfum“¹⁾!

— Изреченіе недурное, но на что онъ злится?

— На меня даже разсердился, когда я совершенно невинно спросилъ его: „а когда вы, Алексѣй Александрычъ, женитесь?“—„А вотъ вамъ и другое изреченіе“, отвѣтилъ онъ: „en amour les femmes sont des anges, les hommes—des sots!“²⁾ Такъ зачѣмъ буду я жениться?“—Пришелъ секретарь съ бумагами—я воспользовался этимъ и уѣхалъ.

— Пожалуйста! съ порога гостиной, пригласила хозяйка; —ужинъ на столѣ!

Валеріанъ и Рудневичъ подошли къ закускѣ.

— Петербургъ! Милютины лавки! вскричалъ Вальховцевъ;—*Raté de foie gras*...³⁾ Честерь, конченная корюшка!

— За ужиномъ и другое будетъ, тебѣ знакомое, чего въ К. не имѣется! разсмѣялся Владиміръ Григорьевичъ.

— Что К.? Все хорошее выписывать надо или, что можно хранить, на ярмаркѣ закупать на цѣлый годъ!

— Будутъ, милый мой, перепела въ консервѣ, кнакъ-вurstъ отъ Людекенса и настоящій англійскій портеръ.

Рудневичъ раскупорилъ глиняный кувшинъ и налилъ серебряныя чарки.

— Ну, здравствуй Валерьянъ! чокнулъ онъ съ Вальховцевымъ.

— Джинъ... да еще настоящій!

¹⁾ „Женщина безъ стыдливости—это роза безъ запаха“!

²⁾ „Въ чаду любви женщина—ангелъ, мужчина-же—глупецъ!“

³⁾ Паштетъ изъ гусиной печени съ трюфелемъ.

— Полагаю, что онъ самый! разсмѣялся хозяинъ.— Закусимъ и повторимъ!

— Не будетъ-ли это лишнимъ? обратился молодой человѣкъ къ Вѣрѣ Александровнѣ.

— На здоровье! Вѣдь почти два мѣсяца не видались.

Послѣ ужина, Вальховцевъ, поболтавъ съ полчаса, уѣхалъ въ „Янкино“.

XVI.

По закрытіи сѣзда въ К., Валеріанъ пробылъ сутки въ городѣ, посѣтилъ губернатора, дядей и кой кого изъ знакомыхъ и къ ночи, перваго мая, поспѣшилъ въ „Янкино“: третьяго числа, рано утромъ, надо было уже выѣхать въ Залѣсовъ. На другой день пріѣзда онъ осмотрѣлъ поля, обошелъ постройки, лошадей и скотъ, заглянулъ въ огородъ и оранжереи и просмотрѣлъ отчетность. Около полудня, онъ только что усѣлся завтракать—какъ подъ окнами зазвенѣли бубенчики и, черезъ нѣсколько минутъ, вошелъ въ столовую Башиловъ, какъ всегда, изысканно вѣжливый и медоточивый. Вальховцева передернуло это появленіе: кромѣ непріятности видѣть фигуру Башилова,—его беспокоилъ этотъ пріѣздъ. „Что ему отъ меня надо?“ спрашивалъ онъ себя.—„Даромъ онъ не заѣхалъ-бы въ „Янкино!“

— Ну, простите, Николай Петровичъ, за скудный завтракъ, который я могу предложить вамъ: повара у меня нѣтъ, кормить меня старушка самоучка... Милости просимъ! садясь за столъ, пригласилъ молодой человѣкъ.

Михаилъ Ѳеодорычъ прибавилъ приборъ, поставилъ бутылку „Медока“ и подаль завтракъ: жареные дупеля и простоквашу.

— Откуда и куда? спросилъ Валеріанъ.

— Ёду въ Троицкую волость по порученію: тамъ у помѣщика Вишнякова какіе-то нелады съ крестьянами, ужимаясь и накладывая на тарелку дупеля, отвѣтилъ Башиловъ.—А вы давно здѣсь?

— Вчера въ ночь пріѣхалъ. Отчего вы не были на свадьбѣ Ветлужскаго?

— Я мало знакомъ съ княземъ и Голубцовыми... да и приглашенія не получилъ... Говорятъ, что свадьба была роскошная?

— Обстановка была прекрасная... Кромѣ родныхъ и знакомыхъ—масса любопытныхъ.

— Вы были шаферомъ невѣсты, а господинъ Кареловъ —посаженымъ отцомъ?

— Да; а у князя посаженными были: губернаторъ и Ольга Николаевна Вальховцева.

— А Татьяна Михайловна была на свадьбѣ?

— Какъ-же ей не быть: она съ невѣстой—подруги по институту.—Стаканчикъ краснаго?

Башиловъ подаль стаканъ; Валеріанъ налилъ вино.

— Вы, говорятъ, на масляницѣ много танцовали... и съ Татьяной Михайловной?

— Да; кухня ваша очень благосклонно относилась ко мнѣ... я этого даже не ожидалъ...

— Вѣроятно вы ей понравились, Николай Петровичъ! Кухина моя вообще дѣвушка сдержанная и надо думать вы произвели на нее большое впечатлѣніе, если она такъ благосклонно отнеслась къ вамъ! ядовито замѣтилъ Валеріанъ.

— О, если бы это было такъ! разразился вдругъ Башиловъ.

Вальховцевъ удивленно взглянулъ на него.

— Вы не влюбились-ли въ нее? удерживая улыбку и вмѣстѣ съ тѣмъ злясь на гостя, спросилъ онъ.

Башиловъ залпомъ выпилъ стаканъ медака и попросилъ налить ему другой.

— Мы здѣсь одни, выпивъ и другой стаканъ, нерѣшительно сказалъ Башиловъ:—позвольте мнѣ, Валерьянъ Николаевичъ, поговорить съ вами по душѣ!

— Пожалуста.

— Я къ вамъ съ просьбой, съ большой просьбой... Помогите мнѣ... Да, я влюбленъ въ Татьяну Михайловну и думаю, что и она не равнодушна ко мнѣ...

„Ахъ, чортъ тебя возьми... какой нахаль!“ мысленно вспылилъ Вальховцевъ.—Такого-то слизняка Таня вдругъ полюбить!

— Чѣмъ-же могу я служить вамъ?

— Вы такъ хороши съ кухиной вашей, что вамъ ничего не стоитъ вызнаться у нея, любить она меня или нѣтъ?

— Да вѣдь вы только что сказали, что, по вашимъ наблюденіямъ, Татьяна Михайловна не равнодушна къ вамъ?

— Но я могу ошибиться...

— Конечно! усмѣхнулся Валеріанъ.—Такъ что-же вамъ отъ меня нужно?

— Узнать навѣрно, отъ самой Татьяны Михайловны...

— Не берусь: Татьяна Михайловна разсмѣется и скажетъ: „а тебѣ что за дѣло?“—Нѣтъ, Николай Петровичъ, я совѣтую вамъ самимъ вызвать кузину мою на разговоръ.

— Ужасно это неловко!

Вальховцевъ зло улыбнулся.

— Да вѣдь не дѣвушкѣ-же объявлять вамъ, что она васъ любитъ!

Снова послышался звонокъ колокольчика и черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ столовую Рудневичъ.

Посидѣвъ послѣ завтрака съ полчаса, Башиловъ, къ великому удовольствію Валеріана и Рудневича, уѣхалъ и пріятель перешли въ кабинетъ.

— А ты знаешь, почему я такъ рано явился? сказалъ Владиміръ Григорьевичъ, закуривая папиросу.

— Чтобы посидѣть со мной подольше! разсмѣялся Вальховцевъ.

— Вовсе нѣтъ! Я хочу предложить тебѣ выѣхать сегодня, а не завтра утромъ.

— Это для чего? Чтобы лишнюю ночь ночевать въ грязномъ номерѣ, въ сообществѣ съ разными инсектами?

— Проспать можемъ и опоздаемъ къ открытію съѣзда: неловко заставлятъ себя ждать.

— Вздоръ! Ляжемъ сегодня пораньше и завтра въ шесть часовъ выѣдемъ.

— Ну, такъ и быть, только ты исполни мою просьбу...

— Какую?

— А вотъ какую: у тебя въ библіотекѣ, какъ я слышалъ, имѣются и „Труды вольнаго экономическаго общества“ и разныя книги и брошюры по сельскому хозяйству—не откажи мнѣ въ ознакомленіи съ ними.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ; у отца много было этихъ книгъ и брошюрокъ. Да ты что въ самомъ дѣлѣ хочешь обратиться въ серіознаго агронома?

— Агронома не агронома, а хочется заняться, какъ слѣдуетъ сельскимъ хозяйствомъ. Теперь я—мировой посред-

никъ, живу въ усадьбѣ—вполнѣ естественно стараться улучшить свое логово и добиться того, чтобы оно приносило хорошій доходъ.

— Ну, какъ кажется, доходъ у тебя не маленькій! улынулся Валеріанъ.

— Я не изъ жадности стремлюсь къ этому, а потому, что меня тянетъ къ землѣ... Мнѣ хочется поработать на ней, а слѣдовательно и доходъ получить съ моей работы.—Ну, такъ позволишь мнѣ отобрать кой какія книги и, на возвратномъ пути изъ Залѣсова, увезти ихъ въ Кузнецово?

— Благословляю! Ключъ отъ шкафа—вонъ на гвоздикѣ. Прошу только записать на бумажкѣ названія книгъ, которыя возьмешь... Да смотри: не оправдай французское изрѣченіе: „pleurez le sort d'un livre prêt: souvent il est perdu, toujours il est gâté“¹⁾!

— Успокойся: я—человѣкъ аккуратный.

— Съ чего-же ты хочешь начать?

— Съ перехода отъ трехпольной системы къ пятипольной; англичане считаютъ ее наилучшей. Клеверъ съ тимофѣйкой буду сѣять. Вѣдь въ Кузнецовѣ все примитивное... Хочу увеличить и улучшить скотъ, выкорчевать кой-гдѣ пни и обратить бывшій лѣсокъ въ сѣнокосъ. Вообще хочется поработать и привести усадьбу въ порядокъ.

— А домъ подновить?

— Непремѣнно и нынче-же, но расширять его не буду: онъ вполнѣ достаточенъ для насъ, а потомъ, если понадобится, можно и пристроить.

— А планъ на Кузнецово имѣется?

— Только казенный, а хозяйственного нѣтъ; я въ этомъ-же мѣсяцѣ привезу землемера—здѣсь Широгорова очень хвалятъ, и попрошу его сдѣлать самый подробный планъ, пашню разбить на десятины, потомъ на пять полей, и составить проектъ перехода отъ трехполья къ пятиполью. Надѣюсь, ты мнѣ поможешь?

— Съ удовольствіемъ, Володя, но я и самъ-то новичекъ!

— Все-же больше меня знаешь! Хочется мнѣ съ августа начать переходъ.

¹⁾ „Оплакивайте участь ссуженной книги: теряютъ ее часто, всегда, безбожно, портятъ !

— А сколько десятинъ, думаешь, придется при пятипольной системѣ?

— Десятинъ двѣнадцать.

— А сколько у тебя животинъ?

— Сорокъ пять; ну, два быка, телята...

— Это значитъ, что на десятину придется четыре животины—мало.

— Знаю, что мало; буду добавлять... А сколько надо... шесть—семь на десятину?

— Семь-то ужъ непремѣнно, тѣмъ болѣе, что усадьба была заброшена, поля пахались скверно, навозъ вывѣтривался до его запашки... А сѣно какъ? Хватаетъ его на прокормъ рогатаго скота и лошадей?

— Хорошенько не знаю, а на сорокъ пять животинъ, въ иной годъ, сѣно приходилось покупать. Ну, да когда клеверъ будетъ,—обойдемся и своимъ кормомъ.—Погуляемъ-ка, сходимъ въ поле, въ огородъ—а?

— Съ удовольствіемъ!.. Обѣдать будемъ въ четыре часа, когда рабочіе пѣужна́тъ придутъ.

И пріятели вышли изъ кабинета.

XVII,

Тринадцатаго мая, по обыкновенію, Вальховцевъ, окончивъ Михалковскій съѣздъ,—часовъ около двухъ дня, подѣхалъ къ Плосковскому дому. Катя, горничная Тани, встрѣтила молодого человѣка на крыльцѣ.

— Ой ужъ какъ мы и ждали васъ, Валерьянъ Николаичъ: барышня больна, бредитъ и васъ поминала... Худо ей, голубчикъ—баринъ! и слезы выступили у нея на глазахъ.—Пожалуйте...

— Постой! остановилъ онъ ее въ корридорѣ.—Да что такое? Чѣмъ барышня больна?

— Въ легкихъ воспаленіе... четвертый день сегодня... И Лихачевъ и старшій докторъ больницы Григоровичъ каждый день ѣздятъ... И фершалъ и сестра милосердія сидятъ, а худо, баринъ, худо!.. И что за барышня-то—одно слово святая! всхлипнула Катя.

— А говорить она?

— Больше во снѣ; а такъ чтобы на волѣ—мало. Слы-

шала я: говорили промежь себя доктора, что трудно больна барышня... суглѣваются они...

Пораженный до нельзя, вошелъ въ переднюю Вальховцевъ; сбросилъ пальто и направился въ нижнюю столовую; тамъ встрѣтилъ онъ Ефимьеву.

— Здравствуйте, голубчикъ, пожала она ему руку;— вотъ горе-то послалъ намъ Господь! и Анна Васильевна утерла рукой набѣжавшія слезы.—Вчера причащали и соборовали—сама попросила... О, Господи, помилуй нашу Таничку! залилась слезами Ефимьева.

— А гдѣ она лежитъ? Можно къ ней?

— Въ спальнѣ дяди. Лихачевъ, какъ пріѣхалъ, такъ и велѣлъ перенести Таню наверхъ, чтобы воздуха было больше. Ждали кризиса вчера—не было: температура такъ-же повышена, какъ и въ первые дни. Страшно то, что и Лихачевъ и Григоровичъ ходятъ какъ пришибленные. Милый Лихачевъ былъ сегодня утромъ и къ вечеру пріѣдетъ ночевать—значитъ опасность велика! Хотятъ на ночь шпанскую мушку поставить, а если не поможетъ—гробъ заказывай!

— Полноте, Анна Васильевна: Господь помилуетъ! утѣшалъ Валеріанъ, а у самого горло перехватило.—Скажите лучше, съ чего началось...

— Четыре дня тому назадъ, Таня ѣздила на могилу матери... День былъ сыроватый и вѣтреный. Пріѣхала домой, позавтракала. Дядя въ городѣ былъ. До четырехъ часовъ сидѣли мы, въ лото играли... Таня весела была... Вдругъ, къ пяти часамъ, она говоритъ мнѣ: „Аня, помѣряй-ка у меня температуру, знобитъ что-то меня“... Помѣряла я—сорокъ и три! Господи помилуй! Дала ей хины... Стала она какъ-то приваливаться, обѣдать не захотѣла; я уложила ее въ постель и послала нарочнаго къ дядѣ, съ просьбою привезти доктора.

— Валеринька! тихонько, въ туфляхъ, подошелъ къ нему Кареловъ.—Вотъ какое горе стряслось надъ нами! и со слезами обнялъ онъ племянника.—Пойдемъ къ Танѣ: теперь она въ сознаніи.

— А развѣ она была безъ сознанія эти дни?

— Не говори ужъ! махнулъ рукой Михаилъ Павловичъ.—Бредила, металась... А до какой степени она религіозна, моя милая, дорогая Танюша! и Кареловъ заплакалъ;

—теперь надо ждать завтрашній пятый день или шестой: будетъ ли кризисъ... Странно это ожиданіе!.. Валеринька... ради Господа, поживи у насъ.

— Будьте покойны, дядя... Губернатору напишу сегодня-же и останусь здѣсь.—А у Тани одно легкое воспаление или оба?

— Одно, слава Богу,—правое; но-вѣдь и отъ одного умереть можно! Наконецъ воспаление отъ праваго можетъ перейти и въ лѣвое.—Ну, пойдемъ къ ней... Она нѣсколько разъ вспоминала тебя въ бреду.

Они вошли въ спальню Михаила Павловича. Таня лежала на спинѣ; пузырь со льдомъ покрывалъ ее голову; щеки были алыя, руки иоверхъ одѣяла разбросаны.

— Валя! слабо обратилась она къ Вальховцеву;—давно ли пріѣхалъ?

— Только что... и съ радостію узналъ, что тебѣ лучше! цѣлуя ее руку и стараясь скрыть душевное волненіе, отвѣтилъ молодой человѣкъ:—ты причащалась и соборовалась?

— Да; очень мнѣ хотѣлось, заговорила она прерывисто:—гдѣ-то въ Апостолѣ сказано, что если священникъ соборуетъ больного—то больному простятся грѣхи.—Папочка, взглянула она на Карелова,—присядь... поговори, дорогой... Докторъ пріѣдетъ сегодня вечеромъ?

— Да, Лихачевъ... и ночуетъ у насъ.

— Славный Николай Ивановичъ: добрый, внимательный... Я ему вѣрю... Папочка! Ты не уѣзжай, дорогой, въ городъ, пока я больна... Не поѣдешь?

— Нѣтъ, Танюша, не безнокойся.

— А ты, Валя, опять на съѣзды?

— Нѣтъ, Таня: я кончилъ съѣзды и на двѣ недѣли. теперь свободенъ; только губернатору докладъ пошлю, а самъ здѣсь останусь.

— Ну вотъ... и спасибо!.. Знаешь что, милый, закрывъ глаза, какъ-то вяло начала больная:—Зина то обманула тебя... нехорошо... Коли любишь—надо до смерти любить!.. Дайте водицы—сухо въ горлѣ...—Папочка, благослови меня: ко сну клонить... Аня гдѣ?.. Она—добрая... такъ-же какъ и Валя.. (Таня стала засыпать)—гдѣ мои милыя дѣвочки... здоровы-ли?.. Сесіле... (она впала въ забытье).

.

Тихо было около постели больной: и отецъ и Ефимьева и Вальховцевъ молча глядѣли на похудѣлый обликъ Тани, на ея взбитые волосы, на раскинутыя руки, вслушивались въ ея ускоренное дыханіе и хриплый кашель, всматривались съ трепетомъ въ ея горячее лицо—и сжималось ихъ сердце, пробѣгалъ по нимъ ознобъ, а скопившіяся слезы только и ждали возможности вырваться на волю и неудержимымъ потокомъ брызнуть изъ давно уже напряженныхъ глазъ.

XVIII.

Лихачевъ пріѣхалъ въ „Плоское“ часамъ къ восьми, вошелъ въ столовую и разспросилъ у фельдшера и сестры милосердія подробности сегодняшняго дня; не понравилось ему, что температура все та-же и дѣятельность сердца стала замѣтно падать, несмотря на пріемы арники и частыя дозы портвейна. Пришелъ Вальховцевъ и кое-что еще добавилъ; Лихачевъ задумался. Это былъ молодой еще человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти, хотя и некрасивый, но симпатичный блондинъ, съ умными глазами и подстриженной небольшой бородкой. Его очень любили въ К.; какъ врачъ, онъ пользовался довѣріемъ къ его обширнымъ знаніямъ и имѣлъ большую практику; его хвалили за то, что онъ слѣдилъ за наукой, былъ остороженъ и внимателенъ, ѣздилъ къ больнымъ и днемъ и ночью, къ богатымъ и бѣднымъ; какъ человѣка—его любили за мягкій, веселый характеръ, за скромность, доброту и снисхожденіе къ больному.

— Я не рѣшаюсь ставить мушку, Валерьянъ Николаичъ, а думаю усилить дозы арники и портвейна... Мнѣ кажется, что сегодня, послѣ полуночи, надо быть кризису... Татьяна Михайловна въ забытѣ?

— Была, а теперь не знаю.

— Бредила?

— Да она все бредитъ и такъ невнятно, мечется, кашляетъ...

— Ну, пойдете...

Они вошли въ спальню; было тихо. Слышалось только скорое дыханіе и хриплый кашель больной; она была въ забытѣ. У изголовья сидѣлъ Кареловъ, у окна фельдшеръ и

сестра; Анна Васильевна заготовляла на столикъ свѣжій компрессъ.

Поздоровавшись, Лихачевъ открылъ одѣяло и приложилъ къ сердцу Тани стетоскопъ; минуты черезъ двѣ онъ снялъ его, попробовалъ пульсъ, посмотрѣлъ на часы и вставилъ термометръ подъ лѣвую руку больной, подозвавъ сестру:

— Подержите аккуратно десять минутъ и скажите мнѣ потомъ Николай Ивановичъ вышелъ изъ спальни вмѣстѣ съ фельдшеромъ.

— Вы, Василий Петровичъ, какъ можно чаще слѣдите за температурой и дыханіе; арнику и вино давайте не стѣсняясь... Компрессъ перемѣнить надо... Я думаю, что жаръ дойдетъ до высшей точки, но надѣюсь, что сердце выдержитъ... Не нравится мнѣ только, что больная, говорятъ, жаловалась на слабость... Пожалуста и сестрѣ передайте, что теперь главное: вниманіе и постоянное наблюденіе. Чуть что — сейчасъ ко мнѣ: я здѣсь ночью.

Лихачевъ спустился внизъ, чтобы выкурить папиросу; Валерьянъ догналъ его.

— Ну что? нервно и растерянно спросилъ онъ.

— Покамѣстъ ничего такого страшнаго нѣтъ — что будетъ къ полночи... Не падайте духомъ и старика не тревожьте... Вонъ у васъ и лицо блѣдное, измятое... Не хорошо, возьмите себя въ руки!

У Вальховцева потекли слезы.

— Плохо — видно! О Боже мой! бросился онъ въ ближайшее кресло.

— Полноте, голубчикъ, подошелъ къ нему Лихачевъ: — опасно, но не безнадежно: молодость возьметъ свое... Татьяна Михайловна — дѣвушка здоровая, крѣпкая.

Около одиннадцати часовъ вечера, температура у больной поднялась до высшей точки; сестра прибѣжала къ доктору.

— Увеличьте дозу арники и вина, приказалъ докторъ: — мушку ставить не буду: не къ чему; я увѣренъ что кризисъ близокъ и мушка не поможетъ... Больная бредитъ?

— Слабо и ничего понять нельзя.

— Мечется?

— Нѣтъ: ослабла...

Лихачевъ бросилъ папиросу и побѣжалъ на верхъ, вслѣдъ за сестрой

Два часа ночи. Таня уснула; температура вдругъ упала до 37°, сердце выдержало жаръ, кризисъ прошелъ благополучно.

На другой день Таня попросила отслужить благодарственный молебенъ. Снова дрогнули сердца жителей „Плоского“, снова блеснули слезы на глазахъ ихъ; начиная отъ Михаила Павловича и кончая горничной Катей, но слезы были уже не тѣ: благодареніе Творцу и любовь къ спасенной вызвали ихъ!

XIX.

Проживъ болѣе недѣли въ „Плоскомъ“ и успокоенный довольно скорымъ выздоровленіемъ Тани, благодаря майской теплой погодѣ, Вальховцевъ рѣшилъ двадцать второго числа, къ ночи, выѣхать въ К., на другой день явиться губернатору, повидать родныхъ и вечеромъ отправиться въ „Янкино“. Не смотря на скорое выздоровленіе Тани, Лихачевъ не увлекся этимъ и осторожно разрѣшалъ ей перемѣну пищи и пользованіе воздухомъ. Больной было объявлено, что ранѣ первыхъ чиселъ Іюня ее не спустятъ съ кровати, а прогулка будетъ зависѣть отъ погоды. Михаилъ Павловичъ почти каждый день, кромѣ праздниковъ, ѣздилъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и привозилъ изъ города свѣжія новости. Прошелъ еще только мѣсяцъ, какъ Зинаида Александровна Голубцова сдѣлалась княгиней Ветлужской, а злые языки стали уже говорить, что она скучаетъ въ „Марфинѣ“, почти никого не видя, и очень недовольна тѣмъ, что мужъ ея, изъ-за грубой и глупой шалости, связанъ по рукамъ и по ногамъ и не можетъ никуда выѣхать изъ К. Теперь-бы самое время съѣздить за границу, посѣтить все замѣчательное и вернуться въ К. не ранѣ октября. А пока они будутъ путешествовать—поручить кому нибудь покупку дома, монтировать его роскошно и въ ноябрѣ открыть журъ-фиксы... Таня слушала эти рассказы совершенно равнодушно: то, что она предвидѣла, начинало уже сбываться.

Двадцать второго числа, послѣ обѣда, Вальховцевъ сидѣлъ у кровати больной и пилъ кофе. Кареловъ съ утра уѣхалъ въ городъ и только на завтра къ вечеру обѣщалъ вернуться домой. Таня была невесела.

— Ты однако, поужинавъ, оставишь насъ?

— Да.

— Теперь ты уѣдешь на три недѣли—мало-ли что можетъ случиться: вдругъ *rechute* ¹⁾ сдѣлается? Не вынести мнѣ его: ослабѣла...

— Полно, Таничка, уговариваль ее Валеріанъ,—Господь не безъ милости... не допустилъ-же Онъ тебя до смерти; а вѣдь какое опасное воспаленіе ты перенесла!

— При тебѣ, продолжала она свои мысли, не обращая вниманія на слова Вальховцева, я какъ-то спокойнѣе была, не думала, что умру, а теперь почему-то все черныя мысли лѣзутъ мнѣ въ голову!

— Это—послѣдствіе болѣзни: воспаленіе легкихъ, при выздоровленіи, влечетъ за собой раздраженіе нервовъ, боязнь, недовѣріе. Все представляется въ мрачномъ видѣ... Я отъ многихъ это слышала.

— Спасибо тебѣ, Валя, дорогой мой, и голосъ больной задрожалъ,—за заботы твои обо мнѣ... Другой отецъ или мать не стали-бы ухаживать за дочерью такъ, какъ ты за мной! Никогда я это не забуду! и больная всплакнула.

— Полно, Таничка, не разстраивайся... вредно. Я употреблю всѣ старанія, чтобы вырваться къ тебѣ, хоть на нѣсколько часовъ!.. Ну полно-же...

— И ты сдѣлаешь это? быстро поднявъ голову съ подушки, обратилась она къ нему.

— Непремѣнно!

— О, дорогой мой, какъ ты утѣшилъ меня! и она протянула ему свою маленькую, исхудавшую ручку.—Теперь я буду жить ожиданіемъ!

— У тебя есть аппетитъ, Таня? спросила вошедшая Ефимьева.—Куриная котлетка готова—только зажарить...

— Пожалуста, Аня,—аппетитъ у меня прекрасный!

— Слава Богу; а чаю хочешь?

— Чашечку, послѣ котлетки.

— А какое у тебя настроеніе?

— Веселое... жаль только, что Валя уѣзжаетъ.

— И мнѣ пана жалко.—Пріѣзжайте скорѣй: намъ скучно безъ васъ будетъ! Она отвернулась и пошла въ корридоръ.

¹⁾ Возвратъ болѣзни.

— Доброе, любящее сердце! горячо сказалъ Вальховцевъ, когда Анна Васильевна спустилась съ лѣстницы.

Да; и это сердце для многихъ скрыто! отвѣтила больная и, послѣ небольшой паузы, спросила:—Когда-же ты заѣдешь?

— Да я и самъ не знаю... Ты только не безпокойся: слово свое я сдержу и на обратномъ пути изъ Михалкова постараюсь приѣхать сюда днемъ раньше.

— Ты сегодня ужъ никуда не поѣдешь?

— Что ты, Таня, разсмѣялся Валеріанъ: приѣду въ городъ около полуночи—куда-же ѣхать?

— Глупость сказала! улыбнулась дѣвушка:—будешь у дядей?

— Буду; отъ тебя поклонюсь.

— Пожалуста; кланяйся и губернатору: онъ всегда такъ любезенъ ко мнѣ.

Помолчали.

— Однако я порядочная эгоистка, продолжала Таня:—совсѣмъ забываю, что у тебя теперь работы—хозяйскій глазъ необходимъ, а думала только о себѣ.

— Не безпокойся: поспѣвы кончены, теперь только навозъ вывозятъ.—А знаешь, что я тебѣ посовѣтую: скушаешь котлетку—усни хоть часокъ.

— Ни за что! Времени и то мало до ужина, а я еще спать буду! Уѣдешь—высплюсь; теперь я покойнѣе, какъ ты обѣщаль навѣстить меня.

Принесли котлетку и, съ очевиднымъ аппетитомъ, больная принялась за нее.

— Ну что ваша повѣсть, панъ? присѣла около кровати Ефимьева;—забросили ее?

— Лѣтомъ я не могу писать, Анна Васильевна; постоянно отрываютъ отъ работы, нить повѣсти колеблется, даже частію забывается... Вотъ въ сентябрѣ примусь за нее...—Колокольчикъ!.. Это къ намъ! и онъ постѣвшилъ къ окну;—Николай Иванычъ!

Лихачевъ осмотрѣлъ больную, посидѣлъ часа два, поужиналъ и, вмѣстѣ съ Вальховцевымъ, возвратился въ К.

XX.

Отобѣдавъ у дяди Петра Семеновича, Валеріанъ въ шесть часовъ собрался въ „Янкино“, съ намѣреніемъ, на

перепутъи, заѣхъ въ „Марфино“: на своемъ письменномъ столѣ онъ нашелъ визитную карточку Ветлужскаго и счелъ нужнымъ немедленно отплатить ему визитъ.

Въ усадьбѣ, кромѣ молодыхъ хозяевъ (старики оставались еще въ городѣ, а Павелъ Александровичъ вернулся въ Петербургъ, вскорѣ послѣ паузы) Вальховцевъ встрѣтилъ Комельскихъ и Никольцеву; князя играли на верандѣ въ пикетъ, а дамы, въ противоположномъ углу, пили чай и болтали.

Когда подошелъ Валеріанъ, заговорили конечно о Кареловой.

— Ну что Таня, начала Ветлужская,—поправляется?

— Да; въ первыхъ числахъ іюня ее спустятъ съ кровати...—А вы, *cousine*, обратился Вальховцевъ къ Никольцевой,—чѣмъ были больны?

— Гриппомъ или бронхитомъ... *que sais-je?* улыбнулась она;—я только вчера выѣхала въ первый разъ... оттого и въ „Плоское“ не могла попасть.

— Гдѣ-же это такъ простудилась *m-me* Карелова, что схватила воспаленіе легкихъ? спросила Комельская.

— Она ѣздила къ обѣднѣ; день стоялъ сырой и вѣтреный. Къ вечеру температура у нея сразу поднялась до сорока слишкомъ градусовъ.

— Вы все это время въ „Плоскомъ“ провели? полюбопытствовала Зинаида.

— Да, княгиня; я пріѣхалъ къ нимъ съ михалковскаго съѣзда въ самый разгаръ болѣзни Тани; думали, что она не перенесетъ кризиса...

— Воображаю какъ Michel перепугался! протянула Ольга Петровна.

— Да какъ и не перепугаться, *ma tante*: любимая дочь, добрая, кроткая! въ пику теткѣ, вставила молодая княгиня. —И долго вы мучились въ ожиданіи кризиса? обратилась она къ Валеріану.

— Долго... Среди ночи только вздохнули свободно, когда Лихачевъ объявилъ, что температура упала до 37 градусовъ и больная заснула.

— А ее причащали? спросила Комельская.

— И причащали и соборовали... Сама попросила.

— Это прекрасно; она религіозна, ваша кузина?

— Весьма! отвѣтила Ветлужская.—Она еще въ институтѣ отличалась религіозностью.

Никольцева поднялась съ кресла.

— Валерьянъ Николаичъ, пройдемтесь немножко: J'ai quelque chose à vous dire... ¹⁾

— Pardon mesdames! извинился Вальховцевъ, слѣдуя за Ольгой Петровной.

Пройдя молча цвѣтникъ, они вошли въ аллею.

— Когда Таня совершенно поправится, начала Никольцева,—надо ее замужъ выдать.

— Это для чего? улыбнулся молодой человѣкъ, но слова эти почему-то непріятно его кольнули.—Чтобы здоровья ей прибавить?

— И здоровья прибавить и вообще оживить... Она вяла, Таня.

— Это Таня-то вяла? перебилъ Валеріанъ Никольцеву.

— Ну да, Таня, холодно подтвердила она,—что это васъ такъ удивляетъ?

— Помилуйте, cousine, ничего похожаго на это нѣтъ! Напротивъ Таня весьма оживленная, нервная дѣвушка... Правда не всегда, но чтобы назвать ее вялой...

— Я знаю ее съ дѣтства и побольше васъ; съ апломбомъ, возразила Ольга Петровна:—она всегда была вялая.

— По вашему, супружество передѣлаетъ ее, и оживить?

— Думаю; конечно это отъ мужа зависитъ—какой попадется...

— Вы развѣ приготовили такого, который такъ-вотъ сейчасъ и оживить Таню?

Вопросъ остался безъ отвѣта.

Они молча прошли нѣсколько шаговъ.

— А prors: ²⁾ отчего вы такъ нелюбезно отнеслись къ моему брату?

— Я, нелюбезно?.. Напротивъ: братъ вашъ, съ нашей первой встрѣчи въ Залѣсовѣ, былъ нелюбезенъ: съ прежнихъ дружескихъ отношеній, въ Петербургѣ, онъ сразу перешелъ на церемоніи, съ „ты“ на „вы“ и проч.... Но въ чемъ дѣло?

— Онъ заѣзжалъ къ вамъ въ „Янкино“?

¹⁾ Мнѣ надо кой-что вамъ сказать...

²⁾ Кстати:

— И былъ принятъ мною вполнѣ радушно.

— Но вы отказались исполнить его просьбу.

— На счетъ Тани? и Вальховцевъ передалъ Никольцевой разговоръ свой съ Башиловымъ.

— Онъ не говорилъ мнѣ, что Таня расположена къ нему... Но во всякомъ случаѣ зачѣмъ вы отказались въ такомъ рѣзкомъ тонѣ?

— Я, Ольга Петровна, ни съ кѣмъ рѣзко не говорю, а взять на себя такое порученіе, рискуя получить отъ дѣвушки отвѣтъ: „а тебѣ какое дѣло?“ — не совсѣмъ пріятно...

— Значить, вы знали, что получите такой отвѣтъ, знали, что Таня навѣрно ему откажетъ? торопясь, перебила Никольцева.

— Откуда этотъ выводъ?

— Изъ вашихъ словъ! холодно отвѣтила Ольга Петровна.

— О братѣ нашемъ я съ Таней никогда не говорилъ, у Кареловыхъ онъ не бываетъ, а послѣ церемонныхъ его отношеній ко мнѣ—я совершенно къ нему равнодушенъ.

На дорожкѣ къ цвѣтникамъ показались обѣ княгини.

— Видно уже мнѣ надо будетъ вмѣшаться! не безъ злобы сказала Никольцева.

— И самое лучшее! не безъ насмѣшки замѣтилъ Валеріанъ.

— Мужчины кончили пикетъ, Ольга Петровна, и просятъ васъ сѣсть съ ними до ужина въ преферансъ, объявила Комельская,—пойдемте!

A vrai dire, je ne suis pas d'humeur, mais pour vous faire plaisir ¹⁾—я согласна. По маленькой конечно?

— *Cela s'entend!* ²⁾ отвѣтила княгиня и онѣ пошли къ дому.

— А мы погуляемъ? вопросительно взглянула на Вальховцева Зинаида.

— Съ удовольствіемъ, княгиня.

— Оставьте титулъ, разсмѣялась Ветлужская.

— Не могу: этикетъ этого требуетъ!

— Говорите въ обществѣ, а не съ глазу на глазъ!

— Слушаю-съ.

¹⁾ Правду сказать, я не въ расположеніи духа, но чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе—я согласна.

²⁾ Разумѣется!

— О чемъ исповѣдовала васъ тетка?

— О замужествѣ Тани.

— Развѣ она выходитъ замужъ?

— И не думаетъ! Тетушкѣ захотѣлось ее выдать.

— Не за Башилова-ли?

— Угадали.

— Вотъ такъ женихъ! И что-же?

— Я-бы сказалъ вамъ, но...

— Боязнъ, что я разболтаю? Этого порока у меня нѣтъ, Валерьянъ Николаичъ,—можете говорить смѣло!

Вальховцевъ передалъ Зинаидѣ весь разговоръ Никольцевой.

— Ну и пусть работаетъ сама! Никогда Таня за брата Ольги Петровны не выйдетъ: *c'est quelque chose de tres degoutant monsieur Башиловъ* ¹⁾.

— Приданое соблазняетъ!

Они помолчали.

— Валерьянъ Николаичъ, я вотъ о чемъ хочу васъ просить: нельзя-ли какъ-нибудь позондировать губернатора на счетъ мужа?.. Бронецкій—человѣкъ добрый и васъ любить.

— По поводу права выѣзда изъ К—ской губерніи?

— Да; помогите, если можете: мнѣ такъ хочется съѣздить за границу!

— Будетъ исполнено; только чтобы участіе мое было скрыто; такъ и князю скажите... А что до губернатора—тотъ не выдастъ!

— Мерсі! протянула Вальховцеву руку и оба направились къ дому.

XXI.

Преферансъ кончился рано: не было и десяти часовъ; оба князя отыскали Валеріана на верандѣ—Зинаида ушла во внутреннія комнаты, и разговоръ началъ Ветлужскій.

— А что, Валерьянъ Николаичъ, можно въ настоящее время завести псовую охоту?

— А почему нѣтъ? Прежніе борзятники и выжлятники существуютъ, собакъ найдете, такъ какъ не всѣ помѣщики бросили охоту. Охотиться еще можно: крѣпостные обычаи не вывелись, мужикъ снисходителенъ. Я очень сожалью, что

¹⁾ Это что-то такое очень противное господинъ Башиловъ!

отецъ мой всего два года какъ уничтожилъ псарню. Славныя были у него борзые, въ особенности густопсовыя; хортыя послабѣе; гончія—чистокровныя костромичи.

— Что это значить „хортыя“? спросилъ Комельскій.

— Съ короткой, гладкой шерстью, а густопсовыя—съ кудрявой, длинной.

— Куда-же дѣли собакъ, когда уничтожили охоту? спросилъ Веглужскій.

— Часть продали, подарили, остальныхъ перевѣшали. Лошадей обратили въ рабочія.

— А охотники?

— Остались на своихъ мѣстахъ: вѣдь у каждого, ради экономіи, были свои должности: доѣзжачій былъ у отца бѣфетчикомъ, выжлятникъ—кучеромъ.

— Епсоре un pom barbare!.. ¹⁾ Что такое „выжлятникъ“?

— Завѣдующій гончими. На охотѣ, по сигналу изъ рога, онъ дѣлаетъ напускъ ихъ въ „отъемъ“, слѣдитъ за тѣмъ, чтобы собаки работали прилежно, не высывались на опушку и гнали возбужденнаго звѣря по тому направленію, которое указано, а не „въ пятау“. ²⁾ По сигналу-же онъ останавливаетъ и ждетъ приказаній. Боже сохрани, если хоть одинъ смычокъ не послушаетъ и сгоряча ворвется въ смежный отъемъ: сейчасъ-же арапникъ въ дѣло!

— Какая масса специальныхъ названій! Ну что такое „смычекъ“?? снова спросилъ Комельскій.

— Гончія сомкнута попарно и каждая пара называется „смычкомъ“; „отъемъ“ или „островъ“—отдѣльный лѣсокъ.

— Неужели и въ лѣсу ошейникъ съ нихъ не снимаютъ? Вѣдь эдакъ заводиться можно!

— По первому сигналу стая размыкается и смирно стоитъ около выжлятника; какъ только дадутъ второй сигналъ—выжлятникъ крикнетъ: „по лѣсъ“! и гончія бросаются въ отъемъ.

— А сигналы все разные?

— Да; они на подобіе военныхъ: „призывной“, „стой“! „отбой“, „береги“! „напускай“! „общій сборъ“, „лошадь ушла“, „на драку“! „переходи въ смежный отъемъ“ и проч.

¹⁾ Еще варварское названіе!

²⁾ Надзоръ по слѣду.

— Mais c'est une science comme une autre! ¹⁾ воскликнул Комельскій.

— А вы какъ думали князь? разсмѣялся Вальховцевъ; — псовую охоту надо изучить и теоретически и практически... сметка тоже необходима... По порошѣ напрімѣрь...

— Это еще что: пороша? удивился Комельскій.

— Ну, это я знаю, улыбнулся Ветлужскій:—съ вечера идетъ снѣгъ и часамъ къ тремъ—четыремъ ночи перестаетъ; когда разсвѣтаетъ—на снѣгу остаются слѣды зайцевъ, лисицъ, куропатокъ... Вотъ по слѣдамъ этимъ и находятъ ихъ логово. Псовый охотникъ травитъ ихъ, а ружейный бьетъ.

— Тутъ вся мудрость найти лежку, не сбиться, не перейти съ одного слѣда на другой, а то весь день даромъ провѣдишь! замѣтилъ Валеріанъ.

— Нѣтъ, господа, какая это охота! махнулъ рукой Комельскій;—холодно, вѣтрено, а тутъ слѣды разбирай! Еще подъ снѣгомъ на пень наскочишь или въ яму угодишь!

— Вы когда-же это обучились псовой охотѣ, Валеріанъ Николаичъ? спросилъ Ветлужскій.

— Я почти каждый годъ ѣздилъ къ отцу въ отцускъ и пригонялъ такъ, чтобы быть въ Янкинѣ въ первыхъ числахъ сентября, когда начинается охотничій сезонъ, но своры мнѣ сначала не давали: боялись, что ноги борзымъ отопчу, и потому я ходилъ съ ружьемъ. Впрочемъ ружейную охоту я предпочитаю псовой.

— Такъ значить можно завести охоту, Валерьянъ Николаичъ? послѣ паузы, повторилъ Ветлужскій.

— Вполнѣ.

— И вы будете такъ добры, что поможете мнѣ въ этомъ?

— Я дамъ вамъ на время моего Михайла Ѳедорыча, ех-доѣзжачаго,—онъ все вамъ устроить: и людей найдетъ и собакъ наберетъ...

— Весьма благодаренъ! поклонился князь.—И такъ, ваше сіятельство, обернулся онъ къ Комельскому,—я—псовый охотникъ и, вмѣстѣ съ вами, мы будемъ травить зайцевъ, лисицъ, волковъ—однимъ словомъ все, что намъ подвернется! Вамъ я приготовлю настоящаго „донца“, лихова, который будетъ черезъ огороды и рѣчки скакать!

¹⁾ Да это настоящая наука!

— Non, cher ami, gardez-le pour vous ¹⁾, я не знаю даже съ какой стороны надо садиться на лошадь, да и спортсменомъ не бывалъ и не буду!

— О чемъ у васъ рѣчь? подошла княгиня Зинаида.

— Помилуйте, княгиня: мужъ вашъ заводитъ псовую охоту и требуетъ, чтобы и я скакалъ за зайцами и лисицами на какомъ-то бѣшенномъ „донцѣ“, я, который во всю свою жизнь качался только на деревянныхъ лошадяхъ, совершенно безопасныхъ, а тутъ я увѣренъ, что на первомъ-же скачкѣ „лихого донца“ я свалюсь съ него и буду изуродованъ!

Всѣ расхохотались, а Зинаида ласково обратилась къ мужу:

— Anatole, это ты прекрасно придумалъ: ѣдишь ты верхомъ красиво, псовая охота—спортъ веселый и здоровый... Господа, пойдемте ужинать.

XXII.

— Загостились вы, Валерьянъ Николаичъ, въ городѣ, сказалъ Андрей, подавая Вальховцеву, на другой день по приѣздѣ, кофей, —мы уже такъ полагали, не заболѣли ли вы...

— Въ „Плоскомъ“ болѣе недѣли выжилъ: Татьяна Михайловна воспаленіе легкихъ схватила, думали, что умереть! Андрей покачалъ головой.

— А теперь какъ здоровье ихъ?

— Теперь-то, слава Богу, выздоравливаетъ...

— Добрая барышня! Всѣ ее хвалятъ... Обходительная, ласковая... Поди и прислуга за нее Бога молить!

— Катя—горничная какъ по сестрѣ родной плакала!— А у васъ благополучно?

— Богъ милуетъ: все въ порядкѣ. Восемь курицъ уже съ цыплятами... надо ждать, что и остальные семь скоро высидятъ.

— Хорошо огородили ихъ сарайчикъ?

— Не вылѣзутъ: косымъ огородомъ...

— А какъ Маланья управляется?

— Маланья—баба акуратная и послушная; работаетъ по божески—чего-жъ еще?.. Охаетъ только, что сарайчикъ не удобенъ.

¹⁾ Нѣтъ, милый другъ, оставьте его для себя.

— Я и самъ знаю, что неудобенъ, да-вѣдь онъ временно: придутъ плотники—настоящій птичникъ устрою и буду пробовать новый способъ заставить курицъ нести яйца круглый годъ.

— Да развѣ это возможно?

— За границей уже два завода есть, большіе... Отчего лѣтомъ курица несетъ яйца, а зимою нѣтъ? Оттого, что лѣтомъ она питается червячками да разными личинками, которые необходимы для кладки яицъ, а зимой она сидитъ только на хлѣбѣ да на зернахъ. Вотъ и придумали съ осени подкармливать курицъ мелко-рубленой сырой говядиной, слегка посоленной, съ малымъ количествомъ просѣяннаго перца; опытъ удался и теперь на заводахъ курицы несутся круглый годъ.

— А много лѣтъ можетъ курица нести яйца?

— Послѣ разныхъ опытовъ остановились на слѣдующемъ: молодымъ курицамъ даютъ нести яйца только два—три года; потомъ ихъ откармливаютъ мясомъ съ хлѣбомъ и продаютъ пулярами. Доходъ большой получается.

— Какъ не получить: легкое-ли дѣло столько яицъ снести!

— А холмогорки что?

— Которыя постарше—красота, одно слово, да и телушки ничего... Ужъ вы такъ хорошо сдѣлали, Валерьянъ Николаичъ, что купили ихъ; молодецъ и староста, что не прозѣвалъ.

— Чѣмъ меня кормить-то будете?

— Барашка молоденькаго Алексѣй купилъ, къ обѣду наравить съ гречневой кашей, а щи изъ расады.

— Отлично. Пирожковъ не надо. А на завтракъ?

— Алексѣй думалъ пирогъ съ грибами...

— Неужели? обрадовался Вальховцевъ.

— Ребята изъ рощи принесли; хотя и немного, но для васъ будетъ достаточно.

— Вотъ такъ спасибо!

— Алеша вкусъ вашъ знаетъ, улыбнулся Андрей.

— Ну такъ вотъ что: сейчасъ я иду рыскать по селу; въ полдень—пирогъ, въ пять—обѣдъ. Если, паче чаянія, дядя пріѣдетъ—его нѣтъ въ Горшаловѣ?

— Не знаю.

— Сдѣлать какое-нибудь пирожное и больше ничего

— Слушаю. А когда опять въ городъ?

— Послѣ завтра, въ шесть часовъ утра.

— Меня возьмете?

— Непремѣнно.

Валерьянъ зашелъ на кухню, поблагодарилъ Алексѣя за догадливость и направился въ огородъ. Тщательно осмотрѣвъ всходы разныхъ овощей, молодой помѣщикъ вошелъ въ оранжерею, гдѣ засталъ Никандра за пересадкой нѣкоторыхъ цвѣтовъ изъ ящиковъ въ горшки.

— И левкой-же прислалъ намъ Мейеръ—заглядѣше! Извольте взглянуть, Аверьянъ Николаичъ, подаль онъ горшокъ съ зеленымъ еще цвѣткомъ:—какая плотность, ростъ, махровый будетъ... А вотъ новый сортъ маргаритокъ, для клумбъ, никуда не годится: чахлыя, цвѣтъ поблеклый... Я старыя ужъ посажу.

— А фрукты?

— Нонче пораньше поспѣютъ; пожалуйста! отворилъ онъ дверь въ сливную и персиковую.—И количествомъ побольше, особливо „красавица“. А какъ прикажете на счетъ цвѣтовъ: когда и сколько ихъ переносить въ домъ?

— Теперь рано еще Никандръ; я скажу тебѣ когда... Въдь не долго перенести?

— Въ полдня перенесемъ; а деревья?

— Будутъ у меня гости—все перенесемъ, а не будутъ—оставимъ все лучшее въ оранжерей. Мнѣ дашь десятка два—три душистыхъ да немного гортензій.—Верши ставили?

— Раза два на этой недѣлѣ ставили, да что-то худо попадаютъ: большой одинъ, а то вершка въ полтора—два, да и то мало... Вода надо быть еще холодна...

— Прудъ-то надо-бы почистить да денегъ жалъ: дешево не возьмутъ...

— Покосить-бы тину—все лучше-бы было...

— А на другой годъ опять поднимется?

— Все ужъ не такъ... Оно конечно косьба не то что настоящая чистка.

— А какъ вишни, Никандръ?

— Будутъ крупны, а количествомъ уступать прошлому году.

— Отецъ Алексѣй служилъ всенощныя?

— Каждую субботу.

— Всѣ у него здоровы?

— Матушка прихворнула тутъ немножко да оправилась; былъ день ея рожденія, сестра прїѣзжала—объялась чего-то...

Подошелъ староста, снялъ шапку.

— Здравствуй Адрианъ... Много еще возить?

— Не сколь много: къ десятому числу все вывеземъ.

— Ты съ поля?

— Изъ кузницы; Филиппъ косули исправляетъ да всякую мелочь... А я-вѣдь къ вамъ, Аверьянъ Николаичъ, съ просьбицей... и староста почесалъ затылокъ.

— Денегъ что-ли надо?

— Нѣтъ... по хозяйству...

— Такъ говори... Грѣхъ что-ли какой случился?

— Богъ милостивъ: никакого грѣха нѣтъ, а вотъ на счетъ новыхъ желѣзныхъ боронъ...

— Неудобны?

— Какое неудобны—просимъ еще одну борону заказать! усмѣхнулся Адрианъ.

— Нравятся? весело взглянулъ на него Валеріанъ.— Какъ-же въ прошломъ-то году вы все упирались?

— Оно не то что упирались, а сумлѣніе было... Новое-вишь, въ рукахъ не бывало... А таперича борона намъ по мысли... Такъ какъ-же, Аверьянъ Николаичъ?

— А вотъ пойдемъ къ Филиппу да и потолкуемъ.

Филиппъ очень обрадовался новому заказу и объявилъ, что въ это-же воскресенье отправится въ городъ за желѣзомъ, а съ понедѣльника приступитъ къ работѣ, такъ какъ къ этому времени имъ уже будутъ окончены всѣ поправки и починки. Пришелъ Матвѣй-сыроваръ, кучеръ Прокофій и мужикъ изъ ближней деревни съ просьбой одолжить два пуда ржаной муки, до жатвы. Просьба бѣдняка была конечно уважена.

— Хошь рожью долгъ заплачу, хошь отработаю сейчасъ, покамѣстъ сѣнокосъ не начался.

— А ты это ужъ со старостой поговори.

— На томъ благодаримъ! Мужикъ обѣими руками снялъ шапку, поклонился и отошелъ къ лежавшимъ въ сторонѣ бревнамъ.

— А я забылъ тебя спросить, Андріанъ: компостъ вывезенъ?

— Въ первую голову; вышло такъ чудесно: передъ началомъ навозницы у насъ дождь прошелъ—сухая благодать! Яровья повеселѣли, трава и клеверъ ожили; „компостъ“ прохватило здорово! Я и велѣлъ его возить на десятину, что подъ рощей—она похуже всѣхъ.

— А навозъ своимъ чередомъ свезли?

— Извѣстно свезли: десятину эту поправить надо.

— А компостъ совсѣмъ перегорѣлъ?

— Какъ песокъ. Я поторопился возить его еще и потому, что трава на немъ шибко пошла, боялся что задернѣть.

— Ну а скотъ какъ у насъ? обратился Валеріанъ къ сыровару и пошелъ съ нимъ отъ кузницы къ скотымъ дворамъ.

— Слава Богу! И сѣна и клевера осталось, хоть и немного.

— Все лучше, чѣмъ поднимать коровъ и ставить на ноги! разсмѣялся Валеріанъ.—А свинки что?

— Растутъ, крупныя будутъ... И жрутъ-же: только подавай!

Обойдя всю усадьбу, переговоривъ со всѣми, даже съ женщинами, Вальховцевъ вернулся домой, позавтракалъ и принялся за разноску по книгамъ прихода и расхода денегъ, хлѣбныхъ запасовъ, разныхъ продуктовъ и проч.

Около двухъ часовъ, подъ окнами зазвенѣлъ колокольчикъ; Валеріанъ поспѣшилъ къ окну и увидѣлъ вылѣзающихъ изъ телѣжки двухъ мужчинъ въ темносинихъ кафтаныхъ. Онъ ушелъ въ дальнія комнаты и послалъ въ переднюю Андрея. Черезъ нѣсколько минутъ, Андрей вернулся и доложилъ, что пріѣхалъ Слободищенской старшина съ писаремъ.

Вальховцевъ вышелъ въ переднюю, отвѣтилъ холоднымъ поклономъ на привѣтъ пріѣхавшихъ и позвалъ ихъ въ кабинетъ.

— Притворите дверь (писарь бросился ее запирать)... —Ты—старшина Слободищенской волости, участка мирового посредника Сергѣя Дмитріевича Галкина?

— Точно такъ.

— Фамилія?

— Савкинъ.

— А это твой писарь?

— Такъ точно; Вертеповъ, изъ духовныхъ, бойко отвѣтилъ писарь, уже немолодой.

— Зачѣмъ вы ко мнѣ пріѣхали?

— Представиться вашему высокоблагородію, какъ вновь избранный старшина.

— А прежній умеръ?

— Никакъ нѣтъ; но по нездоровью уволенъ господиномъ мировымъ „посредственникомъ“.

— А тебѣ извѣстно, кому ты представляешься?

— Вашему высокоблагородію.

— И знаешь какая моя должность?

— Членъ правительства въ здѣшнихъ мировыхъ сѣздахъ.

— Какъ-же ты старшина, не возвышая тонъ, началъ Валеріанъ,—зная, къ кому ѣдешь, позволилъ себѣ подкатить, съ колокольчикомъ, къ парадному крыльцу и, безъ доклада, ворвался прямо въ переднюю, вмѣстѣ съ писаремъ? Ты обязанъ былъ проѣхать на конюшню, узнать, дома-ли я, пройти въ домъ черезъ заднее крыльцо и сказать моему камердинеру, чтобы доложилъ мнѣ о вашемъ пріѣздѣ. А то, что ты сдѣлалъ, называется дерзостью!

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе,—по глупости это я!

— На этотъ разъ я дѣлаю тебѣ замѣчаніе, но знай, что если повторится что-либо подобное—я скажу Сергѣю Дмитрічу, а онъ шутить не любитъ!—А теперь ступайте къ старостѣ (Вальховцевъ позвонилъ).—Андрей, сведи ихъ къ Адріану и скажи, чтобы ихъ какъ слѣдуетъ, по праздничному, накормили и напоили чаемъ.

— Вы прямо изъ дома сюда пріѣхали?

— Точно такъ.

— Долго ѣхали?

— Часа два съ половиной.

— Ну, спасибо за посѣщеніе; пообѣдайте, отдохните и ступайте съ Богомъ домой.

— Счастливо оставаться, ваше высокоблагородіе! крикнули въ одинъ голосъ старшина и писарь.

XXIII.

Хотя Вальховцевъ немного и запоздалъ выѣздомъ своимъ изъ „Янкина“, но въ девять часовъ утра былъ уже на своей городской квартирѣ, переодѣлся и засталъ Карелова еще въ халатѣ.

— Ты что такъ рано? спросилъ тотъ племянника.

— Часъ тому назадъ пріѣхалъ изъ „Янкина“; срочное дѣло у меня, дядя, есть и я долженъ его кончить сегодня не позже одиннадцати часовъ.—Ну что Таня, какъ поправляется?

— Слава Богу, все хорошо... Вчера былъ въ „Плоскомъ“ и засталъ тамъ Николая Ивановича. Если все пойдетъ такъ и погода будетъ благоприятная—онъ черезъ недѣлю думаетъ спустить Таню съ постели; комнаты впрочемъ и теперь тщательно освѣжаются.

— А спальню, гдѣ лежитъ Таня?

— Тоже освѣжаютъ... Закутаютъ ее, какъ слѣдуетъ, и сведутъ въ ея кабинетъ на кушетку, а въ спальнѣ въ это время откроютъ окна.—Ну что-жъ ты будешь дѣлать послѣ одиннадцати часовъ, въ „Янкино“ вернешься?

— Не знаю еще... Въ „Янкинѣ“ я все, что нужно, сдѣлалъ, даже по книгамъ все разнесъ.

— Молодецъ ты, Валеринька; дѣльный, энергичный... Окажи-ка мнѣ дружбу...

— Съ величайшимъ удовольствіемъ!

— Ранѣе чѣмъ послѣ завтра не попасть мнѣ въ „Плоское“: сегодня—вечернее засѣданіе, а завтра и утреннее и вечернее... Съѣзди за меня въ „Плоское“! Всѣ тебѣ обрадуются, а я буду покоенъ, что мужчина въ домѣ есть.

— Я, дядя, уже думалъ объ этомъ...

— Значитъ мы сошлись!

..... но разсудилъ, что слишкомъ часто будетъ: могу надѣсть!

— Полно вздоръ говорить: какъ тебѣ не стыдно!—И такъ ты ѣдешь?

— Ёду.

— Ну и спасибо... Сердечное спасибо!

Михаилъ Павловичъ крѣпко поцѣловалъ Валеріана.

— А какія будутъ порученія?

— Я все пришло къ тебѣ на квартиру, а ты торопись по своему дѣлу.—Христось съ тобой... Еще разъ спасибо! Они вторично обнялись и разстались.

Не было еще двѣнадцати часовъ, когда тарантасъ Вальховцева подѣхалъ къ крыльцу плосковскаго дома. Заслышавъ колокольчикъ, всѣ, кто только могъ, высыпали на галерею: Ефимьева, дѣти, Сécile, учительница. День былъ чудный, но очень жаркій, вѣтру ни малѣйшаго. Валеріана всѣ привѣтствовали, начиная съ Анны Васильевны и кончая прислугой и привѣтствія эти были искренни. Вальховцевъ чувствовалъ это и отъ души поцѣловалъ руки старшихъ и щеки младшихъ.

— Все благополучно? спросилъ онъ.

— Все! хоромъ отвѣтили всѣ;—пойдемте къ нашей воскресшей—она съ утра васъ ждетъ, доложила Ефимьева.

— А теперь развѣ не утро? усмѣхнулся Валеріанъ, входя за ними въ домъ;—двѣнадцать нѣтъ!

— Тѣмъ лучше, сказала Сécile:—больше у васъ поживете!

— Анна Васильевна, вотъ письмо вамъ отъ дяди и двѣ эти корзины, а вамъ, Оля и Соня, эти коробочки съ шоколадомъ—кушайте на здоровье...—Можно мнѣ на верхъ?

— Конечно! Таня уже съ девяти часовъ туалетъ свой сдѣлала.

Вальховцевъ мигомъ очутился въ дверяхъ спальни. Таня сидѣла, прислонясь къ подушкамъ, въ кружевной кофточкѣ; личико ея похудѣло и поблѣднѣло, но слышавъ шаги, на щекахъ ея вспыхнули два небольшихъ розовыхъ пятна и слегка сверкнули ея впавшія глаза. Выраженіе ея лица было оживленное и какъ-будто куда-то стремящееся. Она протянула руки впередъ, точно моля, слабо вскрикнула „Валя!“ и упала головой на подушку. Валеріанъ схватилъ со столика нашатырный спиртъ и далъ ей понюхать. Она пришла въ себя: онъ цѣловалъ ея руки.

— Какъ я однако слаба!.. Дай мнѣ напитокъ...

Онъ подаль ей.

— Это отъ радости... Я не ждала тебя такъ рано.

— А порадовать тебя еще?

Она улыбнулась.

— Порадуй!

— Я пробуду здѣсь сегодня и завтра; только послѣ ужина уйду.

— Мерсі, дорогой мой!.. Да, обрадовалъ, не ожидала я этого...

— Ты не завтракала еще?

— Нѣтъ; скоро подадутъ. Ты видѣлъ папочку?

— Въ десятомъ часу былъ у него. Онъ цѣлуетъ тебя, пріѣдетъ только послѣ завтра: сегодня и завтра у нихъ вечернее засѣданіе.

Вошла Ефимьева, а за ней Платонычъ съ подносомъ.

— Твои любимыя отбивныя телячьи котлеты и соусъ изъ шавеля, поцѣловала Таню Анна Васильевна.

Вальховцевъ придвинулъ столикъ и снялъ съ подноса приборъ и кушанье.

— Вкусно! размѣялась дѣвушка.

— На здоровье! Надо силы наживать!

— Аня, а я вѣдь обѣ котлеты съѣмъ?

— Въ добрый часъ!—Валерьянъ Николаичъ, налейте ей рюмку портвейна... вонъ на окошкѣ около графина...— Что мягка котлета? спросила Ефимьева;—теленочъ свой, поеный... долженъ быть нѣжный.

— Чудный телецъ! А когда-же вы-то будете завтракать?.. Панъ, думаю, проголодался! размѣялась Таня;—хочется червячка заморить, Валя?

— Хочется: я—вѣдь съ семи часовъ на одномъ чаѣ сижу:

— Ахъ, бѣдный панъ! всплеснула руками Анна Васильевна; —да что-же вы не сказали?.. Деликатничаете?

— Да я шучу... Не Богъ вѣсть что за несчастье! Я и дома ранѣе двѣнадцати часовъ не завтракаю.—Отчего учительница такая грустная?

Отъ дурака-братца письмо непріятное получила, фыркнула Ефимьева.

— Да въ чемъ дѣло? спросила Таня.

— Женился онъ по любви на двоюродной сестрѣ... Ну что-жъ такое: ну женился.. А ихъ и развели!—Ужасный дуракъ! передернула плечомъ Анна Васильевна.

— Да какъ-же узнали? Вѣдь чтобы развести—необходимъ доносъ въ консисторію со всѣми подробностями: гдѣ

вѣнчались, кто вѣнчалъ? Доказано-ли, что между сочетающимися имѣется близкое родство..

-- Вѣнчался дуракъ въ селѣ, близъ города, гдѣ и его и невѣсту всѣ знаютъ.

— Кто-же ихъ выдалъ? Не священникъ же, который ихъ вѣнчалъ, не причтъ?

— Сосѣдній дьячокъ, изъ мести къ священнику.

— Конечно глупъ женише: въ любомъ отдаленномъ городѣ или столицѣ всегда можно было найти заштатнаго священника, который-бы ихъ повѣнчалъ; поди, разыскивай его потомъ по всей Россіи!

— Да чего далеко ходить: не теперь, а лѣтъ пятнадцать назадъ, когда все строже было, въ нашей губерніи, помѣщикъ Кручининъ женился на кузинѣ; вѣнчались они въ Москвѣ; живетъ и до сихъ поръ и служить въ г. Вольскѣ уѣзднымъ судьей! Всѣ это знаютъ и никому до этого дѣла нѣтъ!

Послышалось шарканье старыхъ сапогъ Платоныча:

— Завтракъ поданъ.

Ефимьева и Вальховцевъ спустились внизъ.

XXIV.

По окончаніи К—скаго сѣзда, на другой день по обыкновенію, Валеріанъ привезъ губернатору докладъ о занятіяхъ сѣзда. Поговоривъ о дѣлахъ, Бронекій спросилъ о здоровьѣ Тани.

— Выздоровленіе идетъ своимъ чередомъ, хотя и медленно; слабѣ она еще, но аппетитъ порядочный. Татьяна Михайловна поручила мнѣ передать вашему превосходительству большой поклонъ и благодарить васъ за участіе.

— *Charmante personne!* ¹⁾ Вы ѣздили до сѣзда въ „Плоское“?

— На два дня; а передъ тѣмъ къ себѣ, въ усадьбу.

— По хозяйству? улынулся Константинъ Александровичъ;—теперь одна работа погоняетъ другую... за всѣмъ смотрѣть надо... У васъ хорошій староста?

— Двадцать лѣтъ служить; честный, заботливый...

— Порядокъ у васъ большой въ усадьбѣ—это сейчасъ

¹⁾ Прелестная дѣвушка!

замѣтно, даже въ мелочахъ... А въ домѣ какая масса старины! Я до сихъ поръ вспоминаю тотъ пріятный день, который провелъ у васъ въ прошломъ году!

— Я позволяю себѣ надѣяться, что и нынѣшнимъ лѣтомъ вы заглянете въ „Янкино“, ваше превосходительство?

— Съ большимъ удовольствіемъ!—Видѣли молодыхъ? послѣ паузы, спросилъ Бронецкій.

— На прошлой недѣлѣ, ѣхавши въ усадьбу, пробылъ у нихъ вечеръ: засталъ тамъ Комельскихъ и m-me Никольцеву.

— Сіаютъ?.. Вполнѣ счастливы? улыбнулся губернаторъ.

— Да, но мнѣ кажется, что молодая княгиня начинаетъ скучать.

— Немножко рано!

— Зинаида Александровна—женщина очень живая... Имѣя средства, ей конечно хочется побывать заграницей, освѣжиться послѣ провинціального однообразія...

— Но... разсмѣялся Бронецкій,—мужъ, за шалости, въ карцерѣ!.. Пусть потерпитъ немножко... Я, вскорѣ послѣ свадьбы, написалъ министру и думаю, что онъ сниметъ съ князя опалу.

— А вы позволите мнѣ передать это княгинѣ?

— Передайте, но подъ секретомъ.

— Слушаю.—Вы лѣтомъ никуда изъ К. не собираетесь?

— Въ августъ думаю посѣтить Петербургъ: надо показаться министру, кой о чемъ поговорить и повидать сыновей.

Вальховцевъ всталъ, чтобы проститься.

— Да, вотъ еще что, весело улыбнулся Константинъ Александровичъ,—могу васъ поздравить съ Монаршею милостію...

Валеріанъ удивленно взглянулъ на него.

— ... На дняхъ вы получите Станислава второй степени, приказъ уже подписанъ.

Молодой человѣкъ поклонился.—Не знаю, какъ и благодарить ваше превосходительство!

Бронецкій подалъ ему руку.

— Представлялъ я васъ сознательно, какъ человѣка вполнѣ достойнаго и многоуважаемаго; желаю вамъ всего лучшаго!

И губернаторъ обнялъ Валеріана.

Въ „Марфинѣ“ Вальховцевъ засталъ одну Зинаиду; она сидѣла на верандѣ и читала.

— А, *tres aimable!*.. ¹⁾ Вы встрѣтили мужа? протянувъ руку Валеріану, спросила она.

— Нѣтъ; а онъ поѣхалъ въ К?

— Да, тотчасъ послѣ обѣда; дѣло у него тамъ какое-то... Вы въ городѣ вѣроятно развѣхались.

— А я къ вамъ по службѣ...

— Какъ по службѣ? А развѣ нельзя ѣздить ко мнѣ по старому знакомству?

— По службѣ, княгиня: вы поручили мнѣ кое-что исполнить; я исполнилъ и результатъ своего служенія сейчасъ вамъ доложу.

— На счетъ мужа?

— Да.

— И что-же?

— Губернаторъ написалъ о князѣ министру, вѣроятно сообщилъ объ его женитьбѣ и просилъ снять съ него опалу; Константинъ Александровичъ надѣется, что это не сегодня—завтра будетъ исполнено.

Ветлужская просіяла.

— Мерси!. Большое мерси! Теперь можно будетъ и за границу съѣздить... „Марфино“ начинаетъ мнѣ надоѣдать... Я и прежде его не любила, а теперь и подавно!

— Таня вамъ кланяется...

— Ну что она?

— Поправляется.—Да вотъ еще что я забылъ: губернаторъ просилъ, чтобы о снятіи опалы покамѣстъ не говорили никому.

-- Даже мужу? улыбнулась княгиня.

— Подъ секретомъ можно.—Ну какъ-же вы проводите время? послѣ паузы, спросилъ онъ.

-- Весьма однообразно: завтракаемъ, обѣдаемъ и ужинаемъ; гуляемъ, читаемъ, спимъ—и каждый день одно и то-же! Посѣтители очень рѣдки... За границу, за границу! Вотъ куда меня тянетъ!

— Я почти увѣренъ, что на дняхъ ваши крылышки развяжутся и вы полетите изъ „Марфина“ стремительно!

¹⁾ А, очень любезно!

— О да! Да еще какъ стремительно! разсмѣялась Ветлужская.

— Куда-же прежде всего?

— Въ Парижъ, Ниццу и Швейцарію; на первый разъ довольно.

— А назадъ къ намъ?

— Смотря по погодѣ; но никакъ не позже октября.

— Ну-съ, позвольте вашу ручку—мнѣ пора ѣхать.

— Это что-же: минутный визитъ?

— Я спѣшилъ успокоить васъ, а мнѣ надо еще пови-
дать Рудневича, по порученію губернатора, солгалъ Валь-
ховцевъ.

— Очень жаль! надулась Зинаида и, вставъ съ кресла, протянула ему руку.—Надѣюсь, что слѣдующій визитъ бу-
детъ продолжительнѣе!

— Князю потрудитесь передать мой поклонъ.

— Еще разъ мерси! въ догонку Валеріану крикнула Ветлужская.

XXV.

— Да, по вашимъ рассказамъ, кузина ваша должна быть чудная дѣвушка! Въ тотъ-же день говорила Вѣра Александровна (Рудневичъ былъ въ полѣ) Вальховцеву, сидя на террасѣ, выходявшей въ садъ;—скоро спустятъ ее съ постели? Погода теперь прекрасная и я не думаю, чтобы долгое лежанье было ей полезно.

— Хотятъ въ первыхъ числахъ Іюня выпускать ее на балконъ, конечно не въ сырую погоду.

— Аппетитъ хорошъ?

— Очень. Она четыре раза въ день кушаетъ по многу; даютъ двѣ рюмки портвейна.—А гдѣ ваша Оля?

— Гуляетъ съ няней... Теперь для Оли праздникъ: цѣ-
лый день на воздухѣ.

— Вѣра Александровна, а вы рѣдко ѣздите въ городъ?

— Только за покупками. Знакомыхъ у меня почти нѣтъ—что-же дѣлать мнѣ въ городѣ? Да и боюсь оставлять Олю одну съ няней. Вотъ купимъ домъ въ К.—и знаком-
ства заведемъ; конечно не въ аристократіи! Я-вѣдь вообще, хотя и дворянка, не свѣтская дама да и мало знакома съ
общественною жизнью.—Дня три тому назадъ посѣтилъ

насъ Петръ Семенычъ; часа два сидѣлъ... Добрый онъ долженъ быть!

— И ласковый... Я его очень люблю.

— Мнѣ кажется, что Володя ему нравится.

— Ничего нѣтъ удивительнаго: вашъ Володя—человѣкъ хорошій, скромный... Даже слишкомъ скромный!

— А какова ваша тетка Ольга Николавна?

— Ну, эта другого сорта! Аристократка и вполне свѣтская. Держитъ себя какъ *grande-dame* и за себя постоитъ! Но она добрая, готова помочь всякому, конечно съ разборомъ.

— Мужъ говорилъ, что у васъ на обѣдѣ она выдѣлялась изъ всѣхъ своей осанкой и разговоромъ. Въ ней есть что-то царственное, добавилъ Володя:—по неволѣ подходить къ ней надо съ почтешемъ! улыбнулась Вѣра Александровна.
—А какъ Ветлужскіе живутъ?

— Ничего; молодая княгиня держитъ себя очень просто и съ тактомъ, не кичится своимъ титуломъ, а Анатолій Александрычъ—все тотъ-же добрый малый и только.

— Хоть-бы его простили... Не будетъ-же онъ теперь цѣловать чужихъ женъ, въ К—скомъ театрѣ!

— Думаю, что нѣтъ: Зиночка—женщина рѣшительная и можетъ такую ему пѣсенку спѣть, что не поздоровится!

— Кому это не поздоровится? спросилъ вошедшій Рудневичъ.

— Князю Ветлужскому, если онъ чужихъ женъ будетъ цѣловать, здороваясь, отвѣтилъ Вальховцевъ.

— Да, Зинаида Александровна это не проститъ и вообще она скорехонько заберетъ мужа въ лапки!

— И такъ заберетъ, что Ветлужскій и не замѣтитъ, добавилъ Валеріанъ.

— Что, усталъ? заботливо спросила Вѣра Александровна садившагося въ кресло Рудневича.

— Немножко; ну, да это полезно.—Слушай-ка, обратился Владиміръ Григорьевичъ къ Вальховцеву:—свободенъ у тебя кузнецъ?

— Нѣтъ: вторую пару „зигзаговъ“ куетъ.

— Вотъ мнѣ „зигзагъ“-то и нуженъ; хоть-бы къ озимовой пашнѣ сработалъ... Двухъ не успѣетъ—и одной, удовлетворюсь.

— Спрошу его; послѣ завтра пріѣдешь—узнаешь. А какъ у тебя рожь сѣютъ?

— Конечно по адамовски: ручками!

— Надо сѣялку завести... не такъ ужъ дорого.

— А сколько?

— Отецъ заплатилъ сто двадцать рублей, года три назадъ, Экерта; славная сѣялка: для ржи, овса и пшеницы. Легонькая, для одной лошади, полтора загона захватываетъ.

— Куплю непременно.

— А молотилка есть?

— Какая тамъ молотилка! Цѣпами барабанять! И ее надо купить... У тебя какая?

— Американка съ зубьями; молотить чисто.

— А приводъ какой? Чугунный?

— Можно и чугунный, но у меня деревянный и вотъ почему: хотя онъ и тяжелѣе и требуетъ трехъ лошадей, вмѣсто двухъ, но за то починить его, въ случаѣ поломки, можно дома, а испортится чугунный—стоишь машина! И берись за цѣпы, пока поправятъ, а везти его на заводъ за сто верстъ—не близко да и денегъ стоитъ.—А вѣялка есть?

— Вараксина.

Вѣра Александровна поднялась съ кресла.

— Надоѣло тебѣ слушать? смѣясь, спросилъ Рудневичъ.

— Нѣтъ, по хозяйству надо... да пора Олю домой позвать: скоро солнце сядетъ.

— Ой, вотъ еще, продолжалъ Владиміръ Григорьевичъ, —надо-вѣдь какую-нибудь штуку для посѣва клевера.

— Непременно: не сѣять-же клеверъ пополамъ съ пескомъ, разбрасывая руками, какъ даже у отца дѣлали! Теперь въ употребленіи прекрасная, легонькая ручная сѣялка и стоитъ она недорого.

— Выкупныя получилъ? послѣ паузы, спросилъ Рудневичъ.

— Еще въ концѣ Апрѣля получилъ и свидѣтельство съ банковыми билетами свезъ въ государственный банкъ, на храненіе.

— Извини за нескромность—сколько?

— Тридцать шесть тысячъ четыреста восемьдесятъ рублей.

— А душъ?

— Триста четыре.

— Выходить что, потребовавъ выкупъ, ты лишился ссуды за усадебную осѣдлость, то есть девяти съ чѣмъ-то тысячъ!

— Всегда-бы лишился, потому что крестьяне никогда не выкупили-бы усадебную осѣдлость. А сколько возни съ полученіемъ оброка, если не потребовать выкупа! Теперь у меня капиталъ и я буду спокойно получать тысячу восемьсотъ рублей процентовъ; съ доходами „Янкина“ и жалованьемъ жить можно.

— А я подожду выпускать крестьянъ на выкупъ: всегда успѣю... Можетъ быть будутъ какія-нибудь перемѣны... Ну что новенькаго въ городѣ?

— Твой пріятель получилъ Станислава на шею...

— Какой пріятель... Петя Ефимьевъ, что-ли? усмѣхнулся Рудневичъ.

— Для Пети еще раненько...

— Ты, что-ли?

— Я самый и есть.

— Н-ну... Нѣтъ, говори толкомъ... кто?

— Ей Богу я!

— Поздравляю... отъ души поздравляю! и Владиміръ Григорьевичъ обнялъ Валеріана;—Вѣра, Вѣрочка! Скорѣй сюда!

— Что случилось? спросила она, вбѣжавъ.

— Валерьянъ получилъ Станислава на шею!

— Поздравляю! подала она руку Вальховцеву, который ее поцѣловалъ;—воображаю, сколько будетъ завистниковъ!

— Хотя приказъ и подписанъ, но въ К. онъ еще не объявленъ, сообщилъ мнѣ губернаторъ.

— Вѣруша, милая, надо Станислава-то спрыснуть... есть у насъ шипучка?

— Къ счастью есть; непременно надо спрыснуть!—Ахъ какъ я рада за васъ, Валерьянъ Николаичъ!

— Это такой былъ мнѣ сюрпризъ... Я вѣдь и всего полтора года здѣсь служу.

— Да, будутъ завидывать... Однако какъ полюбилъ тебя Бронецкій! Со словъ его, министерство представило—не иначе.

— Конечно.—А переѣхалъ въ Горшалово Петръ Семенычъ?

— Ждутъ ихъ завтра, а Александра Семеныча на пятое число.

— Поѣдешь къ нимъ, какъ вернешься изъ Залѣсова?

— Непремѣнно. Ты когда ѣдешь на сѣздъ: рано утромъ третьяго или вечеромъ второго числа?

— Третьяго; а что?

— Тогда я ночую у тебя.

— Милости просимъ; пріѣзжай поранѣе.

— А какъ идетъ у тебя писаніе—не споро кажется?

— И очень даже не споро; все это время нельзя было уединиться, да правду сказать и не очень хотѣлось подходить къ письменному столу. Конецъ августа, сентябрь, октябрь—вотъ удобные мѣсяцы.

— Твоя повѣсть „Въ цѣпяхъ“ очень талантливо написана—ну да это доказывается тѣмъ, что „Русское дѣло“ напечатало ее; поэтому надо талантъ развивать, а не лѣниться.

— У отца твоего была библіотека?

— Небольшая, но прекрасно подобранная.

— Гдѣ-же она?.. Вообще я не вижу въ Кузнецовскомъ домѣ ни одной вещицы петербургской: неужели ты продалъ всю обстановку квартиры твоего отца?

— Боже сохрани! Ни одного стулика не продалъ! Все, по описи, сдано на храненіе въ складъ: въ Іюль или Августъ вся отцовская обстановка пріѣдетъ въ К., на баркѣ. Теперь дѣло въ домѣ, я ужъ присмотрѣлъ почти новенькій домъ на прекрасномъ мѣстѣ, съ садомъ: выстроенъ онъ лѣтъ пятнадцать назадъ, изъ красной, крупной сосны, солидно, какъ прежніе помѣщики строили. Продають потому, что хозяинъ и хозяйка умерли, а два ихъ сына служатъ въ Петербургѣ и конечно въ К. не заглянутъ. Домъ очень понравился Вѣрочкѣ.

— Зачѣмъ-же дѣло стало?

— На тысячѣ не сходимся: онъ проситъ пять, а я даю четыре.

— Ну, Володя, и пять дешево... А сколько комнатъ?

— Внизу восемь и въ мезонинѣ двѣ; комнаты большія.

— Смотри: перехватить кто-нибудь—завоеешь да будетъ поздно! Тутъ всякій день важенъ.

— Напугалъ ты меня: и впрямь пожалуй купать, а

домъ намъ очень нравится... Нечего откладывать... завтра же поѣду и куплю.

— И что ты жмешься: деньги-вѣдь есть! Сколько отецъ оставилъ тебѣ?

— Около семидесяти тысячъ.

— И ты изъ-за тысячи рублей выпускаешь изъ рукъ домъ, который вамъ нравится? Не думалъ я, что ты такой скупецъ! Вѣдь пять тысячъ за такой домъ—это чуть не даромъ!.. Попробуй построить его—пятнадцатю тысячами не отдѣлаешься! Теперь дома упали въ цѣнѣ по милости эмансипаціи, а пройдетъ десять—пятнадцать лѣтъ—посмотри какъ поднимутся!

— Ёду завтра же въ городъ... Напугалъ ты меня! встревожился Рудневичъ.

XXVI.

Въ послѣдній день сѣзда, предводитель Абросимовъ пригласилъ къ себѣ обѣдать Вальховцева и мировыхъ посредниковъ. Обѣдъ прошелъ оживленно; говорили о хозяйствѣ, новостяхъ, о предположеніяхъ правительства. Подали кофе и всѣ перешли въ кабинетъ. Дмитрій Андреевичъ закурилъ, трубку, а остальные, за исключеніемъ Валерьяна, —папиросы. Темы разговора перемѣнились.

— Ходило да ходило по разнымъ мѣстамъ дѣло Ржаницына, сколько бумаги извели, крови испортили и ничего-то бѣдный г. Лиманскій не могъ подѣлать! Съ трескомъ провалило министерство ухищренія крѣпостниковъ! радостно вспомнилъ Галкинъ; удивляюсь Амосову: малый честный, казалось-бы стойкій и съ мозгами,—и вдругъ мировую предложилъ, то есть просто вырвалъ у мужиковъ два надѣла, когда надо было сразу огорошить такого проходимца, какъ Ржаницынъ!

— Я позволю себѣ, Сергѣй Дмитричъ, заступиться за Амосова, замѣтилъ Вальховцевъ:—онъ видѣлъ, что мужики несомнѣнно проиграютъ дѣло и хотѣлъ сохранить имъ хоть половину надѣловъ.

— Позвольте... Отчего-же вы, Валерьянъ Николаичъ, не пошли на компромиссъ, а прямо высказались и даже подали свое мнѣніе о томъ, что эти четыре надѣла, о кото-

рыхъ шла рѣчь, безусловно принадлежать крестьянамъ и кортомы, придуманной Ржаницынымъ, и въ духахъ не бывало!

— Сергѣй Дмитричъ, у меня одинъ взглядъ, а у Амосова другой.

— Вотъ этотъ-то другой я и не одобряю: рѣжь сразу, прямо, а не вилай! Ну что-же изъ этого вышло? Срамота для всѣхъ членовъ К—скаго съѣзда, кромѣ Валерьяна Николаича?

--- Превозносите ужъ очень! разсмѣялся Вальховцевъ.

— Не вась однихъ... и Меркурова превозношу: настоящий дворянинъ!

Помолчали.

— А меня таки сцапала госпожа Пташкина, отнимая ото рта трубку, добродушно раскохотался Абросимовъ:— только что вы разошлись, она прямо влетѣла въ канцелярію, гдѣ я подписывалъ кой-какія бумаги, раздраженная, чепчикъ на боку и начала кричать. Я предложилъ ей перейти въ комнату засѣданій, чтобы не мѣшать занятіямъ писцовъ: „Я желаю говорить съ вами публично, господинъ предводитель: дѣло мое правое, а всѣ дѣйствія нынѣшняго начальства совершаются въ темнотѣ, а потому я хочу говорить при свѣтѣ!“ Если вы не желаете говорить со мной въ залѣ, отвѣтилъ я, —я уйду домой, а вы можете подать мнѣ письменную жалобу.—„Вы обязаны выслушать меня вездѣ!“ почти крикнула Пташкина.—Я ушелъ въ залу. Слышу Пташкина въ канцеляріи шумить, наконецъ влетаетъ ко мнѣ: „Хотя это насиліе съ вашей стороны, но я поневолѣ подчиняюсь вашему капризу! (Она придвинула кресло и сѣла). У меня въ усадьбѣ огородъ отдѣляется отъ крестьянскаго лужка полоса земли за конюшней, шириной въ пять саженъ: на дняхъ смотрю: полоса, вмѣсто пяти, съузилась вдругъ до трехъ саженъ! Мошенники-мужиченки перенесли (вѣроятно ночью) огородъ ближе къ конюшнѣ и отрѣзали у меня двѣ сажени!.. Что-же это будетъ?.. Эдакъ они и постройки начнутъ перемывать!.. Я обращалась къ г. Соболеву—ну конечно онъ взялъ сторону мужиковъ, а я оказалась виноватой! Господи-Батюшка! Да вѣдь это хоть изъ усадьбы бѣги! А съ чѣмъ побѣжишь? Чѣмъ жить будешь?“—Я общалъ переговорить съ вами, Владиміръ Сергѣичъ, и насилу отвязался отъ нее!

— Дѣло очень просто: какъ оказалось, огородъ за ко-

нюшней передвинулъ Пташкинскій староста, сажени на двѣ въ крестьянскій лужокъ и на небольшое протяженіе. Образовалась линія не прямая, а выпученная. Мужики, увидя это, перенесли огородъ на старое мѣсто. Пташкина подала мнѣ жалобу. Я поручилъ землемѣру провѣрить границу по плану и оказалось, что прежняя линія была вѣрна, а проведенная старостой вдалась въ крестьянскую землю на двѣ сажени. Дѣло это я разобралъ на прошлой недѣлѣ; такъ какъ Пташкина не явилась и повѣреннаго не прислала, то я рѣшилъ дѣло на основаніи представленныхъ доказательствъ и Пташкиной въ искѣ отказалъ.

— Ну и помѣщица! воскликнулъ Галкинъ,—впрочемъ въ прошломъ году она не такую еще сцену закатила Валерьяну Николаичу!

— Д-да! Помучила она меня тогда и въ заключеніе еще „дряннымъ мальчишкой“ обозвала!

— А вотъ что буду я дѣлать съ Ефимьевымъ... Посо-вѣтуйте... жаль старика! сказалъ Рудневичъ.—Сдалъ онъ свои поля изъ-полу... Половинщики, въ прошломъ году, всѣ работы въ „Петриловѣ“ производили по окончаніи своихъ работъ и потому онѣ всегда запаздывали; получился, противъ прежнихъ лѣтъ, конечно убытокъ. Ефимьевъ просилъ крестьянъ, въ нынѣшнемъ году, работать въ Петриловѣ одновременно со всѣми сосѣдями и не запаздывать—половинщики обѣщали. Въ нынѣшній посѣвъ овса они опять поступили по старому: у людей овесъ былъ посѣянъ во время и попалъ подъ дождь, а Петриловскій запоздалъ и былъ посѣянъ послѣ дождя, вслѣдствіе чего овесъ у Ефимьева хилый и роста маленькаго. Ну что тутъ подѣлаешь? Я отвѣчалъ Василию Иванычу, что выходъ тутъ одинъ: по уборкѣ хлѣба, уничтожить условіе и на будущій годъ обрабатывать село наемными рабочими; на половинщиковъ надѣяться нечего: свой хлѣбъ они конечно предпочтутъ барскому.

— Что-же Ефимьевъ? спросилъ Абросимовъ.

— Говорилъ, что для того, чтобы держать наемныхъ работниковъ нужны деньги, а у него ихъ нѣтъ. Я его и спрашиваю: а вы подали на выкупъ?—„И не подамъ: жаль терять ссуду за усадебную осѣдность!“—Да вѣдь вы все равно

потеряете отъ дурного хода полевыхъ работъ?—Ужъ право не знаю что и дѣлать!

— Попробуйте пугнуть крестьянъ уничтоженіемъ условія, посовѣтоваль Соболевъ.

— Пустое! возразилъ Галкинъ;—развѣ что для оброка надо деньги выручить... А мужики бѣдные?

— Нѣтъ... не работающіе—вотъ что скверно! отвѣтилъ Рудневичъ.

— Это худо; съ лѣнтаемъ каши не сварить! Пожалуй что единственный выходъ—отдать всѣхъ крестьянъ на выкупъ и вести хозяйство наемными рабочими.—Однако, господа, пора и во свояси: Дмитрій Андреичъ пойдетъ въ канцелярію, я—въ клубъ на преферансъ и Соболева съ собой утащу...

— А я Рудневича, добавилъ смѣясь Вальховцевъ. Попрощались и разошлись.

XXVII.

Возвращаясь изъ Михалкова, Валеріанъ неожиданно увидалъ у огорода, отдѣлявшаго Плосковской садъ отъ большой дороги, Таню, въ свѣтло-голубомъ платочкѣ на головѣ и сѣренькой накидкѣ, веселую, съ румянцемъ на щекахъ и даже нѣсколько пополнѣвшую; она махала платкомъ и просила остановиться. Вальховцевъ выскочилъ изъ тарантаса, перелѣзъ черезъ огородъ и поздоровался съ дѣвушкой. Ямщику приказано было ѣхать на дворъ.

— Ты хорошо себя чувствуешь? спросилъ Валеріанъ, съ радостію глядя на веселое, свѣжее лицо Тани.

— Прекрасно! Окрѣпла, ѣмъ за двоихъ, сплю спокойно. Счастье мое, что дни стоятъ такіе чудные!

— Дядя въ городѣ?

— Сегодня рано утромъ уѣхалъ. Вчера провелъ у насъ цѣлый день... Ахъ, Валя, какъ онъ любитъ меня, послѣ моей болѣзни: „ты мнѣ вдвое дорога стала“! сказалъ онъ мнѣ вчера.—„Мы были почти увѣрены, что ты не выздоровѣешь! Страшные дни и ночи перенесли мы!“—и крѣпко—крѣпко меня поцѣловалъ.—Пойдемъ однако въ домъ;—и они двинулись.—Да, совсѣмъ и забыла: поздравляю тебя со Stanisлавомъ! Ужъ какъ мы были рады, особенно папа: „въ

его года и сразу получить крестъ на шею—рѣдкость!.. Воображаю, сколько завистниковъ приобрѣлъ Валеринька“!

— А ты рада? спросилъ Вальховцевъ.

— Нѣтъ, не рада... Завидую! размѣялась дѣвушка и, забывшись чуть не кинулась къ нему, но спохватилась.

На встрѣчу имъ, изъ-за угла дома, вышли Ефимьева, дѣти, Сесиль и учительница; подойдя къ Валеріану, онъ въ одинъ голосъ закричали: „Поздравляемъ! Поздравляемъ!“

Вальховцевъ благодарилъ и, по порядку, поцѣловаль у всѣхъ руки.

— Дядя, уѣзжая, приказалъ подать за обѣдомъ шампанское и поздравить отъ него „пана“ съ Монаршей милостію! сказала Анна Васильевна.

— Ура! Поздравляемъ! закричали дѣвочки.—Намъ тоже дадутъ шампанскаго?

— Конечно. Цѣлый бокалъ каждой! отвѣтила Ефимьева; —тебѣ не холодно? обратилась она къ Танѣ.

— Что это, Аня: солнце свѣтитъ во всю, вѣтра нѣтъ...

— Такъ ты-бы сѣла: много бродить тебѣ не полезно. сядь-ка Танюша...

— А вы куда?

— Хочется въ рощу пройти, грибовъ къ обѣду набрать.

— Какъ хорошо-бы было! всплеснулъ руками Валеріанъ

— Постараемся; а пока, Таня приказала-бы ты покормить пана: вѣдь онъ голоденъ вѣроятно...

— Голоденъ не голоденъ, а заморить червячка не откажусь!

— Пойдемъ тогда въ домъ; пожалуй и я что нибудь съѣмъ: жадна я стала!

— Глупости говоришь! строго замѣтила Анна Васильевна; —тьфу! Сухо дерево! Накликаешь на себя!

Таня расхохоталась.

— Нечего хохотать: Бога благодари, что спасъ тебя! и разстроенная Ефимьева, съ дѣтьми и гувернантками, направилась къ большой дорогѣ.

— Я-вотъ хохочу на ея выходки, а внутри меня радость: я вижу, какъ любима милой Аней.

— Не одна Анна Васильевна тебя любить.

— Знаю! перебила она.—И ты меня любишь... Ты доказалъ это во время моей болѣзни...

— А ты развѣ это помнишь?

— Такія вещи не забываются... Хотя я часто была въ забытѣ, а все-таки чувствовала, что ты тутъ, что тебѣ жаль меня, что ты молишься за меня...

Они вошли въ домъ и Таня позвала Катю.

— Валя, требуй! Хочешь изжарять телячью котлетку?

— А ты будешь кушать?

— Буду.

— Такъ и я попрошу.

— Ну, Катя, скажи тогда, чтобы изжарили четыре котлеты, со шпинатнымъ соусомъ, да подай сыръ, грибовъ въ уксусѣ... Который часъ?

— Второй въ началѣ.

— До обѣда значить три часа—надо заправиться! усмѣхнулась дѣвушка.

— Люблю я видѣть тебя веселой, вотъ такой, какъ теперь! сказалъ Вальховцевъ, пристально глядя на нее.

Они пошли на верхъ, въ кабинетъ Тани.

— А какъ ты думаешь, спросилъ Валеріанъ,—дней черезъ десять ты сможешь пріѣхать въ „Янкино“?

— Обѣдъ будетъ?

— Еп petit comité; дядя Петръ Семенычъ 25-го Іюня—имянинникъ и звалъ въ „Горшалово“ губернатора и твоего отца; оба обѣщали быть, 26-го—обѣдъ у Александра Семеныча, а 27-го у меня. Ты тоже приглашена, но возьми-ли тебя отецъ?

— Очень была-бы я рада! Спроси папу и дай мнѣ знать...

— Пошлю эстафету; буду просить твоего отца до нельзя; авось смирется!

— Послѣ завтрака, Валеріанъ и Таня снова пошли въ садъ и усѣлись на скамейкѣ.

— А я и забыла тебѣ сообщить: третьяго дня пріѣзжала сюда тетка Никольцева, подъ видомъ участія ко мнѣ.

— Не на счетъ-ли Башилова?

— А ты почему знаешь?

— Догадываюсь... Ну, продолжай...

— Пріѣхала почти къ самому обѣду: ласковая такая, конфетъ дѣвочкамъ привезла...

— А дядя дома былъ? перебилъ ее Вальховцевъ.

— Нѣтъ: она вѣроятно нарочно такой день избрала...

Ну, отобѣдала и пошла со мной прогуляться... Помолчали немножко...

— А ты теперь совершенно здорова? спросила тетка.

— Совершенно; и силы вернулись.

— Знаешь что: надо-бы тебѣ замужъ выйти, неожиданно выпалила она:—въ Іюль тебѣ двадцать одинъ годъ стукнетъ—пора! Послѣ болѣзни ты похорошѣла...

Я промолчала.

— Тутъ есть офицеръ... красивый, богатый; давно влюбленъ въ тебя...

Я молчала.

— Ты знаешь его... танцевала съ нимъ не одинъ разъ... Да ты что молчишь?

— Что-же я буду говорить?

— Развѣ тебѣ не интересно узнать, кто въ тебя влюбленъ?

— Нѣтъ, ma tante!

— Странно.

— Къ чему мнѣ это, разъ я не влюблена?

Ольга Петровна взволновалась.

— Нельзя-же, ma chere, быть такимъ истуканомъ и ничѣмъ не интересоваться!

— Да я можетъ-быть совсѣмъ замужъ не пойду...

— Въ монастырь уйдешь? усмѣхнулась она.

— Можетъ быть; все лучше чѣмъ идти Богъ знаетъ за кого!

— Vous voulez filer un parfait amour? ¹⁾

— Не смѣйтесь, ma tante: по расчету я не выйду замужъ и не узнавъ хорошенько человѣка—тоже!

— Гдѣ ты этого начиталась? презрительно протянула тетка.

— Не книжкамъ я благодарна, что родилось у меня это убѣжденіе, а своимъ мыслямъ и разсужденіямъ!

— Такъ тебѣ и братъ мой не нравится?

— Нѣтъ.

— Однако ты съ нимъ постоянно танцевала, болтали безъ умолку! На одномъ изъ вечеровъ это даже замѣтили и одна изъ дамъ, глядя на васъ, сказала: „прелестная будетъ парочка!“

Когда она это сказала—я совершенно остолебѣла.

¹⁾ Тебѣ хочется разыграть всесовершеннѣйшую любовь?

— Что молчишь? Ты думала никто ничего не замѣчаетъ?.. Скрыть хотѣла свое кокетничанье?

Меня она до такой степени оскорбила этими словами, что я даже готова была заплакать!

— Какая однако язва твоя тетка! замѣтилъ Вальховцевъ.

— Что, стыдно стало, когда я тебѣ всю правду высказала? продолжала Ольга Петровна.—Что-жъ, стыдиться нечего, коли братъ мой тебѣ нравится! повернула по своему и смягчила тонъ она.—Рѣшайся: онъ любить тебя до безумія и ты будешь жить съ нимъ, какъ у Христа за пазушкой.

— Да откуда вы взяли, ma tante, что мнѣ нравится г. Вашиловъ? Если вамъ нужна правда—извольте: вашъ братъ мнѣ совершенно несимпатиченъ и если бы у него былъ миллионъ—я не пошла-бы за него!—Я встала со скамьи и лицо мое вѣроятно было блѣдно; тетка тоже поднялась.

— Ты глупа! хладнокровно рѣшила она.—Я подозреваю, что у тебя есть тайная пассія... Я доберусь до этого—будь покойна... и тогда уже ты меня вспомнишь.

— Чтобы находить брата вашего несимпатичным—
вовсе не нужно имѣть тайную „пассію“, а угрозъ вашихъ,
ma tante, я не боюсь!

Мы молча пошли къ дому.

— Ты конечно, послѣ паузы, начала Ольга Петровна, — весь нашъ разговоръ передашь отцу, Ефимьевой, Валерьяну... А пророс: съ чего это онъ меня кузиной величаетъ?

— Вы сами въ прошломъ году, встрѣтивъ его у Голубцовыхъ, при мнѣ, спросили его, почему не называетъ онъ васъ кузиной и съ тѣхъ поръ, въ угожденіе вамъ, Вальховцевъ называетъ васъ кузиной!

— Что-то не помню! протянула тетка.

— Что-же касается передачи нашего разговора папа—
будьте покойны: брата вашего я и не вспомяну!

Мы подошли къ крыльцу, на которомъ стояла Катя.

— Скажи, милая, моему кучеру чтобы закладывалъ: я сейчас поѣду.

— Онъ и не распрягалъ.

— Тѣмъ лучше; вели подавать.

Тетка простилась со мной свысока; вѣроятно она не ожидала такого отпора. Ну, а теперь скажи, почему ты догадался, что я заговорю о Башиловѣ?

Валеріанъ передалъ ей свой разговоръ съ Башиловымъ и Никольцевой.

— Неудачная сваха! размѣялась Таня. — Подумаешь: какое сокровище г. Башиловъ!

XXVIII.

Выѣхалъ Вальховцевъ изъ „Плоскаго“ и задумался... Не хотѣлось ему оставлять гостепріимный пріютъ и милую, добрую Таню! Онъ чувствовалъ, что она дорога стала ему, что все болѣе и болѣе что-то связываетъ его съ ней... Вспомнились Валеріану недавно пережитое тяжкое время болѣзни Тани, радостные дни ея выздоровленія... Вспомнилъ онъ свиданіе съ ней по пріѣздѣ изъ „Янкина“, ея открывшуюся привязанность къ нему, послѣдовавшія вспышки плохо скрываемой любви...—Да, она любитъ меня, любитъ крѣпко... и не со вчерашняго дня, а съ самаго пріѣзда моего въ К.! Я давно ощущаю эту любовь; я вижу ее во взглядѣ Тани, устремленномъ на меня, въ улыбкѣ, въ рѣчи... Радость при свиданіи, сожалѣніе и даже горестъ при разставаніи! И когда возлѣ меня эта чудная дѣвушка—хорошо мнѣ на сердцѣ, хороша и дорога мнѣ жизнь!

Провѣрилъ себя Валеріанъ, вспомнилъ свои отношенія къ Танѣ, отчаяніе при ожиданіи ея кончины, безумную радость при благополучномъ окончаніи кризиса; вспомнилъ, какъ хотѣлось ему броситься къ ногамъ воскресшей и высказать ей все, что было у него тогда на сердцѣ, чѣмъ жилъ онъ въ эти счастливыя минуты!

Но передъ нимъ преграда... Онъ только скрытно, воровски можетъ быть ея мужемъ!.. Пойдетъ-ли Таня противъ церкви, отца, мнѣнія родныхъ и общества?

И невеселая дума тревожитъ сердце, шевелитъ мозгъ. Теперь, когда на волоскѣ виситъ слово „люблю“ и можетъ сорваться каждую минуту—Валеріанъ не сомнѣвается въ своей любви, вѣритъ и во взаимность... Таня ждетъ этого слова, она откинетъ всѣ препятствія, готова перенести все, чтобы только услышать отъ Валеріана чудную, краткую пѣснь любви!.. И грезится ей эта пѣсня и ждетъ она ее терпѣливо, мучительно!

„Пора кончить!“ рѣшаетъ онъ:—„жизнь коротка, еще

короче счастье... Пойдемъ впередъ и овладѣемъ имъ, хотя на одинъ день, хотя-бы на минуту“!

И кажется уже Валеріану, что онъ гдѣ-то въ дивномъ саду, при яркомъ сіяніи солнца, при оживленномъ пѣніи птицъ... У ногъ его, облокотясь на его колѣно, сидитъ Таня, радостная, покойная... Глаза ея устремлены на склонившагося къ ней Валеріана—и тихая, нѣжная улыбка какъ будто говоритъ ему: „я—твоя, твоя на вѣки“!

XXIX.

Въ одиннадцать часовъ утра, Вальховцевъ, въ полной парадной формѣ, представился губернатору. Поблагодаривъ его вторично за Высочайшую награду онъ, подавая Бронцкому докладъ о занятіяхъ сѣздовъ, сообщилъ ему о мелочахъ, которыя онъ видѣлъ и о которыхъ слышалъ: настроеніе крестьянъ, отношенія ихъ къ своимъ бывшимъ помѣщикамъ и на оборотъ, какъ прививается наемный трудъ въ помѣщичьихъ усадьбахъ и какъ идетъ свободный крестьянскій трудъ.

— Я буду просить васъ, Валерьянъ Николаичъ, когда окончу свои замѣтки о ходѣ эмансипаціи во ввѣренной мнѣ губерніи, для представленія министру, просмотрѣть ихъ и исправить то, что покажется вамъ не совсѣмъ правдивымъ или преувеличеннымъ. *J'espère que vous serez si aimable* ¹⁾ и сдѣлаете это для меня?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, ваше превосходительство!

— Мерсі; вы вчера пріѣхали?

— Поздно вечеромъ.

— Слѣдовательно новостей не знаете? улыбнулся губернаторъ.

— И очень желаю узнать ихъ, если онѣ интересны.

— Первая новость: князь Ветлужскій прощенъ и съ молодой княгиней уѣхалъ за границу. Конечно было легкое давленіе Зинаиды Александровны, усмѣхнулся старикъ:— „Марфино“ надоѣло и махнули прямо въ Парижъ!

— Давно уѣхали?

— Почти съ недѣлю.—Вторая новость: 25-го я объѣдаю

¹⁾ Надѣюсь что вы будете такъ любезны.

у имянинника, Петра Семеныча, а 26-го у Александра Семеныча.

— Позвольте прибавить 27-е число и порадуите меня посѣщешемъ „Янкина“!

— Очень радъ! улыбнулся Бронецкій.—Итого три дня сряду въ гостяхъ! Для старика, какъ я, это пожалуй и много! А вы откуда это знаете?

— Въ Михалковѣ я получилъ письмо дяди Петра Семеныча, по дѣлу,—такъ онъ пишетъ.

— Теперь третья новость: преосвященный Евлампій покидаетъ насъ, идетъ на покой, а вмѣсто него намъ дадутъ Антонія, викарія Т—скаго; говорятъ, прекрасный человѣкъ, строгой жизни, кончившій московскую духовную академію, однимъ изъ первыхъ.

— А четвертая, ваше превосходительство?

— Н-ну, *c'est déjà trop!* ¹⁾ Довольно вамъ и трехъ.

— Позвольте мнѣ спросить одну вещь...

— Пожалуста.

— Вы возьмете съ собою Ефимьева?

— А что? Хотите его въ „Янкино“ затащить?

— Хотѣлось-бы...

— Брать его съ собою я не намѣревался, но разъ вамъ этого хочется— *avec plaisir!* ²⁾

Вальховцевъ поблагодарилъ губернатора и отправился домой.

Тамъ онъ уже засталъ Ефимьева.

— Поздравляю... Отъ души поздравляю! бросился онъ ему на шею.—Легкое-ли это дѣло. Станиславъ второй въ твои годы!

— Спасибо Петя, приступивъ къ переодѣванію, обнялъ его Валеріанъ,—ты откуда теперь?

Отъ Гогъ-Магога; я сидѣлъ въ канцеляріи; вошелъ Васька-денщикъ и объявилъ мнѣ, что ты, въ мундирѣ и при шпагѣ сидишь въ залѣ и калякаешь ³⁾ съ губернаторомъ... Я сейчасъ-же „кушакъ и шапку“ и къ тебѣ...

— А если тебя Бронецкій потребуетъ?

— Скажутъ, что я поѣхалъ по его приказанію; у меня

¹⁾ Это уже слишкомъ.

²⁾ Съ удовольствіемъ.

³⁾ Калякать — болтать.

всегда, на всякій случай, въ запасъ какое-нибудь губерна-
горское порученіе. — Молодые за границу укатили...

— Знаю, улыбнулся Вальховцевъ,—знаю и то, что но-
вый архіерей къ намъ назначенъ и что Константинъ Алек-
сандрычъ 25-го и 26-го обѣдаетъ у дядей.

— Губернаторъ тебѣ говорилъ?

— Да.

— Я очень радъ этимъ обѣдамъ: во-первыхъ поѣмъ
хорошо, а во-вторыхъ и въ „Янкино“ загляну.

— И ничего этого не будетъ, разсмѣялся Валеріанъ,—
воздушные замки!

— Какъ не будетъ? выпучилъ глаза Ефимьевъ.—Бро-
нецкій всегда беретъ меня съ собой!

— А теперь не возьметъ!

— Онъ сказалъ тебѣ?

— Сказалъ.

— Это однако скверно: я ожидалъ, что хотя развлекусь
немножко!

— Возьметъ, возьметъ! похлопалъ по плечу Петю Ва-
леріанъ.—Онъ дѣйствительно хотѣлъ ѣхать одинъ, но я
упросилъ его. Константинъ Александрычъ обѣдаетъ и у
меня 27-го.

— А Татьяна Михайловна будетъ? Я слышалъ, что ее
приглашали... она совсѣмъ поправилась?

— Совсѣмъ... и похорошѣла: а возьметъ-ли ее отецъ—
незнаю.—А вы когда пріѣхали? обратился Вальховцевъ къ
Андрею.

— Вчера къ ночи.

— Овесъ есть?

— Есть; по четыре гарнца сегодня утромъ съѣли!

— Ну вотъ что, Петя: ступай сейчасъ въ „Парижъ“,
закажи завтракъ, а я къ Карелову заѣду.

— А можно ботвинью?

— Какова осетрина-то?

— Самъ посмотрю, не безпокойся...

— Ну дѣлай, какъ знаешь!

Михаила Павловича Валеріанъ засталъ уже въ присут-
ствіи; поздоровавшись, Кареловъ спросилъ племянника:

— Ну какъ нашелъ ты Танюшу?

— Поздоровѣла и похорошѣла! Кушаетъ и спитъ хорошо. Весела. А я-вѣдь къ вамъ съ просьбою: 25-го и 26-го вы обѣдаете у обоихъ дядей—Вальховцевыхъ—такъ ужъ не обходите и меня; 27-го милости просимъ въ „Янкино“: откушать и фруктовъ попробовать.

— Очень радъ; и губернаторъ будетъ?

— Обѣщаль.—Благодарю васъ за поздравленіе: крестикъ мой вспыснули, по вашему приказанію, какъ слѣдуетъ! Они поцѣловались.

— Ну, теперь пойдешь въ гору! Отъ души желаю тебѣ успѣховъ!

— А Таню вы возьмете съ собой? Очень ей хочется!

— Надо-бы взять да боюсь, какъ-бы не простудилась! У меня еще свѣжи въ памяти страшные дни ея болѣзни!

— Погода чудная... Коляска съ хорошимъ верхомъ.. Нѣтъ, дядя, ужъ возьмите ее съ собой!

— Да возьму ужъ— что дѣлать! улыбнулся Михаилъ Павловичъ.—Надо дѣвочку побаловать!

— Послѣ обѣда у дяди Александра Семеныча вы можете ночевать у меня, а Таня—у тетки Ольги Николаевны чтобы не ѣздить въ городъ.

— Такъ мы и сдѣлаемъ.—Ты сейчасъ въ „Янкино“?

— Позавтракаю и поѣду; дѣла много, должно быть и плотники пришли.—Дядя, а вы-бы скотій дворъ осмотрѣли, тотъ, который поменьше: крыша распираетъ стѣны—какъ-бы не грохнула подволока!

— Что-ты! Я этого и не замѣчаль... Да должно быть и староста тоже.

— Придется разобрать крышу и выпрямить верхъ стѣны; а пока скотъ можетъ и въ загороди ночевать: ночи теплыя.. Такъ до свиданія, дядя, до 25-го!

Пріѣхавъ въ „Парижъ“, Вальховцевъ тотчасъ-же увѣдомилъ Таню о согласіи отца взять ее съ собою въ „Горшало“ и письмо отправилъ ей эстафетой.

XXX.

Погостивъ у стариковъ Вальховцевыхъ, губернаторъ, 27 числа, пріѣхалъ въ „Янкино“ къ тремъ часамъ, конвоируемый Александромъ и Петромъ Семеновичами, съ супру-

гами, Наталіей Платоновной Мокрицкой, Михаиломъ Павловичемъ Кареловымъ съ дочерью, Рудневичемъ и Петей Ефимьевымъ. Вскорѣ по пріѣздѣ, въ виду жаркаго дня, гости, походивъ по комнатамъ, остановились въ гостиной, окнами выходившей на сѣверъ, и, такъ какъ до обѣда оставалось еще слишкомъ два часа, усѣлись за преферансъ на двухъ столахъ: на первомъ—губернаторъ, оба Вальховцевы и Кареловъ, на второмъ—Ольга Николаевна, Наталья Платоновна, Рудневичъ и Софья Алексѣевна; Валеріанъ, Ефимьевъ и Таня пошли въ садъ. Петя смѣшилъ спутниковъ своихъ комическими разсказами, анекдотами и не давалъ ни Танѣ, ни Валеріану возможности перебить его. Подошли къ оранжереямъ и Вальховцевъ предложилъ Танѣ скушать что-нибудь изъ фруктовъ. Петя одобрилъ это и побѣждалъ впередъ отыскивать ключи отъ дверей.

— Ключей нѣтъ! жалостно крикнулъ онъ.

— Да ты знаешь-ли, гдѣ ихъ искать? спросилъ Валеріанъ.

— Еще-бы не знать! Никандръ вѣрно съ собой ихъ унесъ!

Вальховцевъ пошарилъ вездѣ въ щеляхъ и въ потайныхъ мѣстахъ—ключей не оказалось.

— Я схожу къ нему? предложилъ Петя.—До обѣда еще далеко, жарко... Такъ пріятно освѣжиться персикомъ или сливой! Не правда-ли Татьяна Михайловна?

— Д-да! улыбнулась Карелова.

— Такъ бѣгу!

— Бѣгите! сказала Таня.

— Сядемъ подъ этой сиренью, Таничка: въ тѣни лучше... (они сѣли). Всѣ эти дни мнѣ такъ и не пришлось поговорить съ тобой наединѣ!

Валеріанъ глядѣлъ ей прямо въ глаза. Онъ чувствовалъ, какъ билось его сердце, какъ вдругъ у него пересохло въ горлѣ... Ему хотѣлось что-то сказать ей, но слова не шли съ языка...

Таня склонила голову: она не выносила взгляда молодого человѣка... Инстинктивно догадывалась она, что творится что-то серьезное, чудное, чего она ждала давно и чего теперь почему-то она боится...

Валеріанъ подвинулся къ ней и взялъ ее за руку...

— Таничка... что ты молчишь? нервно сжалъ онъ ее

маленькую, длинную ручку.—Вѣдь ты... любишь меня... скажи хоть словечко!

Слегка дрожа, онъ поцѣловалъ ея руку... Машинально, вся трепетъ, Таня отвѣтила ему поцѣлуемъ въ щеку... и вдругъ, вскинувъ вверхъ голову, Валеріанъ прильнулъ къ ея губамъ!

Она не откинулась, не укорила его, но тихо, скрывая лицо, опустила голову на его плечо... Валеріанъ, лѣвой рукой, бережно охватилъ талью дѣвушки и робко прижалъ ее къ себѣ...

— Ура! раздался съ дорожки крикъ Ефимьева и молодые люди очнулись.

— Моя? шопотомъ спросилъ Вальховцевъ, пожимая руку Тани.

— Давно твоя! смѣло взглянувъ ему въ глаза, отвѣтила она.

Побывавъ въ оранжереѣ и вишневомъ сараѣ, молодые люди пошли къ рѣкѣ, обошли весь садъ и вернулись въ домъ. Таня подсѣла къ теткѣ Мокрицкой и вступила съ ней въ разговоръ, но Софья Алексѣевна перезвала ее къ себѣ:

— Сядь около меня, Таня: я все проигрываю... можетъ-быть ты принесешь мнѣ счастье.

— Кто-же у васъ выигрываетъ, ma tante?

— Ахъ, ma chere, въ дамской партіи всегда мужчины выигрываютъ!

— Это значитъ вы, Владиміръ Григорьевичъ, побѣждаете всѣхъ? спросила дѣвушка.

— Ну какая тамъ побѣда, замѣтила смѣясь Ольга Николаевна,—какимъ-нибудь рублемъ всѣ наши старанія кончатся!—Гдѣ побывали? обратилась она къ Кареловой.

— Заглянули въ оранжереи, весь садъ обошли.

— И конечно фруктовъ попробовали? встала Софья Алексѣевна.

— Конечно, ma tante!

— Тебѣ, Natalie, надо было въ оранжереи съ ними сходить, а не садиться за карты! сказала Ольга Николаевна.

— Почему-же?

— А потому что ты подсиживаешь! У самой на рукахъ цѣлые восемь, а ты играешь просто!]

— Зачѣмъ-же я буду проигрывать? взволновалась Мокрицкая.

— Да вѣдь это уже не игра оставлять вистующаго безъ двухъ!.. Ну подожди-же: я тебѣ отплачу! размѣялась Ольга Николаевна.

— Хорошо, что предупредила, я теперь еще осторожнѣе буду!

— Это не осторожность! И кто-же страдаетъ отъ этого подсиживанія—конечно ты! Вистовать тебѣ не будутъ... Поставятъ ремизъ одинъ-два раза—и вистовать тебѣ перестанутъ, а ты, вмѣсто того, чтобы списать восемь-девять, спишешь только шесть!

— О чемъ это у васъ споръ? спросилъ Бронецкій.

— Невозможно играть съ ней, Константинъ Александръ: все подсиживаетъ!

— Нападаешь ты, Оля, на Наташу! вступился Петръ Семенычъ.—Ну какая она игрица? Лапти плететь!

— А вы кончили, дядя? спросила Таня.

— Распроигрался!

· А сколько?

— Цѣлыхъ два рубля семьдесятъ копѣекъ! И все твой отецъ забралъ!

— Не жалѣю, размѣялся Кареловъ:—теперь вы, господа заводчики, деньги лопатами загребаετε!

— А тебѣ завидно? сгримасничалъ Петръ Семеновичъ.—Пойдемъ-ка въ залу: вонъ Валеринька идетъ приглашать дамъ къ закускѣ.

Закуска, обѣдъ, вина—все, какъ и въ прошломъ году, было безукоризненно; Валеріанъ, веселый, разговорчивый, изо всѣхъ силъ старался угодить гостямъ. Разговоромъ конечно руководила Ольга Николаевна и обѣдъ былъ очень оживленъ. Таня, какъ она ни старалась сдержать себя, была весела и болтала все время. Она сидѣла около губернатора; старикъ вспомнилъ свою молодость и разсыпался любезностями. Петя Ефимьевъ приунылъ: вѣроятно близость начальства дѣйствовала на него гнетуще и онъ, вмѣсто шутокъ и анекдотовъ, предпочелъ заняться „брашномъ и питіемъ“.

Кушать кофе всѣ вышли на большой балконъ; тамъ были выставлены ликеры разныхъ сортовъ и фрукты; старикамъ поднесли трубки.

— Это что-же такое? сдѣлавши двѣ затяжки, удивленно спросилъ Бронецкій.—Опять „Василій Жуковъ“?

— Онъ самый! разсмѣялся Валеріанъ.

— Откуда-же онъ появился?

— Изъ моего кабинета.

— Что-же вы: магъ и волшебникъ?

— Ни то ни другое, а просто предусмотрительный хозяинъ! Я солгалъ немножко въ прошломъ году: оставилъ въ запасъ фунтъ, надѣясь что ваше превосходительство и въ другой разъ посѣтите „Янкино“!

— И не ошиблись!

— А полфунтика можно предложить вашему превосходительству?

— Съ благодарностью приму!

— А другую половину у себя оставляетъ! сказала Ольга Николаевна.

— Ну, это я апробую; Валерьянъ Николаичъ ждетъ меня еще разъ.

— Позволяю себѣ думать, что и не одинъ!

Послѣ вечерняго чая, гости стали собираться къ отъѣзду; первымъ уѣхалъ губернаторъ съ Ефимьевымъ, послѣднимъ Кареловъ. Никандръ принесъ большую корзину съ персиками, сливами и вишнями разныхъ сортовъ. Михаилъ Павловичъ, большой любитель фруктовъ, очень обрадовался подарку, спустился на крыльцо и при себѣ велѣлъ тщательно установить корзину въ коляскѣ. Отсутствіемъ его воспользовался Валеріанъ и, подавая Танѣ бурнусъ, перецѣловалъ ея руки.

— Валя, пріѣзжай по-раньше изъ Михалкова... Голубчикъ!

— Постараюсь, Танюшечка,—милая, дорогая!

Дѣвушка взглянула на него съ улыбкой и быстро поцѣловала его въ губы.

XXXI.

На Залѣсовскій сѣздъ Вальховцевъ выѣхалъ изъ „Янкина“ послѣ обѣда, часовъ въ пять; ему хотѣлось провести вечеръ со стариками Ефимьевыми, которыхъ онъ не видалъ со страстной недѣли. Ыхалъ онъ не одинъ, въ ком-

паніи Курляндца „Бокса“, со всѣми охотничьими принадлежностями. Въ виду спѣшныхъ крестьянскихъ работъ и слабаго поступленія жалобъ, сѣзды въ Іюлѣ мѣсяцѣ длились не долго и между ними оставалось много свободнаго времени, которое Валеріанъ и рѣшилъ посвятить охотѣ. Кромѣ того, поѣздка эта давала Вальховцеву возможность пробывать въ „Плоскомъ“ нѣсколько лишнихъ дней (Валеріанъ получилъ отъ Карелова разрѣшеніе охотиться въ его дачахъ), къ удовольствію Михаила Павловича, любившаго кушать свѣжую дичь, и Таннчки, для которой лишній часъ пребыванія „Вали“ въ „Плоскомъ“ былъ неоцѣнимъ.

Ефимьевы весьма обрадовались пріѣзду Вальховцева. Пошли разспросы о сынѣ, Аннѣ Васильевнѣ, о свадьбѣ Голубцовой, болѣзни Тани и проч. Узнавъ о полученіи Валеріаномъ Станислава на шею, Василій Ивановичъ даже не повѣрилъ.

— Въ твои-то годы? Да въ наше время этотъ орденъ давали статскимъ совѣтникамъ и рѣдко старымъ коллежскимъ!.. Ну, исполать тебѣ! Полюбился видно ты губернатору!—Анюту часто видишь?

— Каждый мѣсяцъ. Когда изъ Михалкова я ѣду въ городъ—всегда приворачиваю въ „Плоское“, а во время болѣзни Тани, по просьбѣ Михаила Павлыча, дней десять прожилъ тамъ, пока не разрѣшилась болѣзнь Тани.

— Долгонько дочька насъ не навѣщала... Съ Благовѣщенія не видали мы ее! жаловался старикъ.

— Да когда было-то ей? заступился Вальховцевъ.—Сперва свадьба Ветлужскаго, потомъ болѣзнь Тани. Постоянная ѣзда Михаила Павлыча въ городъ—нельзя оставить домъ на попеченіе гувернантокъ!

— А ты когда обѣдалъ, Валерушка? спросила Марфа Матвѣевна.

— Въ три часа; а что?

— А то, что теперь семь и пора закусить до ужина четыре часа прошло.

— Да нечего разсуждать, Марфуша, вели собрать закусочку.

— Тетушка не хлопчите очень: скоро ужинать будемъ.

— Ужинъ—ужиномъ, а закусить надо! и старушка, взявъ изъ ридикюля ключи, вышла изъ комнаты.

— Правда, что губернатора переводят? помолчавъ, спросилъ Ефимьевъ.

— Кто это вамъ сказалъ—и не думаютъ!

— Становой заѣзжалъ на прошлой недѣлѣ—такъ онъ сообщилъ...

— Ужасно любятъ врать въ провинціи: что ни скажи—всему повѣрятъ и разблаговѣстятъ, а часто и съ прибавкой!—Ну какъ вы съ половинщиками справляетесь?

— А все такъ-же, какъ и въ прошломъ году! махнулъ рукой Василій Ивановичъ.—Худо, братъ, безъ денегъ жить!.. Копи, копи Валя денежки, пока молодъ да сила есть! А что вотъ я могу сдѣлать? Слѣдить за хозяйствомъ—года не позволяютъ, староста—неважный: прикажешь ему одно, а онъ дѣлаетъ другое! Выругай его—сейчасъ „разсчесть пожалуйста“! Одна надежда, что жить не долго, какъ нибудь дополземъ до могилы!—А гдѣ собачка-то твоя? Позови ее сюда... мы любимъ собакъ.

— Вѣроятно въ кухнѣ; ну и пусть сидитъ тамъ.

— Ты съ чего вздумалъ по дорогѣ охотиться?

— Пустого времени, между сѣздами, въ этомъ мѣсяцѣ много; весна была ранняя и теплая, выводки должны быть крупные. Теперь тетерева и куропатки въ лугахъ, а дупеля и бекасы изъ крѣпей выползли—жаль упустить охоту! Въ „Плоскомъ“ дичи много, непуганой... Тамъ дня три поохочусь, покормлю дядюшку Карелова съ чадами и домочадцами!

— Что-же, у васъ по прежнему „совѣтно“, какъ говорятъ мужики?

— Еще стало крѣпче, послѣ болѣзни Тани; Михайлъ Павлычъ просто въ отчаяніи былъ!

— Любитъ онъ ее... да и неудивительно: она одна у него взрослая и такая добрая, религіозная...

Марфа Матвѣевна пригласила въ столовую, гдѣ была подана закуска; Валеріанъ налилъ водку въ рюмку и сталъ искать другую.

— Ты что ищешь? спросила Ефимьева.

— Другую рюмку.

— Кому? Василію Ивановичу?

— Да; безъ него я пить не стану!

— Ему вредно, Валерушка...

— Полноте, тетушка: рюмки у васъ маленькія, а дядя здоровъ...

— Ну ужъ такъ и быть! она подошла къ буфету и достала рюмку.

Дядя съ племянникомъ чокнулись.

— У Василия Иваныча часто голова болитъ да и въ будущемъ мѣсяцѣ ему семьдесятъ три года стукнетъ—пора и отставать!

— Да вы посмотрите, тетушка, какой онъ еще молодецъ!

— Ну, молодецъ-то я пожалуй и плохой, а только рюмка—другая способствуетъ пищеваренію...

— И выдумаешь-же ты! махнула рукой Марфа Матвѣевна.—А правда это, Валерушка, что у Ветлужскаго милліонъ денегъ и гдѣ-то на западѣ ему принадлежитъ половина какого-то уѣзднаго города?

— Ну вотъ, тетушка, и вамъ нагнали, какъ и дядѣ! Становой вамъ говорилъ?

— Нѣтъ, не онъ... Попадья отъ Николы говорила... Она ѣздила въ городъ и тамъ ей сказали...

— Вздоръ это: денегъ у него полмилліона и большой каменный домъ въ Петербургѣ; а про уѣздный городъ—это чистѣйшая выдумка!—Ну, тетушка, благодарствуйте: червячка я заморилъ!

— Мало ты кушалъ.

— Ужинать буду.

Они опять перешли въ гостиную; Ефимьевъ закурилъ трубку.

— Отчего вы, дядя, не хотите отдать крестьянъ на выкупъ? Мучитесь, терпите убытки; то-ли дѣло получить капиталъ и жить на проценты! Доходы съ усадьбы, въ особенности теперь, ничѣмъ не гарантированы, а при неурожаѣ обращаются чуть не въ нуль! Чѣмъ-же существовать?

— Такъ-то такъ да вѣдь жаль, ни съ того ни съ сего, потерять капиталецъ за усадебную осѣдлость!

— Все равно капитальца этого вамъ не видать: крестьяне никогда добровольно не выкупаютъ осѣдлость! А сколько хлопотъ съ оброками, да и будутъ-ли они аккуратно платить ихъ—сомнѣваюсь!

— Намъ жить не долго... Пусть уже наслѣдники наши

дѣлають, какъ хотятъ; а то еще пожалуй скажутъ: „и для чего это папаша такую глупость сдѣлалъ“!

Вальховцевъ не возражалъ. Помолчали.

— Да, вотъ забылъ... Скажи пожалуйста, Валя, правда ли что Таня Карелова выходитъ замужъ за Башилова?

— Это кто-же вамъ сообщилъ?

— Былъ я недавно въ Залѣсовѣ по дѣлу... Пріятель мой, Чѣтвертининъ, и спрашиваетъ меня: когда-же свадьба Кареловой? Я даже глаза выпучилъ: какъ-же это Аннушка ничего намъ ни написала!—За кого выходитъ-то? спрашиваю.—За Башилова; здѣсь въ клубѣ объ этомъ говорили.— Ну, думаю, не дуракъ Башиловъ: у Тани послѣ матери осталось двадцать тысячъ рублей, да послѣ папашы тысячъ восемьдесятъ прибавится--не дуракъ парень!

— Да все это вздоръ, сплетни! Вѣроятно самъ-же онъ или сестрица пустили въ оборотъ эту глупость... Говорила-же Никольцева, что братецъ ея богатъ!

— Про это-то мы отлично знаемъ, что у Башилова было всего восемьдесятъ крестьянъ да имѣется подгорная усадьба въ сто сорокъ десятинъ—вотъ и все богатство! Сначала меня это огорошило, а потомъ думаю—вранье; не стерпѣла-бы Анюта, написала-бы, да и ты-бы зналъ: не тайкомъ такія дѣла дѣлаются!

Вскорѣ подали ужинъ и Вальховцевъ простился со стариками.

XXXII.

Охота удалась; особенно около Михалкова повезло Валеріану; онъ взялъ два поля: вечернее и утреннее и къ полудню былъ уже въ „Плоскомъ“. Михаилъ Павловичъ съ Таней только что вернулись отъ обѣдни, такъ какъ день былъ воскресный. Таня ждала Вальховцева только въ понедельникъ вечеромъ, наканунѣ дня своего рожденія, и крайне обрадовалась его раннему пріѣзду, а еще болѣе удивилась, когда узнала, что онъ пробудетъ у нихъ три дня.

— Ты значить для этого и взялъ съ собой „Бокса“? весело спросила она.

— Конечно! Я еще въ „Якинѣ“ надумался сдѣлать это и попросилъ твоего отца разрѣшить мнѣ охотиться въ

„Плоскомъ“, на что и получилъ полное согласіе.—(Однако надо показать плоды моей охоты.

Валеріанъ взялъ привезенную корзину и понесъ ее на верхъ, къ Карелову.

— Вотъ, дядя, моя работа... Что прикажете зажарить къ обѣду и къ ужину?

Валеріанъ вывалилъ изъ корзины дичь и разложилъ ее на полу, по сортамъ.

— Прежде всего, продолжалъ онъ,—жарить надо дупелей и бекасовъ, а то испортятся; ихъ хватить на всѣхъ... Тетерева-же и куропатки—на ужинъ.

— Да эдакъ мы всю дичь сегодня-же и съѣдимъ!

— Кушайте на здоровье: завтра, рано утромъ, а можетъ-быть и сегодня вечеромъ, я надѣюсь набить вамъ дичи... Вы когда, дядя, завтра ѣдете?

— Въ десять часовъ; поздравлю Таню и поѣду; утреннее засѣданіе у насъ въ двѣнадцать часовъ, а вечернее въ семь. Очень сожалѣю, что придется провести день ея рожденія въ городѣ!

— Спѣшныя дѣла?

— И спѣшныя и серіозныя.

— Тогда я вечеромъ пойду на охоту и постараюсь отпустить съ вами сколько будетъ возможно.

— Много мнѣ не надо: дома я не часто обѣдаю; лучше ты вотъ эту братію (онъ указалъ на Таню) покорми: имъ рѣдко удастся кушать дичь.

— Братіи этой я надѣюсь настрѣлять порядочно: птицы здѣсь много и почти никто ее не тревожитъ.—Такъ-такъ, дядя, и жарить, какъ я предложилъ?

— Да; а теперь дайте мнѣ часа два заняться: дѣло спѣшное.

Вальховцевъ съ Таней спустились внизъ и вошли въ комнату Ефимьевой.

— Вы разрѣшите мнѣ, Анна Васильевна, передать повару дичь и приказать жарить: къ обѣду—дупелей и бекасовъ, а къ ужину—молодыхъ тетеревей и куропатокъ? Дупеля—птица нѣжная и скоро портящаяся—поэтому я и ставлю ее первой.

— Дѣлайте, какъ знаете: вы—охотникъ—вамъ и книги въ руки...

Валеріанъ и Таня пошли на кухню.

— Рада, что я проживу у васъ три дня?

— Нѣтъ! усмѣхнулась дѣвушка.—Если-бы недѣльку!

— Сердце мое! Придетъ время—не разстанемся!.. А теперь, Танюшка, ухо остро надо держать: Боже сохрани по-пасться! Устроимся, милая—панаміи будемъ!

И, входя въ сѣни кухни, Вальховцевъ страстно поцѣ-ловалъ дѣвушку.

— Ты—моя первая и послѣдняя любовь!

— Кончились мои мученія! весело отвѣтила Таня.— Я какъ въ раю теперь, Валя!

Отдавъ приказанія повару и побесѣдовавъ съ нимъ объ обѣдѣ и ужинѣ, молодые люди пошли къ дому.

— Надо намъ, Валя, съ Аней понѣжнѣе быть, начала дорогой Таня:—она любитъ насъ и папа во всемъ ее слу-шаетъ... Пригодится она намъ...

— Еще-бы!—Мнѣ еще надо передать ей извѣстія о ста-рикахъ.

Ефимьеву они встрѣтили въ корридорѣ; она несла большое блюдо съ перебраной малиной.

— Варить идете? спросилъ Валеріанъ.

— Да; а вы знаете: мы часть вашихъ фруктовъ съѣли, а часть сварили... Какіе однако у васъ крупные персики и сливы—заглядѣніе!

— Поставьте-ка блюдо на столъ, Анна Васильевна, и выслушайте, что расскажу я вамъ о родителяхъ. И Вальхов-цевъ передалъ ей все ихъ житье-бытье и желаніе пови-дать ее поскорѣе.

— И рада-бы, да какъ отъ „Плоскаго“ оторваться? воз-разила Ефимьева.—Мнѣ и самой хочется заглянуть въ „Пет-рилово“... Стариковъ своихъ я ужасно люблю да и жить имъ осталось недолго! Вѣдь одни-одинешѣнки живутъ они, бѣд-ные, въ этомъ захолустѣ; поговорить не съ кѣмъ!

— А я и забылъ сообщить новость—Василій Ивановичъ ее изъ Залѣсова вывезъ: будто вы, Татьяна Михайловна, вы-ходите замужъ за г. Башилова!

— Ахъ нахалъ! Достойный братецъ Ольги Петровны! взволновалась Ефимьева.

— Полно, Аня... ну стоитъ-ли вниманіе обращать? усмѣхнулась Таня.

— А я-вотъ дядѣ скажу: пусть онъ Никольцеву за-
кликнетъ!

— Оставьте, голубушка, сказалъ Валеріанъ,—не стоитъ!
Никто этому не повѣритъ, а дядѣ будетъ непріятно.

— Хвастунишка!.. Слизнякъ! Удачно назвалъ его Петя!

— Да вы посердитесь, Анна Васильевна, побраните
его, но Михаилу Павлычу не жалуйтесь: только растревольте
его.

— Ну его, слизняка! фыркнула Ефимьева.—Не стоитъ
и рукъ марать!—Машутка! крикнула она дѣвочку, бывшую
на „побѣгушкахъ“.—Бери блюдо и осторожно носи въ кухню.

Анна Васильевна отворила ей дверь и сама пошла за ней.

Послѣ обѣда, часовъ въ пять, Вальховцевъ, въ полномъ
охотничьемъ одѣяніи, взявъ съ собою караульнаго усадьбы,
сорокалѣтняго, изъ бывшихъ ополченцевъ, Матвѣя Пѣтухова,
отправился на охоту. Его провожала Таня.

— Въ добрый часъ! Побольше настрѣляй! крикнула она
съ крыльца.

— Эхъ, барышня! махнулъ рукой Пѣтуховъ.—Не го-
дится такъ-то: съ пустыми руками вернемся!

— Что за вздоръ! размѣялась Таня.

— Примѣта такая есть, старыми охотниками завѣщана...
Тоже и прощаться не надо идя на охоту: можетъ несчастье
случиться.

— Ну Матвѣй: не всегда примѣта сбывается! помирилъ
ихъ Валеріанъ.—Куда-же мы пойдемъ?

— А съ первоначала „Чищенье“ захватимъ—вонъ че-
тыре кустика виднѣются, тамъ завсегда дупель есть... Тапе-
рича онъ изъ крѣпей вывалился.

— Кочки есть?

— Мало... да и то небольшія... А у васъ лѣвый-то
стволь тоже мелкой дробью заряженъ?

— Нѣтъ заячьей... на всякій случай... А что?

— А то что тутъ овсы и осока есть; какъ-бы на русачка
не наткнуться!

— Хорошо-бы! А къ вамъ городскіе охотники ходятъ?

— Пошто? Придутъ если—выслѣдимъ да по загривку
и смажемъ... Нѣтъ, не бывали...

— А изъ здѣшнихъ?

— Здѣшнихъ-то я одинъ; и хожу только на зайца, по-

тому гдѣ-же мнѣ безъ собаки тетеревковъ и куропатокъ дозрѣть? А если и наткнешься на нихъ—пользы не будетъ: только ошалѣешь, какъ выводокъ, чуть не передъ носомъ, изъ травы вырвется!.. А о дупелѣ что и говорить: птичка маленькая, бойкая; пока ружье вскинешь—а она ужъ далеко!—Это что-же: „Боксъ“-то забезпокоился? Возьмите-ка „на изготовку“...

Вальховцевъ взвелъ курки и пошелъ за собакой, которая шагахъ въ десяти отъ него, вытянувъ хвостъ и осторожно поднимая правую лапу, подходила къ кочкамъ.

— Это не дупель! шопотомъ сказалъ Валеріанъ.

— Тутъ русакъ бываетъ... можетъ и онъ, отвѣтилъ Пѣтуховъ.

„Боксъ“ прошелъ нѣсколько шаговъ и замеръ; бѣлый кончикъ его хвоста слегка шевелился. Вальховцевъ подскочилъ къ собакѣ и крикнулъ „пиль“!

Изъ густой, довольно высокой осокп, какъ молнія, вылетѣлъ матерый русакъ. Молодой человѣкъ выстрѣлилъ.

Заяцъ присѣлъ и отчаянно кинулся впередъ.

Валеріанъ ударилъ изъ второго ствола и русакъ, подскочивъ кверху, грохнулся въ право. Пѣтуховъ бросился къ нему: заяцъ заверещалъ какъ ребенокъ... Матвѣй схватилъ его за заднія лапы и головой ударилъ о кочку.

— Материще! Давай его сюда!

Вальховцевъ вынулъ изъ ноженъ небольшой ножъ, въ видѣ кнѣжала, прикололъ зайца и сдалъ его Пѣтухову.

— Съ починомъ! весело поздравилъ тотъ.

Зарядивъ ружье, Валеріанъ направился къ „Чищенью“; „Боксъ“ шелъ около его ногъ и, поднявъ голову, расширялъ ноздри, какъ бы нюхая. Вальховцевъ замѣтилъ это и сказалъ: „Боксъ“, allez“!

Боксъ осторожно прошелъ нѣсколько шаговъ и остановился; бѣлый кончикъ его напряженного хвоста снова задрожалъ.

— „Пиль“! крикнулъ Валеріанъ; поднялись два дупеля: одинъ полетѣлъ прямо, другой налѣво; молодой человѣкъ дублетомъ убилъ обоихъ.

— Лихо! не стерпѣлъ Матвѣй.—Ну и охотникъ!

Результатомъ посѣщенія „Чищеня“ оказалось одиннадцать дупелей; двухъ Вальховцевъ пропуделятъ.

— Вывалка добрая! весело сказалъ Пѣтуховъ.—Что и

за собака! восхитился онъ:—послушная, осторожная, чутье верхнее...—А пора намъ и къ дому, Аверьянъ Николаичъ: вонъ какая туча ползеть!

И дѣйствительно синяя туча, растянувшаяся за усадьбой, темнымъ валомъ съ свѣтло-сѣрымъ, клочковатымъ верхомъ, тихо ползла все тая и тая, по направленію къ городу. Небольшія, бѣлыя, рваныя облака пробѣгали по ней, а внизу спускалась болѣе свѣтлая сѣро-синяя завѣса, которую изрѣдка бороздили далекія молніи. На этомъ фонѣ, прямо противъ охотниковъ, ярко бѣлѣла каменная церковь, освѣщенная вечерними лучами солнца и рѣзко выдѣлялись новыя крыши построекъ причта, желтѣвшія ржаныя поля и рядомъ съ ними зелень овса. За церковью, темный, высокій лѣсъ, словно подернутый легкимъ туманомъ, обрисовывался мягкими контурами въ полосѣ начинавшагося дождя. Глухо перекатывался отдаленный громъ и пріятная свѣжесть доносившаяся со стороны грозы, все болѣе и болѣе охлаждала душливый воздухъ, накалившійся съ самого утра.

Охотники вернулись домой безъ дождя: гроза прошла стороной.

XXXII.

На другой день, проводивъ Михаила Павловича и отстоявъ обѣдню, жители „Плоскаго“ позавтракали и разошлись по разнымъ мѣстамъ: Анна Васильевна хлопотала по хозяйству, варила малину и зеленый крыжовникъ, гувернантки занимались съ дѣвочками, Таня съ Валеріаномъ гуляли въ саду.

— Ну, будетъ намъ бродить, Таня, сядемъ гдѣ-нибудь въ тѣни, да поболтаемъ...

— О чемъ?... О будущемъ? улыбнулась дѣвушка.

— Да, о будущемъ. О серіозномъ будущемъ. Сегодня ты совершеннолѣтняя...

— Вотъ эти-то разговоры я и не люблю... Теперь я въ раю, а ты хочешь свести меня на землю!

— Да, на землю, Танюша, но для того, чтобы создать по возможности рай и на землѣ... Или ты думаешь, что это невозможно?

— Ничего я не думаю... Знаю только, что люблю тебя

до безумія! (Она охватила руками его шею, взглядѣлась ему въ глаза и крѣпко поцѣловала).—И это ты... мой кумиръ, моя радость! Не вѣрится даже!.. Валя милый, дорогой... не бросишь меня? шепнула она ему въ ухо.

— И тебѣ не стыдно? За кого-же ты меня считаешь? Ахъ Таня, Таня: не думалъ я, что у тебя сорвется такое слово!

— Прости, дорогой—прости я глупость сказала! прижалась она къ нему, пряча лицо на его плечо:—Я сама не знаю, что говорю... мнѣ показалось, что дѣловой разговоръ тутъ не у мѣста...

— Напротивъ, Таничка: дѣловой разговоръ необходимъ и вытекаетъ онъ изъ любви моей къ тебѣ... Я хочу, чтобы тебѣ было хорошо, чтобы жизнь наша текла покойно, чтобы ты, рискующая ради меня многимъ...

— Позволь, перебила она его,—чѣмъ я рискую? (они сѣли на скамейку).

— Можетъ-быть отецъ твой не пожелаетъ благословить тебя на бракъ со мной, какъ бракъ недопускаемый церковью, и тебѣ придется разойтись съ нимъ, а также и съ родными... Онъ можетъ лишить тебя наслѣдства, тебѣ придется уѣхать отсюда, начать новую жизнь...

— Пустяки все это—ты мнѣ нуженъ, одинъ ты! Вѣдь я тебя полтора года люблю и любила безнадежно... Я страдала мое теперешнее счастье! Я все забыла, Валя, мнѣ ничего не нужно! взволнованно проговорила она.

Онъ обнялъ ее и почувствовалъ слезу, упавшую ему на руку.

— Чудная ты дѣвушка, Таня,—я недостойнъ тебя!.. А все-таки намъ надо побесѣдовать о дѣлѣ, улыбнулся Вальховцевъ,—для того, чтобы ускорить нашу свадьбу, успокоить тебя...

— Успокоить? отодвинулась отъ него Таня.—Въ чемъ?.. Въ томъ, что ты женишься на мнѣ, что не обманешь? (она вдругъ заговорила серьезно). Если-бы ты, по какойнибудь причинѣ, нашелъ бракъ нашъ невозможнымъ—знай, Валя, что я осталась-бы все-таки при тебѣ и не потяготилась-бы этимъ!.. Успокоить! помолчавъ, прошептала она съ усмѣшкой.—Ты уже успокоилъ меня двадцать седьмого числа... мой ненаглядный, мой истинный другъ!

Таня! послышалось отъ огорода и изъ грядъ малины показалась Анна Васильевна.

— Что? отозвалась дѣвушка, вставая съ Валеріаномъ со скамейки.

— Подойдите ко мнѣ; я-бы сама пришла да боюсь, что воробы и дрозды налетятъ на корзинки съ ягодами.

Они подошли.

— Мнѣ собственно пана надо... Прикажете, обратилась Ефимьева къ Вальховцеву,—пирогъ съ грибами?

— Ой, ради Бога!

— И кофейную яичницу? улыбнулась Анна Васильевна.

— Съ благодарностію! и онъ хотѣлъ поцѣловать ей руку.

— Въ малинѣ! закладывая руки за спину, отказала Ефимьева.—А я къ вамъ съ просьбою: снимитесь и карточку свою мнѣ подарите.

— Теперь мнѣ ни въ Москву, ни въ Петербургъ ѣхать нельзя: самое горячее время для помѣщика...

— Да зачѣмъ вамъ туда ѣхать?

— А сниматься?

— Здѣсь снимитесь.

— Это дагерротипомъ-то—слуга покорный!

— Какой тамъ дагерротипъ—здѣсь чудная фотографія нѣмца Зеленбурга!

— Давно-ли?

— Э, да вы ничего не знаете, дернула плечомъ Ефимьева;—три недѣли живетъ въ К. фотографъ, сотни людей у него снимаются, а вы точно съ неба свалились!

— Хоть не съ неба, разсмѣялся Валеріанъ,—а съ „Янкина“ и съѣздовъ. Откуда-же мнѣ знать, когда никто мнѣ ничего не сказалъ? Въ уѣздахъ тоже не знаютъ...

— Ну, хорошо... Такъ снимитесь? Дадите мнѣ карточку?

— Конечно.

— А мнѣ? спросила Таня.

— Само собой разумѣется.

— Да не крошечную, панъ, а побольше!

— Слушаю-съ.

— На охоту пойдете?

— Пойду. Надо-же мнѣ побаловать васъ дичью!

— Балуйте, балуйте—уѣдете—опять мы на телятину, да баранину сядемъ!

Когда-же обѣдъ подавать?

— Если можно—въ четыре часа.

— Еще-бы не можно: вы насъ кормите, да еще спрашиваете можно-ли?

— А вы избаловали меня вашимъ гостепріимствомъ!

— Вздоръ все! фыркнула Анна Васильевна.—Какое, подумаешь, особенное гостепріимство!—Ну идите, съ Богомъ, на свою скамейку, а я пойду перебирать малину, и Ефимьева, поднявъ корзинки, скрылась въ малинникъ.

— Милая дѣвушка! отойдя отъ огорода, сказалъ Вальховцевъ.—Вѣдь чудакъ-человѣкъ, а сколько въ ней доброты, любви къ людямъ и какъ мало эгоизма!

— Не даромъ я ее очень люблю... Она намъ поможетъ, Валя!

— Ага! разсмѣялся Валеріанъ.—За дѣловой разговоръ изволили приняться? Такъ пойдѣте, дорогая моя, къ скамейкѣ...

— И займемся будущимъ? улыбнулась Таня.

— Будущее потомъ, а теперь я прошу поцѣлуя!

Она бросилась ему на шею.

— Валя, а ты пріѣдешь на 25-е?

— А что?

— Анины именины.

— Надо пріѣхать... Что-бы ей привезти?

— Привези дичи, конфетъ—непремѣнно у Ситникова возьми; свѣжія у него, и шоколаду.

— Отчего-же въ прошломъ году, въ этотъ день, я не былъ въ „Плоскомъ“?

— А оттого, разсмѣялась Таня,—что въ прошломъ году вы, Валеріанъ Николаичъ, не любили меня такъ, какъ теперь и не считали Анну Васильевну нужной для насъ дѣвицей!

— Правда: эгоистъ я!

— Ну ужъ и эгоистъ! Къ чему это самобичеваніе?...— Итакъ, 25-го, къ полудню, вы явитесь въ „Плоское“?

— Явлюсь... и даже къ десяти часамъ!

— Это зачѣмъ?

— Явлюсь прямо въ церковь, къ молебну... Одобряешь?

— Умница... Пай мальчикъ!.. Это тронетъ Аню!.. А про-
будешь долго-ли у насъ?

— 25-е и 26-е.

— Почему не прикинешь и 27-е? Вѣдь съѣздъ у васъ
28-го...

— Оттого, моя милая невѣста, что надо честь знать;
до поры до времени не слѣдуетъ открывать свои карты.
Если нашу близость замѣтятъ—все перевернется!

— Правда! Спасибо и за два дня... А мнѣ что при-
везешь?

— Привезъ-бы я тебѣ обручальное кольцо, да что въ
томъ, что оно полежить у тебя въ комодѣ? Привезу я тебѣ
свою карточку, если будетъ готова... А тебя-то отецъ развѣ
не сниметъ?

— Пусть самъ надумается, а я просить его не буду.

— И не проси: еще что-нибудь заподозрять... А изъ
сладкаго что привезти?

— Буль-де-гомъ и больше ничего.

— Теперь къ дѣлу... Вотъ мои предположенія, Таничка:
первое, чтобы жениться, мнѣ надо на время выйти въ
отставку...

— Какъ? Испортить карьеру, такъ удачно начатую?
перебила его Карелова.

— Да; милая Таничка, которую я люблю больше всего
на свѣтѣ, дороже мнѣ карьеры—какъ ты думаешь?

— А развѣ нельзя сдѣлать какъ-нибудь иначе?

— Нельзя, другъ мой: состоящій на службѣ, для
женитьбы, обязанъ испросить разрѣшеніе своего началь-
ства... Кто-же дастъ мнѣ разрѣшеніе жениться на двоюрод-
ной сестрѣ?

— А если выйдешь въ отставку?

— Тогда я никого не спрашиваю, никакого разрѣше-
нія мнѣ не нужно; а когда я вновь поступлю на службу—
въ формулярномъ моемъ спискѣ будетъ написано: „женатъ
на Татьянѣ Михайловнѣ“.

И больше ничего? Ни кто она такая, какъ ея
фамилія?

— Ничего; вотъ у Рудневича, въ формулярномъ спискѣ,
только и написано: „женатъ на Вѣрѣ Александровнѣ“!—

Второе: вѣнчаться мы будемъ въ Петербургѣ, тамъ-же, гдѣ и Рудневичъ вѣнчался; онъ и свидѣтелей найдетъ.

— Ты говорилъ съ нимъ?

— Нѣтъ еще, но я увѣренъ, что онъ мнѣ въ этомъ не откажетъ и самъ будетъ на вѣнчаніи.—Третье: продамъ „Янкино“...

— Что—о?.. Богъ съ тобой, Валя: лишаться такой прелести!

-- А что-же прикажете: лишиться другой, большей прелести?.. Подумай, что ты говоришь, Таня! Жить намъ, женатымъ, въ К., на первыхъ порахъ, невысказано; продавъ „Янкино“, вмѣстѣ съ тѣмъ, что я теперь имѣю, у меня будетъ капиталъ свыше ста тысячъ!

-- А службу бросишь?

— Зачѣмъ? Мы переѣдемъ въ Петербургъ и я буду проситься въ министерство внутреннихъ дѣлъ; Броневскій мнѣ поможетъ: у него есть связи.

— Кто-же купить у тебя „Янкино“? Охотниковъ на крупныя усадьбы нѣтъ.

— И спать и видѣть купить „Янкино“ Ветлужскій, какъ мнѣ говорили: Зинаидѣ очень хочется!

Они помолчали.

— Теперь перейдемъ къ тому, какъ все это сдѣлать... Я думаю сперва поговорить съ Анной Васильевной и попросить ее позондировать твоего отца; если онъ поддастся—тогда дѣло простое.

— Мнѣ кажется, что онъ сдастся. Папа такъ полюбилъ меня послѣ болѣзни моей, такъ расположенъ къ тебѣ, что врядъ-ли пойдетъ противъ. Вѣдь дилема простая: или согласиться безъ шума или идти на скандалъ. Угрозою лишить меня наслѣдства онъ ничего не добьется: у тебя состояніе хорошее, у меня есть кусокъ хлѣба. Проживемъ, Валя!

— Такъ какъ-же, Танечка?

— Планъ твой основателенъ; но мнѣ страшно жаль тебя: лишиться службы, которая такъ улыбнулась тебѣ, разстаться съ любящимъ тебя губернаторомъ...

— Да не вѣкъ-же онъ будетъ сидѣть въ К.!

— Бросить на вѣки старинную родовую усадьбу, къ которой ты привязанъ съ дѣтства, отказать себѣ въ любви

къ сельскому хозяйству. которое такъ хорошо поставлено,—тяжело, Валя!

— Не легко, кто говорить, но вопросъ поставленъ ребромъ: или оставить все какъ оно есть и отказаться отъ тебя, или соединиться съ тобой, моя милая, дорогая, соединиться на вѣки!

Онъ обнялъ ее и тихо шепнулъ ей:

— Думаю, что тутъ и рѣчи быть не можетъ!

Дѣвушка задумалась.

— Мы молоды, Таня, продолжалъ Вальховцевъ;—пройдемъ нѣсколько лѣтъ и мы можемъ вернуться въ К.

— Да, можемъ, покачала она головой,—но „Янкино“ не будетъ уже твое, тебѣ горько будетъ сознавать это!

— Добрая моя! Не легко дается и счастье, а наши жертвы не такъ еще велики... Да и говорить-то не о чемъ: ты сказала, что „моя“, а я сказалъ, что „твой“!.. Ну, поцѣлуй меня... остальное все—тлѣнь!.. Пойдемъ-ка въ домъ: замѣтятъ еще, что мы часами сидимъ въ саду вдвоемъ!

Они встали и пошли.

— Да ты любишь-ли меня? горячо спросилъ Валеріанъ.

— Валя,—ты глупъ! разсмѣялась Таня.

— Вотъ за эти слова благодарю! весело отвѣтилъ молодой человѣкъ.—Изъ сердца вырвались!

XXXIV.

Губернаторъ встрѣтилъ Вальховцева, прохаживаясь по кабинету, въ тужуркѣ и съ трубкою въ рукѣ.

— Bonjour! весело поздоровался онъ съ Валеріаномъ, принимая докладъ и кладя его на письменный столъ.—Это потомъ, а теперь j'ai quelque chose à vous dire ¹⁾... Съ одной стороны, это можетъ быть вамъ непріятно, а съ другой наоборотъ, улыбнулся Константинъ Александровичъ, садясь за столъ и предлагая молодому человѣку кресло.—То, что я вамъ скажу—покаместъ тайна.

— Ваше превосходительство, началъ было Вальховцевъ.

— Знаю, знаю, перебилъ его Бронекій,—что вамъ довѣриться вполне можно, потому-то я и говорю вамъ: въ половинѣ августа я покину К.

¹⁾ Мнѣ надо сообщить вамъ кое-что...

Валеріанъ былъ пораженъ.

— Мерсі! взглянулъ на него губернаторъ,—я вижу, что вы дѣйствительно преданы мнѣ, что вамъ непріятна эта вѣсть... Впрочемъ, другаго я отъ васъ и не ожидалъ! Но уходя отсюда...

— Ваше превосходительство, неужели вы подаете въ отставку?

— Нѣтъ; я перехожу въ члены совѣта министра и могу быть вамъ полезнымъ, даже очень полезнымъ, потому что связи мои въ министерствѣ теперь еще болѣе окрѣпли. Обращайтесь ко мнѣ смѣло: вы знаете, что положиться на меня можно!

— Я знаю еще и другое, ваше превосходительство, и чувствую его теперь, горячо сказалъ Вальховцевъ и голосъ его задрожалъ:—съ такимъ начальникомъ какъ вы—тяжело разставаться!

Вышла пауза; оба: и губернаторъ и подчиненный были взволнованы.

— Можно мнѣ вамъ открыть свою душу? все болѣе и болѣе разгораясь, спросилъ Валеріанъ.

— Вполнѣ! сося трубку отвѣтилъ Бронецкій.

— Мнѣ необходимо выйти въ отставку!

Губернаторъ вынулъ изъ рта трубку и вопросительно взглянулъ на молодого человѣка:

— Н-ну! Et pourquoi?

— Я люблю до безумія свою двоюродную сестру и хочу на ней жениться, торопясь и задыхаясь, отвѣтилъ Вальховцевъ:—состоя на службѣ, я долженъ испросить на это разрѣшеніе начальства, а какъ свободный человѣкъ могу вѣнчаться безъ всякихъ разрѣшеній.

— Ваша невѣста—Татьяна Михайловна? улыбнулся Константинъ Александровичъ.

— Да, ваше превосходительство.

— Чудная дѣвушка! Вы—не ошиблись выборомъ!.. Дай вамъ Богъ совѣтъ да любовь!—Михаилъ Павлычъ знаетъ?

— Никто, кромѣ васъ, ничего не знаетъ и даже не подозреваетъ.

— И вы, изъ всѣхъ близкихъ вамъ, избрали меня въ довѣренныя? Спасибо вамъ, Валерьянъ Николаичъ (онъ протянулъ ему руку), и вы не раскаетесь, что обратились ко

мнѣ! Подавайте въ отставку, когда найдете нужнымъ, поступайте снова на службу, когда придетъ время — я постараюсь доставить вамъ мѣсто получше члена отъ правительства!

Вальховцевъ передалъ Бронецкому все, на чемъ остановились онъ и Таня.

— Сообщайте мнѣ все и послѣдовательно; я можетъ-быть посоветую вамъ что-нибудь другое; я уже пережилъ все это, а вы только еще вступаете въ настоящую жизнь. По моему вамъ, прежде всего, слѣдуетъ обратиться къ м-ле Ефимьевой, а затѣмъ подумаемъ... Дверь моего кабинета вамъ всегда открыта.

Обрадованный пріемомъ губернатора, Валеріанъ пошелъ домой; проходя мимо церкви Божіей Матери, онъ взглянулъ на часы и, увидя, что нѣтъ еще одиннадцати, зашелъ во храмъ; обѣдня кончалась. Вальховцевъ попросилъ отслужить молебенъ Пречистой и, отстоявъ его, съ легкимъ сердцемъ вернулся домой.

Не успѣвъ онъ раздѣться, какъ влетѣлъ въ гостиную Петя Ефимьевъ.

— Что это за интимная бесѣда была у тебя съ губернаторомъ? спросилъ онъ, обнимая Валеріана;—Васька—деньщикъ сообщилъ мнѣ, что „сидятъ запершись и я не смѣю и докладывать!“

— Вреть твой Васька! Никакого запрещенія принимать кого-либо дано не было; говорили мы о самыхъ пустыхъ предметахъ; а ты откуда узналъ, что я наверху?

— Мнѣ да не знать! Чиновнику особыхъ порученій! Всѣ эти Васьки обязаны докладывать мнѣ, кто у губернатора сидитъ.—Ты сейчасъ и въ „Янкино“?

— Да.

— Охотился въ „Плоскомъ“?

— Весьма удачно. Три поля взялъ.

— 25 го поѣдешь?

— Въ „Плоское“?

— Да; сестрица моя—имянинница.

— Такъ значитъ надо взять тебя съ собою въ „Плоское“?

— Конечно, если поѣдешь. „Бокса“ ты вѣдь бралъ на разстояніе побольше этого!

— А ты сравниваешь себя съ Боксомъ? Не остроумно:

— А ты ужъ и обидѣлся?

— Да за тебя обидѣлся, за твои глупости! Скажи-ка лучше: завтракать хочешь?

— Губернаторъ не кормить—авось ты покормишь!

— Ступай тогда въ „Парижъ“, закажи ботвинью и те-
лячьи отбивныя котлетки съ зеленымъ горошкомъ. Ты ни-
чего противъ этого не имѣешь?

— Будетъ исполнено; а въ „Плоское“ возьмешь?

— Возьму; но не оскорбись: въ компаніи съ „Бок-
сомъ“! улыбнулся Вальховцевъ.—И запомни, что 25-го
числа, въ девять часовъ утра я выѣду отсюда въ „Плоское“;
запоздаешь—пеняй на себя.

Валеріанъ пошелъ въ лавки: ему надо было купить
дубини и пистоновъ. Входя на бульваръ, онъ увидѣлъ еще
издалека Молчанова, шедшаго въ палату.

— Наконецъ-то я тебя вижу! воскликнулъ Алексѣй
Александровичъ, крѣпко пожимая руку кузена.—Когда
вернулся?

— Вчера вечеромъ. Ну что у васъ новенькаго?

— Да ничего; жара невозможная! (они подошли къ
скамейкѣ).—Посидимъ, поболтаемъ... Ты никуда не спѣшишь?

— Спѣшить не спѣшу, а завтракать намѣреваюсь; за-
тѣмъ въ „Янкино“... Да позавтракай со мной...

— Не могу: какъ приду въ палату—такъ сейчасъ и
надо проставить въ протоколъ, сколько влѣпить плетей
убійцѣ...

— А количество устанавливаешь ты?

— Конечно. Окуневъ поручилъ это мнѣ, а засѣдатели,
когда ихъ спрашиваютъ, только головами киваютъ.

— Тяжелая это обязанность... И тебѣ ничего, что вся
коллегія сваливаетъ ее на одного тебя?

— Привычка!—Получилъ я письмо отъ Ветлужскаго...

— А гдѣ они?

— Письмо изъ Парижа, но теперь Ветлужскіе вѣроятно
въ Швейцаріи...

— Что-же пишетъ?

— Сначала пустяки, а потомъ и дѣловое... Князю очень
хочется пріобрѣсти „Янкино“: кто-то сказалъ ему, что будто
ты не прочь продать его...

— Не знаю, откуда Ветлужскій взялъ это: мнѣ это и на

умъ не приходило... Говорилъ я какъ-то разъ, что если Бронецкій покинетъ К. и замѣнитъ его губернаторъ несимпатичный—я буду хлопотать о переводѣ въ Петербургъ—и тогда придется продать „Янкино“, но во всякомъ случаѣ не дешево; конечно это одно предположеніе: Бронецкій можетъ прожить здѣсь еще много лѣтъ или, если онъ уйдетъ, замѣститъ его губернаторъ хорошій, служить съ которымъ будетъ пріятно.

— Ну, да если надумаешь продавать—скажи мнѣ.

— Хорошо, улыбнулся Вальховцевъ;—но если это и будетъ, то не скоро... Жаль мнѣ расстаться съ „Янкинымъ“ и врядъ-ли усадьба моя попадетъ во владѣніе князя; развѣ что-нибудь неожиданное заставитъ меня рѣшиться на это!

„Врешь ты все!“ подумалъ Молчановъ.—„Засѣла въ тебѣ Зиночка! Видѣть ты не можешь ее замужемъ,—оттого и въ Петербургъ собираешься!.. Меня не проведешь... Теперь не хочешь продать „Янкино“—послѣ продашь, но уже подешевле!“

— Охотился? перевелъ разговоръ на другое Алексѣй Александровичъ.

— И очень удачно; бралъ съ собою „Бокса“ и работали мы съ нимъ въ Залѣсовѣ, Вольскѣ и Михалковѣ: времени свободнаго было много, а дичи еще больше! Въ „Плоскомъ“ кормилъ обитателей его дупелями и тетеревами... Почти весь запасъ дрови и пистоновъ истратилъ.

— Ну, до свиданія! поднялся со скамейки Молчановъ.—Очень радъ, что повидалъ тебя... Такъ скажешь, если что надумаешь?

— Врядъ-ли, Алеша. случится это скоро! улыбнулся Валеріанъ, прощаясь съ нимъ.

„Такъ вотъ кто у нихъ довѣренное лицо! Не мудрено, что Алексѣю поручено это: онъ хорошо знаетъ не только усадьбу и домъ, но и все, что въ домѣ! Дешево продавать „Янкино“ нельзя: Зиночка отъ него въ восторгѣ. Это она требуетъ покупки... Не даромъ одобрила она намѣреніе Ветлужскаго завести псовую охоту!“

XXXV.

Анна Васильевна очень обрадовалась, когда, подѣ конецъ обѣдни, случайно обернувшись назадъ, увидѣла Валь-

ховцева и рядомъ съ нимъ брата Петю. Пошевеливъ плечомъ, она не вытерпѣла и, скорыми шагами, подошла къ нимъ, поздоровалась, поблагодарила и вернулась на свое мѣсто.

— А ты что-же? скороговоркой обратилась она къ Танѣ:—Панъ нарочно пріѣхалъ, да еще вѣроятно съ поззранку, чтобы поздравить меня, а ты и ухомъ не ведешь!

— Можетъ и самъ подойти къ намъ—онъ мужчина! улыбнулась Таня.—„Со страхомъ Божиимъ“—слышишь? и дѣвушка опустила на колѣни.—Съ тобой грѣхъ одинъ! Смущаешь только! снова разсмѣялась она.

Между обѣдней и молебномъ, Валеріанъ подошелъ къ Танѣ и спросилъ:

— А папа?

— Нарочнаго прислалъ; будетъ къ обѣду и послѣ ужина уѣдетъ.—Здоровъ ты? добавила она шопотомъ.

— Все хорошо... Расскажу тебѣ о Бронцкомъ.

— Пріятное?

— Очень!

Вернувшись изъ церкви, всѣ перешли въ верхнюю столовую. Столъ уже былъ накрытъ. Анна Васильевна хлопотала въ кухнѣ; она ужасно боялась, чтобы паштетъ съ дупелями, которые привезъ Вальховцевъ, не вышелъ сырымъ: по мнѣнію ея недопеченный въ день именинъ пирогъ—это несомнѣнная смерть, въ текущемъ году, правящаго этотъ день. Къ счастью паштетъ удался, Ефимьева успокоилась и завтракъ прошелъ весело. Анна Васильевна была тронута любезностью Валеріана, поднесшаго именинницѣ, кромѣ дичи, торты и конфекты. Петя былъ въ ударѣ и, послѣ выпитыхъ водки и вина, пустился въ горбуновскіе рассказы, прибавляя отъ себя нѣкоторыя пикантности, смущавшія Ефимьеву, выражавшую свое недовольствіе фырканьемъ и подергиваніемъ плечъ. Чтобы прекратить юморъ расхажившаго брата, Анна Васильевна отправила дѣвочекъ, а слѣдовательно и гувернантокъ, внизъ и приказала Платонычу убирать со стола. Петя, объявившій, что, по милости губернатора, онъ всталъ сегодня въ семь часовъ,—ушелъ спать и остались наверху только Таня и Валеріанъ. Когда все было убрано, они перешли въ кабинетъ Михаила Павловича и Вальховцевъ передалъ дѣвущкѣ свой разго-

воръ съ Бронецкимъ и Молчановымъ. Таня одобрила намѣренія Валеріана—переговорить сегодня-же съ Анной Васильевной и рѣшила, по отъѣздѣ отца, когда всѣ лягутъ спать, открыть ей свою тайну.

— Вскорѣ послѣ завтрака, Вальховцевъ, увидя изъ окна, что Ефимьева, съ корзинками, прошла одна въ огородъ, тотчасъ пошелъ за нею. Анна Васильевна спросила:

— Вы что, панъ, помогать мнѣ пришли?

— Не помогать вамъ, а просить, чтобы вы помогли мнѣ! Присядьте и выслушайте меня (они сѣли на скамью): дѣло очень серіозное... Вы можете осчастливить двухъ молодыхъ людей, которыхъ вы любите,—можете ихъ и погубить!

— Ой, батюшки, какъ страшно! смѣясь, передернула плечомъ Ефимьева.—Ну, говорите!

— Я влюбленъ... страстно!

— Въ Таню, добавила она,—знаю. Далѣе...

— И она также...

— И это знаю... Продолжайте...

— Но жениться открыто мы не можемъ!

— Тайно можете... Какъ Кручининъ, напримѣръ, судья Вольскій...

— Но намъ нужно благословеніе Михаила Павлыча...

— Похвально: безъ отцовскаго благословенія—счастія не будетъ!

— Въ этомъ все и дѣло.

— Такъ что-же вамъ отъ меня нужно?

— Что-бы вы поговорили съ дядей, смягчили его...

— Онъ и безъ того мягокъ, а Таню онъ боготворитъ и васъ любить... Хорошо, я постараюсь убѣдить его... А какъ вы все это сдѣлаете?

Вальховцевъ передалъ ей всѣ подробности, до разговора съ губернаторомъ включительно.

— Прекрасно! Не ожидала я отъ Бронецкаго такой прыти! разсмѣялась Анна Васильевна.—Добрый старикъ! И какъ это вы къ нему поддѣлались—чудеса!—А можно сказать дядѣ о губернаторѣ?

— Если вы увѣрены, что онъ не проговорится: самая маленькая неосторожность можетъ испортить все! Бронецкій мнѣ это не проститъ!

— Не выдастъ! Дядя, когда нужно, очень скрытенъ,

на него можно положиться.—Ну, панъ, а дѣвица когда будетъ меня спрашивать? усмѣхнулась Ефимьева.

— Вѣроятно сегодня, когда всѣ спать лягутъ.

— Дядя послѣ ужина уѣдетъ; а съ вами мы поболтаемъ завтра утромъ. Петю отправимъ съ дядей—нечего ему здѣсь дѣлать. Терпѣть не могу его гаерство! дернула она плечомъ.—Устрою, панъ, устрою... Дядя добръ и уменъ...— А когда думаете вы повѣнчаться?

— Въ сентябрѣ, не позже.

— Такъ скоро?

— Мучиться-то не хочется?

— А будете насъ навѣщать?

— Непремѣнно.

— Пойдемте теперь въ домъ,—скоро дядя явится... Я пойду черезъ огородъ, а вы—садомъ. Съ невѣстой-то не сидите вмѣстѣ подолгу, особенно сегодня: примѣтять пожалуй. Можетъ-быть и братецъ мой носъ сунетъ!

Михаилъ Павловичъ, какъ человѣкъ аккуратный, пріѣхалъ ровно къ четыремъ часамъ и обѣдъ былъ поданъ тотчасъ-же. Сѣли за столъ. Кареловъ былъ въ духѣ и много говорилъ: о своихъ занятіяхъ, о томъ, какъ губернаторъ дружески относится къ нему и видимо выдѣляетъ его изъ остальныхъ членовъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

— Онъ очень хвалилъ тебя. Валеринька, обратился Михаилъ Павловичъ къ Вальховцеву,—и сказалъ, что тебѣ долго сидѣть здѣсь нечего—ничего не высидишь, а надо ѣхать въ Петербургъ и тамъ стараться попасть въ министерство.

-- Все это такъ, дядя, и я согласенъ хоть сейчасъ ѣхать въ Петербургъ, но для того, чтобы получить мѣсто—необходимы связи, а у меня ихъ нѣтъ!

— А съ „Янкинымъ“ что-же ты-бы сдѣлалъ?

— Если мнѣ подвернется видное и выгодное мѣсто въ Петербургѣ—я не задумаюсь продать „Янкино“; какъ мнѣ его ни жаль, конечно, если цѣну дадутъ подходящую: безъ хлопотъ получалъ-бы я на капиталъ пять процентовъ и не-зналъ-бы никакихъ непріятностей... Бронецкій правъ, говоря, что здѣсь ничего не высидишь!

Помолчали. Послѣ жаркого, подали шампанское и начались поздравленія.

Кареловъ продолжалъ свой разговоръ:

— Поговариваютъ, что Бронецкаго зовутъ въ Петербургъ... Если это правда—жаль Константина Александрыча: такого губернатора не скоро дождешься!

— Служить съ нимъ просто пріятно! добавилъ Вальховцевъ.

— Вотъ, Валерьянъ Николаичъ, если губернатору дадутъ хорошее мѣсто—онъ навѣрно переведетъ васъ въ Петербургъ, вставила Анна Васильевна.

— Хорошо-бы... да я не вѣрю этимъ слухамъ... Вѣдь если бы была хоть доля правды—Петя зналъ-бы...

— Ничего подобнаго я не слыхалъ!

— А мнѣ говорили, что слухъ идетъ изъ вѣрнаго источника: изъ губернаторской канцеляріи, сказалъ Кареловъ.

Ефимьевъ промолчалъ.

Послѣ обѣда, Михаилъ Павловичъ отправился въ поля, а Вальховцевъ, взявъ съ собою Пѣтухова, направился въ новыя мѣста, гдѣ, по увѣренію Матвѣя, дичи видимо—невидимо!

— Ну что ты точно на исповѣдь пришла? обратилась къ Танѣ Анна Васильевна, приподнимаясь на постели.— Да еще и плачешь! Глупа, матушка, глупа! передернула она плечами.—И говорить съ тобою не стану... точно маленькая!

— Аня, милая! бросилась ей на грудь дѣвушка.— Помоги намъ!

— Помоги... отстань! Чего-жъ ты плачешь? Отецъ—не звѣрь какой! фыркнула Ефимьева.—Любить тебя да и пана тоже... Уладимъ, глупенькая... плакать нечего, провела она рукой по ея волосамъ,—тебѣ передалъ Валерьянъ нашъ разговоръ?

— Да.

— Ну такъ чего-же... все будетъ хорошо...

— Папочки я боюсь...

— Глупо какъ!.. Да не высѣчетъ, успокойся: тебѣ—вѣдь двадцать одинъ годъ стукнулъ! разсмѣялась Анна Васильевна.—Не думала я, что ты такая тряпка!

— Аня, да вѣдь страшно потерять такого жениха, котораго до безумія любишь!

— Нѣтъ, матушка, съ тобой и говорить нельзя... Кого ты теряешь? разсердилась Анна Васильевна.

— Валю!

— Валю? поддразнила Ефимьева.— Да что онъ — маленькій что-ли, что его терять можно? Или ты думаешь, что онъ сбѣжитъ — такъ тогда онъ не женихъ, а обманщикъ... И за что ты его такъ обижаешь!

— Ой, да я совсѣмъ запуталась!.. Аня, помоги!.. Милая... добрая! и она опять бросилась ей на грудь.

— Поди-ка ты, Таня, къ себѣ да выпись... Прими валеріаны съ калъволяри и успокойся... Это чистый припадокъ! Ефимьева встала съ кровати, накапала капли и дала Танѣ выпить.— Ну, Христось съ тобой! Завтра поговоримъ на досугъ...

XXXVI.

Михаилъ Павловичъ Кареловъ, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлался хозяиномъ „Плоскаго“, почти всегда присутствовалъ при посѣвѣ озимой ржи, развѣ что бывалъ боленъ или отвлеченъ чѣмъ нибудь особенно серіознымъ. Не скупой вообще, онъ однако былъ очень аккуратенъ, а въ отношеніи къ сельско-хозяйственнымъ нововведеніямъ—даже скупъ. Не измѣняя трехпольнаго сѣвооборота, Кареловъ удовлетворялся и прадѣдовской косулей и крестьянской деревянной бороной; исключеніе было сдѣлано только для американской молотилки и вѣялки, да и то потому, что онѣ были уже куплены отцомъ Михаила Павловича, лѣтъ двадцать назадъ. О сѣялкѣ и рѣчи не было; въ „Плоскомъ“, съ незапамятныхъ временъ, сѣяли рожь и овесъ руками, проходя загоны ровнымъ шагомъ и бросая зерна горстями: а такъ какъ подобный посѣвъ требовалъ правильности и вниманія, то понятно, что необходимъ былъ надзоръ за „сѣвалемъ“, отъ небрежности котораго могъ случиться неравномѣрный посѣвъ или даже „обсѣвъ“.

Придерживаясь давнишней привычки, Михаилъ Павловичъ и въ нынѣшнемъ году остался ей вѣренъ: къ 28 іюля онъ пріѣхалъ въ усадьбу съ тѣмъ, чтобы пробыть въ ней все время посѣва. Осмотрѣвъ и пересчитавъ, по пріѣздѣ, всѣ ржаные суслоны, Кареловъ повеселѣлъ когда среднее число ихъ вышло 72 суслона на десятину. Старость и ра-

ботникамъ поднесена была водка съ закуской, а самъ хозяинъ ликовалъ въ этотъ вечеръ.

Такимъ настроеніемъ воспользовалась Анна Васильевна.

Когда всѣ отъужинали, въ нижней столовой, и разошлись по своимъ комнатамъ,—она вошла въ кабинетъ Михаила Павловича; онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и что-то вписывалъ въ хозяйственную книжку.

— Дядя, я вамъ не помѣшала?

— Нѣтъ, Анюта: это не снѣжное, отвѣтилъ онъ, поворачиваясь къ Ефимьевой.

Анна Васильевна заперла дверь и сѣла на кресло у окна.

— Что-нибудь серіозное? тревожно спросилъ Кареловъ.

— Да, дядя... Вы замѣтили, что Таня послѣ болѣзни совсѣмъ другая стала: сдѣлалась разговорчивѣй, болѣе ласковой? Вообще какъ-то переродилась, и къ лучшему?

— Замѣтилъ, что она просто обожаетъ меня... Да что я говорю: она со всѣми добра, ласкова, слова на перекоръ никому не скажетъ.

— Она влюблена, дядя, серіозно влюблена...

— Въ кого? Не въ Башилова-ли? разсмѣялся Михаилъ Павловичъ.

Ефимьева презрительно шевельнула плечомъ.

— Она уже полтора года влюблена и до сихъ поръ скрывала это... А теперь не вытерпѣла и все мнѣ открыла...

— Въ кого-же?

— Конечно не въ какуюнибудь дрянъ! Выборъ ея прекрасный, сами согласитесь со мной.

— Да кто? Не томи-же...

— Валерьянъ!

Кареловъ провелъ рукою по лбу и какъ-то растерялся.

— Да, сказалъ онъ, послѣ небольшой паузы,—человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошій и я люблю его... Да что: почти всѣ кто его знаетъ—любятъ и уважаютъ его; о губернаторѣ ужъ я не говорю. Что-же тутъ удивительнаго, что Таня привязалась къ нему?—А онъ?

— Влюбленъ не меньше ея.

Михаилъ Павловичъ задумался.

— Подобный бракъ—былъ-бы счастье... но родство, родство, Анюта!

Онъ склонилъ голову.

— Тутъ только два исхода, дядя: или ихъ разлучить и предоставить своей судьбѣ...

— То-есть принудить дочь бѣжать изъ отцовскаго дома, перебилъ Кареловъ,—со скандаломъ, унося въ сердцѣ укоръ, а можетъ-быть и злобу?

— Или, устроивъ все исподволь тайно и осторожно, благословить ихъ, продолжала Анна Васильевна;—не забудьте, дядя, что Таня—совершеннолѣтняя; у Валерьяна деньги есть—нуждаться не будутъ... Оглянитесь: Вольскій, уѣздный судья Кручининъ давно женатъ на своей двоюродной сестрѣ и никто на это и вниманія не обращаетъ!

— Потому что не знаютъ, гдѣ ихъ вѣнчали, а узнайка—сейчасъ найдется добрый человѣкъ, который донесетъ консисторіи!

— Да неужели Вальховцевъ не съумѣетъ концы схоронить? Хитрость небольшая: скрыть, гдѣ вѣнчались и кто вѣнчалъ!

— Валерьянъ состоитъ на службѣ и безъ разрѣшенія начальства не можетъ вступить въ бракъ.

— Все это онъ знаетъ и на-дняхъ подастъ въ отставку.

— Какъ, послѣ того что только что Станислава получилъ?

— Таня дороже ему Станислава!—Такъ вотъ, дядя: въ отставку подастъ и тогда просить разрѣшенія ему не придется.

— Конечно не придется, коли службу потеряетъ!

Не надолго... Мѣсяцевъ черезъ пять другую получить, получше!

— Да ты то откуда все это знаешь?

— Изъ вѣрнаго источника.

— Не вѣрю: это пустая надежда... Потерять службу легко, а найти ее—куда какъ трудно!

— Да наконецъ на что ему служба? Я уже говорила вамъ, что вдвоемъ они проживутъ великолѣпно: у Вальховцева до шести тысячъ въ годъ дохода! Замѣьте безъ службы!

— Ты намекаешь на продажу „Янкина“? Это еще вопросъ: найдется-ли покупатель!

— Ужъ покупаютъ—продай только!

— Неужели?

-- Справьтесь...

Кареловъ, хотя и растерялся, сталъ однако покойнѣе; онъ очень любилъ Таню, любилъ и Валеріана. Скандаловъ боялся страшно, тѣмъ болѣе, что на рукахъ его были еще двѣ дочери. Характеръ Тани онъ знаетъ, знаетъ и стойкость Вальховцева. Передъ нимъ дилемма: или благословить ихъ и сохранить связь отца съ любимой дочерью, или порвать ее. Какая польза отъ послѣдняго? Разрывъ семейныхъ отношеній и огласка на весь городъ!

Это была только оттяжка; Кареловъ былъ уже побѣжденъ. Такъ поняла и Анна Васильевна.

На другой день утромъ, Таня вошла въ кабинетъ отца, поздороваться съ нимъ; онъ сидѣлъ въ креслѣ за письменнымъ столомъ и читалъ. Таня подошла къ нему: руки ея дрожали, говорить она не могла... Михаилъ Павловичъ ласково взглянулъ на нее.

— Что моя милая, Таничка?

Дѣвушка упала на колѣни и слезы брызнули у нея изъ глазъ...

Отецъ и дочь другъ друга поняли!

XXXVII.

Такъ какъ Кареловъ рѣшилъ пробыть въ „Плоскомъ“ до второго и даже до третьяго августа, если посѣвъ не будетъ конченъ, а Вальховцевъ уѣдетъ на Залѣсковскій сѣздъ 31-го іюля, то Таня, посовѣтовавшись съ Анной Васильевной, на другой-же день послала Валеріану эстафету о радостномъ согласіи отца. Обрадованный Вальховцевъ тотчасъ-же по закрытіи сѣзда помчался въ „Плоское“. Чтобы не возбудить какія-нибудь предположенія, онъ нарочно встрѣтился съ Михаиломъ Павловичемъ при гувернанткахъ и прислугѣ, сообщивъ, что привезъ ему отъ губернатора бумагу, по очень важному дѣлу, и что отъужинавъ онъ вернется въ К., такъ какъ завтра ему предстоитъ отъѣздъ въ „Залѣсовъ“. Кареловъ, какъ-бы для обсужденія присланной бумаги, ушелъ съ Валеріаномъ въ кабинетъ, гдѣ ожидала ихъ Таня. Взволнованный, со слезами на глазахъ, Михаилъ Павловичъ торопливо благословилъ жениха и невѣсту,

крѣпко обнялъ обоихъ и сейчасъ-же выпроводилъ изъ кабинета дочь. О будущемъ разговора не было; Кареловъ былъ до того потрясенъ, что нашелъ нужнымъ выйти на воздухъ, подъ предлогомъ осмотра работъ. Вальховцевъ вошелъ въ комнату Ефимьевой, гдѣ была и Таня, и тамъ ему подробно передали все, что произошло вчера и сегодня. Женихъ и не-вѣста были на верху счастья, благодарили Анну Васильевну—и добрая Ефимьева, съ искреннею радостью, глядѣла на счастливецъ. Наконецъ она не вытерпѣла и, скрывая повернувшіяся на глазахъ слезы, торопливо вышла изъ комнаты. Дверь затворилась—и Таня бросилась въ объятія Валеріана...

XXXVIII.

Константинъ Александровичъ, тепло и искренно, поздравилъ Вальховцева съ благополучнымъ исходомъ его заботъ: „Я ожидалъ этого“,—сказалъ Бронецкій:—Михаилъ Павлычъ слишкомъ любитъ свою дочь и слишкомъ уменъ, чтобы поступить иначе!“

— А когда посоветуете вы мнѣ, ваше превосходительство, подать въ отставку?

— Подождите... Когда вернетесь изъ уѣздовъ мы поговоримъ. Въ половинѣ этого мѣсяца должно состояться мое назначеніе. Городу это будетъ сейчасъ-же извѣстно; тогда и подадите. По крайней мѣрѣ у васъ будетъ предлогъ для подачи: желаніе жить въ Петербургѣ и выжидать хорошее мѣсто... Скажите также, что я обѣщалъ вамъ помочь...—Усадьбу за собой оставите?

— Какъ не жаль, а придется продать: гдѣ-же управлять ею изъ Петербурга!

— Конечно. Да наконецъ, въ теперешнее время, гораздо покойнѣе имѣть капиталъ и жить процентами его.—А у васъ есть въ виду покупатель?

— Есть: незнаю какъ сойдемся...

— Не секретъ: кто?

— Для васъ конечно не секретъ: Ветлужскій.

— Вліяніе Зинаиды Александровны! улыбнулся губернаторъ:—Она такъ восхищалась „Янкинымъ“ въ прошломъ году! Н-ну, *jè vous félicite* ¹⁾: молодая княгиня поставитъ на

¹⁾ Я васъ поздравляю.

своемъ—не торопитесь!—Татьяна Михайловна на небесахъ?.. Рѣдкая дѣвушка! Цѣните ее, Валерьянъ Николаичъ!.. Еще разъ поздравляю васъ! (онъ протянулъ ему руку). Живите счастливо, живите долго!

— Не оставьте насъ, Константинъ Александрычъ: въ Петербургѣ вы одни, на кого мы надѣмся!

— И не ошибетесь: я познакомлю васъ со многими нужными людьми, а также и съ моими уланами. Вѣроятно вы сойдетесь: у васъ много общаго съ ними.

— А какъ посоветуете мнѣ, ваше превосходительство...

— Остановлю васъ, усмѣхнулся Бронекій:—вы только что назвали меня по имени—это мнѣ понравилось, потому что шло изъ сердца... Продолжайте, а титулъ оставьте для служебныхъ сношеній.

Вальховцевъ всталъ и поклонился.

— Если что-нибудь случится важное—я 14-го числа пошлю вамъ въ „Плоское“ эстафету.

— Не знаю какъ и благодарить васъ, Константинъ Александрычъ!

— А вотъ чѣмъ поблагодарите: передайте вашей не-вѣстѣ мой сердечный привѣтъ и поздравленіе.—Совѣтую продажу „Янкина“ пока держать подъ спудомъ, до подачи прошенія объ отставкѣ, но секретно работать... До свиданія!

— Ваше превосходительство, размѣялся Валеріанъ,—а можно мнѣ привезти вамъ „Василія Жукова“, сколько у меня найдется? Ужъ вамъ не бывать въ „Янкинѣ“!

— А вотъ и нѣтъ! весело возразилъ губернаторъ;—„Василія Жукова“ вы привезите—спасибо вамъ, а въ „Янкино“ меня, на разставаніи, пригласите: я—вѣдь послѣ назначенія недѣли двѣ пробуду здѣсь.

— Какой вы добрый! сорвалось у Вальховцева.—Съ большою радостію я повторяю прошлогодній обѣдъ въ „Янкинѣ“!

Молодой человѣкъ откланялся.

Дома Андрей доложилъ ему, что заходилъ Молчановъ и просилъ Валеріана заѣхать къ нему въ палату, по очень важному дѣлу. Переодѣвшись въ дорожное платье и приказавъ приготовить все къ отѣзду въ „Янкино“, Вальховцевъ отправился въ палату.

— Опять получилъ я сегодня письмо, но уже отъ Зи-

наиды Александровны, встрѣтилъ кузена Молчановъ: — просить узнать, какая будетъ цѣна „Янкину“, если оно будетъ продаваться?

— Отвѣтъ, Алеша, что если я продамъ „Янкино“ — то не иначе какъ съ движимостію, конечно за исключеніемъ портретовъ, Ветлужскимъ ненужныхъ, моихъ личныхъ вещей, части посуды, столоваго бѣлья и библіотеки. Подробную опись имѣнія и хозяйственный планъ я пришлю тебѣ по пріѣздѣ изъ уѣздовъ; теперь же могу сообщить тебѣ, что земли подъ усадьбой 700 съ чѣмъ-то десятинъ, въ одной межѣ; изъ нихъ лѣсу: строевого, сосноваго сто шесть десятинъ, отъ семи до десяти вершковъ въ отрубѣ, и сорокъ десятинъ дровяного. Сѣвооборотъ — пятипольный. Коровъ простыхъ, дойныхъ сто, кромѣ быковъ и телятъ, кровныхъ холмогорокъ пять, телокъ смѣшанной породы — четыре. Лошадей упряжныхъ пять, рабочихъ восемь. Цѣна — семьдесятъ тысячъ; доходъ нынѣшняго года представляю покупателю за двѣ тысячи, — итого семьдесятъ двѣ тысячи рублей. Торговаться не буду — такъ и знай! Не купишь Ветлужскій — бѣда не велика: въ Петербургѣ найдутся покупатели, а пока они найдутся — у меня есть вѣрный человѣкъ, который возьметъ „Янкино“ въ аренду: съ нимъ мы столкнемся.

— Да почему ты имѣешь въ виду продажу Янкина?

— Это пока секретъ; но тебѣ скажу: по зрѣломъ размышленіи, здѣсь карьеры я не сдѣлаю, особенно если Бронекій, какъ говорятъ, уйдетъ изъ К. Теперь въ Петербургѣ у меня есть знакомства, связи, старые сослуживцы, а пройдетъ пять-десять лѣтъ — всѣ эти отношенія не только ослабнутъ — но и совсѣмъ порвутся. Петербургъ — городъ холодный, забывчивый; на глазахъ ты — худо-ли хорошо — знакомство поддерживаютъ, ухалъ ты въ какую-нибудь трущобу — и связь въ трубу!

— Такъ ты пожалуй скоро покинешь насъ?

— Это зависитъ отъ переговоровъ съ Петербургомъ о кой-какихъ другихъ соображеніяхъ... Однако прощай, Алеша: пора ѣхать въ „Янкино“, а затѣмъ и въ Залѣсовъ.

Молчановъ проводилъ Вальховцева и, вернувшись въ кабинетъ, задумался: „Валерьянъ хотя и разошелся съ Зиной, но знакомства не порвалъ и весьма возможно, что по пріѣздѣ она снова приголубитъ его. Я слышалъ, что онъ

нѣсколько разъ былъ въ „Марфинѣ“ и даже въ отсутствіе Ветлужскаго. Надо, во что-бы то ни стало, поскорѣй спроводить Валерьяна въ Петербургъ, а для этого необходимо купить „Янкино“; тогда онъ о К. перестанетъ и думать! Съ отъѣздомъ его, Зину легче будетъ увлечь... Она не любитъ мужа: вышла за него ради титула и денегъ... да въ сущности, что въ немъ привлекательнаго: добрый малый недалекій—и только!—Какъ хорошо сдѣлали мы съ Петькой Ефимьевымъ, что разстроили начинавшійся романчикъ Зины съ моимъ кузеномъ! Зина теперь княгиня, денегъ много, мужемъ вертитъ какъ пѣшкой... Недостаетъ ей одного: любви и ея наслажденій... Постараемся заполнить этотъ пробѣлъ: можетъ и выгорить!“ улыбулся Алексѣй Александровичъ.— „Не апатичный-же Ветлужскій доставитъ ей ихъ! Зиночка—женщина молодая, пылкая, смѣлая и красоточка—первый сортъ!—Нѣтъ, надо поскорѣй выкурить отсюда Валерьяна: женщины капризны... а вдругъ она повернетъ на старая дрожжи?“—(Молчановъ молча прошелся по кабинету).— „А ловко-же я все время держу себя... никто и не подозрѣваетъ, что я жажду Зину! „Терпѣніе и трудъ—все перетрутъ!“ Потерпимъ еще, усмѣхнулся онъ,—за то какъ пріятна будетъ побѣда!.. Надо—вотъ, кромѣ псовой охоты, которую Михайло Янкинскій почти уже организовалъ, втянуть князька въ кутежъ; до женитьбы онъ не прочь былъ кутнуть! Петькѣ я ужъ это поручу: паренъ смышленный!.. Будетъ Анатолий оставлять Зину одну—скука скоро ее одолѣетъ; мужъ—простякъ, личность безсодержательная, да еще къ этому кутила и охотникъ—живо надоѣстъ! Ветлужскаго бояться нечего: такая умница, какъ Зина, и проведетъ его и выведетъ! Итакъ, садясь въ кресло, рѣшилъ Молчановъ:—выпишемъ сюда Ветлужскихъ, навяжемъ „Янкино“, кузена отправимъ въ Питеръ и „vogue la galère“! ¹⁾

XXXIX.

Вальховцевъ не прямо проѣхалъ въ „Янкино“: около трехъ часовъ онъ явился въ Кузнецово; хозяева встрѣтили его на крыльцѣ.

— Закусить прикажете? спросила Вѣра Александровна, обрадованная его посѣщеніемъ.

¹⁾ Была не была!

— Прежде всего, цѣлуя ея руку и здороваясь съ Рудневичемъ, отвѣтилъ Валеріанъ,— скажите: обѣдали вы или нѣтъ?

— Вотъ что значить такъ долго не побывать у насъ: забыли, что мы обѣдаемъ въ четыре часа, а теперь только три.

— Что у васъ къ обѣду?

— Борщъ, пирожки съ фаршемъ и цыплята.

— А можно добавить ботвинью?

— Да рыбы, къ сожалѣнію, нѣтъ.

— Ну, это ничего...

— Какъ ничего? перебилъ Рудневичъ.—Какая-же ботвинья безъ рыбы—бренда-хлыстъ какой-то!

Вальховцевъ молча сходилъ въ переднюю и принесъ оттуда корзинку.

— Это что? спросилъ Владиміръ Григорьевичъ.

— Тебя это не касается;—Вѣра Александровна, пожалуйста сюда (она подошла)... Вотъ осетрина, вареная и охлажденная, нарѣзанная ломтями—только подать, передалъ Валеріанъ увѣсистый кулекъ,—а это—орѣховый тортъ, который вы любите...

— Зачѣмъ тортъ? крикнулъ Рудневичъ.

— А это—„Редереръ“...

— Зачѣмъ „Редереръ?“ еще громче крикнулъ онъ.

— Придетъ время—объясню.

— Позволь однако... Вѣдь это обида пріѣзжать въ чужой домъ съ припасами!

— Во-первыхъ: домъ не чужой—сказано слишкомъ поспѣшно! размѣялся Вальховцевъ.—А во-вторыхъ я буду пить съ вами „кубокъ радости!“

— Часъ отъ часу не легче! Да скажи въ чемъ дѣло?

— „Всему свое время!“ сказалъ философъ-попугай, когда кошка тащила его за хвостъ изъ клѣтки, на сѣденіе.

— Глупо вѣдь мучить людей!

— Не людей, а любопытство ихъ. Ты не такъ выразился, замѣтилъ Валеріанъ, смѣясь.

— Вѣрочка, да что-же это будетъ? жаловался Рудневичъ.

— Валерьянъ Николаичъ, вы не влюбились-ли? улыбнулась хозяйка.—Впрочемъ мнѣ кажется, что вы черезчуръ разборчивы! подзадорила она его.

— А вотъ и ошиблись: я не только влюбленъ, но и женюсь... и очень скоро!

— На комъ? спросилъ Рудневичъ.

— На Таничкѣ Кареловой, которую такъ хвалила твоя супруга.

Хозяева обомлѣли.

— Похоже на послѣднюю картину изъ „Ревизора“! глядя на нихъ, расхохотался Вальховцевъ и тотчасъ-же передалъ все, что случилось съ нимъ за послѣднее время.

— А какъ-же на счетъ свадьбы? спросилъ Рудневичъ.

— Я рассчитываю на нѣкогого друга...

— Если на меня—то не ошибешься!

— Ну, господа, болтайте, а я позабочусь объ обѣдѣ.

Вѣра Александровна сложила все въ корзинку и намѣревалась поднять ее.

— Позвольте: припасы—мои и я ихъ снесу! подбѣжалъ Валеріанъ и понесъ за ней корзину.

— Ты гдѣ хочешь вѣнчаться?

— Тамъ-же гдѣ и ты.

— Вѣнчались мы около Царскаго села, въ деревнѣ.

— А шаферовъ гдѣ досталъ?

— Слава Богу! знакомыхъ и товарищей у меня было довольно.

— И насъ устроишь?

— Не велика хитрость!

— И съ нами на недѣлку и въ Питеръ съѣдешь?

— Съѣзжу; еслибъ не поѣхалъ—Вѣра Александровна меня-бы прогнала!—А бумаги у Татьяны Михайловны въ порядкѣ?

— Всѣ на лицо.

— Ты конечно теперь-же подашь въ отставку?

— Когда губернаторъ увѣдомитъ меня о своемъ назначеніи;—и Вальховцевъ сообщилъ Владиміру Григорьевичу свой разговоръ съ Бронецкимъ.

— Рѣдкая личность! Жаль, что такой добрый и умный человѣкъ покидаетъ насъ! А невѣста, какъ поѣдетъ въ Питеръ.

— Она, хотя и распустилъ слухъ, что ѣдетъ въ Москву показаться, послѣ недавней болѣзни, знаменитому врачу, но на самомъ дѣлѣ махнетъ въ Петербургъ, съ кузиной Ефимьевой, которая живетъ у нихъ въ „Плоскомъ“.

— Ты поѣдешь раньше?

— Да; но когда все это устроится,—зависитъ отъ продажи „Янкина“; Молчановъ что-то очень хлопочетъ о скорѣйшей покупкѣ усадьбы!

— Ты какую цѣну назначилъ?

— Семьдесятъ тысячъ за усадьбу со всею движимостію и двѣ тысячи за нынѣшній урожай.

— Стоить... Имѣніе хотъ куда и хорошо содержится.

— Такъ поможешь?

— Ну еще спроси! Сказаль—такъ ужъ сдѣлаю.

Они облобызались.

— Я, Валеринка, никогда не забуду какъ, въ мою тяжелую жизнь въ Кузнецовѣ, ты устроилъ меня—никогда!.. Да развѣ можно, послѣ этого, не помочь тебѣ въ такую важную минуту!

— Конечно нельзя: это было-бы просто жестоко! горячо добавила вошедшая Вѣра Александровна.

— Ну, такъ значитъ выпьемъ „кубокъ радости“! цѣлуя ея руку, весело вскричалъ Вальховцевъ.

— Ура! подкрѣпилъ Рудневичъ.

— И не обидно тебѣ, что на столѣ будетъ моя осетрина, мой тортъ, мое шампанское?

— Нѣтъ... А горько... Только что сошлись и сошлись крѣпко—и вдругъ разлука!

— Полно, Володя: не смѣшивай радость съ горемъ! остановила его хозяйка.

— Гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ сойдутся! Мы каждый годъ, если Богъ велитъ, будемъ посѣщать К. на мѣсяцъ, на два... Пока Бронецкій живъ—мнѣ лафа будетъ! Я познакомлюсь съ его сыновьями—уланами—онъ очень хвалитъ ихъ, и будемъ ѣздить къ старику.

— Какое мѣсто онъ получаетъ?

— Члена совѣта министра.

— Мѣсто хорошее, вѣчное. И работы немного... Да, онъ можетъ быть тебѣ полезенъ... И вдругъ, Вѣрочка, лѣтъ черезъ пять, Валерьянъ Николаичъ пожалуетъ въ К. вице-губернаторомъ!

— Что больно рано? разсмѣялся Вальховцевъ.

— Да тебѣ сколько лѣтъ тогда будетъ?

— Тридцать три года; молокососомъ назовутъ!

— Никто какъ Богъ и... протекція!

— Вѣра Александровна! Васѣ-бы въ Питерѣ переселить: какъ-бы вы сошлись съ Таничкой!

— Володя не любитъ Петербургъ.

— Да не все-же сидѣть въ Кузнецовѣ!

— Ну, будетъ, господа! Пойдемъ Валерьянъ, закусимъ И они направились въ столовую.

XL.

Въ концѣ сада, невдалекѣ отъ большой дороги, подъ сиреновой клумбой, сидѣли на скамьѣ Таня и Ефимьева; разговоръ ихъ прекратился. Вечеръ былъ теплый и тихій. Солнце только что опустилось за отдаленные кусты. Оди! ночныя, молодые березки рѣзко выдѣлялись на ярко-золотистомъ фонѣ заката. Бѣловато-лиловая грядка легкихъ облаковъ, съ золотой каймой внизу, тихо плыла въ сторону большого лѣса... Выше, на блѣдно-желтомъ небѣ, горѣли снизу розоватымъ цвѣтомъ слои клочковатыхъ, болѣе густыхъ облаковъ, бѣлыхъ и сѣровато-синихъ... Еще нѣсколько минутъ—и заря погасла.

— Ждать нечего, сказала Анна Васильевна, повернувшись къ Танѣ,—да и странно, что ты ждешь его; сегодня еще только двѣнадцатое—ну къ ужину можетъ-быть и подъѣдетъ.

— Аня, милая, вѣдь я его почти двѣ недѣли не видала!

— Ахъ, матушка, выйдешь замужъ—наглядишься!—Вонъ, точно колокольчикъ.

Таня вскочила и стала прислушиваться.

— Кто-то ѣдетъ... на тройкѣ... Аня! Я побѣгу къ огороду...

— Ты съума сошла! удержала ее за рукавъ Ефимьева.—Ты забываешь, что должна держаться скрытно... Мало-ли кто ѣздитъ... Еще на знакомаго навернешься... Иди-ка на прежнее мѣсто; если это панъ—придетъ сюда и самъ!

— Ну такъ встанемъ, чтобы видѣли насъ съ дороги.

— Совершенный ребенокъ! передернула плечами Анна Васильевна.—Вставай пожалуй, если охота есть, только не вздумай бѣжать къ нему, постыдись ямщика!

Предчувствіе не обмануло Таню: вѣхалъ дѣйствительно

Вальховцевъ, который, завидя ее и Ефимьеву, выскочилъ изъ тарантаса и побѣжалъ къ нимъ.

— Ну, господинъ литераторъ, вы до слезъ довели будущаго тестя! вертась и торопясь, поздоровалась съ молодымъ человѣкомъ Анна Васильевна.

— Я написалъ дядѣ все, что чувствовалъ, безъ всякой литературы, и теперь скажу, что Михаилъ Павлычъ—рѣдкій отецъ и добрый человѣкъ!—Таничка, милая, здравствуй!—Анна Васильевна посмотрите: тамъ кто-то изъ дома вышелъ...

Ефимьева отвернулась, а Валеріанъ жадно поцѣловалъ дѣвушку.

— Могли-бы и безъ фокусовъ цѣловаться! фыркнула, смѣясь, Анна Васильевна.—Меня стыдиться нечего, а вотъ изъ дѣтской могли видѣть.

— Глупо, Таничка, разсмѣялся Вальховцевъ:—надо было за кустъ зайти!—А когда дядя говорилъ вамъ это?

— На прошлой недѣлѣ; онъ тогда пробылъ здѣсь двое сутокъ. Вы ему изъ „Залѣсова“ писали?

— Да.

— Хотя я можетъ-быть и согрѣшилъ, говорилъ онъ мнѣ, — благословивъ ихъ на бракъ, непризнаваемый церковью, но эта парочка такъ любя мнѣ, что я не могъ имъ отказать!

Таня заплакала.

— Слезы твои—хорошія, нѣжно обняла ее Ефимьева, — но плакать нечего: радуйся, что у тебя такой отецъ и молись за него!—Ну, пойдемте домой,—темнѣетъ. Сегодня пораньше отъужинаемъ: панъ должно быть голоденъ!

— Я совсѣмъ не обѣдалъ, улыбнулся Валеріанъ:—засѣданіе кончили поздно и я поторопился сюда.

— Похвально! одобрила Ефимьева.—Сейчасъ закусите, а къ ужину будутъ у насъ раки, изъ знаменитой „Красивой рѣки“, большіе, нѣжные... Только часа три прошло какъ принесли ихъ.

— Сюрпризъ пріятный! Вы, Анна Васильевна, прикажите сварить побольше: я одинъ съѣмъ штукъ пятьдесятъ!

— Хотя сто! Хватить на всѣхъ... Три сотни я купила.

— Почему?

— Какъ обыкновенно: крупные—сорокъ копѣекъ, по-

меньше—тридцать, сотня. Сегодняшніе—все крупные.—А еще что сдѣлать?

— Что до меня касается, кромѣ раковъ, мнѣ ничего не надо.

— А тебѣ, Таня?

— И мнѣ тоже... Впрочемъ велика, Аня, сдѣлать кофейную яичницу въ чашкахъ: Валя любитъ...

— Да вотъ еще что, панъ: хотите бѣленькаго? У насъ есть „совиньонъ“ и „шато-икемъ“.

— Пожалуй, если вы пригубнете.

— Пригубнемъ немножко... Такъ которую принести бутылку—намъ-то все равно какую.

— Тогда уже „Икемъ“ и пожалуста не теплую...

— Слушаю... это мы знаемъ! и Ефимьева пошла распоряжаться, а Таня съ Вальховцевымъ повернули въ дѣтскую, посидѣть съ дѣтьми и гувернантками.

Когда возвратилась Анна Васильевна и молодые люди послѣдовали за ней въ ея комнату, разговоръ завязался о приготовленіяхъ къ свадьбѣ.

— Третьяго дня, дядя былъ у насъ и сообщилъ мнѣ, что губернаторъ ждетъ съ часу на часъ извѣстія о своемъ назначеніи; значитъ тогда и вы подадите въ отставку? спросила Ефимьева.

— Да; а когда получу свѣдѣнія о Ветлужскихъ и мы поладимъ—стану отбирать и укладывать свои вещи и то, что я возьму изъ янкинскаго дома; кстати: скажи мнѣ, Танюшка, что желала-бы ты сохранить изъ старинныхъ вещей.

— Подумаю и скажу потомъ... Теперь мнѣ жаль тебя, Валя: тяжело тебѣ разставаться съ „Янкинымъ“!

— Жаль конечно; но коли другого исхода нѣтъ поневолѣ рѣшишься! Да что „Янкино“: я-бы и не тѣмъ пожертвовалъ, чтобы только имѣть около себя такое сокровище какъ Таня Карелова!

— Милый! приласкалась она къ нему.

— А вы возьмете съ собой Андрея?

— И Андрея и Алексѣя—повара; а ты, Таня, —Катю?

— Еще бы! Да я безъ нея пропаду!

— Ой, батюшки: ужъ и пропаду! всплеснула руками Анна Васильевна.—Какъ-же мы поѣдемъ?

— Вы—вдвоемъ и съ Катей, когда я напишу; рас-

пустите слухъ, что повезли Таню въ Москву, показать знаменитому доктору, такъ какъ послѣ воспаленія легкихъ у Тани проявляются какіе-то подозрительные симптомы, а сами повернете въ Петербургъ... Я-же поѣду съ Рудневичемъ и Андреемъ, а Алексѣй отправится съ вещами. Мы остановимся въ * * * гостиницѣ и тамъ-же приготовимъ номера и вамъ. Къ вашему пріѣзду квартира будетъ уже нанята и меблирована. Свадьбу устроить Рудневичъ около Царскаго села, въ сельскомъ приходѣ, гдѣ онъ и самъ вѣнчался.

— А шаферовъ откуда наберетъ? спросила Таня.

— Найдеть! Да ихъ и всего-то надо три.

Помолчали.

— Въ послѣдній разъ, когда дядя здѣсь былъ, подумавъ начала Ефимьева,—онъ много говорилъ со мной... Пожалуста, Валерьянъ Николаичъ и ты Таня, не выдайте меня: онъ все по секрету мнѣ сообщилъ.

— Да полно, Аня, что мы болтуны что-ли? перебила ее дѣвушка.

— То-то... пожалуста... Онъ велѣлъ мнѣ собрать исподволь все лучшее изъ бѣлья и одежды—прочее-же прислать въ Петербургъ потомъ, послѣ свадьбы... Твои двадцать тысячъ, Таня, дядя переведетъ въ Петербургъ на твое имя и прибавитъ еще двадцать тысячъ отъ себя; а все остальное, что останется послѣ его смерти, по завѣщанію будетъ раздѣлено на три равныя части: твою и дѣвочекъ. Изъ твоей части вычтутъ двадцать тысячъ, которыя онъ теперь тебѣ дастъ...

— Милый папа! прослезилась Таня.

— Опять? остановилась Анна Васильевна.

— Я заступаюсь за нее: это доказываетъ только, что у нея доброе, благодарное сердце, что она сильно любитъ отца! замѣтилъ Вальховцевъ.

— А вы думаете, что я это не понимаю? слегка обидѣлась Ефимьева.—Но вѣдь она сколько ужъ разъ плакала... и безъ васъ... Надо поберечь свои нервы, сдерживаться... Ну полно, милочка! поцѣловала она дѣвушку.

Вошла Катя, съ пакетомъ въ рукѣ.

— Не мнѣ-ли? спросилъ Валеріанъ.

— Вамъ, эстафета отъ губернатора.

Вальховцевъ сорвалъ печать, прочелъ и, подавъ Катѣ полтинникъ, сказалъ:

— Роспишись въ книгѣ и дай на чай ямщику.

— Ну что? полюбопытствовала Таня.

— Бронецкій назначенъ членомъ совѣта министра и ждетъ меня; завтра вечеромъ надо ѣхать.

— И послѣзавтра подадите въ отставку? спросила Ефимьева.

— Да; вотъ нагрязнуть на меня тетушки и дядюшки! разсмѣялся Валеріанъ.—И за то что въ Петербургъ перехожу, и за продажу „Янкина“... А я сообщу имъ еще, что, кромѣ службы, желаю заняться литературой и постараюсь познакомиться со всѣмъ художественнымъ міромъ и его свѣтилами...

— Ну и давай вамъ Богъ успѣхъ во всемъ, а теперь пойдемте уничтожать раковъ и пить бѣлое вино! весело пригласила Анна Васильевна.

ХЛІ.

Михаилъ Павловичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, когда курьеръ доложилъ ему о пріѣздѣ Вальховцева; онъ велѣлъ его принять.

— Ты когда пріѣхалъ? ласково обнялъ Кареловъ племянника.

— Вчера поздно вечеромъ, отвѣтилъ онъ, садясь.

— У губернатора былъ? глядя на его вицъ-мундиръ, спросилъ Михаилъ Павловичъ.

— Да; вчера я получилъ въ „Плоскомъ“ отъ него эстафету, что онъ назначенъ.

— Какая любезность! Онъ много поможетъ тебѣ, Валеринька, въ Петербургѣ!

— Надѣюсь, дядя: это—человѣкъ, которому можно вѣрить: дай только Богъ ему здоровья!

— Все благополучно въ „Плоскомъ“? Анята ничего не сообщала тебѣ о нашемъ разговорѣ?

— Всѣ здоровы и цѣлуютъ васъ. Анна Васильевна порадовала меня тѣмъ, что вы остались довольны моимъ письмомъ.

— Этого мало, перебилъ его Кареловъ:—я никогда не получалъ такого прочувственного письма какъ твое! Миѣ,

какъ отцу, отрадно было узнать, до чего сильна твоя любовь къ Танѣ... Тонъ твоего письма не походилъ на тѣ увѣренія, которыя обыкновенно пишутся въ подобныхъ случаяхъ: я сразу понялъ, что слова твои, Валеринька, не были тщательно обдуманы, дѣланы и передѣланы, а прямо вырвались изъ сердца, подѣ вліяніемъ охватившаго тебя счастья! Спасибо тебѣ еще разъ, дорогой другъ, за письмо и за любовь твою къ моей дочери!

Они обнялись, оба взволнованные, удерживая слезы...

— Подаль въ отставку? послѣ паузы, спросилъ Михайль Павловичъ.

— Да; завтра она будетъ отправлена.

— Анюта ничего тебѣ больше не говорила?

— Спрашивала, какъ думаю я устроить свадьбу, гдѣ найду шаферовъ и прочее, а больше ничего.

— Ну сообщи свой планъ.

Валеріанъ передалъ.

— Спасибо Рудневичу, что взялся тебѣ помочь: и тебѣ легче и къ дѣлу скорѣе.

— А вы, дядя, имѣете что-либо измѣнить въ моемъ планѣ?

— Ничего; все по моему прекрасно обдумано; одного мнѣ хочется: повидать васъ хоть черезъ полгода! Самъ-бы пріѣхалъ, да боюсь домъ оставить, да и новый губернаторъ, Богъ его знаетъ, каковъ еще будетъ!

— На мѣсяць-то отпустить!

— Какой тамъ мѣсяць—на двѣ недѣли-бы отпустилъ!

- А каково-бы намъ пріѣхать?

— Конечно ничего... Ольги Никольцевой опасаюсь: сплетница она, Таню не любитъ и злится, что за дурака, ея брата, не пошла! Правда: сдѣлать она ничего не можетъ, но непріятны ея болтовня и разныя сплетни.

— Ну, дядя, какъ вы тамъ хотите, а на лѣто мы непременно поедуемъ въ „Плоское!“

— Очень будемъ рады!.. Да лѣтомъ и лучше. Только если ты на службу поступишь—дадутъ-ли тебѣ отпускъ?

— На мѣсяць-то дадутъ: Константинъ Александрычъ выхлопочетъ!—Дядя, не забудьте говорить, что кромѣ желанія служить на виду, въ министерствѣ, подѣ протекціей

Бронецкаго, я еще стремлюсь быть писателемъ и перепознакомлюсь со всѣми свѣтилками поэзіи и прозы!

— Не забуду, будь покоенъ.

— Обѣды будутъ?

— Еще-бы! Пока намѣчены два: дворянскій и служащихъ; наша подписка завтра откроется. Обѣдъ будетъ съ дамами.

— И Таничка будетъ?

— Непремѣнно! Только прошу тебя быть отъ нее подалѣе! разсмѣялся Кареловъ.

— Успокойтесь: не промахнусь!

— Да я-вѣдь шутя!—А тебѣ не говорилъ губернаторъ, когда оставитъ онъ К.?

— Въ первыхъ числахъ сентября.

— Въ „Янкино“ сегодня поѣдешь?

— Хочу, часа въ четыре: надо кой-что отобрать, уложить въ ящики... А можно будетъ мнѣ, понемножку, ящики присылать къ вамъ сюда, на храненіе?

— Конечно можно: у меня здѣсь „сушило“¹⁾ большое, только ты такъ нарови, чтобы подводы пріѣзжали вечеромъ, когда потемнѣе. Впрочемъ домъ мой окруженъ садомъ: любопытные сосѣди ничего не увидятъ!—Валеринька! А на какую должность прочить тебя Вронецкій?

— Или чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ или въ „Земскій отдѣлъ“.

— А тебѣ что больше нравится?

— Конечно первое: ближе къ министру, да и мѣсто видное... Со сѣздами и крестьянскимъ дѣломъ теперь я, слава Богу, хорошо познакомился.—А вдругъ, дядя, меня въ К. пошлютъ? Хорошо-бы было!

— Чего лучше! Ты тогда толкни Константина Александрыча, чтобы тебя послали въ К.

— Однако до свиданія, дядя! Дня черезъ три-четыре заѣду въ городъ.

— Можетъ-быть и Таничку навѣстишь? улыбнулся Кареловъ.

— Подъ видомъ охоты на дупелей—непремѣнно!

— Не забудь, Валеринька, образа упаковать...

— Не только образа,—я и Евангеліе, псалтырь и все,

¹⁾ „Сушило“—мѣсто для храненія громоздкихъ вещей.

что служило для домашняго богослуженія, увезу: вѣдь всему этому болѣе двухсотъ лѣтъ!

Переодѣвшись по дорожному Вальховцевъ отправился пѣшкомъ въ „Парижъ“ завтракать. Недалеко отъ гостиницы, онъ встрѣтилъ Петра Семеновича, который, завидя племянника, крикнулъ извозчику: „Стой!“—Валеріанъ, ты куда?

— Въ „Парижъ“, пытаюсь! подошелъ молодой человѣкъ.

— Vous avez donné votre démission? ¹⁾

какъ-то испуганно спросилъ генералъ, поздоровавшись.

— Oui, mon oncle ²⁾.

— Садись ко мнѣ и поѣдемъ въ „Парижъ“: я тоже перекушу.

Они молча доѣхали до гостиницы.

— Скажи пожалуйста, когда они вошли въ номеръ и, заказавъ завтракъ, остались одни,—отчего ты такъ скоропалительно подалъ въ отставку? Когда, часъ тому назадъ, мнѣ объявилъ объ этомъ Бронецкій—я вѣрить не хотѣлъ!

— Сидя здѣсь, дядя, я не дождусь ничего: буду тянуть лямку члена отъ правительства и только! Да еще какой губернаторъ смѣнитъ Константина Александрыча... Онъ общалъ мнѣ походатайствовать за меня и опредѣлить или чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ или въ „Земскій отдѣлъ“. Кромѣ того, мнѣ необходимо жить въ Петербургѣ по моимъ литературнымъ дѣламъ.

— Ну вотъ! Работать какъ волъ и получать гроши! А сколько неприятностей и оскорбленій!

— Гдѣ ихъ нѣтъ? Развѣ на службѣ, какой-бы то ни было, можно быть гарантированнымъ отъ нихъ?

— А „Янкино“-то какъ-же... забросишь? перебилъ племянника генералъ.

— Я продамъ его.

— Что-о? Родовое имѣніе, красу К-ской губерніи? Впрочемъ я утѣшаюсь тѣмъ, что покупателя на него ты не скоро найдешь: продавцевъ много, а о покупателяхъ я что-то не слышалъ!

Вошелъ лакей, накрылъ на столъ и спросилъ о закускѣ.

— Паюсную икру и раковыя шейки... ну, конечно водка.

¹⁾ Ты подалъ въ отставку?

²⁾ Да, дядя

отвѣтилъ генераль и обратился къ Валеріану:—Все это прекрасно, но зачѣмъ выходить въ отставку? Развѣ нельзя взять отпускъ и во время отпуска хлопотать?.. Non, cher ami, il y a du louche la dedans ¹⁾!

— Вы меня, дядя, въ чемъ то подозрѣваете—удивляюсь! улыбнулся молодой человѣкъ.—Да неужели я не могу съѣздить за границу, временно предаться писательству, наконецъ, просто отдохнуть? Отпуска болѣе мѣсяца мнѣ не дадутъ: время горячее, а я всего полтора года на гражданской службѣ.

Ну, да это твое дѣло, ты не новичекъ... Жаль мнѣ только разставаться съ тобой: ты и мнѣ и женѣ моей по сердцу пришелся! Заѣдешь сегодня къ намъ?

— Заѣду. Благодарю васъ, дядя, за добрыя слова... Я съ самаго пріѣзда моего сюда привыкъ считать вашъ домъ истинно роднымъ и никогда не забуду вашей доброты, вашей ласки!

Они обнялись и Петръ Семеновичъ приказалъ подать бутылку шампанскаго.

Помолчали, потомъ поговорили о предполагаемомъ чествованіи Бронцакаго, о томъ, кто будетъ распорядителями обѣдовъ.

— Дворянскимъ будутъ вѣроятно распоряжаться князь Комельскій и я, а служебнымъ—не знаю...—Ну, въ добрый часъ! чокнулся генераль съ племянникомъ.—Отъ души желаю тебѣ успѣха!—А знаешь, что я скажу тебѣ, Валеринька, послѣ паузы, подмигнувъ Петръ Семеновичъ,—какая мнѣ мысль пришла...

Вальховцевъ вопросительно взглянулъ на него.

... не отъ Зиночки-ли ты улепетываешь?

Молодой человѣкъ разсмѣялся.

— Не смѣйся: въ городѣ о васъ давно трубятъ, съ самой свадьбы... Злые языки даже пророчествуютъ... ну да не стану распространяться!

Они допили шампанское и разстались.

XLII.

По пріѣздѣ въ „Янкино“, Валеріанъ тотчасъ-же послалъ за столяромъ Вѣтровымъ, бывшимъ дворовымъ, и поручилъ

¹⁾ Нѣтъ, милый другъ, тутъ что-то нечисто!

ему сиѣшную работу ящиковъ для перевозки изъ усадьбы въ Петербургъ нѣкоторыхъ вещей. Матеріаль для этого нашелся дома. Вѣтровъ явился и немедленно принялся за дѣло. Удивленной дворнѣ было объявлено, что баринъ ѣдетъ на службу въ столицу, но по лѣтамъ будетъ наѣзжать въ „Янкино“, чтобы слѣдить за сельскими работами и веденіемъ прихода-расходныхъ книгъ. Алексѣй былъ предупрежденъ, что поѣдетъ въ Петербургъ съ ящиками, а Андрей съ бариномъ.

Прошло нѣсколько дней. Вальховцевъ уложилъ почти все изъ громоздкаго; мелкія вещи должны были ѣхать съ нимъ. Онъ нашелъ время не только побывать у дядей, но и поохотиться. Тяжело было Валеріану покидать усадьбу, которую онъ любилъ, лелѣялъ, которую хотѣлъ сдѣлать образцовой. Хорошо жилось ему въ „Янкинѣ“, радушно приняло его К—ое общество, улыбнулась ему служба. Что ждетъ его въ Петербургѣ, въ холодномъ, эгоистичномъ Петербургѣ? Ему предстоитъ новая служба, ничего общаго съ военной не имѣющая, безъ товарищескаго кружка, одинокая... Ни родныхъ, ни близкихъ... Страшно подумать!

И вдругъ, изъ затуманенныхъ мыслей, тихо поднялся передъ нимъ образъ Тани, плѣнительный, кроткій, сіяющій любовью, съ улыбкой протягивающій ему руку и какъ будто говорящій: „Я—твоя... на вѣки твоя!“

Разсѣялись охватившія его мысли, какъ легкій пролетѣвшій дымъ и вмигъ потянуло молодого человѣка въ тихое „Плоское“, къ завѣтной скамейкѣ подъ сиреневымъ кустомъ, въ трепещущія объятія милой, ненаглядной дѣвушки!

Скучно Вальховцеву: онъ вдругъ отшатнулся отъ всего, что прежде такъ занимало его, такъ беспокоило. Онъ не стремился ни въ поля, ни къ своимъ любимымъ холмогоркамъ, ни въ огородъ и оранжереи—точно гостилъ въ чужой усадьбѣ и не сегодня-завтра долженъ ее покинуть... Онъ, всегда подвижной, всегда занятой не знаетъ чѣмъ заняться, какъ время убить!.. Ничто въ „Янкинѣ“ его уже не интересуетъ, ничто его не призываетъ!.. Скучно!.. И желаніе поскорѣй оторваться отъ того, что онъ такъ любилъ—все рстетъ и рстетъ!

„Скоро объѣдать... хоть-бы поскорѣе!“ думаетъ Валеріанъ, ходя по кабинету.—„Сѣѣзжу на „Черную заводь“—тамъ навѣрно хорошая вывалка дупелей; похожу до восьми

часовъ, а тамъ—ужинъ... и спать! Завтра навѣщу Алек-сандра Семеныча и Рудневича, а послѣ-завтра утромъ въ городъ!—Гдѣ тѣ дни“, вздохнулъ молодой человѣкъ, „когда у меня времени не доставало на заботы о „Янкинѣ“, когда я жертвовалъ даже охотой, чтобы послѣдить за полевыми работами!“

За спиной Вальховцева послышался слабый, знакомый „крякъ“ и, обернувшись, онъ увидѣлъ въ дверяхъ Михайла Ѳедорыча.

— Что скажешь, старичокъ, ласково спросилъ Валеріанъ, остановясь.

Крякнулъ снова старикъ и, точно сконфуженный, переминаясь съ ноги на ногу, спросилъ:

— А вы, батюшка, въ Питеръ изволите отъѣзжать?

— Да, Михайло Ѳедорычъ,—тамъ мнѣ другую службу предлагаютъ, получше...

— Такъ-съ, опустилъ онъ голову:—значить мнѣ ужъ васъ больше не увидать! и голосъ его задрожалъ.—А думалось мнѣ: на порошу съ вами съѣдимъ, послужу я вамъ по силѣ-возможности! Ну, что дѣлать—воля Божія! А только невесело помирать, не видя своего барина!.. Всю-то жизнь провелъ я: сначала у дѣдушки вашего, потомъ у папашин: добрые господа были, царство имъ небесное!.. Думалъ: Господь приведетъ и вамъ послужу... Вѣдь васъ, маленькаго, я на „закукоркахъ“¹⁾ носилъ, домики вамъ изъ карточекъ строилъ, на святой Пасхѣ вмѣстѣ, по жолобку, красныя яички катали... Позвольте, Валерьянъ Николаичъ, мнѣ вашу ручку поцѣловать: не долго уже мнѣ видать васъ!

И старикъ, прежде чѣмъ отвѣтилъ Вальховцевъ, бросился къ его рукѣ и, со слезами на глазахъ, прильнулъ къ ней.

— Михайло Ѳедорычъ, голубчикъ... оставь! взволновался молодой человѣкъ, стараясь отнять руку.

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ! Я хотя и холопъ, но сердце мое старое чувствуетъ, какъ любили меня мои господа! Оно у меня ноетъ, родной... Не видѣть уже мнѣ тебя, Валерьянъ Николаичъ: за семьдесятъ годковъ ужъ мнѣ перевалило!

Вальховцевъ обнялъ его и хотѣлъ поцѣловать, но ста-

¹⁾ На спинѣ.

рикъ вдругъ упалъ на колѣни и, рыдая, поклонился ему земно!

— Михайло Федорычъ, встань! силится поднять его, потрясенный молодой человекъ.—Хочешь я возьму тебя съ собою въ Петербургъ? Ты будешь буфетчикомъ, а Евгенія прачкой.

— Нѣтъ, Валерьянъ Николаичъ, поднявшись съ полу, махнулъ рукою старикъ,—прошла наша пора, не нараба-таемъ мы даже на прокормленіе, а въ Питерѣ все дорого... Благодаримъ за милость вашу, а только принять ее не могу: самъ понимаю, что мы только обузой вамъ будемъ!

— Ну, подумаемъ мы еще объ этомъ, не сейчасъ я уѣзжаю... Спасибо тебѣ, Михайло Федорычъ, за твою любовь и преданность отцу моему и мнѣ; пока я живъ, тебя и Евгению я не забуду!—Что это... точно колокольчикъ...

— И то... будто что колоколецъ... Изъ города надо полагать...

Старикъ ушелъ, а черезъ нѣсколько минутъ, въ переднюю вошелъ Молчановъ.

— Отъ дяди Петра заѣхалъ? поздоровался съ нимъ Вальховцевъ.

— Прямо изъ города. И выругалъ-же я тебя! снявъ пальто, направился Алексѣй Александровичъ въ кабинетъ.

— За что?

— Помилуй: пробылъ нѣсколько часовъ въ К. и не могъ навѣстить меня!

— Некогда было: утромъ—посѣщалъ губернатора. потомъ Карелова, позавтракалъ съ дядей Петромъ и затѣмъ поспѣшилъ сюда.

— Да вѣдь ты знаешь, что о продажѣ „Инкина“ я написалъ Ветлужскимъ?

— Что-жъ изъ этого? сядя за письменный столъ, спросилъ Валеріанъ.

— А то что надо-же кончать дѣло!

— Когда-нибудь кончимъ... Вѣдь князя нѣтъ...

— Онъ вѣроятно поручитъ мнѣ...

— Пусть поручаетъ: мнѣ рѣшительно все равно съ кѣмъ имѣть дѣло: съ нимъ или съ тобой.

— Да ты пожалуй, послѣ проводовъ Бронцакаго, въ Питеръ улизнешь?

— Улизну! разсмѣлся Вальховцевъ;—здѣсь мнѣ больше дѣлать нечего; не продамъ „Янкино“—въ аренду отдамъ. Съ вами каши не сварю: не шьете, не порете!

Мудрено списываться со Швейцаріей: это не Москва и не Петербургъ! Ветлужскіе согласны на твою цѣну, но желаютъ, чтобы я осмотрѣлъ усадьбу подробно.

— Осматривай... Только прошу, чтобы о покупкѣ и разговора не было; дворня ничего объ этомъ не знаетъ и не должна знать до времени: вѣдь можетъ случиться и такъ, что я раздумаю продавать „Янкино“...

— Какъ? удивился Молчановъ.—Да почему-же?

— Всяко бываетъ... Иногда изъ-за пустяковъ расходятся...—А закусить хочешь? До обѣда еще цѣлый часъ.

— Такъ мы можемъ съѣздить съ тобой въ поля, въ лѣсъ, осмотрѣть скотъ... Собственно усадьбу и домъ я знаю до мелочей.

Поѣдемъ; только перекуси что-нибудь, пока закладываютъ лошадей.

— Пожалуй.

Валеріанъ позвонилъ и велѣлъ Андрею подать закуску, а кучеру заложить шарабанъ.

Обѣхавъ всю усадьбу и показавъ Молчанову, до мельчайшихъ подробностей, весь инвентарь и постройки, Вальховцевъ, вернувшись домой, раскрылъ для кузена всѣ сельскохозяйственныя книги. Алексѣй Александровичъ, перелиставъ ихъ, удивился до нельзя аккуратности, съ которою онѣ были ведены:

— Ну, Валерьянъ, это точно въ банкѣ; но не продержатся эти книги, въ теперешнемъ видѣ, далѣе для покупки „Янкина“; пойдутъ вранье, маранье и полнѣйшій хаосъ! Впрочемъ это ихъ дѣло... Жаль только, что такая благоустроенная усадьба—говорю это безъ лести, попадетъ въ невѣжественныя руки! Да вотъ еще что, улыбнулся Молчановъ,—у меня къ тебѣ просьба есть... Ты только не смѣйся: *c'est si bête!*¹⁾ Нѣтъ-ли какихъ-нибудь портретовъ, тебѣ ненужныхъ?

— Это зачѣмъ?

— У Анатоля нѣтъ ни одного праотца; это онъ находитъ неудобнымъ для „князя“... По его мнѣнію, надо не-

¹⁾ Это такъ глупо!

премѣнно имѣть въ гостиной старинной усадьбы портреты пращуровъ.

— Есть у меня въ сушильѣ два портрета: какого-то Екатерининскаго сенатора въ красномъ мундирѣ, недурной кисти, и напудренного худенькаго человѣчка въ зеленомъ кафтанѣ, съ жабо и съ разноцвѣтными пуговицами,—эти могу отдать. Да еще имѣется, порядочной величины, гипсовый бюстъ старика, въ старинномъ одѣяніи,—могу подарить и этого.

— Прекрасно! Сойдетъ за какогонибудь воеводу „большого полка“. Пусть украшаютъ гостиную.—А принадлежности псовой охоты существуютъ?

— Не тронуты; это уже у Михайла Федорыча спроси.

— Правда, что около „Янкина“ чудныя мѣста для охоты?

— Правда; когда отецъ держалъ псарню—нарочно изъ кустовъ и лѣсочковъ дѣлали „отъемы“ или „островки“. Рукаса много въ нашей сторонѣ: и лиса попадаетъ, а охотниковъ нѣтъ. Много и дичи...—А когда прѣдутъ Ветлужскіе.

— Въ первыхъ числахъ сентября: да ты о чемъ безпокоишься?

— По-неволѣ безпокоишься: мнѣ надо вмѣстѣ съ Бронцкимъ быть въ Петербургѣ.

— И безъ тебя все устроимъ, а задатокъ хоть сейчасъ преподнесемъ!

— Сколько?

— Десять, пятнадцать тысячъ.

— Ну, хорошо... А когда начнутся торжества?

— Дворянскій обѣдъ—25-го, а служащихъ 27-го, подписалось на дворянскій уже около девяноста человѣкъ!

— Съ дамами?

— Да; и еще подпишутся... Сотенка-то вѣроятно наберется...

Андрей возвѣстилъ, что кушать подано, и кузены прошли въ столовую.

XIII.

Блестяще прошли проводы бывшаго губернатора; обѣды: дворянскій и служащихъ, весьма многолюдные, отличались не столько разнообразіемъ блюдъ и тонкостію винъ, сколько задушевностію и добрыми пожеланіями отъѣзжающему виновнику прощальныхъ празднествъ. Много краткихъ, но

теплыхъ словъ сказано было на этихъ обѣдахъ и тронутый ими Константинъ Александровичъ насилу могъ проговорить въ отвѣтъ нѣсколько фразъ, да и то сквозь слезы.

Отъѣздъ Бронцаго изъ К. принадлежалъ также къ числу не совсѣмъ обыкновенныхъ: какъ ни хотѣлъ Константинъ Александровичъ выѣхать изъ города инкогнито—это оказалось невозможнымъ: заранѣ парадныя комнаты губернаторскаго дома были наполнены провожающими. Снова начались прощанія и пожеланія и разстроенный старикъ едва влѣзъ въ свою коляску. Еще нѣсколько напутствій—и ех-губернаторъ, конвоируемый нѣсколькими тройками, выѣхалъ изъ воротъ губернаторскаго двора.

Совершивъ съ Молчановымъ запродажную записъ и получивъ въ задатокъ двадцать тысячъ рублей, Вальховцевъ, вмѣстѣ съ Алексѣемъ Александровичемъ, въ послѣдній разъ навѣстилъ „Янкино“. Пріѣхали они вечеромъ и слачу усадьбы отложили до утра. Плохо спалось Валеріану: проснувшись рано и напившись чаю, онъ вышелъ въ садъ. Солнце стояло уже довольно высоко на бѣловато-голубомъ, чистомъ небѣ и его лучи мягко освѣщали еще зеленый, мѣстами вновь зацвѣтавшій краснымъ клеверомъ, лугъ, сверкая въ капляхъ невысохшей росы на травѣ и древесной листвѣ. Длинные полутѣни ложились отъ кустовъ и деревьевъ. Пожелтѣвшая и покраснѣвшая листва ихъ, еще не обсохшая, переливалась на солнцѣ разноцвѣтными бликами. Пригрѣвало. Едва замѣтный вѣтерокъ лѣниво шевелилъ вѣтвями, слабой зыбью пробѣгалъ по кустамъ. Вальховцевъ миновалъ огородъ и подошелъ къ пруду: яркое солнце отражалось свѣтлымъ пятномъ въ спокойной водѣ, мѣстами зацвѣтшей и покрытой облетѣвшими листьями. Отъ деревьевъ противоположнаго берега ложились на поверхность пруда переплетавшіяся тѣни, сквозь которыя отсвѣчивали въ водѣ бѣлые стволы березъ и темные конусы елей и пихтъ. Онъ обогнулъ прудъ и вошелъ въ широкую липовую аллею: буроватый листъ сплошь покрывалъ землю какъ ковромъ, на которомъ выдѣлялись свѣжіе, желтые листья липы, и красноватые—осины и черемухи; на косыхъ просвѣтахъ тѣней, озаренныхъ солнцемъ, сверкали золотомъ отдѣльные листья. Изъ аллеи Валеріанъ перешелъ на большую круглую прогалину

ницами; на прогалинѣ, небольшими кругами, стояли старинныя липы, сходясь своими верхушками. Онъ оглядѣлся и все показалось ему озареннымъ мягкимъ, полевымъ свѣтомъ. Лучи солнца освѣщали всю полянку, пронизывая поплащенные, прозрачные верхи липъ и стелясь ярко-желтыми полосами по облетѣвшей листвѣ: ему казалось, что онъ стоитъ подъ золотымъ куполомъ большой ротонды, попираетъ злототканый, пушистый коверъ...

„Прощай „Янкино“! Прощайте воспоминанія дѣтства, мечты, которыя я еще такъ недавно лелѣялъ!“ и, махнувъ рукой, съ какимъ то небывалымъ стѣсненіемъ въ груди, Ральховцевъ направился къ дому.

Сдавъ усадьбу Молчанову и простившись съ дворней, Валеріанъ позвалъ Михайла Федорыча въ кабинетъ и секретно подарилъ ему, на старость, сто рублей; затѣмъ проводилъ кузена и поѣхалъ въ Кузнецово, приказавъ Алексѣю завтра, собравъ все необходимое, переѣхать на городскую квартиру.

Съ Рудневичемъ Вальховцевъ условился на счетъ поѣздки въ Петербургъ и упросилъ Владиміра Григорьевича, по возвращеніи въ К., продать всю его движимость и сдать квартиру.—Къ вечеру, Валеріанъ вернулся въ городъ и тотчасъ-же навѣстилъ Карелова. Онъ засталъ его дома, занятого дѣлами. Рѣшено было что, по отъѣздѣ Вальховцева, Таня съ Ефимьевой и Катей отправятся, по полученіи письма Валеріана, въ Петербургъ и останутся въ гостиницѣ, которую онъ укажетъ. Послѣ вѣнчанія, Михаилу Павловичу будетъ отправлена условная телеграмма: „Банковое дѣло закончено“—„Соколовъ“.

XIV.

Прошло нѣсколько дней. Вальховцевъ уѣхалъ, за нимъ вскорѣ послѣдовали Таня съ Ефимьевой. Въ ожиданіи телеграммы, Кареловъ не выѣзжалъ изъ города. Онъ начиналъ уже беспокоиться... Наконецъ, поздно вечеромъ, ему принесли депешу: „Банковое дѣло закончено“. „Соколовъ“.

Михаилъ Павловичъ выслалъ разсылному полтинникъ и, уединясь въ спальнѣ, радостный, со слезами на глазахъ, упалъ передъ кіотомъ на колѣни, благодаря Бога!

Вологда. Мартъ, 1913 г.